всѣх кровію бѣсурманскою доволно окропленних палиты велѣло, трупи побитих впул снѣгом и кровію смѣшенних, и аки вали и могили по улицах и переулках Сѣчових змерзжшихся оставивши янчаров. Переночовавши зась, скоро стало на свѣт займатися, зараз по приказу кошового вдарено в котли на раду, в которую гди войско зійшлося, теди радилося що дѣяти з трупами побитих янчаров; на которой радѣ едни радили — повиволѣкавши з Сѣчи трупи оніе звичаем бѣсурманским попалити; а другіе мовили — оподал от Сѣчи на снѣденіе звѣрам и птахам поотволѣкати; третіе говорили — в землю позагрѣбати: четвертіе совѣтовали — в воду повкидати. З яких совѣтов три зганенно, а именно, еже погрѣбати в землю, много часу забавить, и нихто даром працовати и крѣпко умерзлои землѣ копати не похощет; другое, еже палити, много дров пришлоби потерати; третое, гди бы дано звѣрем на снѣденіе, теди тим звѣри розстервившися и живому войску могли бы вперед шкодити; а на четвертом совѣтѣ все войско перестало, еже трупи оних побитих янчаров виволокши з Сѣчи Днѣпровим отдати глубинам и бистринам. По якой радѣ, зараз килко сот человѣка на Днѣпр, для учинення полонок, виправлено, а иншим трупи, в купи змерзшіеся, роздѣляти и до виволоченя готовати приказано: третим зас з конми и арканами готовим быты з ради общой повелено. А гдѣ о часѣ обѣдном козаки з Днѣпра дали знати кошовому и атаманѣ, же пять чили шесть полонок обширних на Днѣпрѣ уже учинили; теди зараз велено трупи оніе янчарскіе, в крвѣ своей истой угрязнувшіе и измерзшіеся силними морозами тогдашними, арканами чепляти, до стримен кулбачних привязовати, и преч з Сѣчи, по килконадцать, по двадцать и поболше, плитами и брилами виволѣкати и в полонок оставляти; а пѣхота, при полонках бывшая, оніе трупов янчарских змерзшіеся брили в полонки втаскивала и под люд вправовала; а же того дня всѣх трупов з Сѣчи не виволоченно, теди и на другій день до пори обѣдной в том дѣлѣ войско попрацовати мусѣло. Здобичи запорожцам з побитих янчарских трупов велмы мало що досталось кромѣ оружія: бо на побитих и измерзшихся трупах кафтани, кунтуши, кожухи, шарвари, шапки, пояси и чоботи, отнюд всѣ были в едной крвѣ бѣсурманской аки омоченны и в едну плиту измерзшіися, бы по едному трупу сокирою розрубувал и фанти здирал и если бы их кто похотѣл знимати и руки свои тим скверними, то развѣ з него шматками; яко-ж и оружіе опослѣднее (гди-ж первое оружіе зараз по доконченю бытвы еще з между трупов добре незмерзшихся повитягано) зъмежи них витяганно, трупи розрубуючи сокирами, а роги и шабелтаси тож коло них обрѣзованно. Кгди прето всѣ групи оніе Днѣпровим глубинам отдано, теди все войско обще кинувшися, всѣ улицѣ и переулки в Сѣчи, крвѣ бѣсурманской полніе, поочищали, повискоблювали и за Сѣч з снѣгом повимѣтували, также стѣни курѣнніе и армати сѣчовіе, кровію велми помазанніе пообтѣсували и всю Сѣч совершенно от тоеи скверни очистили. А переночовавши, и рано утреню а по ней и службу божію рано-ж отправивши, к тому молебень благодарственій отпѣвши и води освященіе учинивши, пойшли всѣ священники тамошніи сѣчовіи со всѣм клиром церковним по всѣх улицах, куренях и переулках сѣчових, безпрестанно молитви от оскверненія читаючи и водою священною вездѣ окропляючи. По церемонѣи зас оной, от скверни очистительной, все войско в куренях своих, а инніи значнѣйшіи у Сѣрка атамана кошового, до самого вечера гуляло и подпивало, но уже тихо, без громов арматних и мушкетних.

В помененной Запорожской з турками бытвѣ и заверусѣ нощной забито и запорожцов пятьдесят человѣка, а ранено до осмидесять товариства; мертвих теди чесним и знаменитим погребеніем все войско, прежде янчарского похороненя, землѣ предавши, сорокоуст за всѣх общій священникам сѣчовим неотлагателно и непрестаемо, з награжденіем за труди тіи достойним, отправовати велѣло; а ранних целурикам сѣчовим, за награжденіе з скарбцу войскового им данное, лѣчити приказало. Султан турецкій дочувшися о пропалих его в Сѣчи Запорожской виборних янчарах, велми узлился на вейзера своего, же совѣтовал ему на запорожцов виправити тих янчаров; за що любо пощадѣл его голову, однак всѣ добра вейзѣрскіе до казни своей царской велѣвши забрати, самого его на вѣчную ссилку в Родос велѣл отпровадити. После того вибитя янчаров в Сѣчи запорожской, уже по всѣ часи не отважился турчин ни разу над Запорожцами и их кошем жадного найменшого чинити промислу ку их искорененію.

ЩОДЕННИК ЯКОВА МАРКОВИЧА [а]

Маркович Яків Андрійович (1696—1770), український письменник XVIII ст. — автор єдиного в своєму роді щоденника, який він вів протягом рівно половини століття (з 1717 і до 1767 рр.) на тодішній українській літературній мові з ознаками північно-українського діалекту *(сунь* зам. сіль, *принюс* і т. ін.).

Я. Маркович походив з української старшинської сім'ї, спорідненої з гетьманськими родами.

У 1720-х роках він був наказним лубенським полковником, а в 1740-х роках — генеральним підскарбієм. Учився в Києво-Могилянській академії під безпосереднім керівництвом ректора Феофана Прокоповича, з яким підтримував дружні стосунки майже все життя. Академію закінчив 1713 р. Писав вірші і промови слов'яно-українською, латинською і польською мовами. Мав власне велике зібрання книг, які ретельно читав. Був читачем таких книг давньої української літератури, як «Синопсис», приписуваний Іоакентію Гізелю, «Lutnia Apollinowa» Лазаря Барановича, «Alkoran Mahometów» Іоанікія Галятовського. З філософської літератури читав Декарта, Буддея, Бекона. Згодом засвоїв французьку мову і був читачем тодішньої західно-європейської газетної й журнальної преси, а також творів Фенелона, Роллена, Вольтера та ін.

У своєму визначному щоденнику Я. Маркович дав широку картину життя, побуту, економіки, класових відносин, загальнокультурних і літературних інтересів тодішньої козацької старшини.

Щоденник Я. Марковича виданий був спочатку в Москві 1859 р. онуком автора (незадовільно), потім О. М. Лазаревським в Києві в 3-х томах (К., 1893—1897) і В. Модзалевським у 1913 р. в Києві — Львові (IV-й том). Повністю ця дорогоцінна пам'ятка досі ще не опублікована.

а Цей підрозділ (вступна стаття і уривки з щоденника Якова Марковича) підготував член-кореспондент АН УРСР, доктор філологічних наук, професор П. М. Попов спеціально для цього, 3-го видання «Хрестоматії».

ТЕКСТИ З ЩОДЕННИКА Я. МАРКОВИЧА

1725 г.[а]

I.

1. июнь.

Отехавши от п. п. Миклашевских, заехали до прилучан п. п. Федора Горленка и прочіих, где книжку писанную лѣтописную о козаках взялисмо для прочитання. Гасло било у нас Марія. З обозу Гамалѣев визивали их козаки наших на вкулачки, и когда наши вийшли бытись с ними, то при наших побѣда осталася и заледво розогнать возмогли оних от того бою.

Книжку тую, позиченную лѣтопись, читаючи начиталисмо:

1, что козаки от рѣчки прозиваемой Козара назвались, первей козарами, а потом, з временем, прозвани козаками. 2, князи их козарстій обладали кіевскою и другими странами, а взимали дань от двора, по бѣлковой шкурѣ, а от плуга по шелягу. 3, Гедим[б], вел. князь литовскій, подбил под свою область Кіев и другіе сторони и намѣстником там своим оставил князя Голшанского. 4, 1471 року, Казѣмир четвертій, король полскій, княженіе кіевское на воеводство перемѣнил. 5, 1516 року, за Жигмунта первого, короля полского, всѣ жители малороссійскіе стали козаками зватись.

1725 г.

II.

Септевр мѣсяц 26. Понеделок.

Сегодня за противною погодою простоялисмо до вечора, а перед вечером дожч за вѣтром пройшол, а послѣ оного вѣтер учинился нам полезній, чего ради, поднявши парос, рушилисмо, и часов з 4 пройшовши, знову сталисмо на якорѣ, за отмѣнившимся вѣтром. Лоцман росказовал о звѣздѣ повижей води стоячой, близ которой 2 звѣзди яснѣйшіе от других стоят, якую звѣзду по татарску зовут темир казин, то есть желѣсній гвоздь, потому что всегда она на полунощной странѣ без перемѣни стоит неподвижно; да он же сказовал о Стенки Рагозину[в] бунтовщику, что он з Дону побѣгши и в Янку собравшись з другими, морем прийшол до Гиляни и там ращу вирубавши и бывши в Мазондранѣ, заехал и до рѣки Кури, где жестокая ему била баталѣя з Бакинцями; оттуда пріехавши в Астрахань и болш себѣ собравши товарищей, пошол был в гору, але там от войск государевих побежден и посля в Москѣ казнен. Переводилем пѣснь Якопонія[а] латинскую: cur mundus militat sub vana gtoria etc»... на вѣрши рускіе, нижей писанніе:

Чому свѣт о славѣ стоит нестатечной,
А сталости его не видно безпечной?
Так падает сила его без отмѣни,
Як утло начинне, здѣланое з глини.
На ліоду лѣтерѣ болш вѣрь начертанной,
Нѣж свѣта бѣдного обманѣ убранной.
Облудний, в заплатѣ, видом добротливий,
Але в рѣчѣ самой есть завше зрадливий.
Болше повѣрити можно шклу утлому,
Нѣжели бѣдному щастю свѣтовому.
Ложное оно есть, як во снѣ в марности
Омилно в милости и в своей сладости.
Скажи, где Саломон шляхетне врожоний,
Албо где Самсон есть вож незвитяжоний,
Албо Авесалом, лицем доброзрачний,
Албо Іонофан, оний барзо вдячний?
Где подѣлся цесар властію високій,
Албо тот богатий в роскошах глубокий.
Скажи, где Тулліуш, оратор вимовний,
Албо Аристотель, филозоф верховний?
Як барзо славних премного бывало
Духовних пастирей, царств силних немало.
Сколко монарх силних на свѣтѣ живало,
А во мгновенню ока всѣх уже не стало.
Короткое свято, свѣт в славѣ хорошій,
Як тѣнь есть людская, так его роскоши,
Да еще ж лишают и вѣчной заплати
И проводят людей во ад погибати.
О прах! о земля! о нощ! о червей потрава!
Чему так хлюбишся человѣча славо?
Не знаешь всяк утро будеши ли жити,
Чини добро, поколь можешь чинити!
Так мирская слава висока здается,
В писаніи святом цвѣт селний зовется,
Як листя легкіе, те вѣтер звѣвает,
Так житте людское скоро ищезает.
Не называй своим, що можешь втеряти,
Що свѣт дает тебѣ, намѣрен отняти.
Помишляй вишняя, сердцем в небѣ живи,
Щастлив есть человѣк, свѣт марний презрѣвий.

а Друкуємо за виданням «Дневник генерального подскарбія Якова Марковича (1717—1767 гг.), изд. «Киевской старины», под ред. Ал. Лазаревского, часть первая (1717—1725) К., 1893.

б Гедим, великий князь Литовський це — безперечно, Гедимин.

в Стенка Рогозин це — Степан Разин, якого автор щоденника називає «бунтовщиком» і зазначає, що він покараний на смерть в Моске (очевидно, описка, замість у Москві).

а Йдеться про похід російських військ і українських та донських козаків на Кавказ проти татар (турків). 1725 р. Яков Маркович разом з Миклашевським, Горленком, Гамалієм і Дорошенком були учасниками цього походу. Під час походу Маркович читав козацький літопис і переклав тодішньою українською літературною мовою латинський вірш Якопонія.

Море, про яке згадує Яков Маркович,— Каспійське, в яке військо ввійшло через Астрахань.

Під 1744 р., 20 березня і далі, опис подорожі царниці Елизавети Петрівни у Київ через Глухів[а]

Видѣл я копию письма от А. Г. Разумовского до Бибикова, что сверх тѣх лошадей, которых вся малороссийская старшина своих собственных усовѣтовала поставить для приезда ея величества, подобно еще столько же, т. е. 4 тысячи [подвод], а под свиту ея величества надобно 15 тысяч, и сіе собрать надлежит с обывателей.

Май 14. Михайлу послал рѣчь до великого князя [сочиненную] на случай его приезда.

18. Ночь была ясна и тиха, к свѣту з значительным морозом.

Внука моя Маруся з весилля приехала.

19. Купили ульев 50 по 6 коп.

. . . . . .

30. Писал я по-польски до Мейера в Москву с нареканием за неполучение нами газет, исправно, по-недѣльно.

29. Лилия бѣлая расцвѣла.

Июль, 3. Указом сената велено: 1) подводы и прочия потребности для проезда ея величества должны быть готовы к 12 сего июля; 2) в Малороссии на всякому стану иметь подвод по 800, ...

Слух носится, что высокомонарший выезд из Москвы в Киев имѣет быть около 15 июля.

7. В хуторѣ кушали и ночевали; косари косили траву. (.....)

Август 5.

В лагерѣ обѣдали мы заранѣ, наджидая прибытия ея величества.

В 4 часу с полдня встрѣтили мы ея величество. Изволила милостиво сие принять и быть в нашем наметѣ и пѣШО всѣ наши команды пройти, а посѣ, ставши в коляску, приѣхать к Ясмани и по ту сторону села в палатках ночевать, а мы по сию сторону Ясмани ночевали...

6. Рано ея величество изволила подняться с ночлега и в Глухов ѣхать с церемониею.

Около кареты старшина и бунчуковые с обнаженными саблями ѣхали. Епископ Черниговский ея величество у ворот поздравлял. Потом государыня изволила пѣшо итти до монастыря дѣвичьяго, гдѣ слушала обѣдню и предику Черниговского архиерея...

Потом изволила кушать, а послѣ того изволила веселиться с танцами наших жен, польскими и козацкими[а].

а Уривки подано з книги: «Дневные записи Якова Марковича. Издание Александра Марковича. Часть 2. М., 1859. У цьому виданні мова автора русифікована.

ЛІТЕРАТУРА XVIII СТОЛІТТЯ

ДРАМАТИЧНА ЛІТЕРАТУРА

«ВЛАДИМИР» Ф. ПРОКОПОВИЧА

«Владимір» Феофана Прокоповича (1681—1736) — один з найзначніших творів шкільної драматургії, написаний у 1705 р., коли його автор, згодом відомий діяч Петрівської реформи (в 1716 р. він покинув Україну), тільки починав свою діяльність викладачем піітики в Київській академії. Це перша п'єса на історичну тему, а разом з тим п'єса, пройнята певними політичними тенденціями. Боротьба християнства з язичеством у Київській Русі часів Володимира — це боротьба нових ідей із старими, із застоєм і невігластом, синонімом яких для автора є язичество. В образі Володимира очевидні натяки на реформатора Петра. Комічні образи ідольських жерців Жеривола, Куроряда і Піяра — ошуканців і дармоїдів — мають на увазі ті «большие бороды, которые ныне, по тунеядству своему, не в авантаже обретаются» (вислів самого Петра), тобто представників духовенства, ворожих реформі. Це зрозуміли і сучасники: товариш Прокоповича по Академії Маркел Радишевський, що був в опозиції до Петра, доносив, що Прокопович «архиреев и ереев православных жрецами и фарисеями называет», а «священников российских называет жериволами, лицемерами, идольскими жрецами».

П'єса називається трагедокомедією, бо в ній поєднане високе (прийняття Володимиром християнства) з комічним (жерці). У побудові п'єси автор почасти йшов уже за правилами власного курсу поетики, складеного ним саме в 1705 р. Особливістю теорії Прокоповича є його прагнення наблизитися до античних зразків. Як зразки драми він рекомендує Плавта, Теренція й Сенеку. Ідучи за їх прикладом і спираючись на авторитет Горація, Прокопович радить будувати п'єсу з п'яти актів, не більше десяти сцен у кожному, з тим, щоб у кожній сцені брало участь не більше трьох осіб. Розвиток дії підлягає певній композиції. Перший акт (протасис) дає те, що ми називаємо тепер експозицією; другий (епітасис) починає розгортати саму дію, третій і четвертий (катастасис) зображають колізії, підводячи до розв'язки, п'ятий (катастрофа) закінчує дію. Намічається в Прокоповича й теорія єдностей: «у трагедії не повинно зображати в дії ціле життя якої-небудь особи, чи навіть хоча б одну подію, але закінчену протягом багатьох місяців і років — але тільки одну дію і при тому таку, яка могла б закінчитися протягом двох або трьох днів».

У самій п'єсі новиною було, наприклад, введення (у першому акті) духа померлого князя Ярополка, що попереджає жерців про лихо. Наступна дія — боротьба язичества й християнства, яка зображується почасти у вигляді марних спроб жерців задержати за собою вплив на князя й народ, почасти (IV акт) у вигляді внутрішньої боротьби в душі Володимира, переданої за допомогою його монолога. Про хрещення Володимира сповіщає вісник. Алегоричний момент зведений до сцени появи бісів «пира», «плоти» і «хулы» по закляттю Жеривола (II акт)

Якщо за загальним задумом «Владимір» мав бути п'єсою загальнодержавного значення, то деталі раз у раз зв'язують його з місцем виникнення: пролог і заключний хор сповнені похвал «ясновельможному пану», покровителеві наук і церкви — Івану Мазепі. Автор «Владиміра», звичайно, не підозрівав, що через чотири роки, після Полтавської битви, у привітальній промові Петрові I він згадуватиме того ж Мазепу, як «лютейшего всех зверей раба», що схотів «угрызти руку, ею же на толь высокое достоинство вознесен». Те саме будемо читати в його «Епінікіоні» (див. у розділі «Лірична поезія»).

Текст із скороченнями подано за виданням: Феофан Прокопович, Сочинения, Издательство АН СССР, М.-Л., 1961.

ВЛАДИМИР

ВСѢХ СЛАВЕННОРОССИЙСКИХ СТРАН КНЯЗЬ И ПОВЕЛИТЕЛЬ, ОТ НЕВѢРИЯ ТМИ ВО ВЕЛИКИЙ СВѢТ ЕВАНГЕЛСКИЙ ДУХОМ СВЯТИМ ПРИВЕДЕН В ЛѢТО ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА 988; НИНѢ ЖЕ В ПРЕСЛАВНОЙ АКАДЕМѢИ МОГИЛО-МАЗЕПОВИАНСКОЙ КѢЕВСКОЙ, ПРИВѢТСТВУЮЩЕЙ ЯСНЕВЕЛМОЖНОГО ЕГО ЦАРСКОГО ПРЕСВѢТЛОГО ВЕЛИЧЕСТВА ВОИСКА ЗАПОРОЖСКОГО ОБОИХ СТРАН ДНЕПРА ГЕТМАНА И СЛАВНОГО ЧИНУ СВЯТОГО АНДРЕЯ АПОСТОЛА КАВАЛИЕРА ИОАННА МАЗЕПИ, ПРЕВЕЛИКАГО СВОЕГО КТИТОРА, НА ПОЗОР РОССИЙСКОМУ РОДУ ОТ БЛАГОРОДНИХ РОССИЙСКИХ СИНОВ, ДОБРѢ ЗДЕ ВОСПИТУЕМИХ, ДѢЙСТВИЕМ, ЕЖЕ ОТ ПОЕТОВ НАРИЦАЕТСЯ ТРАГЕДОКОМЕДИЯ, ЛѢТА ГОСПОДНА 1705, ИЮЛЯ 3 ДНЯ, ПОКАЗАННИЙ.

Пролог к слышателем

Служаще обичному уставу, в академии нашой от лѣт многих храпимому, се и мы, аще и послѣднѣйшии, недозрѣли плоди трудов нашых на позор вам производим, великоименитие и благороднии слышателие! А яко не ино что, токмо повѣсть о обращении к Христу равноапостолного князя нашого Владимира, обичним дѣйствием представити умислихом. Вина бяше, яко то и мѣсту сему прилично и свойственно слышателем мнится быти: приличен дому ест образ господина; свойственная память сыном отшедшаго далече отца своего. Се же и дом Владимиров, се и Владимирова чада, крещением святим от него рожденная (что паче всѣх изящнѣе на тебѣ является, ясневелможний пане, ктиторе и добродѣю наш, ему же и строение сего отчества Владимероваго по царю от бога вручено ест, и Владимировимы идяй равнимы ему побѣдами, равною в России икономиею, лице его, яко отческое сын, на тебѣ показуеш). Убо сего изображение прийми от нас, яко того ж великий наслѣдник, вмѣсто привѣтствия. Зри себе самаго в Владимерѣ, зри в позорѣ сем, аки в зерцалѣ, твою храброст, твою славу, твоей любвы союз с монаршим сердцем, твое истинное благолюбие, твою искренную к православной апостолской единой кафолической вѣры нашой ревност и усердие.

Действие 1

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ярополк

...Не прийде ли во слух вам, что ваш умишляет князь на ви?

Жеривол

Что новое? Он давно являет
Сверѣпство свое: уби тебе, брата родна.

Ярополк

Жертва великих богов нѣсть к тому свободна.

Жеривол

Что слишу?

Ярополк

Християнский закон восприяти
Умысли, от богов же всячески отстати хощет.

Жеривол

Га! Га! Га! Га! Га! Истинное слово.
Аз сам без вѣсти сея (повѣм нѣчто ново
и вам невѣдомое), аз (глаголю вѣрно),
Аз первий в сем подозрѣх его. Лицемѣрно
начат богом служити. Слиши тайну странну.
Первѣе он ко богом и жерцом пространну
имѣ руку и, егда жертву приношаше,
Радость, праздник, торжество, веселие наше
бѣ тогда; волы толсти и тучние кравы
Убиваемы бяху, и доволны стравы
не боги токмо, но и жерци имѣяхом
И не токмо ни мало тогда не алкахом.
Но — вѣруй ми, о княже! — жрец Перуна бога
Добрѣ чрево исполнил от тука премнога.
Со Перуном (вѣси, что имам глаголати),
Со Перуном могох мя, грѣшна, соравняти.
Но уже тую щедрость измѣни. О студа!
Даде вчера едного козла, тако худа,
тако престарѣлаго, тако безтѣлесна,
Тако изнуренного, изсохша, безчестна,
тонка, лиха, немощна, безкровна, безплотна,—
Еще ножа не приях, а смерть самохотна
постиже его. Гнѣв ли уби его божий,
Или яко не бѣ в нем, кромѣ лихой кожи
и под кожею костей, тѣлесе ни мало.

Что убо мнится тебѣ? Кое се настало
время! Не нам се нужда творится, но, стада
Не ядше, измрут бозы.

Я р о п о л к

Еще прежде глада
побиет их Владимир; дерзнувший пролити
Кров братнюю, дерзнет он и богов побити.

Дѣйствие 2

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

К у р о я д ж р е ц

Слышѣте празнична рога!
День прийде Перуна бога,
День шумний, бурний, ужасний,
празник громний, велегласний.
Слышѣте, рустии люди!
Домы, орудия, труды.
Торгы, купля оставѣте,
спѣшно на празник идѣте!
Воли, кравы избирайте,
толстии жертвы давайте!
Он есть бог молниелучний,
любит мяса зѣло тучны.
Слышѣте празнична рога!
День прийде Перуна бога,
День шумний, бурний, ужасний,
празник громний, велегласний.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пиар с Куроядом

П и а р

Курояде, престани, престани, престани!

К у р о я д

Что тако, о Пиаре?

П и а р

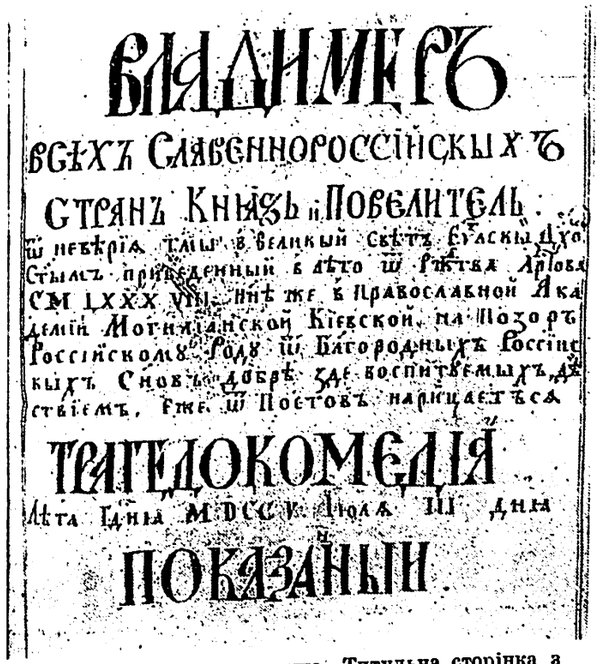
Всуе нынѣ страни
Оглашаеш, не будет, не будет днес жрома
жертва; не движи людей.

К у р о я д

Невѣже! Ест грома
Праздник.

П и а р

Честний Жеривол не готов есть.

ВЛАДИМЕРЪ
ВСѢХЪ СЛАВЕНОРОССІЙСКЫХЪ
СТРАНЪ КНЯЗЬ И ПОВЕЛИТЕЛЬ.
Ш НЕВѢРІА ТЛЫ В ВЕЛІКЫЙ СВѢТЪ БЛАСКЫ ДУХО
СТЫМЪ ПРІВЕДЕННЫЙ В ЛѢТО Ш РЖТВА ХРІОВА
СМ LXXX VIII. ВНѢ ЖЕ В ПРАВОСЛАВНОЙ АКА
ДЕМІИ МОГИЛАНСКОЙ КІЕВСКОЙ НА ШОЗОРЪ
РОССІЙСКОМЪ РОДѢ Ш БЛАГОРОДНЫХЪ РОССІЙ
КЫХЪ СНОВЪ ДОБРѢ ЗДѢ ВОСПИТВЕМЫХЪ ДѢ
СТВІЕМЪ, РЖВ Ш ПОСТОВЪ НАРІЦАЕТЪСА
ТРАГЕДОКОМЕДІЯ
ЛѢТА ГДНЯ MDCC V ІЮЛА III ДНЯ
ПОКАЗАНЫЙ.

«Владимір» Ф. Прокоповича. Титульна сторінка з рукопису першої пол. XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

К у р о я д

Како Жеривол не готов ест?

П и а р

Не готов есть всяко.

К у р о я д

Ко чему ест не готов?

П и а р

Не готов ест жерти.

К у р о я д

Дадѣте мы, о бозы, да аз тако терти
Возмогу куры моя, яко он всецѣло
трет волы безмѣрния! И на сие дѣло
Что ест нужно, молю тя, повѣжд.

П и а р

Нѣст удобна времени, яко вижу.

Курояд

Рѣч се неподобна.
Жерти ему нѣсть время? Прелщаешся, друже,
и вѣруешь; аз же ни, но чаю, что уже
Он бы хотѣл, дабы был праздник непрестанний.
Дивну вещ реку: видѣх, когда напитанний
Многимы ои жертвамы лежаше во хладѣ,
а чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное; обаче в ситости толикой
знамение бѣ глада и алчбы великой:
Скрежеташе зубамы, на мнозѣ без мѣри
движи уста и гортань. И достойно вѣри
Слово твое, Пиаре: «время не имѣет».
И во снѣ жрет Жеривол.

Пиар

Се не разумѣет
Любимий мой Курояд Пиарева слова!
Рѣх «не имать времени», видя не готова
Его быти.

Курояд

Мню, зубов не изостри или
не испраздни стомаха.

Пиар

Ругаешся; ни ли
Во грѣх не вмѣняеши дерзок смѣх творити
с мужа толь велебнаго! Что ж имѣет быти,
Увѣси потом.

Курояд

Почто праздника не творит?

Пиар

Нинѣ сие довлѣет.

Курояд

То он нас поморит
Гладом.

Пиар

Нужда терпѣти.

Курояд

Но молю тя, кая
нужда се необична?

Пиар

Аз, дрова збѣрая
На жертву, ходя нынѣ сквозѣ лѣс пустиннй,
и се бѣжаше скорий, простовлас, безчинний
Жеривол и, от земли вихром подносимий,
не позна мя при пути, но неудержимий
Бѣг творя, пущаше вопль в дебры необичний,
от всѣх же стран пустины страшны и различни
Отповѣдаху гласи, и свисти, и кихти.

Курояд

Скорб нѣкую имѣет.

Пиар

Сего ради рѣх ти,
Яко нѣсть готов жерти.

Курояд

Убо потерпѣмо,
что се будет. Но се он, се он бѣжит сѣмо!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТОЕ

Жеривол, Курояд, Пиар

Жеривол

Скорб велия! Лютѣ мнѣ! Скорб, братие, зѣлна!

Курояд

Что ти есть, Жериволе? Престани! Бездѣлна
Толикая печаль есть. Аще и что злое
случится ти, сотворше совѣт, можем тое
Исправити и в добрий случай премѣнити.

Пиар

Скажи, да совѣтуем.

Жеривол

Ничтоже совѣти
Успѣют, аще сами не потщатся бозы.
Не вѣсте ли, о друзы, яко зѣло мнозы
Супостати на богов и на нас восташа?
Воводят христов закон.

Пиар

Убо, честност ваша,
Призови силу богов: твоих оны нѣний
слухати навикоша, ниже повелѣний
Преступают.

Жеривол

Нынѣ бѣх в дебрех непроходных
и созвах безчисленних, лютих, страхородних
Сонм духов неизчетний. Егда же познаша
нужду мою, скоро вси равним совѣщаша
Гласом, яко не требѣ вести всего полка.
«Мы,— рекше,— увидѣхом от слов Ярополка,
Яко князь ваш Владимир, иже скорб толику
наводит, страст имѣет зѣлну и велику
Ко похоти тѣлесной и ко мирской власти.
Того ради цариков, иже тѣмы страсти
Владѣют, звати треба. Трие сут: бѣс мира,
бѣс плоти, бѣс противства божия. Тѣм вѣра,
Нам неблагоприятна, колѣблется всюди.
Но тии где-сь странствуют. Убо наши труди
Будут в том, да поищем и пришлем их скоро».
Се рекше, полетѣша поспѣшно и споро.
Тих на помощ аз чаю.

Куроряд

Лютѣ! Что се странно?

Жеривол

Что ти ест, Курояде?

Куроряд

Бозы нечаянно
Вострепеташа.

Пиар

Нѣсть то, развѣ примрак нѣкий
и мечтание ти быст.

Куроряд

О позор великий!
Смотри ж сам.

Жеривол

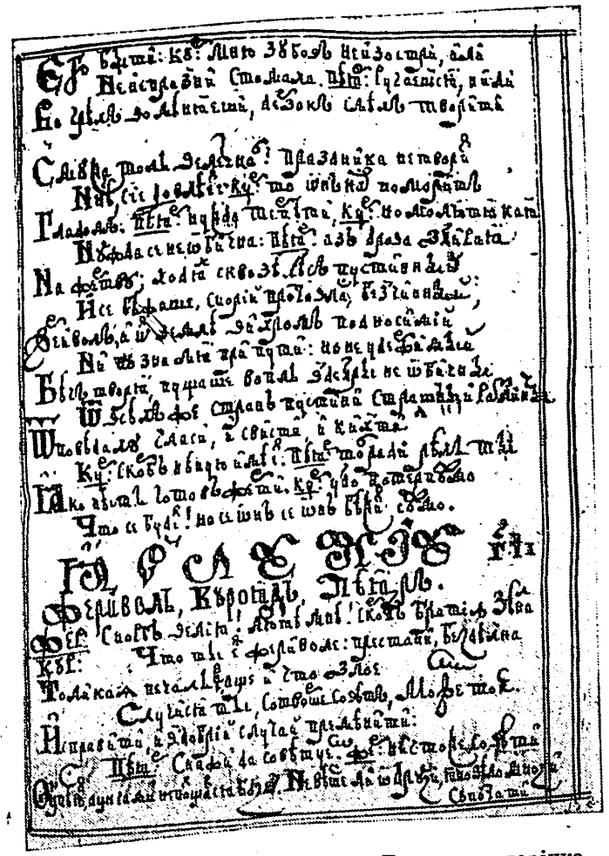
Знамение сие ест ужасно!

Пиар

Зови сих, Жериволе! Трубы велегласно!

Пѣснь Жеривола

Аде, на помощ востани,
спѣшно двигни твоя брани,
двигни сили, двигни власти,
твоя имать честь упасти.

«Владимір» Ф. Прокоповича. Титульна сторінка з рукопису першої пол. XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

Вѣтре пернатий, воскорѣ
преносяй корабль по морѣ,
помощной нам адской силѣ
подажд воскорие крилѣ.
Летѣте, дуси, летѣте
нам на помощ, не медлѣте!
Изострѣте гнѣва жало:
люто время нам настало.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бѣс мира, Жеривол

Бѣс мира

Что се тако нужное и кая потреба
тако скорой помощи, Жериволе?

Жеривол

С неба

О господие мои, послаша вас бозы.
Не вѣсте ли, в Киевѣ что творится? Мнозы
Лжемудрцы, лжепророки, хулники восташа:
пасти имать закон ваш, пасти вѣра наша.

Бѣс мира

Кто такых злых навѣтов вина?

Жеривол

Князь велможний.

Бѣс мира

Не бойтеся, дерзайте! Ни ли он, безбожний,
Приймет моих совѣтов, аз отмщу сторично.
Обаче не мню тако: князю ли прилично,
Да свою распятому и нищему вию
Христу приклонит? Лютѣ! Аз недоумѣю
Объяти се мислию, ниже помисл умний
может сие сказати. И аще безумний
Сотворить тако, аще от греков прелстится,
вѣсте ли вы, кому он в сем уподобится?
Константину оному, иже риболова
Петра, всѣх худѣйшаго, и с ним неистова
Шатерей дѣлателя Павла, во снѣ пьяний
узрѣв, тако восприять совѣт их поганий,
Акы бы был болярский, и себе в неславу
толикую воверже, яко злату главу
Не усрамися старцу Силвестру худому
преклонити смиренно. Вси царскаго дому
Возсмѣяшася тогда; мы же наединѣ
на мнозѣ плакахомся и даже донинѣ
Плачем, толику его погибель помняще.
О Христе! Аще прелстиш и сего и аще
Поймеши Владимира, буди (яко лживий
твердит о тебѣ народ), буди бог правдивий!
Аз же да не буду цар, да не буду честний,
да не буду всесилний. Калугеров лестний
Вожд, о мой Жериволе, язик да устроит
и да много глаголет; мнѣ же недостоит
Словом прелщати, дѣлом хощу показати,
что могу.

Жеривол

Равно тебѣ благодарствовати
Не можем ми, о царю! Твоя будет слава,
аще твоя сих лестцов побѣдить держава.

Бѣс хули

Не менш о сем потщуся и аз, Мире златий!
Зрѣте же, аще любит истинну распятий.
Яко сам злодѣй бяше (не бо средѣ двою
злодѣю распят бы был), тако со собою
И полки злодѣйския вести зѣло любит.
Кому се нѣсть извѣстно? Сам он гласно трубит
В своем евангелии. «Не прийдох призвати
праведников,— глаголет,— но грѣшних взискати».
Тожде дѣлом являет. Донелѣ державний
Владимир имя имѣл доброе и славний
Мужеством бѣ, и Христу он мняшеся быти
непотребен. Но егда сродную пролити
Дерзну кров и княжеский сан сотвори мерзкий,—
сотвори себе Христу любима, да дерзкий
Будет оттол разбойник: убо богов сила
ненавидит всячески толь сквернаго дѣла.
Но недолго грѣх ходит волний и безказний,
во слѣд злодѣяния пойдет неприязний
Гнѣв мой: вложу в мисл ему христоненавистны
помисли, на язик же наведу безвѣстны
Хули. Мняшеся тебѣ, о тектонов сыну,
яко Владимир будет равен Константину,—
Будет противу тебе Иулиян вторий.

явление пятое

Бѣс тѣла и Жеривол

Бѣс тѣла

Простѣте, аще мало закосних; аз скорий
Всегда на сицевую помощ, днес ея же
ищеши, Жериволе!

Жеривол

Ни, о любви княже,
Не на мя пущай стрѣли; вѣм, яко твоего
лука язви сладки сут, но тѣла моего
Вси уди, вси утробы твоих ран сут полны.
Язви князя нашего.

Бѣс тѣла

Но он весь ест болний
От стрѣл моих: триста стрѣл, ядом напоенних,
внурих ему во сердце, триста жен сочтенных
Бѣсится любовию.

Жеривол

Но вся отринути
хощет уже.

Бѣс тѣла

Кто тако жестокий и лютий
Любов ему отъемлет?

Жеривол

Един, убо вѣси,
един безчеловѣчний всесладкия бѣси
Христос от душ изгонит и всѣм ест противний.

Бѣс тѣла

Не скорбѣть. Покажу вам образ зѣло дивний
Християнской чистоты. Яко к вам позванний,
не скор прийдох; не вѣсте, чим бых удержанний.
В далекой странѣ, Христа держащей уставы,
двое суть княжения особной державы.
Двоим ихь князем любов ко единой дѣвѣ
влиях в сердце; недолго убо в тайном гнѣвѣ
Прибыша со собою, скоро, ярость звѣрну
открившe, лютую брань и силу безмѣрну
Двигнуша и единой жени ради тако
кров людей безчисленных проливают, яко
Троянская иногда брань долго лияше,
когда греком Елена похищенна бяше.
Тако мя побѣждают християне!

Жеривол

Убо
со Владимиром тебѣ братися сугубо
Удобнѣйша брань будет: понеже бо зѣло,
яко повѣтствуеши, едной жени тѣло
Двох мужей побѣждает; колмы паче триста
связати единаго могут и от мѣста
Двигнутися не дадут, аще приложиши
о том попечения.

Бѣс тѣла

Всуе тя трудиши,
Жериволе! Наша в том печаль, наши труды.
Ты отселѣ, молим тя, безпечален буди.

Жеривол

Братия, радуймося: еще не у может
Христос торжествовати, ни ему поможет
Многорѣчие жерцов его.

Пиар

Нам прилично
еще пред побѣдою пѣти краснолично.

Курояд

Прилично воистинну.

Жеривол

Устройтеся спѣшно,
спѣшно до скакания, аз же вам утѣшно
Явлю зде знамение: понеже имамы
сладкие пѣти пѣсни, бозы же со намы
Будут скакати, токмо первие им мушу
пришептати и дати коемуждо душу.

Идолы со жердами, поющими пѣснь, скачут.

Дѣйствие 5

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Курояд, Пиар

Курояд

Ясти мнѣ хощется, о ясти! Горе! Ясти!
Ясти хочу. Горе мнѣ! Приходит пропасти.

Пиар

Курояде, гдѣ ти был? Гдѣ был еси нынѣ?

Курояд

Даби тако не жив был князь наш (наединѣ
С тобою бесѣдую), яко богом жертва
чрез него вся оскудѣ! О, аще бы мертва
Слышах его, слышах бы вѣст радостну, нову.

Пиар

Кая вина?

Курояд

Увѣрив философа слову,
Запрѣти приносити жертву по всѣм градом.

Пиар

Мала се еще злоба.

Курояд

Убывати гладом
Малу злобу зовеши? А еще пречестных
жерцов и молебников за вес мир нелестных!
Се аз ходих на село курей куповати.
И когда сие бяше!

Пиар

Горшее слышати,
Вижу, ти не случися? Что глаголют мнозы,
молю тя, кто болий ест — жерци или бозы?

Курояд

Вѣм что вопрошаеши: аки би скорб сию
о мнѣ имѣл. Ни, друже! Мене не жалѣю,
Жалѣю богов. Ибо аще оскудѣет
жертва, аз куплю мяса, но бог не имѣет
Пѣнязей и не пойдет на село: глад убо
нам — ему смерт готова. И сие сугубо
Печалива мя творит.

Пиар

Еще ти не вѣси
злобы его горшия? Како его бѣси
На богов возъяриша? Повелѣ повсюду
крушити боги. Видѣх, како уд от уду
Отторжен валяшеся, многым носи, нозы
урѣзание видѣх. О благие бозы!
Болѣю за вас зѣло. Чи не скорб се, друже?
Ладо не может уже плясати, ему же
Сие дѣло от богов всѣх ест порученно,
но токмо лакти движет всуе недѣйственно.
Мошко же отнюд кадил не возможет чути,
а Позвизд (О скорб моя! О жалю мой лютий!)
Пребиту голень имать и храмлет стеняя.
Но слиши множайшия и крайная злая.
Что видѣх, окаянний! Зри вещ неподобну:
дѣти студнии, кумир разсѣкши подробну,
Во главу, аки в сосуд, испраздняют стомах.

Курояд

Что главѣ творят?

Пиар

Стомах испраздняют.

Курояд

Ах, ах!
Да како их не пожрет земля, се видяще!
Вѣсть ли сие Жеривол?

Пиар

Курояде, аще
Увѣсть сия Жеривол, предасть духа богу.

Курояд

Но гдѣ он ест? Не вѣси?

Пиар

Впаде во премногу
Болѣзнь от скорбей многих и едва возможет
убѣжати от смерти. Зѣло бо не может
Ясти, ни вкуса чует; третий день минает,
отнель он единаго токмо пожирает
Бика на день.

Курояд

О лютѣ! Всѣ мы измрем гладом!
О княже беззаконний! Да бы ти над адом
Царствовал, не над намы, не над руским родом!

Пиар

Молчи! Тѣшимся твоим, господи, приходом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мечислав, вожд Храбрий, Пиар, Курояд

Мечислав

Кое зде дѣло, жерцы? Воистинну дивний
упор сей! Вы едины имате противны
Быти волѣ княжеской? О столпи безумны!
Скоты безсловесния! Старцы дѣтоумны!

Курояд

Что толиким, господи, движеши нас страхом?

Мечислав

Ни ли слишасте воли княжей?

Курояд

Не слышахом
Воистину. Кая ест?

Храбрий

Убо еста глуха?
Трубний глас извѣщаше.

Пиар

Но не дойде слуха
Нашего. Мы зде равно прийдохом от пути;
не быхом днесь в Киевѣ. Но воспомянути
Изволте, господие, кой указ ест княжий.
Мы творим волю его. Воистинну вражий
Дух бы был, аще бы кто противился волѣ
толикаго владики.

Мечислав

Убо вам дотолѣ
Нѣсть вѣстно, яко всюду крушити кумиры
князь повелѣ, наставшей християнской вѣрѣ?

Пиар

Се новое слишим мы.

Куроряд

Ниже нам чаянно.

Мечислав

Како? Вся вѣсть Россия, вам же неслиханно
Доселѣ ест. Лжете, псы!

Пиар

О господи, буди,
яко же глаголеши; обаче мы люди
Простии, не слишахом.

Куроряд

Да не прогнѣвится
власт твоя, ваша повѣсть отнюд быти мнится
Неудоб вѣрителна: наш боголюбивий
князь есть.

Мечислав

О горе тебѣ! Ти ли мнѣ, псе лживий,
Лгати велиши? Убо от твоего ж дѣла
явлю истинну: круши идоли.

Куроряд

Сѣчила
Не имам со собою.

Мечислав

Воины, дадѣте
оружие.

Куроряд

Милости прошу, не мучѣте
Болнаго. Виждте, яко не могу подѣяти.

Мечислав

Уд непослушний мечем достоит отъяти.

Куроряд

Лютѣ мнѣ!

Мечислав

Достизайте! Ты на мѣстце друга
наступи. Ни ли и ти тогожде недуга
Вредом ослаблен еси?

Пиар

Послухай мя мало,
владико! Се Ладо ест бог, а се Купало,
А се Перун великий; с тѣмы убо, яко
хощете вы творѣте, сего же никако
Не вредѣте, молю вас. Ах, с коликим страхом
поминаем, что о нем от древних прияхом.
Прорекоша древние жерцы, яко аще
вредит кто бога сего, тогда, то видяще,
Солнце лучи закриет, Днѣпр же воспятится,
Киев, трусом низвержен, во прах обратится.
Молю вас, не дерзайте.

Храбрий

Друзы, дерзнѣм сие
увѣдати: дѣло нам страх сей явственнѣе
Покажет. О великий! О боже преславний!
Не прогнѣвайся на ны: что велѣ державний
Князь достоить творити. Аще погибаем,
яко же прещаеши, обаче дерзаем.

Пиар

Не дерзайте, молю вас. О лютѣ! О горѣ!
Зрѣте: трясется земля, падет град воскорѣ.
Падет град! Что творите? Не могу стояти
на ногах.

Мечислав

Лживий лестче! Не досит ти лгати?

Пиар

Солнце измѣняется.

Мечислав

О колико бяше
лщение! Колико же невѣжество наше!
Кая слѣпота! Камень и древо бездушно,
аки бога, лживаго, усердно, вседушно
Умилно почитати и тих рабом быти,
их же раб мой, художник, обиче творити.
Христе, свѣте истинний! Что тебѣ имамы
воздати за толику милость, юже с намы
Нынѣ сотворил еси!

Х р а б р и й

Но не изволися
власти вашей видѣти, како князь крестися?

М е ч и с л а в

Желал от усердия; воинское дѣло
удержа мя, не могох настигнути. Зѣло
Жалѣю того. Ти же добрия нам вѣсти
подажд, видѣл бо еси.

Х р а б р и й

Но кто исповѣсти
Предивний позор может! Никогда толика
торжества аз не видѣх. Два полка велика
Идяху стройно, в едном славеннороссийский,
в другом бяше избранний народ византийский,
Двор свѣтлаго деспоты, иже восприяти
князя послан ест царем; на всѣх воех златий
Цвѣт в одеждах ткан бяше; броня же толикий
свѣт испущаху, яко зрящым и страх нѣкий
И радость родяшеся. В толиком позорѣ
прийде князь наш ко храму. Храм низу и горѣ
Весь иконы украшен; посредѣ стояше
сосуд сребран великий, яко в нем можаше
Един погрузитися человѣк; на десной
странѣ стояше престол утвары пречестной —
Первому епископу сѣдалище, инным —
мало нижайша бяху; ошуюю чинним
Образом вся особно бѣлия лежаху
одежди, бѣлостию крины побѣждаху.
Утвар сию деспота Владимиру, сину
духовному своему, сотвори по чину
Древнему у християн. Вся же та полата,
аки звѣзд, полна бяше кованных от злата
Лампад и свѣтилников. От восточной страни
сладкая исхождаше воня безпрестани.
Ставшу при дверех князю, се златимы враты
от олтаря идяше клир весь. Аз, объятий
Страхом радостним (вѣруй, благородство ваше!),
забых, гдѣ есм; сердце же во мнѣ трепеташе.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТОЕ

Вѣстник, Мечислав

В ѣ с т н и к

Великий князь Василий здравие и радость
благородству твоему посилает.

М е ч и с л а в

В сладость
Приемлю такую вѣсть. Но кое гласиши
имя ново — Василий? Чаю, приходиши
От князя ти нашего.

В ѣ с т н и к

Наш мя посилает
князь к тебѣ, Мечиславе, но тебѣ желает
Здравствовати Василий.

М е ч и с л а в

Тайно твое слово.

В ѣ с т н и к

Владимир в крещении прият имя ново,
Василий нареченний. Хартия извѣстно
сия явит.

М е ч и с л а в

Храбрий, чти, да все будет вѣстно.

М е ч и с л а в

Совѣт княжий усердно приемлю, понеже
прежде Христа вседушно возлюбых и еже
Идоли сокрушити дѣлом исполнихом,
что творити указом первим должны быхом.
За коругов усердно полк благодарствует,
за щит же тако крѣпкий велми долженствует
Мечислав, да сам своя персы вмѣсто щита
дасть ему, от всякаго вражия навѣта
Защищая власть его. О вои! Се златий
возсия день; достоит всѣм торжествовати.

[П'єсу закінчує хор апостола Андрія з ангелами].

«ІОСИФ ПАТРІАРХА» Л. ГОРКИ [а]

Лаврентій Горка (1671—20.IV 1737) — український письменник і вчений, освітній і церковний діяч України і Росії першої третини XVIII ст.

Народився у Львові в сім'ї козака із містечка Стайки. В юнацькі роки переїхав до Києва, закінчив Києво-Могилянську академію і працював викладачем в ній. За зразком піітики Феофана Прокоповича в 1707—1708 рр. написав і прочитав студентам свій курс піітики «Idea artis poëseos». У травні 1708 р. на сцені Києво-Могилянської академії була поставлена також його трагедокомедія «Іосиф патріарха».

Як і Прокопович, Лаврентій Горка належав до прогресивних діячів епохи, він палко підтримував реформи Петра I, засуджував зрадництво Мазепи. 1713 р.

[а] Цей підрозділ (вступну статтю і уривки з драми «Іосиф патріарха» підготував для 3-го видання «Хрестоматії» кандидат філологічних наук, доцент Ф. Я. Шолом.

Л. Горка стає ігуменом Видубецького монастиря в Києві; 1721 р. його призначено архімандритом Воскресенського (Новоієрусалимського на Істрі) монастиря в Московській єпархії, а вже наступного 1722 року він бере участь у перському поході як оберієромонах армії і флоту.

Після висвячення в сан астраханського єпископа (1723 р.) Лаврентій Горка протягом наступних п'ятнадцяти років займав єпископські кафедри в різних місцях Росії, крім Астрахані, з 1727 рі до 1731 р.— в м. Устюг; з 1731 до 1733 р.— в Рязані; з 1733 р. і до самої смерті (9 (20) квітня 1737 р.) — м. Вятка. Похований у місцевій соборній Троїцькій церкві. Лаврентій Горка мав велику і цікаву бібліотеку, книги якої (бл. 300) 1738 р. були передані до Московської слов'яно-греко-латинської академії. Л. Горка брав також активну участь в організації і роботі освітніх закладів Росії, так 1735 р. він реорганізував Вятську єпархіальну школу в семінарію тощо. Діяльність Л. Горки сприяла дальшому розширенню російсько-українського культурного єднання.

Трагедокомедія «Іосиф патріарха», один із списків якої вміщений в додатку до піітики 1707—08 рр. «Idea artis poëseos» з власноручними помітками Л. Горки, є не тільки традиційною ілюстрацією до теоретичного курсу поетики, а й вносить чимало нового як у зміст, так і в форму шкільної вистави. Незважаючи на церковно-релігійний зміст і алегоричність викладу, драма в основному містить сатиру на українське панство; тут вперше в українській драматургії подано сатиричний образ вельможі-жінки, запроваджено хореографічні сцени з виступом хлопчаків-танцюристів.

«Іосиф патріарха» має чимало подібного з трагедокомедією «Владимір» Феофана Прокоповича: в ній також п'ять актів, такі самі алегоричні постаті — «Бѣс плоти», «Прелесть» тощо, зв'язок з реальною дійсністю, хоч за змістом вона більш далека від українського грунту. Л. Горка подає біблійну історію прекрасного Іосифа якраз після того, як він потрапляє до Єгипту. Тому загальний фон — море, кораблі, «пустыни непроходимыя», верблюди, зрошення полів і нив борознами, танці 24 туземних дітей — «образ хору, як муринчики скакали» та інш.— все це повинно нагадувати природу і побут Єгипту, де, за біблійною легендою, має відбуватися дія.

Перша дія трагедокомедії розповідає про радість друга Іосифа з того, що прекрасний Іосиф (незважаючи на продаж в неволю і приречення па смерть братами) живе у Пентефрія і керує його маєтком.

У другій дії «вельможа, жена Пентефріева, наважденна от бѣса плоти, скверным желаніем бьснуется», вона прогонить від себе «Совѣсть» і слухає тільки «Прелести», яка обіцяє підкорити їй серце Іосифа. Але Іосиф мужньо відкидає пропозиції «Прелести» про задоволення бажання «вельможи». Хор оспівує мужність Іосифа і визнає його прообразом Христа, що теж зазнав спокус диявола в пустині, а потім молився у вертограді.

У третій дії «Тайновидец» передає біблійне оповідання про замах «вельможи» на цнотливість Іосифа і про залишення ним верхнього одягу в руках дружини Пентефрія, яка, скориставшись цим, сама звинувачує Іосифа перед своїм чоловіком, зводячи на нього наклеп, ніби Іосиф зазіхав на її честь. Розгіваний Пентефрій жорстоко знущається з Іосифа, а потім садовить до темниці. Хор оплакує Іосифа, що служив прообразом Христа, а тепер невинно страждає і сходить в безодню.

Четверта дія розповідає про те, як «царь Фараон, видѣв во снѣ страшное видѣніе и зѣло о том смутився», велить своїм князям і боярам знайти у місті «звѣздочетцев», які могли б розгадати його сон. Коли ж у місті не знайшлося тлумачників страшного сну, тоді Фараон наказав скликати «звѣздочетцев» з усього Єгипту, обіцяючи тому, хто розгадає сон, великі почесті. «Вражда», боячись, щоб Іосиф не розгадав сну

і не одержав почестей, робить наклеп на нього Пентефрію, нібито Іосиф після звільнення з темниці загрожує знищити Пентефрія і весь його дім. Але Пентефрій, що повірив наклепові, не встиг забити Іосифа, бо в цей час був викликаний до царя. У хорі 24 «младенци аравицстіи скачуще в своем ликованіи являют, яко скорби и печали не токмо убогих и богатых, но царей превелпких во дни и в нощи, во снѣ и паявѣ, многовидно смущают и мучат».

У п'ятій дії цар збентежився, коли дізнався, що в усьому Єгипті не знайшлося людини, яка могла б вірно розтлумачити його сон. Цар обіцяє особливо вшанувати і піднести того тлумачника, який розгадає віщий сон.

Тоді виночерпій указує цареві на Іосифа, який вірно тлумачить сон, і цар його призначає другим царем Єгипту. Пентефрій і його дружина приходять на поклін до Іосифа, прилюдно каються у своїх гріхах і одержують прощення. «Хор и вкупѣ Епілог возвѣщает, яко Іосиф, от уз из темницы изведенній и престолом царским почтенний, прообразова Христа, восставша от мертвых и за пріятіе смерти славою и честію вѣнчанна, превишше же всѣх небес на божественном посажденна престолѣ». Перша, третя і четверта дії драми супроводжувалися виконанням трьох інтермедій, тексти яких, на жаль, не збереглися.

Трагедокомедія «Іосиф патріарха», написана книжною українською мовою з використанням розмовної мови, зв'язана була з тогочасною соціальною дійсністю; у ній, по суті, вперше в українській драматургії описано кохання, психологічно вмотивовано поведінку одного з перших на українській сцені жіночих персонажів. Драма «Іосиф патріарха» Л. Горки свідчить про новий етап (зв'язаний з виступом Ф. Прокоповича і його трагедокомедією «Владимір») у розвитку київської шкільної драми, а її вистава не під час релігійних (в даному випадку великодних) свят, а на другий день травневих рекреацій на лоні природи ще раз підтверджує той факт, що навіть церковно-релігійна за змістом шкільна драма змушена була наближатися до реального життя. Подаємо текст трагедокомедії (в уривках) за виданням: «Русские драматические произведения 1672—1725 годов. К 200-летнему юбилею русского театра собраны и объяснены Николаем Тихонравовым. Том второй, СПб, 1874».

ІОСИФ, ПАТРІАРХА,

СВОИМ ПРЕДАНІЕМ, УЗАМИ, ТЕМНИЦЕЮ И ПОЧТЕНІЕМ ЦАРСКАГО ПРЕСТОЛА ХРИСТА, СЫНА БОЖІЯ, ПРЕДАННАГО, СТРАЖДУЩАГО И ВОЗНЕСШАГОСЯ С СЛАВОЮ ПРООБРАЗУЮЩІЙ, В ПРЕСЛАВНОЙ АКАДЕМІИ КІЕВСКОЙ НА ПОЗОР РОССІЙСКОМУ ХРИСТОЛЮБИВОМУ РОДУ ОТ БЛАГОРОДНЫХ РОССІЙСКИХ СЫНОВ ДѢЙСТВИЕМ, ЕЖЕ ОТ ПОЕТОВ НАРИЦАЕТСЯ ТРАГЕДОКОМЕДІЯ, РОКУ 1708 МАЯ 25 ВО ВТОРНИК ПО СОШЕСТВІИ СВЯТОГО ДУХА ПОКАЗАННІЙ.

Дѣйствие 1

ЯВЛЕНІЕ 1

Во Египтѣ друг Иосифов веселится, яко Іосиф, аще быст и на смерть уготованній и в работу от братіи проданній, но не погублен есть, и возвѣщает, яко в дому велможи Пентефрія добрѣ живет и всѣм его богатством владѣет.

О аще бы нам всегда благодать толику
Возможно в дому нашем имѣти, елику,
Без надежди живуще, обрѣтохом нинѣ!
Чго бо ми лучше будет паче сей години,

Егда друг мой любимій, Іосиф прекрасній,
На смерть проданній, жив есть, смерти непричастній?
То ми радость безмѣрну во утробѣ плодит,
То ми сердце и смисли внутрняя проходит.
Веселюся душею, сердцем же играю,
Аки би что згибшее паки обрѣтаю.
Сорадуйте ми ся днес, о друзи избранни,
Яко жив обрѣтеся Іосиф проданній!
Возиграйте в гори! Холми же високи
Истощѣте з своих нѣдр сладостніе токи!
Торжествуй, ханааня земле, но вся годи,
Твои бо процвѣтают в чужих странах плоди.
Красуйся, Іякове, зѣло утружденній
Старостію и плачем горким наполненній!
Се бо днес от очію твоею отяти
Хощет Бог слези, а слези радость дати.
Завист братоубійцов явится воскорѣ:
Покажет Той, иже зрит вся, живущій горѣ.
Явится и одежда, кровію окропленна
Не от Іосифа, но з козла убіенна.
Се бо аще и в раба син твой есть проданній,
Аще и на смерть уже быст уготованній,
Но той в Пентефріевом дому господствует,
Живет между велможи и всѣм обилует,
Над всѣм его богатством полну власть имѣет,
Добрѣ устроевает и добрѣ владѣет,
Радуйтеся вси, иже правдою пожисте
И иже свѣт паче тмы зѣло возлюбисте,
Яко Бог неповинна отрока от смерти
Избавил, ниже подал братіи пожерти!
Веселися, Рувиме, яко исполнися
Твое желаніе: се брат пе умертвися,
Но живет в Египтѣ, вся имат благая,
Живет, бѣди и нужди ни мало не зная.
Плакал еси, егда и не обрѣл в студенци,
Се нинѣ ест славимій между иноземци.
«Без мене есть,— звал еси,— отрок погубленній!
Камо аз обращуся нынѣ болѣзненній?»
Рекл еси, о Іудо: «Брата не губити,
Но в работу продати: там волит умрѣти,
Ибо плоть ест наша и брат ест нам родній».
И се уже аки крин цвѣтет доброплодній,
Цвѣтет между терніем и не увядает,
Болшею же славою себе украшает.
Того аз веселюся и свѣтло играю,
Яко друга моего жива созерцаю.
Аще бись, Іякове, видѣл сіе нинѣ,
Кую бись имѣл радость о погибшем синѣ
Твоем, понеже тебѣ прежде угашенній

Свѣт очію твоею, нинѣ же возженній
Свѣтится во Египтѣ и всѣм возвѣщает,
Яко в Пентефріевом дому обитает.

ЯВЛЕНІЕ 2

Завись братоубійственная, наустившая братію погубити Іосифа, слишавши от друга Іосифова, яко жив ест Іосиф, лютѣет, проклинает Іосифа, и братію, и Пентефрію, и день той, воньже не убіен ест Іосиф, и хощет всяким образом погубити Іосифа.

Завись

Бѣда мнѣ! О мнѣ бѣда, бѣда нестерпима!
О лютѣ мнѣ! Мучит мя скорбь неутолима!
О горе! Что аз слишу? Что ти глаголеши,
Безумне? И якую то радость плетеши?
Кая радость, рци ми, днес? Рци ми глагол дерзкій,
Рци, что рекл еси. Жив ли ест Іосиф мерзкій?
Или гдѣ ест? Еще ли он по земли ходит?

Друг Іосифов

Живет в Пентефріевом дому, жизнь проводит
Добрѣ и всѣм богатством его сам владѣет.

Завись

Ни, ни! Ложній ест глагол твой: отнюд не имѣет
Жити нигдеже. И что ти всуе...

Хор

показует непостоянство міра сего: како человѣков возносит и низвергает, изгонит, завидит и убивает; воспѣвает же Іосифовы бѣды, гоненія и скорби, яже в дому от братіи, в работѣ же от зависти претерпѣвает.

Хор, или пѣніе

Отверзи очи, мужу преизбранній,
И вижд, что творит свѣт непостоянній.
Горѣ возносит, садит на престолѣ,
Но в скором часѣ повержет тя долѣ.
Не дасть ни мало безбѣдно пожити,
Но скоро хощет в ровѣ затворити
И вражду сѣет, завись умножает
И многи смерти на тя зготовляет.
Ни плач, ни вопль мног его не преклонит,
Многих бо нужно з отчества изгонит.
Бѣдами людей всегда исполняет,
Отца и матерь з чади разлучает;
З князми убогих посаждает честно.
Зри: и се утро низвержет тя лестно,

И в бѣдах хощет тя многих пожити
И многовидно хощет уморити.
Іосифа свѣт сей лукавій
Не терпяше жити во славѣ,
Воздвигл братію,
Еже смертію
Убити брата или в плѣнь предати.
Згубити мужа хотяху мнози,
Но той живет в дому велможи,
Живет з славою,
Свѣтит правою
Всѣм человѣком вѣрою своею.

Тон иншій

Но ниже успѣют,
Ниже одолѣют ... зтерти:
Не дасть бо отрока
Десница висока ... смерти.
Аще и готова будет смерть ему безчестна,
Будет и в темници,
И в бѣдѣ велицѣ ... жити,
И вражду сокрушит,
И смерти раздрушит ... сѣти.
Вся бо та погибнут лютѣ и сила прелестна.

Интермедія

Дѣйствіе 2

явленіе 1

Велможа, жена Пентефріева, наважденна от бѣса плоти, скверним желаніем бѣеснуется.

Велможа

О бози превишніи, имущіи власти [а]
Пустити человѣка в бѣдах или в сласти
Пребивати! почто мя осгависте вину [б]
В бѣдах и в слезах горких пожити едину?
Една ми скорб многія сотворила рани,
Но друга мя злой муцѣ предает во длани:
Друг отъиде далече; жив ли ест, не знаю;
Аз же, имущи мужа, вдовством погибаю.
Лучше ест з человѣки во мірѣ не жити,
Нежели желанних ми днес не получити! [в]

а Біля цього рядка приписано: *Бѣс плоти уяввляет стрѣлою сердце велможи.*
б Біля цього рядка: *Плачет велможа.*
в Біля цього рядка: *Гнѣвается.*

Ниже сон вожделѣнній, ниже нощ глубока [а]
Раздрѣшает лютую скорб мою. Жестока
Страсть язвит ми утробу, горѣет ми тѣло,
Внутр ми сердце палает, яко же огнь, зѣло
Возгорѣвійся. Нинѣ ни богом пожрѣти
Могу, ниже дѣлати руками: умрѣти
Хощу скоро, токмо да узру возлюбленна.
Пойду, пойду в слѣд его, побѣжу паленна...
Что твориш, окаянна? Гдѣ идеш безстудно?
О лютая жизнь моя! О время пагубно,
Время нещасливо! И кто может мя нинѣ
Утолити палиму в толь скорбной годинѣ?

явленіе 2

Приходит совѣсть и хощет велможу отвести от скверного начинанія, но ничто же успѣвает: Велможа бо, не послушавши совѣта, совѣсть свою з безчестіем связует и в темницу на смерть вовергает.

Совѣсть

Велможная госпоже, красная невѣсто!
Послушай словес моих потребних, дай мѣсто
Совѣтовѣ моему: отложи на страну
Суетную скорб твою. Се нинѣ связанну
Тщетною надеждою тебе разумѣю,
Еяже дѣлом отнюд не получиш. Сію
Верзи скоро от сердца: всяк бо кто в началѣ
Противится злу и вон страх изгонит, вмалѣ
Силнаго врага крѣпко связует; а иже
Повинется страстем, той сам не свой ест, ниже
Здравій, ни веселій ест, ниже долговѣчній.
Вѣм, что не един в любвѣ нечистой безличній
Бил, сухій, безобразній, наконец безчестно
И душу свою даде. Се ти аз нелестно
Глаголю: блюди, да не и ти таковая
От любви постраждеши, велми бо есть злая
Сія любов. Мниши ли, что се утаится?
Но ничто же ест тайно, еже не явится.
Знаеши, якіе суть людскіе язики:
Стрѣли суть смертоносни, суть мечи велики.
Повстягни убо, молю, желаніе сіе,
Да не како впадеши в язики чужіе.

Велможа

Вся сія разумѣю, яже глаголеши;
Истинна убо суть зѣло, но, аще имеши
Ми вѣру, невозможно ми ест утолити
Сердца, еже отмещет здравія совѣти.

а Біля цього рядка: *Болѣзнует.*

Мню, понудит мя ярость на горшое дѣло:
Ибо, егда корабля в бурнем морѣ, зѣло
Нагруженнаго, волни обійдут,— суетни
Там совѣти, суетни и труди, трепетни
Всѣ там опустят руки; а корабль пространним
Путем в самую бездну з богатством собранним
Порнет со шумом, никто бо его можаше
Удержати. Се нинѣ такое ест наше
Бѣдованіе: тщетни всѣ твои совѣти,
Любви бо распаленной тяжко угасити.

Совѣсть

Тяжко тим угасити, иже суть во власти
И иже не труждшеся почивают, страсти
Не укрощают, ядят доволѣ и піют,
К тому аще з богатством многую имѣют
Власть, силу и державу. Такіи то вишше
Мѣри горѣют, хотят еще преизлишше
Показати власть свою: бо кто может много,
Могти хощет, и еже не может; нѣкого
Не слушает, вся творит по своей си волѣ,
Сверипѣет, лѣтает, поки будет в долѣ.
Нѣсть сего безчинія во дворѣх убогих,
Идеже нѣсть свободи, ни сластей премногих.
Вѣжд убо, что достоит велможам творити,
К тому звол господина на памяти мѣти.

Велможа

Господин мой муж ми есть, любящій мя зѣло,
Мню, захощет мя простити и покрити дѣло
Такое.

Совѣсть

Любов свою в лютій гнѣв претворит,
Аще токмо се увѣсть, и милость затворит,
И прощенія не дасть.

Велможа

Не твори ми труда.

Совѣсть.

Труда тебѣ не твору, но з любви от студа
И срама отвожду тя.

Велможа

Кій се срам или студ,
Чого сердце желает?

Совѣсть

Студ есть велій.

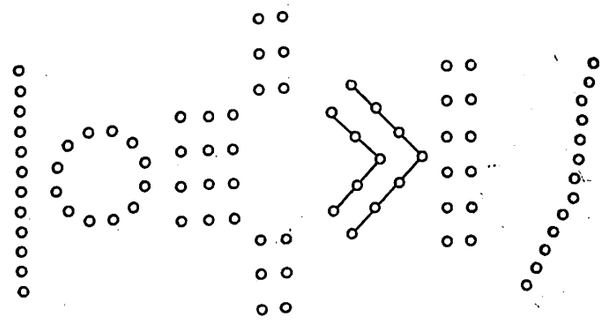
Хор

Младенци Аравицстіи скачуще в своем ликованіи являют, яко скорби и печали не токмо убогих и богатих, но царей превисоких во дни и в нощи, во снѣ и на явѣ многовидно смущают и мучат.

Младенци Аравицстіи *(поют и скачут)*.

Танец.

Всяка слава пребогата[a]
И порфѣра з чиста злата
В бѣдах опливает,
Покою не мает,
Аще людей многих,

Славних и убогих
В руках мѣет
И всѣми владѣет.
Мечта мала привѣдѣнна
Не дает сна вожделѣнна,
Но велми смущает,
Зѣло устрашает
Нищих и богатих,
Сирот и мужатих,
Во снѣ дручит
И на явѣ мучит.

(По танцу интермедія).

Дѣйствіе 5

ЯВЛЕНІЕ 3

Іосиф, от уз изведенній, пред всѣми сенаторами толкует сон царевѣ и ради презящнѣйшаго толкованія раздрѣшает скорб царскую.

Сенатор 4 *вопрошает виночерпію:*

Сей ли ест Іосиф?

[a] Тут до рукопису додано схему з таким підписом: «Образ хору, як мурининкы скакали».

Виночерпія отвѣтует:

Сей; сему сон скажѣте.

Ц а р

Разбійте на нем тія окови, дадѣте
Ему лучшу одежду. Слишахом ми, яко
Ти можеш познати и столковати всяко
Сонное видѣніе. Столкуй и нам, аще
Что можеши.

І о с и ф

Бог един вишній, иже зраще
Будущое время и лѣта, яко силній,
Может, аще восхощет, дати толь обилній
Дар рабом своим и тѣм открити
Вся недовѣдомія тайни, извѣстити
Же что невозможно ест от спасенних его
Сокровищ кромѣ Бога.

С е н а т о р 1

Послушай сна сего.
Мняшеся цар быти близ рѣки; из нея же
Седм крав добраго взора исхождаху, яже
Добре сити и тучни тѣлесома бяху
И мало пасяхуся. По сих исхождаху
Другіи седм крав, тѣлом и образом худи
И, ходяще з первими, воскорѣ на уди
Разторгше, крав избранних пожроша худія;
Ниже наситишася, изядше ситія
Крави, едначе бо всѣ худи худи бяху,
Еще бо и болшея снѣди требоваху.
Воспранув же цар от сна и воздрѣмав, паки
Уснув и се другій сон страшній видѣ: аки
Седм класов от еднаго стебла израстоша
Избраннія, полнія; по сих изникоша
И другія седм класов, вѣтром истонченни,
И поядоша первих, ниже насищенни
Быша. Сей сон сказахом многим, но никто же
Ниже в Келесиріи и Лидѣ возможе
Нам его столковати, и то нас смущает
Зѣло, яко не вѣми, что сон сей вѣщает.
Ты же по данной тебѣ божой благодати
Звол от сердца царскаго такую отяти
Скорб нуждную и скажи ясно, что ест сіе
Странное видѣніе.

І о с и ф

Се близ градут дніе[a]
Добри и весели и дніе скорби полни
И смерти лютой; седм бо лѣт будут доволни
Всякаго обилія, плодов земних, яже
Знаменуют добрих седм крав и класов. Таже
По сих другія седм лѣт, в та будет глад велій
И не будет на земли ни трави, ни зелій,
Ни хлѣба, ни воли на седм лѣт: то являют
Крави худіи, добрих изядшіи. Мают
Тое ж толкованіе и класи сухіи,
Полних пожершіи, а не ситіи; тіи
Бо седм лѣта плодніи прейдут, и забудет
Всяк по всей земли прежней ситости: не будет
Же знаяй обилія земнаго от глада,
Будущаго на седм лѣт, никая отрада
Готова будет гладним язиком. А яко
То имать непремѣнно быти, се еднако
Явленній двоякій сон о тойже единой
Вещи в кравах и в класах Бог являет. Иной
Вѣсти о таких снах нѣсть вѣрно глаголати.
Нинѣ убо, великій цару, звол пріяти
Совѣт от мене, раба твоего: постави
Человѣка разумна, да в твоей державѣ
Собирает плод житен седми лѣт обилних,
От нихъже се первое лѣто ест; и в силних,
И в богатих да хранят вся плоди, вся жита
И пшеницу, да будет доволство на лѣта
Оная злая, да тако отнюд не вредится
Гладом египетское царство.

Ц а р

Что вам мнится,
О князи: добрѣ ли он вѣщает?

С е н а т о р 1

Никто же
Лучше столкует.

С е н а т о р 4

Ни ввесь Египет возможе
Показати такаго мудра человѣка.

С е н а т о р 5

Аз же глаголю, яко нинѣшняго вѣка
Ни ввесь мір имат мужа тако совершенна,

[a] Проти цього рядка приписано збоку: «*Святий Іосиф сон толкует*».

Иже бы будущія имѣл откровенна
Таинства, нѣсть бо сіе познати возможно
Разумом, что Бог своим си рабом неложно
Являет.

Ц а р

Но и аз во сердци моем маю
Великую отраду, ибо ощущаю
Духом нѣкую радость предивную з тоей
Его бесѣди: мнит бо ся ми, что из моей
Глави як тяжчайшій камень низверженній
Ест: так мя веселит толк его совершенній
И разум.

ЯВЛЕНІЕ 4

Цар Іосифа за толикую его премудрость повелѣвает облещи в царскія своя утвари и, возложивши ему гривну злату на выю, поставляет его вторим царем всему Египту и вдает под его власть совершенну все свое царство. Пентефрій же, видѣв сія, страха ради оттуду тайно вон исходит.

Ц а р

Понеже тя Бог явил такова
Мужа и нѣсть мудрѣйша над тебе, се нова
Тебѣ слава достойна ест: ти собирати
Имаши всяк плод житен и началствовати
Над всѣми людми; к сему же ты един буди
Первій во моем царствѣ и тебе вся люди
Яко цара втораго да славлят, не иним
Почтеніем, яко чтут мене; аз единим
Престолом болши буду от тебе. Дадѣте
Ми царскія утвари. Князи! облецѣте
И. Приступи ближае. Днесь тя поставляю
Втораго цара всего Египту и вдаю
Под твою власть все мое царство, и никтоже
Во всем Египтѣ дерзнет что либо, егоже
Аще ти не схощеши[а]. И аз без твоея
Любвы не двигну в царствѣ ни руки моея.
Отселѣ нарицайся спасителем міру,[б]
Яко ты благодати небесной над мѣру
Исполнен еси: ибо достовѣрно сказал
Еси такую тайну, еяже не познал
Весь Египет и весь мір не знает; не знати
Же тоей, пришло бы нам з глада погибати[в].

а Проти цього і двох попередніх рядків приписано: *Пентефрій, негодуя, со страхом и воплем вон исходит.*
б Проти цього рядка: *Іисус Христос.*
в Проти цього рядка: *Зде Іосиф (во) царя поставлен.*

ЯВЛЕНІЕ 5

Пентефрій, видѣвше, яко Іосиф, егоже он крѣпко оковал бяше желѣзом и хотѣл уже убыти, сотворен ест царем вторим, боится и зѣло смутится, понеже видает же велможи, яко Іосиф нечаянно Господь ест всему Египту; но велможа открывает ему злобную хитрость свою, како ея ради неповиннѣ страдал Іосиф, и обѣщевают от Іосифа прощенія себѣ испросити.

П е н т е ф р і й

О лютѣ нам ест нинѣ! О бѣда велика
Близ уже!

В е л м о ж а

Не буди то, господи!

П е н т е ф р і й.

Толика
Нам скорб настоит, яже, аще прійдет, всяко
Скончаватися требѣ.

В е л м о ж а

Кая то скорб тако
Люта?

П е н т е ф р і й

Не вѣси ли, что нинѣ сотворися
Во Египтѣ?

В е л м о ж а

Не вѣм.

П е н т е ф р і й

Страх великій нам родися.

В е л м о ж а

Кій страх?

П е н т е ф р і й

Іосиф, раб наш, господин нам нинѣ
Ест и всему Египту; и се во единѣ
Чести з Фараоном днесь славно посажденній
Сѣдит, яко цар, всѣми чтомій, возведенній
Бо ест на престол царскій. Аз же страха ради
Изійдох тайно, да не з тобою и чади
Нашими велит мя днесь погубити или
В изгнаніе послати.

В е л м о ж а

Ни, не бойся.

П е н т е ф р і й

Ни ли
Ти внимаеши, ниже познаеши бѣди
Сея?

Хор вкупѣ и епілог

Возвѣщает, яко Іосиф, от уз из темници изведенній и престолом царским почтенній, прообразова Христа, возставша от мертвих и за пріятіе смерти славою и честію вѣнчанна, превишше всѣх небес на божественном посажденна престолѣ.

Страшную тайну Бог нам показует,
Егда Іосиф Христа зобразует:
Дивній младенец, отрок всеблаженній,
З темници и уз дивно изведенній,
На престол, яко цар, взійде во славѣ
Велицѣ и все во своей державѣ
Имѣяше царство. Ему же вси князи
Воздаваху честь должную, а врази
З студом и з страхом своя прекланяху
Глави и аки цара почитаху.
Образ той Христа воскрешшаго бяше,
Иже вознесе в небо тѣло наше,
Иже одесних Бога посажденній
И божественнѣ славою почтенній,
Емуже з страхом ангельскіе хори
Премирних естеств со святих собори
Побѣдную пѣснь поют, як Богу,
Поклон и славу твораще премногу.
Того мы просим Христа, цара слави,
Да вам слишащим увѣнчает глави.

МИЛОСТЬ БОЖІЯ

Окреме місце в репертуарі шкільного київського театру належить драмі, виставленій у 1728 р.: «Милость божія, Украину от неудоб носимых обид лядских чрез Богдана Зиновія Хмельницкаго... свободившая». Це драматизація подій недавнього минулого — першої визвольної війни українського народу проти пансько-шляхетської Польщі та феодального гніту взагалі в 1648—1654 рр. на чолі з Богданом Хмельницьким.

Автор твору — палкий український патріот і козакофіл, ім'я якого нам невідоме; М. Максимович, що вперше опублікував драму в 1888 р., вважає автором її Феофана Прокоповича на тій підставі, що вона вміщена в рукописних збірниках творів Прокоповича, слідом за його драмою «Владимір». Справді, в кінці пророцтва, яке в цій п'єсі виголошує Україні «Смотрѣніе божіе» (акт V), є вірші, дуже близькі до пророцтва апостола Андрія в епілозі трагедокомедії «Владимір». Проте в 1728 р. Прокопович уже не належав до числа викладачів Київської академії, і важко припустити, щоб там ставилася п'єса, написана сторонньою людиною, бо писати шкільні п'єси і виставляти їх було обов'язком викладача піітики і риторики. В 1727—1728 рр. таким викладачем був Іннокентій Нерунович; в 1728—1729 рр.—Феофан Трофимович; очевидно, один з них і є автором «Милості божої».

П'єса невелика на розмір, хоча подібно до «Владиміра» має п'ять актів. Зовнішньої дії в п'єсі дуже мало; це ряд монологів і діалогів самого Хмельницького, кошового й козаків, персоніфікованої України, яку Вість повідомляє про перемогу під

Жовтими Водами, під Корсунем, про втечу панського війська з-під Пилявців, про облогу Львова і т. д.— про всі події 1648 р. в тому вигляді, в якому вони зображалися козацькими «літописцями» і складачами дум. П'єса закінчується апофеозом Хмельницького (IV акт) і діалогом України і «Смотрѣнія божого», що пророкує їй її долю за монархів російських аж до Петра II і до «пізнайшого вождя», тільки що обраного гетьмана Даніла Апостола.

Вперше глядач київського шкільного театру бачив на сцені не лише свого національного героя, а й його безіменних сподвижників. У автора немає виняткової пристрасті до козацької старшини; в уста Хмельницькому він вкладає заклик до товариської згоди, до некорисливості: справжній козак не повинен гнітити своїх братів, і його єдиним завданням мусить бути слава й оборона батьківщини. Багато місць драми є безпосереднім відгуком дум. Скорочений текст п'єси наводимо нижче за виданням: *Антонович и Драгоманов*, Исторические песни малорусского народа (т. II, вып. 1, Кнев, 1875).

МИЛОСТЬ БОЖІЯ,

Украину от неудоб носимых обид лядских чрез Богдана Зиновія Хмельницкаго свободившая, и дарованными ему над преславнаго войск запорозких гетмана, на незабвенную толиких его щедрот память реляхами побѣдами возвеличившая, на незабвенную толиких его щедрот память презентованная в школах кіевских 1728 лѣта.

Дѣйствіе 1

ЯВЛЕНІЕ 1

Богдан Хмельницкій долю козацкую оплакует, и новые совѣты в ум пріемлет.

Егей, славы нашея упадок послѣдній!
Чого в свѣтѣ живучи дождал козак бѣдный!
Докозаковалися и мы под ляхами...
Честь и славу в нивочто нашу обращают,
Козацкое потребить [1] имя помышляют.
Сея ли мы от тебе, ляше, ожидали
Платы, егда вѣрности нашей показали
На земли и на морѣ знаменія многа,
Бодуща тя врагов си сокрушая рога?
Се ли достойная мзда? Сія ли заплата
За службу нашу? Се ли зыск наш и интрата [2]
За неисчислимые пріятые раны,
За смерти различные на различной брани,
За толикіе и толь славные побѣды
Терпѣли толикіе, толь тяжкіе, бѣды:
Грабленія, насильства, утиски, досады,
Узы и прочая, без всякоя отрады?
О, и вспоминати то, во истинну, студно;
А як самим дѣлом нам терпѣти не трудно!
Что так безумни есмы, что так помраченни,
Что спим, акп летаргом яким омраченни?

[1] знищити [2] чистий прибуток

О, жалю мой незносный, больше ли чекати.
Крайней ли погибели еще выглядати
Будем? Не видим, что ся грядет? Окаянни,
Егда стеная молчим, тако поруганни
Суще. О, нечувствія нашего! Страдати
Кая нужда есть, аще честь за честь воздати
Можем! Татаре, турки и нѣмци бували
Не страшни: и ляхи ли ужасни нам стали!
Сверѣпые львы, тикры, вепри побѣждати
Удоб было: от зайцов ли станем втѣкати?
Когда шабля при нас есть: не совсѣм пропала
Многоименитая оная похвала
Наша; доказовала чуждой славы много
Она: студа ж своего не отмстить такого
Не отобрали еще ляхи нам остатка:
Жив бог, и не умерла козацкая матка!

Хор.

Муза и Аполло грядущую ляхом погибель предвозвѣщают.

Не видиш, поляче,
Кто на тебе плаче,
Кого обиждаеш;
Кому досаждаешь?
Славу ти сотворших
Побѣды порождших,
Тщишся погубити,
Славу испразднити.
Гдѣ ж услуга тая,
Егда вся благая
Своя оставляли,
Тебѣ воевали;
Крови не жалѣли,
Голов не щадѣли,
Тебе заступая,
Тебе прославляя?
О, что ж ожидает,
Кая месть чекает,
Яко за благое
Воздаеши злое!
Коль лютое время,
Коль тяжкое бремя,
Пошлет на тя вскорѣ,
Судяй правду горѣ!
Се, твоя предѣлы
Пройдуть сквозѣ стрѣлы,
Слонце зайдет в хмуры,
Вдарять на тя бури;
Шкуры тебѣ дерти,

Главы будуть терти,
Шіи вытягати,
В ярмо закладати,
По лѣсах гонити,
По рѣках топити,
З склепов выдирати,
Аж за Вислу гнати.
Прійдуть на тя злая
Непремѣнно сяя:
Бог бо тебѣ судит,
Суд его не зблудит!

Дѣйствіе 2

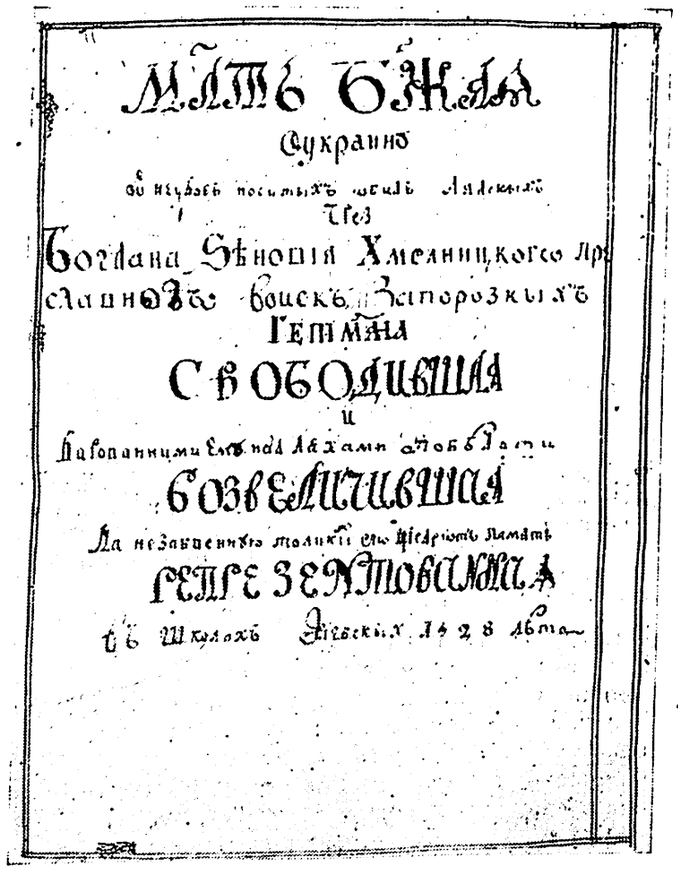
ЯВЛЕНІЕ 1

Хмельницкій козакам запорожским обиды и озлобленія неудобноносная, от ляхов дѣемыя, предлагает, и свой им совѣт объявляет, которому коштовій именем всѣх козаков отвѣтствует, и як в прочіих потребах, так найпаче в том, послушних себе быть, и голов своих не щадѣть, обѣщает.

Хмельницкій

Пріѣзду моего к вам вина есть не ина,
Панове запорожцѣ, токмо се едина,
Что по премногих бѣдах неисповѣдимых,
И утисках всегдашних, неудобстерпимих,
Крайняя всѣх нас уже хощет постигнути
Пропасть, которой як бы могли убѣгнути,
Поки еще время есть, треба разсужати,
И что полезно будет, сіе предъизбрати:
На вас бо то залежит, или жити тако
При козацких вольностях без налога, яко
Издавна жили, или вѣчными рабами
В ляхов быть, которіи як хотят над нами
И над дѣтми нашими руки истирают.
И уже явного нас студа исполняют.
А мнѣ далеко лучше видится и главу
Свою положить, нѣжбы козацку славу
И Украину з крайним студом потеряти,
Или неблагодарным врагом голдовати [1]:
Вѣдаете бо вси, и не токмо вы сами;
Но и весь свѣт гораздо вѣдает со вами,
Яко вѣрности в нас ляхи дознавали много
Колико отвратили от голов их злого,
Когда за них на брани перси выставляли,
Когда кровь проливали и головы клали,
Когда той не мог отнюдь дружитися с нами,
Кого между своими имѣли врагами,

[1] коритися

Драма «Милость божія». Титульна сторінка з рукопису першої пол. XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

Когда мы их от татар и турков предѣлы
З непрестанным опаством всегда боронили,
А они за нами, як за муром стояли,
Или и на обѣдвѣ уши еще спали,
Ворочуячися. Я не воспоминаю
Древних оных дѣл наших, како же их маю
Изрещи, не вѣм, ибо не токмо их полно
Было на земли, но и на морѣ довольно.
Свѣдѣтель есть Трапезонт, на пень посѣщеный,
Свѣдѣтель есть и Сыноп, з землею смѣшенный.
Являют и славные оные подходы
Аж под Константинополь, или и народы
Самые тамошніе, их же веси, гради,
Хутори, егда и сам салтан, вертограды
Своя обходяще, зрѣл, иные спалили,
Иные же в нивочто тако разорили,

Что который пыхою надмен, обладати
Цѣлым свѣтом мнѣл себе, обаче признати
Рад, не рад истинную храбрость превелику
Козакам понужден был. Что же и колику
Вѣрность свою свѣдчили, уже и недавно
Того доказовали под Хотинем явно.
И сами ляхи сіе, чаю, нам признают,
Люб и не токмо славѣ нашей зазрощают,
Но и всегда худыми словами, елико
Возможно, умаляют умыслне толико.
И Османовы войска когда напирали
Найпаче на козаков, ясно показали,
Что лядская вся при нас была оборона,
Которую если бы избили, корона
Польская давно б уже до чорта пропала,
И сама своего бы слѣду не познала.
А козаки первые когда мужественно
Выдержали инкурсы, тогда дерзновенно
Великій во воинствѣ его учинили
Падеж, и самый ему обоз разорили.
Тако о силѣ своей гордящеся зѣло
Османа посрамили, и мира всецѣло
Искати понудили. Но что ж исчисляю?
Мір сим и иным дѣлам нашим поставляю
Во свѣдѣтельство, яже есмы яко полни
Отважного сердца, так и в похвалѣ довольни.
Но что ж? Видите, як нам за сія платили
И платят услуги; коль тяжко угнѣтили
Бѣдную Украину тыми очковыми[1],
Поемщизнами[2] тыми, тако ж роговыми.
Повымышляли к тому уже и ставщизны,
А при иных поборах и сухомельщизны.
Власное наше добро в очах перед нами
Арендуют, и в своем невольни мы сами.
И уже по времени а ни дѣтей родных,
Ни жен власных наших, нам не будет свободных.
Что ж говорить о иных бѣдах наших больших?
Что о безчестіях, и укоризнах горших?
...О горе! о болѣзни! о неизреченна,
Студа нашего печаль, но не оконченна,
Злоба их! ибо уже и вѣру святую
Испразднити тщатся, а ввести треклятую
Унію помышляют, и божіи храми
Вездѣ своими хотят оскверняти мшами[3].
Словом рещи: всѣх в конец мыслят потребити,
И славу козацкую в пепел обратити.

[1] податком від вулика [2] платнею селянина поміщикові за дозвіл одружитися [3] обідняли

Что убо сотворите, теперь разсуждайте,
Когда еще можете, всяк о себѣ дбайте:
Послѣдней ли пагубы своей ожидати
Что день будете, или и зол убѣжати
Грядущих и обиды отмстити, якіе
Доселѣ претерпѣли за дѣла благіе?
Я на бога всю мою надежду слагаю!
Его, во первых, себѣ помощи желаю;
Имѣю же надѣю на шаблю по бозѣ,
Что нахилит под наши врагов наших нозѣ.
Только вы всѣ в един гуж со мною тягните,
А отчизны и вѣры своей не дадите
Православной до конца от них пропадати
И козацкой на вѣки славѣ исчезати.

Кошовой

Поки силы нашея, поки духа стане,
Будем себе боронить, вельможный гетмане,
Туркам, татарам в очи отважне ставали
За плюгавцев тых, когда на них наступали.
За себе против ляхов не вооружимся,
В своих бѣдах помогти себѣ убоимся?
Вѣдаем, яко всѣм нам Украина мати,
Кто ж не похощет руку помощи подати
Погибающей матцѣ, был бы той твердѣйшій
Над камень, над льва был бы таковый лютѣйшій!
Мы всѣ, як прежде были без всякой отмовы,
Так и найпаче тепер служити готовы,
Будем себе и матку нашу боронити,
Аще нам и умерти, будем ляхов бити!

ЯВЛЕНІЕ 2

Козаки Днѣпром пришедши, приходят до Хмельницкаго, и что ляхам сдѣлали, ему повѣдают; вѣстник извѣщает не далекій лядскій приход; Хмельницкій кажет козакам на кони сѣдать.

Хмельницкій

Что вы за козаки и откуля?

Козаки

З ляхами
Посланіи были ми Днѣпром байдаками.

Хмельницкій

Кто вас послал з ними, и гдѣ вы их подѣли?

Козаки

Гетманы обидва нам ѣхать повелѣли.

Хмельницкій

Гетманы гдѣ?

Козаки

З обозом по волѣ ступают:
Но гдѣ уже суть, или куда натягают,
Сего знати не можем: бо Днѣпром единых.
Поки они настигнут, а землею иных,
Ради скорости, легко передом послали,
Сами с табуром нога в ногу поступали.
Шембрак из Сапѣгою поѣхал землею,
И сын же Потоцкаго з юртою тоею!
А нам казали спѣшно ступати водою,
Придавши комисаров для лучшаго строю
И безпечности.

Хмельницкій

Гдѣ суть ваши комисарѣ?

Козаки

Где ж уже сидят, може у чорта в кошарѣ:
Бо мы еретиков тых нещадно побили
Иншых, а инших живцем в Днѣпрѣ потопили.
Лучше збравши, що будет, то будет, терпѣти,
Нежели ляхам, хотя присягши, служити.

Хмельницкій

Не бойтеся, надежду на бога имѣем
Милостива, что нашим врагом одолѣем;
А что вѣрне служить им в церкви присягали,
Перед богом такую кондицію[1] клали:
Аще не будут они насильствовать вѣру
Нашу святую, и не переберут мѣру
В поступках своих з нами, и за службу нашу
Не такую, як мы пьем, будем пити чашу;
Чого они поневаж сами не сполняют,
Дармо и от нас себѣ вѣры ожидают.

Вѣстник

Ляхов, вельможный пане, не далеко чути.

Козаки

Що румом[2] поѣхали, мѣли то прибути.

Хмельницкій

Не страшний нам есть приход и самих гетманов,
Не устрашается дух от ляхов Богданов.
Нуте только, молодцѣ, на конѣ сѣдайте,
А пришествія оных к себѣ не чекайте:
Приходящим к нам гостям на встрѣчь поѣзджаймо,
А пришествія оных к себѣ не чекаймо.

[1] умову [2] вільним шляхом

Дѣйствіе 3

ЯВЛЕНІЕ 1

Украина о помощь и пособіе божіе Хмельницкому во брани той просить.

Украина

В безмѣрных бѣдах моих в неисповѣдимой
Болѣзни и печали, во неусладимой
Горести сердца имам се мало отрады,
Се утѣхи ощутих нѣчто того ради,
Что чада моя уже як от сна востали
Коего, и нечувство далече прогнали
От себе, и вси обще почали гадати,
Як бы матери своей пропасти не дати.
Малодушіе и страх всякій отложили,
Дерзость и безстрашіе себѣ прилучили,
На предлежащій подвиг весело ступают,
Скорбь мою преложити на радость желают.
Но, увы! не извѣстна фортуна есть брани...
...Горе мнѣ! что сотворит суще побѣдитель,
Таков и толикій мой враг и озлобитель
Раздраженный? Ко тебѣ, о боже всесильный,
Прибѣгаю аз, воззри на плач мой умильный!
Доколѣ мя до конца забудеши, боже?
Душа моя от скорби во мнѣ изнеможе.
Доколь лице от мене свое отвращаешь,
Доколѣ без отрады мене оставляешь?
Призри с небесе и виждь на мое толико
Окаянство, и помощь низпосли, владыко...
... И Богдану моему яви неизмѣрну
Благодать твою! Буди вожду прововѣрну
Столп крѣпости, от лица врагов заступая
И правовѣрных его воев защищая,
Сотвори, да иже мя посрамити тщатся,
Вѣчным на брани студом сами посрамятся!
Да возрадуются же, иже в тебѣ чают,
Твоей помощи в бѣдах своих ожидают!

ЯВЛЕНІЕ 2

Вѣсть приходит, повѣдая преславные козаков над ляхами побѣды, и студное их за Вислу прогнаніе, и торжественное вскорѣ Хмельницкаго на Украину возвращеніе.

Вѣсть

Не плачь, о Украино, престани тужити,
Печаль твою на радость время преложити:
Призрѣ на тя с небесе вышняго зѣница,
Поборствует по тебѣ божія десница!
Жолтые Воды злату при брегу своему
Побѣду породили Богдану твоему.
Шембрак из Сапѣгою пошли оглядати,
Таврики, свою хану визиту отдати,
А Стефан Потоцкій, сын гетманскій, з своими
Лучше в пеклѣ збрав жити, нѣж в Крыму з чужыми.
Корсунь другой побѣды есть тебѣ свѣдѣтель,
Явися Хмельницкій твой паки побѣдитель;
Врагов твоих студно в лѣс як зайцов загнали,
И единых побили, других повязали:
Там сам гетман Потоцкій, там и Калѣновскій
Польный, там и Синявскій, там и Бѣгановскій;
Там Яскольскій, и инии там многіе взяти
Пошли в слѣд Шамбрака и Сапѣги искати...
... Далѣ, Украино, все Богдан твой ступает,
От Львова до Замосця скоро приступает.
Слава о нем повсюду дивная проходит,
Имя его до морей послѣдних доходит,
А ляхам так страшно, что гдѣ либо повѣют
Вѣтры, всѣ, же Хмельницкій идет, разумѣют.
Таковый и толикій ляхов побѣдитель,
И богом дарованный тебѣ избавитель
Супостат твоих в мѣста пустыя загнавши,
А по Вислу границу тебѣ закопавши,
Вскорѣ, торжествуя, он к тебѣ возвратится,
Неисказанна радость тебѣ с ним явится.

Украина

Словеса твоя дивно мене утѣшают,
Егда толикіе мнѣ побѣды глашают;
Убо се по словеси твоему да будет:
Богдан мой, побѣдитель толик да прибудет!

Хор.

Дѣйствіе 4

ЯВЛЕНІЕ 1

Хмельницкій со торжеством на Украину возвратився в Кіев, при вратах торжественных благодарит бога за толикіе побѣды: дѣти украинскіи, во училищах кіевских учащіися, его привѣтствуют, потом и козаки чрез писара толикой ему славы вѣнщуют.

Хмельницкій

Что тебѣ воздамы мы, о всеблагій боже?
Кто бо твою к нам милость изрещи возможе?
О тебѣ супостаты нашя побѣдихом,
Тобою гордіи их думы низложихом,
И духи попрахом, ни на лук, ни на стрѣлы,

Ни на инши якіе уповахом силы.
Десница, о господи, твоя прославися,
В крѣпости, десная ти рука утвердися
На них, пособляя нам. Отселѣ познаю,
Яко щедроты твоя по нам поборают.
Не до конца бо твоих вѣрных забываешь,
По гнѣвѣ милостива себе им являешь:
Наказуешь, но яко отец милосердый,
Ибо потом бываешь аки щит им твердый,
От лица вражія в день брани защищая,
И всякія далече скорби прогоняя.
Сіе коим извѣтом будем утверждати,
Довольно показуют твоя благодати
Ко нам: праведным твоим судом мы страдали,
Яко неправды нашя тебе прогнѣвали.
Но егда мы милости твоея искахом,
И благоутробіе твое не престахом
Молить: призрѣ с небесе на нашя обиды,
Толикіе нам нынѣ дарова побѣды.
Рог убо правовѣрных твоих возвышенный
Супостат без отрады стенет побѣжденный:
Твое сіе дѣло есть, а не человѣка,
Буди благословен ты от нынѣ й до вѣка!

Дѣти украинскія.

. . . . . .

2.

Отчества любовь, яже в тебѣ распалила
Сердце твое ко брани, но и пособила
Тоюжде ти в побѣдѣ так, что разъяренный
Супостат твой явися весьма помраченный.
Вся бо яже суть в мірѣ, любовь побѣждает,
Любве неудобное ничтоже бывает,
Всяк убо, иже имать Отчество любити,
Не может тя никогда в любвѣ не имѣти.

3.

Славою предков твоих поощрен, на рати
Побѣдил еси славно твоя супостаты;
От двоих бо едино восхотѣ имѣти:
Или умерти, или врага побѣдити,
Но козацка от тебе слава смерть прогнала,
А над врагом побѣду тебѣ даровала;
Иже убо за Отчу подвизался славу,
Безсмертным слава вѣнцем увѣнчает главу.

4.

Добродѣтель твоя есть торжества виною
Нынѣшняго, побѣди сею единою
Врага твоего; ибо так сильно ничтоже
Обращается, или так высоко, что же
Мужеством добродѣтель своим не превзыдет,
А може она когда наконец не взыйдет;
Добродѣтель убо мы твою величаем,
Тебѣ Несторовых лѣт от бога желаем!

Писарь

Аще тя и малыя дѣти привѣтствуют
И богом данной тебѣ побѣды вѣншуют,
Як мы не устыдимся безстудно молчати,
Як будем нѣмотою уста заграждати?
О едина похвала наша, о Богдане,
О дивный в гетманѣх, ты, наш вельможный пане!
Радуется о тебѣ Россія Малая,
Веселитжеся купно и церковь святая:
Ибо твоя то были первые порады,
Не оставить матери своей без отрады;
Но елико возможно в бѣдѣ утѣшити,
Горькую ея печаль в сладость премѣнити.
Се уже и самым то дѣлом совершися:
Скорбь далече отбѣже, радость водворися.
Торжественные гласы происходят всюду,
Тамо пѣсни слышатся, кимвали оттуду,
Грады, веси, дубравы, горы, холмы, рѣки,
Красно являют лице свое с человѣки!
Словом единым сказать: як Вкраина стала,
Толикая в ней радость еще не бывала.
Кто ж не признает, что все, что-либо имамы,
Так чудныя измѣны, яко над врагами
Нашими преславно мы нынѣ торжествуем,
А они воздыхают? тебѣ долженствуем,
Твоим добродѣтелем должны восписати,
Тебѣ благодарствіе должны воздавати;
Будут убо вѣтіи вездѣ тя славити,
Будут и ритмотворцы дѣла твоя пѣти
З гисторіографами: мы тя поздравляем
Толикою славою, а к тому желаем:
Которую днесь радость имѣем тобою,
Долгим твоим житіем утверди по бою!

Хмельницкій

Радости сея не я и не добродѣтель
Кая моя вина, но творец и содѣтель

Наш: благодареніе ему возсылайте,
Его дивную ко нам милость величайте.
Прочее в мирѣ между собою живите,
Друголюбіе над вся паче возлюбите.
И малыя бо вещи умножает згода,
Великія вопреки вмаляет незгода.
А желѣзо доброе важте и над злато.
Злато бо потемнѣет без него, як блато.
Что злато и что сребро ляхам пользовало,
Коликіе ж богатства желѣзо побрало?
З сребных полумыс отцы наши не ѣдали,
И з золотых пугаров они не пивали.
О желѣзѣ старались, желѣзо любили,
И велику тѣм себѣ славу породили.
Оних путем идите, оних подражайте,
Славы ища, богатство вы за ничто майте.
Не той славен, который многа лѣчит стада,
Но иже многих врагов своих шлет до ада:
Сему едино токмо желѣзо довлѣет,
А злато или сребро ничтоже успѣет.
Что бог даст, тѣм довольни суще, ни коея
Не обидите ни чим братіи своея:
Кто лѣсок добрый, или хуторец порядный,
Кто став, кто луку, кто сад имѣет изрядный,
Болѣть или завидѣть тому не хотите.
Як бы его привлащить к себѣ не ищите.
Ибо когда козаки уже обнищают,
То не долго остатки ваши потрывают.
Откуду коня, или ручницю, откуду
Инный порядок возьмут, аще не оттуду?
А без тых приборов, что, мните, по нас будет?
Слава, без сумнѣнія, наша не прибудет.
На послѣдок глаголю: сами не купчуйте:
Лука, стрѣлки, мушкета и шабли пильнуйте!
Куплями бо обвязан житейскими воин,
Имени сего весьма таков не достоин.
И дѣтей своих, скоро отправлят науки,
До сей же обучайте козацкои штуки.
Тако творя, вражія потрете навѣты:
Радость сію на многи удержите лѣты.

Дѣйствіе 5

ЯВЛЕНІЕ 1

Украина радуется богу, помощнику своему, и благодареніе возсылает.

. . . . . .

ЯВЛЕНІЕ 2

Смотрѣніе божіе предсказует Украинѣ незыблемое ея блажество под крѣпкою непобѣдимых монархов всероссійских рукою, добрым и рейментарским правленіем.

Смотрѣніе
Радуешися богу, тебѣ пособившу,
Украина, в брани, врагов же низложившу
Твоих, и обліявшу необычным студом:
Но радуйся и дивно о тебѣ строящу,
Дивным тя смотрѣніем утвердить хотящу.
Славы твоей толикой мнози ненавидят,
Толикому счастію не мало завидят:
Но зависть тая, их же самых погубляет,
Егда сердце, аки ржа желѣзо, снѣдает:
Тебѣ же не принесет вреда никоего;
Никако не умалит блаженства твоего:
Прійму бо тя под крѣпку руку свою вскорѣ.
Непобѣдиміи на земли и на морѣ
Монархи россійскіи,— поборники суще
Иже благочестія, зловѣрных бодуще:
Тебѣ в твоей потщатся пособляти нуждѣ;
Не лишат тя помощи своей, аки чужды.
Под тым непроломимым щитом пребывая,
Аки на твердой скалѣ себе утверждая,
Посмѣешься всѣм вѣтром; волны возмущенни,
Аще даже до небес будут вознесенни.
Егда вихром гоними, начнут ударяти,
Пропасть отверзающе, но поколебати
Отнюдь тя не могуще, разбіются сами
С приходящими купно о камень водами.
Внемли же глаголемым!

Украина
Прилѣжно внимаю,
Слово твое радостнѣ в себѣ разсуждаю.

Смотрѣніе
Петр тебѣ будет камень, от бога поданный,
И за величество дѣл, Великій названный.
Камене того ниже злобные совѣты,
Ни вражія преломлят противных навѣты,
Ниже воспріятые тяжкіе походы,
Ни страшные многажды под грады подходы,
Смерть развѣ единая поздняя сокрушит.

Украина
Увы мнѣ окаянной, убо мя порушит!

Смотрѣніе
Стой, не бойся, за камень первый сокрушенный,
Камень другій, не меньшій, будет положенный,
Петр, глаголю, имени Вторый таковаго,

Монарха Всероссійскій бога всеблагаго
Милостію увѣнчан, не даст ти упасти,
Не даст и славѣ твоей всячески пропасти.
Тот еще мал отрок сый, но не дѣтоумен,
К пользѣ державы своей вельми остроумен;
Совершеннаго мужа в юности являя,
Великих по себѣ дѣл знаки подавая,
Подасть ти Даніила, вождя изряднѣйша,
Не токмо благородством над иных краснѣйша,
Но и дѣлы храбрыми славнаго, который,
Супостатом Хмельницкій твоим будет вторый.
Имя его устрашит сосѣд твоих зѣло,
А чего ж уже само не докажет дѣло?
Что убо врази твои, что будут творити?
Будут от зависти аж до костей худѣти,
И оружьем не можа острым воевати,
Языком много начнут на тебе щекати,
Аки грубу в народѣх тебе поносяще,
Аки наук чуждую тебе обносяще.
Но бог, тя во воинском искуствѣ и штуцѣ
Прославивый, прославит тойже и в науцѣ.
И сіе коллегіум чрез Петра Могилу
Основав произведет в толикую силу,
Что от него вѣтіи красноглаголивы,
Тонкіи философы, богоглаголивы
Богословы, сильніи и дѣлом и словом
Проповѣдники, стадо пасущи Христово,
Пастыріе премудри, святи, преподобны,
Древним оным церковным свѣтилам подобны,
И инны изрядніи мужіе изыйдут,
К тому начатки сіи совершенство пріймут.
Тако ти, мир ли будешь, или брань имѣти,
Над врагом твоим главу будеш возносити.

Украина

О, боже! возсіяй ми день он скоро златый,
Толикое блаженство мое оглядати!
Даждь мнѣ Петру Второму, от тебе избранну.
И тобою наслѣдним вѣнцем увѣнчанну,
Поклоненіе мое должное воздати,
Толику его милость ко мнѣ величати,
Даждь и его вѣрному вожду, Даніилу
Здравіе, долготу дній, во всем спѣх и силу!

Хор

Поет похвалы Хмельницкому.

Вѣчной похвалы от нас есть достоин,
Храбрый на земли и на морѣ воин,
Войск Запорозких Хмельницкій старѣйшій,
Вождь изряднѣйшій.

Отчество над вся паче возлюбивый
И его ради нивочто вмѣнивый
Роскоши, покой, корысти, интраты,
И всѣ приваты.

Православныя церкви супостатом,
Найпаче мерзким трепет унѣятом,
Отеческих догмат усердный хранитель
И защититель.

Дѣл предков своих теплый подражатель,
Древней козацкой славы соблюдатель,
Славою на брани положити главу
Готов за славу.

Добродѣтельми сими украшенный,
Божія к тому духа исполненный,
Горесть обратить нашу хотя в сладость,
Печаль на радость.

Первіе начал предлагать совѣты,
Како вражіе прогнати навѣты,
А по совѣтѣх принялся за дѣло
Поспѣшно зѣло.

Сразився с врагом своим доблественно,
Прогнал за Вислу даже немедленно;
Свыше бо ему помощь прибывала
И укрѣпляла.

Тѣм ляхов виктор преславный явися,
Побѣдам его весь мір удивися;
Пребысть студ, печаль пагуба з ляхами,
Торжество с нами.

О, кто тя лѣпо восхвалит, Богдане?
Кто толиких дѣл высоты достане?
Мы, иже похвал достойна тя знаем,
Не увѣнчаем.

В похвалах твоих язык наш бездѣлен,
Ублажить бо тя достойно не силен;
Будешь разве ты возвеличен в небѣ,
Яко есть требѣ!

Эпилог

Дивную милость божію, к нам, прежде осмидесят лѣт явленную, нынѣ дѣйствіями и явленіями краткими предложихом вам, богом собранные, слышателіе и зрителіе. Великое воистину дѣло, яко великаго блаженства виновное; но величеству наше скудоуміе равное не было. Но и кто божія щедроты, найпаче же толикія к нам милости, по досто-

инству ублажити может? Обаче сего ради молчати не подобаше: ниже бо бог от нас требует, чего не можем, требует же да богатно изливаемая его на нас благодѣянія в незабвенной памяти содержим. Аще бо и не якоже лѣпо, но якоже от нас возможно бяше, благоутробіе его прославихом, но за безмѣрное божественных его к нам щедрот величество, что либо или не прилично творихом, или погрешительно изрекохом, благоразумієм своим да покрыете, всесмиренно молим. Аминь.

«ТРАГЕДІА О СМЕРТИ УРОША ПЯТОГО» М. КОЗАЧИНСЬКОГО[а]

Мануїл (в ченцях Михаїл) Козачинський народився 1699 року в містечку Ямполі в родині польського шляхтича. Закінчив Київську академію. В числі шести «магистров», посланих 1733 р. до сербського міста Карлівці (Сремський комітет Славонії) київським архієпископом Рафаїлом Заборовським на прохання сербського митрополита Вікентія Іовановича, був і колишній відмінний вихованець Академії, Мануїл Козачинський. Протягом чотирьох років він працював префектом і викладачем латинської мови Карлівецької школи. Уже на початку своєї діяльності в Сербії М. Козачинський пише шкільну драму на місцевому історичному матеріалі під назвою «Трагедіа сирѣчь печальная повѣсть о смерти послѣдняго царя сербскаго Уроша Пятаго и о паденіи Сербскаго царства...», яка у червні 1733 року була поставлена («произведена на феатре») учнями Карлівецької школи. У зв'язку з розпуском Карлівецької школи влітку 1737 року Мануїл Козачинський повертається до Києва і вступає послушником до Видубецького монастиря, де в січні 1740 року стає ченцем під ім'ям Михаїла.

Понад шість років (з 1739 до середини 1746 р.) М. Козачинський працює професором і префектом Києво-Могилянської академії, де він прочитав три курси філософії, тексти яких збереглися до нашого часу, і курс богослов'я. В цей час М. Козачинський продовжує свою літературну діяльність. Його перу, напевно, належить анонімна шкільна драма типу moralité «Образ страстей міра сего образом страждущаго Христа исправися», написана близько 1739—1740 рр. і зв'язана деякою мірою з тогочасними подіями, зокрема із поверненням запорожців та заснуванням Нової Січі, з діяльністю Рафаїла Заборовського, який за власні кошти надбудував другий поверх над головним корпусом Київської академії. Готуючись до запланованого приїзду Російської імператриці Єлизавети Петрівни в Київ на богомілля в кінці серпня 1744 року, Михайло Козачинський пише і видає у лаврській друкарні панегірик (мовами: книжною українською, латинською і польською) на її честь і шкільну драму «Благоутробіе Марка Аврелія Антонина, кесаря римського», що була поставлена 5 вересня 1744 року в присутності самої Єлизавети Петрівни (до речі, іменинниці), певно, на сцені Київської академії.

М. Козачинський у своїй драмі «Благоутробіе Марка Аврелія», побудованій на матеріалі із історії римського імператора-філософа, в алегоричній формі прославляв російську імператрицю. Наслідуючи зміст і форму панегіричних од М. В. Ломоносова, М. Козачинський у своїх одах, правда, не достатньо ще довершених в літературно-художньому відношенні, висловлював такі самі думки і почуття.

[а] Даний підрозділ (вступна частина і уривки з тексту драми) підготовані спеціально для цього видання «Хрестоматії» кандидатом філологічних наук, доцентом Ф. Я. Шоломом.

У віршах М. Козачинського, як і у віршованих вправах його сучасника, професора Харківського колегіуму Стефана Вітинського, ми зустрічаємося з першою на Україні, хоча і не досить вдалою, спробою використання принципу силабо-тонічного віршування, викладеного ще 1735 р. В. К. Тредіаковським у його книзі «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». І хоча з художнього боку панегірик і особливо драма «Благоутробіе Марка Аврелія» не відзначаються високими якостями (на жаль, не збереглись чотири інтермедії до цієї п'єси, які треба думати, були більшою мірою зв'язані з реальним життям народу), все ж звертання до історичної тематики у цьому творі свідчило про продовження кращих традицій української шкільної драми, які йшли ще від «Владиміра» Феофана Прокоповича. Не стояв вище інший панегіричний твір М. Козачинського «Философія Аристотелева по умствованію перипатетиков изданная», присвячений прославленню Олексія і Кирила Розумовских, написаний прозою і віршами і виданий 1745 року також трьома мовами — книжною українською, латинською і польською.

У зв'язку із скаргою професорів Київської академії (Варлаама Лащевського та інших) на М. Козачинського, архимандрит Рафаїл Заборовський «отдалил» його від усіх посад Академії і направив знову до Видубецького монастиря.

Пізніше ієромонах Михайло Козачинський переводиться ігуменом в Гадяцький Червоногорський монастир, а наприкінці 1748 р.— до Слуцького монастиря, де в сані архимандрита він і помер у серпні 1755 р.

Найкращим твором М. Козачинського є, звичайно, його «Трагедіа сирѣчь печальная повѣсть о смерти послѣдняго царя сербскаго Уроша Пятаго и о паденіи Сербскаго царства, сочинена и произведена 1733 года в Карловцѣ Сремском. А нынѣ прочищена и исправлена предлагается трудом и тщаніем І[ована] Р[аїча]. В благодаріе богу труд сей принесен за 69 лѣто-дарованныя жизны. В Будимѣ: Печато при Кралевск. Универ. Писмени Славено-Сербскія Печатни. 1798». Драма ця, як бачимо, дійшла до нас уже в частково переробленому вигляді учнем М. Козачинського, згодом відомим сербським вченим-істориком Іованом Раїчем, який опублікував її лише через 65 років після першої вистави — 1798 року, зробивши відповідні помітки на полях із вказівкою, хто з них писав ту чи іншу частину.

Написана під значним впливом шкільних на історичну тематику драм («Владимір») Ф. Прокоповича і «Милость Божія, Украину чрез... Богдана Зиновія Хмельницкаго... свободившая...», трагедія М. Козачинського про смерть останнього короля Сербского Уроша V і про падіння Сербського царства подає досить широку картину сербської історії — від виникнення східного Сербського царства і до перших десятиріч XVIII століття. Драма складена в основному 13-складовими силабічними віршами з цезурою після 7-го складу. В ній 10 дій з коротким прологом і епілогом. Судячи із зауважень і поміток видавця трагедії І. Раїча, переробки зазнали майже всі 10 актів, які Раїч розділив на окремі дії, а також випустив «несходствующіе» основній історичній темі, на його думку, «действія», напевно, інтермедії — про Митаря і Фарисея, про багатого і Лазаря та інші.

Шкільна драма М. Козачинського, написана і поставлена в Сербії ще 1733 р., має велике історико-пізнавальне значення як для вивчення історії розвитку української літератури середини XVIII ст., так і для висвітлення українсько-сербських культурних і літературних взаємин того часу.

Подаємо уривки з драми за виданням: А. Соболевский. Неизвестная драма М. Козачинского, «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», кн. XV, вип. 2 і 3, Отдел III, Киев, 1901, стор. 49—122.

ТРАГЕДІА,

СИРѢЧЬ ПЕЧАЛНАЯ ПОВѢСТЬ О СМЕРТИ ПОСЛѢДНЯГО ЦАРЯ СЕРБСКАГО УРОША ПЯТАГО И О ПАДЕНІИ СЕРБСКАГО ЦАРСТВА, СОЧИНЕНА И ПРОИЗВЕДЕНА 1733 ГОДА В КАРЛОВЦѢ СРЕМСКОМ, А НЫНЕ ПРЕЧИЩЕНА И ИСПРАВЛЕНА ПРЕДЛАГАЕТСЯ ТРУДОМ И ТЩАНІЕМ І. Р.

Пролог

Провозвѣстник изшед отверзает дверь слова обявляя в чем настоящая повѣсть представитися имать, и глаголет:

Любомудрецы рѣша добро быти зѣло,
еже мужей прехвалных восхвалити дѣло,
достойно, и праведно да поздныя вѣки
како они пожиша между человѣки
вѣдома память будет, и имя их славно
к подражанію людем представится явно.
Тѣм и мы умыслихом в настоящем годѣ
кацы бяху царіе во Сербском народѣ
показати явственно: и како скончася,
како бяше под Турки, и како поддася
под милостивѣйшую римскую державу,
ей же до днесь смиренно преклоняет главу
воспомянути токмо: Вы извольте внятно
прешедшая (сладко бо) и благопріятно
послушати, а мы все будем показати,
точію глаголемым хотите внушати.

Сія рек возвратися.

Дѣйствіе 1

ЯВЛЕНІЕ 1

Стефан первовѣнчанный Краль показует свой род, и племя, откуду, и како произыде.

Краль сам

Аще кто вопросит мя, кто аз, и откуду
есмь, племя мое влеку, и мою породу,
хощет явѣ познати: Аз священна рода,
и богом прославленна; се моя порода.
Отрасль есмь священная из Луцы Стефана
Пресвитера всечестна, прадѣда блаженна.
Емуже бог дарова сына Любомира
мужественна, вѣжлива, любителя мира.
Он по себѣ остави любезнаго сына,
по имени Уроша, и того едина
Урош паки породи Тихомила славна,
и за ним Чедомила по всему похвална.
Тихомила прослави бог в чадородіи:
Зане подаде ему от его породи,

Четири красны сыны Завиду перваго,
Сретимира прекрасна тогожде втораго.
Послѣдовал Первослав во братіях третій,
по нем же родился Стефан брат троих четвертый.
Сей за славная дѣла Неманя назвася,
прочих бо всѣх превзыде, тѣм тако прозвася.
За подвиги и разум Жупаном поставлен
во жупаніи рашкой от Краля приставлен
Георгіа далматска и кротка и тиха,
егоже он любляше паче всѣх излиха.
Сего то аз Немани бых сын первородный
и брат Вулкан, и Радско вси братія кровны.
Егда бѣ лѣт тридесять начат воевати,
от Греческія земли страны отнимати.
Разширяя предѣлы Сербскаго кралевства,
и прибавляя грады тогожде державства.
Повнегда вся устрои, начат помышляти
о спасеніи душы труды полагати.
Вся суеты оставив в гору святу пойде,
к Саввы сыну своему, и до него дойде
во монашескій образ уже облеченный
из Стефана Симеон старец нареченный.
Ко Исаку Комнину славна Царя града
Савва брат мой отходит мысленнаго стада
Архіпастырь бывает: и вѣнец принесе,
Егож на мя возложи, и тѣем превознесе
первовѣнчанным нарек во Сербліи Кралем
не менша мене прочих во Европѣ царем.
Вѣнец же той посла мнѣ царь Константинополскій
Исакій Аггел Комнин тесть мой превысокій.
Титлой Мегажупана почтив благолѣпно,
и сверх того одарив дарами богатно.
Тѣмже всякому хощу да будет извѣстно
яко аз пріях царство правилно и честно...

Дѣйствіе 2

ЯВЛЕНІЕ 1

Сербліа благодареніе приносит богу, яко сицеваго даровал ей царя, и возвеличил ю о мнозѣ.

Сербліа сама

Оглашеннѣй истинѣ без всяка порока,
слава богу что имам аз царя высока.
Бог да благословит и, входы ж и исходы
да прочіи увидят языцы, и роды,
яко в нашей Сербліи во прямых Хрістіанех
суть царіе, суть князы, суть крѣпцы во бранех.
О сем промыслителю богу слава буди,
яко в благости своей посѣтил есть люди,

достояніе свое, верх их возвышая,
и от свыше и низу о них промышляя.
О боже, о господи, о владыко! кую
принесу ти за сіе почесть каковую,
еже благодарити возмоглаб здѣ явѣ
непостижимѣй твоей божіей державѣ;
яко не повергл еси прочіим под нозѣ
царем вѣнца моего, его же на мнозѣ
вси языцы искаху покровни тмою
имуще завистлива врага со собою.
Нынѣ же вси смирены трепещут ужасны
иже лаяху нѣгда, суть нынѣ безгласны.
Шумят, молвят напрасно, но не успѣвают,
паче же принуждены главы преклоняют.
Имам бо крѣпка царя, и превознесенна,
егоже всѣм являю именем Стефана.
Он во чести достойных своей подтверждает,
недостойных же паки тояжде лишает.
Законы и правила людем полагает,
благонравія образ по всюду являет.
Епіскопом прямая опредѣлил мѣста,
иже даже доселѣ нераздѣлны бѣста.
Оруженосных добрѣ устроил есть воя,
еже защищать тѣми вся предѣлы своя.
Ничто мнѣ недостает, во всем изобилна
есмь, и благонадеждна, крѣпка же и силна.
Яко бог царство мое устроит во вѣки,
и прославит е всегда между человѣки...

Дѣйствіе 3

ЯВЛЕНІЕ I

Стефан превысокій царь Сербскій состарѣвся призивает князы своя, и раздѣляет между ими страны царства своего в правленіе...

ЯВЛЕНІЕ II

Царь особеннѣ призивает Вукашина, и вручает ему сына своего и все царство до возраста его.

Царь

Сего ради позови княза Вукашина,
и прочих нам отвѣрных от священна чина
да препоручу ему до возраста сына
все царство при всѣх явно, и того едина.
Вукашину дам царство, ибо ему равен
едва изобрѣтется, и честію славен
К тому же и странныя умѣет языки,
умѣеть и наш Сербскій муж же сей толикій.
Не кичится, глаголют, но кроток есть в нравѣ,
а бесѣду его днесь услышим вси явѣ...

Вукашин

Добрѣ убо аз буду царством управляти,
а и сына твоего стану обучати.
Егдаж придет во возраст совершен из гола,
то будет он наслѣдник отческа престола.
Нѣсмь аз якоже вѣси измѣнник и луда,
Отдам ему все царство без всякаго труда.

Царь

Обаче Вукашине вѣси, вси какову
имамы непобѣдну мы вѣру Христову:
а вси претыкаемся часто, суще люди,
сего ради здѣсь в посрам се тебѣ не буди
Кленимися при крестѣ, да сотвориш тако,
яко обѣщал еси, отнюд не инако.
Лобжи евангеліе, и то да будет ти
во страшный день судія, да угонзнеш сѣти.

Вукашин

Сам бог да побіет мя се моими словы,
кленуся, что невчиню козны неистовы.
Но отдам царство цѣло твоему породу,
Се с клятвою глаголю при всему народу.

Царь

Слышите вси людіе, коль глаголет красно
Любезный мой Вукашин, во всем мнѣ согласно.
Обѣщает отдати, и без всякой скорбы
царство сыну моему такожде без борбы.
Сын мой отчич наслѣдник, дѣдич, но млад лѣты,
тѣм отдаю ти его во твоя совѣты.

Царь умре потом.

Дѣйствіе 4

ЯВЛЕНІЕ I

Вукашин кичится, яко пріят царство Сербское, и не хощет возвратити е господину своему...

Дѣйствіе 5

ЯВЛЕНІЕ I

Урош жалуется на Вукашина, яко лестію похити царство, и не хощет возвратити е ему.

Урош сам

До смерти учитися, обще гласит слово,
всякому человѣку, но на мнѣ се ново

явися: яков отец никто таков бяше
иже бы Вукашину недать, глаголаше
Царство: но вси томужде попустиша быти,
нынѣ же, невѣм како его возвратити.
Похити бо похити Вукашин жестокій
весь каменный нечувствен, к томуж яроокій.
Страховидный истинно, и аки звѣр дивый,
клятвопреступник оный зѣло горделивый.
Ни от царска, ни княжя произиде рода
но и львовой ярости, и тигрова плода.
Поправ совѣсть, и клятву разори зловѣрный,
вес же стался напищен воспріят яд звѣрный.
Изгна собор, ни блага слушает совѣта,
аки вервіем нѣким связался налѣта.
Ни что ино другое от него нечути,
токмо недам, пак недам, тако стался лютый.
Но аз имам надежду в едином на мнозѣ,
Царствующем повсюду во господѣ бозѣ.
яко неоставит мя жива со Хрістяны,
О боже милосердный милость твою на ны
низпосли, и утоли вся нужды и скорбы,
Отжени ненависти, распры, браны, борбы.

Аггел пришед утѣшает Уроша скорбяща...

ЯВЛЕНІЕ II

Урош, Вукашин, Собор, Вражда.

Урош

О боже, о владыко! живу аз до колѣ,
не хощу противится твоей святой волѣ.
Нищету, изгнанія, темницу, оковы
и вся нужды терпѣти за правду готовый.
Токмо яко же Стефан молюся, остави,
Вукашину ты грѣха сего непостави. ...

Вукашин

Аще бы аз дал царство, то бы была явѣ
толь превеликой моей укоризна славѣ.
И что нынѣ вес народ есть мнѣ подчиненный
то от толь без оружія был бы побѣжденный
аз сам: ни, недам, моя рука да владѣет,
убити тя на сіе сили ми довлѣет.
Отиди, отидиже, отиди глаголю,
да не когда Уроша, и тебе исколю.

Собор

Не послушал еси ты моего совѣта,
громом будеш убіен, лишишися свѣта.

Вукашин

Иди, иди отсюда мнѣ бо твои громы
не тако, яко тебѣ суть велми страхомы.

Урошу глаголет

Ты хощеши от мене царство назад взяти:

Урош

мнѣ яко наслѣднику должен еси дати.

Вражда наущает Вукашина убити Уроша.

Что слышу Вукашине, и что слово твое,
отдати царство на граг, то чтож бы новое
было: помяни нынѣ кая ти есть слава,
потом каков будет смѣх от рода лукава;
Лучшеб неродитися, неж то сотворити,
имѣвши в руках царство на зад возвратити
Ни ли имаши остра меча обоюдна;
возми живот от земли царевича студна
Прободи и, и тогда ты сам царствовати,
безпечално будеши, что болш глаголати.
Убій, убій, бій скоро, извлецы меч силне,
во вѣк будет все твое царство неомилне.

Отиде.

Вукашин ярится

Аще кто вспротивится моей царской власти,
вся уды, вся утробы, раздроблю на части.
От стрѣл моих триста стрѣл ядом напоенных,
вонзу ему во сердце, иных безчисленных
Орудій мучительских: тыже что стоиши,
и почто царскій вѣнец на главѣ носиши;

Урош

Отец мой законный царь, и право мнѣ дало,

Вукашин

есть, постой, да в мои руцѣся достало.
Сложи вѣнец, царства бо отдать невозможно.

Урош

а почто Вукашине клялся еси ложно.
Тогда Вукашин убивает Уроша...

Дѣйствіе 6

ЯВЛЕНІЕ I

Мати ищет сына со отроковицами: и егда и егда извѣстися ей, яко убіен есть, плачется горко...

Дѣйствіе 7

ЯВЛЕНІЕ I

Вукашин призивает Волхва да истолкует ему сон погибели его...

ЯВЛЕНІЕ II

Отчаяніе приходит, и осуждает Вукашина...

Вукашин

Ах, паде спасеніе, кая мнѣ отрада;
да сниду убо жив сый до темнаго ада.
Здѣ Вукашин громом убивается.

И кончится.

ЯВЛЕНІЕ III

Сербліа разграбленна и опустошенна рыдает...

Дѣйствіе 8

Сербліа тужит о разореній царства своего, и яко подпаде под иго, и раболѣп... агарянское...

ЯВЛЕНІЕ II

Патріарх, пришед утѣшает Серблію.

Патріарх

Мню яко всевышный бог мене тебе ради
послет, яко ищеши в печалы отрады.
От нелѣ бо смерть отят царя твоего родна,
вся страна царства Сербска к томѣ нѣсть
свободна:
Подпала бо прегорко сія страна свѣта,
и в ярем тяжкій пришла турчина проклята.
Но не скорби Сербліе, аз нелицемѣрно
Патріарх твой сказую, се ти буди вѣрно,
яко за тя пастырски тако крѣпко стану,
дондеже изпод ига зведу твою страну.
Аз умолю Кесаря да прімет вся люди,
токмо ты о Сербліе в вѣрности пребуди.
Аз и прівілегіи у его державы
исходатайствую ти, да ко твоей славы
придасть почесть, и милость и вся свободу
благочестивому же сербскому народу.
Церквы будет свободно монастыри здати,
свободно епископом Іерей посвящати.
И иная такова он тебѣ дарует,
и постоянно мѣсто за тебе сготует...

ЯВЛЕНІЕ III

Паки Сербліа тужит, яко патріарх Чарноевич умре, а ученія ей и школ не остави...

Дѣйствіе 10

Марс величаяся сказует, яко в Серблех науки не суть на потребу.

ЯВЛЕНІЕ I

Марс. Беллона. Паллас и Завись.

Марс

Что нам от ученія ползы, или кая
происходят во Мірѣ от него благая;
Довлѣет нам саблею царство защищати,
тою можем у царя милости снискати.
Ученія бо тамо никто не требует,
идѣже собственною кровію воюет.
Паллас, також Минерва мудрости богини,
да идут из Сербліи уже в страни ини.
Оружій и саблею царскую державу
распространи во мірѣ и храбрость, и славу:
токмо да придет сѣмо храбрая Беллона,
вознесем имя Сербско даже до Сіона.

Беллона

Добрѣ ты глаголеши славно быти всюду,
имя наше во мірѣ Паллас же от куду
имѣла бы здѣсь прити, что будет творити;
Весма мы сему дѣлу, здѣ не хощем быти.
Она бо мира учит, а мы творим браны,
аще убо та придет, ты Марсе престани
Остру уж свою саблю болше изостряти,
и Беллона престанет слово простирати.

Паллас

Кто когда без мудрости побѣдитель бяше,
или без ученія кто торжествоваше;
Есть ли без ученія Марсовая сила
под черними горами турка побѣдила.
Темишваром, Белградом, и под Варадином,
не без мудрости бяше под самим Будимом
брань: но почто Марс свою силу восхваляет;
и почто ученіе здѣ уничтожает;
Без него же самый свѣт мнится потемненный,
без него день свѣтлѣйшій зрится помраченный.
Ученіе милуют царіе, и князы,
вси е хотят умѣти строптивы и блази.
Развѣ емуже завись очи помрачила,
Или страсть сердце мраком темнѣйшим покрила.

Ихже вси изчезают во суетѣ дніе,
человѣцы сицевы вси суть проклятые,
иже уничтожают ученіе свято,
рожденіе их быти сказуют проклято
Соломон в премудрости главѣ третой чтите,
а прочитавше молю, да ся умудрите...

Епилог

Серблія созивает чада своя, и совѣтует им, еже прилѣжати к наукам.

Серблія

Услышите вы мой глас о Сербскія дѣти,
малы, и велицы, и дораслы лѣты,
зане же слово мое ко всѣм вам стремится
без изятія лица к комуждо клонится.
Доколѣ вы храмлете во мрацѣ ходяще
прилѣпится к наукам отнюд нехотяще.
Не вѣм есть ли кто во вас, иже бы неславен
быти желал пред людми. или поне хвален.
В домѣ богат, обилен, а на поли честен,
равнѣж никто не хощет быти в вѣк безчестен.
Но гдѣ сія сыщутся, гдѣ ли обрѣтутся,
из коих источников тая почерпнутся;
Развѣ в школах изрядных, и добрых науках,
в нравах честных и благих медоточных струях.
Смотрите вы молю вас, прочія народы
колики собирают от ученій плоды:
Ктоже возбраняет вам тыяж собирати,
развѣ небреженіе науки искати;
Зане вы хощете с нею имѣть дружбу,
то и она не хощет вам быти на службу.
Сей в церкви достоинства имѣти желает,
а он в штатѣ почести высокія чает:
не получаяж оних сердцем унывает,
тужит, и жалуется, за что то бывает.
За то, зане он к тому отнюд есть негоден,
к званію науками зане нѣсть удобрен.
Яко же птицы без крил не могут лѣтѣти,
тако сіи без наук не могут имѣти
чести, и достоинства желанію сходна,
но презрѣни оставше бывают безплодны.
Желаніе ученых сам бог награждает,
желаніе же глупцев, яко воск растает.
Соломона послушай, что тебѣ вѣщает,
и каковы совѣты он тебѣ подает.
Стяжи, рече, премудрость, стяжи же и разум,
и чтеніем писаній просвѣти ты твой ум.
Не остави мудрости, и та тя соблюдет,
возжелѣй токмо ея, и та тя вознесет.

Она дасть главѣ твоей вѣнец благодатей,
и сохранит тя от всѣх злых и вредных страстей.
О коль блажен человѣк премудрость стяжавый
разуму же и смыслу себе привязавый!
В десницѣ бо ея есть жизнь дома, блажена,
а в шуицѣ богатство, славаж возжеленна.
Стезы ея вси мирны, вси путіе добры,
восклоншіися на ню суть крѣпцы и бодры.
Утренюяй к мудрости, той не утрудится,
и бдяй в учени добром не опечалится.
Она сама обходит, и достойных ищет,
аще токмо охотно кто ея поищет.
Ищущих премудрости, сама их срѣтает,
им же и присѣдящи у них обитает.
Любимиков возводит ко вѣчному царству,
к веселію, радости, к нетлѣнну блаженству.
Но при том же і сіе да будет вам внятно,
яко без честна нрава ничто есть пріятно.
Яко же бо без соли пища есть невкусна,
тако без нравов добрых наука есть гнусна.
Ону яко невкусну всяк омерзѣвает,
сію ж яко порочну кійждо оплевает.
В злохудожну бо душу премудрость не внидет,
и дарь ученія к ней свыше не пріидет.
Сія двоя спрягните науки, и нравы
тым образом жизнь ваша исполнится славы.
Сотворите вы опыт, и тогда увѣсте,
яко правду глаголах, сами исповѣсте.

Конец.

«КОМИЧЕСКОЕ ДѢЙСТВІЕ» М. ДОВГАЛЕВСЬКОГО

Митрофан Довгалевський, викладач піітики в Києво-Могилянській академії, автор складеного латинською мовою в 1736 р. курсу поетики, що зберігся до наших часів, є також і автором двох п'єс, з яких одна належить до великоднього циклу («Властотворний образ человѣколюбія божія», 1737 р.), а друга («Комическое дѣйствіе», 1736 р.) — до драм різдвяного циклу.

«Комическое дѣйствіе» складається з одного акту в чотирьох явах, з прологом, епілогом, кантами і інтермедіями після кожної яви. Своїм типом п'єса ніби попереджає серйозну частину вертепної драми. У прологові старозавітний Валаам пророкує про народження Христа. У першій яві царі-волхви, що їх веде зірка на сході, ідуть поклонитися народженому Христу; у другій яві з ними розмовляє цар Ірод, дуже занепокоєний народженням нового «царя»; у третій — Ірод «зѣло яряся печалует о погубленіи царства и невозвращеніи к нему вспять царей»; персоніфікована фігура Декрету божого віддає Ірода до рук Смерті і Диявола; четверта ява — промови Человѣколюбія божого і Даніїла з пророками, які провіщують милість людському родові. Кінцевий кант — прославлення свята.

П'єса є ніби оболонкою того, що найбільше цікавить глядачів,— інтермедій, і своїм загальним обсягом інтермедії значно більші від тексту самої п'єси (першу і третю з них див. нижче, стор. 356—364).

Текст п'єси подаємо за виданням: *В. Резанов*, Драма українська, вип. IV, К., 1927.

КОМИЧЕСКОЕ ДѢЙСТВИЕ

В ЧЕСТЬ, ПОХВАЛЕНІЕ И ПРОСЛАВЛЕНІЕ ПО ПРОРОЧЕСТВУ И ОБѢТОВАНІЮ РОЖДШЕМУСЯ, ВЕТХОМУ ДЕНМЫ, МЛАДЕНСТВОВАВШЕМУ ПОД ЛѢТИ, УСТИ ОТ ВѢКА ПРОРОК ПРОВОЗВѢЩЕННОМУ, ЯВЛЕНІЕМ ЗВѢЗДИ И ПОКЛОНЕНІЕМ ЦАРЕЙ СВѢДИТЕЛСТВОВАННОМУ, ЦАРЮ ЦАРЕЙ, ХРИСТУ ГОСПОДУ, ВСЕМИРНОИ ДѢЛЯ РАДОСТИ ЧЕТИРМА ЯВЛЕНІИ ИЗОБРАЖЕННОЕ.

1736 году декабря 25.
Автор сего Іерм. Митрофан Довгалевский.

Пролог

В его же мѣсто виходит Валаам и хваляся пророчествует о пришествіи Хри[illegible]ом, и предсказует кратко о всем комическом слѣдующом дѣйствіи, в четирех явленіях заключенном.

Неложная словеса, яже бог пред вѣки
Усти вездѣ прорече, смертни человѣки:
Нѣсть бо в его словесех каковой измѣни,
Зане ест сеи един бог, праведніи єдини.
Рече от тми мрачнія свѣту возсияти —
Бист тако по глаголу,— а не инак стати;
Разним рибам во водах плаваніе мѣти,
Птицам же поднебесним горѣ возлетѣти,
Человѣку на земли сладчаишая лѣта,
Провождати повелѣ временнаго свѣта;
Солнцу и лунѣ нощной, свѣтилам великим,
Теченіе творити, по силѣ толиким;
Звѣздам заимствовати свѣтлост от них всяку
По различію всякой и доволству таку;
Паче влія благодат великія сили
В человѣка над него никая б успѣли:
Разум смисла подаде, почти красотою,
Образа подобіем, всею добротою;
Кромѣ настоящих благ — будущая знати,
Праведно и нелестно о тѣх прорицати.
Тѣм и мнѣ, Валааму, откри таини слово,
Еже в проротчествѣ сій аз ношу готово;
Вѣчніи залог положи в вѣчном своем синѣ,
Родитися хотящим в убогой яскинѣ,
Ім же вѣки сотвори, ничто бист без него,—
Сего послать изволи из лона своего

На избавленні всѣх и яже суть в мирѣ,
Падших же собственнѣе праотец во вѣрѣ,
Иже перву заповѣдь преступиша тощно,
От чего би хранитис весма бяше мощно;
Обаче восхотѣша равни бити богу,
Воспріяти подобну власт и силу многу,
Недоволни господней милости драгія
Влияніем разума имѣти благія:
Убо за попраніе божія закона
Лишишася сладости горняго Сиона,
Внутр и внѣуду тяжких скорбеи исполненни,
Раиска добра и чести весма сут лишенни.
Чтож творит всещедрій бог, с небесе призрѣвій,
Падшим отцем какову милость изявивій?
Обѣща им послати со небесе сина —
Свѣдител в Вифлеемѣ яскиня — едина:
Сеи от свѣта денници Ияковли пріидет,
В силѣ крѣпости своей ввесь народ превзіидет,
Сотрет князя моавля, посем плѣнит сили,
Побѣждая Сифови сини и предѣли.
Сему унуки мои, тріе цари силни,
Водиміи звѣздою, дари изобилни
Принесут; но Ірод царь весма усумнится,
І о рождествѣ его бѣднѣ засмутится,
Тщатимется убити, отнюд не возможе,
Сам точію враг Христов в жизни изнеможе;
Пошлет, гнѣвом поощрен, младенци избити —
Декрет божій убійци пріидет вся отмстити;
Человѣколюбіе божіе с пророки
Пѣснь воспоют на земли с аггелски отроки.
Аз, преславній Валаам — пророк в дѣлѣ, словѣ:
Узрите, яже рекох, в слѣдующой мовѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Предшествующей звѣздѣ виходят тріе царіе, унуки Валаамовы, для разсужденія видѣнной необычной звѣзды на востоцѣ.

Цар первій глаголет младшій.

Что звѣзда необична в свѣтлости толика,
Стояща на востоцѣ? Кол вѣло велика!
По ученію нашом астрономска дѣла
В искуствѣ не имѣют художства цѣла,
Ежеби сицевую видѣти денницу,
Кая б могла повреждат очесну зѣницу.
В хитрости астрономской вся звѣзди на явѣ;
В сеи же дивнѣ свѣтится образ самой слави:
Воистину от всѣх звѣзд сію отдѣляю,
И в ней чудо нѣкое бити разсуждаю.

Вам ся что мнит, о друзи, что би разсуждати,
І кую би таину в ней возмогли познати?

Цар вторій говорит старѣйшій.

Аз от дѣда моего, Валаама званна,
Сподобихся слишати, яко будет данна
На небеси сицева звѣзда необична,
Яже воистину сей во всем ест прилична.

Цар третій говорит найстарѣйший.

Отчасти и мнѣ сіе памятно ест слово
В разглаголствіи дѣда, перво и готово:
Еще бо прежде смерти о сей звѣздѣ бити
Ізволи во слух усѣм ясно предложити,
О ней же и написа во книзѣ нетощно —
Достовѣрія ради посмотрѣти мощно.

Цар первій паки говорит.

Зѣло израдній совѣт и слово пріятно:
Посмотрѣт писанія, да будет унятно.

Цар вторій паки говорит.

Тако, воправду тако: яко глаголаше
Дѣд наш прежде, Валаам, сице написаше,
Что возсияет звѣзда Ияковля рода
Й ізіидет человѣк ізраилска плода;
Сеи погубит моавля князя всея слави,
Плѣнит сини Сифови и вся их держави.

Цар третій говорит.

Убо пріимѣм, о друзи, шественнія труди,
І пут нам предлежащій к тому царю буди;
І градѣм от нашея отческія страни,
Да не будем плѣненни от него во брани.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

Виходят царіе со дары кланятися, до которих Ірод приходит и о шествіи их камо пут творят, вопрошает; посем Ірод молить их, да возвращшеся от пути возвѣстят и ему, гдѣ цар нов родися.

Цар первій говорит младшій.

От конец земля грядем, ищуще владики,
Гдѣ рождейся пресвѣтлій цар в славѣ велики,
Его же на востоцѣ звѣзда знаменала,
По свѣдителству дѣда, пут нам указала.
Се прійдохом кланятис, чест воздати должну
Яко царю, владицѣ всеи твари неложну.
Принесохом и дари: ливан, смирну, злато,—
Молим слезне, да будет за благо принято.

Цар вторій говорит старѣйшій.

О даби щастя наше не тощное било,
И царя нам рожденна вскорѣ изявило,
Даби сподобилися младенца повита
Кланяющеся зрѣти благознаменита!
Тол бо долго шествуем чрез два уже лѣта,
Обходяще многіе страни сего свѣта;
Не живем в царствѣ своем, ниже на престолѣ,
Когда звѣзду видѣхом,— воправду оттолѣ.

Цар третій говорит найстарѣйшій.

Почто сумнитися нам? Зрим звѣзду на небѣ,
Яже тамо нас ведет, аможе нам требѣ.
Болше уже шествіе твориты дерзали,
Ни мислию ни сердцем когда унивалы,—
Потерпѣм мало: звѣзда гдѣ пут свой заставит,
Тамо, мню, яко царя рождшагося явит;
А донелѣ не станет, за нею спѣшимо
И пут нам предлежащій охоче творѣмо.

Ірод цар приходит.

Камо шествіе ваше и пут предлежащій
Днес творите, царіе, спѣшно настоящи?
Мнѣл бих, брань з ким творити — но вон не многи:
Развѣ кому кланятис хощете под ноги?
Се бо вижду и дары тол драги, велики —
Рцѣте, кого ищете болшаго владики?
Аз есмь царь, непобѣдим и велик во слави,
И кто противустанет днес моей держави?
Рцѣте, камо пут ваш есть от запада солнца,
Яже на восток нинѣ мало не до конца?

Цар старѣйшій отвѣщает.

Доселѣ величеству нѣст еще извѣстно
Твоему, яко родис царь новій безмѣстно,
Іже подсолнечною имѣет владѣти,
На престолѣ всемирном державно сидѣти?
Сего держава на всѣх слава вознесенна,
Яже еще отдревле нам есть возвѣщенна
От дѣда Валаама; сему дари носим,
Да поспѣшшеся к нему милость себѣ спросим.

Ірод глаголет.

Странная и скорбная, весма непріятна
Слишу от вас словеса, ниже вѣроятна:
Яко внов сицевій цар родися во свѣтѣ,—
Развѣ не в моей землѣ, ни в моем повѣтѣ,
Іже би могл и моим царством завладѣти,
Низринув мя с престола, сам дерзнул сидѣти?

Убо, друзи, молю вас: пут нинѣ творѣте,
І поклоншеся ему и мнѣ возвѣстѣте,
Да и аз шед поклонюс, чест воздам приличну,
Яко царю новому и нами владичну.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТОЕ

Виходит Ірод цар и зѣло яряся печалует о погубленіи царства и невозвращеніи к нему воспят царей; до которого виходит Гнѣв и поощряет его, да вскорѣ послав воя своя во Вифлеем избиет дѣти. Посем виходит Декрет божій и призивает Смерть и Діявола, да умерщвлят Ірода за младенцов неповинное убійство.

Ірод говорит.

Ярост мя нинѣ зѣло на се возбудила,
Зане странная словес сила побѣдила
Царей: побѣди, яко не могу востати.
Уви! Что мнѣ и царству днес ся хощет статы?
Се бо слишах, яко цар нов родис под лѣти,
Іже мя во свою власт может покорити.
Не будет се, не будет! Аз бо есм цар славній,
Крѣпчайшій от трех частій свѣта показанній;
Моя земля богатства зѣло исполненна,
Содержит и воинства всюду безчисленна:
Всякіе в свѣтѣ живущіе супостати
Не возмогут противу мене силна стати:
Не ужасаюся аз никогда ничтоже,
Не требую, да мнѣ кто едину поможе.
Первѣишій аз от царей в славѣ пребиваю
І непреодолѣнна бити себе чаю.
Пошлю на врага нова, противна мнѣ, силну,
Внов рожденна — се крѣпост мѣю изобилну,—
И убію рожденна и матер родящу,
Поощрю на віи меч: во слѣд же гонящу
Волхвов не помилую от них ні едина,
Да увидят намощни крѣпости мя сина.

Гнѣвь говорит.

О, гласа слишу драга, гласа вожделѣнна!
Будет ли твоя правда вскорѣ непремѣнна,
Яко намѣреніе твое слишах благо,
Еже тебѣ впред будет полезно и драго?
Уне дѣлом вправду тако сотворити,
Неже под игом царя силну царю жити,
І царства лишившися в раба превратится,
І от златой свободи в плѣнника вмѣнится.
Бѣдно дѣло слѣдует, аще замедлиши
І вскорѣ реченная днес не сотвориши;
Се бо даю мой совѣт и слово полезно,
Точію да будет ти благо и любезно:

Потщися нинѣ воев в Вифлеем послати,
Да не убѣжит цар нов и рождшая мати,
І повели младенци вся совсѣм избити,
Орудія, меч, стрѣли в кровь упоиты;
Аще не сотвориши, сам будеш виною,
Царством запечатлѣеш и самим собою.

Ірод, воев призвав, посилает во Вифлеем.

Воини мои храбры, воини избранны,
Вооруженціи вси, искусни во брани!
Во всякой скорости здѣ купно притецѣте,
Орудія воинска з собою несѣте:
Імат цар ваш заповѣд днес дати вам нову.

Воини пришедшіи.

Се пріидохом на глас твой, владико великій:
Повели и рци воем, кой глагол толикій.

Ірод повелѣвает.

Градѣте во Вифлеем, вси спѣшно градѣте
І сущія младенци у нем посѣцѣте,
Да от руку вашею никто же избѣгнет,
Паче цар нов рождшійся нѣгдѣ не убѣгнет.

Виходит Декрет божій.

Что хвалишися всуе, злоби исполъненне,
Благодати вишняго владики лишенне?
Царство твое в погибел буди ти виною,
Еже вскорѣ ищезнет со скверним тобою.
Почто дерзнул еси кров пролит неповинну?
За нюже твою душу, реку, стягнут вину.
Кто подаст сицевую дерзость ти имѣти?
Ах, студне, мерзостне мнѣ на тя и возрѣти!
Временно желаеши во прелести жити —
І кто тебѣ днес имат помощником бити?
До днес слава суетна, жизнь твоя проклята:
Видиши ли посланий смертній Декрет на тя?
Не хощу моих словес далѣй простирати:
Се падеши от Смерти, о враже треклятій!
Пріди о Смерти, вскорѣ, посѣци косою,
Да царствует во адѣ и живет с тобою
Сей, иже надѣяся долго царствовати;
Потреби памят его, даби не могл встати.
Тако бо Декрет божій суди нечестиву
Христоборцу Іроду, сотворшу противу.

Смерт.

Негодѣ будет сего, яко посѣду тя,
Но горѣе будет ти, яко в ад возму тя.

Се приглашу и друга — что дѣлат с тобою?—
І возмем тя отсюду на жилліо з собою.
Пріиди, друже искренній, первѣйшій владико!
І увижд снѣд готову, сладку нам толико!
Долгое бо ми время сего ожидали,
Даби в руцѣ Ірода убіицу пріяли.

Діявол.

О, гостя вожделѣнна, друга прелюбезна,
Давно тя ожидает глубочайша бездна!
Желал еси во свѣтѣ сладцѣ царствоваты,
Обаче лутше ти ест с нами пребивати.
Первое бо с Каином мѣсто означенно —
Первѣйших вас не будет — и саном почтенно;
Заслуга ваша знатна и вездѣ ест явна,
За что пекелна бездна вам готова здавна.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Виходит Человѣколюбіе божіе, обявляя посланіем единороднаго сина милост сотворшуюся роду человѣческому, гдѣ приходит и цар Давид с пророками, благодаря, яко не тощное бист пророчество их о пришествіи Христовом. Посем приходят ангели и благодарственній поют кант, и вси купно с пѣніем отходят.

Человѣколюбіе божіе.

Днес вси земнородніи хвалу воздадѣте,
Вишняго творца усти, сердцем прославѣте,
Вси радуйтеся купно душею о бозѣ,
Яко вас помилова стенящих намнозѣ,
Сущих в грѣховних узах и во адской сѣти,
Отради не могущих ниоткол имѣти!
Бог отец творит милость явну с вамы нинѣ,
Егда от погибелной изводит яскинѣ
Посланіем от небес воплотитис сина,
Іже ест радост ваша, свобода едина:
Человѣколюбіе божіе вѣщает,
Пришедшое к вам спѣшно с миром возвѣщает.

Давид с пророки.

Право, право рекл еси, друже вселюбезній,
Нѣст бо глагол твой ложній, но паче полезній;
От вѣка бо чаяхом сея драгой вѣсти,
Да от чресл моих Ісус на престолѣ сѣсти
Благоволит Давида кротка и смиренна,
Его же рожденіем нинѣ вознесенна.
Сей днес почте корень мой от дѣви рожденний,
Зане от Давидова дому есть реченній.
Марію зрю доившу — старост утѣшаю,
Обновляюся во юност, ничто болше чаю;

Полагаю скипетр мой за радост едину,
Низлагаю вѣнец мой, веселюся вину.
Что болѣе, пророци? Веселитис требѣ:
Пріиде Христос на землю, пже бѣ у небѣ.
Благодарим убо тя, милосердній боже,
Яко пророческаго слова ни во чтоже
Не вмѣнил еси, нами реченнаго миру
О пришествіи Христа, но содѣлав вѣру,
За что пѣсни поюще вси глаголем богу:
Буди слава в род и род, и честь попремногу!

Кант поют аггели.

Вси тецѣте, вси плещѣте,
Аггелскія хори: вифлеемски гори
Радост раждают!
Пред вѣки миру, во вящшу вѣру,
Да збудет цѣло пророков дѣло,
Предвозвѣщают!
Бог милости и благости,
Посланіем сина, предвѣчна едина
Печал незносну
В радост преврати, весма обрати,
Юже нанесли и произнесли
Прикро поносну.
Жител рая, сотвор злая,
Праотец и мати тощни благодати,
Юже имѣша.
Корень Давида прекрасна вида,
Марія силна, благ изобилна:
Сію воспѣша
Вси закони, вси искони,
Что имат родити, клятви свободити
Естество бѣдно,
Еже во сласти в бѣсовской власти
Бист заключимо и повредимо
Не небезбѣдно.
Тѣм играимо, воспѣваимо
Днес свободу присну Іроду завистну,
Царства лишенну,
Иже гоняше Христа, хотяше
Мечем убити, тощ истребити,
В ад низверженну,—
Сей да плаче, не иначе,
Щастю завидящій, дѣтей не щадящій,
Тол множественних,
От сосец бравій, злѣ закалавій,—
Мали, велики бяху елики,—
Немужественних.

Отрок крови, врага брови,
Сердце его злое разторгнет надвое,
Червми утробу
Пекелъна змія сокрушит вія,
Гдѣ вѣчно горе, слез горких море
Порвет ко гробу,
Да от пути избѣгнути
Во вѣки не може, а никто поможе
Третрекляту,
Да увѣст студній, мерзостній, блудній,
Всесилну богу бран творит многу —
Істину святу!

Аполог

Пред благоувѣтливим лицем окончая
Обикновенно дѣло, ниже отвращая,
Смотрѣл еси, авдитор, показуя драгу
Терпеливости твоей милост, кротост благу;
І аще недоволни наша бяху сили,
Обаче молим простит благодарни дѣли.

Рождеству Христову канта

(на тон: Коли дождуся весела).

Нинѣ внемлѣте словеса сія 2
Пророк вѣри,
Яко чаемий приде Мессія, 2
Их примѣри:
Егоже Моисей в купинѣ зряше 2
Неопалной,
Аарон цвѣтшим жезлом являше, 2
Слави полной,
Даніил гору, Іаков лѣствицу 2
Утвержденну,
Ілія рече бит колесницу 2
Тол огненну;
Двер, ковчег, книга запечатлѣнна 2
Образ бяху,
Дѣви рождества весма нетлѣнна 2
Знаменаху.
Кто уже дерзнет рещи противу 2
Пророк слову,
Да видыт тайну в Маріи живу 2
Днес готову;

а Канти йдуть за п'єсою один після одного — без поміток. За аналогією з драмою М. Довгалевського «Властотворній образ» (див. *В. Резанов*, Драма українська, III) можна гадати, що ці канти співали по одному після кожної з чотирьох яв «Комического действія».

Зане всѣм явѣ сія открися: 2
Не о себѣ,
Но духом дѣйства вся освятися, 2
Яко требѣ.
Срадуйтес убо, пророков лики: 2
Бог, владика,
Днес совершивій тайни толики, 2
В человѣка
Премѣнис тлѣнна, за милост многу, 2
В позни лѣта,
За что славѣмо, падше под ногу, 2
В конец свѣта,—
Что не в чертозѣ, ни на престолѣ 2
Зрится нинѣ,
Не во вертепѣ, явно оттолѣ, 2
Наг в яскинѣ,
Парою скотов в мразѣ наготу 2
Согрѣвает,
Рубищи подли плоти нищету 2
Одѣвает.
Сей, иже небо, кожею аки, 2
Покри благо,
Землю различни одѣя паки 2
Цвѣти драго,
Сей плачет в алчбѣ, всѣм брашно давій 2
В сладост вѣчну,
А за плач радост тол даровавій 2
Необичну,
Примѣри з богом отриновенних 2
Чрез обѣти,
Да отец вражди низриновенних
Нам не мѣти.

Кант третійа Рождеству Христову

Чудно дѣло чудной браны
Желающій всяк вѣдити здѣ предстани:
Кол ярится христоборец Ірод тощно,
Правди свѣта ненавидит,
Егда рождьшуся нову царю завидит,
Аки ему царствовати нѣсть вже мощно.
О кол злоби исполнися,
Паче же разума мучител лишися:
Се бо кров младенцов весма неповинну
Тщится нещадно пролити,
Да возможет и рожденнаго убити,
Іже во Вифлеемѣ родися вину.
Но суетни его сѣты:

а Другого бракує.

Нѣст мощно новаго царя одолѣти,—
Развѣ сам будет от него побѣжденій.
Се воскорѣ нечестиву,
Борущуся всесилъну богу противу,
Свисш праведній декрет будет изложеній:
Не что горкой предаст смерти,
Да точію вѣк нынѣшній может стерти,
Но лютой паче всѣх мук кромѣшней муцѣ,
Зане темнаго владики,
Мучащаго за убійство в тмѣ на вѣки,
Нечестиваго Ірода судит в руцѣ.

Кант Рождеству Христову четвертій

Ликуйте всы мирно, торжествуйте вѣрно:
Мир бо с небес явѣ — бог, реку, во славѣ
Прійде к нам днес в тѣлѣ
Вражди раззорити, мир же насадити,
Кой уже отнинѣ з его благостинѣ
Зрится в самом дѣлѣ;
А вражда отселѣ, не пришед допелѣ
Милосерд владика вмирить человѣка,
Пребиваше в люди;
Но днес миротворец, мира вѣчна отец,
Мира обученній, господь воплощенний,
С колѣна Іуди,
Дарова под лѣти, сполняя обѣти,
Пророки реченни, усѣм возвѣщенни,
Чаемы в отрадѣ.
Убо возвѣстѣмо мир, пришедшій сѣмо,
Праотцем стенящим, в враждѣ прежде бящим:
Годѣ жить им в адѣ.

«ВОСКРЕСЕНІЕ МЕРТВЫХ» Г. КОНИСЬКОГО

«Воскресеніе мертвых» Георгія Коніського 1746 р.— драма, яка в деяких списках називається «Комедія, яже трактует о обидах» — алегорична дія, що складається з пролога, епілога, п'яти актів з кантами і інтермедіями після кожного. За своїм жанром вона належить до «трагедокомедій», які Коніський у своїй поетиці («Правила поетичного мистецтва», 1746 р., латинською мовою) визначав як поєднання справ смішних і жартівливих з поважними і сумними і осіб низького походження із шляхетними. П'єса трактує гостру соціальну тему експлуатації трудящих, розв'язуючи її, звичайно, в ортодоксально-церковному дусі. Представником трудящих є Гіпомен («той, що терпить»), представником експлуататорів Діоктіт («гнобитель»). До певної міри п'єса зв'язана з сучасною авторові злобою дня — захопленням козацькою старшиною маєтків малоземельних козаків. Окремі місця в діалогах підносяться до справжньої сатири (репліка Діоктіта у II акті про суд і суддів-хабарників). Конфлікт розв'язується в потойбічному світі, де бідняк Гіпомен щасливий у раю, а багатій Діоктіт мучиться в пеклі.

Автор п'єси Георгій Коніський (1717—1795), вихованець Київської академії, згодом її викладач і ректор, пізніше архієпіскоп Білоруський, видатний церковний оратор, що довгий час (у XIX ст.) вважався також автором «Історіи Русов».

Невідомо, чи є він також автором інтермедій, які супроводять акти його п'єси (див. нижче, стор. 501—509 і, подібно до інтермедій у п'єсах Довгалевського, мають велике історико-літературне значення в літературі XVIII ст.

Текст подаємо за виданням: *В. Рєзанов*, Драма українська, вип. VI, К., 1929.

ВОСКРЕСЕНІЕ МЕРТВЫХ

ОБЩЕ УБО ВСѢМ БУДУЩОЕ, НО СТРАЖДУЩИМ ВСѢМ НЕПОВИННО В ВѢЦѢ СЕМ БЛАЖЕННО, А ОБИДЯЩИМ ГИБЕЛНО; В ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХ В ПОЛЗУ ЧАЮЩИМ ОНАГО ПОКАЗАННОЕ ГЕОРГІЄМ КОНѢЦКИМ, 1746

Прòлог

Многым до злых дѣл тое подает причину,
Что не хотят помишлять на свою кончину,
Паче же, что по смерти їмущи согнити
Сумнятся, как то может гной на суд ожити.
А комѣков свойственна должност сицевая,
Еже учить, в обществѣ нравы представляя.
Тѣм в предлежащом дѣлѣ хочем їзявити
Воскресеніе мертвых їмущее быти
Всѣм убо безїзятно, однак не всѣм равно:
Единым погибелно, а другим преславно.
Внушѣм толко охотно дѣйствіе в притворѣ,
Что когда на всемірном явится позорѣ.

Дѣйствіе I

ЯВЛЕНІЕ 1

Земледѣл, возвратившис от нив, сѣмя произрастших, поминает о воскресеніи тѣлес человѣческих по подобію зерна, в земли гніющаго и растуща, имѣющем быть.

Земледѣл.

Се нарочно виходил ниви оглядати,
Чи будет что по лѣту серпом пожинати.
Слава богу, не дармо весну працювали
И долини и горби пашнѣ поровняли;
Не умерло знат в земли зерно анѣмало:
Ба умерло все, да все ж и пооживало.
Тепера мнѣ на память прійшла думка тая,
Что священник говорил в церквѣ, поучая,
Будто и тѣло наше, хочай гноем станет
По смерти, но як зерно на страшній суд встанет.
Вѣру тому: бо вижу сам, як в земли тлѣют
Сѣмена, а в колосѣ растут и цѣлѣют.

Правда, поняти трудно, где бы тое тѣло
Взялося, которое на порох истлѣло;
Однак кто дает зерну стебло, колос, ости,
Той и порох обернет в тѣло, в жили, в кости,—
Велика твоя сила, создателю боже!
Но кто тое запевне вѣдати возможе,
Что будет дѣятися, когда з мертвих встанем?
Чи так, як стебло стеблу, и ми вси зостанем
Равни един другому? Невѣжа, не знаю,
А ось идет священник, его испитаю.

ЯВЛЕНІЕ 2

Священник, путем приключшійся, научает его в сугубом воскресших тѣлес, сугубаго ради по дѣлом воздаянія, состояніи.

Земледѣл.

Слово твое я спомнѣл ходя коло ниви:
Что, як зерно согнивши, и ми встанем живи.
Но скажи, честній отче, что послѣжди буде?
Чи, як един человѣк, встанут так вси люде?

Священник.

Зде в мірѣ всяко живут, и вмѣрают всяко,—
И на суд убо божій встанут неоднако.
Иній зде, как бог велѣл, животь свой проводит,—
Другій противно тому вслѣд похотей бродит;
Иній питается, день и нощ работая,—
Другій живет, чуждіе труди поядая;
Иній за свое добро терпит узи, муки,—
Другій. добро отнявши, и самого в руки
Ищет, как бы похитит, а когда похитить,
Мучит, донелѣ серце звѣрино наситить,
Подчас и смерти предасть. И такови убо
Людіе, живущіи в сем свѣтѣ сугубо,
Сугубо и встат имуть на суд тот всемірній —
Ин как пшеница, ин же как плевел бездѣлній.
Знай же, что пшеницею Хрістос нарицает
Невинних, а плевелям злих уподобляет.
А як пшеницу свозим в дом, користи ради,
Так бог благих заберет до своей огради.
А злим тое учинит, что ти в своем домѣ
Чиниш як неко истним плѣвам и соломѣ:
В пещь их адску, як снопов, велит положити.
Где будут з діяволом во вѣки горѣти.
Се тебѣ здесь за случай вкратцѣ изявляю,
Болѣе о сем в церквѣ поучити маю.

(Земледѣл отходит).

Священник.

Слава богу! не толко нива пажит родит,
Но и слово божіе в серцу людском ходит.
Сей человѣк о другой жизни помишляет:
Плода убо добрих дѣл дух мой по нем чает.

Кант.

Два рази слѣп, кто впред на смерть не взирает;
Два рази глуп, кто встать по смерти не чает.
Посмотри, мой друг,
На солнечній круг:
Ввечеру заходит,
Поутру восходит,—
Пойдеш и ти в той же слѣд.
Війди на степ и поле, посмотри на ниви,
Испитай, что дѣется с твоими засѣви:
Гніют зимою,
Растут весною,—
Так и ти истлѣеш,
Послѣжде имѣеш
Ожить по-прежнему цѣл.
Ожил иногда мертвец, чтири дни смердящій,
Скоро испустил Христос глас животворящій:
В той же самій тон,
Изійдѣте вонь,—
Затрубит громкою
Архангел трубою,
Всѣх нас зовущи на суд.
И что ж то было б, когда б на суд тст не встали?
Без мзди благіи, зліи б без казни остали.
Будет убо час,
Когда всяк от нас
Воспріимет в награду
Муки чи отраду,
Койждо по своим дѣлам.

Дѣйствіе II

ЯВЛЕНІЕ 1

Гипомен страждущи избѣг от рук Діоктита обидящаго, исповѣдует озлобленія от Діоктита ему приключившіяся, ищет же и мѣста, гдѣ би от него сокритис.

Гипомен.

Ах, крайне мнѣ бѣдному прійшло погибати!
Не довлѣло от мене имѣній отбрати,
Не довлѣло мя чести у людей лишити,
Не довлѣло весь дом мой в конец разорити! —
Се уже и самаго женет мя до гроба
Діоктит немилостив, каменна утроба!

Прошлой ночи утружден толко стал дремати,
Набѣгши посланніи начали ламати
Двери: я обудившис не вѣм, что чинити:
Брошусь окном, за мною вслѣд воплющи дѣти!
Жена бѣдна осталас и старица мати,—
Надѣюсь, обѣ до уз мѣсто мене взяти.
Гдѣ ж мнѣ тепер подѣтись? гдѣ критися буду?
Надѣюсь, что пошлет слуг искати мя всюду.
Ах, мнѣ бѣда! не хощу, не хощу стояти
Болш с ним в тяжбѣ, не буду отсель нарицати
Моим власнаго грунта; нива плодоносна —
Его, его лѣс, его лука сѣнокосна;
Не моя то мелница, не мой и став чистій,
Не мой сад, не отческій,— его всѣ користи.
Нехай пріймет записи купчих и духовних;
Нехай изгладит мое и единокровних
Моих їмя, а свое пишет, як угодно:
Аппелловат на него уже несвободно.
Аппелліовал, поки чим было просит суду,—
Тепер и кормитися не маю откуду:
Един домок остался, и тот весь разорен,
Без огради, без ворот, ни в чем не приборен.
Пусть и тот, когда хощет, в грунта свои впишет,
Точію яростію на мя да не дишет;
Нехай мя единою дарует душею,
Да матер з уз свободит з женою моею.

ЯВЛЕНІЕ 2

Діоктит з слугами, напавши на Гипомена, велит его в темницу отвест; сам же величается могуществом злоби, обѣщается Гипомена убить.

Діоктит.

Се он, се соперник мой, ловѣте, ловѣте!
Вяжѣте! куйте, тотчас в темницу ведѣте!

Гипомен.

За что ковать и вязать? Гвалт, панове, люде!
Виноват ли в чем тебѣ,— суд на тое буде.

(Вяжут).

Діоктит.

Буде, сподѣйся! Скоро ведѣте в темницу,
Приставъте стрещи его стражей четверицу!

(Отводят. Сам говорит).

Что он мнѣ «суд» говорит? вѣт он тое знает,
Что Діоктит на судѣ и сам засѣдает:

Начнет на мя челом бит, буду отрѣшенній,
Да будуть судіть мои единомисленни,—
Чи не могут тѣ здѣлат ему волокити?
Чи не знают прав к моей части накрутити?
А буди бы стал на мя апелліоват вишше,
И в вишшем судѣ маю патронов излишше;
Нехай толко кто схощет правду защищати,

(Кашуком труснт).

А сей мой Юда малой может доказати:
Ослѣплю очи дарми, руцѣ плѣню мздою,—
Хотя бы он и святій, потягнет за мною.

(З гнѣвом говорит).

Или як маю тую денгу расточати,
А с харпаком безчестно на судѣ стояти?
Лучше прибю его в смерть, а тое самое
За голову заплачу, а хочай и вдвое.
Не стою о тисячу: и другіи знати
Будут, как Діоктиту грунтов не вступати.

Кант.

Как внѣшній мір сей зрится человѣку?
Хотѣл бы с ним жити до вѣку:
Но изволь разсудить,—
Как с тѣм вѣк заложит,
Іже і сам кончится?
Се, єлика суть нам в нем пожеланна,
Вся кратка, вся непостоянна,
На всяку годину
Пріемлють измѣну.
И кто им увѣрится?
Взищу ли в нем слави,
Власти ль и держави,—
Но когда смерть прійдет,
Тогда ли снійдеть
Слава в гроб со мною?
Тогда, сій во гною,
Ким имѣю владѣти?
Красоту ли тѣла
Возлюблю до зѣла,—
Едали вѣчна
Твар краснолична?
Когда плоть увянет,
Сама кость останет,
Сладко ли на ню зрѣти?

Аще ли красни созижду полати,
Аки бы вѣк в них обитати,
Но как их лишуся
И в гроб преселюся,
Кому та по мнѣ будут?
Дружину ли вѣрну возимѣю,
Чадами, ли разбогатѣю?
Но и тіи сами,
Точію до ями
Проведши мя забудут.
Чили мнѣ со скоти
Угождати плоти?
Начну ли до сласти
Пити да ясти,
Но се больш послѣди
Черву будут снѣди
От чрева утученна.
Составлю ли лики
Весь день да музики?
Но в день ли остатній
Будет пріятній
Глас труби ужасній,
Шум і троскот страшній,
Міра, огнем зажженна?
Убо мнѣ лучше с міром попрощатся,
Всѣх его прелестей остатся:
Богатства лукава,
Зиск, честь и слава
Пущай с ними погибает!
Лутше от міра к богу приступити,
Мал час сей ему послужити;
А он человѣку
Дати в оном вѣку
Вся вѣчна обѣщает.
Потерпѣм в сей жизны
Бѣди, укоризни,
Всю напасть и вражду,
Алчбу и жажду:
Нехай наситимся,
Нехай насладимся
Безконечно о бозѣ.
Сѣймо, не стужаси,
Слези по вся часи:
Прійдет рукояти
Радости пожати,—
Тогда пожнем тая,
Не ослабѣвая,
В небесном чертозѣ.

Дѣйствіе III

ЯВЛЕНІЕ 1

Терпѣнія лице просит у бога Гипомену от бѣд свобожденія, Діоктиту же отмщенія.

Терпѣніе.

О боже правосуде, создателю вѣков,
Призирающій на вся дѣла человѣков!
Призри на Гипомена и безчеловѣчна
Діоктита, и увижд их дѣла различна:
Той от юности в страсѣ твоем воспитанній,
А сей отмлада навик всяких злодѣяній;
Тот, что имѣл, чрез труди имѣл непрестанни;
Сей, что имат, от татьбы имать и обмани;
Той послѣднего нищим не жалѣл укруха,
А сей не любит бѣдних прошаков и духа;
Тот никоей никому не здѣлал обиди,
Сей обидил братію, племя и сосѣди;
Паче же прочих сего Гипомена бѣдна
Обрал, ограбил, знищил до руба послѣдна,
Нинѣ еще сверх того в узилищах мучать,
Пока, время избравши, муками удручат.
Боже! Ти правда вѣчна, твой нелицемѣрен
Суд ест, сам во всѣх своих ти словесѣх вѣрен!
Ти ж обѣщал всѣм воздат достойную мѣру —
Зло злим, благим благое, комуждо по дѣлу!
Чему ж на Діоктита не послеши молній?
Чему не изліеши ток щедрот доволній
На Гипомена? или поне в нагороду
Дажд от рук мучителя, дажд ему свободу!

ЯВЛЕНІЕ 2

Отради лице обѣщает, что прошеніе ея не в сей, но в грядущій вѣк, вскорѣ приспѣвшей разно обоим, Гипомену и Діоктиту, смерти, до избитка исполнится.

Отрада.

И дѣла обоих зрит оком недремлющій,
И глас твой слухом слишит бог вездѣприсущій.
Обаче, чего просиш, не имать ти дати;
Дасть конечно, но нужно мало почекати.
Праведно опредѣлил злим воздати злая;
Обаче, яко отец, чадом не желая
Гибели, долготерпит даже до кончини,—
Аось престанет грѣшник от своих безчиній:
Не радуется бо бог, як кто погибает,
Тѣм и праведній гнѣв свой далѣй отлагает.
Не зараз же и благим облик награждати;
За болшо терпѣніе болшую отдати

Честь хотя. Что думаеш, когда Гипомену
За шмат, за пядь грунта всю покорит вселенну?
Когда за лѣсок воздаст прекрасній рай цѣлій?
За млинок превиспряя круги со свѣтили?
Когда за пляцик узкій, за домок убогій
Отведет в небеснія жилища-чертоги?
Как сей трудник возляжет на ложѣ покоя,
Как прохлаждатись станет послѣ вара-зноя;
Как за худіе руби одѣет багрянни
Ризи, за пояс усмѣн возмет златотканній;
Как вмѣсто безчестнїя на главу повстини
Воспріймет от алмазов вѣнець многоцѣнній;
Как от плоти раненной протечет свѣт чудній,
За темницу твар блиснет как солнце в полудни:
Вся сія вдруг пріемши, что Гипомен будет?
Думай! Настоящих зол, аки сна, забудет;
Собудутся же на нем вся та непремѣнно,
Когда от сего прейдет житія на ино.
А когда прейдет? Вѣдай толко, что не видно;
Время бо жизны его приближись послѣдно:
Се днесь Діоктит его без милости біет,
Абіе же от сих ран Гипомен почіет.

Терпѣніе.

О, когда слава сія ему отложенна,
Нехай болш бють, терзают, мучат Гипомена!

Отрада.

Не будут, Терпѣнія мѣра исполнися:
Се бо и Діоктита гибель приближися.

Дѣйствіе IV

ЯВЛЕНІЕ 1

Гипомен, в полусмерть прибитій от Діоктита, весело с упованіем блаженного воздаянія умирает.

Гипомен.

Получил, чего искал, Діоктит суровій:
Наситился, как хотѣл, звѣр той моей крови.
О, богатства и грунта, всѣх зол мнѣ причина!
Богдай я вам никогда не был в господина!
За вас я вкруг по тѣлу плѣтми избіенній,
За вас в руках и ногах кости сокрушенни,
За вас тростю до мозгу глава мнѣ пробита,
За вас мушу умѣрат от рук Діоктита!
Ах, не могу стояти! (ложится). Тяжко и лежати.
Ах, болят кости, глави не могу подняти.

Нема кому помогти, обязати рани:
Домашніи безвѣстно всѣ суть разогнани.
О, бѣдній Гипомене! Чего ти дожился!
Таки то и ты сея жизны насладился!
Но благодарю бога, что так приключилось:
Се бо, хотя все тѣло смертно разболѣлось,
Духом чтось радостное в себѣ ощущаю,
Сколко крат о будущой жизны помишляю:
Аось, може, по смерти вмѣсто сих стенаній
Пройду даже в дом божій, в гласѣ радованій.
Пообѣщал Христос бог страждущим безвинно
Небесное царствіе дати непремѣнно.
Боже мой! и я грѣшен у тебе состою:
Правда бо наша, як руб нечист пред тобою;
Но ти, Христе, ходотай,— для твоих страданій,
Твоих ради нещадних крове изліяній,
Во всем цѣло оправдан быти уповаю,
Себѣ ж, своей заслузѣ, ничто не вмѣняю.
Аще туне пострадах, твой то, Христе, бяше
Дар, твоя помощ, твое дѣло, а не паше.

(Смерть заглядает в очи,— и содригается).

Ах, что мнѣ в очах зрится? Призрак нѣкій странній,
Подобно се союз мой раздрѣшит посланній!
Где мои сироти? се уже умѣраю...

(Смерть косою прикасается до шіи,— и испущает дух).

О боже, на твой их всѣх промисл возлагаю!
Ти сам о них попецись, за отца им стани,
А мой дух уже пріими, пріими в своя длани!

ЯВЛЕНІЕ 2

Два приходят нищіи и, сожалѣя о скорой смерти Гипомена, относят его тѣло до гроба.

Нищій 1.

Что се лежит, о друже? Пяній или спящій?
Или чи не Гипомен, послѣ мук болящій?
Видѣх бо, в Діоктита как он был мучимій.

Нищій 2.

Ах, он ест! Но уже мертв и неподвижимій!
О нещастіе наше! Кто бо от нас нищій
Тощ от него отишол? Когда сам он пищи
Вкусил? Ах, как случилось живот окончити!
Не знают распуженни о сем домовити!
Мы убо тѣло его, вомѣсто прислуги
Вземше, к церквѣ отнесѣм; а собравше други,
Отпоем з священником надгробное тѣлу;
Висиплем же и в память болшую могилу.

ЯВЛЕНІЕ 3

Діоктит, з пянства разболѣвся, с огневици умирает, которого слуги в храмину относят.

Діоктит.

Что то, о тунеядци?

Нищій 1.

Несем Гипомена
Мертва.

Діоктит.

Знат з пянства умре.

Нищій 2.

Всего уязвленна
Обрѣтохом.

Діоктит.

Несѣте ж, в гнои загребѣте,
Или тѣло песіе псом в снѣдь отдадѣте

(Нищіи отходят).

Теперь то радоватись мнѣ би подобало,
Что уже соперника моего не стало;
Но не знаю, что се так за недуг напрасній
Приключился мнѣ с утра и небезопасній:
Главу и кости ломит, коло серца нудно,
В обоих боках колеть и дихати трудно,
Дрожд всего пронимает (содригается), спухли вездѣ жили,
Жажда несносна, язик будъто сгорѣлій.
Не лишнее ж и випил: по гавсту[1] вначалѣ
Водки сердечной з другом испили, а далѣй
Вина, може, с полвѣдра, наконец сливянки
Расхожой не болш было, как по чтири склянки.
Да се ж не первина пить, и поболш пивалось,—
Тепер мнѣ, не вѣдаю, что такое сталось!
Дайте мнѣ толко водки и мягкое ложе!

(Отходят слуги за ложем).

Как випю гавст и засну, аось мнѣ поможе.

(Сон сказует).

Еще ж кромѣ болѣзни смутил мя вчерашній
Сон злій: се бо видѣх мой образ преужасній:
По рукам и по ногам тяжкіе окови,
Вкруг гадюки, моея упіенни крови;
Сверх того предо мною видѣх Гипомена,
В славу несказанную свѣтло облеченна,—

[1] по ковтку

Той на мя много дерзал; аз в бѣдѣ толикой
Трепетах пред ним. как лист от бури великой.
Что ж сей сон мнѣ вѣщает? За того ль достоит
Нища мене казнити? Кто на мя настоит?
Гипомен у гноищи лежить, а не в славѣ.
А буди сон вѣчну казнь возвѣщает явѣ,
Нехай бог мене пошлет на различни муки,
Нехай всего лютіе изоссуть гадюки,
Хочай принужден буду вся сія терпѣти,—
Толко бы Гипомена в славѣ не видѣти.

(Приносят ложе и водку в фляшцѣ).

Ляшку! дай толко фляшку!

(Піет и напившис кричит):

Ах, незносно горе!
Огню излив на сердце, аки ножем поре
Внутрности моя! Вижу: прійшло погибати!

(Ложится на ложе).

Як же теперь имѣю грунта оставляти?
Что дѣлать с имѣніем? что денег з сумою?
Не приберу способу, как забрать з собою.

(Смерть рубает).

Что я говору забрать? Се уже правая
Рука заклякла (То ж рубает), се же клякнеть и другая;
Ноги совсѣм отняло! (Отрубует все.) Уда ни едина
Нечую... (напавает Смерть). Великая в умѣ мѣшанина...

(Мало полежав схвачуется).

От-от Гипомен стоит,— поймѣте воскорѣ!
Бійте! не смотрѣт на то, что в свѣтлом уборѣ!

(Упавши захарчал и умре).

Слуга 1.

Дойшол уже пан.

Слуга 2.

Так ест: уже бо не дишет.
Нехай же себѣ тамо Гипомена ищет.

Слуга 1.

А нам что дѣлат?

Слуга 2.

Тѣло отнесѣм в полати,
А за службу поищем сами себѣ плати.

Кант.

Кто виноватій,
Суду предстати
Уже конечно боится;
Однак человѣк
В нинѣшній вѣк
Можеҭ себѣ размислится:
Или неправдивій,
Или нерадивій
Будет мой судія;
Ктомужде и я
И маю,
И знаю
Подкупит,
Упросит,—
Негли прав буду!
Или не постоит,
Кто на мя настоит;
Или напослѣдок
Лживій встанет свѣдок:
Неважно
Присяжно
Поклястис,
Да спастис
Толко бы суду!
Может ли сію
Имѣть надѣю
Кто на суд божій предстанет?
За страх единій
Тамо повинній
Едали в себѣ останет;
Как труба затрубит,
Всѣ думки погубит;
Как сядет ревнивій
Судія во гнѣвѣ,
Как совѣсть
Вся повѣсть
Излѣчит,
Улѣчить
Чим извинутись?
Станет правда тамо
Грѣшним в лице прямо,
Взищет безпокойно
Казни им достойной;
Казнь вѣчна
Различна
Готова,
До слова,—
Как избѣгнути?

И в смертній извѣт
Таковій совѣт
В пынѣшном вѣцѣ бывает.
Мука ль ужасна,
Однак дочасна —
Смерть ю вскорѣ прекращает.
Но там муки люти
В вѣк не перебути.
Всяк смерти желает;
Но смерть гонзает:
Вседневно
Огнь ревно
Исть тѣло,—
Да и цѣло
Вящших мук ради,
Червь неусипаяй
Гризет непрестаяй;
Огненная купель
Сѣра та жупель
Во адѣ,
Во смрадѣ,
Во мукаx,
В гадюкаx
Нѣсть там пощади!

Дѣйствіе V

явленіе 1

Изводит Діавол от ада Діоктита, которій показует казни, ему наложенніе за обиди.

Діоктит.

Ах, горе мнѣ! горе мнѣ! Отец мой и мати,
И день, в оньже родихся, и час тот проклятій!

Діавол.

Ступай, не опѣрайся!

Діоктит.

Куди мнѣ ступати?

Діавол.

Туди, гдѣ тебѣ срамно лице показати
Помниш ли Гипомена?

Діоктит.

И как позабити,
Его же ради мушу вся сія терпѣти!

Діавол.

Его то убо ради нинѣ в сія страни
Велено тя извести з геенской отхлани,
Дабы он увидѣл суд божій неумитній,
Безмездній, безпоблажній и безволокитній.

Діоктит.

Ах! он ли возрит на мя, на головню ада,
На брашно зміев и снѣдь гризущого гада?
На лице, еже в мірѣ с его добр свѣтлѣло,
А нинѣ вкруг геенским огнем огорѣло?
На плот, яже з грабителств и татьбы блещалас,
Нинѣ вмѣсто риз свѣтлих кровю обліялас?
Руцѣ, яже невинних быть были пространни,
Нинѣ нерѣшимими узами связанни.
Нозѣ, яже спѣшилис грунт чужд похитити,
Нинѣ за то в тяжкіе окови залити?
Всего, глаголю, в бѣдѣ, в ранах, в струпах, в гною
Аще узрит Гипомен, обѣжденній мною,
Муки до муки еще приложит великой,
Посмѣваяся моей пагубѣ толикой.
Не хощу убо его никогда же зрѣти.—
Лучше веди мя паки в подземнія клѣти!

Діавол.

Постой, не спѣшис. Коей чаеш там отради?
Мучитися настоит без конца во адѣ.

Діоктит.

Ах! то бо найтяжчайше, что конца не будет;
Сколько ни мучитися, еще преизбудет.
Попливут лѣта, аки краткіе години,
А грѣшникам не будет в муках перемѣни;
Протекут тисящами и тмами тем вѣки,
А грѣшніи пребудут в адѣ человѣки;
Не станет числа далѣй, забудем начатку,
А и тогда не дождем мученій остатку.
О, когда бы я о сем помишлял был в свѣтѣ,
Лучше бы сам был желал обыжденним быти,
А тепер нѣт да кто мя от ада избавить!
Поне братіи моей нехай кто обявит,
Кои по-моему и нинѣ обѣждають,—
Ах! ах! что им слѣдует, нехай тое знают!

Явленіе 2

Гипомен, с аггелом от блажества изшедши, посмѣвается Діоктиту; отславше его в ад, преизбиточное за терпѣніе вѣчних благ воздаяніе исповѣдует.

Гипомен.

Что се за страшилище?

Аггел.

Діоктит, з геени,
Жестоким як видиш, стражем изведенній.

Гипомен.

Ти ли еси, Діоктит?

Діоктит.

Я, я, окаянній!
Ти кто ж еси толь свѣтел и толь преизбранній?

Аггел.

Гипомен, ограбленній и убит тобою,
Се ест.

[Гіпомен відсилає Діоктита знов у пекло і дякує богові за своє спасіння. П'єса закінчується кантом].

Кант.

Вшедши, душе, в свѣтлост святих,
В жребій благих
В мѣсто крова
Дивна, нова,
Всѣх страданій,
Как мечтаній
Сонних, позабуди!
Се по всяк день праздник велій,
Шум веселій,
Ангелскій хор.
Святих собор —
Сей в тимпанех,
Тот в органех
Гремлют повсюду:
Плач с тугою,
Вопл в бѣдою,
Проч изгнаннй
От той страни!
Смотри убо на клеврѣти
Отри слези от ланити,
Воспой пѣсни
Всеутѣшни,
Триумфални,
Безпечални.
Позабуди впред стенати,
По прежнему воздихати
Отвикай:
Нѣсть кто би там позавидѣл
И обидѣл;

Всѣм пространно
Небо данно:
Прохажатися,
Прохлаждатися
Повсюду волно.
Нѣсть убогих, вси богати,
Ходят в златѣ;
Нѣсть подданних
Колѣк, странних,—
Всѣ пригожи,
Вси велможи,
Всего доволно.
Нѣсть там ссору,
Ни в чем спору,
Злоби, вражди,
Отмщать жажди,
Брани, рати там не слишно,
Не видати дружби внѣшной;
Между всѣми
Нерушимій
Соуз дружби,
Лести чуждїй.
Не умѣют притворяти
И не могут ухищрати
Друг друга.
Затѣм, душе, в сей дружинѣ
Сущи нинѣ
Без боязни
Неприязни,
Несказанной,
Тебѣ данной
Утѣхи вкушай.
Пріими ризи неистлѣнни,
Многоцѣннїй
Лявр на главу:
Вся во славу
Облеченна,
Просвѣщенна,
Лучами блистай.
Пройди многи
Сквозь чертоги
Позлащенни,
Испещренни!
Ангел чинми обстоима,
Святих лики проводима,
Купно играй
И воспѣвай:
Благословен
Всѣх виновен

Бог единій, в троїци чуднїй,—
Хвално имя его будп
Во вѣки!

(Finis) [1]

Епилог

Два лица жива по смерти в дѣйствіи явленны,—
По примѣру том весь мїр будет оживленній:
Един Діоктит злобній принял мукы люты,
Но примѣром тѣм всѣм злим мук не избѣгнути;
Един Гипомен дойшол блаженнїя славы,
Но примѣром тѣм дойдут блаженства вси правы.
Толико можем сіе утверждать свободно,
Елико ест з священним писаніем сходно:
Притвор бо сей на прямой положен основѣ,—
Что глаголет, то стоит и в божіем словѣ.
Буди ж с погрѣшеніем что в дѣйствіи бяше,
Прощеніе скудости подадѣте нашей.

Конець.

«РАЗГОВОР ВЕЛИКОРОССІИ С МАЛОРОССІЕЮ» С. ДІВОВИЧА [a]

Перекладач Генеральної військової канцелярії у місті Глухові Семен Дівович У 1762 році написав досить цікавий історичний віршований трактат «Разговор Великороссіи с Малороссіею», який складається майже з 1300 (1278) віршованих рядків.

Побудований у формі діалога двох країн — Росії та України — «Разговор» розкриває намагання козацької старшини, українського панства домогтися перед царським урядом Росії зрівняння в правах українських чинів з відповідними російськими чинами, запровадженими ще Петром І. «Разговор Великороссіи с Малороссіею» показує історичну спорідненість і єдність ще з епохи Київської Русі двох братніх народів, особливу увагу поет приділяє народно-визвольній війні 1648—1654 рр., возз'єднанню України з Росією, проголошеному на Переяславській Раді у січні 1654 р. У творі прославляються Богдан Хмельницький, Семен Палій та інші видатні діячі українського народу, засуджується зрадник Мазепа.

Зміст «Разговора» побудований на матеріалі конкретних історичних подій і фактів, взятих Семеном Дівовичем із відомих на той час історичних трактатів — так званих «козацьких» літописів Самовидця, Гр. Грабянки, С. Величка, мемуарів, щоденників, діаріушів, хронік і насамперед на підставі анонімного твору — «Краткого описанія Малороссіи» (1734 р.).

«Разговор Великороссіи с Малороссіею» за своєю формою належить до поширених на Україні у XVIII столітті драматичних віршованих діалогів, за змістом та

[1] кінець

[a] Цей підрозділ (вступна стаття і уривки з тексту «Разговора Великороссіи с Малороссіею») підготував кандидат філологічних наук, доцент Ф. Я. Шолом спеціально для цього, 3-го видання «Хрестоматії».

ідейним спрямуванням — до політичної лірики. В ньому успішно поєднуються епічні, ліричні і драматичні елементи, традиційне уособлення образів братніх країн і народів — російського та українського, тісні взаємини і дружба яких яскраво відтворені автором «Разговора».

Уривки з діалога подаємо за виданням: Н. Петров, Разговор Великороссіи с Малороссіею (Литературный памятник второй половины XVIII века), журнал «Киевская старина», 1882, № 2, стор. 313—365 і Дополнение «Разговора Великороссіи с Малороссіей», журнал «Киевская старина» 1882, № 7, стор. 137—148.

РАЗГОВОР ВЕЛИКОРОССІИ С МАЛОРОССІЕЮ

Великороссія Кто ты такова родом, откуду взялася?
Скажи, скажи начало, с чего произвелася?
Малороссія. От древних казаров род веду и начало,
Названій сперва было у меня немало;
Ибо, по полунощных разсѣянна странах,
В готских, жмудских и других слыла я именах.
В.-Р. И нынѣ как зовешся — обяви точно мнѣ,
Под ким прежде жила, иль кто подлежал к тебѣ?
М.-Р. От розсѣяній Малой Россіею слыву,
Издавна своими было вождами живу
И непріятелям многим сопротивлялась,
Силно, храбро и бодро с оними сражалась,
Потом к полским королям стала уж надлежать,
А оттуда отдалась других царей искать.
В.-Р. Кому послѣ в защиту себя привернула
И кому повѣк ужо служить присягнула?
М.-Р. Россійскаго государя пред всѣми почла,
Ему доброволно себя вѣчно предала
В.-Р. Зачим было тебѣ от Полши отдиляця,
Зачим другому государю предаваця?
Видно, что не можеш при одном долго служить,
Рвешся толко туда и сюда переходить;
Одна самоволность тебя к тому доводит,
Которая ненависть к тебѣ других родит.
М.-Р. Сего вправду сказать ты не может про меня,
Будто по самоволности перехожу я:
Но видя толь славнаго россійскаго царя,
Поддалась ему вѣчно, на турков несмотря,
Кои много раз ко мнѣ дары присылали
И поддачи моей им всемѣрно желали.
Я-ж христианскаго государя предпочла.
Ему в защищеніе повѣк себя дала:
Ибо там силы мои много истощались,
Когда поляки злобно надо-мною здѣвались,
Почему здѣсь я уже на вѣк утвержденна,
Силною рукою от врагов будучи спасенна.
В.-Р. Так ты толко видно тѣм вздумала поддаця,
Что не могла своею там силою защищаться,

А не по усердію и вѣрности прямой,
И сидя спокойно ползуешся толко мной?
М.-Р. Усердіе мое и вѣрность видишь явну,
Доброволну поддачу почет за вещь главну,
Чего ежелибы во мнѣ вправду не было,
Войско бы мое себя ему не поддало,
Но искало-б в защиту свою власти другой.
Вспомни, что представила я выше пред тобой!
И сего не можешь промолвить ты устами,
Будто одними живу твоими трудами;
Ибо в мирно толко время спокойно сижу,
А в воинское и своих всѣх сил не щажу.
. . . . . .
В.-Р. С нетерпеливостію жду от тебя ответа.—
Бывала-ль в походах и которого лѣта!
Скажи мнѣ и про своих началников главних!
А стройность твою уже вижу в видах явних.
М.-Р. Тысяча пятьсот шестого года
Первой гетман мой был сенаторскаго рода
Леслав Ляцкоронскій. Сей когда мною управлял
Многократно с козаками турков побиждал.
Двацять восѣм лѣт спустя Венжик Хмелницкій был:
Сей гетман под Заглавем орду мною поразил,
Которая как многочисленна ни была,
Храбрости однак моей одолѣть не могла.
Послѣ сорока лѣт потом гетман Свѣрговскій,
С которым вмѣстѣ был и господар волоскій,
Одержал над турками четырнадцать побѣд,
Побив и плѣнных много погнав за собою вслѣд.
Году тысяча пятьсот семьдесят шестого
Гетман Богданко татар крымских плѣнил много,
А остальных тамже наголову побил всѣх,
Повоевав разорил в татарских странах тѣх.
В.-Р. Знаю уж, что началники твои гетманы.
Скажи еще признаки (про знаки) и ким преж им даны,
О побѣдах также, естли болше имѣла,
Скажи, над ким и с каким при ком гдѣ успѣла!
М.-Р. Я вькратцѣ выше сего обявила тебѣ,
Много распространять не хотѣла о себѣ
И тѣм побѣд своих пропустила не мало;
Но когда хочеш слушать, скажу и начало.
Козаки издавна воинскими дѣлами
Бывали весма храбри своими полками.
На крѣпкой тот город Цариград наступали,
Турков и татар безчисленно поражали,
Самоволно ходили в помочь царствам иним,
Без платежа служили королевствам другим,
По воинской охотѣ себе не щадили,
Рѣки переплавали, моря преходили.

Одна та к принятію великих нужд гнала,
Одна та войной прославлятся понуждала,
Не могла терпѣть и лѣта моя живна кровь,
Чтоб не послать куда на брань своих козаков.
Да и сами они нарѣкали на меня,
Если когда скрою войну, в дому их держа.
С великим стремленіем бѣжали сражаться,
В несказанніи труды горѣли вдаватся,
За отечество, вѣру и вѣрность всѣ бились.
В многих опасностях безстрашни находились.
«Доставь, доставь, небо, предков наших цѣлость нам!
Доставь,— кричали,— чтоб мы не служили врагам!»
Россія Малая в цѣлости своей зовусь,
За сынов своих з непріятелями в кровь бьюсь.
Сыновя мои вѣрни пребудут в вѣк при мнѣ,
Додержат до конца добру храбрость при себѣ
Самопалы, обухи, луки, колчаны стрѣл
И списы — оружіе их было из давних времен.
Тѣм однѣм предѣлы свои прежь защищали,
С тѣм однѣм и вдаль к непріятелю ступали.
А о множествѣ толь храбрых козаков моих
Напомню тебѣ то, что нѣкто сказал про них.
Когда салтан турецкій об них спрашивать стал,
Именем всего общества один отвѣчал:
«У нас что лоза или байрак, то и козак».
Ибо в малых куренях жили по сту, двѣстѣ
И поболше козаков согласно всѣ вмѣстѣ,
Коих упражненіе состояло в войнѣ.
Гнали непріятелей звнутр себя и внѣ
И таким образом славились побѣждая,
Богатились, воински добычи взимая.
В тысяча пятъсот пятом году татар збили,
Огнем и мечем всю землю их поразили.
До тѣх пор козаки с выборними своими
Продолжали брань кровну з землями чужими.
Потом Стефан Баторій король полскій славній
Привел козаков еще в лучшій строй и главный;
Ибо чрез год гетмана над ними поставил,
Волности вновь надал и прежніе доставил,
И прислал ему арматы, бупчук з булавою
И всякіе воинскіе припасы з коргвою,
Учредив тож по гетманѣ обозных судей,
Асаулов, здѣлав порядок в их странѣ всей,
Опредѣлив также и полковников в полках,
Привилегіями ствердил в вѣчных временах.
При сем королѣ первій гетман опредѣлен,
Кой в исчисленіи кратком выше обявлен.
На тысячу миль Азію повоевали,
Тогда и Трапезон в турков козаки взяли

И под Константинополем с своими браты
Побрали тож добычи многія богаты.
А при гетманѣ Шаху (1577 года) молдавцов побили,
Так что все их войско в крайней бѣдѣ стѣснили.
Гетман Петр Канашевич Кефу город достал
И многих плѣнных своих от турков назад взял.
Он же и под Хотѣню так их преодолѣл,
Что из всего войска едва полк остался цѣл.
Видиш, как силна я войском своим была
Прежде, и как под полскою короною жила!
Сего обявленія храбрости от меня
Доволно уже, думаю, будет для тебя.

В.-Р. Ах, как ты скучна! уже-ль тебѣ говорить лѣнь?
Для сих забав пожалуй, проводи со мною день!

М.-Р. Достанется и ночи, как загремлю войною.
Храбрость моя пространна,— бодрствуй толко со мною!
Я тебе к той точкѣ привела своею рѣчью,
Как жила под Полщею з Запорожской Сѣчю
И на войнах была з своими козаками,
Побѣждая и обладая городами.
А нынѣ обявлю уж со славой то время,
Как сложив з себя ляхов несносное бремя,
Воевала с ними и з другими народы,
Проходя многотрудно горы, поля, воды;
Покажу и причину, зачим отдалилась;
Представлю, что не без обиды с нею билась.
Начали ляхи к западной церквѣ приводить,
Несносни дани налагать, за недачу-ж бить;
Козацких дѣтей в котлах тирянско варили,
Женам сосцы отрѣзовали и мертвили.
И что толко ко озлобленію вздумать могли,
Производили в дѣло: грабили домы, жгли...
Для того за такое нарушеніе церквей
И страшное мученіе козацких дѣтей,
Выбрав гетманом Тараса над собой всѣми,
Сыграли войну под Переясловом с тѣми,
Гдѣ поляков побито премногое число;
Не мало тож и в полон в мою страну пришло.
До тогож за трицять один год в полских странах
Гетман Наливайко Слуцк и Могилев сжег в прах
И безмѣрное побил там множество ляхов,
Приводивших к западу восточных козаков,
Кои с тѣх пор начало к войнѣ возимѣли,
На ляхов с полками своими зашумѣли.
Почему тѣ со мною то лестно примирались,
То опять, нарушая мир, дратся вновь рвались.
И как ни начинали жестокую войну,—
Поражали козаки силу их не одну.
По переясловской войнѣ десять лѣт спустя,

Ляхи козаков войною погубить всѣх хотя,
Не толко успѣху в мыслях не получили,
Но и сами еще себя там погубили;
Ибо в прежестоком вимерзли всѣ морозѣ
И с лошадей падая погибли в обозѣ.
А при свободители всей Малой Россіи
Как славно пораженны были ляхи сіи.
Храбрій тот Хмелницкій козаков предводитель
Много раз оставался над ними побѣдитель.
Он отдалил от Полши всю козаков силу,
Окружил ляхов войском спреды и стылу.
Там от ревучого треску стогнала земля,
Пала на мѣстѣ не одна тысяча стеня.
Звук огненных оружій давал эхо лѣсам,
Стался густой дым в полях по полским головам;
Рвы, долины ровнялись с холмами, горами,
Наполненны были кровавими рѣками.
А кои имѣли щастіе в живих остатъся,
Начали всѣ от страху в бѣгство обращатся.
Почему тогда Потоцкій гетман коронный,
Ободряя всякой полк свой пѣшій и конный,
Принуждал к сопротивленію козакам тѣм:
Стыдно, говорил, не защищать себя нам всѣм.
И хотя ляхи оправиться опять рвались,
Однак как снопи при силних мечах валялись.
Причем преужасному дожду быть случилось,
Итак все ружье их огненно помочилось.
Сим образом поляки главно пораженни,
Так что всѣ уж к послѣдней бѣдѣ приведенни.
Сын Потоцкого, два рази ранен стрѣльбою,
Пал с лошадѣ и умер на оном же бою.
Обоз их разграблен, протчіе побраны в плѣн.
Одна толко мертвих осталась на полях тѣнь,
Да Грешинскій, которий по щастію убѣжал,
Но и тот от козаков много ран там достал.
Потом, того-ж шестьсот сорок осмого году
Ляхи, ваяв еще своего много народу.
Собрались под Корсуном с армѣею другой,
Гдѣ услишав о славной козацкой силѣ той,
Стали было от страху проломом уходить,
Чтоб и другой арміи также не погубить.
Но козаки приспѣв ляхов с лошадей збили
А пѣхоту полску так крѣпко воспятили,
Что поляки и нехотя зсѣдши с лошадей
Войну имѣли с козаками нѣсколко дней,
Гдѣ побити на голову многіе из них,
И обоз также ввесь там бѣдно разграблен их.
Здѣсь козаки, при помочѣ кримскаго хана,
Плѣнили Потоцкого полского гетмана

И другого Калѣновского в полон взяли,
Причем и полководцов много теж побрали.
Заставляла поляков кровна побѣда та
Просить у козаков оставшимся живота.
В томже годѣ тот-же гетман Зѣновій Богдан
Под Пплявцами городом имѣл с ними брань,
Гдѣ он с четирма тисячами козацких сил
Да татар столко ж ужасно ляхов поразил.
Шестъдесят тысяч рядових поляков пало,
А и знатнаго шляхетства также не мало.
Страх и трепет Хмельницкій полского народа,
Побѣдил их и под Збаражем того-ж года,
Он же и под Зборовом дал себя славно знать,
Вѣчно будут ляхи тот проиграш вспоминать.
Во время ужасного бою на мѣстѣ том,
В пророчество бѣды полякам, ударил гром.
И когда трѣскучіе облака наступили,
То и знамена и корогви их разбили.
Не было пищи им, ни корму их лошадям,
Для того всѣх оних отогнали к козакам,
А сами по неволѣ той пѣши остались,
Не бились уже, но жизни отчаевались.
Ибо окопал их Хмелницкій округ валом
И стѣснил войско оных в одном мѣстѣ малом,
Так что послѣдній конец приходил им уже.
Почему здѣлался великой голод у них:
Почли бывшіе съистние припаси всѣ,
Начали ляхи искать у полѣ костей гнилих;
З жадностію или мясо смрадних лошадей;
Ловили для пищи кошек, собак и мишей.
За одну песю лапку друг з другом в кровь бились.
Страшно и жалко смотрѣть было, как живились:
За маленкую криху (по другому списку — *крису*) на поединок шли,

Одну оную на тисящния части влекли;
Инии-ж жарку землю кусали зубами,
С конским навозом рвали оную устами
Смотри, до чего храбрость козацка привела!
Разсуждай, как Полща от ней стѣснена была!
Но сего недоволно,— скажу еще много,
Чтѳ было ей того-ж году сорок осмого.
Козаки под Берестечком с помочю татар
Вступили с ляхами в силной сраженія жар,
Гдѣ славны ротмистри с полковником Стаднѣпким
И прочие знатнѣйшіе побити Хмелницким.
Знатнѣйших число до пятисот простиралось,
А рядових всѣх нѣсколко тысяч считалось.
Один же тот год и под Бѣлу-Церковь водил,
Один тот-же ляхов и там силно поразил.

Хмелницкого предводителство и там было,
Хмелницкого щастіе и там войнѣ помогло.
Он безстрашно и горячо вступил в брань с ними,
Розбил тож все их войско полками своими.
Мертвыми тѣлами поля были покрити,
Тысячи самих знатнѣйших ляхов побити,
Чего и Волович главній их не избѣжал,
Силною рукою ввесь изсѣчен мертв на землю пал.
Стенаніе раненых отдавала земля,
Шумѣла горячой побитих кровью кипя.
Там солнечніе лучи тупо проходили,
Густыя тѣни тѣл мертвых холми покрыли;
Поля багрянным были залиты всѣ блеском,
Рвались лѣса козацким огненным треском;
Усугублял облаки там густой дым с огнем;
Грозил еще козак ляхам кровавым мечем,
Рвался, ярился или самому в конец пасть,
Иль до остатку избить всю области их часть;
Свивалась пѣна бѣлым клубком в устах его,
Казала еще гром на ляха врага того,
Искал он по вертепам, пропастям земным, рвам,
Хотѣл и память истребить к вѣчным временам.
Таким убѣжденни будучи ляхи страхом,
Даби не пошла вся земля их в конец прахом,
Слезно козаков начали о мирѣ просить,
Обѣщая им всѣ волности возстановить,
Почему Хмелницкій со всѣм козацким збором
И заключил с ними мир с оним договором.
Но и слѣдуючему лѣту понеже опять
Лестніе ляхи стали козаков утѣснять
И препятствовали сыну его во всю мочь
Взять за себя волоского (вар. молдавского) господаря дочь;
Для того Хмелницкій, с татарами согласясь,
Мечем порубил ляхов, с Калѣновским сразясь,
Которій полской оной короны тот гетман
На сем страшном сраженіи также смерти предан,
И Собецкій староста Красноставскій скончалсь
Побижден и убит, как силно ни опирался.
Калѣновскому татарин голову срубил,
На копьи принес и Хмелницкому сообщил.
А Самуил, син Калѣновского гетмана,
Побѣжав от козаков и крымского хана,
Утонул в Бубновки, на мосту обвалился,—
Так погубив жизнь, с ними и не сразился.
Здѣсь ни один из ляхов не остался в живих,
Пали всѣ на Батозѣ в немощах сил своих.
По той побидѣ нѣсколко времени спустя
Побиты и под Жванцем, сами побить хотя.

Таким образом они в безмѣрной страх пришли,
Чтоб к послѣдней бѣдѣ козаки не привели:
Бросили жилища свои пусты в городах,
Разбѣжались всѣ по пустинях, горах (вар. полях) и рвах
И мертвія тѣла, кои уже сотлѣли,
Вигребали, как звѣри, от гробов и ѣли.
«Жрѣте тлѣнны человѣческія приправи!
Кричали козаки,— всѣ вы ляхи лукави!
Таким кушанем кормить вас давно достойно!
Не умѣли вы нами управлять спокойно.
Зачим было вѣру нашу ламать стараться?
Зачим било над нами явно издѣваться?
Для того-ль мы с войском своим жили под вами,
Чтоб пожитки наши грабили вы з жидами.
Дадѣте отвѣт за тиранския мученя,
Отмстит еще болше небо за озлобления.
Уже-ль вам не ставало пищи, чѣм жизнь прожить,
Что начали и дѣтей наших в котлах варить?
Вспомнѣте, сколко вы с нами мир заключали!
Представте-ж, как скоро и часто нарушали!
Лесть ваша одна с злобою дѣйствовала во всем.
Хотѣли истребить нас, смучить, побить мечем.
Справедливость однако наша побѣдитель,
Предстал нам Хмелницкій, общій наш свободитель.
Пребудет память его у нас в роди родов,
Пребудет во вѣк и слава, храбрость козаков.
Защита ваша правда не отъемлется вам,
Послѣдует всегда погибель нашим врагам.
Толко уш полно вам сили наши в страх истощать!
Найдем державу, которая будет защищать.
Утѣснял Булкан троян,— вступился Аполлон.
Злилась Юнона на Енея, вожда троян;
Однако он от Венери к обидѣ не дан.
Свирѣп Нептун хотѣл отнять Улиссов живот,
Но Минерва вступила за него в кривавій пот.
Поидет солнце прежде от запада на восток,
Нежель мы преступим, уж дав, оной свой зарок.
Воды в рѣках своих скорѣе назад потекут,
Нежель воини наши себя вам предадут.
Звѣзды на землѣ прежде крѣпко утвердятся,
Земледѣлцы на небѣ с сохою населятся,
Вода вспламенится, от огня пойдут воды,
Нежель обратимся к вам в вѣчние роди».
Затѣм, как Хмелницкій от Полши вовся отстал,
Салтан турецкій Османа-агу прислал,
Дабы со всѣм войском своим ему поддался,
К полскому королю вѣчно не возвращался,
И в знак милости чрез того-ж Османа-агу
Прислал ему саблю, булаву и корогву.

В.-Р. Ты же про турков говорила со мною,
Скажи, кто еще хотѣл обладати тобою?
М.-Р. Не раз и не два должно-б про них еще сказать;
Ибо премного тѣ старались меня склонять.
Да и крымскому хану хотѣлось мною владѣть,
И другим думалось то склонить, то одолѣть.
Однак ни на ково из всѣх оних не смотря,
Хмелницкій сознав войско свое и ободря,
Російскому государю себя извѣстил,
Ему со всею Украиною поддал и покорил
И пред россійским боярином Бутурлином
В Переясловлѣ тогда-ж присягнул вѣчно в том.
Алексѣй Михайлович, самодержец главній,
Доброволной поддачи видя мой знак явній,
Монаршую грамоту волностям доставил,
Всѣ прежние статьи утвердил и возставил.
И так, когда Россіи надлежать уж стала,
Покажу, как и при ней храбра прежде бывала.
В.-Р. Знаєш-ли, с ким говоришь, иль ты забиваеш?
Вить я Россия! Зачим меня пропущаеш?
Для чего не придаешь мнѣ точно подачу
И отнимаешь у меня свою удачу?
Будто к другой Россіи, не ко мнѣ принадлежишь,
И при мнѣ, будто без меня, войнами гримиш!
М.-Р. Знаю, что ты Россія, да и я так зовусь.
Что ты пугаешь меня? Я и сама храбрусь.
Не тебѣ, государю твоему поддалась,
При которых ты с предков своих и родилась.
Не думай, чтоб ты сама была мой властитель,
Но государ твой и мой общій повелитель.
А разность наша есть в приложених именах.
Ты Великая, а я Мала живем в смежних странах,
Что-ж я малой называюсь, а ты великой,
То как тебѣ, так и мнѣ нимало не дико.
Ибо твои предѣлы пространнѣе моих,
А мои обширностями поменше твоих.
Уже-ль гора собою надо мной обладает?
Нѣт, нѣт! но как сей (?), так та к тому принадлежит.
Так мы с тобою равни и одно составляем,
Одному, не двум государям присягаем,—
Почему почитаю тебя равну себѣ.
Не говори: как обществу, поддалась и тебѣ!
Самодержец твой и мой шлет тебя и меня,
Один он отзывает из походу шля,
А не ты республикою повелѣваешь мною.
Ничѣм неумаленна царем я пред тобою,
Оставленна также я при своих чинах всѣх,
Обнадежена, и впредь милостію тѣх.
А ты при своих достоинствах пребываешь.

Кои от того-ж государя получаешь.
И так не можешь и в сем всю меня обидѣть;
Как бы ни тщилась чины мои ненавидѣть;
От ково ты получаешь, и я от того.
Не достанет толко у нас с тобою одного
Того, что чины твои инако зовутся,
А мнѣ также иним названием даются.
Но сіе-ль для тебя может казаться странно?
Обойди умом всѣ государства пространо,
Во всяком почти найдешь различие в чинах...
Обойми умом всѣ государства пространно,
Во всяком почти найдешь различіе в чинах,
Кое в одних состоит названій іменах;
А найпаче во всей Азіи то бывает,
Котора свои имѣет, наших не знает;
Однакож сравниваются между собой всѣ тѣ.
Что ж мѣшает взглядом тебя имѣть тоеж и мнѣ?
Посему бы ты визиря капитаном почла,
Потому что Турція сіе имя дала;
Кіага сѣл бы у тебя ниже сержанта,
Пашу промѣняла бы за комедіанта (*вар.* коменданта),
Муфтая почла б дячком, а сотника соцким,
Писаря моих полков сверстала б с своим.
Нѣт, нѣт, дружок! не изволь (так) думать про меня!
Я почтена от государя, не от тебя.
Он меня в покровительство принял как свое,
То все оставил при мнѣ, что только есть мое;
Привилегій польской короны не отмѣнил
И чины мнѣ прежде там данные подтвердил.
А чтоб лучше вѣдать ты могла мои службы,
Приводя обѣих нас в неразрывны дружбы,
Россійскіи государи чины прибавляли
И свои к прежним моим за вѣрность давали,
В чем, думаю, и спорить не станешь ты со мной,
Ибо многих таких во мнѣ видишь пред тобой.
Чтож? Скажешь: для тово дали россійской чин,
Что́ его не имѣл преже з моих ни один?
Куда какая ненависть несправедлива,
Стоит осьмого греческих мудрецов дива!
Что́ всяк царь и король хранил и еще хранит,
В том дерзкая компанія твоя (одна) шумит.
Ибо, бывая в оной, мятеж производишь,
За однѣ токмо мѣста всѣх к ссорѣ приводишь.
Каптенармус будучи, не (у)вступишь обозным,
Толкнешь старшин тѣх полковых по мѣстам розным,
Ефрейтором посядешь судью полкового,
Рад спорить с ним, хотя от нево отстоишь много.
А когда уже в аудиторской ранг попадіошь,
То и к генеральным старшинам драться начніошь.

Самы святыя мѣста терпят твою норму:
Ты, вобравшись в церковь, прешься в первую формуа,
Не смотришь, кто б там (же) из моих не стоял.
Для маіора вѣсь мой малороссійскій свѣт (*вар.* чин) мал.
Спѣшишь на пролом к священнику по антідор,
Толкаешь, кричишь: дайте чиновнику простор!
Боишься, чтоб кто з моих тебя не упредил.
Но больш бойся, чтоб священника з ног не свалил.
А мои старшины учтивость наблюдают,
Сію неумѣренность смѣхом провождают.
Случилось мнѣ самому в церквѣ видѣть раз,
Как один капитан побѣжал (там), подбил глаз;
Ибо зацѣпився пал и нос окровавив,
Таким образом и антідор брать оставив,
Вдарился скоро з церкви с глазом подбитым,
Хотѣл всѣх упредить, отскочил с носом разбитым.
Безглазым и безносым долго того звали,
И за то, что бѣдной пострадал, всѣ вступали;
Ибо послѣ того, как (было) в церковь придет,
Оставив всѣ ему формы, всяк из оных выдет.
А по антідор (однак) боялся уж ходити,
Бунчуковым товарищам вздумал в сем вступити.
Но и тут паки постигло несчастіе его;
Ибо ввалившись в форму свыше збору всего,
Зацепился (только) за гвоздь шпажным притупеем.
Совался, бился ногами, наклонясь с тупеем,
Не мог оторваться; так горячести знак дав,
Потащил за собою вон формы цѣлой состав,
Алчно смотрѣли люде на шедшаго с кругом:
«Таку тяжесть,— говорили,— должно везть цугом».
О всѣх твоих презрѣніях я (б) не (по)тужила,
Если-б правда к тѣм вела, не нахальна сила.
Ты (сама) собой меня всегда обыждаешь,
Государям неизвѣстно,— ка́к поступаешь.
И большіе генералы твои меня чтут,
Сравнивая своих с моими мѣсто дают.
Знаешь-ли, что было пред сим за 13-ть лѣт,
Как государствовала кротка Елісавет?
С кѣм сравнивали (а) малороссійских депутат?
Не с генералами-ль велѣно было сверстать?
В котором числѣ был там депутат началный
Ханенко, бывшій мой хоружій генералныйб.
Смотри, что (и) иностранной народ французы,
С монархиней нашей імѣющій соузы,
Публикуют про генералных старшин моих.
Они с ними равняют генералов твоих,

а Місце для стояння в церкві.
б 1749 г. в С.-Петербургѣ (Примітка автора).

Генералного ж писаря так представляют,
Что великим канцлером моим называют.
(Но) по крайней мѣрѣ бригадирами (их) почтем.
И тут видиш, что не без знатных рангов слывем.
Еще-ль чины мои тебѣ кажутся странны,
Вот имѣешь от меня вид сходства пространный.
Вспомни бояр и между прочими же стрѣльцов!
Вспомни бояр между пробывших думных дьяков!
Всѣ тѣ и по нынѣ в пространствѣ твоем живут,
То ж, как прежде, достоинство и должность несут,
Но названны вновь нарѣчіем только другим,
Переименованы именем уж иным,
Так что канцлерами начали называться,
Дворянами и лейб-гвардіею считаться.
Петр первый, обошед разныя земли, царства,
При учрежденіи своего государства
Много в государствѣ с пользою узаконил,
А при том и часть чинов в іменах отмѣнил.
Да и прежде (того) видны такіе ж примѣры.
Что инако звались, а были в ровной мѣрѣ.
Зачѣм много говорить? Сама видишь, знаешь,—
Ассесора с маіором не одно ль считаешь?
Хотя сей в воинских, а тот в гражданских дѣлах,
Однак не равны ль тѣ между собою в чинах?
Много больше про меня думай взглядом оных;
Ибо я остаюсь в прежних чинах коронных,
Кои в іменах (с твоими) весьма разнятся,
А в сравненіи не могут собой остаться.

В.-Р. Ну, полно уже меня приводить в азарты!
Не будь вспылчива, иное принимай в жарты!
Я только спросила о поддачѣ мнѣ твоей,
Зачем отнимаешь оную от меня всей;
А ты ужь и много обличать меня стала.
Брось пороки считать, что во мнѣ примѣчала!
Признаю, что не я собой тебѣ властитель,
Но самодержец наш есть общій повелитель.
Не спорю ужь, что он тебя принял с чинами:
Вижу, что и своих часто сравнивал с вами.
Но скажи с миром, о чем выше (за) вопрос гласил,
Выигриваешь войну будьто без моих сил?

М.-Р. Да и конечно так! в прежнія тѣ времена,
Не надлежа еще сюда, билась я одна,
Многих непріятелей поражала больно.
Вспомни прежню мою рѣчь, признаешь довольно.
Но не думай, будьто все представлено мною!
Много там пропущала, говоря с тобою,
И знатнѣйшій только казала воинскій бой.
Славнѣйшую являла храбрость свою и строй.
Итак видишь и сама мою справедливость,

Какова и без тебя была моя живость.
Не пособляла ты мнѣ в воинско то время,
Как скидала (*вар.* свергала) я с себя все лядское бремя
И за озлобленія с ними сражалась
Храбро, славно и удачно сопротивлялась.
Не была ты и тогда, как к туркам ходила,
Коих одна я не раз славно побѣдила.
Без тебя я и на молдавцов наступала,
Без тебя я их сильной рукой прогоняла (*вар.* поражала).
Сознай сама, была ль и на тѣх войнах при мнѣ,
Как многих татар (побѣдой) в плѣн брала (к) себѣ?
Еще ль с такой (*вар.* тихой) хитростію больш станешь озлоблять?
Еще ль не пора тебѣ храброй меня признать?
Когда ж Россійскому я поддалась уж царству,
То как обѣ одному служим государству,
Так не можно сказать, чтоб одна всегда билась
И чтоб на многих мѣстах одна я сразилась.
Но как ты, так и я въмѣстѣ соединялись,
Каждая из нас своими полками бивались;
А к иным мѣстам посылана я и одна,
Текли гдѣ с кровью: лѣто, осень, зима, весна,—
Видѣли много четыре тѣ года части,
В какія гнала я непріятелей страсти.
Не отнимаю сим от тебя воинских хвал,
Сорван тобой не один непріятельскій вал.
И что к твоим принадлежит силам, то твое,
А что к моей воинской славѣ, то тож мое.
И так с времени моей уж сюда поддачи
Покажу особливо и свои удачи.
Как согласился король польскій с ханом кримским
Огнем и мечем воевать с царем россійским
За то, что я поддала повѣк (*вар.* вѣчно) ему себя,
То гетман (тот мой) Хмелницкій, сего не терпя,
Его царскому величеству тотъчас донес:
Зачѣм государь, упреждая умысл их весь,
Отправился сам в Литву под Смоленск с полками,
Куда Золотаренко послан с козаками (1654 г.),
А Хмелницкій под Хвастовом находился тогда;
И как приспѣли многи полки мои туда,
То Золотаренко, наказный оный гетман,
Около Гомля и Быхова произвел брань,
Гдѣ ляхов и татар многих порубал, прогнал,
И как тѣ, так и другіе города достал.
При оном же Золотаренку и Смоленск взят,
Котораго козаки стараясь доставать,
Казали ревность, смѣлость при глазах монарших,
До одного выбили всѣх тамошних старших,
За что довольным жалованьем награждены,
Похваленны, почтенны и обогащены.

Тогда ж с Золотаренком ходил государь царь
Воевать дальше в Литву поляков и татар,
Гдѣ как под Березиной (*вар.* Березою), под Шкловом, рѣкою
С князем Радзивилом стали биться войною,
То тотъчас оной Радзівил совсѣм побѣжден,
Так что едва ль сам не остался жизни лишен.
Взято тогда больш двухсот литовских городов,
А из моих мало потеряно козаков (1654 г.).
В то ж время Вітебск до основанія изсѣкли,
Вільну разорив, тисячи (у) ляхов посѣкли.
Между Ставищами ж и Охматовом чрез год (1655 г.)
Что произвел над ляхами козацкой народ,
Как ляхи с татарами в полѣ съединились
И в обоз козацкій там уж было ввалились,
То козаки, напавши на ляхов и татар,
Оглоблями из саней такій дали удар,
Что мерзлыми (*вар.* мертвими) тѣлами, коих убивали,
Ввесь обоз свой как бу́дьто валом окидали.
Рѣдкое то чудо было з бѣдою ляхам,
Что и оглобли козацки страшили врагам,
Коих презрѣв, как не раз войною успѣли,
Ружьіом с ними драться уже (больше) не схотѣли,
А в насмѣшку вздумали бабьим бить мастерством;
Когда б случилось при них, мели (*вар.* гнали) б и помелом.
Тогда больш пятнадцати тисяч людей (*вар.* оных) пало,
И в полон взято ляхов и татар не мало.
На другой потом день, как та сѣчь окончалась,
Страшная баталія опять начиналась,
И продолжалась даже до самой темной ночи,
Не стало ужь больш лядской и татарской мочи;
Ибо столько ж иль с залишком пало и в этот день,
Осталось всего войска в них только на пядень.
З тѣх пор Хмелницкій сам ушь на войну не ходил,
Но как король шведскій помочи его просил,
То одних козаков своих к нему послал он,
К моим придан был кіевскій полковник Антон.
Тот Антон Адамович, когда туда пришол,
Отправил с пим и свое войско шведскій король,
С которым, когда козаки совокупились,
В самую средину Польши (смѣло́) пробились
И оба столичные города поляков
Успѣшной войной взяли, Варшаву и Краков,
Побрали там многіе шляхетски богатства,
Сенаторски уборы, костелов изрядства;
Добрались и до королевских корон, порфир,
Как будьто нарочито собранных им на пир.
Храброст Хмелницкого не описана собой,
С успѣхом імѣвшаго частой воинской бой:
С многими людьми (*вар.* народами) он в сраженія вступал,

И с которыми ни вступал, всѣх тѣх побѣждал.
Самы альпійскіе непроходимы горы,
Как Геркулес древній, прошол бы с войском (*вар.* собой) вскори[а].
Как Геркулес древный пройшол бы с войском скори,
Широкій и пространній путь для всѣх дал бы там,
Кровной побѣдой грозил-бы тамошним жильцам:
Но ниже слѣдовало ити туда ему.
Ни он старался нанесть войну свѣту всему,
А бились столко с непріятелми такими,
Коих ко обществу своему узнавал злими.
Муж имени и чина того достойнѣйшій
Побѣждать врагов, нежель вступать, был скорѣйшій.
Гетман многоразсудный, бодрый и дерзновенній.
Скоропостижный в трудах, нуждах, невтомленій,
Ко всяким злоключеніям воинским обикшій,
Холод, жар и нужды вдобь носить первѣйшій
И протчія многотрудныя неспокойства;
Испытал трудов различных перемѣн свойства
Мало радил о себѣ, толко-б всѣм угодил,
Общество-б и отечество цѣло сохранил:
Первой на войну, послѣдней сходил с оной,
Дрался, боролся своей храброй обороной.
По многих наконец славних воинских дѣлах
Умер, оставив память и по днесь в козаках.
Печаль, жалость в послѣдніе роди незабвенна
Казалась тогда всѣм ввѣк быть неумаленна.
Слезили осиротѣвшіе мои дѣти,
Являлы друг другу печалніе привѣты,
Оплакивали з жалосты неутѣшимой,
Не чаяли никакой отрады любимой,
Не думали себѣ ужь быть отцу такому,
Не мыслили, чтоб так удавалось другому.
«Пала уже вся надежда наша,— кричали,—
Не воскреснет защита, вѣчно потеряли.
Вселюбезній отче наш, любезній!
Чего-ль дождали мы, чтоб ты нам лил ток слезній?
Отче наш любезній, вселюбезній отче наш!
Уже-ль оставшихся сынов своих врагам дашь?
Отец наш вселюбезній, любезній наш отець!
Уже-ль хищным волкам попустишь кротких овец?
Любезній наш отець, отець наш любезнѣйшій?
Уже-ль будет нам без тебя гонитель злѣйшый?
Не страшен был ни один супостат при тебѣ,
Нынѣ-жь боимся многих оставшіесь в себѣ.

а «О которых горах Корпелій Непот в своей книгѣ упоминает, что никто не мог оных проходить с войском прежде Геркулеса и потом Ганнибала, им упоминаемого,— о чем однако Полибій спорит». (Примітка автора).

Уже-ль стануть менять нас за хлѣб, соль и воду,
Как то было от ляхов нам одного году?
Когда-б естли-б не ты нами храбро управлял,
И память-бы нашу непріятель давно скончал.
Пробудись в радость нам хоть на малое время!
Ощутись, встань, облегчи тоски нашей бремя,
Посмотри хоть собравшихся дѣтей своих всѣх,
Взглянь еще хотя послѣдній раз уже на тѣх,
Которія утѣшенія не имѣють,
Как овцы заблудши по пастырѣ жалѣють!
Они не для того всѣ вмѣсто собрались,
Дабы с тобою отцем своим на-вѣк прощались,
Но чтоб руководствовал ты, как прежде, им,
Казал-бы, учил, как противиться врагам злым.
Молви хоть одно, отче любезній, нам слово!
Вот все войско твое пришло, слушать готово!
Собери его вмѣсто, защищай, охраняй,
Покровителствуй, милосердуй и соблюдай,
Поднимись, естли ручей слез наших жалѣешь!
Иль ты уже любви к нам прежней не имѣешь?
Взведись, естли отчаянным хочешь пособить,
Встань, естли оставленных желаешь ободрить!»
Да! завтре устанеть, завтре ободрить, утѣшит нас!
Прерывал хлипмющими словами общества глас.
Не так, видно, заснул он, чтоб встать уже к нам мог.
Встанеть разви, как затрубит при послѣдкѣ рог.
Тогда ушь сберемся к отцу своему с полками
И тогда разви разговоримсь с ним и он с нами.
А нынѣ послѣдній свой долг отдадим ему,
Которой вѣк незабвен будет войску всему.
Но ах! всѣ силы наши превосходить печаль,—
Не можем и тѣла твоего несть отсель вдаль.
Мы бы хоть на оное со страдою смотрѣли,
Желали-б, чтоб тебя пред собою вѣк имѣли.
Грозила-б еще и тѣнь твоя нашим врагам,
Боялся-б непріятель при ней приступить к нам.
Ах, отче! оставил дѣтей осиротѣлых,
Оставил в унынїи бывших тобой смѣлых.
Всѣ веселія утѣхи отсель нас минують!
Пособи! вот уже враги с нами воюють,
Напустять грусти, скуки, скорби и гоненія.
Отврати нам непріятелей нападенія!
Вот всадят нас в разженного мѣдного вола.
Скончай мученія наши, дай радость, что была!
Мы на тебя глядя вздох тяжкій испущаем,
От тебе спасенія своего ожидаем:
Оставившаго спящаго тревожим, будим,
Трудившагось, потѣвшаго еще томим, трудим.
Не отступим от ног твоих, ходивших с нами!

Пробудись и води нас прежними стезями!
Заблудим без тебя, разбредемся разно овцы.
Не встаешь, пастыр? поразят нас мироломцы,
Ищезнеть слава наша, бывшая при тебѣ.
Увял цвѣт наш, увянет с тѣм и храбрость у себѣ.
Которых многіе преж ужасались страны,—
И от малых полков будуть уже попраны.
Оставил полководец, отстал, пошол вождь прочь,
Не устоит без тебя одна уже наша мочь.
Которіе в сраженія смѣло входим было,
Тѣх сіе нещастіе нынѣ в робость впред ввело.
Ну, куда ити нам без тебя и что начать?
Потеряв голову, можно-ль ногами ступать?
Глаза имѣя, без глаз стоим оцепенѣв;
Без рук кажемся храбры, прежде руки имѣв.
Уже и лица наша потупились слезя,
Падают колеблющись и колѣна дрожа,
Изнемогают сердца каменем утѣснена,
Пронзенна грудь, терзается дух уязвленій,
Недоумѣвает ум, страх мысль ужасает,
Борущуюсь отраду скорбь одоливает;
Проходит сквозь кости кровь з густотою смѣшена,
Поднимает кожу, кипит в глазам червлена;
Встают бурны вѣтры, рвут волосы наших глав;
Блѣднѣет вид, дает перемѣны весь состав.
Лишились мы отца, предводителя войны,
Остались осиротѣлы уж дѣти одни.
Коих его щастіе вскормило, взрастило.
Тѣх мнѣ нещастіе судбою вѣк поразило!»
Сим образом дѣти мои плакались над ним,
Давали вопль, стенаніе по всѣем полкам своим.
Одни казали жалость явными слезами;
Другіе в слих спивали, зѣвая устами;
Инніе с необычным шумом голосили;
Нѣкоторіе по грудям сами себя били.
Часть в скрытом мѣстѣ лѣла ток жалостных ручей;
Часть пред всѣм обществом рѣки пущала с очей;
Часть от задумчевости так окамѣнѣла,
Что как нѣма стоя и гласу не имѣла,
А казала толко в лицѣ знаки различны,
Безкровны, почернѣлы, робки, необычны.
Протчіе стоя над мертвым тѣлом кричали:
Один был у нас отец, и того стеряли!
Во всем том напослѣдок став полками стройно,
Проводили гроб со всею старшиною достойно;
Несли с Чигирина с церемонѣею войсковой,
Погребли в Субботовѣ в каменной церкви той,
Которую сам от себя он сооружил
.... еще там положен быть ствердил.

Козаки, отвращая ту печаль помалу,
Стали приходить опять к своему началу
И к различным войнам вновь приготовлялись,
Прежную храбрость себѣ доставить старались.
Но полно, думаю, свои силы представлять!
А намирена на Хмелницком всю рѣчь скончать...
Еще ль со мною в спорные разговоры вступишь?
Еще ль от ненависти ко мнѣ не отступишь?
Вот тебя привела к самым твоим временам,
Представила я правду самым твоим глазам,—
Ни пис(к)нуть уже тебѣ нѣльзя против меня.
Буди ж еще (по)заспоришь, больш обличу тебя,
Найду еще в тебѣ я премногих подобных,
Сочту и еще твоих государству злобных.

В.-Р. Ах, ах! нѣт, нѣт! помилуй, уними о сем рѣчь!
Пожалуй, пожалуй, все уже изволь пресѣчь!
Довольно, нынѣ твою правду принимаю,
Вѣрю всему, почитаю, храброй сознаю.
Отсель и чины твои равнять с мѣрой стану
И от дружбы с тобою вѣчно не отстану.
Мы будем в неразрывном впредь согласіи жить
И обѣ в едном государствѣ вѣрно служить.
Посяпоры понимала темно о тебѣ;
Благодарствую, что протолковала ты мнѣ.

ІНТЕРМЕДІЇ ДО П'ЄС М. ДОВГАЛЕВСЬКОГО І Г. КОНИСЬКОГО[а]

Більшість відомих досі текстів інтермедій або інтерлюдій (усього понад 20; див. бібліографію В. П. Адріанової-Перетц у збірнику «Старинный спектакль в России», 1928, стор. 189 та ін.) належить до XVIII ст. Як показують драми М. Довгалевського, головний інтерес багатьох сценічних вистав для глядача зумовлювався не основною, серйозною п'єсою, а «междувброшенными игралищами», комічними антрактами. Висвітлення жанру інтермедій знаходимо, наприклад, в одному з шкільних підручників—«Практичній поетиці» 1648 р.; «Інтермедія є (читаємо ми тут) коротка дія, вигадана або справжня, що розигрується між актами комедії і трагедії, складається із слів, предметів і осіб веселих, що освіжує увагу слухача, не належить до актів і сцен п'єси; вона називається інтермедією тому, що звичайно виконується між актами комедії й трагедії». Далі вказується, що своїм змістом інтермедія може зв'язуватися і не зв'язуватися з п'єсою; бувають випадки, коли сцени інтермедійного типу вкраплені в саме оброблення сюжету п'єси; визначається тематика інтермедії: «забавні й жартівливі історії, оповідання, анекдоти, витівки одного над одним слуг, придворних, бідняків, підлесників, мужиків»; намічається два типи комізму, з яких один ґрунтується на смішних словах, другий на діях, що викликають сміх, і т. д. Своєї теорії автори інтермедій не залишили, але, наприклад, те, що говориться в поетиці

[а] Текст друкуємо за виданням: Українські інтермедії XVII—XVIII ст. Вид-во АН УРСР, К., 1960.

М. Довгалевського про комедію, явно має на увазі інтермедію: «В комедії виводяться,— каже Довгалевський,— особи низькі — наприклад, господар, литвин, циган, козак, єврей, поляк, скіф, турок, грек, італієць; комедії треба писати простою сільською мужицькою мовою».

Найцікавіші як щодо змісту, так і щодо форми інтермедії (інтерлюдії) до п'єс М. Довгалевського і Г. Конiського. «Комическое дѣйствіе» Довгалевського супроводиться п'ятьма інтермедіями; «Властотворный образ» його—теж п'ятьма. Вони написані жвавою мовою, побудовані переважно на комізмі характерів і діалогу. Можливо, що автором їх був сам Довгалевський, але не виключене й те, що їх міг написати хтонебудь з його учнів-студентів під його наглядом. Так само стоїть справа і з авторством п'яти інтермедій до «Воскресенія мертвых» Георгія Конiського. Автором їх був, можливо, якийсь Танський, «природный виршописец во вкусе площадном, во вкусе Плавтовом», як висловився про нього один сучасник. Справді, у XVIII ст. ми знаходимо ряд комічних сцен інтермедійного типу, складених невідомими авторами для самостійного виконання, авторами, що належали до шкільного середовища і популяризували жанри шкільної літератури в народній масі.

Інтермедії намітили ряд образів, що пізніше не раз з'являться на сцені в комедії: це польські поміщики, орендарі, селяни, яких обдурюють цигани, пригноблюють пани і ксьондзи і яких визволяє то «козак», то «москаль», це, нарешті, славнозвісні «пиворізи», мандровані дяки. Завдяки цим образам, передачі живої народної мови, співчуттю народній масі, інтермедія відіграла помітну роль у наближенні літератури до народності й реалізму.

ІНТЕРЛЮДІЇ ДО ДРАМИ МИТРОФАНА ДОВГАЛЕВСЬКОГО «КОМИЧЕСКОЕ ДѢЙСТВІЕ»

ПЕРВАЯ [ІНТЕРЛЮДІЯ]

Выходить астроном и хвалится своею наукою, до которого выходять два мужики, литвин, циган и проженуть.

[Астроном]

Ehey, dla boga, jak iem utrapiony,
Z natury będąc szlachcic urodzony,
Ktore szlachecstwo, gdy matka wrodziła,
Panno wżdy będąc, we wszystcich nażyła
Rozum Katona, mężnosć Hektorowa,
S panienskiey krwi iest mnie statura owa.
Znam, co się dzieię y w piekle y w niebie—
Fortuny nie mam y na krok u sobie!
Butow, sukienki a czapki nie pitay,
We wszystkim iestem tak jak widzisz, witay.
Iednakże tego nie chce explikowac.
Mam głowe mądre, znam złotem szafować,
Mam prespektywo astronomskiey sztuki [1].

[1] Ой боже, який я нещасний,
Від природи будучи шляхтич уроджений;

Мужик

О, бодай, же в кузнѣ був, коли зверз у руки!
Осе ж и ми ик вашець стали прихожати,
Іскажи, не соромся, як маемо звати.

Астроном

Iestem szlachcić wrodzony, lub bez drogiey szaty. [1]

Мужик

А якую ж ти тут, вашець, човпеш веремѣю[2],
Чи не хочеш ти нас тилко вернуть на менѣю[3]?

Астроном

Ale ja nie ten, ja znam co się w niebie czyni,
Rozmowie moie słowo nigdy nie omini,
Y ia zawsze zgadnę, kiedy y orać do chleba [4].

Мужик

Пархум, иди ж сюда! Ось чорт принѣс с неба
Чоловѣка сюди до нас, почуеш розмови.

Пархом

Чи не вивести до іого своеи корови
Рабои? То вѣн чого чи не знае
З манацѣи? Якое буде теля, може и вгадае?
Ну, кажи, як бога боишся!

Мужик

От не иметь вѣри!? Так же придивися!

Пархом

А що бак ти у чорта, искажи, за птиця?
Чи миш, чи кажан, чи перепелиця?

Астроном

А ja iestem polskiey nauki ostrolog [5].

---

[1] Це шляхетство, коли мати вродила,
Дівчиною будучи, вона дістала від усіх:
Розум Катона, мужність Гектора,
З дівочої крові у мене моя постать.
Знаю, що діється і в пеклі і в небі —
Долі не маю собі ні на крок!
Чобіт, одежі і шапки — не питай,
У всьому цьому, так як бачиш, вітай.
Однак же цього не хочу пояснювати.
Маю мудру голову, знаю, як золото марнувати,
Маю перспективу *(підзорну трубу)* астрономського мистецтва.
Маю перспективу, хоч без дорогих шат.

[2] Я уроджений шляхтич, хоч без дорогих шат.

[3] щетеш нісенітницю обманути, ввести в оману

[4] Та я не той, я знаю, що робиться в небі,
Розмові моє слово ніколи не буде зайве,
І я завжди угадаю, коли й на хліб орати.

[5] Я — астролог польської науки.

Мужик

Є се, бачу, той, що бавлять остронуг.
Що вĕн наперед летючую хватае,
Около неба звĕзди избирае.

Циган

Осе ж и я тута. В мене есть кобила —
Три роки жеребна, да ще не родила
Лошати. Чи не вгадаєш, дядку,
Яке буде? Чи вороне, чи яке на взглядку?
Коли ворове — дам добру заплату,
Памятатимеш и до смерти, тату.

Литвин

Га-га, кабузнĕк[1]! О пчолках чи знаеш?
В омшанĕку[2] iость сколко, чи вгадаеш?
А в борцях[3] чи живи, чи не рушив недзведзь[4]?
Кажи, чи знаеш, або уже не бредзь![5]
Албо висеяць гарох калĕ треба?

Астроном

Czekay no trocha! Rzuse się clo niebie,
Cwiazdy, powidze, iak toczo się kołem[6].

Пархим

А мое ж нивя чи буде вже полем?

Астроном

Patrżcie, iak wpadnie znak planety Raka[7].

Мужик

Швиденко становись остроному рака.

Астроном

O summam injuria rustikorum!
O tyrandem złych wozowykorum!
O, jak iems dostał dzis u chłopskie ręki,
Już em nie cierpiał takiey wiĕlkiey męki.
Lepiey było w Polszcże rekreandi[8].

[1] ворожбит [2] приміщення для вуликів [3] бортях [4] ведмідь [5] не бреши
[6] Чекай-но трохи! Рушиться небозвід,
Бачу, як зорі обертаються колом.
[7] Дивіться, як падає знак планети Рака.
[8] О найвища несправедливість мужицька!
О тиранство злих возовиків!
О, як дістався тепер у хлопські руки —
Іще не терпів такої великої муки.
Краще б було в Польщі відпочивати.

Мужик

О, я кажу, що вĕн надувсь до оранди[1].

Циган

Ось ми коло тебе тепер погуляем.

Мужик

І скроз спектива[2] все всĕ поотбираем.

Литвин

А я проводнĕка подам на дорогу,
Што починĕв у нас такую тривогу —
Каже, што дожчу не будзе нĕстрохĕ!

Мужик

А ти ж не знаеш, крутохвоста[3], здохи!
Озмĕм лиш его в руки хорошенко,
То вĕн перестане крутитця швиденко!

3-TIUM INTERLUDIUM[4]

Виходить козак с пĕснею, до которого виходить лях на вловн. Козак схоронится, потом виходять к тому ж ляху подданнiи с поклоном.

Козак

Мати моя старенкая, чи ти менĕ раденкая,
Моей молодости,
Моей молодости?
Був у турка под рукамы, а в татаров з кайданамы
У самой жалости,
У самой жалости.
Дадже правда — тепера нема добра всюди,
Дармо пряцуем, виставляем груды.
Бог виручив мя оттуду, а тепер мĕсця не найду,
В дому не сидĕти.
Лĕсы, поля спустошенни, лугы, сĕна покошенни,
Пороспускав дĕты,
Пороспускав дĕты.
Толко ж правда, що треба взираты на бога,
То и всĕм есть в добичи простая дорога.
Пойду знову на Сĕч-маты, пойду долĕ вниз шукаты,
Козацкая доле,
Козацкая доле!
Ачей буду потугою, а в москаля заслугою,
Мати ж моя, оле[5],

[1] хоче орендувати *(землю селян)* [2] підзорну трубу [3] свиня [4] третя інтерлюдія
[5] горе

Мати ж моя, оле!
Спитаю, чи не буде хоч на низу добра,
Чи не трапится де поймати лиса або бобра.
Буду турков воеваты, мечем слави добувати,
Буду воевати,
Буду воевати!
Кармазини з луданамы, шати драты з сутанамы.
Совсѣм буду брати,
З очей не спускаты,
З очей не спускаты!
Егей, коли б впять, як була, козацкая слава,
Щоб роспустилась всюди, як пѣрамы пава!
І щоб зацвѣла знову, як рожа улѣтѣ,
Як бог позволить побрать турецкіи дѣты,
Або ляхов на той час трапится поймати
І сѣм кіем козацким по ребесах дати.

Лях

Padła, padła, padła! Tu padła! Kus, kus! Hałapiur!
Teraz że mam czas k memu polowaniu.
V przepiułek wraz pstrych ku łapaniu.
Choc ia pstrego mam iastremba chciwa,
Do przepiułeczek nie barzo leniwa,
Iednak że żądam od poddanstwa swego,
Gdyby przyniesli iastremba drugiego,
Ktoren by mogł złapac drugo albo trzecie,
Albo y więcey, choc do dwach set przedzcie[1].

Литвин

Глядзѣце ж, як будзеце перед паном гавариць,
Я вас старосцю своею магу научиць.

Всѣ

Харошо гутариш, бацюхно старенкій!
Харошо, харошо гето, лебедзік беленкій!

1[-й литвин]

Слухайце ж всѣ, братьце, як буду навчаць,
А ви, панове, звольце мои слова внѣмаць!

[1] Впала, впала, впала! Тут упала! Кусь, кусь! Га-ля-ля!
Терп же маю час, щоб пополювати
І враз наловити рябих перепілок,
Хоча я маю сірого жадібного яструба,
До перепілок не дуже лінивого,
Однак я жадаю від своїх підданих,
Щоб принесли другого яструба,
Який би зміг зловити удвоє, втроє
Або й більше, хоч би й до двохсот.

2[-й литвин]

От так буду гавариць: «На здорове тобе, пане!»

3[-й литвин]

«Нехай и панеи стане, і всѣм дзіеткам вашим!
Нехай станіесе гето тут приходом нашим!»

Лях

Cuż to, chłopowie, teraz wy mnie mowicie?
A panskiego gniewu iuż nie wicie?[1]

Литвин

Неть, моспанie, мы к тобіе с поклоном[2] пришлѣ
І саколю маць до твоіей мѣлосцѣ приніеслѣ.

Лях

Jakież to mnie pokłony już teraz bywaią,
Kiedy dzis mi chłopowie w oczy narżekaią!
Wez tylo, chłopcze, postronki drotowe![3]

Chłopiec

Iuż gotowe![4]

Лях

Wez no, chłopcże, tylo sam woyta, jak starżego,
Biy, tłucż, wal, pal, biy dobrże! Tamże y drugiego!
Cuż to za dziwo do mnie y iaka przyczyna,
Chłopa zabic, ubic, iak skurwego syna![5]

Литвин

Ну ж, моспане, и меніе еще прохварасцѣ,
А прохварасцѣвши та й додому пусцѣ.

Лях

Dobrże! Ydz, chłopcże, dayże dobrże y temu,
Sto kijow odmierż tak, iak y drugiemu![6]

[1] Що ж це ви, хлопи, тепер мені говорите?
А панського гніву вже не знаєте?
[2] подарунком
[3] Які ж то мені тепер уже подарунки бувають,
Коли нині хлопи мені в очі дорікають!
Візьми лиш, хлопче, дротяні посторонки!
[4] Вже готова!
[5] Візьми-но лиш, хлопче, сам війта, як старшого,
Бий, товчи, вали, пали, бий добре! Там же й другого!
Що ж то за диво мені і яка вина
Хлопа забити, убити, як скурвого сина!
[6] Добре! Іди, хлопче, дай же добре і тому,
Сто київ одміряй так, як і другому,

Y day go bogu, iaka to chłopska odwaga!
Znać, że to moskał abo kozak iemu dopomaga.
Ia poddannych wyrombam karki wszystkim do pniaka!
Z Ukrajny iego kpa kozaka,
Ot tylo szlachte swoie na głowe pobudze,—
Po naszych tu granicach nie mieszkaią ludźie,—
Lecż nie tylko w granicach także y na Ukrajnie,
Niechże po wszystkich stronach polska sława słynie!
Y to moie poddanstwo w Kijowie bywało,
Gdzie był gubernatorem szlachce zaleciało;
A do Hłuchowa miasta, ktore wsi należą,
Y to ich mosci Guwnowie do siebie odbierżą.
To wszystko mieczem, ogniem zwoiowac możemi,
A Leszczynskiego krola znowu odbierżemi!
A wnet zaciągnemi tu mężnego Hektora,
Y na pomoc przyszłe nam od swego też dwora
Krol francuzki że tysiąć drugie-trżecie,
My się zbierżemy wkoło do sto tysiąc przedzcie.
Będziemy też woiować do samey Poltawy,
Aby odebrac pierwszy honor naszey sławy.
Mospanie Zdupypadskiy, panowie Guwnowie,
Schodcie się do porady, bierżcie arme swoię! [1]

2 [-й лях]

Kłaniam iegomosci panu Sraczkowskiemu,
Ia, sługa nayniższy komputu całemu. [2]

[1] І пошли його до бога! Яка то хлопська одвага!
Знати, що це москаль або козак йому допомагає.
Я підданим усім повідрубую шиї впень!
З України *(вижену)* дурня-козака,
От тільки шляхту свою підійму,—
По наших тут кордонах не мешкають люди,—
Але не тільки в межах, а також і на Україні,—
Нехай же по всіх краях польська слава лине!
І мої ті піддані в Києві бувало,
Де був губернатором — шляхті служив;
А які села до міста Глухова належать,
То їхмості Гувнове собі одберуть.
Це все мечем, вогнем можемо звоювати,
А короля Лещинського знову оберемо!
І одразу ж притягнемо сюди мужнього Гектора,
І на допомогу пришле нам також від свого двору
Король французький тисяч дві-три,
Ото ж зберемо, либонь, тисяч із сто.
Будемо також воювати до самої Полтави,
Щоб повернути коляшню честь нашої слави.
Мосьпане Здупипадський, панове Гувнове,
Сходьтеся на раду, беріть свою зброю!
[2] Кланяюсь йогомості пану Срачковському,
Я, слуга найнижчий, всьому товариству.

1 [-х лях]

Co będziemy czynic? Już wielka gromada,
Tylkoż by nie byłab z waspanstwa zrada.
Gdy kozacy będą napadać surowo,
Stoycie, nie buycie się kładcie głowo z głowo!
Nie buy się, wac, gdyby tu kozacy przyszli,
My by tu ich kanczukiem w lasy wprowadzili! [1]

Козак

А доки ж вы, бестелюгы[2], будете звегати?[3]
Чи то ми вас не зможем кіямы прогнаты?
Земку![4] О, земку! Швидко давай поратунку!
Ос тут добичи озмем не одну вже сунку![5]
Тут-то вѣд злота ляхи да вѣд срѣбла сіяють!

Москаль

Што они тебя, гаспадин пан-казак не ругают ли?

Козак

Де ж пак не лають? От так лають, що аж лихо!

Москаль

Дабро ти, казак! Вось ми убіером их тихо!

Поляк

Numy też bracia, chwytac do swego oręża,
Aby nie utracic żadnego żołnierza! [6]

Москаль

Казак, пріймайся! Не боися! Бери з плечей двоих,
А я тотчас уберу далгополих от тих!
А што здезь о рубежах они спаминали,
Будто ляшонки Украйну в облястях держали,
Дабро! Вот покажем рубежи кнутамы на спинѣ!

Козак

І добре, земочку, щоб другій памятав,
Да и дѣдчой? своей дитинѣ заказав!

[1] Що будемо чинити? Вже велика громада,
Тільки ж щоб не було од вас, панове, зради.
Коли козаки будуть сильно нападати,
Стійте, не бійтесь, кладіть голову коло голови!
Не біймося, панове, коли б сюди козаки прийшли,
Ми б їх тут канчуком в ліси загнали!
[2] собаки [3] гавкати, брехати [4] земляк [5] сумку
[6] Нумо теж, браття, братися до своєї зброї,
Щоб не втратити жодного жовніра! [7] йортовій

ІНТЕРЛЮДІЇ ДО ДРАМИ МИТРОФАНА ДОВГАЛЕВСЬКОГО «ВЛАСТОТВОРНІЙ ОБРАЗ»

INTERLUDIUM 1-MUM

Виходять два мужикы заставляти тенета, до которих виходить третій для поради; оставивши тенета, скріются. Потом виходить литвин и упадеть в тенета, и, напавши, мужикы литвина убють. Потом виходять синки, шукаючи батка, и, знайшовшы, воскресять. Еще к ним виходить ксоноз питатися, що на том свѣтѣ дѣется, и литвин ксоноза прожене.

1-й м у ж и к

Гай-гай, Грицку братухо, іось пожался, боже,
Що то за мѣсце було, от близку, пригоже,
Не одного се хлѣбом попогодовало,
Да не за великій час, як не тее стало!
Тут було стовпище лучшого звѣряти,
Як свѣт свѣтом такого не було видати!
Бацця б, коли б умѣло, то б проговорило,
Що не одному паршѣ нащинцу[1] обмило!
Першенкій Пархѣм Жижа, мовляла ж Дроздиха,
Отсѣль схватився на ноги не з якого лиха!
Так же Понаскій Спаскій у злиднях купався,
Ни свѣт, було, ни зоря, то й потелѣпався.
Все, бувало, як Марко по пеклу, товчется,
Гледи, той пре, аж у тры погибелѣ гнется!
А тепер сидить собѣ, як журавель у просѣ,
Тилко ж що хоч говори, есть щось в іого в носѣ.
Нащо ж, як и нащинець, от лиха пряцюе —
Що в бога день на ступѣ и в жорнах танцюе!
А коли попадеш той осмак[2] и лядскую,
Або шеляг зламаній, копѣйку якую,—
Не збагнеш, куди вткнути — всіого душа хоче,
А що дай, дай кождому, то-таки опроче;
Жунка гризе голову, а тут дѣти в крики,
Хоч би вже якого, то зобють с полетыки!
Хиба еще и сіого хлѣба запитаю.
Коли ж недзо[3], то й прощай, брате Николаю!
Жунку з дѣтми зблеску гдесь зацуприкую[4],
А сам пруч, куди очи и почепчикую!
Шкода балагурити и свѣтом нудити —
Нумо тилко спитаймо тенета розбити.
Давав бог, братцю, людям и нам обицався,
Я б таки, бачця, тута чогось сподѣвався!

2-й м у ж и к

Не имим я грѣх, щоб тут було що такое,
Як бачиш, то все отсе ничого светое,

[1] нашому *(брату)* [2] вісьмак *(дрібна монета)* [3] нічого, ніщо [4] затягну

От я б тобѣ раяв . . . . . .
И дав хлѣб и без того твуй батко да й маты!

1[-й м у ж и к]

Я ж кажу, що ти скрутиш, що тобѣ без працѣ?
Нащо ж було наперед брехать, як собацѣ?
Якійсь тебе кат тягнув сюда воловодом?
Мнѣ и трапилось зойтись из дурним удодом!
Чого ти за се годен? Якби на лихого,
Вререпав бы до смерти, як псища якого!

3[-й м у ж и к]

Стуйте! За яку трасцю стелися ви битись?
Плюнте на мару! Згинте, покинте казитись!

2[-й м у ж и к]

Тху, на тебе все лихо! Як злекав, проклятій!
Старій вже, як собака, да от глуповатій!
Ти б казав, бугай дурній! Верещить, рикае!

3[-й м у ж и к]

Я бо казав: хто тебе в шію попирае?

1[-й м у ж и к]

Да де в лиха пре в шію? Тут сором казати!
Дала мнѣ товариша іродова мати!
Чи не мѣсце ж, от, як бачиш, чим воно благее?

3[-й м у ж и к]

Чи еще ж, матчин сину, се хиба б такее?

1[-й м у ж и к]

Отже, вун не те човпеть! Скрутивсь да звертѣвся,
Що не верчу покинуть, да годѣ, насѣвся!

3[-й м у ж и к]

Чи справдѣ? Ну, перестань к кату! Не казися!
Ат, покинувши сунку, за крило берися!

2[-й м у ж и к]

Ет же, коли намоглись, дак и закицаймо,
Ат, закидавши, тут же и позасѣдаймо!
Бо зараз треба глушить тѣлко б що упало,
Щоб к матерѣ спаленуй те[не]т не порвало!

[Л и т в и н - б а т ь к о]

Хвалю ціебіе, господзѣ, зо всіема святога,
Што даждався віесіолаго ціепіер дня такога!

Нумо ж ми цiепiер усiе вкупiе веселѣтца,
Нiехай юда хваришнѣк в пiеклiе засмуцѣца.
Калѣ нiе хацiев в нiебiе з богом лѣковацѣ,
Вось познаець, злодзiей, як бога продавацѣ!
Калѣ б iон був по-моиму барцми забавлявся,
З дзiеруном пагуляцѣ, а ту б в гiетакую бiеду нiе папався.
А я цiепiер всцiенно да душѣ нiе дбаю,
Пчолкѣ ужо виставляць час хароший маю.
Гдзiе поидзеш — усяго iосць, и глядзiець пригоже,
I з дзiеруном любо граць, хрест на менiе, боже.

1[-й мужик]

Илку, сюда! Ось щось за лихо ввертѣлось!

2[-й мужик]

Глуздуй по головѣ, щоб с тенет не проилось!

3[-й мужик]

Стуйте, братцѣ, що се ми встукали такее?
Звѣр — не звѣр, щось так собѣ, нѣ сее, нѣ тее.
Се ми изроду такого не видали дива:
Там чорне, там бѣле, голова вся сива.
Коли б ми от за сее в лихо не попали!

Чомусь у мене разом литки задрижали,
Чуеть дух, що не лапшiй, се вже якись дѣдко!
Нумо мы в ногы, от як тепер людей рѣдко!

[1-й] син

Бацка! Во, бацка! Залоцянѣк, гдзiе ти захавався?

2[-й син]

Да, глядзѣ, чи не к пчолкам на сосну взадрався?

1[-й син]

Ах цiе мнiе, што ж вот гето ляжиць за нярище?
Цѣ кошка баравая, чи цѣio сцiервище?

2[-й син]

Гето ж бацка, хваришнѣк, тута кулѣкаець!
Гдзiе, гдзiе падзiевсь? А ж вот iон гуляцки справляець!

1[-й син]

Чи яго ж лѣха унiесло у гетiе сiецѣ?
Вот то здура не пазнав iон?

2[-й син]

Казав, што па iецѣ,
Може, на борць лiезць хацiев?

1[-й син]

Ах, лѣха!
Гето ж бацка адубiев, нiеком ляжиць цѣха!
Ци iон тута з яким дзiедкам барукався,
Ци iон з сосни з гетими сецмы отарвався!

2[-й син]

Вот то яго дзярнула саколяя мацѣ!

1[-й син]

Треба ж би гаспадзѣна да яго пазвацѣ,
Ачей би апяць к нiему дух цѣ нiе вiернувся.

2[-й син]

Даймо лягушку, то iон з голоду адувся!

Бацько

Вох, Христос аскрiос, синки! Я с нiеба цiепера!

1[-й син]

Скажи ж нам, бацюгна, цѣ бачив лѣхвiера?

Бацько

Вох, синки, вѣдзiав в нiебiе кошки баравiе,
Да там вжо нiе такiе, усiо палавiе.
А на божом гумнiе святiе малопяць,
А Пятро с Павлом всiо снапочки валочаць.
Калѣ ж я пашов туда, гдзiе сонце заходзѣць,
А ж вот там праклятая змiея с агнiом ходзѣць.
Толка ж што зобачила, як шмаргнiець за мною,—
Я вцiеки, аж Кузма, Дзiемян кричиць: «Бог с табою!»
Вот то мы хуцiенка там в кузню захавалѣсь,
А яна ну калацѣць, штоб мы отчинѣлѣсь,
Всiо кричиць: «Дай злачинцу, ба мнiе его треба,
А калѣ нiе дасѣ — сапхнѣ ж яго с нiеба!»
Толка ж што Кузма, Дзiемян мнiе в нiеба спусцѣлѣ
Аж тут вы з лягушкаю ка мнiе й загаспѣлѣ,
Благодариць же бога, што в купку сплялѣся,
А то булѣ, как пчолки на мiод, разбрилѣся!

Ксонз

Niech będzie Jezus Chrystus pochwalony!
Czemuś miłczą? Na wieki wiekom amen.
Ktos tu dzis duchownego potrżebował w płaczе?

Литвин

Здаров, паниe дзяче!

Ксонз

Ktos, mowie, spowiednika żądał tey godziny? [1]

Литвин

Бог дасць, сакол! Мы и сами іомци до бацвѣни[2].

Ксонз

Widże, głupi ten stary, nie wiedżiec co prawi [3]!

Литвин

Да таки вот ціепіера пришов я из павы.

Ксонз

Thu, przepadni! Nie będę już gadał do cibie [4]!

Литвин

Пахадзѣв, благодару бога, и па ніебіе.

Ксонз

Żebis ty był na niebie? Lżesż, iak niepotsciwy [5]!

Литвин

Виц же ніе хто, бог міеніе насѣв мѣласцѣвій.

Ксонз

Kiedy żes był na niebie, zmow, co się tam dzieie [6]?

Литвин

Брешеш ти! Там всіо святцѣ, то в піекле зладзіее!

Ксонз

Iak że się tam naszemu papiżu powodzi [7]?

Литвин

Памѣнай ужо, як звалѣ! Прапав іон, да й годзѣ!
Яму ніеба и ніе снѣлось! В агніе смажиць душку!

Ксонз

Swięty żeby był w piekle! Szczekasz ty, staruszku [8]!
Przy nim iesże była łaska Chrystusowa [9]!

[1] Хто, кажу, сповідника щойно хотів? [2] охóчі до ботвини
[3] Бачу, цей старий дурень не знати, що говорить!
[4] Тьху, пропади! Не буду вже й говорити з тобою!
[5] Щоб ти був на небі? Брешеш, як негідник!
[6] Коли ж був на небі, розкажи, що там діється?
[7] Як же там нашому папі живеться?
[8] Щоб святий був у пеклі? Брешеш ти, старий!
[9] При нім іще була милість Христова!

Литвин

Правда, правда, угадав ти! Сагнувшись саматужки прець до піекла дрова,
А хваришнѣки акруг скачуць и играюць,
Гетакимы дубцямы вот так поганяюць!

[Пиворізи]

INTERLUDIUM 4-TUM

Виходять пиворѣзы — первѣе един, а потом другій, которіи и малярство умѣють; к ним війдеть мужик, и его отмалюють пиворѣзы, за которое малярство приведеть на них вѣйта и ктитара, и проженуть пѣворѣзов.

[1-й] п и в[о р і з]

Где б то, вашецѣ, проше, мѣсце проискати?
Жившы без кондиціи — потяжко на шаты,
А и еще б думалось набрати тузинку[1],
Бо велце докучаюць студенти узимку.
А приодягшись мало, пойшол би в Березну,
Но для совѣта гряду ко другу любезну,
Іже в Претиской школѣ криласа правитель
Лѣвого, горѣлицы и бражкы любитель.
Паче бо в Коропѣ-градѣ користы бивають,
І соборніи нашѣ тамо учащають.
Всѣм той камень прибѣжище заяцем и маты,
Гдѣ братія живот свой жаждеть скончевати.
Камо и аз шествую, алчній, жаждній пити,
Да живот мой в градѣ том могу кончити.
В нем же мы от дѣтских лѣт криличествовалы
І по шагу из диму рокового брали.
І там нас братія соборнѣиша знаеть,
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаеть
Под нашу милость, даби клиру сопричтити
І собор миж братію добре утвердиты.
Не толко ж мы умѣем клиром управляти,
Но можем еще куншти[2] разніе писати.

2[-й] п и в[о р і з]

Хто здѣ таков, хваляся, себе величаше?
Аще прійдеть кто к нему — нѣчого не даше.
А мы, було, як когдась на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни в школу прихождалы.
Ми-бо, бувало, всіого подостатку маем
І хто прійдеть к нам в школу — любезно вгощаем.
Веліе бяше число у нас горѣлицѣ —
Полѣни чванцы[3] текущы з подтрубной криницы.

[1] малюнки [2] дешевого сукна [3] дабани

І всего, слава богу, бяше подостатку:
Що у людей, то и в нас всякого статку.
Да и тепер богати — маем воли и телицы,
Іже купно мандрують по стѣнѣ к трубницѣ.

1[-й пиворіз]

Не хвалѣтесь, бо и мы блощичного роду
Маемо подостатку, и всякого плоду
Доволствуем же зѣло, что хлѣба нѣ куса,
Все, ходячи по школѣ, справляем труса![1]
Потрясшы кучерамы, да спати лѣгаем,
А уставши раненко, бражку попиваем.
Може, вашець, ремество вмѣсте робиты?
Бо и я умѣю, то б вкупѣ стали б собѣ жити.

2[-й пиворіз]

Скажѣть, вашецѣ, проше, откуду грядешы?
Да и аз ис тобою [т]амо же идешы?

1[-й пиворіз]

Грядемо, мосцѣ пане, з Середнои Буди.

2[-й пиворіз]

І мы толко-що прійшли. Було нас усюды!
Где ж намѣриваете нинѣ шествовати?

1[-й пиворіз]

Ходѣм до Березнои, где и дяковаты
Будем, бо вже давно к менѣ присилали
Всѣ титарѣ до мене, и болш поступалы
Роковщины. Та боюсь, бо построив штукы,
Так щоб не попастися прото[по]пѣ в рукы.

2[-й пиворіз]

Скажѣте, пане Власе, що то там такое?

1[-й пиворіз]

Сто барбар[2] занесли, так диво самое!

2[-й пиворіз]

Перестанмо сы сіого, нумо маліоватись!
Як пойдем до Коропа, добре залѣцатись[3]
Будем. Наперед мене зволте вмаліоваты,
А потом мы вашецѣ будем рисовати.

[1] шукаємо [2] батогів, нагаїв [3] хвалитися

Мужик

Скажѣть, панове декы, мудріи вы люде,
Чи Кавель Кавеля вбив? Кому брехня буде?
Чи минѣ б то ис кумом, чи моему свату?
Все не даеть просвѣтку, дай же его кату!

[1-й]п и в[о р і з]

Не бойся, онагрику[1], кума побѣдиши,
Аще на горѣлицу шага положишы.

Мужик

Мы тобѣ, пане-дяче, и всіого потроху
Дамо — крупѣв и солы, пшона и гороху.

[1-й] п и в[о р і з]

О, курва ма[2], онагра, из іого крупамы!
Або то мы без крупов не звоним зубамы?

Мужик

Так же мы вам и шажок викинем до ката!

[1-й] п и в[о р і з]

Гряди в школу для толку, там до номѣната,
А мы свое, пане Влас! О чом була мова?

2[-й пиворіз]

Добре, вашець, проше, и фарба готова.

Мужик

Ану, и минѣ, компердь-пердь, умалюйте, дяче,
Бо що пріиду додому, то моя и плаче
Дохна, що не купили гостинця из мѣста —
Серег або перстеня и низки намиста.

[1-й]п и в[о р і з]

Добре, вашець, говориш, мы служить охочѣ,
Обмалюем усіого, толко заплющ очы.

[2-й]п и в[о р і з]

Оттак ти того, брате, дури знишка, скота,
Толко ж дурно учинив — не залѣпив рота.
Як пѣйде до громады да войту искаже,
То й нам кіямы ктитар пекарню помаже!

[2-й]м у ж[и к]

Що се тобѣ, Артюше, сталося такее?
Ще ж мы вперше изроду видимо отсее,

[1] ослику [2] *лайливий вираз*, ма — *скорочено* мати

Що так от легкодуха [1] терпѣтимуть люде!
Едже як не вибемо, то из нас смѣх буде!
Гледи лиш, Тарасе, да стань от порога,
То мы легкобитовѣ [2] припиляем рога!
И іон, скурвій син, подняв смѣх з нашого брата!
Коли б що добре-таки, а то шарапата![3]

[1-й]п и в[о р і з]

Забівають нищету нашу и печаль нашу! Обіидоша мя псы мнозы!
Жезл твой и палица твоя за мя утѣшиста! О бозѣ моем прелѣзу стѣну! Сонм лукавих обдержаша мя!

ІНТЕРЛЮДІЇ ДО ДРАМИ ГЕОРГІЯ КОНИСЬКОГО «ВОСКРЕСЕНІЕ МЕРТВЫХ»

INTERLUDIUM 1-MUM

М у ж и к

хвалится

То-то кауть, албо бак балагурять люде,
Що будь-то мудрагелѣ [4] вгадають, що буде,
Аж и вгадали завтра. Хто то можеть знати,
Що нам его святая грѣшним мае дати?
Хоть пак вони по оних [5] мудрощей доходять,
Да ба, да не дойдуть, коли нивки зродять.
Куди пак им знать тое, кажу паки смѣло,
Бо то не их, но наше господарске дѣло.
Мы-то люде пахарни, усе время знаем,
Коли яке насѣння в полѣ засѣваем.
Дай бе и довѣку, як у мене зродило,
Коли б то без пакости в цѣлости доспѣло.
Сподѣвавсе б себе и других погодовать,
Якбы все тое в гумно из оного зобрать,
Бо мы за іого ла́ску и святую волю
Оремо и сѣемо на всякого долю:
Щоб невимовно [6] перш, чим свѣтять, отмѣнити [7]
Да и чим курать в онѣй [8] в крамарѣв купити;
Треба и роковщину, що школу зучае [9],
Да и тому, що тим в онѣй онее зривае [10];
Ще ж и тому, що мирка [11], що-нибудь уткнути,

[1] зніженої людини [2] людині, що тяжко не працює [3] чужинець, у міській одежі [4] мудреці [5] по звѣздах *(прим. на полях рукоп. Петрова* 1. 174, *де в рядку слова* по іонум — по оних *підкреслені)* [6] безумовно [7] купити і поставити воскову свічку в церкві; в церквѣ *(прим. на полях вгаданого рукоп., де в рядку слова* у онуй *підкреслені)* [8] ладану, яким курять у церкві [9] щорічний податок — збір на утримання дяка-учителя [10] дяку, що щипцями у церкві зриває нагар на свічках; щипці, в церквѣ, свѣчи *(прим. на полях вгаданого рукоп., де в рядку слова* тим, у онуй, онее *підкреслені)* [11] миркачу, учню-жебраку, жебраку *взагалі*

Селянка XVIII ст. Ілюстрація з рукопису А. Шафонського «Топографическое описание...», 1786 р. (ЦНБ АН УРСР).

Да и того, що пакае [1], сѣм-тим не отбути;
Думай и на провanти [2] тѣлки ж с того дбати,
И себе б то и саму з дѣтьми харчовати,
Абы б ми толко годни були и іого хвалили.

С и н о к

И сюда, сюда, сюда! Ось, ось! Уловили!

[1] що говорить «паки» попу; поп *(прим. на полях рукоп. Петрова* 1.174, *де в рядку слово* пака *підкреслено)* [2] урожай

Мужик

Що там такее?

Синок

Але побачиш онее!
Убравшись в наше, раком сидѣло отсее!

Мужик

А що там за прочвара? Ох, моя годино!
Се ж ти вбралась у наше, старая шкапино!
От тепер бак, кауть, думка думку пошибае,
А из журбы тяжкой пердь пердя наганяе!
А як ви ей в опѣм, и що там робила?

Синок

Але що там робила? Сѣдячи крутила.

Мужик

Крутила? Се ж ти якбы на ліоду мене посадила.
Пошла наша кривава [1], пошла, як у воду!
Орав, сѣяв, волочив, терпѣв и негоду,
Уже ж изійшло було и зазеленѣло
Так gречи [2], що и іочам дивитися мило!
И що ж з нею чинить, сам себѣ не поражу,
Без мого грѣха к войту еи попроважу.

Войт мужику встрѣч попался

Мужик

А я до тебе.

Войт

А що там за справа такая?

Мужик

На кого думали, то й пойманна сяя.

Войт

Где?

Мужик

Где? На оних.

Войт

Чи не коло нив ходила?

Мужик

То-бо й то! Угледѣв муй, як там щось крутила.

[1] кривавиця, тяжка праця [2] гречно, гарно

«Знатная госпожа» XVIII ст. Ілюстрація з рукопису А. Шафонського «Топографическое описание...» 1786 р. (ЦНБ АН УРСР).

Войт

Осе ж и ми укрутим юй цурку в оную,
Як ось наллем пэлѣча у панѣ старую.

Мужик

Шкода рук поганить и себѣ чинить наруги,
Отдаймо еи яризѣ [1], що біет и обдирает котюги.

[1] п'яниці, безпутній людині

Я р и г а

Нет ли какой работи?

М у ж и к

Ось тебѣ робота,
Коли твоя до сіого призволить охота.

Я р и г а

Да што здесь дѣлать?

М у ж и к

Як сам здоров знаеш.
Однак ти котюги біеш и тих обдираеш,—
Издери з коверзницѣ сей старои шкуру,
А за працю, що на юй, возмеш и на хуру,
А от громади будеть якаясь заплата.

Я р и г а

Да нада перве в допрос взять, в чом виновата.

М у ж и к

В тум, що еи у житах сидячу застали.
Мы сами, углядѣвши, там еи поймали.

Я р и г а

Ин дабро! Сказивай здесь, какая в те сила,
Знать те вражеская там по палям насила?
Какое твое дело? Признавай мніе в рожу,
А буди нет, вот этим [1] всю попору кожу.

Б а б а

Батечку, голубчику, зѣмочку [2] мой любій,
Не вѣр сим напрасникам и плюнь им у зубы!
Я лихого не знаю чинить и не знала.
Толко потребних зѣліок по полю шукала.

Я р и г а

Нет, они сказывають в житах тіе застали.

Б а б а

Плюнь ти им в очи! Они тебѣ нащекали [3]!
Где жита ростуть, нема ш там зѣлля другого.

М у ж и к

Э, дак ти каеш плювать та й говориш много!
Возми лиш си, сватко, в свои руки gречи!

[1] батогом, нагаем [2] земляче [3] набрехали

Я р и г а

Хорошо, сват, возми-тка ти еи на плечи!

Тут баба мужикам ного [?] засипает, чтоб занѣмѣли

Я р и г а

Ну, чево стоиш? Сматри, оба постолпѣли!

Б а б а

Так им треба! За свою брехню понѣмѣли!

Я р и г а

Баба!

Б а б а

Чую, голубчику!

Я р и г а

А это што и кака здесь причина?
Да што это на ногах? Откуда платина?

Б а б а

Муй батечку, платочок я-то уронила.

Я р и г а

А это што за земля? Знать в ті каверска сила!
Тотчас отходи!

Б а б а

Вчиню, будуть говорити,
Тулко мене невинну не подавай бити.

Я р и г а

Да как ти вріош? Невинна! Вить самое дело!

М у ж и к и

Едь сам уклепав еси, еи зобличило!
Чого ж болш калантириш? [1] Едь знать з самой рѣчи!

Я р и г а

Веть я давно gавору, што бери на плечи,
Да сматри, каку за труд дасте мніе заплату?

М у ж и к

Яку дамо? З уздром, с потрухом возмеш еи к кату!

Я р и г а

Держи крепко!

М у ж и к

Се, бачу, звалив, як колоду!
Э, сват, так ти и мене біеш! Ну еи у воду,
Чи то пак у кручу.

[1] бавікаеш

ВЕРТЕПНА ДРАМА

З інтерлюдіями та з творчістю мандрованих дяків пов'язана своєрідна форма давнього українського театру — так званий «вертеп». Вертеп (власне печера, де ніби народився Христос) на Україні — це драматична гра, що виконується переважно ляльками, тобто українська різновидність відомого всьому світові лялькового театру. Невеличкий ящик у вигляді двоповерхового будинку являє собою сцену; дійові особи — це ляльки, що особливими дротами пересуваються по підлозі, непримітно для глядачів. У верхньому поверсі виставляється перша частина вертепної драми, за змістом спільна з шкільною різдвяною драмою, з її звичайними персонажами — пастухами, ангелами, царями-волхвами, царем Іродом тощо. В нижньому поверсі відбувається сцена з реального життя, на зразок інтермедій: тут виступають дід і баба — в селянській одежі; запорожець — в жупані, обшитому галуном та в широких синіх шароварах, з булавою у правій руці, з бандурою за спиною; москаль — у мундирі російської царської армії і т. д. Зміст цієї частини взятий з життя; розмови дійових осіб проводяться народною мовою. Взагалі ж вертепна драма (зародилася, мабуть, ще в XVII ст., але відомі нам тексти не йдуть раніш 70-х років XVIII ст.) — це ще один з попередників української реалістичної комедії XIX — початку XX с

Подаємо уривок з другої частини вертепної драми у тексті, зведеном публікацій Маркевича («Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян», К.,1860) та Галагана («Киевская старина», 1882, 10). Усталеного тексту вертепної драми нема; різні його варіанти (сокиренські тексти, славутинський, батуринський, хорольський) надруковані у виданні Академії наук УРСР: Збірник Історично-філологічного відділу № 86, етнографічна комісія, Матеріали з української народної драми, т. I, Український вертеп, К., 1929.

ЯВА 1

(Дід і баба).

Дід

От тепер і нам припало,
Як Ірода вже не стало;
Потанцюймо ж, молодичко,
Мій ружевий квіт, хоть мало.

Баба

Гляди лишень, сучій діду,
Щоб не ввели танці в лихо;
Забрались би у тісний кут
Да хліб собі їли б тихо.

Дід

Да що ти мені бовтаєш,
Чого і сама не знаєш?
Ти говориш річ сю лишню.
А я б тобі сказав пійти
Під черешеньку, під вишню.

Хор

(Дід з бабою танцюють).

Ой під вишенькою, під черешенькою
Стояв старий з молодою,
Як із ягідкою.
І просилася і молилася:
«Пусти мене, старий діду,
На улицю погулять».
«Ой і сам не пійду і тебе не пущу,
Хочеш мене, старенького,
Да покинути»...

(Співають відому пісню).

Дід

Да годі ж, годі ж, годі ж бо вже!

(Вклоняються глядачам і тікають, побачивши здалеку москаля).

ЯВА 2

(Солдат на діда і бабу).

Кой вас чорт здѣсь разносил?
Вѣдь тотчас патащу к ахвицеру,
Штоб вы знали крестіянску вѣру.

(До глядачів).

А здрастуйте, честныи гаспада!
Не було ль тутечки здѣсь солдат?
С ними времечко провести я рад;
Но как оных здѣсечка тут нѣт,
То примить, гаспада, мой привѣт.

(Далі промовляє).

Я солдат прастой, не богослов,
Не знаю красных слов,
Хотя я отечеству суть защита,
Да спина в меня избита!
Читать и писать не вмѣю
А гавару, што разумѣю;
Ноныча люди веселяться,
Да й подлина, как не удивляться:
Христос в вертепѣ народился,
А Ирод окаянный сказился!
Бояся царства лишиться,
Вздумал дѣтской кровью омыться.
За то Иродушкѣ пришлось жестоко,
Как черти тащили в ад его глубоко.
Каковую вѣсть вам-ста собщаю
И вас Христовым Рождеством поздравляю.

ЯВА 3

(Москаль і Дарія Іванівна).

Москаль

А, Дарья Ивановна, каково живете?

Дарія Іванівна

Скучаю за вами, Игнатій Парамонович!

Москаль

Благодарю вас за память.

(Цілуються; москаль починає танцювати з Дарією Іванівною під згуки комаринської, але раптом чути барабана).

Москаль

Ахь, Дарья Ивановна, барабан слыхать,
Мне треба в поход ступать.

Дарія Іванівна *(цілує його)*

Прощайте, Игнатій Парамонович! *(Виходять)*.

ЯВА 5

(Циган виїздить на коні).

Дяги, дяги, забув, батю, дуги.
На шляв да-ри-да-ти,
Бо йду про-здра-вля-ти.

(До глядачів).

Криця не лошиця, кремень не кобила,
Як біжить, аж дрижить, як впаде, то й лежить.

(Кобила падає, а з нею й циган).

Пху, побила б тебе лихая та нещаслива година,
Пре, пре, пре каторжного батька скотина!
Щоб тобі ні стрило, ні брило,
Щоб тебе на світі не було.
Один в роті зуб держався,
Да й той тепер у снігу зостався.

(До глядачів).

Панове! Хто хочет, будемо міняти.
Далебі, що єї стоїть продати.

(Трохи помовчав).

Ніхто ні шажка, ні копієчки не хоче дати?
А тут-то суча кобила брикуча.
Хоч ребра в єї й дуже видно,
Да все ж за год вона раздобріє.

Коли жива буде,
Боятимутся люде:
Хутко біга.

(Б'є кобилу пліткою і кричить).

До шатра, до шатра, до шатра!

(Кобила підводиться і вибігає).

Ох юсти ж, юсти,
Смадженой капусти!
Хоч би смальцем зашаровати
Та добре попировати.

ЯВА 6

(Вбігає циганя, сип).

Син

Йди, батько! Мати казала вечерять.

Циган

А що ж доброго ви там наварили?

Син

Казала мати — нічого.

Циган

А хліб же є?

Син

Де б то взявся? Нема.

Циган

Так дарма. Я тут с людьми добрими погарцюю,
А ви вечеряйте собі здорові.

(Циган йде).

ЯВА 7

(Увіходить циганка з глечиком у руці).

Циганка

Гараську, Гараську!
Із'їла собака порося і паску
Да ще й перець винюхала.
Тепер кого пеняти?
Нігде й хліба взяти.

Циган

Ой жінко, жінко! Я шек-монодек
Фун-фун-фонфора! [1]
У мене що не день, то копійка свіжа.
Чи молочка? — то й на, на!
А чи сальця? — то й на, на!
А тепер-то я ж з голоду вмираю.

Циганка

Е, старий котюго! Ще й тобі мене
Отсе дратовати?
А як знав би ти собі міхом подувати
Да залізо горячєє мологом ковати.
Як ударю я тебе кічвою сією,
Не будеш ти знущатись над бідністю моєю.

(Б'є його по обличчю. Циган наміряється на неї пліткою).

Циган

Ой, жінко, як почну сергієм латати,
То вся шкура на тобі буде тріщати.

Циганка

І не лай же мене,
І не бий же мене;
Принесу я борщику
В полив'янім горщику.

Циган

Хутко ж, жінко, та не бавсь!

(Циганка виходить і знов повертається).

Циганка

Тут-то страва, тут-то люба!
Покуштуєш, звисне губа.

Циган

А дай же покуштувать.

(П'є з глечика, потім плює й говорить з обуренням).

Ге, побила б тебе година лихая!
Така твоя й страва, як і ти дурная:
Твій борщ та походив на ракову юшку.

Циганка

Кидала, мій миленький, й цибулю й петрушку,
А для свого господара
Й кусок сала із комара.

[1] «циганська мова»

Циган

Гайда ж до шатра дітей годувати,
А коли хоч, то й вернись, да нум танцювати.

(Цигани танцюють і співають).

Циганка

Чом, цигане, не орёш?

Циган

Бо не маю плужка:
Тільки в мене пояс є,
За поясом — пужка.
Чом, циганка, не прядеш?

Циганка

Бо не вмію прясти:
Із-за гаю виглядаю,
Щоб сорочку вкрасти.

Циган

Ходім, стара,
До шатра,
Що має бог дати,
Фун-фун-фонфора,
Проживем без хати.

(Танцюючи виходять).

ЯВА [8]

Поляк і хлопець).

Поляк

А цо тута за галацъ?
Нѣхъ дзѣмбло вѣзмѣ гайдамацъ!
Идзь, хлопку, ведзь [1] до мнѣ кохану!
Я ту краков'яку витанцьоваць стану.

(Хлопець виходить. Поляк звертається до глядачів).

А цо, пановѣ?
Жебы вы знали, цо я естем з дзяда [2],
Из прадзяда шляхтич уродзоный [3].
Я былем ве Львовѣ,
Былем і в Краковѣ,
Былем і в Кіовѣ,
Былем і в Варшавѣ,
Былем і в Полтавѣ,

[1] веди [2] з діда [3] уроджений

Былем в Богуславѣ.
Падам до ног ясновельможнего пана!..

(Називає прізвище хазяїна дому).

Зычу здрув'я й многа лята!

ЯВА 9

(Увіходить полька).

Поляк

А, як ся маш, моя варшавянко?

Полька

Будь здрув, мой коханко!

(Цілуються. Починають танцювати).

Поляк

Сивы коник, сивы; зеліона кульбака;
Заѣхалем до ней,— нѣхцѣ мѣ собака.
Не жалуй, дівчина, барылечки вина...
Хыба бым мусяла в Краковѣ не бываць,
Жебым не умяла краковяка спѣваць.

(Танцюють, а з-за дверей виходить хлопець і починає танцювати навприсядки за спиною у пана. Той, відступаючи, наскакує на нього; обидва падають. Пан кричить, лежачи на долівці).

Поляк

А пудзь до дзѣмбла [1], лайдак, батогами забію.

(Підводиться).

Полька *(до поляка)* [a].

Пшепрошам, пана Яна!
Ідзь зе мнѣ,
Бо цiебѣ гайдамака забіе.

Поляк *(похваляючись)*.

Цо ты, неодукована кобіто [2] мувиш!
Як бога кохам,
Єден тшидзести [3] гайдамак забіє!

(Здалеку чутно пісню запорожця).

Та не буде лучше,
Та не буде краще,

[1] до біса [2] неосвічена жінко [3] тридцять
[a] Далі текст із списку Галагана.

Як у нас та на Україні,
Що немає ляха,
Не буде ізміни.

(Зачувши пісню, всі тікають).

ЯВА 10

(Входить запорожець).

Запорожець *(дивлячись туди, куди втік поляк)*.

На-на махнув! Мов панський хортяга, або опарений пес!
Що то за народ із їх пресмілий,
Що сам і в вогонь не вскочить, хіба єго сплою впреш.

(До глядачів).

Хоть дивись на мене, та ба — не вгадаєш!
Відкіль родом і як зовуть — ні чичирк не знаєш.
Коли траплялось кому у степах бувати,
То той може прізвище моє угадати.
А в мене ім'я не одно, а єсть їх до ката,
Так зовуть, як набіжиш на якого свата:
Єврей з біди за рідного батька почитає;
Милостивим добродієм ляхва називає;
А ти як хоч назови — на все позволяю,
Аби лиш не назвав крамарем — за те то полаю...
Тепер, бачу, на світі біда, що мене одцурався рід;
Не бійсь, як був багат,
То казали: Іван брат.
А тепер, як нічого не маю,
То ніхто й не знає.
А як розживеться голота да й загуляє,
Тоді до чорта роду і всякий пізнає.
Відкіль родом я на світі,
Всяк із вас може знать приміти.
Жінок в Січі немає,
Всяк тее знає.
У нас сугаків тільки сліди,
Дикії коні нам сусіди
Да Дніпрове стрем'я —
Ото наше плем'я.
Правда, як кінь в степній волі,
То так козак не без долі:
Куди хоче, туди скаче,
За козаком ніхто не заплаче.
Гай-гай, як я молод бував, що-то в мене була за сила!
Було, ляхів борючи і рука не мліла.
А тепер і вош сильніша від ляхів здається,
Плечі і нігті болять, як день попоб'ється.
Так то бачу, що уже не добра літ наших година:
Скоро цвіте і в'яне, як у полі билина.

Хоча ж мені і не страшно на степу вмирати,
Да тільки жаль, що нікому буде поховати:
Татарин цурається, а лях не приступить,
Хіба яка звіряка за ногу в байраки поцупить.
І справді: пристарівшись на Русь пійти мушу.
Бо там одпоминають попи мою душу.
Тільки ж мені і не чуєця на лаві вмирати,
Бо ще же мене тягне охота з ляхами гуляти.
А хай мині що-небудь прикинуть для смерти,
. . . . . .
Хоч уже мало ізледащів, однак чують плечі:
Здаєця, поборовся б іще з ляхами гречи,
І ще б прогнав поронку за Вислу хоч трохи,—
Гинули б ляхи, як од жару блохи...
Трохи ляхва угадала, що лошака даровала.
Случалось мені і не раз в степу варить ниво:
Пив турчин, пив татарин, пив і лях на диво;
Багацько лежить і тепер з похмілля
Мертвих голів і кісток од того весілля.
Надія в мене певна: мушкет-сіромаха,
Да ще не заржавіла і шабля, моя сваха.
Хоч вона і не раз паюхою вмилась,
Таки й тепер як би розізлилась,
То не один католик лобом двиним стане,
Коли ж втікать схватиться, то на списі застряне.
Да як і лук натягну, брязну тетивою,
То мусить з поля втікать хан кримський з ордою.
Гей, нуте ж ви, степи, горіть пожарами!
Бо вже час кожухи мінять на жупани з ляхами...
Пек їм! як наможуться, то мусиш уступити
За шкатулу червоних,
Золотом литих,
Кожух шкарупиний.
Скинем їм до ката,
Аби як одцуратьсяся упрямого свата
Да вже біжим до Січі могоричу пити.
Цур їм, бодай їх! Як повикли ляхи нас дурити.
Козак Іван Виногура —
У його добра натура:
В Польщі ляхів оббирає,
А в корчмі пропиває.
В степах бобри та лисиці,
А в шинку дівки да молодиці.
Козак, душа правдивая, сорочки не має:
Коли не п'є, так воші б'є, таки не гуляє.

(Над бандурою).

Гей, бандуро моя золотая!
Коли б до тебе жінка молодая,

Скакала б і плясала б до лиха,
Що не один би чумак
Одцурався б соли й міха.
Або, як заграю, то не один поскаче,
А, підождавши, від того весілля та ще й заплаче.

(Потім запорожець танцює з шинкаркою Хвескою, яка врешті пускає на його гадюку. Од її жала рятує козака циганка. Уніятський піп хоче висповідати козака, та запорожець глузує з його і загрожує бійкою. Піп тікає, а запорожець танцює і врешті каже):

Отсе ж як я дуже вморився!
Мов коло цдуга день возився.
Треба лягти да заснути,
А ранком можно і до Хвеськи,
Де лиснути мокрухи.

(Лягає на правий бік).

Так лягати не гарно.

(Лягає на лівий бік).

А так іще гірше.

(Лягає на спину).

А так, то запевне який дідько задушить,
Бо я слабовитий.
Гай, гай панове! Що то як я молод був!

(Лягає на живіт).

Ляжу бак так, як мій батько колись спав.
А я й його добре знав.
Тепер нехай на шию хто сяде,
Устану рачки тай повезу, як віл.

ЯВА 21

Входять два чорти і хочуть взяти запорожця. Одного з них він ловить за хвіст. Другий втік. Запорожець тягне чорта за хвіст до світу).

Запорожець

Ух! чорт у баклаг вліз!
Що се я піймав! Чи се птичка,
Чи перепиличка?
Чи се тая синичка,
Що вона й не дише
Тільки хвостиком колише?
Глянь, глянь, яке воно чуднеє,
Да далебі страшнеє:
Очі з п'ятака,
А язик вивалив, мов та собака!
А язик вивалив, мов та собака!
Де ти груди собі поздирав?
Може глид да груші крав?
Повернися, подивлюсь, яке ти із заду.

(Чорт повертається, запорожець розглядає його).

Еге! воно, бачу, й крильця має.
Се ж то те, що нічъю літає
Да кури хватає.

(Стоїть замисливщись).

Се да те, кажу я,
А воно той коник,
Що по полю скаче
Да хрущів ловить.
Коли скаче, то уже ж
Танцювать уміє;
А може не сміє?
Ось ну лишень не соромляйся,
Погупуюймо трохи —
Повтікають блохи.

(Запорожець танцює, а чорт стоїть).

А що ж се ти стоїш, як кожух замерзлий?

(Б'є його булавою. Танцюють обидва, чорт приказує: гуп, гуп!).

Запорожець *(вдаривши чорта булавою)*.

Ну лишень — геть?

(Чорт втікає).

А що? Утік? не так було ще з їм робити:
Коли він... то треба було вбити.

(До глядачів).

По сій мові будьте здорові?
Мені приходится, панове,
З пісні слова не викидать.
А що було, барзо прошу
Об тому лихом не поминать.
Пойду тепер собі в курінь
Віку доживать.

(Виходить).

ЯВА 22

(Входить свиня, підходить до Іродового трону, лягає під його так, що видно тільки її зад. Увіходить хазяїн свині і б'є її пліткою).

Клим

Аля! аля! аля ж кажу. Вона ніби не чує.
Що там вона риє свинячою мордою?
Еге, треба її комусь оддать:
Вона давно хотіла здихать.

ЯВА 23

Циган

Здоров був, Флиме!

Клим

Здоров був, цигане!

Циган

Яку вона кару тобі зробила?

Клим

Весь город порила,
Капусту й пастернак поїла.

Циган

Віддай нам ві, ми ві научим
Холянди [а] танцювати —
В город не буде вже скакати.

Клим

А я думав, що він купить,
А він ві даром лупить!
Пане купче! тікай,
Щоб не вразив тобі я вида.
Тоді позивай мене хоч і в Свирида;
А Свирид мій кум, для мене дуже хороший,
А Свирид мій кум, для мене дуже хороший,
То не поможуть тобі твої гроші.

(Вигонить цигана).

ЯВА 24

(Входить жінка Климова).

Жінка

Чоловіче, до нас, бачу,
І кондяк [б] припхався.

Клим

Е, я, жінко, його
Давно сподівався.

(Жінка уходить)

[а] Холянди чи халяндри — циганський танець.
[б] Кондяк (кондак) — назва церковної пісні; тут жартівливе позначення дійової особи — дяка.

ЯВА 25

(Входить дяк).

Дяк

Дай бог здравствовать, Климе!

Клим

А дай, боже, пану бакаляру![а]
Ти наш-таки, кондяче,
Возьми собі отсю свиню,
Бо в город все скаче.

Дяк

Ци-ирц, ци-ирц, ферчик!
Іже, віди, аз, наш, єсть,
Спіши ко мні зіло!
Климій сотворил нам честь,
Дав свиняче тіло.

ЯВА 26

(Приходить школяр Іванець).

Іванець

Аз путешествую, кое ваше діло?

Дяк

Взем сіє бремя, неси в наші кліті.

Іванець

Помозіте ю на рамо [1] подьяті.

Дяк

Возгласі: аля, аля! в школу пір'я драти.

Всі *(кричать)*.

Аля! аля!

(Іванець виходить).

ЯВА 27

Дяк

Гевал, Амон і Амалик
І всі живущі в Тирі [б],
Возрадуются доброті
І воспоють в ефирі.

Ми вашу обреченну жертву
Хоть живу, хотя мертву
Со благодарностю пріємлем
І вию вам обємлем.

Клим

І тобі тее ж од нас, пане кондяче.

(Дяк виходить).

ЯВА 28

Клим

Дивись, як пресучій дяк подяковал гарно,
Що аж в мене сльози в вічъю навернулись.
Да, правда, єсть за що й дяковать:
Свиня, хоч куди свиня —
Ребра так і світяться.

ЯВА 29

(Приходить жінка Климова).

Климе чоловіче!
До нас, бачу, із свиняки
Принесли кондяки
Обідряну кожу.

Клим

От бач, жінко, що я можу!
Свиняка б пропала,
А платить дяку за сина
Пора вже настала.
Тепер вже ми рощитались,
Цілі гроші в нас зостались.

Жінка

У нас, чоловіче, з віку товаряки не було.
А тепер не стало уже і свиняки; усе загуло.
Тепер потанцюймо, як прежде водилось,
Щоб конопельки більш народилось...

ЯВА 30

(Входить старець Савочка з торбою).

Савочка

Я, Савочка старець,
Прошу на харч, на горілку.
Хто дасть шаг, а хто руб,
Прийму і копійку,
На дощечку, на клепало.
Що хто вкине — то пропало!

а Бакаляр — вчений ступінь.
[1] плече
б Випадковий набір імен з Біблії.

ЛІРИЧНА ПОЕЗІЯ

У ліриці, як і в драмі, українська література XVIII ст. являє картину, з одного боку, поступового завмирання шкільних традицій, з другого — виникнення нової, масової, найчастіш анонімної віршованої продукції, що потроху розриває зв'язок з церковною тематикою й перетворюється в світську поезію, частково на фольклорній основі.

Зразком віршування, яке продовжує до певної міри давню традицію, є силабічна ода Феофана Прокоповича *Епінікіон* (Пісня перемоги), присвячена славній Полтавській битві 1709 р.— перемозі Петра I над шведами і Мазепою. Це приклад урочистої поезії, з риторичними фігурами, образами з античної міфології, церковнослов'янізмами в мові. Ода була прочитана автором у тому ж 1709 р., під час перебування Петра I в Києві. Шведська інтервенція й зв'язані з нею події української історії взагалі дали матеріал для дуже багатьох віршованих творів, з іменами і без імен авторів; деякі з них цікаві як відгук на тогочасну злобу дня. До них, серед багатьох інших, належить поданий далі анонімний вірш, що розповідає про ікону, перетворену шведськими солдатами на шахову дошку й згодом реставровану.

В міру розпаду й завмирання шкільної традиції лірика XVIII ст. р одить від злободенних тем і зосереджується на зображенні почуттів і настроїв загального характеру й довгочасного значення. Розвивається далі, хоч і не створює будь-яких художньо видатних творів, лірика духовна. Продукція її в XVIII ст. не зменшується; мандровані дяки теж беруть участь у складанні й поширенні духовних віршів, що поділяються на чотири групи: пісні на честь свят «господських» (на честь господа Христа), пісні на славу богородиці, пісні про святих і пісні, присвячені благочестивим міркуванням про марність і короткочасність життєвих благ, про необхідність каяття, про неминучу смерть і загробну відплату. Для агітації церковники поширюють у списках, збирають і навіть друкують ці пісні; дуже популярним став складений уніатами збірник таких пісень — «Богогласник», виданий уперше в Почаївському монастирі в 1790 р. Повна назва збірника дає уявлення про його зміст: «Богогласник, песни благоговейныя, праздником господським, богородичным и нарочитых святых, чрез весь год приключающымся, к сим же некоторым чудотворным иконам служащыя, таже различныя покаянныя и умилительныя содержащ, собран, по силе и исправлен, четырмя частми определен, типом и чертами мусикийскими [1] напечатася и изобразися». У першому виданні вміщено 238 пісень.

Якщо духовна лірика XVIII ст.— спадщина минулого, то світська — результат руху вперед, до нових форм громадського й особистого життя, що звільнялося від влади церковного авторитету. Елегічні роздумування й кохання — два основні її види. Серед перших відзначається «*Пѣснь о свѣтѣ*» *Олександра Падальського* — серйозністю змісту й порівняною закінченістю форми. Серед віршів другого виду ми знайдемо твори, явно породжені новим розумінням кохання *(О роскошная Венеро...)*, і інші, менш штучної форми, що наближаються до типу народної пісні. Деякі з них і перейшли в усну творчість. Усі разом вони пов'язують старовинну українську літературу з літературою XIX ст., анонімну творчість з творчістю діячів нової української літератури.

[1] нотами — для співу

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ. «ЕПИНИКИОН» [a]

...Летит свѣй, летит купно змѣнник неистовый.
Камо духом бѣсовским бѣжиши носимий,
Студе вѣку нашего, вреде нестерпимий?
На отца отчествия мещеши меч дерзкий!
О племя ехиднино! О изверже мерзкий!
Забыв любов отчую и прозрѣв самаго
Твердий закон естества! Обаче се благо,
Яко скорий есть на казнь, косний сий на дѣло.
Бѣжѣте, скорой мести требѣ, скорой зѣло!
Но и здѣ непостоян злый змѣнник явися,
Змѣнив царю и Марсу: егда бо открися
Поле бою страшнаго, не токмо входити
Во ратный огнь, но ниже издалече зрѣти
Не дерзну; но сугуб студ приять вмѣсто рани,
Непостоян во вѣрѣ, трепетен во брани.
Зрѣм же, что и свѣй дерзкий силою своею
Успѣ храброй России, боряся со нею.
Блисну огнем все поле; многия воскорѣ
Излетѣша молния; не таков во морѣ
Шум слышится, егда вѣтр на вѣтр ударяет,
Ниже тако гром з темных облаков рыкает,
Яко гримят армати, и гласом и страхом,
И уже день помрачи дым, смѣшен со прахом.
Страшное блистание, страшний и великий
Град падает желѣзный; обаче толикий
Страх не может России сил храбрий сотерти:
Не боится, не радит о видимой смерти.
Но егда тя, о царю и воине силный,
Узрѣ посредѣ огня, объять ю страх зѣлный,
Вострепета и крайней убояся страсти,
Да бы в едином лицу всѣм не пришло пасти.
Но не попусти прийти бѣдству таковому
Бог силный. Абие бо от горняго дому
Низпосла щит (щит, им же во лютое время
Хранит грады, и царства, и людское племя)
И вся на главу твою и на твоя силы
Летущия сотвори бездѣлныя стрѣлы.
Свѣй же, во оружии своем уповая,
Гинет явственнѣ, егда коей избивая
Смерти, огнем летущой; лиется кровь всюду;
Стелет землю трупие; мало уже люду
Зрится во полках его. И недолго бяше
Сумнительна побѣда. О блаженство наше!
Царю богом вѣнчанный, ты, силен о бозѣ,

[a] Друкується з скороченнями за виданням: Феофан Прокопович, Сочинения, Издательство АН СССР, М. — Л., 1961.

Сокрушив, повергл еси гордаго под нозѣ.
О день благополучний! Кий язык и кое
Слово изрещи может блаженство такое!
Укри труп свѣйский поле, падеся род лютый,
Наша покусивыйся главы низринути.
Что о воех и вождах речем во плѣнь взятых?
О користех, знаменах и бронях богатых?
Аки бы з тым супостат пришел к нам совѣтом,
Да бы нас наслѣдники благ своих завѣтом
Крайним явѣ сотворил; инных скороногий
Страх изнесе, и уже во силѣ немногий
Сам лев, иже многия устрашаше грады,
В лѣсы, в чащы побѣже искати отрады.
С малою ли бѣжиши, звѣре, срамотою,
Хоботом заглаждая слѣд твой за собою?
Кое убо торжество, кий лик будет равный
Сей побѣдѣ? Тебѣ же, монархо державный,
Что в дар твоя Россия принесет и кия
Воспоет пѣсни? Ибо побѣдити свѣя
Коим либо образом дивно бы всѣм дѣло
Было, яко в повѣстех славимаго зѣло.
Что же, егда лютая в отчества предѣлы
Внийде брань и ко врагом змѣнничия силы
Приставше зваху роди, царствию твоему
От древле враждебныя, ко числу своему;
И молвы великия повсюду восташа,
И аки море земля потрясеся наша.—
Коликия зде врагом возрастоша роги,
Тебѣ же неудобства и труды премноги!
Требѣ бяше на много частей раздѣляти
Воинство и многия грады укрѣпляти,
Укрощевати молвы, предѣлы хранити,
Блюсти и познавати двоих врагов сѣти.
Обаче в толь тяжкий год (О безсмертной славы
Дѣло!) побѣдил еси. Позна величавый
Свѣй суетну бров быти гордины своея
И, поражен силою десници твоея
Аки с небес молнием, достиже злонравный
В конец Фаетоновой погибели равный.
Тѣмже прийми, о храбрий царю, цвѣт побѣдный
И силы, яже в тебѣ Марс сей многобѣдный
Изнури и сотрясе трудом непрестанным,
Обновляй всерадостнѣ торжеством избранным.
Совосплещут градове на слух сей веселий,
Пройдет стѣны и врата глас торжества велий.
Нынѣ тебѣ родися слава, царству равна,
И титла, паче царских титл честна и славна,
О сем преславном дѣлѣ, в пѣснех неслыханном:
Пѣти будет веселник по морю пространном;

Пѣти будет на холмѣ путник утружденный,
И оповѣсть иногда лѣты изнуренный
Старец внуком, и, яко своима очима
Видѣ то, внуци старца нарекут блажима.
Мало се: пройдет скоро глас сей торжественный,
На мир весь сугубому верху подложенный.
Всяк слышай сумнѣнныя мысли в сердце приймет,
И всѣх силы твоея страх велий обиймет;
Вси твоей начнут дружбы, вси мира желати
И не дерзнут рускаго Марса раздражати.
Бог же, сие блаженство давый нам тобою,
Тожде твоим здравием и дний долготою
Да укрѣпит, желаем, всегда ти побѣдну
Дая помощ, да бы и лютую ехидну,
Пиющую кровь святых, твоим же убити
Дал тебѣ оружием, и вся сокрушити
Темници варварския и ярем безмѣрный,
И от долгих узилищ извести род вѣрный,
Да же, вся побѣдныя совершивше рати,
Крест на стѣнах Сионских водрузиши златый.

АНОНІМНІ ВІРШІ З ЧАСІВ ШВЕДСЬКОЇ ІНТЕРВЕНЦІЇ[а]

В пепелѣ забвенія всё час погребает,
О чесом писаніе нам не возвѣщает.
Сего ради судихом в память написати,
Кто и когда сей образ дерзнул обругати.
Недостоин имени доброго Мазепа —
Івашко от адскаго пришед заклепа,
Той оставил государя христіанска всероссійска,
Петра Великаго, той сам короля свѣйска
Приведе с оружіем в Россію Малую,
Имѣя в сердци своем коварній мисль злую.
О, кто исповѣсть тогда пролитіе крови,
Бѣды, страх, гоненія и ужас суровый!
Лютри церквы святыя в турми превращаху,
Подножіе и дамы [1] с ікон сочиняху!
С ікон — увы! — помости дѣлаша под кони.
Тогда и та ікона пострада святая,
Юже в дамы пречерта рука проклятая.
Ликуй убо днесь, стадо красное Христово,
Имѣя других святых начертанных ново —

[1] шахматну дошку

[а] Текст друкується за виданням «Киевской старины», т. V (1883, березень). Вірші написані невідомим автором до ікони Якова Лістьичника,— в церкві с. Луків на Полтавщині,— що в неї шведи зробили дошку для гри в шахи; відновлюючи ікону, домалювали до Якова пророка Даніїла.

Патріарха с пророком: тіи святіе раны
Предлагающе богу, сохранят от брани;
Того врагам каменем пророк сотрет главу,
Лествицею Іаков возведет нас в славу.

Эпиграма!

Звѣри устыдѣшася в ровѣ Даніила,
Исавля патріарха ярость уступила: —
Над звѣрей здѣсь лютейша и паче Исава
На образѣ сем зрится эретиков справа!

АЛЕКСАНДР ПАДАЛЬСЬКИЙ. ПѢСНЬ О СВѢТѢ [a]

А хтож на сем свѣтѣ без долѣ вродился
тому свѣт марне, як колом точился
лѣта плинут марне, як бистрие рѣки,
часи молодие, як з дожджу потоки,
все то марне минает.
Луче би ся било в свѣтѣ не родити,
нѣжели на свѣтѣ бездолному жити:
албо вродившися скоро в землю гнити,
жеби недолго в свѣтѣ бездолному жити,
нехай жалю не буде.
Ой доле моя, где ти в той час била,
коли моя мати мене породила,
же мя тепер в свѣтѣ нѣ в чѣм не ратуеш,
а ти гуляєш, кому но ти служиш,
а я бѣдный на свѣтѣ.
Куди обернуся, не маю радости,
тилко в очах слези, а в сердцу жалости;
вийду межи люди, стану та думаю,
що люде гуляют, як риби в Дунаю,
ой, тяжкий мой жалю!
Сам же я не знаю, що маю чинити,
як мѣнѣ на свѣтѣ бездолному жити.
Коли би мнѣ крила орловие мати,
полетѣл би я где своей долѣ шукати
а в чужие сторони.
А свѣтѣ ж мой красний, ти щастом (sic) голдуєш,
одного минаеш, другому даруеш:
иніх людей садиш в дорогие шати,
а иніх садиш в пошерпанѣ лати,
рани сердцу завдаеш.
Нѣхто чоловѣка в нещастю не знае,
як на собѣ сукней богатих не мае;
хотяй би йон бил и чесного рода,
як не маш кишени, то певна незгода,
хоч би бил намудрѣшший.
Де ся чоловѣку в нещастю подѣти,
до кого он маєт главу приклоніти?
Хто собѣ панует, а не поратует,
Не тилко чужина, але и родина
в нещасной годинѣ.
Ест такии люди, що нендзи не знают,
вродивши ся в щастю, в щасцю умирают,
а пиший й з роду фортуни не мают,
хоч найболше жиют, роскошей не знают
аж до смерти своеи.
Рожние люди мови о мѣзернѣм мают,
которие нендзи на свѣтѣ не знают;
коли прийде убогий где меже богатѣ,
зараз єден з другим почнут ся зглядати,
в кождом словѣ осуждати.
Пишов бим мѣзерний фортуни шукати,
а в якой она сторонѣ, коли би ей знати!
Ачей же коли у мене фортуна буде,
В той час мене знати всюгда будут люде,
где тилко ся поверну.
Ах доле ж моя, доле, чем мя ти минаєш,
а иніх людей в свѣтѣ спомагаєш?
Тилко мене мѣзерного в свѣтѣ не ратуеш,
мѣсяца єдного (мѣнѣ) не послужиш,
за вѣк би мѣню стало!
Да вшитко ж тое фортуна справует:
кому она служит, той завше панует:
кто фортуну маєт, в каждого бивает,
А на мѣзерного як звѣр поглядает,
в каждом словѣ осуждает.
A sczoż za uticha w switi czełowiku
коли марне тратит лѣта сего свѣта?
Ачей же коли сам бог що ударует,
же ся надо мною коли измилует
в нещасной годинѣ.
Ласка то все бога усѣм тим керує,
же ся надо мною коли так змилує;
коли мѣнѣ схоче и сам бог що дати,
не дасг надо мною так барзо згаржати,
в нещастливой годинѣ.
Смутное моѐ сердце нѣги ся не втѣшит,
тилко нѣби все жал тяжкий барзо зносит;

[a] Назву беремо з публікації «Киевской старины», 1889, т. XXIV, січень, але самий текст — за виданням Івана Франка в «Записках Наукового товариства ім. Шевченка», т. XXXVII, 1900, кн. V, стор. 67—69.
В цьому тексті назва вірша — «Пѣснь о плачливом станѣ нищаго студента». За своєю формою вірш цей — акростих (початкові літери 19 строф першого рядка кожної строфи подають прізвище автора: Ало (sic)ксандер Падалскии (Олександр Падальський).

немаш жадной хвилѣ, жеб мнѣ послужило,
жеб ся мое сердце хоч на час втѣшило,—
за вѣк би мѣнѣ стало.
Кирвавие слези з очей моих текут,
хоч би на єден час, (и) то не престанут;
плачут мои очи, сердцем моим тужу,
же я нѣ вѣд кого щирости не вижу...
Як мѣнѣ не тужити?..
И єдного немаш, жеби бил мнѣ щирий,
жеби мя потѣшил в нещасной годинѣ;
сам же я не знаю, що чинити маю?
Жаль свой износити, би мя мог втѣшити
в нещасливой године.
Измилуйся, боже, до тебе волаю.
тилко в тобѣ єдном всю надѣю маю,
боже з високости, не дай... жалости
мѣнѣ мѣзерному, в свѣтѣ нещасному,
на вѣк тя будем хвалити. Амен.

АНОНІМНІ ПІСНІ[a]

* * *

О, роскошная Венера, где нынѣ обцуеш?
Ты, сердечный Купидине, чаю глас мой чуеш.
Пріидѣть ко мнѣ вси ускорѣ, утѣште смутненьку,
Розвеселить сію тугу у моем серденьку.
Тужу зѣло и вздыхаю, ах мнѣ, умираю,
Когда милого не вижу, жива быть не чаю.
Нѣсть бо и в вертоградѣ таковаго цвѣта,
Красо́тою, добротою сред самого лѣта,
Яко друг мой прелюбезной, в нем же свою душу
Полагаю и за него, ах, умерти мушу.
Сердечная моя мысли, претворѣтесь в слово
И скажыте миленькому: сердце ти готово.
Готово есть всегда сердце тя, милый, приняти,
Ты бо еси моя радость, о сем изволь знати.
Не звала бым, мой любезнѣйшый, соколом ясненким,
Или паче во удолѣх цвѣточком красненким.
Но краснѣйше паче цвѣта есть твоя природа,
Весь бо еси преизряден и честнаго рода.
Возрастом своим предивным зрак увеселяеш,
Словом сладким и уклоном себе почитаеш.
Зриш пречудно оченками, аж серденько млѣе,
Душа горит, сердце болит, красная лелѣя.

[a] Три вірші наводимо за виданням: *В. Перетц*, Новые данные для истории старинной украинской лирики. «Известия отделения русского языка и словесности Ак. наук», т. XII (1907, кн. I).

Прійди ко мнѣ о полночи, двери ти отверсты,
Да рученьку лобызаю и златые персты.
Утѣш, потѣш, не даждь больше серденьку тошнѣти,
Мимо тебе аз не хощу инаго имѣти.

* * *

От нещасной долѣ
Головонка в мене болит,
Що не вижу миленкои,
Тож ми тяженко без неи,
Знати она мене покинула.

Выходив на вси дороженки,
Вытоптав я вси стеженьки.
Не знайшов я миленькои,
Где ходили ножки еи.
Знати она мене покинула.

Соловейко малесенкій
Недосыпает ноченьки.
Понесися под небеса,
Выведь мене с темна лѣса,
Злучи мене из милою.

А ты, орле, буяючи,
В чистом поли гуляючи,
Додай крылец допомочи,
Полетѣти на всѣ ночи
Миленкои шукаючи.

А ты, гора з долиною,
Злучи мене из милою.
Не шумите быстры воды,
Злучитеся тихи скалы,
Перевезѣть мене здорового.

Переплыв же я рѣченьку,
Моя мила на бережоньку.
Бѣлы ручки умывае,
Чорны очи протирае,
Миленького споминае.

Хвалаж тебѣ господу богу,
Що знайшов я свою небогу.
Присунь же ся близесенко,
Мое милое серденко,
Теперь я тебе оглядаю.

* * *

Чесо ты ради, младенче,
Вправил тугу в свое сердце?
Не треба юж скорби мѣты,
Лучше у радости житы (2).

Не довлѣет сѣтоваты,
Но на бога уповаты.
Бог богатій щетротливій,
На сироты милостивій (2).

Бог печет ся сиротами,
Огорнет ся щетротами,
А всем скорбен и плачливій,
На сироти милостивій (2).

Мѣеш друга возлюбленна,
От бога тебѣ вручена.
Перестань юж днес тужити,
Же днес отца не видѣти (2).

Отца и матки не видаю,
Слезне с плачем к ним волаю:
Отче, отче, прибудь ко мнѣ,
Розвесели сердце во мпѣ.

Прибудь, отче, на брак к сыну,
Увижд жену мнѣ едину.
Наимилшая моя мати,
Чем не пріидеш мя витати.

Прибудь, матко, днесь ко сыну,
Увижд жену мнѣ едину,
Наимилшая моя мати,
Чем не пріидеш мя витати.

Со женою своего сына
Прибудь, матко, днес едина,
Увижд, увижд цорку свою,
Сыном твоим любимую.

Сестрож моя любимая,
Чем на мене гнѣвливая.
Прибудьте днес, не смутѣтся,
Се бо брат ваш веселится.

Вас, братія, оставляю,
Люб ся з вами разлучаю.
Бо докол ся юж скитати,
И марне вѣк свои терати.

Пѣснь свѣцка[a]

Мусиш ти ся признати,
Аби щире кохати,
Аби мене не зводити
И лѣт моих не тратити,
Коханя мое. 2

А яж тебе не звожду,
Маю в бозѣ надежду,
Єслибим тебе изводила,
То би я иншаго любила
Милаго себѣ. 2.

Радости мнѣ едина,
Прекрасная дружина,
Радости мнѣ и потѣха,
Як забуду всего лиха,
Як тя зобачу. 2.

Уродою хороша,
Хоч не маю и гроша,
Уродою ест прекрасна,
А у щастю ест нещасна
Через вороги. 2.

Слухай мене нещасную,
Хоч на вроду прекрасную,
Бог отец мнѣ и потѣха,
Як забуду всего лиха,
В нему надежду. 2.

Я на бога все здаю,
На обмову не дбаю.
Бо хто кого обмовляе,
То сам тѣм пребувае
В великой бѣдѣ. 2.

Не уважай, щом убога,
Абим була хандога,
Бо хто богато ся мае,
То ще болше зажерае,
Все то загине. 2.

Я о тое не дбаю,
Тилко тобѣ повѣдаю,
Абис мене шановала,
Колись мнѣ присѣгала
З щираго серца. 2.

[a] Як і дальші дві пісні, друкується за виданням: *М. Возняк*, З культурного життя України XVII—XVIII вв., Львів, 1912.

Не турбуйся за тое,
Будет добрѣ, обое
Будемо си добрѣ жити,
Буде бог благословити
Тебе и мене. 2.

Пѣснь свѣцка

Ох, мнѣ жал велики, тужу непрестанне,
Тяженко вздихаю, як мнѣ ден настанет.
Сидячи в хатѣ, думаю,
Же приятеля не маю,
Жал серцу моему,
Жиючи самому.— 2.

Гдибим в пущи сидѣл, и жалю бим не мал,
Тобим пред собою никого не видѣл.
Але в свѣтѣ жиючи,
Що день на люде глядячи,
Нераз и заплачу,
Же так лѣта трачу — 2.

Пришли, боже, ден, час, годинонку тую,
Ачейбим де знайшол дѣвчинонку свою.
Щоб юж болше не тужити,
Головонки не сушити,
Молодих лѣт своих,
Марне не губити — 2.

А щож я учиню, напишу листонки,
На всѣ страни свѣта розошлю послонки,
Чи где жие, пребивае,
Нехай мнѣ вѣдомост дае
Нехай буду знати,
Где еи шукати — 2.

Пишу я листонки, на всход посилаю
Сивѣ голубонки, нехай мнѣ шукают
Молодой дѣвчинонки,
В которои чорнѣ оченки,
Ходу тихенкаго,
Личка спанялаго — 2.

На западну страну послалем горлици,
А на юг и сѣвер орли, ластовици.
Идѣт, в пилности шукайте,
А мнѣ вѣдомост давайте
О еи мешканю
И моем коханю — 2.

Минает ден, другий, вѣдомости нема,
Подобножто моя фатига ест дарма.
Прилѣтают голубонки,
Кажут, що нема дѣвонки
Ведлуг мисли твои,
Тобѣ подобнои — 2.

Погляну на запад, аж летят горлици,
Мовлят: не знайшлисмо токмо двѣ дѣвици.
Але велими ест прекрасни,
Тилко в свѣтѣ ест нещасни,
Єдна зизоока
Друга сивоока — 2.

Орли, трети посли, вѣдомост принесли.
З чорними очима дѣвчинонку знайшли.
Личко красне и румяне,
Тилко на ноги не станет,
До того нѣмая
Ще трохи глухая — 2.

Летят ластовици з сѣверския страни,
Мовлят: не знайшлисмо кром едния панни,
Котра вчерася вродила,
А дзѣсь уже як кобила,
До здибаня с тобою
Буде говорила — 2.

Щож вам, посли, вчиню за такие вѣсти?
Кажу соколови вас живцем поисти.
А сам коня осѣдлаю
И поѣду край Дунаю,
Буду полювати,
Милои шукати — 2.

О, боже, мой боже, боже милостивій,
Даруй же мнѣ день той на влови щасливій.
Буду сѣти закидати,
Буду дѣвчини шукати
По лѣсах, дубровах,
В долинах и горах — 2.

Приижду над Дунай, моя мила стоит
Меже двома лвами, сама ся не боит.
Боже, дай день добри тобѣ,
Она руки дает обѣ.
Миле мя приімает,
Здоровям витает — 2.

Слава тебѣ, Христе, и на вѣки хвала,
Жеся дѣвчинонка мнѣ красна достала.
Просимо тя милостиво,
Посли нам вѣк сеї щасливи,
А по смерти в небѣ
Хвалу дати тебѣ — Амѣнь.

Пѣсн вандрового ляха з Варшави

Да йшов ляшок из Варшави,
На нѣм бути, сукнѣ шарѣ.
Мам при боку канчука,
Не боюся мужика. 2.

Да йшов ляшок мановиком,
Надибав жѣнку с человѣком.
Помагайбо не дав
И шапочки не здонняв. 2.

Мужик его привитав,
За чуприну вихитав.
От так, ляшку, добре знай.
Помагай бог давай. 2.

Да пѣшов ляшок понад Бугом,
Аж там оре мужик плугом.
Ой, став ляшок гадати,
Щоби ему сказати. 2.

Да гадав ляшок до пѣвдня,
Прийшов пішком до плуга.
Бодай здоров, ляшку, був,
Помагай бог чем забув? 2.

Да подай, хлопче, батога,
Буду вчити ляшка я.
Помагай бог давати
И шапочку знимати. 2.

Да бѣда ляшка спокусила,
Прийшов ляшок до русина.
Помагай бог не дав.
И шапочки не здонняв. 2.

И той его привитав,
За чуприну вихитав,
Познав русин, що ляшок,
Бо под носом порошок. 2.

Гей, пѣшов ляшок дорогою.
Надибав бѣлу гусь над водою,
Помагайбо, бѣла гусь,
Навчила мене тая Русь. 2.

Леч ось идет медвѣдь кусий,
А вѣн мовит, що й то русин,
И зняв шапку хутненко,
Уклонивъся низенко. 2.

Медвѣдь мовит: що, лях грати?
Почав з ляшком жартовати.
Медвѣдь з ляхом попѣграв
И чуприну обѣдрав. 2.

БУРЛЕСКНІ ВІРШІ І ДІАЛОГИ

Переходом від шкільно-церковної літератури до світської, пізніше реалістичної, на Україні була бурлескна (жартівлива) література, яка виникла, певно, ще в XVII, але особливо популярною стала в XVIII ст.

До бурлескної літератури насамперед належать прямі пародії на церковну службу і творн, безпосередньо зв'язані з релігійним культом. Це, наприклад, «Пра-вило увѣщательное пияницам, пѣваемое не в цѣрквах, но в школах», «От послѣнія Бахусового к пиворѣзам чтеніе» (пародія на читання «Апостола»), «Синаксар на па-мять пияницам о изобрѣтеніи горѣлки» («Синаксар», «Пролог» — один із збірників агіографічного характеру), акафісти і величання вареникам-мученикам, горілці-мученици, пародійні ірмоси, тропарі, кондаки та ін.

Друга група, досить велика,— це бурлескні вірші, різдвяні й великодні. Тут тематика «набожних віршів», різдвяних і великодніх пісень-кантів, подається в зни-женому жартівливому тоні. Істоти «надприродні» — бог, диявол, святі, ангели, а так само й поняття, що до них стосуються (рай, пекло), сплітаються із звичайним людським життям, забарвлюються народно-побутовим колоритом, до того ж коло-ритом комічним. Своїм змістом ці вірші знаменують до певної міри початок деякого критицизму в ставленні до релігійного культу; немає ще заперечення, але є вже вільне ставлення до того, що вимагало побожності й трепету. Поетика цих віршів багатьма рисами споріднена з «Енеїдою» Котляревського й близькими до неї явищами української літератури XIX ст.

Ми не маємо певних відомостей про авторів цих віршів; майже всі вони ано-німні. Безперечно, проте, що авторами їх найчастіш бували так звані «мандровані дяки» — своєрідне побутове явище на Україні XVII—XVIII ст. «Мандровані дяки» (інші назви: «миркачі» — від першого слова вітальної промови, з якою вони входили в дім: «мир вам»; «пиворізи» — очевидно, від особливої схильності їх до пива, «воло-чащіеся ченці» та ін.) — народна назва бродячого люду з колишніх і сущих «спудеїв» (студентів) Київської академії, що шукав собі засобів до існування, з дрібних кліриків (дячків), що ставали мандрівними шкільними вчителями та ін. Всі вони в більшій чи меншій мірі були популяризаторами шкільної науки й поезії в народних ма-сах, а також народними «потішниками», вміли і виголосити орацію, і скласти вірші, і імпровізувати виставу інтермедії або діалога (див. далі Пролог на воскресеніе

Христово з інтермедією про бабу, діда й чорта, з епілогом і розмову пастухів Свирида й Овдія, в якій маємо під скаргами на народний перепис за указом цезаря Августа очевидний натяк на указ 1763 р. з забороною селянам переходити від одного поміщика до іншого).

З образами цих мандрованих дяків (що не раз привертали увагу художньої літератури XIX ст.) знайомить нас автобіографія Іллі Турчиновського, першої половини XVIII ст. (див. далі) і зразки «нищенських віршів», де дяки в нарочито бурлескній формі самі оповідають про своє життя-буття, малюючи його з різних боків, без ніякої поблажливості до самих себе, але з виразною метою потішити свою аудиторію.

РІЗДВЯНІ ВІРШІ [a]

1.

Хрыстос родывся,
Мыр взвеселывся,
Сегодняшнымы часы,
Для сых родын
Всяк христыянын
Уменае ковбасы.

2.

Диды, бабы
Пыво, меды,
Горилку, варену
Кухлыком пыють;
З кнышами труть
Свыныну печену.

3.

Паны, купци,
Славные кравци,
Шынкарство, мещане
Обо сим Риздви
Вси у нови
Убраны жупаны!

4.

Хлопци, дивкы
На выпередкы
Бигають пид хаткы,
Як ты вовкы
Або свынкы
Скурнечуть колядкы.

5.

Маты земля
Уся гуля
Узявшысь в бокы,
Письни гука,
Бье гоцака,
В пидковы шырокы.

6.

Ангелы вси
[На небеси]
Плещуть в ладони,
З радости бьють,
Письни гудут
Якимови дони.

7.

Старенькій биг
На стил излиг,
Да сам соби дума,
Усим душам
Праздник, Адам
З Євою рюма [1].

8.

Тяжко здыхнув
И тук гукнув
Гаврыла швыденько.
Да и сказав,
Щоб лыст послав,
Адаму хутенько.

[1] плаче

[a] Текст друкується за виданням «Киевской старины», т. XXIV, 1889 («Малороссийские рождественские вирши»).

9.

Архыстратыг
Мотнувся вмиг,
Папир и черныло
Де треба взяв
Да й напысав
Адаму так мыло:

10.

«Чесный Адам!
Ты всим людям
Праотець зовесся,
Постый не плач,
Ось, ось, як бач,
Од пекла спасесся!

11.

Бо вже на свит
Як рожы цвит
Хрыстос народывся.
Вин ад стребыть,
Чорта смырыть,
Щоб тый не гордывся!

12.

Смерть злу Ягу
Зогне в дугу
И зломыть йій спыну;
Гостру косу
И сбрую всю
Змете, як паутыну.

13.

Адськых сипак
Зотре, як мак,
Зобъе в макуху;
За их плутню
И всю бредню
Вин дасть им цукрухи».

14.

Кат бы их ма
У ных нема
Никому спуску,
Хоть бы святець
Або чернець,
Осмалыть, як гуску.

15.

Того святци,
Того ченци
Не мыналы страху.
Хвылозопы,
Протопопы
Набыралысь жаху!

16.

Пропав той страх,
Зарис той шлях,
Купям та болотом
Де той злый дух
Глутав, як мух
Ненасытным ротом.

17.

Пропав той страх:
Тепер той шлях
До раю протертый!
Без сторожей
Вси на встежей
Ворота одперты!

18.

Уже велять
Яблокы рвать
Из райского древа;
З коего плод
Не велив бог,
Да вкусыла Ева!

19.

Бидна Ева
Одну з древа
Вырвала кыслычку;
Збула власти;
Треба прясты
На гребени смычку!

20.

Через неи там
Бидный Адам
Щось кажуть прокудыв,
За то ёго бог
Иты за порог
Адама прынудыв!

21.

За ту йиду
Ева биду
Заслужыла сію;
В честь Адаму
Аж за браму,
Выбылы у шію!

22.

Глупа жона:
Сама она
Яблучко строщыла
За один плод
Увесь народ
У пекло втащыла.
. . . . . .

(Бракує двох куплетів).

Фінал:

Сю виршу, панове,
Що празныка чытаю,
И святым рождеством
Вас поздоровляю!

ВЕЛИКОДНІ ВІРШІ

Вѣрша, говореная гетману запорозцами на свѣтлій празник воскресеные Христово 1791 года [а]

Христос воскрес, рад мир увесь, дождав божои ласки.
Тепер то всяк наився в смак свяченои паски.
Всѣ гуляють, зухваляють воскрешшаго бога,
Що вже тая всѣм до рая простерта дорога.
Злии духи, власныи мухи всѣ уже послизли,
Загнав Исус в пекло покус, щоб християн не жерли.
И смерть люта, що нам тута вельми докучала,
По болотам, очеретам бижучи кричала.
Там суцѣга тепер бѣга, як шалена з ляку,
Бо бѣг хрестом чорта с хвостом прогнав, як собаку.
Сей чорт темний, князь пекельный, з смертью полигался,
Всѣх зажерти, во ад вперти так то измовлялся.
Воны тое вкупѣ двое, знюхавшись, шанцюють,
Хоть старого, хоть малого, где попав глабцюють.
Була воля — хоть и кроля у рай не пускаты.
По всѣх трактах и воротах сторожам стояты.
Серед шляху за шияху до пекла хватали,
Без уваги чорты зъгаги як въунов [1] глитали.
Того святци, попы, ченци не минали шляху,
Философи, крутопопи набѣрались жаху.
Пропав той страх, зарѣс той шлях купям та болотом,
Гдѣ той злий дух глитав, як мух, ненаситним ротом.
Тепер скорый, шлях просторый до раю протертый,

[1] в'юнів

а Текст друкується — з деякими виправленнями — за виданням «Киевской старины», т. LXXI, 1900 («Пасхальная вирша»...).

Селяни з Київщини. Малюнок з рукопису де-ля Фліза, середина XIX ст. (ЦНБ АН УРСР).

Без сторожей, всѣ настежей ворота отперти.
Уже велять яблука рвать из райского древа,
З якого, ох, не велив бог, а вкусила Ева.
Давно той уж крычить недуж, що спокусив Еву,
Упав на низ, що аж полѣз по своему чреву.
Вещить, охляв, бо бѣг закляв лазиты на чревѣ,
За оной грѣх, що вѣн на смѣх так набрехав Евѣ.
Бѣдна Ева одну с древа вирвала кисличку,
Збула власти, сѣла прясти на гребенѣ мичку.
За нею-ж там бидный Адам щось, кажуть, прокудив,
Землю копать, цѣпом махать бѣг з раю пропудив.
За ту-ж ѣду Ева бѣду заслужила сію.
Честь Адаму, що за браму вибили у шию.
Глупа жона! сама она яблуко трощила,
За той-же плод увесь народ в пекло затащила.
Бѣг милостив, Еву простив, Адаму пробачив,

Для визволу сам до долу лѣзти з неба рачив.
Тут чортище, старый псище, не хоче смириться.
Крутить хвостом, еще с Христом думае свариться.
Лише-ж тут бѣг сам на порѣг в пекло поточився,
То Велсевул попустив мул з ляку и вмочився.
Зарѣв грѣзно, як вовк рѣзно, голосом собачим,
Кричить пробу, що особу Христову побачив.
Не втѣк хлости, що всѣ кости поламав по роги,
И самого духа злого пидгарбав под ноги.
Кричить на пуп, що всюди струп, нельзя доторкнути,
Надуло дух, заперло брюх — не дае дихнути.
А смерть шлюха стоя слуха, що човпуть над дядком,
Стала трястись, мислить спастись вид хлости у радности,
Пустила дур, бьется об мур, дерется на стѣну,
Як шалена, тороплена, пустила и пѣну.
Дак сих покус знае Исус хитрие обмани,
За их дѣло на все тѣло наслав злии рани,
Бо всю пищу и гузищу опала короста.
Крутить гузном, прийшло з озлом, бо болѣзнь проста.
В таком мѣстѣ, что нѣ сѣсти, а нѣ почесати,
Нудга-тоска так як луска, где — сором сказати.
З нудги-ж тоски все на куски на собѣ порвала,
Смердять кости вѣд корости,— кожу всю подрала.
Як бобон жруп, продовбав струп, сороки напали
З усѣх сторон много ворон к стерву прилитѣло.
На той-же труп, почувши струп, мухи прилѣтали,
Костомахи ризно птахи с тѣлом розмитали.
Карность злая! як бо тая з людми поступала,
Так по дѣлом душа с тѣлом уся пропала.
Также Июда, с того студа зъюродившись як макуха
То синѣе, то краснѣе, бо бере сокруха.
Вельми забляк, а мѣх закляк з гришми за плечима,
За смертелной грѣх той клятвиній мѣх все перед очима.
В землю вкопав,— щоб мѣх пропав, та окаменѣла,
Посох там цвѣт, и травы нѣт, болше не зеленѣла.
В води рибу, мѣх из глыбу, розпужав и раки,
Вирнув злий дух из води сух до Юди и паки.
Злую мару пѣк у жару тай не загорѣвся,
Мѣцно по щит чортом подбит, щоб не розвалився.
А из печи впьять на плечѣ берется на Юду,
Щоб з тѣм мѣшком ходить пѣшком в пеклѣ и повсюду.
Бѣг бо велѣв, щоб мѣх не тлѣв до оного вѣку
Для утѣхи без суплѣки злому человѣку.
Тут крутенько всѣм хутенко дав бог цара Пора,
Ад разорив, чорта стребив, смерть изчезла хвора.
Прадѣд Адам и дядко Хам давно в пеклѣ ныдѣл.
Уже-ж тепер пекло вѣдвер, як Христа повидѣл.
И всяк узник крутый узлик з шии розвязали,
Сусу Христу як на листу усе росказали.

Ева згнута була тута от злого шайтана,
Сей покуса злѣйшій Пруса и Крымського хана.
Мучить дарма, у ных ярма з шии не злазили,
Струп на плечах, бо по печах все дрова возили.
З ярма-ж в хомут, з узлами кнут, дротяныи пугы,
З шии до пят на спинѣ знат кровавыи смуги.
И старуху бьют по брюху пятыцю святую,
На подпрягу колымагу запряглы и тую.
Щоб скакала, не брикала, кладуть в рот удила,
Сѣчуть плетью, щоб там мѣтью ступою ходила.
Понедѣлок, хоть не смѣлок — таж ему заслуга,
Змикулився, зстулився — ледвѣ утѣк с плуга.
Сию налогу скоро к богу донесли в ушѣ,
Не забарив, ад разорив, випустив всѣ душѣ.
Святый Афет узяв мушкет, як стрелив на гасло,
Выйшла здрая немалая, аж пекло захрясло.
Всѣ ожили и загули, як весною мухи.
С пекла народ бѣг навзавод, а иншии из муки.
Дочувсь Аврам, що вже Адам из пекла удрызав,
Вѣн з Сааком ледве раком и собѣ поклизав.
Свята Сара, хоча стара, да женщина руча;
Вся пѣхота шла в ворота,— вона-ж куды луча.
Племиник Лот в купу сирот як изобрал бѣдных,
Так нѣ дверей, а нѣ верей не осталось мѣдных.
Бо все тая сильна здрая, с пекла потащила,
Власне [1] туча, куды луча, так закопотѣла,
У божу путь только сопуть, Христа захваляя,
Спѣшать во град, друг другу рад по стезцѣ до рая.
Мусѣй пророк двери, замок и мур пробив рогами,
Ад сплюндрував, помандрував пѣшими ногами,
Власне бугай с кошари в гай виперся голодный,
Пекло вѣдпер и шлях простер до раю свободный.
Адаме, грай, одвертый рай, иды, поспѣшайся,
Райским плодом з усѣм родом рад будь, утѣшайся.
Веди всѣх в ряд у райской сад яблука збирати,
Веди всѣх в ряд у райской сад яблука збирати,
ѣж од древа, бо вже Ева не буде вмирати.

Конец вѣршѣв гетманові запорозцов.

Вирша на велык-день [a]

Кажуть, буцим молодыци
Негодйяки, ледащыци
И пуглыви, як зайци,—
Аж неправда, молодци.

[1] ніби, наче
[a] Текст друкується за виданням «Киевской старины», т. XX, 1888.

Селяни з Київщини. Малюнок з рукопису де-ля Фліза, середина XIX ст. (ЦНБ АН УРСР).

Се-ж Марія серед ночы
Пустылася зо всій мочы
Плакаты на гроб Хрыстов,
На Голгофу миж кустов.
Не боялась синагогы,
Подряпала вельмы ногы
И попала там Хрыста.
Вин-же ій сказав спроста:
Чого, Марусе, так ты плачеш?
Я воскрес — сама ты бачыш...
...Задалы жовнирам плату,
Щоб сбрехалы там Пылату,
Буцим змиг их крипкый сон,
А Христа хто-сь вынис вон.
А Хрыстос був на роботи,—
Попалыв соби чоботы,
Покиль пекло погасыв
А Адама воскресыв.

Смерть сыдпла у куточку,
Рвала на соби сорочку,
Надулася и сопла
И на бога що-сь говпла.
Куца сатана почула,
Що и смерть уже заснула;
А Адам сміяться став,
А Мойсей и засвыстав.
Прыбиг швыдче к Аарону
Зробыть справу по закону.
Аарон очкы надив
И в библію поглядив.
Не утерпив, засміявся!
Куцый дьявол догадався,
Що Хрыстос уже воскрес,—
Злякавсь, затрусывсь увесь.
Выбиг на пекельну браму,—
Аж иде Хрыстос к Адаму.
Брама впала перед ным.
Мур розсыпався, як дым.
Прыблыжается Хрыстос до пекла,—
Показав чортяка морду й векла,
Драла в пекло, хвостом кыв!
А Хрыстос ёго спросыв:
Де старенька баба Ева,
Що глонула в раю древа!
Куцый кочергу узяв
И у пекли помишав.
Вылизла баба з печи;
Обгорилы вельмы плечы,
А за нею и Адам —
Аж Хрыстос злякався сам.
Взяв обох Хрыстос за руку
И сказав таку науку:
Ты, Адаме, муку стару забувай,
Дрызай з Евою у рай.
И далы воны из пекла драла.
Ева на вси жылы брала,
А Адам аж употив,
Поперед усих летив.
Вывелы старого Лота,
Аж кровава смага з рота;
Весь нагайкамы избыт,
З голоду запав жывит.
Авраам сказав Исаку:
Забуваймо стару драку!
Да за рукы узялысь.
Прямо к раю почовплысь.

Цар без племени, без роду
Ихав верхы миж народу;
А за ным святый Афет
Нис и шаблю, и мушкет.
Ной старенький натоптався,
Выпыв з праци тай заспався;
А премудрый Соломон
Задзвоныв у райський дзвон.
Як прочнувся старый дид,
Аж зовуть всих на обид.
Царь Давыд пиднис по чарци пыва,
И наробыв велыкого дыва:
Ушкварыв на гуслях так,
Що хотив скакать усяк.
Не подывы, святый владыко!
Може для тебе и дыко,
Що таку виршу сказав,
Але-ж пысанкы не взяв,
Бо на кращу не розжывся.
А погану як прынесть?
Бо й мы такы знаем честь.

ПРОЛІОГ НА ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО[а]

. . . . . .

Боже даи на добри ден вашмосцѣ
Та ци дужисте, ци здорови в цѣлости,
Сусѣди ваши ци сут всѣ дома,
Чекаю вечера як бога.
Ради ся дочекали от бога ласки,
Та не идут и до церкве: стерегут паски.
Та що панове ци юж вас пасха строхи розвеселила,
Ищи босте ся вчора на ню смѣяли коли в піецу сѣпѣла,
А тераз ся на ню юж не буде[те] смѣяти,
Але взявши в руки зараз будете кусати.
О смерте, о смерте тожес страшная,
Алеж у тебе коса замашная.
Коли бым могл от твоеи коси утечи,
Казал бым ту велику перепѣчку спечи.
«Христос воскрес» я малыи повѣдаю,
А тоеи коси тепер ся не бою.
«Христос воскрес» голосно буду спѣвати,
Радостних пѣсней зичу заспѣвати.
А менѣ писанки за працу давати
И самие поля юж ся усмѣхают,

[а] Друкується з скороченнями за виданням *В. Перетц*, К истории польского и русского народного театра, XI—XII, СПБ, 1909 («Известия отд. рус. языка и словесности АН», т. XIV, кн. 1).

И самие древа всѣ ся розлучают,
Викрикает птацтво на повѣтру смиле,
Смотрачи на радост квѣтнучую миле.
Але ми весело маемо спѣвати,
Жесмо так квѣтнучого лѣта могли дочекати,
Гды и сам Христос от землѣ проквитае,
А нас воскресеніем миле потѣшае.
. . . . . .

Юж то панове: кде инде дяковал,
Та еще тум до вас привандровал,
Бом ся юж давно до вас збирав дяковати.
Хтѣл бым ся ищи навчити и поповати:
Юж мѣю троха и попови науки.
Ои вмѣю и кадити, коли ми дадут перепѣчку в руки.
Але що ся пред вами маю справляти,
Обачите що вмѣю, як буду у вас дякувати.
Але я панове ещем до того и стрилец:
Коли сяду на кухни потрафлю в горнец;
Розние и звѣрята стрѣлял,
А дрyхих ем таки и живци поимал.
Або тое мосця панни юж занехаю,
А о писанки вielце вашецюв упрашаю.
Добри ден, панове мищане,
Так теж и вам, селяне!
З росказаня старшого мусѣлем тут стати,
А що ми казал, тое вам буду повѣдати.
И ос панове такое роковое свято,
А з нас жадного на обѣд не взято.
Наш старши дяк вчора и днес барзо ся добре мал:
Троха собѣ на сухарах зубов не поломал.
Тактеш дишканцѣста и бас
Четвородневнiи пили днес квас,
А води випили двѣ конвы як малмазѣи;
Рачте о том вѣдати мои добродѣи.
Але я юж ся не маю того в тои школѣ тримати.
Мушу книшки побравши далѣи вандровати.
Бо в школѣ батка и матки не маш,
Тилко голод а холод у нас;
Або то так, як другии днес мяса наився,
Влѣзши на піец троха не розсѣвся.
. . . . . .

Тут виходит баба, дѣд и чорт.

Б а б а.
Дѣдушу мои, порадо моя, юж дикие минулисмо поля,
а то нам вше вкажала там божая воля.
Уважаимо ж дидонку, жешми межи людми;
о тепер же вешели ми из собою будми,

бо як вижу же и люде вешеля вживают;
попитаимош ся их, чи гаражд ся мают.

Дѣд.

Боже, даи же добри ден и як ша маете?
Хоч един из меже ваш мене ци знаете?
Шавлукся дѣд з бабою до вас тут савитав,
же бым ся на здоровя ваш усѣх испитав.
Як ваш вижу не дармо вы ся тут жобрали
чачеи [1] бысте тое и нам ж бабою жказали.
Не дбаите, що на мѣ курман лати:
мене колиж бырали усѣ люде в швати.
Я то вмѣвав ж людми розмови чинити
и кожного молодця мог я оженити.

Баба.

Лиши ти, дѣдушу мои, з людми розмовляти:
я бым рада штобою оттут погуляти.
Нехаи лыхо пропаде, яж горилку маю.
тебе як приятеля швоего ж витаю.

Баба и дѣд *(будут пити)*.

Буд ти, дѣдушу мои, здоров, то и я ш тобою!
Напіиже ша, Арѣшко, таи потанцуем,
ведлуг людшкости собѣ и пожартуем,
не маемош дударя що бы нам тилко заграв,
а ти би жо мною хороше пошкакав.

Дѣд.

От питаимож тилко людіи, може отпитаем
Шнаеш, бабко, же жлюдми оттут ли зостаем,
чи немаш в ваш музики чачеи бы нам заграв,
люб шпѣвака якого, хочаи бы зашпѣвав.
Я жаплачу и жараж, що бы ся тилко трапив.
Жнаи, же на моеи платбѣ вше би ша не окпив.

Чорт *(мовит)*.

Один ден, бабко, и ти дѣду милыи,
вижу же есте весоли и барзо подпили.
Музики питаеши? я грач цудзоземскии
и волочаи потѣшніи а жартун вшеленскии:
як заграю, не кождіи в танцу весело скачет,
а иный с танечников и ревне заплачет,
я такии музикант естем: як скоро заграю,
то тим, що танцую, пекло отвираю.

Баба.

Жаграи же нам, мужико наш, нехаи потанцуем,
ачеи красно граеш, нехаи тут почуем.

[1] ачей

Демон.

Юж, бабо, дробно грают, а ти дробно танцуи,
До пекла вандровати зо мною ся готуи.

Баба.

Граи же нам, мужичко наш, уже ми танчуем,
а тобѣ велпкую плату обѣцуем.

Тут демон спѣвати буде подобен «о го я, гоп», а баба буде з дѣдом танцовати.

Демон *(спѣваетъ)*.

Танцуи же, бабо, танцуи,
а до пекла ся готуи,
и дѣд с тобою
веспол зо мною
на утѣху князю
...будеш[а] ся веселити
а болше... смутити,
Люциперови,
Славному князю,
Треба ся поклонити!

Баба.

Граи же, бѣш драв твою мат, бо я тобѣ плачу,
а я з дѣдом хороше оттут пошкачу;
один тому час, заживаимош швѣта.
Коли нам хоч в штарости шлужат лѣта.

Дѣд.

Искрутилаша ти, бабо, грача жневажаеш,
тот человѣк дивніи, чему неуважаеш.
Вин грает таи спѣвает хороше як бачу.
Не противша, музико, я заплатити рачу.
Ото баба ся впила, перебач, прошу тебе,
Не боиша, ми заплатим тобѣ, штавлю шебе.

Демон.

Не фрасуися, твоя баба як погач в хлѣвѣ;
я еи в пеклѣ для тебе поставлю на лѣвѣ.

Дѣд.

А гдеш теплча я як старии люблю,
бо зима як приидет, и шам шебе жгублю.
Таи баба моя также любит тепло
А гдеш тое у ваш повѣдаеш пекло?

Демон.

Еще дѣду пятсот мил, за морем великим,
а до него усе треба ити полем диким.

[а] Крапками відзначено зіпсовані в рукопису місця.

Дѣд.

Хоч бы там пжраш бувати як ша там поводит.
А горилку та пиво пити там ша ци годит?

Демон.

Там пиво як смола и сѣрки достаток,
Ббфитии краи в нас, полно пак и всего подостаток.

Дѣд.

Провад же нас з бабою до своего пекла,
Коли не бороните заживати тепла.

Демон.

А траш дѣду з бабою а горилки пити
Перестан, юж в пеклѣ будет з нами жити.

(Тут пожепет дѣтко их до пекла).

По вшистким выходит Епѣліог.

Триунф веселыи дзѣсь вам оголосивши,
же Христос воскрес хентне оповѣвши,
юж мову нашу крутко скончаем,
а вашмосцюв вшитких ото упрашаем,
а бысте вашмосце своим розумом покрилп,
еслисмо тут щоколвек помилили.
Ми зас за тое жичимо, бысте дознали
ласки Христовои и з ним кролевали
в небѣ на вѣки, поки свѣта стане.
Ти сам то даруи, воскрешии пане.

Finis coronat opus [1].

ДІАЛОГА, ІЛІ РАЗГОВОР ПАСТЫРЕЙ [а]

Свирид.

Хвалаж богу! впоралисмо сѣно в годину,
Як то вѣвцѣ, товар, так и всію скотину.
І овечки гарненко в кошару загнали,
И рогатому бидлу сѣна подавали.
От тѣлко знаеш що, пане Говдѣю, остается.

Овдѣй.

А ну, кай, кай, пане Свириде, мы ради слухати,
что тебѣ на ум наверзется.

Свирид.

Слухай же, от що: поки час буде вечеряти, трохи поглутимо [?]
І один з іодним поюхторит що нибуд поидѣмо.

[1] Кінець ділу вінець

[а] Друкується за виданням: *В. Перетц*, К истории польского и русского народного театра. I—VII, 1905 («Известия отделения русского языка и словесности А. Н.», т. X, кн. 1).

Овдѣй.

Калакай, калакай, пане Свириде,
дай тогдѣ вже помитикуем, що из того війде.

Свирид.

І вже митикуй, не митикуй, все стримит в оцѣ,
чого зроду не било знат, мовѣ на соротцѣ.
Що то мнѣ припало на думку,
Як стану плетузнит; не буде рохувку.
Пусти лиш штурм по головѣ, чего мы дождали.

Овдѣй.

Е! чего? ото, чего и наши батьки не знали.

Свирид.

Правду кае, пане Говдѣю, гетьто як были мы люде молодіи,
бродим було без писма, юлици тѣсніи,
а тепер пуди, коли маишь силу,
то зараз попендрячять на мѣску кобилу.
Прощевенься коли хоч хот трошки,
то зараз не вензнеш вѣд рук от пана Ярошки.

Овдей.

Правду, люде добры, кае пан Свирид самую,
бо и я собѣ уже давно так кимерзую.

Свирид.

Да сеж на тѣлкѣ дѣется в нашем краи,—
он закурилос еще и в божом раи.

Овдѣй.

А щоб же то там такее?

Свирид.

Е що там такее? прошеревенився [?].

Овдѣй.

Ке, хто?

Свирид.

Е, ке, хто? страи буркун Чмира.

Овдѣй.

Ке, хто, як?

Свирид.

Е, ке як? не розжожвав божего слова до шнира [?]
да втокмив вес разум в молодицѣ
и вкусив тоеи, що не велив бѣг, кислицѣ.
Як дочувся господь бог, зараз послав... [а]
щоб вивѣвши из раю да дали добру ха...
Я иже ударив іодин попанѣ парай не займ...
Іорав горопашный сажнѣв на чотыри.

[а] Крапками відзначено зіпсовані в рукопису місця.

О в д ѣ й.

От так, то правду кают люде, що катюзѣ по заслузѣ,
Эт это як напоганит иногдѣ кѣшка в страву,
то аж пасокою въмиется, так толчут пикои об лаву.
так и вѣн, несхотѣв... дѣт ... в... мовъ... поска...
да поперся еще съвоею .....ид...л.....
да от наробив халепи, що за одну кислицу
запер всѣм людем до раю границу.

С в и р и д.

Хибаж у іого ѣсти не било чего —
Е, било всіого до волѣ, да що нам до того —
Эт то в јого руках били яблоки и груши!
Уплив горопашный, да и нас утопив по самые уши.

О в д ѣ й.

От то так, як кают: хто, кае, кислицы поѣв,
а на нас оскома напала.

С в и р и д.

Щож маем чинити, така наша доля,
треба терпѣти, пока змилуется божія воля.

О в д ѣ й.

Хибаж еще треба ждат иншой одлиги.

С в и р и д.

А вже! Гетто так кают святыя книги.
Это, кают, народится отроча само с своей волѣ,
Що й визволит нас из сей неволѣ.
Прирва по головам дѣдькам даст добра чоса
и старшому анциболу утре добре носа.

О в д ѣ й.

Ой колиб нам, Свириде, сіого времени дождати,
тоб не взяла нас гѣвняйская мати.

С в и р и д.

Да вже! коли не мы дождем, добріи люде,
а вже те, що бѣг сказав, то так конче буде.

ВѢРШИ НИЩЕНСКИЕ УТѢШНИЕ[а]

Завшемь я в школѣ того, по вас потребовал,
абымь вам всѣх сполечне у церквѣ оглядал.
Тепер вас роковое свято днес зобрало
и минѣ тут щасливе оглядати дало.

[а] Друкується за виданням: *В. Перетц*, К истории польского и русского театра, XV—XX. 1912 («Известия отделения русского языка и словесности АН», т. XVI, кн. 4).

От тепер же из вами буду розмовляти
и святом тимь хвалебнимь всѣх поздоровляти.
Але вперше школную скажу вам пригоду:
волю кому носити хоч решетом воду,
Нѣжли в школѣ клепати таковую бѣду,
бом и нынѣ слушного не плем обѣду,
А так жем ся готовал, як иншие люде,
и мовилем до себе: гаразд уже буде.
Зготовалем был собѣ в ющѣ по блошъчицѣ
и поставилем страву тую на полицѣ.
Гдес ся вош от як кутка великая взяла
и лѣзучи лапами юшку мнѣ пролила.
И мясо все у смѣтѣ барзо поваляла,
а сама от як заяц на двор поскакала.
Я за нею, а она на порозѣ стала
и на мене зубами як вовк закланцала.
Я до кия, она там чудо учинила,
бо ворону на смѣтю зараз ухватила.
И почала лабами с пѣря оскубати,
а мене страх великий почал изнимати.
Витну еи киіском, хтѣлем щоб застила.
а вош зараз ворону из зубов пустила,
А минѣ так до очий скочила потужне,
жемься мусѣл против ней поставити мужне.
Алем пляцу той воши щире не дотримал,
бо мене так вдарила, ажемь из ног упал.
Так я гвалъту закричал, аж нищии нашѣ
прудко з школи вибѣгши и горщиско квашѣ
Винесши, та квашею очи ей залляли,
а другие вужками прудко вош звязали
И почали до школи вош тую тягнути:
шесть нас тягло — не могли воши той двигнути.
А наш Самьсун товариш ухвативши вила
притиснет вош за шию, як измогла сила.
А вош спод вил так прудко барзо вискочила,
а Самьсона нашего за нос ухватила
И так его вкусила своими зубами,
же лѣкарства не знайдем и межи бабами.
Тепер пилно питаем премудрих докторов
и довцѣлних шукаем усюди лѣкаров,
Бы наш Самьсон товариш до здоровя пришов
так я ему лѣкарство здоровое найшов:
Кажуть люде, якиес з масломь паленицѣ
и горячие прикладат що день к потилицѣ.
Ковьбаси до зубов кажуть прикладати,
солониною радят так же нос вкладати.
Ещеж минѣ едни кажуть: якоес порося
печеное к лѣкарству барзо би здалося,
Колиб тилко а латво где его достати —

обачите як его буду утинати.
Дайте минѣ для бога из шмат солонини,
бо ми не мѣли такой у школѣ звѣрини,
Ачей бысмо Самьсона своего влѣчили,
и здоровим пред вами всѣми поставили.
Дайте в тож и ковъбаси, бо чомусь вмлѣвает
и не весе́ло... чомус все спѣвает.
Колиб тое ковъбасу доволѣ скоштовав
тоб вамь Христос вродивъся весело заспѣвав.

ВѢРШ НИЩЕНСКИЙ ХОРОШИЙ И СМѢШНИЙ [а]

А чи чулисте, панове, о нашой пригодѣ?
Ос коли то я повѣмь бучу моей вродѣ,
Щож коли ся нещастит, мусимо терпѣти
а при едном сухарѣ в церквѣ божой пѣти.
И ям ся был на тие свята приготовал,
леч хтос из ненависти мене очаровал.
Вчинилем был в великой и я конвѣ кващу,
на котрую просити мѣлем милость вашу.
Аж якас невѣста [1] так мя счаровала,
же ввес пожиток с квашѣ моей одобрала.
Коли стала квашище по печи играти,
мусѣли всѣ нищие з запѣчка втѣкати.
А Гапон наш товариш ухватив лопату,
почал квашу тиснути, видячи утрату.
А кваша, як живая, по школѣ скакала,
мѣвъши гнѣв на Гапона, по кутах шукала.
Коли кваша Гапоном о землю вдарила,
аж головою его дверѣ отворила.
Здумѣитеся панове, жо за моц у квашѣ —
не могли ей вгамовати всѣ нищие нашѣ.
Оден кричит: панове, по човен ходѣмо
а по шию в той квашѣ уже набродѣмо.
А кваша валом стала през порог ся лляти,
една свиня прибѣгъши, почала хлепьтати.
Кваша тая и свиню так прудко промъкнула,
же квикънула, як еи о землю кинула.
А сама так почала як море шумѣти:
мусѣлисмо ся усѣ той речи здумѣти.
Такой бѣди квашище нам всѣм наробыла,
же шипом [б] до гори як живая збыла.
А один нам порадив сулю присолити,
тогды уже немоглисмо изь запѣчъка вийти.

[1] жінка
[а] Друкується за тим же виданням.
[б] Неясне місце в рукопису (перше і половина другого слова в рукопису закреслені).

Коли начала нас та кваша облпвати,
не моглисмо юж жаден у запѣчку спати.
Не позналаб сина тамь и родная матка,
бо кождому от квашѣ присхла и рубатка.
Просимож вас, панове, о нас памятайте
а до школи намь страви и хлѣба давайте,
Бо носите колачѣ от кума до кума
а до школи принести немаш у вас ума.
Не принесете до школи жаден солонинки
и минем вас мовите кусати дурьнинъки.
Забулисте, панове, о нас и о богу,
пойдемож и мы от вас в иншую дорогу.
А чим церковь божая себе украшает,
чим ся, человече, твоя душа подношает?
Церков божая з гимънов читаних сияеть,
а читання з спѣванням за клейноти мает.
А ми то в церквѣ божой щоденне спѣваемь,
а за ваше здоровя господа благаемь,
А бы вам тут бог дал вѣк в фортунах проживати
потом з Христом рожденним в небѣ царствовати.

ВѢРШѢ НИЩЕНСКІЕ РОЗНѢ МѢСЯЦЯ ЯНУАРІЯ [а]

1730

№ 36

От юж и я вандровний пахолок
Пришов ем до вас на той столок.
Барзо бим вам рад що приповѣсти,
Але здоровя вам кажучи, хоче ми ся исти,
Як то наша школа умѣе,
Же не един сидячи за столом, з голоду умлѣе.
Коли то я, пановє, першого дня пришов до школи,
Дали минѣ исти и пити до волѣ.
И зараз мене дяк до себе узяв,
Ащ третого дня книжку у руки дав.
И сказав минѣ першую лѣтеру аз,
Коли мя затне по пащецѣ раз.
В. Г. Д. Ж [б].
Озмѣт его, хлопцѣ, и на столец положѣте.
S. З. І. И. К. Л. М. Н. О. П.
Хочу утечи, а хлопцѣ за мною як у пропѣй.
Р. С. Т. У.
Же у минѣ посѣкли кости и жили як ткацкое бердо.

[а] Текст подаємо за виданням: *М. Возняк*, «Матеріали до історії української пісні і вірші», Львів, 1913, Українсько-руський архів, т. IX.
[б] Слов'янські назви літер *віъди, глаголь, добро, живете* утворюють тут віршові рядки, що римуються з наступними.

Т. Ц. Ч. Ы.
Утѣкаючи, забивемся з гори.
Ь.
Упав ем у вир.
Ѳ Я. Ю. Ѯ.
Кусали мя з заду як пси.
Аж коли пришло до нещасной фити
Тогдиж мя стали всѣ от тип поганцѣ оступом бити.
Що маю чинити, ци бися з ними бити, чили утѣкати,
Мусѣлемся за пѣч до школи сховати.
Віенцѣ я з вами не дешкерую,
А воскресеніем Христовим всѣх вас вѣнчую.

Додаток.

АВТОБІОГРАФІЯ ІЛЛІ ТУРЧИНОВСЬКОГО

Списася мною многогрішним, Ілиею Турчиновским, священником и намѣстником Березанским, житіе и страданіе свое в память дѣтям своим, и внукам, и всему потомству[в].

Аз многогрішній Ілия рожден от благочестивых родителей, в городку Березанѣ в 1695 року, іюля 20 дня, от отца Михаила, сотника березанскаго, и матки Анны Садковсковни; воспитан во благом наказаніи. Приспѣвшу возрасту моему, вдаша мя родителіе мои книжному ученію при церкви святоуспенскэй березанской, за священника и намѣсника тоей церкви Павла, и к дяку Іоану Кудинскому, где я обучилъся граматики, часловця и псалтири; и когда в болший возраст достигшу ми, отець мой, отходя в поход военний, в 1699 году, в Полщу (где и в Ляховичах полк увесь переяславский ис полковником Мировичем шведи чрез змѣну гетмана Мазепи взято), мнѣ приказал править господарством; когда же отец мой с походу с-под Ляхович, от шведских рук сохранен, сам един (а сотня вся там с полком пропала) пришел в дом, много мнѣ укоризни, з накладом немалих ран, за непорядок домовий наложил; чего я в младих лѣтех не могъл разумѣть.

От того времени стал я сожалѣть о науцѣ своей, якую за господарством позабил, и, оставля отца и матку, отийшол 1710 года из Березанѣ по школам волочитись. И шедши малий путь, достиг града Чернѣгова и тамо при церкви воздвиженія господня малое время поживши, отийшол в сотню, в село Синявку, где через год живши, там, при церкви покровской, обучился книжняго чтенія и пѣнія, ибо хочай и трудился чрез три года в богоспасаемом градѣ Киеви, в манастирѣ святомихайловском, при игуменѣ Іоаникии Сенютовичи и при намѣснику Варсонуфии и уставнику Гедеонѣ, за канархистру лѣваго клироса, та й то еще на коштѣ онаго ігумена и до школ латинских почал был, за ректора Прокоповича, а подпрофесора Загурскаго, ходить; от якого ученія, за отсутствіем отца моего у войско против шведа под Стародуб, где в 1708 года король шведский в Стародубѣ и вся армія его зимовала, маткою моей с Кпева взят и за домашнею суетою всего позабил. И в той Спнявцѣ обучившись, в сотника тамошнего Мандрики, за писара дворового был и сина его Петра псалтири обучал. И оттоль, для повиданія болѣе свѣта и ученія поішол з двома молодиками болшими, Семеном и Иваном, в Литовское Княженіе, в королевский град Могілев. И шедши многим путем, пущею, дний два без людей, якіе молодики, видя в мене деньги и одѣяніе не ветхое и уже надходящу вечеру, устремишася на мя не человѣческо, но аки звѣріе, хотя мене убить. Един тайно не малим древом хотѣл мене у главу уязвить, но божіим защищеніем и матере святой его защищен я от глави, но по книжках, якіе на правом плечи мною несени били ударил, от котораго я бою упал о землю; и тамо мя лежащаго раздѣли из одѣянія и деньги, якіе при мнѣ были, из одѣяніем побрали. И чиняху, стоя надомною, сваду: един Іоан желает мене убить у смерть и заволокти з дороги внутр пущи, а другий, Симеон, якоби милосердуя о мнѣ, совѣт подая свести мя далечайше с пути, и нага к древу привязать на снѣденіе комарам, пли звѣрям; но божіею силою и заступленіем моей помощници матери божей, ощутяся акибы от сна, не чувствуя и мало болѣзни, схватясь в едной кошулѣ, ялся бѣгу обратно путем тим, отколь и шествовали. И бежа с немалим риданіем, молил матер божію, да избавит меня от тих лютих диоклитіянов, и голосно кричал о ратунок; то оніе убийци, бѣжа за мною, аки звѣріе за агнцем, не малый путь; и яко оніе тѣлом толсти, ктому же и пяни, не могли постигти и кричали голосно, даби я остановился, из немалою клятвою крестним знаменіем утверждая не убить мене, но ити купно к Могилеву, з обѣщаніем мнѣ все плаття возвратить. Якой я от них клятвѣ яв вѣру, оградил себе крестним знаменіем и, прочитав *Богородице дѣво радуйся* и возложася на помощ и заступленіе матери божіей, пришол до оних. Якіе оба яша мя в руцѣ и о землю вдариша, скрежетаху на мя зуби своими и связаша ми руцѣ и нозѣ, покушахуся нести мя внутр пустини и тамо мя смерти предать. Видя я остатное свое окончаніе и лютую смерть, лежа, сказывал оним: «та коли клятва ваша и крестное знаменіе в правдѣ остается, усумнѣтесь и убойтесь бога. За что вы мене желаете убить? И сами за убійство не избегнете лютѣйшей муки, и здѣсь, и на втором пришествии. А буде желаете денег и платя моего, я вам вовся дарую, и нѣкому сей тайны не явлю». То оніе, полстившись деньгам и устрашая мя убійством, ежели би кому обявил, развязали ми руцѣ и нозѣ и отдаша мнѣ одѣяніе и книжки с торбою, якіе от срогаго въдару вполдощечки поламались; а деньги рублей десят к себѣ взяли. И тако из оними злосниками яхомся в путь свой. И дойшли ночу до села, к границѣ полской, маетности черскаго монастира, зовемаго Попова Гора. В якой жіючий городничий еромонах Феодосий, усмотря мене в церкви в пѣнію и чтенію искусна, сказал дячку того села, чтобы мя принял до половини дяковской: и потому мя и принято. Чему я и рад был избыть своих врагов; но они, когда очувствовали мое от них отлученіе, весьма опечалились и скрежеща на мя зубами, пожелали там бить, но дяк той школы не допустил и пошедши до городничого, объявил, а я з оними много водился и тим часом служителѣ нашедши, отняли мя и оних из школы выгнали. Но оніе, умысля на мя злоковарніе вымысли, пишли до сотника конпанѣйского, который на тот час в том селѣ Поповоїй Горѣ стояли на квартирах и полк

в Текст подаємо за виданням «Киевской старины», т. XI (1885, февраль).

Чаусников, и обявили, якобы я от них от села Синявки уговорился, ежели доведут мене до Могилева, там бы оним покупить по пари суконь; да и еще сказывали ложно, что де он, из нами идучи, не маліе обиди дячкам подѣлал по школам, и як котрый его дяк не пріймет по его праву, то розками без пощады обибъет ночу и пойдет, а у иних книжки позабирал, и тако нам обратно ити невозможно; якіе де книжки и деньги и нинѣ в него имѣются. То оний сотник, на тот час будучий в корчми з своими козаками, прислал пяти конпанѣйцов, и оніе взяв мене насилне из школи и приведше пред сотника, и плаття и книжки позабирали. Оній же сотник, не испрося мя, от якой страни и коего роду, но повелѣл изняти из мене кунтуш и кафтан и отдать моим зломышленникам, а книжки шинкарцѣ огдал за цебер меду, ибо не худіе книжки били. И осталіе деньги. якіе от тих десяти рублей остались, что оним я злочинцям отдал, еще два рубля оніе от мене отибрали, где я тилко в единой рубашци стоя пред ними, в немалом ридании слези испущал; и прочіе мои ручники, хусти, кошулѣ, пояси на пропой шинкарцѣ вручили. Но я, стоя, сердем ко господу богу и матери божей, возводя очеса свои, молился тайно, прося избавленія от такой напасти и разоренія, и воспоминая свой отход от отца и матки тайный. И уже сотник, и козаки, и мои враги Семен и Иван, за мои книжки и протчее накупленнаго меду напившись, приказали спѣвать пред собою из оними моими врагами: то и мене принуждали; еднак я, хочай и покушался спѣвать, но за обліяніем слез не могл и гласу отвести. Гдѣ минѣ оний сотник приказал у двѣ колодѣ древяніе ноги забить: який крик и шум един атаман компанѣйскій, лежа пян за пѣчу, ощутил и встал, сказуя: «что де то у вас за шум и пѣніе?» Оний же сотник отвѣтствовал на тое ему атаману: «иди де за стол, да пий мед, нам де злодѣя сіи молодики привели». Який атаман, уже не млад собою, седя близ сотника, сказывал: «где тот злодей?» то сотник повелѣл мя с под караула из сѣней привести в двох колодах и в едной кошулѣ. И приведоша мя пред того атамана, який много мене присмотревал у очи и спитуя: «от якой ты де страны? чуть де ты мнѣ не по зънаку». То я з немалыми слезами отвѣтствовал: «я полъку переяславскаго, из городка Березанѣ». И оний атаман сказивал: «не ты ли Михайла Турчина, сотника сын?» то я от той радости мало ис плачу не удавился и мало просил воды напитись. И оный атаман стал сотнику и козакам говорить: «вы де и сами въсѣ в дому его отца були, и пили и ѣли, когда шествіе было государа первого Петъра Алексѣевича в 710 году под Прут, и он де нас по повеленію отца своего частовал и правіянт, який нам из сотнѣ належал, выдавал на сутки и записовал; почему он, сотник, примѣтил мя, что тако есть». И почал я подробне оному сотнику и атаману сказывать, что оніе мои злочинцѣ из села Синявки добровольне зо мною пошли и что в пути от них мнѣ приключалось, подробне росказал. И тогда он сотник и атаман повелѣли клади из моих ног розбить, да на моих супостатов Семена и Івана наложить и до другого дни в немалом заключении содерживать. И совлекши мою одежу со оних, мнѣ отдали, и все имущество мое бѣдное и деньги от них отибрали и что они били взяли, возвратили, что же цебер меду выпили, з моих денег заплатили; мене же он сотник взял на свою квартиру. По утру же, свѣтающу, он сотник, всѣм атаманам сошедшимся, судили моих клеветников и когда велѣли

бить без пощадѣнія, то оніе всему своему злому дѣлу повинились: яких, еще приваливши бою, повелѣли козакам из села за границю, за рѣчку Сновку, в польскую область выгнать и там на границѣ немаліе раны наложить и, обидравши до кошуль, отпустить. Что и учинилось. Мене же он сотник, по совѣту атаманов и козаков, принял за писара (ибо оних писарь во отлючцѣ был в комисѣи польской), где и квартеру мнѣ опредѣленно. Будучи же в него немалое число в правленіѣ писарском, понудило мя первое желаніе отийти в Полщу, в Могилев, для обученія языка латинскаго и провидѣнія по свѣту людскаго обхожденія. И упросил я сотника и атаманов конпанѣйских, чтобы мя отпустили, от яких и отпущен. За божіею же помощію и божіей матере, тогож времени прилучившемуся купцю з Могилева града Іоану Ронѣ, який из Стародуба везл желѣзо, и за упрошеніем моим онаго купца, взят и при возах его дошед града Могилева, який стоить над рѣкою Днѣпром, и от него Іоана Ронѣ залѣчен в школу при церкви святопокровской на Подолѣ; гдѣ и преозимѣл. По веснѣ, упрошеніем того же Іоана Ронѣ, принят до школ латинских язовитских; и там случалось ходить до церкви благочестивой преображенія господня, где дом архіерейскій при той церкви. И ходя на клирос, услышано от покойного архиерея Силивейстра Четвертинскаго мое пѣніе, и к ему призван. Оній же епископ испросился: «коея вѣры, и от якой страны и жительства, и гдѣ мое пребываніе?» Оному епископу явил я свою вѣру и жительство, якое выше сего написанно и где нынѣ пребываю. Оній ще епископ требовал мене с прошеніем, чтобы я в должность пѣвческую к нему пристал з обѣщаніем награжденія, к чему я охотне издался. И когда к чину пѣвческому стал обучатись; то уже мене ксензи до школ и не пустили, сказуя, что ты де сизматик, що у сизматиков жіеш. Но когда обучился чрез год и разсмотрив искуство партесное, то единаго времени на свѣтлое воскресеніе на всенощной спѣваючи канон на хорах, реент, по единому его на мене гонительству, что за его пянство уже был отдален от капелѣи, а мнѣ поручено, якобы за невыход концерта за дишкантами, пхнул мя ис хор чрез желѣзные баляси. Где я ис хор на дол летѣл вишенѣ у пяти человѣк, и ежели бы не потрапил на женскіе главы, то бы о камѣнь мармур разбился. И многим женам повреждени были главы, а единой старусѣ и вся глава сломилась, якая у три дни и умерла. Мене же господь и матир божая сохранила невредима. Он же реент, убоясь, бежал ис хор и поддался на римскую релѣю, но не малим коварством з римскими пѣвчими старался, як бы мене увѣчить, ктому же еще согласился ис тими моими врагами, Семеном и Іваном, кои пред сего мене желали убить, но их з села, Поповой Горы, бивши плетми, выгнали за границю, а тепер в Могилеви в драгунскій полк при замъку записались, якіе после вскори православную церков выкрали, и оних повѣшано.

Бѣгая того зла, по прошенію случившихся в Могилеви мѣщан из города Шклова, просился я от епископа могилевскаго отпуску, обявля ему своих гонителей, який и отпустил мя з немалою жалостію. И с тими купцами Іоаном Мазуровичем да Михайлом Косебуцьким, имѣя из собою двох пѣвчих, пойшол я в город Шклов в манастир благовѣщенія госпоодня, в яком манастирѣ игумен Феодосій из братіею приняли меня з охотою, з награженіем за содержаніе пѣвчих талярей десять битих,

кромѣ дохода, ибо тот манастир имѣет приход,— всѣ благочестивіе к тому манастиру скланяются, где и тот город стоит над рѣкою Днѣпром. И там я чрез четири года при том манастири был реентом и от оных мѣщан, так и от игумена имѣл довольствіе. Но и там враг, искатель мнѣ зла и гоненія, завидя моему добру, воста на мя. Прилучившіися з Киева два студенти желали у Орши или в Могилеви ходить до школ, но неприняти за тим, что благочестивіе. С пими я потрудился, и на свѣтлое воскресеніе выправили діаліог з интермедіею. На якій многолюдствіе благочестивых собралось, и римлян, и самих езовитов, и доменѣкан... И всѣ тому удивлялись, яко там, в тих краях, той вещи не видали. Не малую себѣ римляне болѣзнь и безчестіе принявши, умыслили, яко бы мя выгнать из города Шклова: просили губернатора, чтобы мнѣ на их празники приходить в кляштор доменѣканскій до арганов и с пѣвчими своими спѣвать. Хочай же и был присилок от губернатора, то я много отказывался, яко нам благочестивим в римскій кляштор неприлично входить, да и правила святых отец возбраняют. Но и пачей оніе римляне опечалились и наславши едной нощи в манастир на спѣварню, яко бы нечаянно, з лихтарнями, арганѣста з драгунами замковими, и начали бить всѣх пѣвчих и тих студентов, а мене с чулана вытягши, безъмилосердне били и шаблями рубили, где главу мою у двох мѣсцех до мозгу прорубали, и несли мене у Днѣпр рѣку утопить. Но я, мало ощутився, просил онаго арганѣсти, яко он исперва добр был ко мнѣ, помилованія: якій объявил мнѣ, что послан от замку убить мене и у Днѣпр уволокти. Однак божія помощ и матер божія заступиста мя: случившіесь того града мѣщане ѣхали в городи з крамами и наѣхав на тое, отняли мене и мало в живых унесли у спѣварню и объявили игумену. От якого я поруганія много страдал и все свое имущество врачем раздал; но ничтоже не успѣл бы, ежелибы не едина вдова, женщина Евдокія Мащиха, излѣчила: ибо оніе римляне, ощутивши, якіе врачи до мене ходять, ...намовляли, чтоби мя умертвить. Когда ж я от той старухи уврачеван и стал по прежнему спѣвать, то извѣщенно мнѣ от добрих пріятелей, что хотят мене, в нощи напавши, извязать и воскори у Днѣпр укинуть. Я, видя и там гоненіе и что уже укрытись от папиштаков невозможно, а случилось таким же способом, в ночное время в едном мѣсцу того арганѣсту самого застать в шинку, то там з своими пѣвчими також ему отреванъжевал кіями и шаблями, и забравши всѣх пѣвчих, дубом по рѣкѣ Днѣпру пустился вниз.

О такой моей тайнѣ игумен и мѣщане извѣстни были и много обо мнѣ сожалѣли, тилько что сила римская, а на благочестіе гоненіе. И той нощи уплыли миль десять. И приплывши свѣтом к городу, стоящему над Днѣпром, Гомлю, там препочили дний два. И паки яшася плаванія. И от Гомля, когда там же судное плаваніе возъимѣли, то в едином мѣсцю, припознясь, случаем нагнали судно на древо, якое в рѣцѣ от брега отвалилось, и там всѣ шесть нас человѣк из судна вывернулись. И так само судно вниз Днѣпра пошло, а имущество наше, якое было, все загонуло. мы же храненіем божіим за лозы похватались, яко поблизу берега имѣли плаваніе, и много, гласом немалым, искали ратунку. Где почувши рыбалки наехали нас и побрали у свои лотки. И тилько ис тым остались платьем, в яком выпали из судна. И оними рыбалками вывезены на брег,

где и огнь от них распален ради огрѣтія и обсушенія от воды. И оттоль, преночевавши, в пущи пѣшим путем немалый час шедши, доспѣли к Лоеву городку, а послѣ до Рѣпок, и там препочивши мало, дошли до города Черпѣгова, и тамо премедля, яшася и паки в путь. Уже со мною были четири тилько пѣвчіе, а два в Чернѣгови к архіерею Радіону Жураковскому пристали.

И дошедше до городка Седнева, там задержан упрошеніем господина обознаго генеральнаго Якова Лизогуба — при его церкви остатись за дячка из содержаніем пѣвчих. Видя я себе от потопленія и при мнѣ будучих пѣвчих весьма оскудных на одѣваніе, принужден остатись. В оном Седневѣ жил я чрез год: и мало приодѣвшись, оттоль отиішол, поблаодаря, и оставил при господину еще двох пѣвчих, а зо мною един хлопец Іоан. И шедши дний не мало, достиг до своего пристанища отческаго, и застал еще в живых отца и матку, и всѣх братій и сестер, и дѣда Стефана (якій уже живши купно з нами лѣт сто и тридцать и умре). В дому мало поживши, принят в пѣвчіе в катедру переясловскую к преосвященному Кириллу Шумлянскому за реента. И тамо год выживши, изволеніем божиим и за благословеніем родителей своих, в 1718 году женился, февраля остатных чисел, на дочери бывшаго сотника березанскаго Михайла Пплипенка, Анастасіѣ.

По отходѣ, того ж года марта первых чисел, отцеви моему в поход царичанскій за обозного полкового, на тот час будучему гетманом наказным господину Сулимѣ Іоану, хоружому генеральному, то я в небытность отца моего, по умертвіи намѣсника березанскаго, Андрея Покоры, тым же архиереем Шумлянским за заслуги мои пѣвческія, в 1718 году в ноябри 3-м числѣ в городку Березанѣ до храму успенія богоматери в священника рукоположен...

ЖАРТІВЛИВІ І САТИРИЧНІ ВІРШОВАНІ ОПОВІДАННЯ

На Україні здавна існували віршовані оповідання із сатиричним і жартівливим змістом, що виникли в міському, міщанському середовищі й предметом сатири найчастіш мали духовенство. Як позитивні властивості людини вихваляються хитрощі, практична кмітливість, уміння знайти вихід із скрутного становища і т. ін. Твори такого типу спочатку поширювались переважно через усну передачу; з XVIII ст. їх почали записувати, літературно обробляючи, що частково було, мабуть, справою тих же мандрованих школярів, про яких мова була вище.

Перший з наведених тут сатиричних творів, *Сон напередодні великодня*, знайдено серед церковних паперів у Красилівці, кол. Козелецького повіту, Чернігівської губернії. Датований він 1786 роком. Деякі деталі змісту свідчать про «школярське» його походження; усім своїм характером він примикає до бурлескних великодніх віршів. Цікаве ототожнення задушеного Буркуна Зміра з Іудою-зрадником євангельської легенди. Дослідники встановили, що прізвище Зміра було поширене в місці виникнення вірша: називаючи Іуду Змірою, автор вірша міг мати на оці живого або знайомого читачам чи слухачам місцевого куркуля Зміру. Те саме прізвище знаходимо й у різдвяному діалозі пастухів, наведеному вище.

Вірш про попа Негребецького (див. про нього: *І. Франко*, Вірша про отця Негребецького, «Зап. Наук. Т-ва ім. Шевченка», т. LXV, 1905, кн. III) походить, як видно, з Поділля й є твір невідомого автора, що використав дуже поширений мотив про попа-пройдисвіта.

Пекельний Марко — віршована обробка фольклорної легенди, так само зв'язана рядом рис із бурлескними різдвяними і великодніми віршами,— теж є оригінальна обробка широковідомого сюжету про появу в пеклі п'яниці або солдата. До речі, сюжет і образ «Пекельного Марка» в основі не мають спільних рис із легендою про покараного безсмертям великого грішника, що в XIX ст. стала матеріалом для незакінченої повісті Ол. Стороженка «Марко Проклятий», де (в IV розділі) автор об'єднав обидва сюжети.

Найменш ясне питання про те, коли складене було четверте з наведених нижче оповідань — *Вірш про Кирика*. Сатирична спрямованість твору, очевидно, так сподобалася народним слухачам, що він став широко популярним і в письменстві і в усній передачі.

САТИРИЧНА ВІРША 1786 РОКУ [а]

Кажуть, що сон змутыв; а мнѣ удалося,
Мов у око влѣпило, що во снѣ верзлося.
У пятницю увечери наившися кваши,
Да с своею Педорою лѣг був спаты в поддашши,
Ажно той дѣд покойник приснившись да каже:
Чому твоя Педора эдь (?) припечка не маже?
Завтра, каже, настане свято роковее.
А я злекавшись промовив: дак кажить якее?
Колиж, каже, не знаеш, чимчикуй за мною!
Да правдѣ повюв мене на гору тропою.
Там же то я набрався великого пуду:
Поки тютюн на свѣтѣ, поти тямить буду.
Перше як привюв мене до товстого дуба,
Так я з ляку був почав спѣвать кривогуба,
Да питаюсь, що за враг висить на кодолѣ,
Витрещило очи и з лихои долѣ?
Ажно той дѣд покойник здихнувши тихенько да каже:
Чи ти ж не тямиш? Эдь гировій враже?
Сей, каже, покойничок звався Буркун Змира
И знав усю церковну рахубу до шнира.
Як же, каже, у Спаса обмаль грошей стало,
Дак он и его продав, лиш у лад не припало,
Вѣн, каже, сѣромаха в чѣпчику родився,
Да легенька ж ему и смерть — силцем задавився,
Бо як ластовка, так он, гнѣздо звивши
Да на шійку под горло гречи наложивши,
Пустився мов сокол из горы спорненько,
Стрепенувся мов рибка на удцѣ чудненько.
Раз, каже, и руками за голля хватився,
Мов Борисов бик рикнув да знов у низ пустився.

[а] Текст подається повністю за виданням «Киевской старины», т. LXVII (1899, ноябрь).

Треба ему пѣнити з вечера до свѣта.
Душка бачить, що вже ей болш не видати свѣта
Кинулась була вгору шукати дороги,
Ажно веровкою моцненько заплелися пороги.
Так, каже, вона на час поспѣшилась,
Як блоха скрозь редно, скрозь штани пробилась.
Зараз ему потекло до пят ручаями;
Нехай своим родичам снится, янголь з нами;
Як бы мав, каже, у ями землею покрится,
Лючше угадав отмов (?) сѣть на вѣтрах вертѣтся
Й в день, каже, й в ночѣ як бал (?) звѣзди лѣчит
Хоть би, каже, й тобѣ такая смерть на встрѣчи.
Лиш же глянув я назад, аж друга прочвара.
Смерть из дѣдьком чвалае мов воликов пара,
На дѣдку кожушина вся на шматки порвата,
Роги в пеклѣ позбивани, хромае до ката,
Ногтѣ з лап позлазили, скрежече зубами,
Сизенькій мов журавлик — знать бито кіями.
А смерть, мов бубон, гола собою, нечвидна,
Боса, простоволоса, изгорбилась бѣдна
Посокою умазалась, ребра кругом знати,
Очей, ушей й носа притьмом не видати.
Коссіом [1] подпершись, скаче мов по купѣ жаба
Лиш витрещила зуби щербата мов баба
Да правда ис подругом ненько (?) галасають
А в лементѣ такіе рѣчи промовляють:
Дѣдько каже: ах, бѣда, де нам тепер дѣться?
Хиба, каже, пойти у болото утопится
А смерть у кулак трубечи говорит истиха:
Ужеж нам не россѣстись от такого лиха;
Треба, каже, тепер о собѣ промишляти,
Як бы на свѣтѣ прожить, чим душу питати.
Купим, каже, повозу да купчовать станем
За добиччу по рибу то в Крим по соль грянем.
Я, правда, супятився, став дѣда питати,
Водкул им лихо се стало, чи можно се знати...
Може их гонять на ліюд Днѣпра полонити,
Либо во армію до Криму волов гонити,
Ой, нѣт, каже, голубе, не тая причина:
Их, каже, побила отце лихая година,
Що их батько анципер як узяв насѣку
Атаманську й хотѣв пановать до вѣку,
Да всюди по шляхах караули разставив,
Тузав народ хрестянскій, бѣди всѣм набавив.
Було, каже, по сто душ в один кус глотае,
Мов карась з вагана галушки матае.
Що бог сѣяв — смерть жала, а вун жрав истиха.

[1] кіссям — ручкою коси

Великого повен свѣт натолив (?) був лиха;
Й так уже в его стала була губа ласа,
Що отважилась була углонуть и Спаса.
Як же взяли по зубах хрестом плазовати,
Дак мусив вун усе добро до щенту вертати.
Бачать его молодцѣ, що беда куриться.
Мусили, як от ѣкару блохи разлетѣтся.
А смерть була у грубѣ сховалася с тривоги,—
Дак Ева, еи понявши, вывела за роги,
Як узяла нусцями (?) по ребрах мѣсити,
Дак дѣдко пожалѣвши хотѣв боронити.
Ну ж Адам учепившись налигачем бити,
Поти бив, поки роги мусили злетѣти.
Отто вони эдь по туй холозѣи [1] плачуть,
А хрестяне в небѣ пьють, гуляють, скачуть.
Я, правда, заглядився такой дивовижи,
Ажно зза гори мелькають в ярмах волики рижи,
Отто я думав, що Христос с плугом иде орати,
Толко ж дудка заграла, ну, я став гадати:
Може, каже, перезва до свата котится,
Ажно янголія возами тащиться.
А се, реку, яка манѣя, спитався,
Ажно, каже, великдень в гостѣ к нам припхався;
Вун, каже, з Русалиму мався давно бути,
Да лихая халепа як узяла дути.
Отто вун на тум боцѣ ожидав дороги,
Аж покуль не грянули Днѣпровые пороги.
Я, правда, догацався, що те свято буде,
Як жунки красять яйця, паски лѣплять люде,
Да спитавшись збоку, почав познавати
В яком возѣ пан великдень зволить пробувати;
Ажно гляну на перед, седить у чимлѣтѣ (?),
Крашанками, як цвѣтом, укруги укритій.
На юм жупан с китайки, у бока гаман зяе,
Ковбасою волики стиха поганяе,
Чижмачки боброви, онучки шовкови,
У вигулярнуй шапотцѣ й ермолук новій,
Персніов повно на руках, мае корогвою;
Як ясна зоря — так пригож собою
Да на всѣх поглядае оком веселеньким
Й пѣсенку голосом спѣвае техеньким:
Нащо, каже, ти Юдо квапився на гроши,
Щоб тобѣ вкруг потилицѣ обйили воши,
У користь, каже, не привюв й не вспѣв пропити,
Лиш ти мусиш за той торг у пеклѣ горѣти,
Будут тобѣ й з плечей полоссье здирати,
Щоб у кожиницях Ирод мог по пеклу скакати,

[1] халазія — прочухан

Припадае тобѣ из ним у одну сутязѣ
Смолу возить до пекла, эдь замуляш вязи.
Той, каже, гнався за славою, як за зайцем,
А ти, бачу, удавився грошовим окрайцем.
Я, правда, те все почувши зараз схаменувся,
Да пуд редном лежечи и зо сну прочнувся,
Ну Педору локтями под боки торкати:
Годѣ, реку, нам хропти,— пора уже уставати,—
Уже, бачу, нам завтра квашѣ не наварити
Лиш треба хоч гречану паску замѣсити.
Вона, правда, изо сну стала промовляти:
Я, каже, ще вчора думала учиняти,
Бо недарма всѣ люде к млинам потурили,
Знать на паску борошна молоть захотѣли;
Моя й мати не раз то було звягае [1],
Що великдень млиновим колесом выежжае;
Колядки, каже, тогдѣ угадати,
Як свиньи от ножа стануть голосати,
Лиш, Охрѣме, клопот нам без сала —
Шити,— билити черга нам припала.
Эдь же, реку, коли-б дѣд покойник зараннѣ приснився,
Тоб я й ноччю збоку де-небудь поживився,
А тепер лиш мушу у людей прохати,
Да то зайшов й до вас ковбас добувати:
Позичте й нам, эдь и наша поросна;
Як наведе свинья кобанов — будуть с ковбас кросна
Сюлькиж сего що зедять и з осмину полови,
Да вже ж буде й сала як короб здоровій;
Половину оставлю, а другу зменяю,
Тютюну и горѣлки до ката надбаю,—
Тогдѣ попрошу й вас, панове - молодцѣ, на ведерце браги,
А тепер и ви ко мнѣ не будьте тужави.
Як витрещить очи на мене ваша ласка,
То в мене при полѣ буде й сало й ковбаска,
А ми с Педорою смѣлем то смачнепько,—
Скажем: хто дав, нехай той святкуе легенько.

ОТЕЦЬ НЕГРЕБЕЦЬКИЙ [а]

Є село Негрибка, воно на Подолі;
Там двір є, церква, парахвіян доволі;
Нарід все достатний, бідних було мало,
Усі жили як бог казав, що кому ся стало.
А скоро у згоді жиють добрі люде,
То там при них і другим добре буде:
Добре для попа, добре для прислуги,

[1] ластся, базікає

[а] Текст подаємо за виданням: *Ів. Франко*, Вірша про отця Негребецького («Записки Наук. товариства ім. Шевченка», том LXV, 1905, кн. III).

Котра не знає ні біди ні туги.
Дяк, паламарь гладкі, тільки піп бідняка:
Хоч не старий і розумний, трохи був гуляка.
Не душив копійку, не міг доробитись,
Бо частенько і гульненько любив веселитись.
Раз якось захотілось йому погуляти,
А не було за що — деж тут гроший взяти?
От він у цім горі дав собі таку раду:
Скликав до себе цілую громаду
Та й каже: «Браття, ви знаєте самі,
Що вже літ до двадцять, як тут жию з вами,
А яка з того користь і який пожиток?
Ніби ви не бідні, маєте й добиток,
Поля, ниви, садиби заможні,
Декотрі з вас живуть як вельможні —
А нікому й доси не прийшло згадати,
Що й о спасенії душі треба подумати.
Треба старатись, як і другі люде,
Нехай як у них, так і у нас буде.
Чиж то конечне в Почаїв ходити,
Колиж такий само празник можна осьвятити
І у нас в Негребках, який там буває?
Нехай же кожен із вас подумає,
Щоб і богу було мило і для вас всіх сладко:
Зберімо ся разом та зробімо складку —
Так, невелику, але і немалу,
Щоб у час добрий, щоб мені ся вдало
З вашими грошима, з просьбою моєю
Виробить на празник для вас привелею.
А я з благочинним і з всіма попами
І з біскупом лучче ще, як з вами
Знаком і дам раду, а як буде треба,
Я готов зайти аж до неба:
Знаю я і в небі
Таких, що услужать в церковній потребі».
Громада се вислухала, погадала,
Сто злотих зібрала і попові дала.
Піп, палицю в руки взявши
І гроші тії сховавши,
Уставши раненько помолив ся богу
Тай рушив в дорогу.
Пройшло дві неділі, громада чекає,
На усі дороги попа виглядає.
Чекають, виглядають і думають люде,
Що як ся піп верне, в селі празник буде.
А піп за очима добре празникує,
Ані гадки за привелею, так там бенкетує!
По свойому як знає, гуляє,
А скоро складки громадської не стає,

Скоро до копійки з гроший так ізвів ся,
Аж четвертої неділі заледве вернув ся.
І скликав громаду, а сівши на лаву,
Із свого посольства таку здав їй справу:
«Як тілько-м вийшов помолившись богу
В наміреную до Рожиск дорогу,
Зараз мня здибав секретар біскупа
І рече: «Яка то у вас мисль глупа,
Або сто злотих на привелей стало!
Там сто червоних, і то єще мало».
Як мені зачав о всем толкувати,
Скілько то кому потреба оплати —
«То в консисторії, также до печати,
Канцеляристам также треба дати.
А біскупові? Он не возме мало.
Также би твоїх сто злотих достало!»
Я му вклонившись против єго мови
Експлікував ся на то тими слови:
«Що народ бідний, ледве що зібрали
І тих сто злотих, котори мні дали.
Маю я надію, що ми не одкажуть,
І милосердность якую покажуть».
Секретар на то: «Добре говорити,
Але кождому треба їсти, жити.
З чогож бо вони в консисторії жили,
Щоб милосердность на вас положили?
Милосердія нема, тілько в небі;
Тут кождий о свей думаєт потребі,
Нема тут за чим довго пробувати,
Бо ся не можна чого сподівати».
Думаю собі: «Дурно я трудив ся
І на дорогу не мало стратив ся!
А знавши добре входи і до раю,
Якось я прецє і там ся занхаю.
Відти вже близше до неба дорога
Вже аж я піду до самого бога».
Пустившись іду а все мановцями,
Проходжу ліси, поля, гори, ями,
А все, день і ніч через дві неділі,
Прецє-м зобачив рай ще о дві милі.
Там чисте поле окрите цьвітами,
І аж до раю нема жадной тами.
Прийшовши під рай, аж там стоять сходи,
По тих до неба заходять народи.
Не так ми скучно доти було іти,
Але на сходи як прийшло влазити,
Так ми ся здало, же їм нема конця:
Вони стояли єще висше слонця.
А щож робити, колим ся затрудив!

Міркую собі: «Я не буду блудив,
Піду з другими, а в небі знакомі,
Пустять мя, приймуть, не будуть лакомі,
Аби що дати, бо вони в роскоши,
Не потребують уже наших грошиї».
Передо мною ішов німець з краю;
Запитали ся подлуг обичаю:
«Хто входить з сьвіта?» Німець рече: «Ich!»
То сьвятий Петро подумав, що мніх,
Тай пустив німця в небо як на сьміх.
Зараз відчинив для мене ворота,
І мене війти теж взяла охота.
Зараз мя пізнав, що не по німецьки:
«О, як ся маєш, отче Негребєцький!»
Реку: «Здоров єм за благословенєм
І перед богом вашим ся вставленєм».
«Що тя до неба такого загнало?
До нас приходит з того сьвіта мало».
«Велика, отче, церковна потреба
Змусила мене прийти аж до неба.
У нас єсть церков, але на публіку
Жадного в року нема в ней празнику.
Люди убогі і я не богатий,—
Щоб який прецє з того профіт мати.
Щож, в консисторії як нема оплати,
Трудно убогим аби-що вскурати.
Біскуп без гроший тоже не зарадит,
Также убогий з ними що порадит?
Поміркувавши, що там не до ладу,
Самого бога буду просить взгляду».
«Щож, ти знакомий, не довго забавиш,—
Рекл мені Петро,— і все діло справиш».
І запросив мня до свого фільварку,
Казав горілки налляти ми в чарку...
Там то роскошно всі живуть небяни!
Вони багаті, як на сьвіті пани.
Тут ми до пізна собі учтували,
Аж поки всі в небі спати полягали.
По учті Петро казав рано встати,
Аби ще бога без діла застати;
Бо як бим трафив на другую справу,
То мою просьбу вкинулиб під лаву;
Але так треба, абим я застав,
Як тілько рано аби господь встав.
І я там, доволі наївшись, напившись
Ліг спати під стропом, в солому зарившись.
Аж на завтра будять мене й дають знати,
Що пора вже йти до господньої хати.
Там то весело у небесах, браті!

Такі палаци, що хата на хаті!
А так сияє, ясно, бо єсть сьвічок сила,
Як коли б наша коршма загоріла.
Іду в палаци, где боже мешканя —
Сьвята Параска просить на сніданя,
Сьвята Кулина табаков частує,—
Аж ми ся серце от всего радує.
Другі знакомі также запрашають,
Що душі мило, всего досить мають.
А я ся спішу, щоб ся не спізнити,—
Потому прийду, тепер треба іти.
Входжу пребувши всі небесні чати
Аж до передови богової кімнати,
І виджу дверима, що в великій хаті
Бог отець сидить на злотім варстаті;
Син божий близько сидить на полиці
На дуже прекрасній, богатій столиці;
Дух сьвятий ніби нічого не знає,
Сидить на пєцу і горох дзюбає.
Призвавши мня бог закричав на слуги:
Може пождати єще який другий!
Чом Негребецький стоїть за дверима?
Я го доглянув своїми очима.
Чом не приступить і не скаже діло?
Я єго справу вислухаю мило».
Тут я прескромно через поріг влажу,
Як єму тілько діло моє скажу,
Що я на празник привілею прошу
І ото просьбу от людий приношу.—
«А на якогож ти хочеш сьвятого?
У мене знайдеш для тебе готово!»
Я ся одизвав, що на Михаїла
З сили небесной, альбо Гавриїла.
Зараз Михаіл убравши ся в шати
І меч до боку припасав богатий;
На нім холошні тонкі, замшовії,
По всіх швах злотом облямованії,
Куртка понсова з злотими гудзами,
Шапка злоціста з білими перами,
В жовтих чоботях, крила як у пави,
Став перед богом подлуг свей устави.
Я ся здумівши при порозі стою:
А то архангел! Свою красотою
Нас не пошпетит, будет оборона,
Который єго возьмет за патрона!
«Ото, Михайле, Негребецький просить,
І ото просьбу од людий приносить,
Аби на твоє імя написати
І привілеї їм на празник дати.

Та — рече господь,— як же тото буде?
Чи знають тебе тамтейшії люде?»
«Но — рекл Михаїл — пресьвятійший боже,
Негребецький мня познакомить може.
Як тілько зачав правтину (?) учити —
Я єго знаю, добре будем жити».
«Пиши, Михайле!» — Він зараз за крило
Вхвативши живо, аж мня удивило,
Таке золоте перо витягнувши
І коло стола господня станувши,
Добув чичуги, став темперовати,
Взяв лист паперу і зачав писати.
«Поки напишуть,— бог сказав маршалку,—
Негребецького возьміть до фільварку,
Прийміть за гостя, дайте му вигоду,
Бо він струджений з далекого ходу».
Вивели мене в пекарню, сів я на припічку,
Дали мені їсти пшеничну паляничку,
І схаб свинячий упечений, тлустий,
І поставили на мисці капусти.
Так заїдаю, аж не знаю годі,
Аж мені смалець тече по бороді,
А тії кости на землю скидаю,
І ангелики ними забавляю.
Тільки поївши дали мені знати,
Аби до бога іти вже до хати,—
Галас зробився, бють бубни до трвоги,
І я ся підняв, хтів стати на ноги...
Щось загриміло, ударили в дзвони,—
Шум ся, крик зробив: «Ну, до оборони!»
Зараз ся збігли турки і татари,
Калмуки, греки, козаки, райтари,
Збройне шаталанство,
Ляхи, ... і всяке поганство:
«Чорти з Люципером збирають ся,
І вже в небо впирають ся!»
І я до свого пірвав ся костура,
Гонив за чортом, не бачив, де дзюра,—
Як на ню трафив, так оба посполу
Аж до земного полетіли долу.
А привілеї при такій недолі
Там ся у бога остали на столі...
Шкода, панове громада, того опустити,
Єще би треба до неба раз піти;
Як бисте єще ми сто злотих дали,
То би на тую дорогу ми стали.
Я вже з дороги не буду звертати,
Просто вже піду до господньої хати,
Щоб таки раз той привелей дістати!»

ПЕКЕЛЬНИЙ МАРКО[a]

Сидайте-ж, хлопци, вси гуртом,
А вы, дивчата, геть в отдили,
Щоб не було миж вами якоп вереміп!
А як-же буде хто жартувати,
Того в потилицю будем гнати!
Мовчить та слухайте,
Яку я вам буду казку казати:
Про хлопця молодця, козака-яригу,
Що Марком прозывався,
Та ще й пекельным звеличався,
За те, що у господа спасення зодбав,
Та чортив у пекли налякав;
Налякав так, жо рогати й доси вид козакив втикають,
Та знай одно, що тильки лають.
А запорозькій як дух почують,
То зараз в тар-тары мандрують!

Був соби козак Марко, ледарь завзятый,
Батька й матирь не поважав,
А все тильки пив та гуляв;
На улицю до дивчат першим поспишався,
А у церкви послидним зоставався,
Щоб мерщій можна було втикати,
Як пип на выхид почне благословляти;
З чужими жинками женихався,
Та старих людей цурався.
З его буйною головою
Не було никому спокою.
Тильки раз оцему Марку
Святый Петро у сни зъявився,
Тоди, як вин готовивши запричастився.
— «Ты тепер, каже, нових грихив не маеш,
А як проснеся, то впьять нахапаеш,—
А яж за тебе господа благав,
Щоб вин тоби на покуту час дав.
Тепер-же сей час наступае,
И тоби ничого наминаця,
Та треба у пекло збираця.
А як, рек, там трохи побудеш,
То души спасення здобудеш.
Та гляди, з чортами не братайся,
А пайпаче люципера цурайся:
Бо цей чортяка над чортами,
Як гетьман миж козаками».
— «А щож мени з чортами робити:

[a] Текст подаємо з незначним скороченням за виданням «Киевской старины», т. XII (1885, серпень).

Чи их христом хрестити,
Чи тилько по шіи бити?..»
— «У мене, каже, святый Петро,
Е на тебе велика надія,
Що ты мени чортив присупониш,
Та з пекла их повыгониш.
Вони козачим баглом завладили,
И бидни козаки давно не пили й не или,
А в запорожцив нема ни якои силы,
Ба позоставались одни тилько жилы.
Уси спасення у господа благають,
А чорты их в рай не пускають;
Уси заставы скризь позапирали,
А стежки каминням позакидали.
Як же стали янголи литати,
Та козакив з багла вытягати,
То чорты почали их там зачипляти,
Щоб до нових грихив намовляти.
У багло жинок напускали,
Щоб козакив на нови грихи скушали.
Вже де яки почали женихаця,
Щоб у пекли на вик позостаця.
А инших стали горилкою частувати,
Щоб тильки спасення перестали прохати.
Я в пекло тебе за-для того посылаю,
Що спасення души твоій бажаю.
Будеш ты там з чортами жити
Та на послузи волю их чинити.
А як ввирыця тоби пекельна сила,
Тоди дам тоби багато дила.
Будеш мени з пекла козакив вызволяти,
Та у рай заставы видчиняти —
Тим, що у господа милости просили
Та спасення души заслужили,
Що вид чортячих ласок жахались
И з видьмами не женихались.
И котрих чорты хотили частувати,
А вони им у вичи почали плювати,—
Та тих, що видём за лопуцьки хапали,
Та в пекельне огнище втягали.
От сих козакив ты будеш у рай пускати,
Де вони будуть господа прославляти».
Сказавши се, святый Петро десь дився,
А наш Марко аж у пекли опинився.
Ёго-ж чорты як уздрили,
То мов галыч кругом обсили.
Ничого не питають,
Тилки мов коты хвостами виляють.
Аж ось один бис нагодився,

Та з крюком до Марка схилився,
Та хотив вже ему витаня вчинити,
Щоб крюком за ребра зачепити.
Та тилко налагодивсь се зробити,
Як перестав до разу жити.
А Марко узявши чортив крюк у руки,
Став чортив оглядати,
Чи не кинеця хто впьять крюком зачипати.
А чорти так полякались,
Що аж на вышче гилля позбиралисъ,
Так як коты замявкотали,
И хвостами ще больш замахали.
— «Се у вас, каже Марко, таки звычаи,
Щоб козакив так зустричати,
Та за ребра, мов собак, чипляти?
Стривайте-ж, я вас помуштрую!»
Та сказавши, почав крюком махати,
Та чортив з гилля, як груши збивати.
Чорты-ж до Марка як не наближались
И як до ёго вже не присикались,
Та не мали силы его зачепити,
Або чим вразити,
Бо Марка свята сила обороняла,
И чортив геть видпихала.
А Марко, знай одно — махае,
Та чортив з дерев збивае.
Уже их на гилляках зосталося трохи,
Ростыкались уси, неначе блохи.
А котори по закутках поховались,
З переляку уси . . . . . .
Та на все пекло так накурили,
Що зостатись там не було вже силы.
Марко хотив був вже втикати,
Коли ось сам люципер нагодився,
Та, глядючи, ще трохи не сказився.
— «Се, кричить, упьять на той свит ганяли,
Та з видьмами бенкетували?
Оковитки налигались,
Що аж по пояс обидрались!
Геть берить мени зараз митлы,
Та вычищайте все видтиль».
Один чортяка, митлу взявши,
Та до люципера пришкандибавши,
Став так ёму отповидати:
«Се була у нас, пане люциперу, бійка,
Та така, що як и пекло стало,
То сего у нас николи не бувало!
Забрив до нас якійсь волоцюга,
Та вже нихто як казарлюга,

А мы хотилп ему честь чинити
Та крючми за ребра зачепити.
Як тилки цуцик заходився,
А вин зараз як схопився,
Та так бидолагу гепнув,
Що той до разу й гегнув.
Тоди почав ёго крюком махати.
Та нас з дерев скидати,
Нивечити та клинцюватп.
Багато наших, як бачите, побито.
А де яки хоч и поховались,
Та страму на весь вик набрались».
— А деж се той казарлюга,
Розтриклятий волоцюга?» —
Кричить люципер, росходившись.
— «Та вы бо, каже куцый, тишче,
Та держить голову понижче!
А то вин крюком раз як влучить,
Той макитру вам з шіи злущить!
Ось дивиця, пане, вин за кущом прихилився,
Та вже й на вас крюком намирився».
— «Ой, стривай, стривай, козаче!
Треба тут якось иначе»,
Став люципер сам прохати:
«Ничого тоби крючком махати,
Та ходим лиш до моеи хаты,
Буду я тебе витати,
И як запорожця пріймати.
За пониВеченних чортив не буду корити,
Бо вони справди за дило побити:
Треба-б було уперед роспитати,
А не крюком за ребра чипляти.
Тыж, куцый, чортив поховаешь,
Та з цилых шкуры поздираешь,
Та у пекло даси наминати,
Щоб можна було на ремень продати».
— «Як бы мене, каже Марко, так зустричали,
Той не булоб чортам и печали.
Як же ты мене, люципере, витаешь,
То я твого хлиба-соли не цураюсь».
И повив люципер Марка у свій будинок,
А дорогою почав его питати,
Яка занесла у пекло нечиста мати.
«Деж, каже, твоя душа дивалась,
Що вид чортив видцуралась?
Тоби ще черга на свити жити,
Та горилку коряками пити.
Чи може ты, козаче, сказився,
Що у мене в пекли опинився?»

— «Казись ты з чортами
И жинка твоя з дитками!
А як я тут опинився,
То не сам вже нагодився.
У нас на тим свити усяк знае,
Що душ чимало в пекло попадае.
А нихто не знае, як тут у вас жити,
И яку роботу треба вам робити.
От як я в вас наживуся,
То до дому на той свит повернуся,
То всі люди будуть знати,
Як вас з земли вытуряти,
Щоб вы людей не губили,
Та и пеклаб нами не гатили».
— «Та се ты, козаче, так кажешь,
Що нашои добрости не знаешь.
Як бы чорты людей не звеселяли,
То вони доси усиб пропали.
Як бы не чорты, чи булаб у вас горилка,
И цимбалы, бубны та сопилка?
Чи вы вмилиб танцювати,
Весилля гаразд справляти?
А скильки чорты людям грошей пожичали,
Отжеж и доси ни шага вы не оддали...
А ты думаешь, велику користь маем
Вид тих, ким мы пекло набиваем?
На тим свити усе прогуляють,
А до нас и без штанив втикають.
А що запорожци,
Так ти прямо голи й боси,
Та ще й чортив на сьмих пиднимають.
Давайте, кажуть, одежу, що поздіймали,
Як не хочете, щоб ми позамерзали!
А як запитаешь, що колись брали гроши,
То вони й кажуть: ось нате вам воши
По праздникам то нас ладаном ганяють,
А цилый тиждень тютюном закликають.
А инчи так нас поважают,
Що на день сторицею поминають.
Чогож тоби, козаче, нас корити,
Як вам добре з нами жити!»
— «Та ты, люциперу, бачу, добре милиш,
Тилки до чортив мене не похилиш».
Увивши люципер Марка у будинок,
Став зараз прохать сидати.
Та почав звычайно ласощами угощати.
«Иж, каже, ся страва то ласощи ваши,
А не чортячи наши.
Учора чорты мои на той свит литали,

Та у гетьманских кухарив накрали».
Аж ось й пидручни чорти нагодились,
Та с переляку по стинкам потулились.
«Вы, каже люципер, сего козака теперь не лякайтесь,
Бо вин тепер уже вас не буде бити,
А почне горилку з нами пити.
Вы-ж пана Марка звеселяйте,
Та у музыку ему заграйте».
Де взялась музыка, загудили бубны,
Чорты-ж за роги брались,
Та в дрибунець пускались.
А Марко сив на покути ще вышче,
Та знай горилку з люципером хлыще.
Чорты-ж до бочок вже добрались
Та й ни од чого не цурались.
Аж побачив Марко, що люципер почав белькотати,
Та як товаряка мучати,
Та потихеньку додолу спустився,
А там як у пекли зпинився,
То й почав скризь искати,
Та пекельни багла озирати.
Розшукавши де багло козаче,
Вин почав его обмиряти,
Та заслонив скризь шукати,
Що чорты кризь их холодный огонь выпускають,
А гарячій напускають.
Уздривши-ж той заслон, що чорты огонь впускають,
Та свое багло охолождають,
Вин почав его видвертати,
Та з инчих баглив огонь туды пускати.
А чорты знай бенкетують,
Та своеи биды не чують.
Як огонь у козачим багли перестав палати,
Тоди почали й козаки приставати
Та гуртом помагати;
Як же послидній заслин видкрутили,
То так до разу чортив и затопили.
Чорты и не оглядились,
Як уси попеклись та поварились.
Тильки де яки з люципером повтикали,
Що биля дверей стояли.
Тоди янголи стали налитати,
Та козакив з пекла вызволяти.
Котри спасення у господа зодбали
Тым, що покаяніе вчиняли.

Сто лит пекло пустовало,
И так булоб и пропало,
Та козаки почали гришити,

Та господа гнивити.
З сего опьять чорты наплодились,
Та пекло почали робити,
Щоб де було козацьким грихам жити.
А Марка й доси не забувають,
Та знай одно, що тильки лають.

ВІРША ПРО КИРИКА[a]

...бижить ричка невелычка,
А на тыій ричци стоить каплычка;
Недалечко от каплычки божа церковка,
Святая, старая, благостывая;
А при тій церкви пип з попадею,
У попа борода велыка й сывая,
А попадя молода ще та гладкая.
Жив був Кирик, бидный чоловичок,
Була в его бидна жинка
Булы й диты невелычки.
От пришов час, жнывова годына,
Померла у биднаго Кирика маленька дытына.
Пішов бидный Кирик до попа:
— «Добродію, добродію, чи не могли-бы меи дытыны сховаты?
Що вы схочете за похороны взяты?»
Пип радый радёсенькій;
Трасе бородою, розмахуе рукою:
— «Щож, каже, твою дытыну можно поховаты,
Але не богато з бидных людей дбаты,
А десять карбованцив таки треба взяты!..
Що треба-то треба, не мов мини ни слова,
Бо в мене з тобою короткая мова».
Кирик каже:
— «Добродію, добродію,
Я не можу стильки даты,
Де вже мини бидному Кирику стильки взяты?»
Пип як тупнув ногою,
Як мотнув головою,
Як потрис бородою,
Як закричить,
Як заверещить:
— «Ще таких людей не було и не буде,
Колыб выпропадалы таки бидны люде!»
Заплакав бидный Кирик, тай пишов до пана,
Тай скаржицця пану:
— «Не хоче пип моеи дытыны ховаты.
Хоче з мене, з бидного Кирика, десять рублив взяты».

[a] Друкується за виданням «Киевской старины», т. XLIV (1894).

Пан ему и каже:
— «Я тоби в том Кириче, бидный чоловиче, не поражу.
Я тоби ось що скажу:
Иды ты до села, достань заступа й лопаты
Та иды сам на свою дытыну ямы копаты».

Послухався бидный Кирик пана,
Пишов вин до дому,
Став на колини, помолывся богу...
Ажь пришов до ёго божій старець:
— «Кириче, бидный чоловиче, иды ты до села,
Достань заступа й лопаты,
Ты иды сам на свою дытыну яму копаты,
Та не копай на нызу, а копай на горбу,
Нехай богатшіи люде копають на низу».
Взяв Кирик заступа й лопаты,
Та став сам на свою дытыну яму копаты.
Та не копае на нызу, а копае на верху,
Як казав ёму божій старець.
Став бидный Кирик на горбу копаты,
Став до ёго котел з грошима выринаты.
Набрав бидный Кирик гроши до кармана,
Пишов назад до пана, а от пана до попа:
— «Добродію, добродію...»
(І т. д. як раніше).
Пип радый радесенькій:
— Щож, каже, не багато з бидных людей дбаты,
А десять карбованців треба взяты».
Бидный Кирик довго не возывся,
Дав десять карбованців, тай зовсим росплатывся.
Пип гроши забрав и старосту зазвав,
Казав на дзвонныци на збир позвоныты;
З радостью, з веселостью Кирикову дытыну похоронныты.
Зазвав бидный Кирик попа до хаты,
Ставь ёго добре частоваты,
Став мед и вино даваты.
Дывуецця пип: як се так сталося,
У бидного чоловика стильки грошей набралося?..
А попадя наветь очи вытрищила,
Все до попа пристае, покою не дае:
— Добродію, добродію, чи не могли-б вы
Бидного Кирика до сповиди приняты,
Та на духу его добре роспытаты,
Де-б вин миг стильки грошей достаты,
Чи не мог бы вин об тыи гроши признаты?»
Послав пип старосту, щоб Кирику наказаты,
Що пип ёго хоче во всих грихах сповидаты.
Приймов староста до Кирика, бидного чоловика,
Тай каже:

— «Эй, ты, Кириче, бидный чоловиче,
Иды-но ты до церквы, хутенко сповидайся
Та в тых грошах гарненько признайся.
Чи хочешь, чи не хочешь, а мусышь ты таки сповидатысь,
Мусышь в тых грошах признатысь...»
От пишов Кирик, бидный чоловик...
В церкви у попа довго таки сповидався,
А в тых грошах ніяк не признався.
Попадя не знае, що думаты, що й гадаты,
Не знае, як тып гроши от Кирика одняты.
Думала, думала таки чимало,
А в решти таки нагадала:
— «Добродію, добродію, есть у нас суха шкура;
Послухай-но мене гарненько,
Та зробы, що тоби скажу, хутенько.
Визьмы-но ты в ту шкуру та вберыся,
Та до биднаго Кирика по гроши покрутыся.
Як побачить так бидный Кирик,— злякаецця
И в тых грошах запевне признаецця...»
От, взяла попадя ту шкуру, намочила,
Пошла на село доставаты дратвы и шила.
Достала дратвы и шила,
Та в ту шкуру его и зашила.
Зашила попу руки й ноги,
Приставила на голови дьявольски роги.
Став пип стукотиты, гракотиты,
Став в ночи до бидного Кирика подходыты;
— «Гей, Кириче, давай гроши, бо буду свит палыты;
Бо як не отдасы, то будеш на огни, в пекли гориты,
Стануть тебе чорты гаками драты,
Стануть тебе быты й катуваты...»
И стукотыть, и гракотыть,
И мотае рогамы,
И тупае ногамы,
Ще й трасе бородою.
Зобачив Кирик и зовсим залякався:
«От пришла тепер до мене лыхая годына
Що я буду теперь робыты з тымы грошима...
И чому я попу на сповиди не признався,
Теперь бы я з такою бидою-б не знався...»
Взяв Кирик котел из грошима
Та як тарахнув дверима:
— «А, нехай-де тебе, каже, визьме лыхая годына
Та з твоими дьявольскими грошима!
Иды ты од мене в чому пришов,
Держи в руках,— як нашов,
Не положи нигде,— як узяв,
Носы так,— як приняв,
И щоб-же тебе чорт узяв!»

Взяв пип котел й додому подрав,
Радесенькій, що Кирик свои гроши отдав.
Став пип гроши пани отдавати.
Аж сталы гроши до рук приставаты.
Стала попадя шкуру пороты,
Став пип крычаты, верещаты.
Не можна а ніяк шкуру одняты.
Трапылася з попом бида малая,
Бида малая и простая:
Пристала ему шкура до сала.
От, началы письма-лысты по свиту розсылаты,
Чи не найдецця часами хто-нибудь на свити,
Щоб тую самую шкуру з попа зняты.
Сталы письма-лысты назад повертаты.
Нихто не може теи шкуры зняты.
А Кирик и каже:
— «Я можу тую шкуру з попа зняты,
Оно перше треба мини гроши назад отдаты».
Як зняв Кирик шкуру и гроши взяв,
Пип закричав, щей зубами заскрекотав.
Шкода ему тых грошей, але нема що робыты,
Лучше гроши отдаты, чим з рогами ходыты.

САТИРА

Серед численних, переважно анонімних, пам'яток віршової поезії XVIII ст. досить помітне місце належить віршованій сатирі. Елементи громадської сатири здавна були властиві українській літературі, їх можна помітити і в ораторській культовій прозі (проповіді), і в полемічній літературі XVI—XVII ст. (зокрема, в творах Івана Вишенського), і в шкільній драмі, особливо в інтермедії, але сатири як окремого жанру, що в підручниках піітики зв'язувався з іменами Горація й Ювенала, а в російській літературі XVIII ст. уперше запроваджений А. Кантеміром,— до XVIII ст. українська література не знала.

Українське життя XVIII ст., особливо його другої половини, давало дуже багатий і різноманітний матеріал для сатири. Неуцтво й зажерливість монахів, позбавлених указом Катерини II права мати кріпаків, дали матеріал для прекрасного «Плача киевских монахов» 1786 р., тобто монахів Києво-Печерської лаври, що в сатиричному діалозі гірко скаржаться на сумні перспективи, перед якими вони стали після закону про секуляризацію церковних земель. Посилення експлуатації селянства поміщиками, що діяли не без допомоги тих же таки монахів і взагалі духовенства та продажної адміністрації, викривається в сатирі («колядi») «невідомого селянина» 1764 р., кінцева приписка до якої досить ясно говорить про становище сатиричного поета з нечисленної ще тоді інтелігенції селянського походження в українських побутових умовах XVIII ст. Прагнення представників забагатілого міщанства й куркульства до дворянського звання відбилися в третьому наведеному далі зразку — «Доказательства Хама Данилея Куксы», де подається образ українського «буржуа-дворянина» XVIII ст., далеким, але прямим потомком якого є Мартин Боруля у відомій комедії Тобілевича.

Соціальпо-побутові умови не сприяли розвиткові сатири; її або надавали форми бурлеска, або поширювали в списках без імені автора. Але той факт, що сатири дійшли до нас у значній кількості списків, свідчить про інтерес до них, отже й про можливість їх громадського впливу.

ПЛАЧ КИЕВСКИХ МОНАХОВ[а]

Кіев 1786 года мая в 1 день.

Милостивый государь,

Я вѣдая, что вы дѣлами не заботны,
А о новостях любопытствоват охотны,
Тепѣрь же я новость имѣю,
И об оной вам донести смѣю.
Вчера был я в Печерском за дѣлом,
Гдѣ застал ченцов в собранїи цѣлом;
Числа я их хотя и не знаю, а кажут, что двенатцать,
Но я застал их в собранїи тринатцать.
Хотя я прежде и не знал о их обидѣ,
Но онѣ всѣ казались мнѣ в печалном видѣ;
Чтож в совѣтѣ их тогда я примѣтил,
То к вашему любопитству замѣтил.
И всяк из них неговоря молчал,
Пока Зосима говорити начал;
А по нем и протчїя рты отворили,
И нижеписанное со слезами говорили.

1. Зосима, архимандрит

Отцы и братя, извѣстны ль вам перемены такїя,
Что для нас уже вышли уставы новыя,
По коим всѣ дереьни не наши уже,—
Что же для нас тяжелѣе может быть и хуже?
Лутче бы их прежде было не знати,
Нежели их теперь так оставляти.
И сїе вам, братїе, говорю неложно!
Но до перваго іюля еще ползоватца будет можно:
Ви теперича всѣ мѣри взяти должни,
Что б до сроку здѣлать келіи непорожни.
Но не могу скрыти, чтоб не обьявити,
Что и мнѣ с вами недолго быти;
О горестно время, но не бить инако,
Повелѣваєт бо новій устав тако.
И я от вас в отдаль отежаю,
И вашим святым молитвам себя поручаю;
В чем пред вами грѣшен, в том меня простите,
И господа бога обо мнѣ молите!

[а] Друкується за виданням: *В. Резанов*, Драма українська, вип. VI, К., 1929 (Збірник Істор.-філ. від. УАН, ч. 7).

2. Ореєт, повѣренный

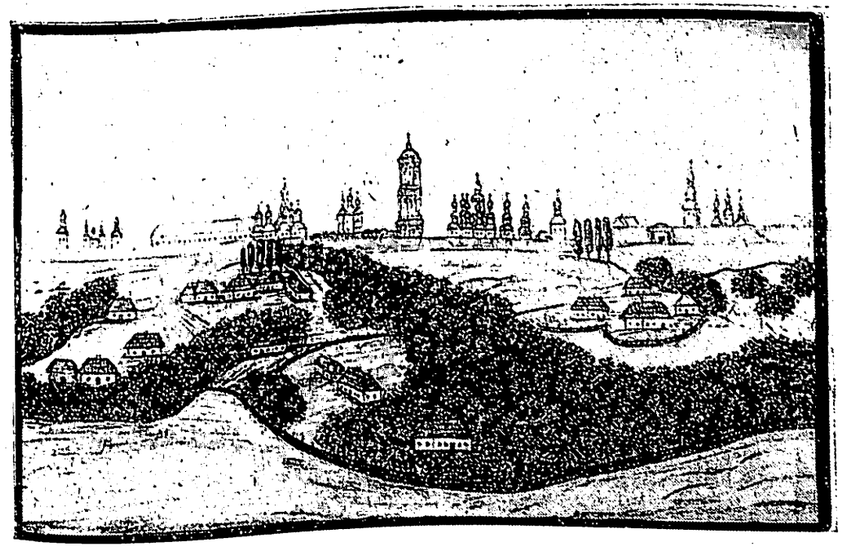
Как же тому быть? не могу понимати!
Привелегіи бо нас могут защищати.
Хотя и прежде о сем я уже слыхал,
Но збытца тому никак не пологал.
Говорили толко из своей охоты,
Но всѣ то были наши недоброхоты;
Случалось быть у Петербургѣ,— знаю уже и дорогу —
Гдѣ успѣвал в дѣлах попремногу;
И ежели сїе послѣдует точном,
То и еще туда съездит будет можно;
Гдѣ надѣюсь имѣть непремѣнно успѣхи
Не для меня одного, но для всѣх утѣхи;
Но толко надобно на то денги многи,
А мощи у нас весма недороги;
Мы, даруя мощи, в дѣлах успѣвали,
Но подарки сіи златом подкрѣпляли;
Без чего и тепѣрь обойтитца не можно,
А и я вам, братїе, сїе говорю неложно;
Толко прошу в том не посумнится
И на меня во всѣм положится;
Чи мнѣ-ж тяжебныя дѣла неизвѣстны,—
Для их одних были суды вѣздѣ тѣсны;
Но нигдѣ не дал промаха, ниже упустил комы,
И накопил их великїе томы;
Чи я же к сему не прелѣжен или не гожуся?
Мню, и теперь помогу, ежели потружуся!

3. Епифаній, эконом 1-й

Сїе, отче Орест, оставить уже нада,
А что говорит Зосима, то сущая правда,—
Вот о чем нам и треба теперь поговорити:
Не возможно ль чего-нибудь еще преобрѣсти?
Когда б знать, что не буть за то в Камчаткѣ,
Еще можно б спродать стада при початкѣ;
Но однако продадим хотя одни конѣ,
І за сїе не пошлют далѣ работат, как в Херсонѣ.
Еще раздадим и денежные суммы,
Да то бѣда, что страшны и за то нам тюрмы;
И мы в том отдаемось на божію волю,
И получим денег немалую долю.
Не мы-ль то преобрѣли, не всѣ ль то наше? —
Съсылаюсь на вас, преподобїе ваше!

4. Ворсонофій, эконом 2-й

Я вижу, что всѣ уже нынѣ не тое,—
Улѣтело от нас все время золотое!

Печерська Лавра і «Звериниец» Київський. Малюнок з рукопису де-ля Фліза середини XIX ст. (ЦНБ АН УРСР).

Треба буквицу нам заготовляти,
Бо не за что буде чаю куповати;
А на сахар и вовсѣ грошей не буде,
Да и мѣду то нѣт, как не дадут люде;
И з сим питьем привыкать далѣ треба,
Естли особой милости не буде с неба;
Мы б ничего у бога не желали,
Толко б вѣчно деревни при нас пребывали.
Я слышу, что уже люди збунтовались,
И от послушанїя нас вовсе отказались:
Не слушают и отказывают грубо,
Чем умножают они нам печаль сугубо.
Я взираю на храм сей великой работы,
Не уменшит ли он нам хотя мало скорботы;
Но помощи неотколь уже нам не видно,—
Печалной рок идет к нам, очевидно!
Естли ж еще матерьяных ряс нам не носити,
Не горко ли нам во власяницах ходити?
Оставлять нам матеріи крайне обидно,
Власяницы же носить нам грубо и стыдно.
Ежели ж к тому права нѣ имѣти,
То никто на нас не буде и смотрѣти;
О горѣстно и несносно и печално время!
Налагают на нас тяжебное бремя!

5. Мѣлхиседѣк, памѣстник

Без напитков и матеріи можно б пробути,—
Как же нам осетрину свѣжу позабути?
Лутче почитаю во гробѣ лѣжати,
Нежели тараню я буду вживати!
Как прїидут на мысль лимонныя соки,
То будут текти крованыя из глаз токи!
Но все сїе мы хотя превозмогти и возможем,
Как же и к церкви при старости привыкнути можем?
Я правил економїю разов и четыре,
А ставши ченцом не читал ни разу и псалтыре:
А хотя було к чтенїю время и настанет
Но за меня хлопец всегда прочитает.
О других же книгах говорить не смѣю,
Бо я их читать вовсе не умѣю,—
Тогда я их добре умѣл, как был в мирѣ,
Бо прочитоваю их було на день разов и четыре:
А ставши ченцом, тогда я их позабывал,
Бо и в монастыре весма рѣдко бывал;
Бывши на экономіях, носил одно бремя,
А к чтенїю книг вовся не было время;
Теперь же в церковь доведетца почаще ходити,
Бо далѣе уже нечего бѫде робити:
Не буде деревень, не буде скоту,—
Надобно взятца за свою работу.
Теперь же станут ко всеночной будити,—
Надобно ж хоть в кельи псалтырь протвердити.

6. Модест, эклесіарх

Случится всего, но живут же людѣ;
Но то бѣда, что ни водки, ни сивухи не будѣ.
Я без кушанья жити превозмогу,
Но без водки жити одного дня не могу.
К чему привык страстно и как толко из утробы,
И без того, братїе, увидите меня скоро во гроби.

7. Гервасій, ключарь

О, боже мой, что я сїе слышу?
От одних ваших слов я уже и не дышу!
Естли б мой совѣт вам благим показался,
Я по нему исполнять всегда б потщался:
Добрѣ бы было надѣлить теперь господ,
Дабы и нам от них имѣть милость вперїод.
Раздадим им конѣ и коляски,
То можем от них надѣятся ласки.
Нам не нужны были тогда сторонних помощи,
Бо из вотчин возили так денги, как из садов овощи;
Теперь же того никогда не буде,
А добрыи господин нас не позабудѣ.

8. Ферапонт, начальник ближних пещер

Можно и на то поступити, чтоб и подарити,
Но чтоб за то не довелось в тюрмѣ сидѣти!
Кажется, были нам паны добрыя людѣ,
Но врядь ли нам кто прїятствовать будѣ.
Онѣ с нами дружили, как видѣли у нас,
А теперь нищих забудут не за великой час!

9. Висарион, дальних пещер начальник

Мы трактуем обо всѣм, но сему не знаем толку,
Не наберут ли с монахов какого-нибудь полку?
Чего, однако ж, не дай слышать боже,
Но сїе, кажется нам, на то похоже.

10. Иоасаф, казначей всѣх пещер

Сїе все, братїе, мы остановимо,
А о святых печерских поговоримо:
Нас бы вовся бѣдными не звали,
Когда б при пещерах с ружьями не стояли.
Ежели ж совершится и сїе дѣло,
Тогда уже монахи будут зватца цѣло:
Бо кто и в монастырѣ служити будѣ
Когда отберутся от нас всѣ и людѣ?
Ни дров, ни воды нѣкому будет доставить,
Бо из нас одного доведется во очередь приставит;
Да и дров неоткуду будет нам брати,—
Надобно и то, завсегда, за гроши куповати!
Кто ж натопить нам грубы?
Й кто почистит каменныя трубы?
Естли прїидет к тому надобное время,
То и сїе падет точно на нас бремя!
Как не досадно, бывши господами,
И здѣлатся наконец как суще рабами!
Но все сїе послѣдует точно,—
Увыи! О время горестно и несносно!

11. Варлаам, уставник праваго крилоса

Воздѣжимо руцѣ к Варварѣ великой,—
Не сподобит ли она нас милости толикой?
Сто крат мы ей воспѣвали у год хвалу,—
Не оставит ли нам она хотя частицу малу?
Но увыи! О, горѣ! и та не защищает,
И молитвы наша вовся отвергает:
Не могу, говорит, зрѣти на ваши дорогїя шаты,
И совѣтую вам тѣ вовся оставляти;
Ежелиж будете ходити по своему сану,
Тогда защищат всемѣрно вас стану:
Молитвы мои всѣгда будут о вас к богу,
Чтобы он показал к себѣ вам дорогу.

Мои молитвы давно уже о вам бывали,
Чтобы вы деревень и стад вовся забывали,
Чтобы переменили горды ваши нравы,
И чтоб пути ваши всегда были правы.
Чтоб бога всѣгда в сердцах своих имѣли,
И чтоб души ваши всѣгда пламенем горѣли.

12. Инокентїй, уставник лѣваго крилоса

О, день іюля первым нареченный!
Сколь ты для нас будеш горестный и плачевный!
В теченїи тебя мы, как осужденны,
Всѣх корыстей тогда мы будем лишенны!
Но может быть того мы были достойны.
Тяжебных бо наших дѣл были суды вѣздѣ полны?
Упомянуто о сем и в новом уставѣ,
Но не к ползѣ нашей, ниже к монастырской славѣ.
Естлиб мы поменше судебных дѣл имѣли,
То, может быт, деревнями и вѣчно владѣли!
Лутче нам было уступати свое,
Нежели к монастырю присвоевать чуже!
Мы хотя во Христа и твердо вѣруем,
Но по словам его мало что дѣлаем:
Не писанїе ли рече, что вѣра мѣртва без дѣл?
Вот за что положен для нас такой предѣл!
Апостол запрещает вином упиватся,—
Для чего ж было нам его слов не держатся?
Но мы с вином всемѣрно обращались во всякой час,—
Вот за что и жребій такой пал на нас!

13. Андрѣян, соборный писарь

Как бы то не было, толко б женится,—
Я бы сей день согласился растритца!
Да и не могу никак мыслей отринуть,
Чтобы іюля перваго клобука не скинуть:
Тогда клобуки нам были милы,
Как деревнями цѣлостно владѣли;
Теперь же безженство может мнѣ наскучит,—
И за что я попущу страсти себя мучить?
Хорошо прежде мы во всѣм были бойки,
Имѣли каждой из нас по двѣ портомойки,—
Одну для суботы, другу для недѣли,
И носили мы всѣгда рубашки бѣлы;
Потому не было в женѣ и нужды,
А толко я искал у знатных господ дружбы.
Сія моя речь конечно вам внятна:
Потому то и наша жизнь была нам пріятна!
Я оженясь чадами веселится буду
И монашескую жизнь вовся позабуду!
Каковых вы о сем мыслей, того я не знаю,

Но я в мирѣ болше найти спасенїя чаю.
За сим пора нам в кельи ступати
И до перваго іюля судбы ожидати!

Милостивый государь!

Вы меня знаите, непременно чаю,
Для того и имя своего тут не изясняю.
Любопытство же ваше и впред доволствоват буду,
И вашим покорным слугою пребуду.

Конец.

Прибавок к плачу кіевских монахов

О, отцы-монахи, сколь вы жалостны стали,
И под какой нещастный жребій нынѣ подпали,
По которому уже не можно вам рабами повѣлѣвати,
А знать, что должно самим вам к работѣ привыкати!
Ползоватся же будите развѣ толко тѣм,
Что вперед сего естьли запаслися чем.
А то знайте, честныя отцы-монахи,
Что без прибавки к старому скоро не станет у вас и рубахи.
Ах, как вы нынѣ кажитесь мнѣ печалны и смущены,—
Знать, что ето не прежнѣе время вам быть до судов допущены!
А лутче бы вам было, естлиб вы посмирнѣя жили,
То бы и деревни ваши вѣчно при вас были.
И видно нынѣ, честныя отцы-монахи,
Не помогают вам и судебныя ваши бумаги;
Но ныне должно уже вам свѣтску тяжбу оставить.
И друг перед другом в монастырѣ себя смиренно должно уже представит.
Также видно, что ни слободы, ниже крестьяне вам не помогают,
А знать, то пришло время, что все от вас отбирают.
Ах, как жалко всякому раставатся ис сокровищем обилным,
Которое собрано домогательством обидным!
Видно также и то, что ни матерьяныя рясы, ниже высокія клобуки вам защита,
Но ото всѣх сторон идѣть к вам нищета.
И уже не тое се время, чтоб вам дорогія напитки пити,
А должно, видно, самим из криниц воду носити;
И ту вмѣсто аглицкаго пива и вина шемпанскаго употребляти,
А дорогїя напитки вовся треба вам забывати.
Из дерева же должно вам своими руками подѣлать деревянныя чаши,
Бо златых кубков не будут имѣть болѣ руки ваши;
И уже не то видно приходит вам время, чтоб крестьян работат заставляти.
А видно, что самим должно к работѣ привыкати!
Кельи мѣсть, дворы чистить и топить грубы,
Хотя же и не охотно, но должо самим по очереди чистить и трубы;
Ис пущей же волной лѣс полно вам истребляти,
Но оной уже время за свои гроши куповати;

Наполнѣнныя же судебныя мѣста тяжебными дѣлами,
Рѣшатся ни в вашу, ниже в монастырскую ползу, но и не самими вами!
Видно, что и то время приходит, чтоб ченцам женится, ✓
Бо уже не возможно будет вам с портомойками обходится.
Но день перваго іюля всё вам покажет,
И по отобранїи от вас всѣх привелѣгїев, что вам тогда свѣт скажет?
Воѣ, жили вѣликолѣпно, скажут тогда вам,
Что уже будет извѣстцо тогда и нам.
Итак, старайтесь теперь, честныя отцы-монахи,
Своими трудами наживать себѣ рубахи!

С. Д. П. К. П. П. 1792-го года.

САТИРИЧНИЙ ВІРШ «1764 ГОДА ДЕКАБРЯ 23 ДНЯ К. Р.» [а]

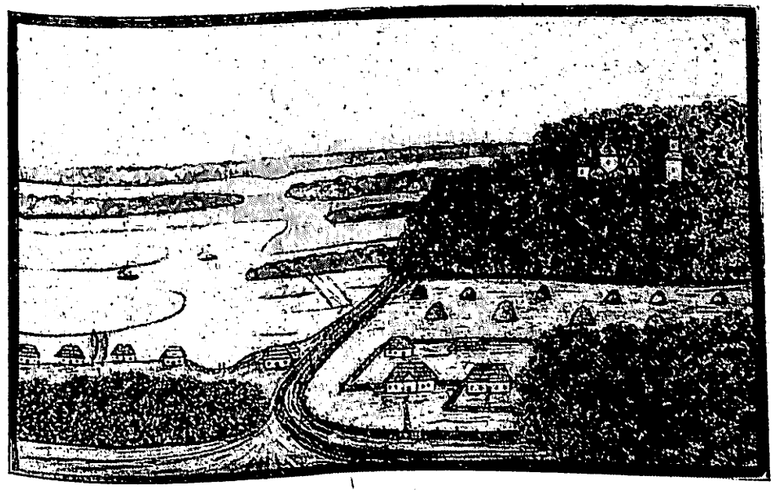
Милостивый Государь!
Вѣдая вашу к наукам охоту,
Посылаю от себе к вам работу.
Она похожа как бы на сатыру,
Толко достойна(ль) явится миру.
Ежели будет она того виду,
Прошу не привесть мени в обиду.
Ежели ж какая дурная машкара,
Здесь содрать, бросить, пусть зчезнет как пара.
Не знаю, с чего панам запрещать пристало,
Чтоб люде не робыли горѣлки нимало,
Или у них постухают толстіе брюхи,
Ежели они наробят немягкой сывухи,
Или в болшом их в корпусѣ умалится зросту,
И пред сим всѣ посполу горѣлку роблялы,
Равно люде хлѣб или, а тѣ пановалы.
Думают ли, что и в нас так как у Погарѣ,
Иной может проседить с вином дней три парѣ.
Иль так, как в Стародубѣ, вкусна (закуска) есть литвину,
Что с похмѣлья за вино отдал бы дитину.

[а] Вірш знайшов у великому збірнику рукописних і друкованих матеріалів XVIII ст. Відділу рукописів Центральної наукової бібліотеки АН УРСР за № 78 п./210 і підготував до друку кандидат філологічних наук Ф. Я. Шолом. (Відомості про сатиричний вірш 1764 р. та повний текст твору взяті з його дисертації «Громадсько-політична поезія XVIII століття на Україні»).

Сторінки даного збірника не пронумеровані, поряд з іншими матеріалами тут оправлені також і чотири аркуші з віршем без назви, підписаним ініціалами «К. Р.» (за невірно прочитаним П. Єфіменком підписом раніше помилково подавалося «К. З.»). Цей значно повніший текст сатири (в порівнянні із списком рукописного збірника № Д. А. 905 л. ЦНБ АН УРСР, опублікованим П. Єфіменком у журналі «Киевская старина», 1882 р., № 3, стор. 543—551) є найближчою копією з автографа невідомого поета. Він переписаний на початку 90-х років XVIII ст. (див. папір з водяним знаком «1792»), що свідчить про велику популярність сатири 1764 р. протягом другої половини XVIII ст. В дужках подані чіткіші варіанти за рукописним збірником № Д. А. 905 л. ЦНБ АН УРСР.

Иль соборному дячку (их) отцу Давиду.
Как хоть кто не знал, то видно из виду.
В нас до неи не так падки, развѣ толко в Сѣчи,
Где иной выхмелится на год всего двѣчи,
А которой безсилок, то толко однажды,
И то в страстну пятницу,— говорю без вражды...
Хорош промысл, когда б так усякому волно.
Промысленников таких было бы доволно...
Кто будет по всему враг в дѣлѣ и в словѣ,
Всякой день ходить пьяним от людской кровѣ.
Всего ж горьшь, когда будет шибеницѣ годный,
Смотри — придают ему и чин благородный:
Что хотя б кто и хотѣл поискать за справы (росправи),
Так тот и в судейской чорт сидит на лавѣ.
Увы! О! отечество, отечество любезно!
В какой ты досталось час горкій и слезной.
Было ль тебе когда-нибудь етое на мысли,
Чтоб тебе всѣ (в сие время) толь бѣды притыслы,
Гдѣ твой мужественной дух, гдѣ скора расправа,
Счесла, умерла, пропала, моль съела иржава!
Теперь яко кто с патроном да денег доволно,
Тому вбить, грабить и разбивать волно,
Всякому, каким схочет торгом промышляты,
Был бы хоть мало востіор (мотор), да к тому богатый.
Когда ж такой кто рѣчи схочет посумнится,
Тот пусть хоть одним оком в Зѣнков присмотрится,
Тут исперво начала видет пан Роговскій Розовский,
А потом милостивець стрѣнет чорт Бутовский Бурковскій,
Что накормили людей и хлѣбом и солью,
Не одного загнали з дѣтми в богомолие (богодоллю),
Но и там не дали жить с покоем без лиха,
Не осталось, с чего сшить и на сунку мѣха.
В того руки острѣйши, нежель ногти в чорта (кокти в чѣрта),
В того зубы болшіе, нежель в болшаго хорта;
Хоть бы рад погладить иль поцыловати,—
Тому нелзя не вколоть, тому треба вдрати,
Тот як был в Зѣнковѣ на долгій час паном,
Человѣк и со сто съѣль с хатами и с барканом,
Хочь рогатый, но не вол и не волк зубатый,
Чорт его знает, як он ел людей и хаты!
Иль зри далѣ за рѣку Псіол в Сорочинцы город,
Сколко тамь в слѣзах сыщешь самых седых бород!
Ни единого не сыщешь малого куточка,
Чтоб гдѣ лиха не была великая бочка,
Но на таких жаль и не жаль, как бы на природу,
Иль на атаист (атеист), что зло дѣлают народу.
Но на таких жаль, что бога и что права знают,
Но как натуралѣсты во всем поступают:
Пан сотник радуется, как ангел хранитель,

Как появится вор иль дѣвства губитель,
До свѣта еще прибѣжить атаман поспѣшно,
Как уже гдѣ есть ловка, нибы что утѣшно,
Добродѣю, хлѣб, гдѣ, как Роман прокрався,
Да Иван Чечекало с дѣвкою попався,
Осполать де тебѣ друг за такие вѣсти,
Малой подай стул атаману сѣсти,
Да налый водки доброй по сребнему стакану,
Будет обеим (обоим), братец, по новому кафтану (каптану),
Как де тот уже всмерку выломил кол с тыну,
А етой, прощайте, Химцѣ народыв дитину.
Но за сіе не треба великого датку,
Пусть обидва принесуть рублей по десятку,
Да потом их испросить, нѣт ли чего горше,
Так в тѣ поры можно взять с их еще и болше.
Ой! было б еще что взять, есть добріе коровы,
А обидва плохи, лишь робыти здоровы.
А хоть бы стали искать, чи в нас не патроны
Судья, писарь, асаул, хорунжій и обозный,—
Для зачину искусных воров выпускають,
И, будто сами втекли, в народ разглашают,
Для покупки лошадей, платья строевого
Козаку нельзя продать грунту никакого.
За воровства ж или бои сотинку в заплату,
Продать волно з грунтом и самую хату.
Говорил бы и болше, но нѣту охоты,
Пусть им кулѣ, порох, войсковые клейноты!
Попы молчать, как гости, будто и не знають,
Толко и дѣла, что громко акафист читають.
Но пущай бы и тое с трелями читали,
Но хоть бы простой рѣчью в том их обличали.
Еще праздник кажуть вперіод за седмицу,
Чтоб люде приносили для просфирь пшеницю,
Не так рад батюшка серед тижня святу,
Как чтоб перепало (то), что отцу Кондрату.
Кадить, молитвы дѣеть, маеть взор набожный,
А мыслить как бы вынесть карман не порожний.
Одним глазом в параклист умыльно взираеть,
Другим в блюдце, гдѣ денги, быстро поглядаеть,
Как у попа к серебру жажда въспламенится,
Ни кутею, ни сытою вовѣк не втолится;
Того не зрить, какіе в людях забубоны:
Тот бога чтить, монастырь, а другой иконы,
Тот мыслить, как не ченцом не можно спастися,
Другому без иконы некому молится,
«Гдѣ твой бог рускій, кричить, что его не выдно,
А в черкас другой рѣчи и говорить стыдно.
Бодай мене лихо все так, как я забула,
Что пьятенка святая, да масла лызнула,

Село Мишоловка і Лаврська «пустинь». Китаєво під Києвом. Малюнок в рукопису де-ля Фліза середини XIX ст. (ЦНБ АН УРСР).

Що послѣ не дѣлала, чого не робыла,
Все додому выплевала, рот водою мыла».
Никакой болшь не смотрить, как етои скверны,
Когда б так всего берег народ правовѣрный.
Спѣшно бѣжить к попу, не теряя время,
Сповѣдуеть, как тяжкое грѣховное бремя,
О худо ж так, смотри, вдарь поклон до поту,
Один раз ѣжь в пяток, а не в суботу.
«Ой, я понедѣлкую и осталась мужа,
Не роблю в пятенку, бо была (в пятницю, бо була) недужа».
Черницы то еще трохи духовные люде,
Как они ушь знакомы, доволно с них буде.
Пред сим было в подземных пещерах кочуют,
А теперь и каменными избами бракують,
За одно ушь добры — гордостію не пьяны,
Хоть в роскошах погрязли, как мѣдь в окіяни,
Как заморить себе бѣдный, да війдеть ис келиѣ,
В силу мертвец за брюхом дойдет до вечернѣ.
Не разсуждають просто, но мислят по духу,
На скрѣпленіе стомаха пьют добре сывуху.
Гдѣ ужь стоить соборный, в началной скважни,
Редкою да горѣлкою смердить на три сажни.
То толко держать себѣ они за святыню,
Чтобы украсить златомъ старую пустыню.
Ставлять в Кловах (Иловах) часовни и льють колоколы,
Так же нищ гладом таеть, не одѣнут, голый.

В суботу да в суботу старцам по полушки,
А для своей болшь рубля на всякой день душки,
Но не вездѣ, там лишь, гдѣ болше корысти,
Что иному в год прийдет болшь рублей нежь двѣсти,
Могли, однак, и там щедро подавать
И ангелскіе рызы в полицію (полицю) скидать;
К чему не могу пристать, ниже иму вѣру,
Будто хлопцѣ их крестять, толко не чрез мѣру.
Есть тое, что читають за их псалтиры,
Бо в соборного их есть два, три и четыри.
За внутреннюю пустыню имеють Триполья,
Гдѣ отправляють добре свои богомолья,
Кои сильнѣйши, идуть іежь и к Василькову,
Потом возвращаются в монастырь изнову,
Как из-за Ордана, з глубокой пустыни,
Полны плодов духовных, полны благостыни;
Иніи и в Рым странствують, тои что на Подолѣ,
Но как папистов выводять оттоль поневолѣ.
Як велить раздѣть чернець бѣдного с кожуха,
Во имя отца и сына, говорить, и духа.
Як отъездить в степь в суседѣ себѣ на погибель,
Мнить, я сын обители, треба чинить прибель.
Адамь столко не плакал, как они рыдали,
Как изгнаніе из вотчин свое послыхали,
Как де тот хоть был изгнан, но изгнан з женою,
Им сидѣть было б в келіи з едною бородою.
Тот имел в своей власти вси полные (полские) звѣры,
Им было б и достались одни книги вѣры (сѣры).
Тот не изгнан (не загнан), но изгнан на земле (и) пространства,
А имь лишь было б глядить в церкви убранства.
Но сколко было плачу, сколко и утраты,
Как велѣли из вотчин скот свой продаваты,
Что стояло трех рублей, за таку скотину,
Велѣли брать всего рубль и одну полтыну.
За позов так держатся, як чорты за душу,
В росстаиь, снѣг, мороз, сліоту идут, как у сушу.
Один, знаю, и теперь лечить праву голень,
Что бѣгал в Глухов, как до воды олень;
Но тот уломыл ногу, другой скосил очи,
Что сидѣл з бумажками ноябрскіе ночи,
Но пущай бы тот хромал, другой смотрил крыво (смотрѣл криво),
Чтоб (Чего б) уже языками говорить (говорити) лживо?
Еще то тот іерей есть Давыд набожный,
А карман тридцать ябед лживых непорожній.
В монастирѣ — дряхлые толко да калѣки,
Всѣ — гдѣ села, мелницы, где с хлѣбом засѣки;
Иль така заслужена и честна особа,
Что уже ей там сидѣть (крайне) неподоба:
Тот уже в монастырѣ молитвы читает,

То в лавках матерю, то чай покупает:
«Что у мене чай, говорит, ни в самом Китаю,
Двенадцатью водами один наливаю,
Смотри жь какой травянист, какой душистой,
Да и сахар, посмотри, самой канар чистой.
Еще одною покупкою тебѣ похвалюся,
Да нѣт ли какой порчи и сам подивлюся:
Не матеріял, ни квѣт, какая же плотына,
Как вы сами скажете: — пзрядная люстрпна?»
— «Почему куповали етую люстрыну?» —
«Стал мнѣ локоть в два рубли (ѣ) п одну полтыну,
Хотѣл было кушты чего подороже,
Хлопець (каналѣю?) сказал, что и в сей мнѣ будет пригоже.
Сей же, толко свѣтлѣшей, брал п Инокентый (тіи),
Сподіюсь, посылаты комусь на презенты;
Он поболш меня взял — я аршин пятнадцать,
А он, постаравшись, взял с лышком двat(д)цять».
Здается мнѣ, говорят в пещерах святіи
К вам, соборныи черицы, в слух слова такіп:
Хоть ваше вездѣ блещить сребро п злато,
Но наше яснѣйшее пещерное блато.
Наши излежанные волосяніи рясы
Дороже, нежель ваши штофы и отласы,
Наши мношвенныи и худые рубы
Крѣпше, нежель у вас люстрына и бархаты грубы».
Сама ограда кричит, самой прах бездушный,
Келиѣ, колокола, храм, на ваш убор бучный:
«Чуть вы, отцы святіи, от рыз, что на тѣлѣ,
По внутренному виду равно не счернѣли».
Казал бы, как носится странная мова,
Что подражают князю подданыи до слова:
Но у нас в резыденціях вездѣ чин исправной,
А найпаче гдѣ живет всяк с нас безопасной.
Всякой из нас бережет толко интереса,
А другое всіо дѣлает горшь самого бѣса.
Один толко и важен (пунить?) первый да вторый,
А болш многим не страшен уже нѣ который.
Убивство и нападки и великое дѣло (Убийство, нападение и всякое дѣло)
С денгами да с патроном отправляють смѣло.
Бѣглой юрист пером ничего не может (как пером ничего не зможет),
Непорожним карманом в том себѣ поможет.
Хоть учует за вину далеку Камчатку,
Но вор ниже ставит денежного взятку,
Знает, что как наберет денег хоть разбоем,
По сей моди чает жить дома и с покоем.
Начто на чужестранных врагов меч острыты,
Когда внутренным врагом попускати житы?
Лучше одного спасти из своих подданных,

Нежели во сто врагов иностранных,
Иначе нѣчим будет надѣлять калѣку,
Бо послѣднюю старшины отнимуть (старшина оттоймет) копѣйку.

Ось слышно в нас будут новы подкоморы,
Когда б лишь с них не были попрежнему воры:
Как будут смотрить себѣ людской корысти,
То хоть бы и зараз их побрали нечисти.
Лучше бы пороки силным истребляты,
Нежель робить горѣлку людем запрещати.
Но когда бог милует и казнит во свѣтѣ,
Можно в поправки худа надежду имѣти:
Дѣлали пред сим бѣды крымскіе татары,
А теперь миновали их смертніи удары.
Слонца, луны, звѣзд, земли вѣрный управитель
Исправит всіо (,) (по) и бѣдных будет защититель.
Потрясет громом страшным круг неба широкой,
И пороки всемѣрно накажет жестоко:
Казнь божія, как кажуть, ходит на костылях,
Но догонит, хоть был бы кто от ней в сто мылях.
Не громкая моя бѣдная коляда,
Полно лежать, ступай в города;
Не очень робей, хоть не сыщешь брата,
Требуют того слѣдующіе свята.
Ежѣли кто спросит, что в город погнало,
Сказуй: у селѣ користи мало.
Не Картезій философ, ни славный Виргилій,
Но поселянин трудился в немаловажном сем дѣлѣ:
Ни ум, ниже способность, но от скуки
Схотѣлось писать сіе, пѣро взявши в руки;
Кто я таков,— не пишу; такая мнѣ примѣта:
Хотя не живу чиновным, не тягну до вуйта.
(Хоть не жив чиновным, не тягну до вѣйта).

1764 года декабря 23 дня К. Р. [а]

[а] На цьому закінчується текст вірша за даним, новознайденим, списком невідомого поета, який підписав твір лише ініціалами «К. Р.».
В рукописному збірнику Центральної наукової бібліотеки АН УРСР за № Д. А. 905 л. після вміщення неповної копії вірша 1764 року, опублікованої П. Єфіменком (див. ж. «Киевская старина», 1882, № 3, стор. 543—551), дописані також слова розгніваного читача, в якого влучив сатирик:

«За сей пашколь, а не сатиру,
Наругателний всему миру,
Іздателя висѣкти кнутом,
Во справность прочим на том;
Послѣ чрез ката предать огню,
Такой заплати достоин, мню.

1764 году
генваря 23
К. І.»

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ХАМА ДАНИЛЕЯ КУКСЫ ПОТОМСТВЕНЫ [а]

Да вжеж наши дворяне гербы посилають,
А що я був дворянин, то то й не знають.
Я надумався й соби пѣсеньку спивати
И дворянство по свойму гербу доказати.
Он у меня герб якій — в деревянім цвити.
Що ни в кого не було в остерськім повити,
Лопата написана держалом у гору
(Побачивши, скаже всяк, що воно без спору),
У середыни грабли, вила и сокира,
Якими було роблю, хоть якая сквира;
Также ципом молотыв, скажу правду матку,
Що аж скинеш було шапку;
Взявши косу на плечи, ходив в косовицю,
А щоб не голодный був, брав и молодицю,
Як же витор, то бижу до млина из поля,
Бо й худоба там моя,— от мини неволя!
Далиж трохи, як рожившсь, той годи робыти,
А надумавсь отдати в школу свои дѣти.
Як вивчились, в суд упхав — учиця писати.
Да вже й того гляди — гостинци давати,
Щоб воны так, як люде, *евстрати*[б] получили,
Бо мене розумные на те паны вчили,
Хоч було и им даси борошна потроху,
А инколи, як уродить, той чвертку гороху.
Як винницю поставив, став гнаты горилку
И за купца у Остер отдав свою дивку,
З казенного мужика зробывся я паном
И дворянство доказав, хоть уже й недаром.
А дали сыны мои стали вси евстраты,
За старшого взяв дочку з маіорскои хаты:
Защож мене неговать, за що волочити,
Коли стали панами ужей мои диты?
Кажуть, що я у выннициу робити не буду,
Сталось лихо на старость, не знаю видкуду:
Греблю до Жуковки зробив через воду,
Да й тут сказалы, що я мужик зроду.
Нехай же й так, що паном мини не буваты;
Дайте рид свий до конца спершу розказаты.
Як стари вики бували,
Як прадид мий був,
Его вси Хамом звали,
Дай сам того я не забув:
И дид у мене був Данило,
Ни що було ему не мило,

[а] Друкується за виданням «Киевской старины», т. І. (1882, січень).
[б] Чины калѣзкии регистра[тори] (примітка в рукопису).

Як тилько у млини сидить,
А батько мій Максим звався
И Данилеем прозивався,
Чого и я хочу просить —
Щоб я Хамовим був внуком,
И Данилеем прозивавсь,
Щоб так горилку пив кубком,
Як батько мій впивавсь,
Щоб минѣ добре пани зробилы,
И так щоб герб мій утвердили,
Як есть в гаи столитний дуб,
Щоб гербовим Хамом звався,
Щоб більше биди не сподивався
И щоб никто не брав за чуб[а].

ОТВѢТ МАЛОРОСІЙСКИХ КОЗАКОВ УКРАИНСКИМ СЛОБОЖАНАМ[б]

Дѣялось за гетмана Павлюка 1638 года, мая дня...

Що там за бис гарчить? Курнявкать, гавкать став,
Гуде, мов рій джмелив, мов гедз теля напав...
Крычить, мов за жывит завина ухватыла,
Або об землю бье когось нечиста сыла?..

Еге! Се ж из степив украинских сей гул!
Завився там якійсь з дощу в болоти мул...
Мов чайки в осоци, мов жабы при болоти,
Знай — квакають: ква, ква! Нема им билш роботы!

Що ж се?.. Яка там твар мемекае: мы, мы!
Ах, трясця ж в його ма! Ривняются з людьми!..
Не тилько ж бо з людьми, а навить з козаками.
Ах, племя гаспидське! Та ми ж вас нагаями!
Що вы швергочете? По-якому сей крик?
Нимота бисова! Чи е у вас язык?

«Мы,— кажуть,— мы, мы, мы, мы — малороссіяне,
Украинци з степив и славни слобожане,
З супликою идем до вас, своих батькив.
Козацькои старшины й зацных козакив,
Щоб вы таки дали и нам якую раду —
Без пастуха ж не буть и нам таки, як стаду.
Не мало ж нас таких — из наших хуторів,
Що з вами ж ризали и туркив, и ляхив.

[а] На першій сторінці є ще малюнок «родословного дерева» та «дворянського» герба Хама Данилея, звідки видно, що всі три його сини стали вже «евстратами», тобто «колезькими реєстраторами».

[б] Друкується за виданням: «Киевская старина», 1884, № 11.

Чим мы не козаки? Ми носим оселедьци
И цюкнем шаблею, коли де доведеться!
Ни шабель, ни рушниць не впустимо из рук.
Нам тілько покажить, де тих шукать гадюк,
Що хочуть скоштовать козацькои одваги?..
А вже мы зварим им густои дуже браги...
Мы щиро служим вам, не так, як наймиты,
Вы ж з нас глузуете: мы все в вас хамуты;
Що все, бач, возим вам и гинем при обози,
В снигах, і в болотах, на сонци й на морози.
Ви живитесь соби, де на войни грабиж,
А нам же що з того? Все їж один куліш!
Не доки ж нам ходить і голим всім і босым:
Пышить нас в козаки, вельможность вашу просим!»

Глянь, погань що верзе?! Плюгавци! Вон, а зась!
До козакив ваш брат николи не ривняйсь!
Так чванилась, и дулась жабалуха,
Хотила стать волом — та й триснула псяюха!
Од жабалухи сей соби б вам приклад взять,
Та й більш до козаків себе б вам не ривнять.

Чим же вы чванитесь? — «От! Мы то слобожаны!»
Ви — так собі щось ат!.. Нехрещені цыганы!
Кортить их в коваки!.. Чи з розумом ся рич?
Не ривня вам козак, не ривня вам и Сич!
Паскудство, пастухи, бездомни волоцюги!
Якои з вас нам ждать против поган услуги?
Вас зараз нападе перерва й переляк,
Як тилько де спотка вас видьма, вовкулак,
А як де на кони побачите вы ляха,
То прудше всих зайцив розбижытесь од страха!
На що вам на себе ждать туркив и татар?
Жыдивский наймит вас потре всих на сухар...
Вас баба помелом звоюе, кочергою,
Батиг здасться вам громовою стрѣлою!

От, бачите сами, вам не пристав сей гам,
Не горло треба драть, а вгамоваться вам.
Пасить соби овець, орите, чумакуйте;
А лизты в козаки и думать не турбуйтесь.
Селите слободы, але платить нам чинш!
А ни,— дак из степив позгоним вас: киш, киш!..
Коли ж ви хочете у нас буть наймитами,
То справим всим штаны з широкими матнями,
Ременни очкури, ременни й постолы.
І пришвы на зиму, щоб боси не були...
...А що там дали пише —
Конець одъили мыши.

ЛѢКАРСТВО НА БОЛЯЩИХ НЕМОЩІЮ ПЬЯНСТВА ИЛИ БАХУСА НОВОИЗОБРѢТЕННОЕ [а]

Вижду тя страждуща очень на похмѣлля.
Бѣда! Згине человѣк, треба искать зѣлья.
І не вѣм, откуду бы прибрати прилѣчна;
Зрѣться в тебѣ болѣзнь в нутрѣ необична.
Да се взродиѣа в тебѣ любима сивуха,
Коей напиваешся ты по самые уха.
Итак болѣзнь сію имѣешь чрез стаканы,
Чрез чаши, кубли, чванцы, полны питія даны.
Немощи сей неулѣчит и салвачна [1] баня.
Развѣ дать треба сего заливаня:
Треба дубовым суком спину шмароваты,
А тресущиеся руки у сук ізвязаты.
Голова ж, которая как не розспадется,
Манистом желѣзным таж да прикуеться!
Еще же и в сальвацію его вести треба:
Закинуть в яму, щоб не видѣл неба.
Их салвовать его три дня поволи —
Сухар давать на день ему, а не болѣ;
А послѣ сего треба вынять его из ямы,
И напоить его сими полезными зѣльями.
Помазать его маслом, тѣм, что з березьев,
Так, чтоб помазаный ни всѣдив, ни влежав.
Сиеж лѣкарство токмо ползует лѣтною порою;
Иначе должно поступить с таким зимою.
Не треба весть его в салвацію тридневну,
Но толко вивесть на стойку дневну
И принудить полчаса стоять на морозѣ
В едной рубашкѣ, чтоб прохолодился сквозѣ.
И так, когда вимерзнет з похмѣлья,
То вишеречнаго дать ему зѣлья;
Буди ж в ком приключится та болѣзнь въдругѣ,
То сим образом врачевать в недугѣ:
Треба сыскать на его мартоваго мѣха,
И закинуть его туди без всякаго смѣха;
Зашить тот мѣх, съверху и положить доли
И в два вьюна его лоскотать доволи
По сем мъху, чтоб болѣзнь не прикрилась,
Ибо в каком кутку не затаилась.
И так сей мѣх отженет хоробу:
Не будет болѣть тѣм до самого гробу.
Внуши сей совѣт умом всяк трезвый,
Пріми про память совѣт полезный!

[1] лікувальна

[а] Друкується за публікацією: *В. Н. Перетц.* Из старинной сатирической литературы о пьянстве и пьяницах. СПб, 1911.

ІВАН ПАСТЕЛІЙ

Пѣснь Пастелія [а]

Пастырю душевный и попе избранный.
Людей просвѣщати от бога данный.
Як же ты их просвѣщаешь,
Кед осквернен сам зостаешь,
Жіючи блудно!

Апостольство тобѣ есть поручено,
Людей просвѣщати от бога дано,
А ты и сам во тьмѣ ходишь,
И всѣх за собою вводишь
Во ров пекельный.

Сам собѣ погибель вѣчну готовишь,
Коли спасительны слова говоришь,
Даешь людем красну науку,
Себѣ на большую муку:
Бо не так творишь?

Тѣсен путь до раю, врата узкыи!
Людем налагаешь посты твердыи,
А сам чревом не владѣешь,
Так ся тучишь, объѣдуешь:
Пьешь, гойнуешь.

Евангельску хвалишь, попе, нищету,
А сам не спомянешь, свою суету,
Коли Гриць — кметь, простакь Иван
Станет попом, думат что пан
Цѣлому свѣту.

Лучше бы ти было чин той не знати
Як пред образ божій и олтарь стати;
Язык ся в молитвѣ трудит,
А помыслы дѣдко водит,
Куда сам ходит.

Іисус твой убогство тебѣ залицал,
Ты бы за богатство и Христа продал;
Люд мизерный утѣсняешь,
Свои скарбы наполняешь,
О душу не дбаешь.

[а] Друкується за публікацією М. Драгоманова в ж. «Житє і слово», т. I, 1894.

Идут, попе, лѣта, прійдет кончина,
Абы тя не застала лиха година!
Глубоко спишь, пробудися,
Заблудил есь, навернися,
Попе, покаїся!

ВІРШІ І. НЕКРАШЕВИЧА

Один із порівняно небагатьох відомих нам па ім'я віршописців XVIII ст. Іван Некрашевич (1742 — після 1796) був студентом Київської академії в 60-х роках, а згодом був поставлений попом у селі Вишеньках па Чернігівщині, звідки, видимо, був родом. Аматор віршування, в 1773 р. він виклав віршами популярний у старій літературі «Спір душі з тілом»; у 1781 р. написав лист до сусіди свого Ів. Филиповича, докоряючи йому тим, що він не повернув узятого у Некрашевича каламарця; до 1791 р. належить другий його віршований лист, де він запрошує Филиповича до себе в гості з сином його Петром і дячком Степаном Криницьким; роком раніше ним написана в формі віршованого діалога між двома селянами Хвилоном і Хвеським жанрова сценка «Ярмарок» і т. д. (всього нам відомо 8 безсумнівних писань Некрашевича, що збереглися в рукописному збірнику другої половини XVIII ст. в Ленінградській Державній бібліотеці ім. Салтикова-Щедріна). Щодо мови твори Некрашевича являють поєднання слов'янщини з народною мовою; щодо стилю — поєднання книжної традиції з народною.

Найцікавіша з написаного ним побутова сцена «Ісповѣдь» (написана в лютому 1789 р.), що жваво зображує відносини між попом і парафіянами і неприємності, які виникають унаслідок взаємного непорозуміння. Автор, звичайно, на боці попа, який намагається просвітити «наївне» в своєму ставленні до церковного культу селянство.

Некрашевичу приписувався ще один твір, який формою й мовою нагадує «Ісповѣдь», але протилежний їй по тенденції,— «Замисл на попа» (інші назви: «Супліка або замисл на попа», «Просьба на попа слободи «Не руш мене» од парахвіян». Найстаріший рукопис 1798 р.). «Замисл на попа» в гумористичній формі зображує причини незадоволення парафіян з свого попа, що бореться не тільки з пияцтвом, але й з усякими найневиннішими проявами народних веселощів. Вважаючи його для себе непідхожим, селяни доручають місцевому дякові написати скаргу («супліку») архієрєєві, щоб той усунув призначеного всупереч їх бажанню попа.

ИСПОВѢДЬ [а]

1789 года февраля—дня

Духовник *(к кающемуся человѣку)*.

Се, чадо духовное, бог здѣ есть пред нами,
Толико оскорбленный нашими грѣхами.
Коликія ты грѣхи чувствуеш собою
Сотворенные пред ним вражьею злобою?
Обяви без утайки мали и велики,
Всегда бо мы грѣшни всѣ, яко человѣки,

[а] Друкується за виданням: *В. Рѣзанов*, Драма українська, вип. VI, К., 1929.

Раз что либо зло сказать, здѣлать иль помыслить,
Вѣчно, а то ж, все грѣшним, что и не исчислить.
Беззаконія всегда творим, хоть нераци,
А не каявшись за то быть должно во адѣ.
Я пастир души твоей,— не скрый предо мною
Ничего, чим когда бог оскорблен тобою.

Исповѣдающійся человѣк.

Що ж, як коли зогрешу, я не так, як люде,
Що іншій ледащо, да ще й звягать буде.
А я хлѣба да соли не збавив нѣкого;
А бѣлше яких грехѣв? нечуюсь ничого.
Горую да бѣдую; хоч хлѣба не маю,
А нѣколи нѣкого я не позываю.
Ой, чи я ж бы бѣдовав, як тепер бѣдую,
Як бы хотѣв грешити, занять реч чужую.

Духовник.

Духовник я нынѣ твой, скорблю я тобою,
Что ты не то говориш, что треба со мною.
Украл когда что нибудь, хоть бы и малое,
То уже и согрѣшил, будет казн за гое.
Ходить в церковь лѣнился, а ходил за дѣлом.
Божился, дурно клялся душею и тѣлом,
Обманул и осудил, пяній был без мѣры,
Ни праздника, ни бога не знал ты, ни вѣры:
Всѣ грѣхи смѣло творил, но незвал грѣхами...
Убойся бога, скажи,— се бог между нами,
Ничего таить предь ним отнюд невозможно,—
Ни помысла, нѣ дѣла, а ни слово ложно.
Испитуяй сердца бог вся видит, вся знает,
Грѣшников и временно и вѣчно карает;
Кающася ж грѣшника прощает во вѣки.
Простить и твои грѣхи, хотяб и велики.
А ты покайся от всѣх, престан впред грѣшити,
То по смерти со Хрістом будеш в небѣ жити.

Духовник *(к женщинѣ)*.

Говори ж еще и ты, что ты согрѣшила,
Чим случайно и когда бога оскорбила,
Различніи суть грѣхи, многи и велики,
Коим повиннїи всѣ, жены й чоловѣки.
ѣздила ль когда вездѣ ворожки искати,
Щастливое мѣсто б знать на постройку хаты?
Шутки кощунные ль ты в вѣселлях творила,
Иль и болше чим скажи, и как ты грѣшила?

Женщина.

Нѣ, отченку, я чесна, й роду не такого,
Як иншее бувае матки й оцця злого.

А мене бо навчили отец муй и мати
Колядувок й щедрювок й бога зухвалятн.
Говѣю я що року, пятюнку шаную.
Нѣ ѣм, нѣ пью, не роблю до вечора в тую.
От бризнуло на губу, як сыр откидала,—
Чого я не робила, ввесь рот полоскала,—
Ісусе, прости мене, грѣшную такую!
А булше я на собѣ нѣчого не чую.

Духовник.

Един бог есть без грѣха,— что ты се говориш? —
А мир весь во злѣ лежит, и ты тожде твориш.

Женщина.

Развѣ ты, паноченку, по собѣ се знаеш,
Що ты у мене грѣхюв так довго питаеш?
Еще ж хиба за те грѣх, що брехнеш, паноче,
Губою немитою,— се ж дѣло охоче.
Яж таки не все й брешу, я чесна собою;
Десь ты по злобѣ почав так крутити мною.

Духовник.

Ісусе преблагїй, с высоты небесной
Призри на недостойный труд мой в сем нелестной!
О, владыко, не стяжи от руки моея
Крови погибших когда из волѣ своея!
Аще б безгрѣшно было, священство б оставить,
Когда неможно никак невѣжов исправить:
Не судится б и себѣ, когда суд послѣдный
Прійдет, а грѣшник тогда во ад пойдет бѣднїй.
Но то горе, ах! что ты осудил за тое,
Что злый раб мнас в землю скрыл, не прирастил вдвое.
А когда так, то и мнѣ надобно трудитис,
Дабы осужденным так в день он не явитис.
Не мое бо дѣло то сердца обращати,—
Довлѣет то для мене, дабы не молчати.
Едина то благодать духа пресвятаго
Хотящаго и святым дѣлает из злаго.

Духовник *(к девицѣ)*.

К тебѣ убо, дѣвице! рѣч я обращаю:
Покайся, то бог простит, и я нынь прощаю.
Раскажи здѣсь подробну, без всякой утайки,
Всѣ грѣхи до послѣдной пустой какой байки.

Дѣвица.

А я що зогрешила,— що я можу знати?
На вечюрки не хожу,— не пускае мати,—

Шѣсть раз мене и торюк моя мати била,
За те, що на юлицю разюв с пять ходила.
Един тулко раз колись пѣсню заспѣвала,—
Да й вигнала из хати, що й не ночювала!
Все ж тепер добре роблю, у грѣхах нечуюс,—
Од тен доби й досѣ усе я шануюс.

Духовник *(к малолѣтным)*.

И вы, дѣти, не крадте, не будте упрями,
Не брешѣте, не бійтесь меж собою сами.

Малолѣтные.

Чи ще ж и мы зогрешим? Нѣ, очче, нечого:
Молимос, бьем поклоны, нечого худого!

Всѣ *(обще ропщут)*.

А що ж то пѣп наш почав всѣх нас так нуждити?
Доки ж уже мы іому будемо терпѣти?
Се ж уже на споведѣ й брехню завдавае,
Коли скаэ хто іому, що грехюв немае.
Опце ж пак, а де іому грехюв таких взяти?
Як нечого не грешив, що ж мае казати?
Чи то мы так грешимо, як и инши люде?
Да абы були люде, а пѣп у нас буде!
И іого б мы за попа всѣ посполу мали,
На проскуры б носили, й іого б шановали.
Нехай бы вѣн перестав тѣлко мудровати.
Що б так по одинцю все всѣх нас споведати.
Еще ж коли б перестав муштровать в причастѣ,
Що од свити закавраш одрѣзав у Настѣ.

Духовник.

Нѣт, возлюбленныи, нѣт, не хотѣте й сами:
Вы йдѣть за духовником, а не он за вами!
Ісус свѣт истинній, свѣта есть податель,
Да просвѣтит же и вас, яко благодатель.
Его познать, то грѣхи познать будет можно,
Покаявшися ж жить с ним,— ей, се есть неложно!

Всѣ роптавшіе.

Коли ж так, дак мы тебе всѣ будемо слухать,
Да позволь сивуху пить да табаку нюхать.
Росказуй тогдѣ що хоч, бо мы всѣ слепыи,
Не знаем, чи за грехи есть кари якїи.
А мы будем пильненко на ус те мотати —
Чи не станем хоч трохи грехюв познавати.
Тепер же, хвала богу, пришов пѣст великій,
В церквѣ не будуть хиба самїи калѣки;
Котрый не був через рюк, тепер побувае

Хоч уперше, коли пѣп людей споведае.
Очи продере свои, побачить все злее.
Що, як, коли зогрѣшив, хоч слово якее.
Ей, богу покаемся, жѣнки й чоловѣки.
Що б у небѣ зо Хрістом царствовать на вѣкп.

ЯРМАРОК [а]

Хвилон и Хвесько

Хвилон.

Оже дай здоров, Хвеско, що ты ярмаркуеш?
що добре тут продаеш, або що купуеш?

Хвеско.

Та мовчи, бра Хвилоне; продав свою клячу.

Хвилон.

А ну, бра, за що ты збув ту шкуру собачу?

Хвеско.

Та оцце, за пов пета изопхнув насилу,
аделе купив собѣ за пов шта кобылу.

Хвилон.

Яж тобѣ давно казав; годи въэ держати:
сѣна зовсѣм не вкусит и стала хромати.

Хвеско.

Э, добре, бра, що тобѣ усюди шанцюе,
усяк не лиха хоче, коли що купуе,
Да не всякому пайдить, хоч и переплатиш,
не тѣлко не заробиш, але й ще утратиш.

Хвилон.

Їо, да се же ты, як бачу, тѣлко праштикуеш,
все гнетесся, а досыть, добре й ты гандлюєш.
А чи въэ пак ты продав воли ген он тіи?
коли нѣ, продай минѣ, даром що слепіи.

Хвеско.

Та продать не даруга, колиб без утрати,
щоб не грызли головы ма жѣнка ке мати.
Дай хиба що я кау, бо въэ ж то тягучи,
хиба тобѣ, бра куме, избреше сын сучій.

[а] Передруковано з книги: «Пам'ятки мови та письменства давньої України», т. 2, вип. І.— Наталя Кістяківська, Твори Івана Некрашевича, українського письменника XVIII віку (Розвідка й тексти), Київ, 1929, стор. 9—10.

Хвилон.

Та ну въэ годѣ тобѣ, зо мною калякать,
лучче продать, нѣж на их гледечи да й плакать.

Хвеско.

Алеж бо то въэ и ты базѣкаеш дурно,
то въэ далибу минѣ аж на серцѣ нудно.
Коли каеш, дак кай; тай будем сватами,
нехай таки ще род'нѣ прибуде миж нами.

Хвилон.

Ну, вступи ж за повштад'пять, дак будем платити,
колиб тѣлко годились у плузѣ робити.

Хвеско.

Куме, слухай: з моих рук щастіе тобе буде,
вони дуже робочи, нехай кауть люде.

Хвилон.

Спасибу ж тобѣ, куме, нумо ж пить горѣлку,
та ще треба землею стерти волам спинку.
Випій же, свату, до дна, щоб воли орали.

Хвеско.

От так, свату, в'гору хвись, щоб тобѣ брикали.

1790 году аугуст 20 д.

ЗАМЫСЛ НА ПОПА [а]

А що свату Охрѣме! Нумо лишен гадати.
Як-би то нам свого попа в шоры вбрати.
Гет вѣн силомѣццю влѣз в нашу парофѣю,
То пѣди-ж ты, як над нами крутит веремѣю.
Чого наши батьки и дѣды не чували,
То щоб мы ему те на сповѣди слебезовали.
Та ще ж то выдумав яку гатѣю,
Щоб мы давали дѣтей у ванацію.

Охрѣм.

Гет я ж вам казав: не дуже лишь вы на ту оковитку.

Свирид.

Хрѣн-же его вгадае, що добрым казався здѣтку.

Харко.

Нема и на свѣтѣ, як наш пѣп був старый,
Що и досѣ згадуе великій и малый.

[а] Текст друкується за виданням «Киевской старины», т. LXVII (1899, жовтень).

Хвилѣн.

Тай будемо, Харку, довго споминати,
Бо вже не будемо такого попа мати.

Пархѣм.

Умѣв-же, Филоне, с людьми обходиться,
Тай було тодѣ де горѣлки напиться.
Уже небѣжчик хоть добре за вѣнчаня драв,
Так добре-ж и людей у хатѣ напував.
Попили, голубчику, тіи оковитки,
Та ще не тѣльки мы, але й наши дѣтки.
А до сіого-ж бо нѣяк и приступиться,
Не тѣлки щоб коли горѣлки напиться.
Хоть за дѣлом прійдеш, то все рило дуе,
А як чого просиш, то мов и не чуе.

Тарас.

Нехай-же то нас уже не шануе,
А то й Ничипора, що ще й титаруе.

Панас.

Вѣн и отамана нѣ ввѣщо не ставит;
Як той що скаже, то вѣн свое правит.

Хвеськo.

Ходѣмо лишень до дяка, та все роскажимо,
Та хорошенько лишень попа уплетѣмо.

Свирид.

Здоров будь, пандяче: як собѣ маеш?
Гет за чим пришли, чому не питаеш?

Дяк.

Панове парофіяне, просимо сѣдати;
Когда в гости пришли, то будем витати.

Охрѣм.

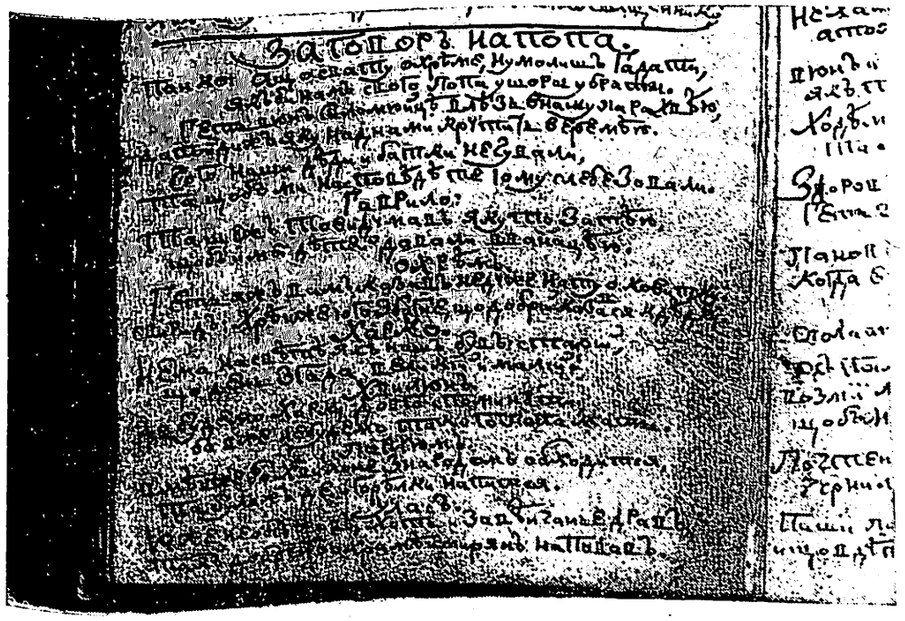
Та сполать, пандяче, за твою ласку!
Послухай лиш нас, яку скажем казку.
Возьми лыш каламар, та напиши круто,
Щоб на попа желѣзне путo.

Дяк.

Почтенные міряне! зволте казати;
Чернилница готова, что будем писати?

Феськo.

Пиши, пандяче, що пѣп нам не велить играти в карти
И що вѣдняв у дѣтей усѣ дѣтскѣ жарти.

Приписуваний І. Некрашевичу твір «Замисл на попа». Сторінка з рукопису кінця XVIII — поч. XIX ст. (ЦНБ АН УРСР).

Дѣвкам не велить ходить на вечорницѣ,
Хиба-ж им небогам постригтися у черницѣ.
Парубкам не велить с дѣвками гуляти,
По чѣм-же им буде молодость згадати?
Наказав праздникѣв, що з пѣвкопы буде,
И щоб жодне свято до церкви ходили люде.

Пархѣм.

А коли-ж, пане свату, будемо робити,
Як будемо що-свята до церкви ходити?
Уже хоть старый пѣп небѣжчик не вмѣв ванаціи,
Тай не було тогдѣ такои затѣи.
До церкви ходили не жодной недѣли,
Говѣли тѣлько тѣ, которѣ хотѣли,
А сей-же бо велить и цѣтям говѣти,
И щоб конче дѣтей «вѣрую» учили,
Хто очепаша не вмѣе, то й не причащае.

Луцькo.

Хоть е за що, хоть нема, то й сажае в куну,
Ось як посадив и Хѣврю, мою куму,
За те тѣлки, выбачте, що угрѣвшилась, як дѣжу мѣсила,

Отож бо цѣлый день у кунѣ сидѣла.
А Левка старого за те тѣлки в кунѣ держав,
Що тѣлки неборак с кумою жартовав.

Артем.

Тай мене самого в куну пригрунцював,
Що тѣлко смѣявся, як вѣн казань казав.
Харченка Терешка вѣддав на покаянье,
Що тѣлко угрѣшивсь на Андреево стояня,
А Стецьковѣ Хамурѣ и паски не святив,
Що тѣлки неборак сѣмь рѣчкѣв не говѣв.

Омелько.

Тай Петра Батыря в куну посадив,
Що тѣлки до церкви пять рокѣв не ходив.
Педоря перед причастям тѣлко квашѣ покоштувала
Стѣижебо[a] и за те в кунѣ стояла.

Сергѣй.

Тай Хомѣ нетязѣ причастя не дав,
Що идучи до службы горѣлку коштував.
Солоха Федкѣвна дитину приспала,
Говѣла цѣлый пѣст и в кунѣ стояла.
А Иско в пятницю скорому наѣвся,
Та и за те в кунѣ добре насидѣвся.
А Кирик Левченко не втѣк того сорома,
Що женився на Стеси, а вона іому кума.

Яцько.

Тай Левко Хутепа три днѣ в кунѣ сидѣв,
Що люльку тяг тогдѣ, як говѣв.

Грицько.

Тай же и Кулины Покрова не вкрила,
Що без чоловѣка дитину родила.
А Процько за куму хотя у кунѣ не сидѣв,
То на саме-ж рѣздво увесь день поклоны быв,
Зѣчець з родичкою тѣлки женыхався,
Тай за те неборак у куну попався.

Педько.

Пиши ще й се, пандяче, що не велить челядѣ колядовати,
На улицю ходити и на купалах скакати.
Дѣвкам не велить вѣнка робити,
Щоб не грати в карти, а в шинк не ходити.
А чому-ж небѣжчик не тѣлки на купала ходив,
Але й навкулачки, що не один було от іого лѣзе рачки.

[a] В іншому списку: «отжебо».

Отиж бо сей не йде и нас не пукае,
Тѣлко в церквѣ з дяком що день галасае.
А старый небѣжчик не раз в шинку и христив
Дитину, на купалах скакав и колядовати ходив,
По весѣлях було не тѣлки старостуе,
Хоть у приданах ще було и дружкуе.
А вѣнчав небѣжчик не тѣлко с кумою,
Хоть бы хто десь прійшов из рѣдною сестрою.
Да вжеж вѣн покѣйник не менш грѣхѣв знав,
Та парафѣян своих так не мурдовав.
Вѣлно тодѣ було що хотѣть робити,
Не принуждав, царство іому небесне, до церкви ходити.
И лихословищ тодѣ мы не вмѣли,
Отиж бо насущный хлѣб ѣли.

Охрѣм.

Тодѣ, пане Педьку, и бѣг лучше годив,
Гет сѣлкись що народ до церкви не ходив,
А при сіому-ж бо и бѣг не став годити.

Тишко.

Бо стали дѣтей ванацѣи учити.

Лаврѣн.

Гет правду казала небѣжчиця Настя,
Що не буде народ бѣлше мати щастя.

Супрун.

Бо вона бачила, як замѣрала,
Що пятѣнка святая пречистои прохала:
Перестали-ке, пречиста мати, менш шановати,
Не дай же мірянам щастя и долѣ мати.

Ярема.

Бо вже швидко мусить кѣнець вѣку мати,
Коли вакацѣйники стали попувати,
Через их нѣколи мірянам и погуляти,
Так коли-ж пятѣнку святую шанувати?
Та вже так прійдется ходить без сорочок,
А ще-ж то треба и вѣддавати дочок.
Гет як бодня порожня, то нихто не загляне,
Той дѣвоцтво их як трава завяне.
Чи любо дивиця на вѣрну Стецѣвну,
Що волос посѣдѣв, тай не знайде собѣ рѣвню,
Бо тепер без вѣна вже й нѣ до порога,
Ось як дѣвуе и вѣцна (?) небога,
Що й на свѣтѣ до неи нихто не загляне
Гет тим, що в боднѣ ничего немае.

Луцько.

Прійдется и нашим дочкам дѣвовати,
Коли буде довго сей пѣп попувати.

Нечипѣр.

Не бѣся, пане Луцьку, не буде довго попом,
Як пѣдем до хурхурея [1] вси гуртом,
Та як роскажем, як вѣн нами крутит,
То зараз и іого до себе прицупит,
Або й суплѣку оцю як розбере,
То й може самого попа до рук прибере;
Та як крутопопы попросим старого,
То не бѣсь, зараз нам дадуть другого.
Та як роскажем, годѣ іому мірянам
За шкуру сала лити, вивчим іого, як попувати,
Буде вѣн знати, як шановати
Мірян, як одвѣдае хурхурейских барбар.

Антѣн.

Коли-б, Нечипоре, хоть по шостаку зложили,
Та пѣдсунули хурхуреевѣ, щоб іого доступили.

Панас.

Тай крутопопѣ треба щось дати,
Бо правду казала небѣжчиця мати,
Що без грошей нѣ до пана,
Як без сукна до гетьмана.

Іовтух.

Правду оце ты, пане куме, кажеш,
Бо ѣхать легко, як вѣз пѣдмажеш.

Онисько.

Пѣдѣть лишень, кликнѣть мого кума,
Та попросѣть сюди Безпалка Наума;
Вони люде старѣйши и всюди бували,
То може-б щось таке и воны сказали;
Чогось вони и сами сюди чимчикують.
А читай лиш, пандяче, нехай и вони почують.

Дяк *(читає)*.

В бозѣ преосвященнѣйшему, над владыками владичествующему, божіей церквѣ, яко Христовой невѣсты, украсителю, божіих велѣній истолкователю, пресвитеров премудрѣйшему учителю, всѣх бѣдных защитителю всякой доброй надежды, епископствующему епархіи новоглядинской архипастырю, цару Своевольскому от православных села Нерушменя парафѣян, пресвитеру Планенной церквп премного грѣшных рабов твоих.

[1] архієрея

Демко.

А що-ж оце вы пописали,
Адже-ж вы сами себе звязали!
Гет вѣн не сам сѐ крутить,
А все іого пан сотник наш учит.

Супрун.

Да вѣн же іого сюды и втоптав.
Дай за іого свою годованку вѣддав.

Терешко.

Та вже-ж таки хоть грунты позбуваем,
А таки іого з попѣвства зопхаем.

Демко.

Та гляди лиш ты, Терешку, не дуже лиш тупай,
Та перше старых людей послухай,
Треба перше сотника схвасовати[1],
Та тодѣ будем и на попа прохати.

Наум.

Уже, Терешку, не сыпати против сыпи пѣском,
А через позов будемо ходити пѣшком.

Тимѣш.

У их грошей багато, та вони розумнѣ люде,
Куди пѣди, то ѣх право буде.

Педько.

Нехай-же іого недобре опануе,
Коли нам на лихо пѣшло, нехай коверзуе.

Наум.

Ходѣм лучше могоричу пити,
Чѣм маемо чорт знае що робити.
Та кликнѣте пандяка, нехай випье чарку.

Пархѣм.

Иди за нами, пандяче Марку!

Дяк.

Благодарю покорно за вашу ласку, за ваши привѣты,
Иде панамар до церкви звонити.

[1] усунути з посади

ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ К ІВАНУ ФИЛЁПОВИЧУ [a]

Напрасно между людми тое слово сливет,
что поп, что видит в'людей, тотчас в'карман берет.
Ибо не вездѣ оно силу ту имѣет.
Собственнаго бо другой защитить не смѣет.
А чтоб чуждое что взять, то во вся опасен,
и людскій бо поговор честным всегда страшен.
Вашець же, видно, не поп, також ни попович,
но совсѣм прост человѣк, Іван Филѣпович,
Да не простую должность на себя пріймаеш
и завременно уже дѣйствовать всчинаеш.
Ах, как кажется весма знатной тот прибиток
себѣ что нибудь взымать, другим дать убиток.
Когда б толко всякому тое дѣлать волно,
промысленников таких было бы доволно.
Но многим когда не грѣх, то стид возбраняет:
тѣм чуждаго присвоить всякой не дерзает.
Когда ж случится, в' кого взявши, потеряти,
без требованія тот тщится отдавати.
Вашец же как мало кто, в дому с вас случился,
взял на то мой каламар, чтоб там и залился.
На прошеніе ж о том ни мало взыраеш,
да, как на подданного, с гордостью рыкаеш.
Думал же я, что грабѣж за панщину взято,
да на тож есть десятник, того бы послато,
А не самому ходить грабѣж в' меня брати;
когда не послан слуга, ни стал пановати.
Да еще ж знать позабил книг в' позыку взяти,
будто прочитать, а мнѣ чтоб болш не видати.
Имѣю я тестамент, лѣтопись ростовскій,
библію священную, мал труд богословскій
И другіе книжицы; когда хочешь взяти,
Прійди развѣ как сами мали будуть в' хатѣ,
И скажешь, что «потерял, что мнѣ можеш здѣлать?
я платить ненамѣрен, изволь тое вѣдать».
О, хорош такой ответ, толко безполезный;
многим был посля за то конец почти слезный.
Не чернильница моя мене принуждала,
чтоб рука моя сіе к' тебѣ написала,
Но слова твои и нрав, гордостью надменный:
Ставиш, что я пред тобой совсѣм вничиженный.
Гордился сказать, «прости, я хочу откупить»;
Отѣчал бы я, «изволь себѣ в' том не трудить».
И так бы оно было, по честных примеру;
сих бо то должно всегда навикать манеру.

[a] Цей і наступний вірш передруковано з книги: «Пам'ятки мови та письменства давньої України», т. 2, вып. І — Наталя Кістяківська, Твори Івана Некрашевича, українського письменника XVIII віку (Розвідка й тексти), Київ, 1929.

ПИСЬМО, ПИСАННОЕ К ГНѢДИНСКОМУ СВЯЩЕННИКУ ЮАННУ ФИЛЁПОВИЧУ И К ЕГО СЫНУ ПЕТРУ, И К ДЯЧКУ СТЕФАНУ КРИНЁЦКОМУ

Отец Іван,
Петро й Степан
з своими жёнками,
просим до нас,
хотя на час,
пріёхать Святками;
Будем гулять
и зухвалять
рожденного Бога —
уже от вас
просто до нас
зроблена дорога.
Заспѣваем
хоть над чаем,
випьем калинювки;
поговóрим,
что сотвóрим,
тут же з нами й жёнки.
На колодѣ
о пригодѣ,
що будем на свѣтѣ;
а чи спати,
чи гуляти
або що робити.
Все то нужно
як досужно;
теперь не до тóго:
не робити,
но спочити,
треба дня святного.
Да то не нам,
знаеш и сам,
бо у нас заботи;
бѣлш святного
нѣж простого
дня бувá роботи:
Да вжеж з тóго
нам такóго
не розсѣстись лиха,
треба святом,
с кумом, братом
погулять изътиха.
Пріезжайте,
поздравляйте
щоб нам дочекати,
веселенко,

здоровенко
ище праздновати.
А мы разом
усѣ скажем,
из вами посполу,
бѣлш не вмѣем,
що запѣем,
не ходили в школу.
Сядем дружно
все окружно
за столо́м у хатѣ,
хоть не пан'ско,
да й не хамско
будем розмовляти.
А миж ти́ми,
рѣчми всѣми
то чим заѣдати,
то по чарцѣ,
то по парцѣ
будем запивати.
Разгулявшись,
розмахавшись,
того ище й мало,
выпьем опять,
хоть и по пять,
абы тѣлько стало.
Як не стане,
то достане;
бат'ко або мати;
однак честно
и нелестно
не выженем с хати.
Насидѣвшись
и напившись,
расходицця станем;
хто из нами,
а хто з вами,
усѣ разом грянем.
Нехай усяк
познае, як
жить любезно треба;
попы усѣм
должни таким
зробить путь до неба.
Бо вже усяк
словам не так
повѣрить исхоче;
лучче як сам
искаже нам

вѣру вже паноче.
Твоим дѣлам,
а не словам,
що ты поучаеш;
як добрый сам,
то вже й нам
Бога ублагаеш.
Так зробѣмо,
научѣмо
хрест'ян любо жити.
Самым дѣлом
введем смѣло
у небесни клѣти.
Будем з ними,
вѣчне всѣми
в небѣ кучова́ти;
пиво нове
з ребр Хрістовых
будем попивати.
Писав Іван,
бо вмѣе сам —
навчився у школѣ.
Годѣ писать;
як прозывать —
вѣн вам всѣм знакомый.
1791 г. дек. 19 д.
На конверті напис:
Отцу Ивану
дать, як пану,
у власніи руки;
пусть читае
и сполняе,
щоб не було́ скуки.

Г. С. СКОВОРОДА

(1722—1794)

Григорій Савич Сковорода, видатний український філософ і поет, був син малоземельного козака села Чернух на Полтавщині. Діставши початкову освіту в місцевій народній школі, 16 років вступив до Київської академії, де вчився з невеликою перервою до 1750 р. Наполегливо працюючи над філософією, класичними літературами і мовами, Сковорода в академії ознайомився з великими ідеями відродження й гуманізму. 1750 р. Сковорода виїхав за кордон в почті генерал-майора Вишневського; там він подорожував від університету до університету, побувавши в Австрії й Угорщині (у Відні, Офені, Пресбургу та ін.). Повернувшись з-за кордону (в 1753 р.),

Сковорода незабаром став у Переяславському колегіумі вчителем поетики, але оригінальний курс Сковороди не подобався переяславському єпископові, вихованому на польських силабічних віршах, і через конфлікт Сковороду було звільнено.

Пізніше Сковорода викладав в Харківському колегіумі поетику (1759 р.), синтаксис і грецьку мову (1760 р.), етику (1766 р.). Але викладання Сковороди, що сам був вихідцем з народу і виступав носієм ідей народолюбства всупереч середньовічній схоластиці і клерикалізмові, викликало гострі суперечки з духовною владою, і через цькування Сковорода кілька разів залишав колегіум.

У 1769 р. Сковорода остаточно відмовляється від будь-якої офіціальної служби і вибирає собі життя мандрівного філософа-просвітителя, що було своєрідним протестом проти пануючого ладу з його розбещеністю й гонитвою за наживою.

Сковорода помер 29 жовтня 1794 р. в селі Іванівці на Харківщині.

Сковороді належить ряд філософських трактатів: «Наркісс» («Узнай себе» — коло 1767 р.), «Асхань» (1767 р.), «Разговор называемый алфавит или букварь мира» (1775 р.), «Разговор дружескій о душевном мирѣ» (коло 1772 р.)., «Брань архистратига Михайла со сатаною» (1783 р.) та ін. Художня спадщина Сковороди складається з віршів, зібраних головним чином у книзі «Сад божественных пѣсней», і збірки байок, яку Сковорода назвав «Басни Харьковскія».

За життя твори Сковороди не друкувалися, поширюючись у списках. У 179[illegible] при Академії наук була видана книжка під назвою «Библиотека духовная, содержащая в себе дружеские беседы о познании самого себя», де вміщено було трактат Сковороди «Наркісс» без імені автора. В 1806 р. в журналі «Сионский вестник» надруковано твір «Начальная дверь». Філософські твори Сковороди друкувалися в 1837—1839 рр., а в 1861 р. в Петербурзі вийшла збірка під назвою «Сочинения в стихах и прозе Григория Савича Сковороды». В 1831 р. в журналі «Телескоп» вперше надруковані були три пісні із «Сада божественных пѣсней». «Басни Харьковскія» вперше надруковано в 1837 р в Москві.

Наведені тексти творів Сковороди взято з видання: «Григорій Сковорода, Твори в двох томах, Видавництво АН УРСР, К., 1961.

САД БОЖЕСТВЕННЫХ ПѢСНЕЙ, ПРОЗЯБШІЙ ИЗ ЗЕРН СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ [а]

Пѣснь 9-я

Голова всяка свой имѣет смысл;
Сердцу всякому своя любовь,
И не однака всѣм живущим мысль:
Тот овец любит, а тот козлов.
Так и мнѣ вольчость одна есть нравна
И безпечальный, препростый путь.
Се — моя мѣра в житіи главна;
Весь окончится мой циркуль[1] тут...

[1] життєве коло

[а] До збірника «Сад божественных пѣсней» увійшло 30 віршів, написаних між 1757 і 1782 роками. Ми подаємо лише частину збірки.

Пѣснь 10-я [а]

Всякому городу нрав и права;
Всяка имѣет свой ум голова;
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкус каков,
А мнѣ одна только в свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не йдет с ума.

Петр для чинов углы панскіи трет [б],
Федька-купец при аршинѣ все лжет.
Тот строит дом свой на новый манѣр,
Тот все в процентах, пожалуй, повѣрь!
А мнѣ одна только в свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не йдет с ума.

Тот непрестанно стягает грунта,
Сей иностранны заводит скота.
Тѣ формируют на ловлю собак,
Сих шумит дом от гостей, как кабак,—
А мнѣ одна только в свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не йдет с ума.

Строит на свой тон юриста права,
С диспут студенту трещит голова [в].
Тѣх безпокоит Венерин амур.
Всякому голову мучит свой дур,—
А мнѣ одна только в свѣтѣ дума,
Как бы умерти мнѣ не без ума.

Смерте страшна, замашная косо!
Ты не щадиш и царских волосов,
Ты не глядиш, гдѣ мужик, а гдѣ царь,—
Все жереш так, как солому пожар.
Кто ж на ея плюет острую сталь?
Тот, чія совѣсть, как чистый хрусталь...

Пѣснь 12-я

1. Не пойду в город богатый. Я буду на полях жить,
Буду вѣк мой коротати, гдѣ тихо время бѣжит.
О дуброва! О зелена! О мати моя родна!
В тебѣ жизнь увеселенна, в тебѣ покой, тишина!

[а] Пісня 10, як гостра сатира на сучасний поетові лад життя, була надзвичайно популярна (її співали під акомпанемент бандури) і дійшла в різних варіантах до наших часів. Цю пісню використав Котляревський у «Наталці Полтавці».

[б] Після скасування Катериною II (1764) старої козацької автономії козацька старшина прагнула набути дворянських привілеїв і чинів, які ставили її поруч з російським панством, даючи права на володіння грунтами та кріпаками.

[в] Натяк на диспути схоластичного характеру, що за традиціями єзуїтських шкіл часто відбувалися в Харківському колегіумі та Київській академії.

2. Города славны, высоки на море печалей пхнут.
Ворота красны, широки в неволю горьку ведут.
О дуброва! О зелена! и прочая.

3. Не хочу ѣздить на море, не хочу красных одеж:
Под сими крыется горе, печали, страх и мятеж.
О дуброва!.. и прочая.

4. Не хочу за барабаном ити плѣнять городов,
Не хочу и штатским саном пугать мѣлочных чинов.
О дуброва! и прочая.

5. Не хочу и наук новых кромѣ здравого ума,
Кромѣ умностей Христовых, в коих сладостна дума.
О дуброва! и прочая.

6. Ничего я не желатель кромѣ хлѣба да воды,
Нищета мнѣ есть пріятель — давно мы с нею сваты.
О дуброва! и проч.

7. Со всѣх имѣній тѣлесных покой да воля свята,
Кромѣ вѣчностей небесных, одна се мнѣ жизнь свята.
О дуброва!.. и проч.

8. А естли до сих угодій и грѣх еще побѣдить,
То не знаю, сей выгоды возможет ли лутче быть.
О дуброва!.. и проч.

9. Здравствуй, мой милый покою! Вовѣки ты будеш мой.
Добро мнѣ быти с тобою: ты мой вѣк будь, а я твой.
О дуброва! О свобода! В тебѣ я начал мудрѣть,
До тебе моя природа, в тебѣ хощу и умрѣть.

Пѣснь 13-я [a]

Ах поля, поля зелены,
Поля, цвѣтами распещренны!
Ах долины, яры,
Круглы могилы, бугры!

Ах вы, вод потоки чисты!
Ах вы, берега трависты!
Ах ваши волоса, вы кудрявые лѣса!

Жайворонок меж полями,
Соловейко меж садами;
Тот, выспрь летя, сверчит, а сей на вѣтвах свистит.

[a] O fortunatos nimium, bona si sua norint, agricolas! Virg II, Georg Vers 458 (прим. Сковороди). Тут припущена помилка — у Вергілія ця фраза звучить так: O fortunatos nimium, sua si bona norint, agricolas! [О, які щасливі були б хлібороби, збагнувши блага свої! — Вергілій, Георгіки, кн. II, вірш 458].

А когда взойшла денница,
Свищет в той час всяка птица,
Музыкою воздух растворенный шумит вкруг.

Только солнце выникает,
Пастух овцы выганяет
И на свою свирѣль выдает дрожливый трѣль.

Пропадайте, думы трудны,
Города премноголюдны!
А я с хлѣба куском умру на мѣстѣ таком

Пѣснь 18-я

Ой ты, птичко жолтобоко,
Не клади гнѣзда высоко!
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравке.
От ястреб над головою
Висит, хочет ухватить,
Вашею живет он кровью
От, от! кохти он острит!
Стоит явор над горою,
Все кивает головою.
Буйны вѣтра повѣвают,
Руки явору ламают.
А вербочки шумят низко,
Волокут мене до сна.
Тут течет поточок близко;
Видно воду аж до дна.
На что ж мнѣ замышляти,
Что в селѣ родила мати?
Нехай у тѣх мозок рвется,
Кто высоко в гору дмется,
А я буду себѣ тихо
Коротати милый вѣк.
Так минет мене все лихо,
Щастлив буду человѣк.

Пѣснь 19-я

Ах ты, тоска проклята! О докучлива печаль!
Грызеш мене измлада, как моль платья, как ржа сталь.
Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!
Гдѣ ли пойду, все с тобою вездѣ всякій час.
Ты, как рыба с водою, всегда возлѣ нас.
Ах ты, скука! ах ты, мука, люта мука!
Звѣряку злу заколеш, естли возмеш острый нож,
А скуки не побореш, хоть мечь будет и хорош.
Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!

Добросердечное слово колет сих звѣрей,
Оно завсегда готово внутрь твоих мыслей.
Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!

Христе, ты — меч небесный в плоти нашея ножнах!
Услыши вопль наш слезный, пощади нас в сих звѣрях!
Ах ты, скука, ах ты, мука, люта мука!
Твой нам свышше глас пресладкій, аще возревет,
Как молнія, полк всѣх гадких звѣрей ражженет,
Прочь ты скука, прочь ты, мука с дымом, с чадом.

Сложенна 1758 г. в степах переясловских в селе Кавраѣ.

Пѣснь 23-я

О дражайше жизни время,
Коль тебя мы не щадим!
Коль так, как излишне бремя,
Всюду мещем, не глядим!
Будто прожитый час возвратится назад,
Будто рѣки до своих повернутся ключей,
Будто в наших руках лѣт до прибавки взять,
Будто наш з безчисленных составленный вѣк дней.

Для чего ж мы жить желаем,
Лѣт на свѣтѣ восемсот,
Ежели мы их теряем
На всякій бездѣлиц род?
Лутче час честно жить, неж скверно цѣлый день,
Лутче один день свят от безбожнаго года,
Лутче один год чист, неж десяток сквернен,
Лутче в пользѣ десять лѣт, неж весь вѣк без плода.

Брось, любезный друг, бездѣлья,
Пресѣчи толикій вред,
Сей момент пріймись до дѣла:
Вот, вот, время уплывет!
Не наше то уже, что пройшло мимо нас,
Не наше то, что породит будуща пора,
Днешній день только наш, а не утренній час.
Не знаем, что принесет вечерняя заря.

Естли ж не умѣеш жити,
Так учись фигуры сей!
Ах, не может всяк вмѣстити
Разум хитрости тоей.
Знаю, что наша жизнь полна суетных врак,
Знаю, что преглупая тварь в свѣтѣ человѣк,
Знаю, что чѣм живет, тѣм горшій он дурак,
Знаю, что слѣп тот, кто закладает себѣ вѣк.

Rogatus quidam philosophus: quid esset praetiosissimum? Resp[ondit]: tempus [1].

[1] Коли спитали філософа, що найцінніше, він відповів — час.

Пѣснь 24-я[a]

Римскаго пророка [1] Горатія, претолкованна малороссійським діалектом в 1765-м годѣ. Она начинается так: Otium divos rogat in patenti [2] и пр. Содержит же благое наставленіе к спокойной жизни.

О покою наш небесный! Гдѣ ты скрылся с наших глаз?
Ты нам обще всѣм любезный, в разный путь разбил ты нас.

За тобою то вѣтрила простирают в кораблях,
Чтоб могли тебѣ тѣ крила по чужих сыскать странах.

За тобою маршируют, разоряют города,
Цѣлый вѣк бомбардируют, но достанут ли когда?

Кажется, живут печали по великих больш домах;
Больш спокоен домик малый, естли в нужных сыт вещах.

Ах, ничем мы недовольны — се источник всѣх скорбей!
Разных ум затѣев полный — вот источник мятежей!

Поудержмо дух несытый! Полно мучить краткій вѣк!
Что ль нам дасть край знаменитый? Будеш тоже человѣк.

Вить печаль вездѣ лѣтает, по землѣ и по водѣ,
Сей бѣс молній всѣх быстряе может нас сыскать вездѣ.

Будьмо тѣм, что бог дал, ради, разбиваймо скорбь шутя,
Полно нас червям снѣдати, вить есть чаша всѣм людям.

Славны, напримѣр, герои, но побиты на полях.
Долго кто живет в покоѣ, страждет в старых тот лѣтах.

Вас бог одарил грунтами, но вдруг может то пропасть,
А мой жребій с голяками, но бог мудрости дал часть.

Nihil est omni parte beatum [3]. Есть чаша всѣм людям.

O DELICATI BLANDA ETS

О селянскій милій, любій мой покою
Всяких печалей лишенній!
О источников шум журчащих водою,
О лѣс темній прохлажденній,
О шумящы кудры волосов древесних,
О на луках зелень красна,
О самота мати ради дум небесних,
О сумна тихость ужасна,
Где развѣ глас толко птичое дает воле
Да сопѣлка пастухова,

[1] поета (лат. vates) [2] просять тиші в богів у молитві [3] немає нічого всебічно щасливого

[a] Вільний переспів оди Горація «Помпею Гросфу», сіцілійському вершнику, другові поета.

Как вигонит овцы в благовонне поле,
Или в дом пригонит знова!
О мой сголик малій ни скуп, ни излишній
Стравмы селскимы набратій!
Ни тѣ, чтоб господскій раздражнить вкус пишній
Кухар присмачил нанятій,
Но что синам з батком, наспѣвшим з оранья,
Сама варит мати в домѣ.
О бібліотеко, ты моя избранна,
О немногим книги чтомы!..

ПОХВАЛА АСТРОНОМІИ

(ex Ovid. Fast.) [а]

Щасливы, кои тщились еще в вѣк старинній
Взвесть ум виспр и примѣчать звѣздних бѣгов чины.
Можно вѣрить, что оны, всы земніи здоры
Оставя, взойшли сердцем в небесніи горы.
Не отвлекло сердец их угодіе плоты,
Ни воинскіи труда, ни штатскы заботы,
Ниже безмѣрних богатств примапчивы лесты.
Придвинув пред очы нам, здѣлали извѣстны
И подвергли под ум свой теченія звѣздны.
Так-то должно восходить на кругы прегорны.
Не так, как исполины когдась богоборны.

DE LIBEPTATE [1]

Что то за волность? Добро в ней какое?
Ины говорят, будто золотое.
Ах, не златое, если сравнить злато,
Против волности еще оно блато.
О, когда бы же мнѣ в дурнѣ не пошитись,
Дабы волности не могл как лишитись.
Будь славен вовѣк, о муже избранне,
Волносты отче, герою Богдане[б] !

ODA HORATIANA (LIBRI II, XVI) DE ANIMI TRANQUILLITATE [в]

Купец покоя сладка бога просит,
Когда по морю его вихор бросит,
Как луну облак и звѣзды преясны
Скрил пріужасній.

[1] Про волю
[а] З поеми Овідія «Фасти».
[б] Присвячено Богданові Хмельницькому.
[в] Ода Гораційова (кн. II, 16) про спокій душевний.— Вільний переклад оди Горація до Помпея Гросфа.

Просит покоя в войнѣ турчин бѣшен
И красним луком китаец обвѣшен,
Но ниже, друг мой, драгая порфира
Даст нам внутрь мира,
Не бо царска власть или злата полній
Сундук усмирит душы бѣдны волны,
Ни приутишит живущіи вздохы
В красном порогѣ.
Сладка покоя нищета есть маты,
Где лишних в домѣ вещей не видати,
Где не мѣшает ниже страх сна сладка,
Ни похоть гадка.
Почто толь много сій червь замишляеш,
Зачѣм на воздух чужій поспишаеш?
Что ползы бросит природніи страны?
Брось нрав твой странній.
Печаль глупа и на корабли восходит
И проницает на далны походы,
Еленей легких она всѣх бистрѣе,
Вѣтров скорѣе.
Будь сит тѣм, что ест, не печись на утро,
Потѣшай смѣхом твою гореть мудро,
Знай, что ничто же совсѣм есть блаженно,
Но з злим смѣшенно.
Знай, что преславны пошли в прах герои
И, сто лѣт живши, лежат в смертном гнои,
И, может тое твое, что сливется,
Мнѣ доведется.
Волов изрядных у тебя заводы
И чужостранних лошадей природы,
А на одежу тебѣ для прибора
Сукна з-за моря,
А мнѣ судьбина дала грунт убогой
И от муз чистих греческих немного
Духа напитись и пренебрегати
Мір сей проклятій.

РАЗГОВОР О ПРЕМУДРОСТИ

Мудрость и человѣк

Человѣк. Любезная сестра иль как тебе назвать?
Доброты всякой ты и стройности ты мать.
Скажи мнѣ имя ты, скажи свое сама;
Вѣть всяка без тебе дурна у нас дума.
Мудрость. У греков звалась я Софіа в древной вѣк,
А мудростю зовет всяк руской человѣк,
Но римлянин мене Мінервою назвал,
А хрістіанин добр Христом мнѣ имя дал.

Человѣк. Скажи, живеш ли ты и в хинских сторонах?
Мудрость. Уже мнѣ имя там в других стоит словах.
Человѣк. Так ты и в варварских вѣть сторонах живіош?
Мудрость. Куда ты мнѣ, друг мой, нелѣпую поіош?
Вѣть без мене, друг мой, одной чертѣ не быт!
И как же мнѣ, скажи, меж хинцамы не жит?
Где ночь и день живет, где лѣто и весна,
Я правлю это всіо с моим отцем одна.
Человѣк. Скажи ж, кто твой отец? Не гнѣвайсь на глупца.
Мудрость. Познай вперіод меня, познаеш и отца.
Человѣк. А с хинцами ты как обходишся, открой?
Мудрость. Так точно как и здесь: смотрю, кто мой, то мой.
Человѣк. Там толко вѣть одны погибшіе живут?
Мудрость. Сестра вам это лжет, так точно, как и тут.
Человѣк. А развѣ ж есть сестра твоя?
Мудрость. Да, у меня.
Сестра моя родна, как точно ноч у дня.
Человѣк. И лжет она всегда, хотя одной роднѣ?
Мудрость. Вѣть одного отца, но дѣти не однѣ.
Человѣк. Зовут же как?
Мудрость. Ей сто имен. Она
Однак у россіан есть безтолковщина.
Человѣк. С рогами ли она?
Мудрость. Дурак!
Человѣк. Иль с бородой? Иль в клабукѣ?
Мудрость. Ты вріош! Она войдіот и в твой
Состав, если хотиш. Ах ты! Ищезни проч!
Вѣть я возлѣ тебе, как возлѣ свѣта ноч.
[Человѣк.] Ищезни лучше ты! Бѣжи с моих проч глаз!
Вѣть глупа ты сама, если в обман далась.
Чево здѣсь не слихать нигдѣ, ты всіо вріош
И, подлинно сказать, нелѣпую поіош.
Родился здѣсь народ и воспитан не так,
Чтоб диких мог твоих охотно слушать врак.
Чуть развѣ сищется один или другой,
Чтоб мог понравится сей дикой замисл твой.

FABULA [1]

Как толко сонце в вечеру запало
И вездѣ небо темнозрачно стало,
На тверди звѣзды блеснули прекрасны,
Как дорогіе каменья алмазни,
Фалес закричал: «Старухо драгая!»
«Чего ты кричиш, мудросте ты глупая?»
«Полно мнѣ уже сидѣть на сем мѣстѣ.
Поведи мене смотрѣти на звѣзды».

[1] байка

Пошла перед ним старуха драгая.
А за нею вслѣд и мудрость глупая.
Пошли туди, где холм високомѣстной,
Отколь способно смотрѣть на круг звѣздной.
«Ой,— мудрец крикнул,— пропал я, старухо!»
Впав бѣдній в яму, одбил себѣ ухо.
«Не впал бы ты в ров, безтолковый дѣду,
Чему моего не держишся слѣду?
Как ты, не видя перед носом рова,
Можеш знать звѣзды, главо безтолкова?»
З сих спекуляцій повела старуха
Назад до дому мудреца без уха.

FABULA DE TANTALO [1]

Царь Тантал [a] когдась Іовиша [2] до дому
Цехмистра с богом звал к пиру царскому.
Іовиш, вѣдая політичны нравы,
Взаим Тантала на небесны стравы
Просил. Но куди, небесное зало
Совсѣм Тантала перещеголяло.
Іовиш своего любезного гостя
Не хотѣл пустит без дара так просто.
«Проси,— говорит,— что хоть при отходѣ!»
«Дай мнѣ тут кушать во вѣчніи роды»,
Отвѣщал Тантал. Іовиш оскорбился,
Тантал просить так не устидился.
Но, помня важность шляхетского слова,
Сказал, что ему дорога готова.
Стал Тантал в небѣ пировать оттолѣ.
А что ж то нѣт при небесном столѣ?
Тут вина разны, тут нектар солодкій,
Услаждающій божественны глотки,
Тут амвросія, вишних богов снѣды,
Против ней — пустош панскіи обѣды.
Вездѣ багрѣют розы пред глазамы,
Чудніи вездѣ курят фиміами.
Кричат по залѣ музы сладкогласны,
Все сам подносит Ганімед прекрасній;
Бахусов пѣстун сам пляшет пресмѣшно,
Всякій род шутов шутят преутѣшно.
И хоть в том хоре не бивал Далольо,
Однак за таких сто могл сам Аполло.

[1] байка про Тантала [2] Юпітера
[a] Тантал, цар Сіпіла у Фрігії, за грецькою міфологією — син Зевса й німфи Плуто. Мавши доступ на бенкети небожителів, за образу богів був скинутий у тартар. За Гомером, Тантал терпів пекельні муки спраги і голоду, стоячи по шию в воді й дивлячись на розкішні плоди. За Піндаром, він висить у повітрі, а над його головою підноситься величезна скеля, загрожуючи щохвилини впасти і розчавити його.

Коротко сказать: всѣ чувства тѣлесны
Услаждали там сладосты чудесны.
Тантал сидячи все смотрит умилно,
Все воздихает, хоть всего обилно,
Все лице морщит, страх трет его члены,
Трясевицею будто пораженній.
Что за причина? Сверху сквозь хоромы
Низпущен висит камень преогромній
Над саменкою его головою,
Не дает ему сидѣти в покою.
Боится, бѣдный, как себѣ порушит,
На власѣ висит, вот-вот в прах сокрушит.

БАСНИ ХАРЬКОВСКІЯ

Любезный пріятель!

В седмом десяткѣ нынѣшняго вѣка, отстав от учителской должности и уединяясь в лежащих около Харькова лѣсах, полях, садах, сел , деревнях и пчельниках, обучал я себе добродѣтели и поучался в библ; притом, благопристойными игрушками забавляясь, написал полтора десятка басень, не имѣя с тобою знаемости. А сего года в селѣ Бабаях умножил оные до половины. Между тѣм, как писал прибавочные, казалось, будто ты всегда присутствуеш, одобряя мои мысли и вмѣсте о них со мною причащаясь. Дарую ж тебѣ 3 десятка басень, тебѣ и подобным тебѣ.

Отческое наказаніе заключает в горести своей сладость, а мудрая игрушка утаевает в себѣ силу.

Глупую важность встрѣчают по виду, выпроважают по смѣху, а разумную шутку важный печатлѣет конец. Нѣт смѣшняе, как умный вид с пустым потрохом, и нѣт веселѣе, как смѣшное лицо с утаенною дѣлностью. Вспомните пословицу: красна хата не углами, но пирогами.

Я и сам не люблю превратной маски тѣх людей и дѣл, о коих можно сказать малороссійскую пословицу: Стучит, шумит, гремит... А что там? Кобылья мертва голова бѣжит. Говорят и великороссійцы: Летала высоко, а сѣла недаліоко,— о тѣх, что богато и красно говорят, а нечево слушать. Не люба мнѣ сія пустая надменность и пышная пустошь, а люблю *тое*, что сверху ничто, но в серіодкѣ *чтось*, снаружи ложь, но внутрь истина. Такова рѣчь и человѣк назывался у еллин Силенос, картинка, сверху смѣшна, но внутрь благолѣпна.

Друг мой! Не презирай баснословія! Басня и притча есть то же. Не по кошельку суди сокровище, праведен суд суди. Басня тогда бывает скверная и бабія, когда в подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключает зерно истины, похожа на орѣх свищ. От таких-то басень отводит Павел своего Тимофея (I к Тим., гл. 4, ст. 7). И Петр не просто отвергает басни, но басни ухищренныя, кромѣ украшенной наличности [1] силы Христовой не имущіе. Иногда во вретищѣ дражайшій кроется камень. Пожалуй, ражжуй сіи Павловскіи слова: «*Не внимающе іудейским баснем, ни запо-*

[1] зверхності

вѣдем человѣк, отвращающих от истины». Как обряд есть без силы божіей — пустошь, так и басня, но без истины. Если ж с истиною, кто дерзнет назвать лживою? «*Вся убо чиста чистым, осквернѣнным же и невѣрным ничто же чисто, но осквернися их ум и совѣсть*» (К Тіт., I). Сим больным, лишенным страха божія, а с ним и добраго вкуса, всяка пища кажется гнусною. Не пища гнусна, но осквернися их ум и совѣсть. Сей забавный и фігурный род писаній был домашній самим лучшим древним любомудрцам [1]. Лавр и зимою зелен. Так мудріи и в игрушках умны и во лжѣ истинны. Истина острому их взору не издали болванѣла [2] так, как подлым умам, но ясно, как в зерцалѣ, представлялась, а они, увидѣв живо живый ея образ, уподобили оную различным тлѣнным фигурам.

Ни одни краски не изъясняют розу, лілію, нарцисса столько живо, сколько благолѣпно у их образует невидимую божію истину, тѣнь небесных и земных образов. Отсюду родились hieroglyphica, emblemata, symbola [3], таинства, притчи, басни, подобія, пословицы... И не дивно, что Сократ, когда ему внутренный ангел предводитель во всѣх его дѣлах велѣл писать стіхи, тогда избрал *езоповы басни*. И как самая хитрѣйшая картина неучоным очам кажется враками, так и здѣсь дѣлается.

Самое солнце всѣх планет и царица бібліа из тайнообразующих фігур, притчей и подобій есть богозданна. Вся она вылѣпленна из глинки и называется у Павла буйством. Но в сію глинку водхнен дух жизни, а в сем буйствѣ кроется мудрѣе всего смертнаго. Изобразить, приточить, уподобить значит тоже.

Пріими ж, любезный пріятель, дружеским сердцем сію небезвкусную от твоего друга мыслей его воду. Не мои сіи мысли и не я оные вымыслил: истина есть безначальна. Но люблю — тѣм мои, люби — и будут твои. Знаю, что твой тѣлесный болван далеко разнится от моего чучела, но два разноличныи сосуды одним да наполнятся лікером, да будет едина душа и едино сердце. Сія-то есть истинная дружба, мыслей единство. Все не наше, все погибнет и саміи болваны наши. Одни только мысли наши всегда с нами, одна только истина вѣчна, а мы в ней, как яблонь в своем зернѣ, сокрыемся.

Питаймо ж дружбу. Пріими и кушай с Петром четвероногая звѣри, гады и птицы. Бог тебѣ да благословляет! С ним не вредит и самій яд языческій. Они не что суть как образы, прикрывающіи, как полотном, истину. Кушай, поколь вкусиш с богом лучшое.

Любезный пріятель! Твой вѣрный слуга, любитель священныя библіи

Григорій Сковорода

1774 г., в селѣ Бабаях, наканунѣ 50-тницы.

Басня 1

Собаки

В селѣ у хазяина жили двѣ собаки. Случилося мимо ворота проѣжжать незнакомому. Одна из них, выскочив и полаяв, поколь он с виду ушел, воротилась на двор.

[1] філософам [2] бовваніла [3] ієрогліфи, емблеми, символи

— Что тебѣ из сего прибыло? — спросила другая.

— По крайней мѣрѣ, не столько скучно,— отвѣчала она.

— Вить не всѣ ж,— сказала разумная,— проежжіе таковы, чтоб их почитать за непріятелей нашего хазяина, а то бы я и сама должности своей не оставила, несмотря на то, что прошедшей ночи нога моя волчьими зубами повреждена. Собакою быть дѣло не худое, но без причины лаять на всякого дурно.

Сила. Разумный человѣк знает, что охуждать [4], а безумный болтает без разбору.

Басня 2

Ворона и чиж

Неподалеку от озера, в котором видны были жабы, Чиж, сидя на вѣтвѣ, пѣл. Ворона в близости тож себѣ квакала и, видя, что Чиж пѣть не перестает:

— Чего ты сюда же дмешся, жабо?

— А для чего ты мене жабою зовеш? — спросил Чиж Ворону.

— Для того, что ты точно такой зеленой, как вон тая жаба.

А Чиж сказал: — О, ежели я жаба, тогда ты точная лягушка по внутренному твоему орудію, которым пѣніе весьма им подобное отправляеш.

Сила. Сердце и нравы человѣческіи, кто он таков, свидѣтелствовать должны, а не внѣшніи качества. Древо от плодов познавается.

Басня 3

Жаворонки

Еще в древніе вѣка, в самое тое время, как у орлов черепахи лѣтать учивались, молодой Жаворонок сидѣл недалече того мѣста, гдѣ одна с помянутых черепах, по сказкѣ мудрого Езопа, лѣтанье свое благополучно на каменѣ окончила с великим шумом и треском. Молодчик, спугавшись, пробрался с трепетом к своему отцу:

— Батюшка! Конечно, возлѣ тоей горы сѣл орел, о котором ты мнѣ когдась говорил, что она птица всѣх страшнѣе и силнѣе...

— А почему ты догадуешся, сынок? — спросил старик.

— Батюшка! Как он садился, я такой быстроты, шуму и грому никогда не видывал.

— Мой любезнѣйшій сынок! — сказал старик,— твой молоденькій умок... Знай, друг мой, и всегда себѣ сію пѣсеньку пой:

Не то орел, что высоко лѣтает,
Но то, что легко сѣдает...

Сила. Многіи без природы изрядныи дѣла зачинают, но худо кончат. Доброе намѣреніе и конец всякому дѣлу есть печать.

[4] ганити

Басня 4

Голова и тулуб

Тулуб, одѣт в великолѣпное и обширное с дорогими уборами одѣяніе, величался пред Головою и упрекал ей тѣм, что на нея ни десятая доля не исходит в сравненіи его великолѣпія...

— Слушай, ты, дурак! Если может помѣстится ум в твоем брюхѣ, то разсуждай, что сіе дѣлается не по большему твоему достоинству, но потому, что нелзя тебѣ столь малым обойтится, как мнѣ,— сказала Голова.

Фабулка сія для тѣх, которыи честь свою на одном великолѣпіи основали.

Басня 7

Орел и Сорока

Сорока Орлу говорила:

— Скажи мнѣ, как тебѣ не наскучит непрестанно вихром крутиться на пространных высотах небесных и то вгору, то вниз, будто по винтовой лѣстницѣ шататься?...

— Я бы никогда на землю не опустился,— отвѣчал Орел,— если б тѣлесная нужда к тому мене не приводила.

— А я никогда бы не отлѣтывала от города,— сказала Сорока,— если бы орлом была.

— И я то же бы дѣлал,— говорил Орел,— если бы был сорокою.

Сила. Кто родился к тому, чтоб вѣчностью забавляться, тому пріятнѣе жить в полях, рощах и садах, нежели в городах.

Басня 9

Мурашка и Свинья

Свинья с Мурашкою спорили, кто из них двоих бáгатѣе. А Вол был свидѣтелем правости и побочным судьею.

— А много ли у тебе хлѣбнаго зерна,— спросила с гордою улыбкою Свинья,— прошу объявить, почтенная госпожа?..

— У мене полніохенька горсть самаго чистаго зерна.

Сказала как только Мурашка, вдруг захохотали Свинья и Вол со всей мочи.

— Так вот же нам будет судьею господин Вол,— говорила Свинья.— Он 20 лѣт с залишком отправлял с великою славою судейскую должность, и можно сказать, что он между всею своею братіею искуснѣйшій юріста и самой острой аріѳметик и алгебрік. Его благородіе может наш спор легко рѣшить. Да он же и в латынских дыспутах весьма, кажется, зол.

Вол послѣ сих слов, мудрым звѣрком сказанных, тотчас скинул на щеты и при помощи аріѳметическаго умноженія слѣдующее здѣлал опредѣленіе:

— Понеже бѣдная Мурашка точію одну горсть зерна имѣет, как сама призналася в том добровольно, да и, кромѣ зерна, ничего больше не

употребляет, а, напротив того, у госпожи Свиньи имѣется цѣлая каль, содержащая горстей 300 с третью, того ради по всѣм правам здравого разсужденія...

— Не то вы щитали, господин Вол,— перервала его рѣч Мурашка.— Надѣньте очки да расход против приходу скиньте на щеты...

Дѣло зашло в спор и перенесено в вышшей суд.

Сила. Не малое то, что для обыходки довольное, а довольство и богатство есть то же.

Басня 12

Оселка и Нож

Нож бесѣдовал с Оселкою.

— Конечно, ты нас, сестрица, не любиш, что не хочеш в стать[1] нашу вступить и быть ножом...

— Ежели бы я острить не годилась,— сказала Оселка,— не отреклася бы вашему совѣту послѣдовать и состоянію. А тепер тѣм-то самим вас люблю, что не хочу быть вами. И, конечно, ставши ножом, никогда столько одна не перерѣжу, сколько всѣ те ножи и мечи, которо во всю жизнь мою переострю; а в сіе время на оселки очень скудно.

Сила. Родятся и такіе, что воинской службы и женитбы не хотят, дабы других свободнѣе поощрять к разумной честности, без которой всяка стать недѣйствителна.

Басня 13

Орел и Черепаха

На похилом над воду дубѣ сидѣл Орел, а в близости Черепаха своей братьи проповѣдовала слѣдующее:

— Пропадай оно лѣтать... Покойная наша прабаба, дай бог ей царство небесное, навѣки пропала, как видно в історіах, за то, что сей проклятой наукѣ зачала было у орла обучатся. Самой сатана оную выдумал...

— Слушай, ты, дура! — перервал ея проповѣдь Орел.— Не чрез то погибла премудрая твоя прабаба, что лѣтала, но тѣм, что принялася за оное не по природѣ. А лѣтанье всегда не хуже ползанья.

Сила. Славолюбіе да стастолюбіе многих поволокло в стать, всѣм природѣ их противную. Но тѣм им вреднѣе бывает, чем стать изрядскому житію.

Басня 15

Змія и Буфон

Как Змія весною скинула линовище, Буфон, ея усмотрѣв:

— Куда вы, сударыня,— сказал с удивленіем,— отмолодѣли! Что сему причиною? Прошу сообщить.

[1] стан

— Я вам с охотою сообщую мой совѣт,— Змій говорит.— Ступайте за мною!

И повела Буфона к той тѣсной скважинѣ, сквозь которую она, с великою трудностію продравшись, всю старинную ветошь из себе стащила.

— Вот, господин Буфон, извольте полѣзать сквозь узкой сей проход. А как только пролѣзете, тот же час обновитеся, оставив всю негодность по другую сторону.

— Да развѣ ты мене тут хотиш задушить? — вскричал Буфон.— А хотя мнѣ сюда удастся протащитись, тогда с мене послѣднюю кожу сдеріот...

— Прошу ж не погнѣватся,— сказала Змія,— кромѣ сего пути нелзя вам туда дойтить, гдѣ мнѣ быть удалось.

Сила. Чемь лучшее добро, тем большим трудом окопалось, как рвом. Кто труда не перейдіот, и к добру тот не прійдіот.

Басня 17

Два цѣнныи камушки: Алмаз и Смарагд

Высоких качеств Смарагд, находясь при королевском дворѣ в славѣ, пишет к своему другу Адамантію слѣдующее:

Любезный друг!

Жалею, что не радиш о своей чести и погребен в пепелѣ живеш. Твои дарованія мнѣ известны. Они достойны честнаго и виднаго мѣста, а теперь ты подобен свѣтящему свѣшнику, под спудом сокровенному. К чему наше сіяніе, если оно не приносит удивленія и веселія народному взору? Сего тебѣ желая, пребуду — друг твой Смар[агд].

Дражайшій друг!— отвѣтствует Алмаз.— Наше с виднаго мѣста сіяніе питает народную пустославу. Да взирают на блестящіе небеса, не на нас. Мы слабый небес список. А цѣна наша, или честь, всегда при нас и внутрь нас. Грановщики не дают нам, а открывают в нас оную. Она видным мѣстом и людскою хвалою не умножается, а презрѣніем, забвеніем и хулою не уменшится. В сих мыслях пребуду — друг твой Адам[антій].

Сила. Цѣна и честь есть то же. Сея кто не имѣет внутрь себе, пріемля лживое свидѣтелство снаружи, тот надѣвает вид ложнаго алмаза и воровской монеты. Превратно в народѣ говорят так: «Здѣлали Абрама честным человѣком». А должно было говорить так: «Засвидѣтелствовано пред народом о чести Абрама». Просвѣщеніе или вѣра божія, милосердіе, великодушіе, справедливость, постоянность, цѣломудріе... Вот цѣна наша и честь! Старинная пословица: Глупой ищет мѣста, а разумнаго и в углу видко.

Басня 19

Нетопыр и два птенца — Горлицын и Голубинин

Великій преисподній звѣр, живущій в землѣ так, как крот, кратко сказать, великій крот, писал самое сладкорѣчивѣйшее писмо к живущим на землѣ звѣрям и к воздушным птицам. Сила была такая:

— Дивлюся суевѣрію вашему; оно в мірѣ найшло тое, чего никогда нигдѣ нѣт и не бывало; кто вам насѣял сумозброд, будто в мірѣ есть какое-то солнце? Оное в собраніях наших прославляется, начальствует в дѣлах, печатлѣет концы, услаждает жизнь, оживляет тварь, просвѣщает тму, источает свѣт, обновляет время. Кое время? Одна есть только тма в мірѣ, так одно и время, а другому времени быть чепуха, вздор, небыль... Сія одна ваша дурость есть плодовитая мать и других дурачеств. Вездѣ у вас врут: свѣт, день, вѣк, луч, молнія, радуга, истина. А смѣшняе всего — почитаете хімеру, называемую око, будто оно зерцало міра, свѣта пріятелище, радости вмѣстилище, дверь истины... Вот варварство! Любезные мои други! Не будьте подлы, скиньте ярем суевѣрія, не вѣрьте ничему, поколь не возьмете в кулак. Повѣрьте мнѣ: не то жизнь, чтоб зрѣть, но то, чтоб щупать.

От 18 дня, апр., 1774 года. Из преисподняго міра. N. N.

Сіе писмо понравилося многим звѣрям и птицам, напримѣр Совѣ, Дремлюгѣ, Сычу, Вдоду, Ястребу, Пугачу, кромѣ Орла и Сокола. А паче всѣх Нетопыр пловко шатался в сем высокородном догматѣ и, увидѣв Горличина и Голубинина сынов, старался их сею высокопарною [illegible] софіею ощасливить. Но Горличин сказал:

— Родители наши суть лучшіи тебе для нас учители. Они нас родили во тмѣ, но для свѣта.

А Голубчик отвѣщал:

— Не могу вѣрить обманщику. Ты мнѣ и прежде сказывал, что в мірѣ солнца нѣт. Но я, родившись в мрачных днях, в днешній воскресный день увидѣл рано восход прекраснѣйшаго всемірнаго ока. Да и смрад, от тебе и от Вдода исходящій, свидѣтелствует, что живет внутрь вас недобрый дух.

С и л а. Свѣт и тма, тлѣніе и вѣчность, вѣра и нечестіе — мір весь составляют и одно другому нужное. Кто тма — будь тмою, а сын свѣта — да будет свѣт. От плодов их познаете их.

Басня 27

Пчела и Шершень

— Скажи мнѣ, Пчела, для чего ты столь глупа? Знаеш, что трудов твоих плоды не столько для тебе самой, сколько для людей полезны, но тебѣ часто и вредят, принося вмѣсто награжденія смерть, однак не престаете дурачитись в собираніи меда. Много у вас голов, но безмозгіе. Видно, что вы без толку влюбилися в мед.

— Ты высокій дурак, господин совѣтник,— отвѣчала Пчела.— Мед любит ѣсть и медвѣдь, а Шершень тоже лукаво достает. И мы бы могли воровски добывать, как иногда наша братья и дѣлает, если бы мы только ѣсть любили. Но нам несравненно большая забава собирать мед, нежели кушать. К сему мы рожденны и не престанем, поколь умрем. А без сего жить и в изобиліи меда есть для нас одна лютѣйшая смерть.

С и л а. Шершень есть образ людей, живущих хищеніем чуждаго и рожденных на то одно, чтоб ѣсть, пить и протч. А пчела есть герб муд-

раго человѣка, в сродном [1] дѣлѣ трудящагося. Многіи шершни без толку говорят: для чего сей, напримѣр, студент научился, а ничего не имѣет? На что-де учитись, если не имѣть изобилія?.. Не разсуждая слов Сірах[а]: «Веселіе сердца — живот человѣку», и не разумѣя, что сродное дѣло есть для него ладчайшее пиршество. Взгляньте на правленіе блаженныя натуры и научитеся. Спросите вашу борзую собаку, когда она веселѣе? — Тогда,— отвѣчает вам,— когда гоню зайца. Когда вкуснѣе заец? — Тогда,— отвѣчает охотник,— когда гоняю.

Взгляньте на сидящаго пред вами кота. Когда он куражнѣе? Тогда, когда цѣлу ночь бродит или сидит возлѣ норохи, хотя, уловивши, и не ѣст мыши. Запри в изобиліи пчелу, не умрет ли с тоски в то время, когда можно ей лѣтать по цвѣтоносным лугам? Что горестнѣе, как плавать в изобиліи и смертно мучитись без сроднаго дѣла? Нѣт мучителнѣе, как болѣть мыслями, а болят мысли, лишаясь сроднаго дѣла. И нѣт радостнѣе, как жить по натурѣ. Сладок здѣсь труд тѣлесный, терпенье тѣла и самая смерть его тогда, когда душа, владычица его, сродным услаждается дѣлом. Или так жить, или должно умрѣть. Старик Катон чем мудр и щаслив? Не изобиліем, ни чином,— тѣм, что послѣдует натурѣ, как видно в Ціцероновой книжечкѣ «О старости» [а]. Сія одна есть премилосердная мати и премудрая путеводителница. Сія преблагая домостроителница несытому дарует много, а мало дает довольному малым.

Но раскусить же должно, что значит жить по натурѣ. Не закон скотских удов и похотей наших, но значит блаженное оное *естество*, называемое у богословов трисолнечное, всякой твари свою для нея часть и сродность вѣчно предписующее. О сем-то естествѣ сказал древній Епікур слѣдующее: «Благодареніе блаженной натурѣ за то, что нужное здѣлала нетрудным, а трудное ненужным».

А понеже в богѣ нѣсть мужскій пол ни женскій, но все в нем и он во всем, для того сказует Павел: «Иже есть всяческая во всем...»

Басня 28

Оленица и Кабан

В полских и венгерских горах Оленица, увидѣв домашняго Кабана:

— Желаю здравствовать, господин Кабан,— стала витатся,— радуюся, что вас...

— Что ж ты, негодная подлость, столько не учтива! — вскричал, надувшись, Кабан.— Почему ты меня называеш Кабаном? Развѣ не знаеш, что я пожалован Бараном? В сем имѣю патент, и что род мой происходит от самых благородных бобров, а вмѣсто епанчи для характера ношу в публикѣ содраную с овцы кожу.

— Прошу простить, ваше благородіе,— сказала Оленица,— я не знала! Мы, простыи, судим не по убору и словам, но по дѣлам. Вы так же, как прежде, роете землю и ламаете плетень. Дай бог вам быть и конем!

---

[1] в справі, до якої в природний нахил

[а] «Катон старший або про старість» — Ціцерона. Твір перекладено Сковородою.

С и л а. Не можно довольно надивится глупцам, пренебрегшим и попавшим премного честнѣйшій и безцѣнный добродѣтели бысер на то одно, чтоб продрατся в чин, совсѣм ему не сродный. Кой им змій в ухо нашептал, что имя и одежда преобразит их в бытіе, а не жизнь честная, достойная чина? Вот точныи граки Езоповы, одѣвающіеся в чужое перья? Из таковых сошитое жителство подобное судну, в котором ѣхали морем одѣтыи по человѣчому обезьяны, а ни одна править не умѣла. Если кто просвѣщенное око имѣет, коликое множество видит сих ослов, одѣтых в львиную кожу! А на что одѣты? На то, чтоб вполнѣе могли жить по рабским своим прихотям, безпокоить людей и проламываться сквозь законов гражданских заборы. А никто из достойных чести на неучтивость скорѣе не сердится, как сіи обезьяны с ослами и кабанами. Древняя еллинская пословица: Обезьяна обезьяною и в золотом характерѣ.

Вспоминает и Соломон о свиньи с золотым в ноздрях ея колцом (Прит., гл. 11, стих 22). Знаю, что точно он сіе говорит о тлѣнных и бренных фігурах, в коих погрязло и сокрылося колцо вѣчнаго царствія божія, а только говорю, что можно приточить и к тѣм, от коих оное взято для особливаго образованія в біблію. Добросердечныи и прозорливыи люде разными фігурами изображали дурную душу сих на одно только зло живых и движимых чучелов. Есть и в Малороссіи пословица: Далеко свинья от коня.

Басня 29

Старуха и Горшечник

Старуха покупала горшки. Амуры молодых лѣт еще и тогда ей отрыгалися.

— А что за сей хорошенькій?..

— За того возму хоть 3 полушки,— отвѣчал Горшечник.

— А за того гнусного (вот он), конечно, полушка?..

— За того ниже двох копѣек не возму...

— Что за чудо?..

— У нас, бабко,— сказал майстер,— не глазами выбирают: мы испытуем, чисто ли звонит.

Баба, хотя была не подлаго вкуса, однак не могла больше говорить, а только сказала, что и сама она давно сіе знала, да вздумать не могла.

С и л а. Конечно, сія премудрая Ева есть прабабою всѣм тѣм вострякам, которыи человѣка цѣнят по одеждѣ, по тѣлу, по деньгам, по углам, по имени, не по его житія плодам. Сіи правнуки, имѣя тот же вкус, совершенно доказуют, что они суть плод от сей райской яблони. Чистое, и как римляне говорили candidum — бѣлое, и назависткое сердце, милосердное, терпеливое, куражное, прозорливое, воздержное, мирное, вѣрующее в бога и уповающее на него во всем — вот чистый звон и честная душы нашей цѣна! Воспоминает и сосуд избранный Павел о сосудах честных и безчестных (2 к Тімоф., гл. 2, стих 20 и К рим., 9, стих 21). «Утроба буяго яко сосуд сокрушен и всякаго разума не удержит» (Сирах., 21, ст. 17).

Извѣстно, что в царских домах находятся фарфорные, сребряные и золотые урыналы, от которых, конечно, честнѣе глиняная и деревяная

посуда, пищею паполняемая, так как ветхій селскій храм божій почтеннѣе господскаго бархатом украшеннаго афедрона. Изрядная великороссійская пословица сія: Не красна изба углами, а красна пирогами.

Довелось мнѣ в Харьковѣ между премудрыми емблематами на стѣнѣ залы видѣть слѣдующій: написан схожій на черепаху гад с долговатым хвостом, средѣ черепа сіяет болшая золотая звѣзда, украшая оной. Посему он у римлян назывался stellio, а звѣзда — stella, но под ним толк подписан слѣдующій: Sub luce lues, сирѣчь: под сіяніем язва. Сюда принадлежит пословица, находящаясь в евангеліи: «Гробы повапленныи».

Дружескій Разговоръ
О
Душевномъ Мірѣ.
лица
Аѳанасій. Яковъ. Лонгинъ.
Ермолай. Григорій.
Грнг.
Слава Богу! собралась наша бесѣда. Что слышно? нѣтъ ли вѣстей?
Як.
Вчерась здѣлался пожаръ. Довелось быть во гостяхъ и напасать на шапку угольковъ.
Лонг.
Былъ ли пожаръ? Як. Пок бутымалъ к атанасей ужасныя загорѣлся диспутъ. Иной величалъ Меѳодиную превозносилъ Симію; иной удивлялъ Геометрію иной прилѣплялъ Человѣческое щастіе вдалекѣ чюдъ ищ

«Дружескій разговор». Титульна сторінка з рукопису кінця XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

РАЗГОВОР ДРУЖЕСКИЙ О ДУШЕВНОМ МИРѢ

...Г р и г о р и й. Я еще младенцем выучил, выслушай басенку. Дѣд и баба здѣлали себѣ хату, да не прорубили ни одного окошка. Не весела хата. Что дѣлать? По долгом размышленіи, опредѣлено в сенатѣ, итить за свѣтом доставать. Взяли мѣх, разинули его в самой полдень предсолнцем, чтоб набрать, будьто борошна, внесть в хатку.

Здѣлав нѣсколько раз, ест ли свѣт? Смотрят — ничего нѣт. Догадалась баба, что свѣт, как вино из мѣха, вытекает. Надобно поскорѣе бѣжать с мѣхом. Бѣгучи, на дверях оба сенаторы — один ногою, другой головою — зашиблись. Зашумѣл между ими спор: «Конечно ты выстарѣл ум».— «А ты и родилась без него». Хотѣли поход восприять на чужие горы и грунта за свѣтом; помѣшал им странный монах. Он имѣл отроду лѣт толко 50, но в сообщеніи свѣта великій был хитрец. «За вашу хлѣб и соль не должно секретной пользы утаить»,— сказал монах. По его совѣту старик взял топор, начал прорубывать стѣну с таковыми словами: «Свѣте веселній, свѣте жизненный, свѣте повсеимственный, свѣте присносущный, свѣте нелицепріятный, посѣти и просвѣти и освѣти храмину мою». Вдруг отворилась стѣна, наполнил храмину сладкій свѣт, и от того времени даже до сего дни начали в той странѣ созидать свѣтлыя горницы.

«АЛФАВИТ ИЛИ БУКВАРЬ МИРА»

Басня о Котах

Кот из пчельника по давней знаемости пришол в деревню к своему товарищу и принят великолѣпно. Удивлялся во время ужина изобилію.

— Бог мнѣ дал должность,— сказал хазяин,— она приносит на дом мой в сутки по двадцати туш самых добрых мышей. Смѣю сказать, что я в деревнѣ // великим Катоном.

— Для того-то я пришол повидаться з вами,— говорил гость,— и освѣдомиться о щастіи вашем, при том и ловлею позабавиться. Слышно, что у вас харошія появились крысы.

Послѣ ужина легли спать. Хазяин во снѣ стал кричать и разбудил гостя.

— Конечно, вам страшное нѣчто во снѣ явилось?

— Ох братец! Казалось, будьто я утоп в самой безднѣ. А я ловлею веселился. Казалось, будьто поймал самую чистую сибирскую крысу.

Гость опять уснул, выспался и проснулся. Услышал воздыхающаго хазяина.

— Господин Катон! Ужель вы выспались?

— Нѣт! Я послѣ соннаго страшилища не спал.

— Ба! А для чего?

— Такая моя натура, что, раз проснувшись, уснуть больше не могу.

— Что за причина?

— Тут есть тайна... Ах, друг мой! Не знаеш, что я обовязался быть рыболовом для всѣх котов в сем селеніи. Ужасно мене безпокоит, когда вспомню лотку, мрежу, воду...

— Зачем жо ты взялся за рыболовство?

— Как же, братец? Без пропитанія в свѣтѣ не проживеш. Сверх того, и сам я к рыбѣ великій охотник.

Гость, пошатав головою, сказал:

— О государь! Не знаю, в коей силѣ понимаеш имя сіе: бог. Но если бы ты придержался твоей природы, которую безвинно обвиняешь, был бы гаразда одною в сутки тушею доволнѣе. Прощай з твоим щастіем! Моя нищета лучше.

И возвратился в свой лѣсок.

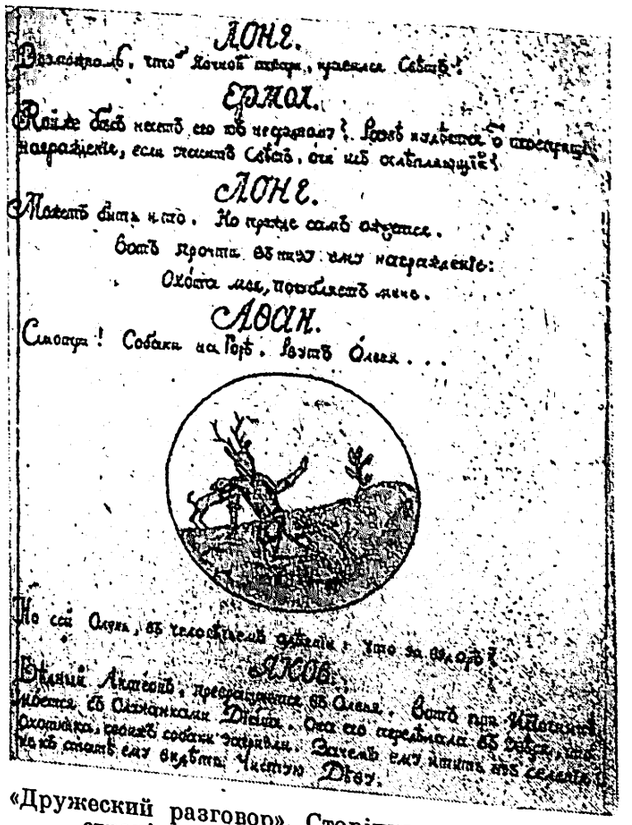
Отсюду родилась притча сія: Catus amat pisces, simul odit flumen aguarum — «Кот охотник к рыбѣ, да воды боится». Сіе нещастіе постигает всѣх охотников не к званію, но к доходам. Не нещасное ли разсуждение — любить от хазяина платеж, а виноград копать не быть охотником? Конечно, тот не охотник, кто не природный. Природному охотнику больше веселія приносит самая ловля и труд, нежели поставленный на стол жареный заец. На искусной живописи картину смотрѣть всякому мило, но в пиктурѣ // один тот охотник, кто любит день и ночь погружать мысли своя в мысли ея, примѣчая пропорцыю, написывая и подражая натурѣ.

Никто не пожнет твердой славы от коего-либо художества, *если* около онаго трудиться не почтет за сладчайшее, самую славу превосходящее увеселеніе. А тот уже самый вѣрный друг званію своему, *если* и самая доходов убыль, нищета, хула, гоненіе — любви его угасить не мо-

жет. Но без природы труд сладок быть никак не может.

Многіе, презрѣв природу, избирают для себе ремесло самое модное и прибыльное, но вовся обманываются. Прибыль не есть увеселеніе, но исполненіе нужности тѣлесныя, а если увеселеніе, то не внутреннее; родное же увеселеніе сердечное обитает в дѣланіи сродном. Тѣм оно слаже, чем сроднѣе. Если бы блаженство в изобиліи жило, то мало ли изобильных? Но равнодушных и куражных скудно.

Изобиліем снабдѣвается одно точію тѣло, а душу веселит сродное дѣланіе. Сія-то есть зала сладчайшаго ея пиршества. Тут-то // она, будьто хитрая машина, в полном своем ходу обращаясь, радуется и, находясь при одном ржаном хлѣбѣ и водѣ, царским чертогам не завидит.

Ермолай. Что то Хочет сказать, чувяки Свои?
Ермолай. Кайде быть нечто его бы чередовать? Разве извлечь о спасении награждение, если тащить Свиней, они ись оплетающие?
Лоне. Может быть и что. Но прежде самой отдаться. Вотъ прочти вотъ ему награждение: Охота мил, пособляет мене.
Авдак. Самоуда! Собаки на Горе. Рогатъ Олень...
По сей Олень, из человечей Одежи. Что за Олень?
Авдак. Великий Аглицкий, превращенный из Оленя. Вотъ тут Изъяснется из Словенских Диких. Они его перебили из Охотничьих своих собак загрызли. Зачем ему жить на свете, Когда стали ему видеть Чистую Дев.

«Дружеский разговор». Сторінка тексту з ілюстрацією (Актеон) (ЦНБ АН УРСР).

Сродность к воинству

...Е р м о л а й. Что до мене надлежит, куда мнѣ мил всяк человѣк в сродности своей! Не могу довольно насладиться позором, когда он дѣйствует, и его дѣйствіе, как смирна, издает благовоніе. И воином кто рожден, дерзай, вооружайся!.. С природою скоро научишся. Защищай земледѣлство и купечество от внутренних грабителей и внѣшних непріятелей. Тут твое щастіе и увеселеніе. Береги званіе, как око. Что слаже природному воину, как воинское дѣло? Закалать обиду, защищать страждущую и безоружную невинность, заступать общества основаніе — п р а в д у — сей есть его пресладкій завтрак, обѣд и ужин. Не бойся: с богом легко тебѣ будет несть голод, жажду, холод, жар, безсонницу, кровокаплющія раны и самый страх смертный и гаразда легоче, нежели без его противное сему, да уразумѣеш, сколь сильная природа. Сіе воинское горе с богом тебѣ будет во сто раз пріятнѣе рангов и доходов твоих. Ранк носить может всяк, но дѣло дѣйствительно дѣлает один тот, кто природный. Дѣло и без ранга дѣлом, но ранг без дѣла ничто, а дѣло без бога.

Если ж званіе божіе презрѣв, пойдеш вслѣд своих прихотей и посторонних совѣтников, не забудь простіться навѣк со всѣм утѣшеніем,

хотя бы ты схоронился в рогѣ изобилія, и, боясь умереть по тѣлу, станеш всеминутно терпѣть душевную смерть.

Отнять от души сродное дѣланіе—значит ее лишить живности своей. Сія смерть есть люта. Знаю, что щадиш тѣло, но убиваеш душу. Сія замѣна есть худа.

Не понимаю, к чему имѣть меч, если не тое сѣчь, на что он выкован. И не разумѣю, к чему носить тѣло, если щадѣть, на то терять, к чему кто им одѣт. Повѣрь, что самая Мафусалова жизнь вся пропала и самый есть ад, если не истощенна на то, к чему господь твой дал оную. Коль сладкая здравія и лѣт трата в главноприродном дѣлѣ! Тогда-то жизнь наша бывает жертвою благоуханія господеви. Опера, книга, пѣсня и жизнь не от долготы, но от благолѣпія и доброты цѣну свою получает. Цѣна всему и благолѣпіе—бог. «Красота в десницѣ твоей...» С богом краткая жизнь исполняет долгія лѣта, а дѣло с ним есть само себѣ верховна награда...

БРАНЬ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА СО САТАНОЮ О СЕМ: ЛЕГКО БЫТЬ БЛАГИМ

...Пятерица человѣков бредут в преобширных епанчах, на пять лактей по пути влекущихся. На головах капишоны. В руках не жезлы, но дреколіе. На шеѣ каждому по колоколу с веревкою. Сумами, иконами, книгами обвѣшенны. Едва-едва движутся, аки быки, парохіалный колокол везущіи. Вот развѣ прямо труждающіися и обремененныи! Горе им, горе!..

Сіи суть лицемѣры—сказал Рафаил.— мартышки истинныя святости: они долго молятся в костелах, непрестанно во псалтырь барабанят, строят кирки и снабдѣвают, бродят поклонниками по Іерусалимам,— по лицу святы, по сердцу всѣх беззаконнѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбцы, ласкатели, сводники, немилосерды, непримирительны, радующіися злом сосѣдским, полагающіи в прибылях благочестіе, цѣлующіи всяк день заповѣди господни и за алтын оныя продающіи. Домашніи звѣри и внутреніи зміи, лютѣйшіи тигров, крокодилов и василисков. Сіи нетопыры между десным и шуіим путем суть ни мужескаго, ни женскаго рода. Обоим враги, хромы на обѣ ноги, ни теплы, ни студены, ни зверь, ни птица. Шуій путь их чуждается, яко имущих образ благочестія; десный же отвергает, яко силы его отвергшихся. В сумах их пѣсок іорданскій с деньгами. Обвѣшенныя же книги их суть типики[a] , псалтыри, прологи и протчая. Вся их молитва в том, чтоб роптать на бога и просить тлѣнностей. Вот останавливаются молящеся и пѣть начинают. Послушаем безбожныя их пѣсни божія.

Лицемѣры, молящеся, поют:

Боже, возстани, что спиши?
Почто о нас не радиши?
Се путь беззаконных цвѣтет!
На путех их бѣдностей нѣт.
Мы ж тебѣ свѣчищы ставим,
Всякій день молебни правим!
И забыл ты всѣх нас.

[1] тут в значенні «задоволених»
[a] Церковні книги — збірники уставів служби.

Два раза постим в недѣлю,
В пост не уживаем хмелю.
Странствуем по святым градам,
Молимся и дома и там.
Хоть псалтыри не внимаем,
Но наизуст ее знаем.
И забыл ты всѣх нас.
Услыши, боже, вопль и рык!
Даждь нам богатство всѣх язык!
Тогда-то тебѣ прославим,
Златыя свѣчы поставим,
И всѣ храмы позлащенны
Возшумлят твоих шум нѣній —
Токмо даждь нам вѣк злат!

ИЗРАИЛСКІЙ ЗМІЙ

...Но когда жизнь от сердечнаго веселія, а веселіе от сладости, тогда откуду зависит сладость, услаждающая сердце?

Изъясняет боговидец Платон: «Нѣт сладчае истины». А нам можно сказать, что в одной истинѣ живет истинная сладость и что одна она животворит владѣющее тѣлом сердце наше. И не ошибся нѣкій мудрец, положивший предѣлом между учоным и неучоным предѣл мертваго и живаго. Пифагор, раскусив ѳмблемат треугольника и узрѣв в нем истину, с веселіем вопіет: «Обрѣтох! Обрѣтох!».

Вѣрно, что жизнь живет тогда, когда мысль наша, любя истину, любит выслѣдывать тропинки ея и, встрѣтив око ея, торжествует и веселится сим незаходимым свѣтом. Сей свѣт услаждает и старость Солонову; а он, и состарѣваясь, каждый день нѣчто вкушает от ядомых всѣми, но не истощаемых сладостей, согрѣвающих и питающих сердечныя мысли, как весенное солнце каждую тварь. И как правильная цыркулаціа крови в звѣрях, а в травах соков раждает благосостояніе тѣлу их, так истинныя мысли оваряют благодушіем сердце. И не дивно, что нѣкіих избранных человѣков монументы и записки сею такою надписью оглавлены: *житіе и Жизнь имя рек.*

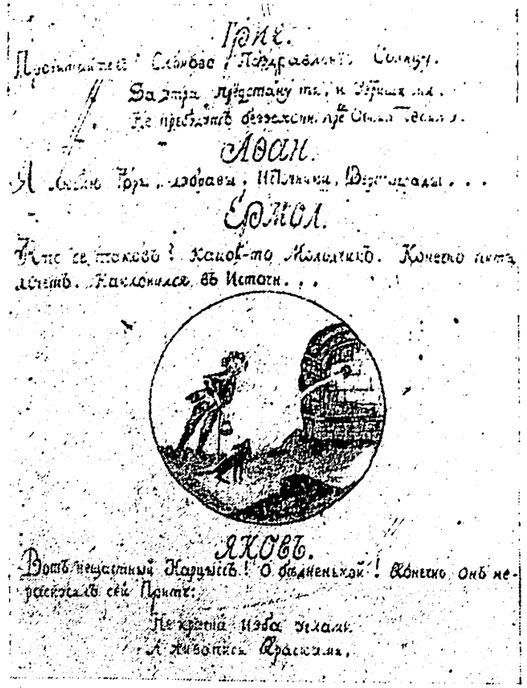
Житіе значит: родиться, кормиться, расти и умаляться, а жизнь есть плодоприношеніе, прозябшее от зѣрна истины, царствовавшія в сердцѣ их. И не напрасно друг истины Цицеронов Катон любил в старости пирушки, но растворенныя насыщающими сердце мудрыми бесѣдами, пачертающими невидимую нигдѣ, а прекрасную ипостась истины, влекущія всѣх чувствы и услаждающія.

К чему ж сія рѣчь течет? К тому, что высоких фамилій люди не только в тяжбах, войнах, коммерціях, домостроительствах, художествах, но и в самом первом пунктѣ, сирѣчь в мыслях, до бога касающихся, должны находить истину, а противоборствовать суевѣрію.

Вѣрно, что шар земный без болотных луж, без мертвых озер, без гнилых и долних низкостей быть не может. Но в таких мѣстах жабы и сродныя им птицы да водворяются, а соколы с орлами выспрь в пространство чистых небес да возносятся, оставив дрождіе для непросвѣщенной подлости...

. . . . . .

Из суевѣрій родились вздоры, споры, секты, вражды междоусобныя и странныя, ручныя и словесныя войны, младенческіе страхи и протч. Нѣт желчнѣе и жестоковыйнѣе суевѣрія и нѣт дерзновеннѣе, как бѣшенность, разженная слѣпым, но ревностным глупаго повѣрія жаром тогда, когда сія ехидна, предпочитая нелѣпыя и нестаточныя враки над

«Дружеский разговор». Сторінка тексту з ілюстрацією (ЦНБ АН УРСР).

милость и любовь и онѣмѣв чувством человѣколюбія, гонит своего брата, дыша убійством, и сямь мнится службу приносити богу.

. . . . . .

Нѣт вреднѣе как тое, что сооружено к главному добру, а здѣлалось растлѣнным. И нѣт смертоноснѣе для общества язвы, как суевѣріе — листвіе лицемѣрам, маска мошенникам, стѣнь тунеядцам, стрекало и поджога дѣтоумным.

Оно возъярило премилосердную утробу Тита, загладило Іерусалим, разорило Царьград, обезобразило братнею кровію парижскія улицы, сына на отца вооружило. И не напрасно Плутарх хуже безбожія ставит суевѣріе. Для меня-де лучше, когда люди скажут, что Плутарха на свѣтѣ не было, нежели что он был нагл, непостоянен, немилосерд и протч. Да и впрямь суевѣр скорбит, если кто на полдень, а не на восток с ним молится. Иной сердит, что погружают, другой бѣсится, что обливают крещаемого. Иной кленет квас, другой оприсноки... Но кто сочтет всю суевѣрных голов паучину? Будьто бог — варвар, чтоб за мѣлочь враждовать...

НАРКІСС

Разглагол о том: Узнай себе.

Разговор 3-й о том же: знай себе.

Лица: Клеопа, Филон, Друг.

Клеопа. Ах! Перестань, пожалуй. Не сумнѣвайся. Он человек добрый и ничіею не гнушается дружбою. Мнѣ твое доброе сердце известное, а он ничего, кромѣ сего не ищет.

Филóн. Я знаю многих ученых. Они горды. Не хотят и говорить с поселянином.

Клеопа. Пожалуй же — повѣрь.

Друг. О чем у вас спор?

Клеопа. Ба! А мы нарочно к тебѣ... Вот мой товарищ. Пожалуй, не погнѣвайсь.

Друг. За что? «Человѣк зрит на лице, а бог зрит на сердце». А Лука гдѣ?

Клеопа. Не может понять твоих рѣчей. Он прилѣпился к Сомнасу[а] при вчерашнем разговорѣ, а нам твои новинки милы.

Друг. О чем была рѣчь?

Клеопа. Помнишь ли, Филон?

Филон. Помню. Была речь о безднѣ.

Клеопа. А-а! Вот слова: «И тма верху бездны».

Филон. Потом спор был о каких-то старых и новых мѣхах и о винѣ.

Клеопа. Один спорил, что бездною называется небо, на котором плавают планеты, а господин Навал кричал, что точная бездна есть окіан великій; иный клялся, что через то значится жена; иный толковал ученіе и протч., и протч.

Друг. Если хощем измѣрить небо, землю и моря, должны, вопервых, измѣрить самих себе с Павлом собственною нашею мѣрою. А если [illegible]пея, внутрь нас, мѣры не сыщем, то чемь измѣрить можем? А не измѣ[illegible]в себе прежде, что пользы знать мѣру в протчіих тварях? Да и можно ли? Может ли слѣп в домѣ своем быть прозорливым на рынкѣ? Может ли сыскать мѣру, не уразумѣв, что ли то есть мѣра? Может ли мѣрить, не видя земли? Может ли видѣть, не видя головы ея? Может ли усмотрѣть голову и силу ея, не сыскав и не уразумѣв своея в самом себѣ? Голова головою и сила понимается силою.

Клеопа. Не можно ли поговорить простѣе?

Друг. Измѣрить и узнать мѣру есть одно. Если бы ты долготу и широту церкви измѣрил сажнем или веревкою, как тебѣ кажется, узнал ли ты мѣру ея?

Клеопа. Не думаю. Я бы узнал одно только пространство матеріалов ея; а точную ея мѣру, содержащую матеріалы, в то время узнаю, когда понимаю план ея.

Друг. Так посему хотя бы всѣ Коперниканскіи мыры перемѣрил, не узнав плана их, который всю внѣшность содержит, то бы ничего из того не было.

Клеопа. Думаю, что как внѣшность есть пуста, так и мѣра ея.

Друг. Но кто может узнать план в земных и небесных пространных матеріалах, прилѣпившихся к вѣчной своей симметріи, если его прежде не мог усмотрѣть в ничтожной плоти своей? Сим планом всена́-все созда́нно или слѣпленно, и ничто держаться не может без него. Он всему матеріалу цепь и веревка. Он-то есть рука десная, перст, содержащій всю персть, и пядь божія, всю тлѣнь измѣрившая, и самый ничтожный наш состав. Слово божіе, совѣты и мысли его — сей есть план, по всему матеріалу во вовсевселенной не чувствительно простершійся, все содержащій и исполняющій. Сія есть глубина богатства и премудрости его. И что может обширнѣе разлиться, как мысли? О сердце, бездно всѣх вод и небес ширшая!.. Коль ты глубока! Все объемлешь и содержишь, а тебе ничто не вмѣщает...

[а] Богослов-схоласт, проти якого часто виступав Сковорода.

ІСТОРІЯ РУСІВ

«Исторія Русов» — пам'ятка кінця XVIII — початку XIX ст., писана російською мовою з домішкою українізмів, твір певідомого автора з українських шляхетських кіл. Деякий час автором «Історії» безпідставно вважали Георгія Конисського; пізніше дослідники висунули гіпотези про авторство Г. Полетики, депутата Катеринінської законодавчої комісії 1767 р., чи його сина, Василя (помер 1845 р.), чи графа О. Безбородька, російського вельможі XVIII ст., українця походженням.

«Исторія Русов» — вияв українського дворянського національзму і автономізму, написана з пристрастю і не позбавлена в деяких місцях художності. Про це говорив уже О. С. Пушкін 1836 р. в статті «Собрание сочинений Георгия Конискаго, архиепископа белорусскаго»: «Любовь к родине часто увлекает его (автора «Історії») за пределы строгой справедливости... Видно, что сердце дворянина еще бьется в нем под иноческою рясою... Множество мест в Истории Малороссии суть картины, начертанные кистию великого живописца».

До «Історії», яка поширювалася в рукописах, не раз зверталися, за малою приступністю інших, більш вірогідних джерел з історії України, як російські, так і українські письменники (Рилєєв, Гоголь, А. Маркевич, А. Метлинський, М. Костомаров і навіть в ранню добу своєї творчості Т. Шевченко). Проте наукове дослідження тепер виявило цілковиту непридатність «Історії» як історичного джерела.

Наведені далі уривки взято з твору за першим виданням його: «История Русов или Малой России, сочинение Георгия Коницкого, архиепископа белорусскаго», Москва, 1846 (видання «Общества истории и древностей российских» за редакцією О. Бодянського).

ІСТОРІЯ РУСОВ ИЛИ МАЛОЙ РОССІИ

...Шляхетство, по примѣру всѣх народов и держав, естественным образом составлялось из заслуженных и отличных в зѣмлѣ пород и всегда оно в Руси именовалось рыцарством, заключающим в себѣ боляр, произшедших из княжеских фамілій, урядников по выборам, и простых воинов, называемых козаками по породѣ, кои производя из себя всѣ чины выборами и их прошествіи урядов возвращая в прежнее званіе, составляли одно рыцарское сословіе, искони тако самых их статутовым правом утвержденное, и они имѣли вѣчистою собственностью своею однѣ земли с угодьями, а поспольством владѣли по правам и рангам, и повинность посполитых была установлена правами. А владѣвшіе ими в отношеніи власти их над поспольством, считались и назывались отчичами или вотчинниками, от слова и власти, взятых по древним патриціям, то есть отцам народным, управлявшим первоначальными семействами и обществами народными, с кротостію и характером отеческими.

Духовенство, выходя из рыцарства по избраніи достойных, отдѣлялось только на службу божію, а по земству имѣло одно с ними право.

В поспольствѣ считались живущіе в городах купцы и мѣщане, а по селеніям свободные міряне, войсковые оклады платящіе, и подданные боляр и урядников. Всѣ они подчинены были своим магистратам и ратушам, в коих засѣдали выбранные от них войты и лавники, и судились по правам магдебургіи, издавна в Польшѣ введенным.

[Гетьман Павло Наливайко. Смерть його і штату його в Варшаві. Польське урядування на Україні]

Чины и козаки малоросійскіе, недопускаемы бывши в главный город их, Черкас, занятый гарнизоном короннаго гетмана польскаго, собрались в городѣ Чигиринѣ и, по довольном и предовольном совѣтованіи, приговорили единогласно, на основаніи стародавних прав их и привилегій, королями и договорными пактами утвержденных, выбрать гетмана с должностію и преимуществом прежних гетманов. И за сим приговором, в 1596 году выбрали гетманом генерального есаула, Павла Наливайка, и от него со всѣми чинами и войском, чрез депутата и посланника своего, полковника Лободу, послана к королю, Жикгимунту Третьему, просьбу таковаго содержанія: «Народ рускій, быв в соединеніи, первѣе с княжеством Литовским, потом и с королевством Польским, не был никогда от них завоеванным и им раболѣпным, но, яко союзный и единоплеменный, от единаго корене славянскаго альбо сарматскаго произшедшій, добровольно соединился на одинаковых и равных с ними правах и преимуществах, договорами и пактами торжественно утвержденных, а протекція и храненіе тѣх договоров и пактов и самое состояніе народа вѣрены сим помазанникам божіим, свѣтлѣйшим королям польским, яко же и вашему королевскому величеству, клявшимся в том при коронаціи пред самим богом, держащим в десницѣ своей вселенную и ея царей и царства. Сей народ в нуждах и пособіях общих соединеной націи ознаменовал себя всѣмѣрною помощію и единомыслієм союзным и братерским, а воинство руское прославило Польшу и удивило вселенную мужественнымп подвигами своими во бранех и в оборонѣ и разширенії державы Польской. И кто устоял из сосѣдствующих держав противу ратников русских и их ополченія? Загляни, найяснѣйшій королю, в хроники отечественные, и онѣ досвѣдчут тое; вопроси старцев своих, и рекут тебѣ, колико потоков пролито крови ратников руских за славу и цѣлость обшей націи польской, и коликія тысячи и тмы воинов руских пали остріем меча на ратных полях за интересы ея. Но враг, ненавидяй добра, от ада изшедшій, возмутил свящепную оную народов едность на погибель обоюдную. Вельможи польскіе, сіи магнаты правленія, завистуя правам нашим, потом и кровію стяжанным, и научаемы духовенством, завше мѣшающимся в дѣла мірскія, до них не надлежныя, подвели найяснѣйшаго короля, нашего пана и отца милостиваго, лишить нас выбора гетмана, на мѣсто покойнаго Косинскаго, недавно истраченнаго самым неправедным, постыдным и варварским образом, а народ смутили нахальным обращеніем его к уніи! При таковых от магнатства и духовенства чинимых нам и народу утисках и фрасунках, не поступили еднак мы ни на что законопреступное и враждебное, но, избравши себѣ гетмана по правам и привиллегіям нашим, повергаем его и самих себя милостивѣйшему покрову найяснѣйшаго короля и отца нашего и просим найунижснѣйше монаршаго респекту и подтвержденія прав наших и выбора; а мы завше готовы есьмы проливать кровь нашу за честь и славу вашего величества и всей націи!» Посланный с сей прозьбою полковник Лобода имѣл у короля приватную аудієн-

-цію, и на ней король, удивляясь поступкам его министерства, не отписал, однако, ничего к гетману и войску малоросійскому, а сказал Лободѣ, что он при первом сеймѣ будет стараться уничтожить затѣи министров и духовенства; а до того времени велѣл гетману и войску вести себя мирно и злагодно с войсками и чинами польскими.

Гетман Наливайко отправил во всѣ города и повѣты чиновников и товариство, а в знатнѣйшіе послал самого полковника Лободу, с универсалом, извѣщающим о его выборѣ по правам и привиллегіям отечественным, и о вступленіи своем в правленіе по изволенію королевскому, совѣтуя и повѣлевая притом чинам, войску и народу не предпринимать ничего враждебнаго противу консистующаго в городах и селеніях войска польскаго, и ожидать о выводѣ онаго повѣленія от верховной власти; в разсужденіи же уніи вести каждому себя спокойно, слѣдуя своей совѣсти. Короннаго польскаго гетмана извѣстил также Наливайко о его правленіи по изволенію королевскому. Но скоро за сим приходили к гетману извѣстія из городов и повѣтов, что посланные от него чиновники и товариство поруганы, прогнаны, а многіе и побиты поляками, и что войска польскія собираются к Черкасам и Бѣлой Церкви в полном вооруженіи. Посему гетман Наливайко принужденным нашелся собрать и свои войска к Чигирину и стал обозом при рѣкѣ Тясминѣ, гдѣ, укрѣпивши стан свой окопами и артиллеріею, ожидал начинанія от поляков. Они скоро появились в числѣ множественном под начальством короннаго гетмана, Жолкевскаго. Наливайко сначала выставил против них, на возвышенном мѣстѣ, три бѣлыя хрещатыя хоругви, то есть, знамена с крестами, на них вышитыми, и с подписью или девизом: «Мір христіанству, а на начинщика бог и его крест». Поляки, насупротив знамен, мир возвѣщающих, выставили на шибеницѣ трех малоросійских чиновников, Богуна, Войновича и Сутигу, от гетмана в город посланных и тогда же, в виду обоих войск, повѣшенных, с надписью: «Кара бунтовщом!». За сим явленіем началась от поляков атака на стан козацкій. Наливайко заблаговременно учредил в скрытом мѣстѣ за станом сильную засаду из отборных войск, построенных фалангою, и когда началась обапольная с орудій и ружьев жестокая пальба и сдѣлалось круженіе дыма, он вывел свою фалангу из засады и ударил опрометчиво на самый центр арміи польской; а в ту самую пору двинулись козаки вперед из стана и, поставив поляков в два огня, смѣшали их и произвели страшное между ими пораженіе. Убійство и сѣча продолжались болѣе семи часов. Козаки, имѣя в виду безчестно умерщвленных и висящих своих собратій, так ожесточились и остервенились против поляков, что и слышать не хотѣли о згодѣ или пардонѣ. Раненых и павших на землю, в другой раз добивали, бросавшихся в рѣку и утопавших вытягивали арканами и рѣзали; словом сказать: спаслись бѣгством только одни, имѣвшіе отмѣнно быстрых коней, а прочіе пали на мѣстѣ и порозницею по степи. При разборе и погребеніи тѣл сочтено, а по козацки накарбовано, мертвых поляков 17.330 человѣк. Мертвецы сіи наволочены великими ярусами вокруг шибеницы, гдѣ товариство висѣло, и там зарыты, а висѣвшіе с торжеством сняты, везены и погребены в церкви соборной чигиринской Преображенія господня, с надписью на гробах невиннаго их страданія за отечество и вѣру православную.

Гетман Наливайко по первом с поляками сраженіи, так счастливо произведенном, раздѣлил войска свои на двое: одну часть, под командою полковника Лободы, послал в города заднѣпровскіе и задесенскіе, с повѣленіем выгонять оттуда поляков и духовенство, зараженное уніею: а сам, с другою частію войска, пошел тою стороною, что между рѣк Днѣпра и Днѣстра. Проходя обѣ части войск в свои назначенія, имѣли многія сраженія с поляками, собиравшимися из городов и селеній малоросійских и вновь приходящими к ним на подкрѣпленіе из Польши и всегда их на голову разбивали и разгоняли, получая в добычу обозы их и вооруженія. И таким образом очищая гетман Малоросію от поляков и уніи, принужден был два города свои, Могилев над Днѣстром и Слуцк над Случью, запершіесь с сильными гарнизонами польскими и многими унiатами, чинившими крѣпкія вылазки, доставать штурмом, при чем оба тѣ города сожжены и разорены были до основанія, а поляки выбиты до послѣдняго. И всѣ сіи походы, сраженія и штурмы произведены были в три с половиною мѣсяца. Наконец, сошедшись гетман с полковником Лободою при рѣкѣ Сулѣ, напали там на обоз с войсками двух гетманов коронного и Литовскаго, укрѣпленный окопами и палисадами, окружили его и четыре дня штурмовали, и уже часть укрѣпленій опрокинули, но пріѣхавшіе тогда же из Варшавы посланники королевскіе сдѣлали всему конец. Король писал ко всѣм трем гетманам, чтобы брань и вражду тотчас они прекратили и на вѣчный мир и утвержденіе прав и привиллегій руских подписали в лицѣ обоих войск трактат, и присягою его утвердили; а он, король, со всѣми чинами и сеймом, даровав войску и народу рускому полную амнистію, забывая вѣчно все прошедшее, подтвердили уже пакты их и привиллегіи на вѣчныя времена. И так первая война с поляками кончена, трактат подписан и присягою с обѣих сторон утвержден. Войска, изъявляя наружную пріязнь и косо посматривая один на другаго, разошлись во свояси.

Гетман Наливайко, распустя войско и воротясь в Чигирин, старался всемѣрно возстановить прежнее устроеніе и порядок в городах и повѣтах, войною разрушенные, и очистить церкви и духовенство, уніею зараженныя. Нѣкоторые из духовенства прямо отстали от сея заразы, а другіе притворялись быть таковыми; но всѣ они сожалѣли о потеряніи власти над народом, от поляков слишком им наданной: ибо сверх порабощенных им по пятнадцати домов из парафіян, владѣемых им как невольниками, повинен всяк парафіянин договариваться с попами о платежѣ им за главныя требы христіанскія, каковы суть: сорокоусты и суботники по умершим и вѣнчаніе новобрачных. В таковых случаях бывали продолжительныя и убѣдительныя прозьбы прихожан пред попами, и называлось то еднать попа, и попы, изчисляя достаток просителя, вымогали как можно большей заплаты, а сіи о уменьшеніи ея просили с поклонами до земли, а часто и со слезами.

От сего-то вышла извѣстная пословица народная: «Жениться не страшно, а страшно еднать попа». Сей мерзостный обычай, с тѣх пор вкравшійся, продолжается, по несчастію, и до днесь, и попы, сверх установленных им доходов, дѣлают свои безстыдныя вымогательства и мытничества по прежнему, и полагают даже за требы христіанскія, как-то:

сорокоусты, суботники и другія, по своему произволенію, и никто о том не проречет и не возопіет.

Между тем в 1597 году настало время посылать в Варшаву депутатов на сейм валный или главный; а их всегда посылано четырех от воеводств, трех от уряду гетманскаго и войска, а пять от городов знатнѣйших и поспольства. В числѣ войсковых депутатов досталось быть полковнику Лободѣ, судьѣ полковому, Федору Мазепѣ, и сотнику кіевскому, Якову Кизиму. Они со всѣми другими депутатами туда и выправлены. Но и сам гетман восхотѣл с ними ѣхать, не столько для сейма, как ради принесенія королю своему усерднѣйшаго почтенія и повиновенія, о котором он всегда помышлял. По пріѣздѣ гетмана и депутатов в Варшаву, в первую ночь взяты они на квартирах под караул и повержены тогда же в подземную темницу, а по двух днях без всяких спросов и сужденій, вывели гетмана и с ним Лободу, Мазепу и Кизима, на площадь и, объявив им вину гонителей на вѣру Христову, посадили живых в мѣднаго быка, и жгли быка того малым огнем нѣсколько часов, пока вопль и стон страдальцев был слышен, а наконец тѣла замученных в том быку сожжены в пепел. Сіе жестокое и безчеловѣчное варварство выдумано римским духовенством по правилам и мастерству их священной инквизиціи, а произвели его в такое безстыдное дѣйствіе вельможи польскіе, владѣвшіе, вмѣстѣ с примасом, всѣм королевством; ибо надобно знать, что власть королевская с 1572 года, то есть, со времени перваго избирательнаго короля, Генриха Валезкаго, вызваннаго в Польшу из Франціи, и от своевольства поляков опять во Францію воротившегося, была весьма ослаблена; а от другаго короля, Сигизмунда, посвятившаго себя из малолѣтства в сан духовный и из кляштора в короли призваннаго, и совсѣм власть оная упала, а присвоили ее себѣ вельможи или магнаты королевства и духовенство римское, державшіе короля за одну проформу. Самые сеймы народные не что иное были, как твари магнатов и духовенства, подобранные ими и их партіями из, так называемой, убогой или чиншевой шляхты и факторов их городских, кои чрез все время сеймов одѣвались и содержались на коштѣ вельмож и кляшторов. Историки польскіе, Вагнер и другіе, сколько не увеличивали вин козацких и сколько не прикрывали самовластных посягательств вельмож и духовенства римскаго на землю рускую, пишут, однако, что «миссія духовенства римскаго, замыслив произвесть в руской религіи реформу, для единства со своею, слишком поспѣшила совершить ее так нагло и так отважно в народѣ грубом и всегда воинствующем; а министерство правительственное, стремясь на староства и маентки урядников руских, и того больше ошибок надѣлало. Оно, давши амнистію первому ватажцѣ козацкому, Наливайку, и его сообщникам, в торжественных с ними трактатах, клятвами утвержденных, а духовенством не право разрѣшенных, наконец, забравши фортельно на сеймѣ національном, всѣми народами за свящтость чтимом, потратило их самым варварским образом, против чести, совѣсти и всѣх прав народных, и вмѣсто того, чтобы врачевать болѣзнь народную, больше ея язвы разстравило».

По истребленіи гетмана Наливайка таким неслыханным варварством, вышел от сейма или от вельмож, им управлявших, таков же варварскій приговор и на весь народ рускій. В нем объявлен он отступным, вѣроломным и бунтливым и осужден на рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіем сего нероновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатов руских от сейма національнаго, а всего рыцарства от выборов и должностей правительственных и судебных, отбор старостств, деревень и других ранговых имѣній от всѣх чиновников и урядников руских, и самых их уничтоженіе. Рыцарство руское названо хлопами; а народ, отвергавшій унію, схизматиками. Во всѣ правительственные и судебные уряды малоросійскіе насланы поляки с многочисленными штатами, города заняты польскими гарнизонами, а другія селенія их же войсками. Им дана власть все тое дѣлать народу рускому, что сами схотят и придумают, и они исполняли наказ сей с лихвою, и что только смыслить может своевольное, надменное и пьяное человѣчество, дѣлали то над несчастным народом руским без угрызенія совѣсти. Грабительства, насиліе женщин и самых дѣтей, побои, мучительства и убійства превзошли мѣру самых непросвѣщенных варваров. Они, почитая и называя народ невольниками или ясыром польским, все его именіе признавали своим. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькіх человѣк для обыкновенных [illegible]зяйских работ или празднеств, тотчас с побоями разгоняли, и о разг[illegible]орах их пытками изтязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ. Церкви рускія силою или гвалтом обращали на унію. Духовенство римское, разъѣзжавшее с тріумфом по Малой Россіи для надсмотра и понужденія к уніятству, вожено было от церкви до церкви людьми, запряженными в их длинныя повозки по двѣнадцати и болѣе человѣк в цуг.

Часть I-я. глава III

[Тарасова ніч]

Козаки малоросійскіе, соединенно с запорожскими, в 1624 году принуждены выбрать себѣ гетманом полковника Корсунскаго, Тараса Трясила, не употреблявшаго послѣ сего названія, и с ним подняли оружіе против поляков оборонительное. И по сей системѣ, не чиня они над поляками никаких поисков, собрались к городу Переяславлю и, расположив стан свой между рѣк Трубежа и Альты, ожидали начинаній польских. Поляки стягались со всей Малоросіи, а частію и из Польши, и собравшись в великих силах под командою короннаго гетмана, Конецпольскаго, повели атаку на стан козацкій, укрѣпленный обозом и артилеріею с окопами. Нападеніе повторяемо и всегда отбиваемо было нѣсколько дней с великим уроном польским. Наконец, козаки, дождавшись польскаго празника, панским тѣлом называемого, который они отправляют с пальбою и пиршествами, выслали в ту ночь ползком знатную часть пѣхоты своей в одну ближайшую балку, и на разсвѣтѣ ударили с двух сторон на стан польскій, вломились в него и, застав многих поляков полунагими, перекололи их, всѣх противившихся им истребили, а прочих перетопили в рѣкѣ и разогнали, получив стан их со всѣми запасами и артиллеріею в свою добычу.

После сего пораженія польскаго, названнаго Тарасовою ночью, были козаки раздѣлены на многіе корпусы и партіи и коман-

дированы Тарасом для очищенія селеній малоросійских от поляков... а себѣ взял Тарас удѣл на работу сію, самый пространнѣйшій. Вся месть козацкая пала тогда на тѣх невѣрных. Они избиты цѣлыми тысячами без всякой пощады, а только с приговором и припѣвом аренд их пасочных, и как они над ними ругались угольными своими мѣтами или значками. Правительство польское, получив извѣстіе о пораженіи своих войск и об изгнаніи поляков из всей Малоросіи... не предпринимало тогда ничего против Малоросіи, боясь короля шведскаго, который, считая за обиду, что представленіе его о козаках малоросійских так худо уважено сеймом польским, привел войска свои в движеніе на их границах, показывая вид к нападенію на Польшу. Поляки же притом береглись и от стороны царства Московскаго, в котором, во время междоусобій и замѣшательств тамошних, произходивших от многих самозванцев и притязателей царства того, достали себѣ город Смоленск с его уѣздами, и всѣми силами добычу сію охраняли. А Тарас, побывши гетманом со славою девять лѣт, скончался спокойно.

Часть II-я, глава II

[Прибуття іноземних послів в Чигирин. Лист Богдана Хмельницького російському цареві Олексію Михайловичу і відповідь царя. Переяславська Рада 1654 р. і приєднання України до Росії]

В Ноябрѣ, 1652 года, прибыли к Гетману в Чигирин посланники турецкіе, Пурадин Ага с Эфендіем, Оглу-Селимом, да крымскій мурза, Нагайбек, с их штатами, а к ним присоединился и польскій сенатор, Лянцкоронскій. Они всѣ вмѣстѣ, объявив волю своих дворов и данныя от них полномочія и наказы, соглашали гетмана воевать, вмѣстѣ с их державами, на царство Московское и отнять у него, в пользу хана, царство Астраханское. Хан писал при том особо к гетману, что сдѣланные им против интересов ханских тайные заговоры с московцами и всѣ непріятности он охотно гетману оставляет и предает их вѣчному забвенію при первом соглашеніи гетмана на нынѣшней конференціи, а что касается до загнанных им в нынѣшнее лѣто малоросійских плѣнников, числом до трех тысяч, то их тотчас возвращает в свои жилища, и они у него не что иное значат, как аманаты в залог обѣщаній гетманских взятые. Гетман, употребя все свое искуство в политикѣ и все краснорѣчіе в доказательствах, сколько ни отговаривался невозможностью вступить в новую войну, потерпѣвши великіе убытки в старых, и что надобно ему время на размышленіе, на совѣты с народом и на многія поправки, однако послан-ники ни на что тое не уважая, требовали у гетмана лаконическаго отвѣта, т. е., так или инак, и вступает ли он с ними в союз, или объявляеть себя их непріятелем, и что они имѣют от Дворов своих повелѣнія, на случай несогласія гетманскаго, положить ему на стол меч и лук, войну означающіе. Гетман просил еще признать его неутральным и он под сим видом обяжется вспомогать им секретно, суммами, лошадьми, снарядами и другими воинскими надобностями, значущими в войнѣ пункт немаловажный. Но и сіе предложеніе гетманское отринуто и послы настаивали ему выставить армію свою против московцев. Гетман, наконец, по мно-

гих переговорах, сказал, что он посылается на благоразуміе самих послов, по которому они найдут сами и признают невозможность вступить ему зараз в новую наступательную войну, не укомплектовавши своих войск, потерпѣвших великіе убытки и не получивших самаго необходимаго в войнѣ знанія, без котораго легко можно принесть один вред союзникам, вмѣсто ожидаемой помощи; а испорченное один раз, обыкновенно труднѣе, иногда, поправлять, чѣм вновь дѣлать. Послы, уважив, напослѣдок, так великіе гетманскіе резоны, отсрочили ему на поправку арміи 10 мѣсяцев и, обдаренные гетманом щедро, разъѣхались во свояси, а хан, в слѣд за тѣм, воротил плѣнников малоросійских.

Гетман, раздѣлавшись с послами, выправил зараз в Москву секретно судью генеральнаго, Якова Гонзевскаго, и чрез него писал к царю, Алексѣю Михайловичу, письмо слѣдующаго содержанія: «Многочасно и многообразно давал я знать Вашему Величеству о намѣреніях султана турецкаго и хана крымскаго, вмѣстѣ с королем польским, объявить Вам войну за царство Астраханское и другія их претензіи, и что они меня к тому приглашают против воли моей и желанія, и я отговаривался от них доселѣ разными предлогами, а паче бывшими у меня с поляками всегдашними войнами. Но теперь, когда окончил я сіи войны Зборовскими и Жванским трактатами, то присланные от всѣх оных держав нарочные посланники требовали у меня настоятельно воевать, вмѣстѣ с тѣми державами, на царство Ваше; в противном же случаѣ объявляют они мнѣ войну и введут в Малоросію для того три свои арміи. Я, сколько не отговаривался истощеніем сил моих и народных частыми и тяжкими войнами и крайним моим несостояніем, требующим немалаго времени на поправку испорченнаго и на заведеніе оскудѣлаго, однако они ничего того не внемлют и в резоны не ставят, подозрѣвая меня особливо в приверженности и преданности к Вашему Величеству и народу Вашему, по пересказам им измѣнника моего, бывшаго от меня в посылках в Москву, но послѣ, за злодѣяніе, на смерть осужденнаго, судьи Гулянщкаго, который, убѣжавши от казни, кроется в Крыму и Польшѣ и на меня клевещет. И я насилу мог выпросить у посланников оных, с великими пожертвованіями, одной отсрочки на 10 мѣсяцев для приведенія арміи моей в надлежащій порядок, а всѣ другія прозьбы мои, даже и на самый неутралитет, осталися тщетными. И так остается тепер судить о сем дѣлѣ Вашему Величеству и избирать средства полезнѣйшія и надежнѣйшія; а я призываю всѣ клятвы на душу мою, что о войнѣ с вами и с царством вашим и думать мнѣ несносно, и *предаю вѣчной анафемѣ и суду божію всякаго, мыслящаго непріятельски на единовѣрцев и однородцев*, послѣдних остатков свободнаго в греческой церкви благочестія и древняго апостолическаго православія угнѣтеннаго и искаженнаго во всем мірѣ магометанством и папежством. Но ежели, Ваше Велічество, еще и тепер не рѣшитесь упредить непріятелей и попустите им войти в Малоросію с своими арміями и принудите меня пттить с войсками моими войною на царство Ваше, то извините меня и не осудите, что стану Вам *по неволѣ непріятель*, и на таков случай протестуюсь я пред богом и всецѣлым свѣтом, что неповинен буду в крови единовѣрных христіан, проливаемой за интересы народов невѣрных и недовѣрков. Для отвращенія зла онаго, или, по крайней мѣрѣ, ради его уменьшенія, есть средство не безнадеж-

ное, т. е., объявить полякам войну и ввесть зараз в землю их двѣ арміи или хорошіе корпусы: один в Бѣлорусію и на Смоленск, а другой в Литву. Поляки непремѣнно должны отвлечь туда всѣ своя силы, а турецкія и татарскія войска я, с помощію божію, надѣюсь тогда удержать в их границах, слѣдуя системѣ оборонительной. Если же войска Вашего Величества осчастливлены будут успѣхами, так я и на дальнѣйшее поступить могу. Но всѣ сіи положенія надобно утвердить договорами и клятвами, *чтобы не думалось о зрадах*; а я всю свою *душу обнажил* пред Вами, и свидѣтель мнѣ бог, что говорю сущую правду».

По адресу Хмельницкаго царь Алексѣй Михайлович прислал к нему боярина, Василья Васильевича Бутурлина, своего совѣтника, и с ним других двух думных бояр, и через них наказывал и писал царь к Хмельницкому слѣдующее: «Высокомочному и славному Малоросійскому и Козацкому Гетману, Зиновію Михайловичу Хмельницкому, наше царское и почтительное слово. Извѣстіем Вашим о враждебных помыслах сосѣдних держав и добрыми противу них совѣтами, мы оченно довольны и благодарны Вам, предостойный Гетман, а войска наши давно стоят на границах своих в добром порядкѣ и благонадежности; а выступать им за границу без добраго пріятеля и надежнаго помощника сумнительно. А когда бы Ты, Гетманушка, *изволил с нами соединиться*, то бы всѣ сумнительства на сторону, и мы поручили б Вам всю свою армію, так как человѣку умному и воину славному. А что Ты пишешь про договоры и обовязки, то мы готовы все исполнить вѣрою и правдою, как закон христіанскій и совѣсть повелѣвают. Одначе чтобы впредь не было разнодумья и шалостей с обѣих сторон, то *хорошо бы соединиться и укрѣпиться нам на вѣчныя времена, как единовѣрным и единокровным, и чтобы враги наши не посмѣвались о нас*; а договоры об том и уставы суть права старые Малоросійскіе и Козацкіе, *которыс мы за ними укрѣпим и подпишем за себя и наслѣдников наших, и не будут они нарушимы вѣчно*. А что ты придумаешь к лучшему с нашими боярами и своими думными людьми, мы на тое будем согласны. А коль скоро согласіе утвердим, так и войска дьявол развѣ на то поступить может, а нам, православным, и мыслити о таком злом дѣлѣ, право, со грѣхом; *а дума наша есть и будет, еже бы защитити и охранити народ православный от врага и местника*, чего мы и от вас ищем, и видит бог, что в *правдѣ и истинѣ*, и под его святой рукой, *соединиться вѣчно с Вами и народом Вашим желаем*, и Вам об том почтительно пишем». Переписка Зиновія Хмельницкаго с царем московским и другія сего гетмана записки и дѣянія сообщены в кафедральный Могилевскій монастырь из монастыря Староканевскаго архимандритом тамошним, Макаріем, у котораго проживал в монастырѣ несчастный сын Зиновія Хмельницкаго, Юрій Хмельницкій, бывшій послѣ гетманства своего в монашествѣ.

По прибытіи в Чигирин посланников царских, гетман Хмельницкій созвал зараз чиновников и знатнѣйших козаков от войска, занимавших тогда всѣ правительства малоросійскія и, объявив им о прибывших к нему послах царских, приглашающих его с войском и народом к соединенію с царством Московским и бывших прежде у него посланниках турецких и польских, вмѣстѣ с татарскими, требовавших у него настоятельно

соединенія с их державами и подъятія с ними оружія на царство Московское за их претензіи, предлагал при том, чтобы чины и войска, приняв в зрѣлое разсужденіе всѣ оныя требованія иностранныя, рѣшили единогласно, которое из них избрать полезным и основать на нем предбудущее свое состояніе? Ибо «по обстоятельствам настоящим, надобно быть нам непремѣнно на чьей ни есть сторонѣ, когда неутралитет не прімемлется; да и на предбудущее время зависть и интересы сосѣдей не остевят нас в покоѣ и без попыток, как я и прежде о том вам говорил, а теперь событіе и сами вы видите.

...Гетман и старые чиновники и козаки, возражая молодым разными и многими противоположностями в выгодах турецких от их насчитанных, доказывали им, что «отдаться христіянам самопзвольно во власть невѣрных, или задружить и общеніе имѣть с ними есть для христіянства грѣх смертельный и поступок предь всѣм христіанством позорный и предосудительный, и есть тоже почти, что и самоубійство: ибо, имѣвши с такими общеніе и едность, нельзя ни как не совратиться с пути христіанскаго и не заразиться мерзостями бусурманскими; а *что есть важнѣе в мірѣ, как не соблюденіе отеческой своей вѣры*, божественной и единственной в человѣчествѣ? Примѣчайте и внемлите, что Павел святый, сей бранный апостол Христов, препрѣвшій и побѣдивший всѣх мудрецов міра сего доказательствами своими о вѣрѣ нашей христіанской, что сказал он при концѣ жизни своей о собственной вѣрѣ своей во Христа. Он благодарил бога найусерднѣйше, что «*теченіе жительства скончах и вѣру соблюдах*». А когда такой великій муж и такой ревнитель божій и угодник его, подкрѣпляемый всегда благодатію свыше, когда он благодарил бога за соблюденіе веры в него, то нам грѣшникам сущим, *не надобно ли всемѣрно пещись о соблюденіи вѣры своей*, которою живем, движемся и есмы? Но сіе говориться только о собственной вѣрѣ нашей. А когда мы ее разсмотрим и в других народах, то есть, когда соединясь с невѣрными, *ударим на царство Московское, на сей единственный и свободный остаток державы христіанской, с нами единовѣрной*, и покорим его под такое иго магометанское, в каковом пребывают наши единовѣрныя іерархества: Константинопольское, Іерусалимское, Антіохійское и Александрійское, то что мы тогда будем пред лицем свѣта? По истинѣ, не что иное, как только *притча во языцѣх и посмѣяніе в людях*, и будем еще окаяннѣйшіе от народов садомскаго и гоморскаго, погубленных правосудіем божим с толико страшною грозою. *Да и сами тогда останемся, как обломанное судно в пространном морѣ*, обуреваемое со всѣх сторон и не имущее пристанища и надежды ко спасенію, и будем тоже, что послѣ нашествія Батыя под владѣніем татарским, т. е. невольники в богослуженіи и христіанствѣ, или *отступники и рабы неключимые, гибнущіе с душею и тѣлом*».

Рѣчь гетманская и стариков тронула, наконец, молодых противоборцев до слез. Многіе из них с рыданіем говорили и повторяли гетману: «*Право судити есте, и правы путіе ваши: да будут по глаголу вашему и мнѣнію!*» Гетман, пользуясь смягченіем сердец, поручил судьѣ, Самуилу Богдановичу и, полковнику Переяславскому, Павлу Тетерѣ, написать договорныя статьи с царем Московским и представить их на разсмотрѣніе его и всего совѣта Малоросійскаго. Онѣ написаны, и по апро-

бацiи гетмана с совѣтом, объявлены послам московским, которые, согласясь на все, в них уложенное, *подтвердили присягою своею от лица царя и царства Московскаго о вѣчном и ненарушимом храненiи условленных договоров*. А за сим требовали они взаимной присяги от чинов и народа малоросiйскаго в равномѣрном соблюденiи тѣх договоров. Статьи договорныя подписаны гетманом и чинами генваря 6-го дня, 1654-го года, и присяга тогда же ими ученена; а прочим чинам и войску назначен сборным мѣстом город Переяславль, гдѣ всѣ они также присягали в присутствiи послов и получили от них подарки царскiе. Но послы требовали при том, чтобы и войско Запорожское имѣло совместно с Малоросiею согласiе на договоры и присягою утвердило. Однако на сiе объявил гетман со всѣми чинами, что «*запорожцы у нас люди не великiе*, и для того в дѣло сiе ставить их не для чего, ибо они *из нас набираются и к ним возвращаются*; а малость между ими иностранцев почти ничтожная, к сему дѣлу ненадежна и ко всѣм обязанностям неспособна; и сiе почитается у них верховною вольностiю и, так сказать, их пищею».

Статьи договорныя состоят во многих пунктах, но экстрактом из них служат для козаков и их начальников и народа только три: *первая*, чтобы пребывать им на всѣх прежних договорах и пактах, заключенных с Польшею и Литвою и утвержденных привиллегiями королей польских и великих князей литовских, и по них пользоваться всѣми преимуществами и свободами вѣчно и безо всякой отмѣны; *вторая*, чтобы собственность всѣх родов имѣнiя их и пріобрѣтенiя его ненарушимо при них и наслѣдниках их пребыла вѣчно под охраненiем *прав* их стародавних *руских, литовскими называемых*, и по них шафовать ими и всякими образами корыстоваться былобы свободно и невозбранно; и *третя*, чтобы в дѣла их и судилища никто другой не входил и не мѣшался, а сами они судиться и управляться между собою должны по своим правам и своими избранными из себя судьями и начальниками. В преимуществах правительства нацiональнаго положен, между прочим сей, пункт: «Ежели мы, гетман, с старшиною и войском, кому за службу пожалуем хутор, мельницу или деревню, а он учнет просить государя о подтвержденiи, то государ да изволит оное подтвердить». Наконец, привнесена статья и о шляхетствѣ польском, оставшемся по единовѣрству в Малоросiи, чтобы им пребывать здѣсь при своих правах и преимуществах, равных с природною шляхтою и под протекцiею войска. Но статься сiя была впослѣдствiи громовым ударом для правительства и горчайшею пилюлею для тѣх, кои ее допустили и в протекцiю свою таких зловредных людей приняли. Они поблагодарили и воздали им точно так, как древнiя племена ханаанейскiя и аморейскiя воздали племенам израильским за то снисхожденiе, что сiи их не истребили, а сжалившись, вмѣстили при себѣ. Шляхетство оное, быв всегда в первѣйших чинах и должностях по Малоросiи и в ея войсках, подводило под правительство ея многiя мины происками своими, контактами и открытыми измѣнами, замышленными в пользу Польши, а народу дало испить самую горькую чашу предательствами и введенiем их в *подозрѣнiе, недовѣрчивость* и в самыя тиранскiя за то мученiя, правительством верховным по *неосмотрительности* над ним произведенныя, *ибо всѣм замѣшательствам, нестроенiям и побоищам в Малоросiи, послѣ Хмельницкаго происходившим, они-то были причи-*

ною, и сколько их ни скрыты сѣти и коварства от народа, но он узнал виновных, нѣскольких истребил, и воспѣл, наконец, сiю утѣшительную для себя пѣсенку, значущую больше, чѣм ея простота:

«Да не буде лучьче,
Да не буде краще,
Як у нас на Вкраини:
Нема панив,
Нема ляхiв,
Не буде й измины...»

Ненависть польской шляхты не преставала и за тѣм гнать малоросiян, а паче козаков во всякое время, и неудачи со стороны правительства и искушенiя народнаго, хотя нѣсколько унизили их, но не совсѣм изтребили. Они мало по малу вошли вновь во всѣ уряды и командованiя козацкiя и, занимая пред ними и пред чиновниками, из них произшедшими, первенство и преимущество, тщеславясь одною породою своею и эдукацiею, забыли и затмили, наконец то, что они пришельцы в землѣ чужой и оставлены в протекцiи тѣх, коих презирали и ненавидѣли, и кои могл и должны были изгнать их или истребить во время революцiи, но удержаны от того одною рѣрою и снисхожденiем гетмана Хмельницкаго, народом отмѣнно любимаго. Плодом поверхности их над природными чиновниками и шляхтою было униженiе сих в собственной своей землѣ и в своих природных правах и преимуществах. Им позавидовав и поревновав, многiе из природных малоросiян, а паче из поповичей, вышедших в чиновники посредством инспекторiй, пристали к их системѣ и, приладив кой-как фамилiи свои к польским, стали тщеславиться их произхожденiем. А к сим еще премногiе возникнув из жидовства, принужденнаго креститься в прежде бывшiя над ними всеобщiя побоища, и поверстанные в шляхту извѣстным о перекрестах статутовым артикулом, составили, наконец, из смѣшенiя сих языков и пород единственный бич для козаков и всѣх малоросiян. Они управляя ими во всѣх урядах и правительствах и набагатившись около их разными происками, а паче пользуясь тѣх простотою и падчиненностью отняли у них всѣ права их шляхетскiя природныя, от самой неизвѣстной древности безпрерывно при них бывшiя, и под титулом рыцарства всѣми договорами и привиллегiями им подтвержденныя, присвоив их одним своим породам. А напослѣдок, вытиснув многих из них на слободы и другiя провинцiи, остальных приправили в то состоянiе, в каковом они нынѣ находятся. Отпуская гетман послов царских с договорными статьями, обдарил их значно азiятскими и польскими вещами, довольно богатыми, и с ними послал своих посланников, судью Гонзевскаго и полковника Тетерю, с благодарственным к царю адресом, в коем, объяснив о всем, с послами им произведенном в пользу соединенной нацiи, просил при том царя о ратификацiи и подтвержденiи договорных статей особыми своими грамотами, которыя от царя в неукоснительном времени гетману чрез его посланников и присланы. И царь, утверждая в них все, договорами положенное, оказал при том открытую благодарность свою к малоросiйским чинам и народу, сравнив их личными преимуществами с боярами, дворянами и всѣми степенями московскими или великоросiйскими, чего в договорах

не было объясненно, а вмѣщалось то в пактах с Польшею и в привиллегіях королевских, статьями утвержденных, в коих нѣсколько раз узаконено и подтверждено, что соединяемся, яко равный с равными и вольный с вольными. Ратификованныя статьи и царскія грамоты, за получеством их, опубликованы были во всей Малоросіи с приличными торженіем их, опубликованы были во всей Малоросіи с приличными торжествами, и копіи с них оставлены в архивах всѣх правительств, а оригиналы положены в архив Трибунала Малоросійскаго, под охраненіе національнаго присяжнаго архиваріуса, которыя со многими другими нацыональными документами и хранились с таковым тщаніем болѣе ста лѣт, но, напослѣдок, во время частых перемѣн Малоросійскаго Трибунала или правительства и по навѣтам антипатріотов народных... стали онѣ сокровенны в ином хранилищѣ.

Соединеніе Малоросіи с царством Московским встревожило всѣ почти дворы европейскіе. Система о равновѣсіи держав начинала уже тогда развиваться. Царство Московское, хотя само собою и не дѣлало еще у сосѣдей важнаго замѣчанія, яко разоренное и униженное недавними ужасами самозванцев и междоусобій, однако зависть сосѣдей, знавших довольную обширность соединявшейся с ним Малоросіи и ея многолюдство, с толиким храбрым и мужественным воинством, не осталась без своих дѣйствій. И сколько Польша ни набридла сосѣдним державам тревогами своими и непостоянным правленіем; но всѣ желали лучше имѣть дѣло с сею республикою, подверженною всегдашнимь превратностям, чѣм видѣть в Россіи державу абсолютную, вдруг возвысившуюся в степень царств могущественных и страшных, без всяких при том потеряній и убытков, и как бы с неба сим безцѣнным даром обогащенную. По сему гетман Хмельницкій со всѣх сторон атакован был нареканіями и угрозами за свою протекцію, и от многих дворов требовано возвращенія его в прежнее неутральное состояніе; а от стороны турецкой, польской и крымской объявлена ему за то война, вмѣстѣ с царством Московским, и Хмельницкій принужден нѣсколько раз повторять с прискорбіем извѣстныя слова царя Давыда: «Тѣсно мнѣ отвсюду!» Однако великодушіе его и здравый ум и разсудок, с обширным знаніем политики, превозмогли всѣ страхи и ни мало не поколебали в приверженности к царю и царству Московскому, и он, начав приготовляться к новой войнѣ, сообщил царю свои об ней разпоряженія, которыя царь во всем одобрил и зараз стал производить в дѣйствіе...

Часть II-я, глава III

[Обрання гетьманом Юрія Хмельницького і смерть Богдана Хмельницького]

Почувствовав гетман Хмельницкій приближающуюся кончину свою, созвал в Чигирин чиновников и начальников от войска и урядов и товариство с знатнѣйшими козаками, и им, собравшимся к нему в дом, объявил состояніе дѣл націи и всѣ тогдашнія министерскія обстоятельства. А за тѣм, исчислив прежнія на отечество напасти и происходившія от того тяжкія войны, в которыя они так славно и великодушно подвизались и перенесли бѣдствія собственным своим мужеством и достохвальным между собою согласіем, заключил тѣм, что он, чувствуя приближающуюся кончину свою, с сокрушеніем сердечным и прискорбіем душевным, оставляет их на произвол судьбы и совѣтует им не ослабѣвать, при случаѣ надобности, в мужествѣ и подвигах бранных, *держась всегда единодушнаго согласія и братской дружбы, без чего ни какое царство и ни какое общество стоять не может*. «А я, продолжал Хмельницкій, благодарю вам, братія, и за послушаніе меня в войнах и за свое гетманство! Благодарю за тѣ достоинства, которыми вы меня почтили, и за ту довѣренность, которую вы мнѣ всегда оказывали! Возвращаю вам всѣ знаки и клейноды, достоинство и власть оную означающіе, и прошу вас простить меня, в чем я, яко человѣк, кому либо из вас погрѣшил, или кого огорчил. Намѣренія мои об общем благѣ были чистосердечны и истинны, и я всего себя посвящал отечеству, не щадя здоровья своего и самой жизни. Но каждому угождать не возродился еще никто из человѣк. И так, в разсужденіи общаго добра, позвольте еще попросить вас сдѣлать мнѣ послѣднее удовольствіе: изберите себѣ гетмана при моей жизни, которому б я мог открыть нужныя тайны и дать полезные совѣты в правленіи. А как в нинѣшнее критическое время надобен в гетманы самый искусный, мужественный и опытный человѣк, то я представляю вам таковыми полковников, переяславскаго Тетерю, и полтавскаго Пушкаренка, да писаря генеральнаго, Виговскаго. Из сих избирите вы одного, кого по общему совѣту заблагоразсудите».

Чины и козаки, возрыдав горько от изреченій гетманских, так трогательных и их поразивших, а паче о приближающейся кончинѣ его и своем сиротствѣ, начали вопить: «Кого изберем на мѣсто твое? И кто достоин наградить отеческіе к нам заслуги твои и нашу в тебѣ потерю? Сын твой, Георгій, да наслѣдует мѣсто и достоинство твое! Он один пущай над нами начальствует, и мы его избираем в гетманы. Окаянны, безсовѣстны и безстыдны были б мы, если бы предпочли ему кого другаго, забыв и презрѣв великія твои к нам благодѣянія и безпримѣрные для отечества подвиги». Гетман, благодаря чинам и войску за их к нему признательность, отвращал выбор их на его сына, доказывая, что он очень молод и к подъятію такой великой должности и в такое критическое время еще не надежен. «А вы благодарность свою ко мнѣ можете над ним оказать другим образом; равно и он может отечеству служить в другой степени, по мѣрѣ способности своей и лѣт. А в должность гетмана избирать надобно человека возмужалого и во всѣх качествах и способностях опытами дознаннаго». Собраніе, возразив гетману, что молодость сына его можно подкрѣпить добрыми совѣтами и надежными совѣтниками, которых, по знанію своему, избрать сам может, приговорили единогласно, что лишить его отеческаго достоинства мы никого не допустим.

Гетман, по упорному настоянію собранія, согласясь на его волю, пригласил к себѣ сына своего, Георгія, и поручил собранію, со изреченіем!: «Вручается он в покровительство божіе и в вашу опеку, и анафемѣ предаю того, кто совратит его с пути истиннаго и сотворит притчею во языцѣх и посмѣяніем в людѣх! Предаю и самаго его, если он пойдет путем строптивым и удалится от правоты, чести и христіанских добродѣтелей; и завѣщеваю ему на всю жизнь его служить отечеству вѣрно и усердно, блюсти его, яко зѣницу ока, и пролить за него всю кровь свою, ежели она будет ему полезна и спасительна! Болѣе сея жертвы я ничего

другаго от него не требую, и сіе да будет ему всегдашним моим паролем и лозунгом! А вас прошу и заклинаю подкрѣплять его благими совѣтами и постоянным мужеством, которое всему племени нашему славянскому есть искони сродно и наслѣдственно». За сим вручены гетманом сыну его клейноды войсковые и печать національная, со всѣми документами и дѣлами письменными; и он, по обычаю, поздравлен и прикрыт от чинов и товарищества знаменами и шапками, и провозглашен гетманом, с пальбою из пушек и ружьев и с музыкою войсковою, игравшею по городу на всѣх перекрестках и площадях, а в полки и города разосланы нарочитые с универсалами. Происходил же и совершен выбор сей в 7 день августа, 1657 года.

Старый гетман пред кончиною своею имѣл еще совѣт с чинами и товариством, и на нем избраны совѣтниками и опекунами к молодому гетману: писарь генеральный, Виговскій, и полковник полтавскій, Пушкаренко, бывшій уже в походах наказным гетманом. И старый гетман, послѣдняго дни в своей жизни побывши с сыном своим и его совѣтниками нѣсколько часов на единѣ, скончался 15 августа, по полудни. Вопль и стон домочадцов гетманских и выстрел из ломовой пушки возвѣстили в городѣ о смерти гетмана. Войско и народ всякаго чина и сословія наполнили тотчас дом гетманскій и его окружили. Плачь и рыданіе раздирали воздух, и сѣтованіе продолжалось повсемѣстное и неизреченное. Всѣ оплакивали его, как родного отца своего; всѣ вопили: «Кто теперь поженет врагов наших и защитит нас от них? Померкло солнце наше, и мы остались во тмѣ на разхищение волков алчных!»

Достоинства сего гетмана и подлинно стоили оплаканія всенароднаго, и таких людей судьба божія вѣками только производит в человѣчествѣ для нарочитых ея намѣреній и устроеній. Он, при превосходном своем разумѣ, был весьма добродушен и справедлив; в дѣлах національных совершенный политик, а в войнѣ неустрашимый и предпріимчивый вождь. Храбрость его равнялась равнодушію. В побѣдах своих никогда не тщеславился, а в неудачах вовсе не унывал. Терпѣніе его в тягчайших трудах и подвигах никак ему не измѣняло. Голод и жажду, холод и зной. сносил он с совершенным спокойствіем. Отечество свое и народ так любил, что покоем своим, здоровьем и самою жизнію всегда ему жертвовал без малѣйшаго роптанія. Словом сказать, был совершенный в народѣ верховный начальник, а в войскѣ безпримѣрный вождь.

Похорон гетману учинен с великим, но печальным, тріумфом и со всѣми воинскими и гражданскими почестями. Тѣло его, в провожаніи многочисленнаго воинства и народа, перевезено из Чигирина в собственное мѣстечко гетманское, Субботов, и тамо погребено в монастырской его церкви, с надписями и эпитафіями. На сторонѣ гроба выставлен под балдахиною портрет гетманскій с сею надписью:

«Сей образ начертан козацкаго героя,
Подобна грекам тѣм, от коих пала Троя!
Помпей и Цесарь, что были у Рими,
У руссов значил то Хмельницкій дѣлами своими:
Польшу он низложил козацкими полками,
Татаров и турков устрашил тѣми же войсками;

Наказав варварство, пресѣк вѣроломство,
Вѣчно не забудет того польское потомство.
Унію он опроверг, благочестіе возставил,
Ревность в том свою в род и род прославил;
Непобѣдим во бранѣх, благой воспріял конец:
Из сына в отечествѣ достойнѣйшій ему явился отец!»

Причиною смерти гетманской полагают нѣкоторые писатели продолжительную отраву, поднесенную ему одним знатным поляком, сватавшимся на его дочери, а послѣ скрывшимся. Но то уже достовѣрно, что на седьмой год по его смерти, при впаденіи в заднѣпровскую Малоросію турецких войск с султаном их, Нурадином, соединившіесь с ними поляки, напавши на мѣстечько Субботов, разорили его до основанія, и кости Хмельницкаго, вырывши из гроба, сожгли, вмѣсте с церковію и монастырем тамошним, и тѣм кончили варварское свое и подлое над мертвым мщеніе.

Часть III-я, глава III

[Про шведську інтервенцію на Україні р. 1708—1709. Бій під Полтавою 27. VI 1709 р.]

Король шведскій, вступив с арміею своею из Польши в Малоросію, нашел гетмана Мазепу около реки Десны, в предѣлах Новгорода Сѣверскаго. Видя его без войск и без всего того, что ему обѣщал, почел его обманщиком или предателем царю своему и намѣревался за то казнить; но убѣдительныя жалобы Мазепы и трогательное его рыданіе увѣрили короля, что он, Мазепа, сам обманулся войском и народом своим. Г. Вольтер, описуя дѣянія героя своего, короля шведскаго, говорит в сем мѣстѣ так: «Карл XII-й, продолжая поход свой из Польши на Москву, вдруг поворотил с дороги Московской в окрестностях Смоленских и направил поход свой в Украину, землю козаков сего имени. Весь его генералитет и самый любимец, Пипер, сему удивлялись, но ничего не знали. Наконец, по многотрудных и медлительных походах чрез мѣста лѣсныя и болотистыя, розтерявши в них артиллерію и запасы, достигли тоя Украины, гдѣ предстал пред короля, при рѣкѣ Деснѣ, владѣлец Украинскій, Мазепа, и разрѣшил эту загадку, дотолѣ неразрѣшимую. Козак сей явился у короля не так как вождь какой нибудь арміи, но как бѣглец, с немногими людьми из своего штата. Король, его увидя, изумился, а он донес сму, что войско от него отстало и народ не послушался, что не многіе полки его гвардіи, вызваные из вольницы, остаются в городѣ Батуринѣ, его резиденціи, для сбереженія магазейнов и запасов, и совѣтовал королю поспѣшить туда своим походом, чтобы московцы и тѣм не обовладѣли». Вступленіе шведов в Малоросію не похоже было на нашествіе непріятельское... Шведы, напротив, ничего у обывателей не вымогали и насильно не брали, но гдѣ их находили, покупали у них добровольным торгом и за наличные деньги. Каждый швед выучен был от начальства своего говорить по руски сіи слова к народу: «Не бойтесь!

Мы ваши, а вы наши!» Но не смотря на то, народ здѣшній уподоблялся тогда диким американцам, или своенравным азіятцам. Он, выходя из засѣк своих и убѣжищ, удивлялся кротости шведов, но за то, что они говорили между собою не по руски и ни мало не крестились, почитал их нехристями и невѣрными, а увидѣвши их ядущих по пятницам молоко и мясо, счел и заключил безбожными бусурманами и убивал вездѣ, гдѣ только малыми партіями и по одиночкѣ найти мог, а иногда забирал их в плѣн и представлял к государю, за что давали ему жалованье, сначала деньгами по нѣскольку рублей, а напоследок по чаркѣ горѣлки, с привѣтствіем: «Спасибо, хохленок!»

Король шведскій, вступя в Малоросію, публиковал в ней и выставил на публичных мѣстах прокламацію свою к здѣшнему народу слѣдующаго содержанія: «Преслѣдуя злобнаго своего непріятеля, царя московскаго, воздвигнувшого на Швецію войну со всѣх сторон без всяких причин, а по одной злости своей и тщеславію, я вступаю в землю Козацкую не ради завоеванія ея или покорыствованія сокровищами и пожитками жителей здѣшних, но единственно для возстановленія прав их и свобод прежних, за которыя и предки мои, короли шведскіе, против Польши всегда вступались, и к тому обязаны были важными им заслугами козацкими и союзными с ними договорами и трактатами. Ибо мнѣ известно по сосѣдним слухам и протесту гетмана Мазепы, что царь московскій, бывши врат непримиримый всѣм народам в свѣтѣ и жадничая покорять их своему игу, повергши и козаков в неключимое свое рабство, презирая, отнимая и касуя всѣ ваши права и свободы, торжественными с вами договорами и трактатами утвержденныя, забыл при том и безстыдно презрѣл самую благодарность, всѣми народами за святость чтимую, которою одолжена вам козакам, и народу рускому Московія, доведенная междоусобіями своими, самозванцами и поляками до ничтожества и почти небытія, но вами удержана и усилена. Ибо извѣстно всему свѣту, что народ рускій с своими козаками, быв сначала народом самодержавным, т. е., от самого себя зависимым, под правленіем князей своих или самодержцев, соединялся потом с Литвою и Польшею для сопротивленія с ними против татар, их раззорявших, но послѣ за насилие и неистовства поляков, освободившись от них собственною своею силою и храбростію, соединился с Московіею добровольно и по одному единовѣрству, и, сделав ее такову, какова она теперь есть, от нея попираем и озлобляем нынѣ безсовѣстно, и безстыдно. И так я обѣщаваю и пред цѣлым свѣтом торжественно клянусь честію своею королевскою, по низложеніи непріятеля своего, возстановить землю сію Козацкую или Рускую в первобытное ея состояніе самодержавное и ни от кого в свѣтѣ независимое, о чем я, с гетманом вашим, Мазепою, и письменными актами обязался и утвердил, а гарантировать их взялись первѣйшія в Европѣ державы». Государь, свѣдав о разосланных по Малоросіи списках прокламаціи Карла XII-го и в такой же силѣ разсѣянных универсалах Мазепы, которым, однако, народ здѣшній ни мало не вѣрялся, публиковал и от себя во всенародное извѣстіе манифест свой, подписанный собственною рукою и выставленный при всѣх церквах, и в нем изъяснялся, что «Взнесенныя на него от упорнаго непріятеля, короля шведскаго, и исчадія его, отступника Мазепы, клеветы, пороки и подозрѣнія суть

несправедливы, змышлены и исполнены коварств и обманов для прельщенія народнаго, и что он никогда и в мысли не имѣл обижать, раззорять и порабощать вольный народ малоросійскій, а паче касовать и уничтожать прав их и привиллегій, утвержденных родителем его, царем Алексѣем Михайловичем в договорных статях славнаго и мудраго гетмана, Зиновія Хмельницкого, при соединеніи Малоросіи с державою Великоросійскою заключенных, но по них и по особой царской милости, будет сей вѣрный и усердный народ содержать при всѣх его правах, волностях и преимуществах вѣчно и нерушимо, и можно нелестно сказать, что ни единый народ под солнцем не может хвалиться такою легкостію и свободою, яко же наш народ, малоросійскій, ибо ни единаго пенязя в казну нашу брать не велѣли с него и наслѣдникам нашим о том завѣщали. А что касается до противника нашего, Карла, то всему свѣту извѣстно, какія он с арміею подѣлал раззоренія всѣм тѣм народам, кои проходил: церкви их и святилища грабил и дѣлал их конюшнями и поварнями, священнослужителей тиранил и умерщвлял, сосуды и утвари церковныя передѣлывал на мирскія непристойныя вещи, а иконы священныя ругал, сокрушал и ногами попирал, да и в Малоросію заведен он М[illegible]епою с одним и тѣм же умыслом, чтобы, по раззореніи ея, предать народ в вѣчную неволю, в ссылку полякам, от которых он набрал довольное число денег, а Мазепа и Лещинскій, яко единородные полякам, его творенія, не что иное у него будут, как только сборщики и тираны народные, творящие волю его, и вѣчные шведскіе данники или васалы». По обнародованіи царских манифестов, народ малоросійскій, и без того преклоненный на сторону великоросійскую, натурально, по одновѣрству и однородству, которыя сугубо тогда ему оттѣнивал народ шведскій языком своим и иновѣрством, приложил к манифестам свои выдумки пли басни, пронесенныя от языка в язык на счет шведов и Мазепы и составившія, наконец, непреложное и вѣчное преданіе народное, извѣстное даже до сего дне, что, будто, шведы, ругаясь с икон святых и попирая их ногами, заставляли также и Мазепу поругаться оным и потоптать ногами чудотворный образ богородичный в селѣ Дегтяровкѣ, что над Десною, бывшій в каменной тамошней церкви, им Мазепою созданной, и что сей образ испускал тогда жалостный стон, а Мазепа, стоя на нем, отрекался от своея вѣры и присягал на вѣру шведскую. Эхо об этом раздалось тотчас во всю Малоросію, с перемѣною только мѣста и названія иконы богородичной. Одни говорили, что сіе послѣдовало с образом Балыкинским, а другіе с Каплуновским, и так далѣе. А между тѣм истребленіе шведов от народа продолжалось во всѣх мѣстах и случаях, гдѣ их только удобно найти могли, и злость на них умножалась от поревнованія народного за вѣру свою и ея поруганіе, от чего в одну осень и зиму убавилось шведов почти до половины.

Государь в ноябрѣ мѣсяцѣ того же 1708 года, собрав в город Глухов чинов и козаков малоросійских, которые в разсужденіи военных замѣшательств собраться только могли, велѣл им произвесть выбор на гетмана вольными голосами и по их правам и заведеніям. Чины и козаки объявили на то государю, что они не иначе должны приступить к выбору гетмана, как подписавши первѣе приговор от лица всея націи, что выбор тот производится с утвержденіем гетману всѣх прав его, преимуществ

и прерогатив, вольность народа и права его обезпечивающих, и просили при том государя завѣрить их о том своею грамотою. Государь уверил собраніе клятвенно, что он всѣ права гетманскія, войсковыя и народныя и бывшія на то договорныя статьи, подтвердит непремѣнно, по прошествіи нынешних военных замѣшательств и неудобств. Почему, в присутствіи государя и его министров, 7 ноября, выбрали в гетманы Полковника Стародубскаго, бывшего после Маклашевскаго, Ивана Ильича *Скоропадскаго*, который тогда же от государя и утвержден, и ему вручены клейноды войсковые и національные, гетманское достоинство знающіе, т. е., булава бунчук и печать, а от государя особенно пожаловано знамя государственное, изображающее двуглавого орла с регаліями царственными.

По окончаніи кратких торжеств выбора и утвержденія гетманскаго, открылось там же в Глуховѣ новое явленіе, до того еще в Малоросіи небывалое, явленіе страшное, названное сопутницею Мазепѣ в ад. Многочисленное духовенство малоросійское и, ближайшее к границам здѣшним, великоросійское, нарочито собранное в Глухов, под начальством и инспекторством известнаго епископа Прокоповича, и составившее из себя, так названный, помѣстный собор, в 9-й день того жь ноября, предало Мазепу вѣчному проклятію или анафемѣ. Мрачное торжество сіе совершалось в каменной Николаевской церкви, в присутствіи государя и при многочисленном собраніи чиновников и народа. Духовенство и клирики были в черном одѣяніи, и всѣ со свѣщами чернаго цвѣту. Портрет Мазепы, висевшій до того среди города на шибеницѣ, влечен был по городу палачами и втянут внутрь церкви. Духовенство, окружа его, прочитывало и воспѣвало нѣкоторые псалмы из священнаго писанія, а потом, провозгласив и нѣсколько повторив: «Да будет такой-то Мазепа проклят!» оборотило на портрет его возженныя свѣчи, а клирики, повторяя тоже самое пѣніем, оборачивали и они свѣчи свои ничком. Начальствующій епископ ударил при том концем жезла своего в грудь портрета, со изреченіем: «Анафема!» И тогда повлекли обратно портрет из церкви и пѣли сей стих церковный: «Днесь Іуда оставляет учителя и пріемлет діавола», и тѣм обряд тот кончился.

Во время расположенія шведских войск на зимовыя квартиры по Малоросіи, бывшіе между ними чиновники малоросійскіе, вызванные прежде Мазепою для войны с шведами, а потом оставшіесь при нем под присмотром, улучив удобное время к своему побѣгу, уѣхали тайно от Мазепы из квартир своих и прибыли к государю с изъясненіем своей невинности и вѣрной к нему преданности. Они приняты от государя благосклонно и оставлены в прежних их чинах и должностях. И сіи были: Данило Апостол, Иван Сулима, Дмитро Горленко, Иван Максимовичь, Михайло Ломиковскій, Гамалія, Кандыба, Бутовичь и канцелярист Антоновичь, а прочіе премногіе чиновники и знатные козаки, подозрѣваемые в усердии их к Мазепѣ, по тому что они не явились в общее собраніе для выбора новаго гетмана, отыскиваемы были из домов их и претыркы...

Между тѣм приближавшаясь компанія 1709 года показывала великій урок для обоих воюющих монархов и народов, и сей самый год стал

замѣчательно эпохою Исторіи Северной и всея Европы. В нем то сбылось неожиданное паденіе и уничтоженіе Швеціи, а возвышеніе Россіи. Монарх Россійскій, хотя и видѣл армію шведскую, уменьшенную в Малоросіи до половины, и что войска его столько возмужали и укрѣпились, что уже могли стоять против шведов, в трое от них меньших, однако, не надѣясь на счастіе свое, столь мало ему благопріятствовавшее, и опасаясь, чтобы дѣла его не приняли худшаго оборота, посылал и в сем году, и почти на кануне послѣдняго и рѣшительнаго сраженія, отзывы свои королю шведскому, соглашая его на мирныя предложенія, которыми оставлял ему всѣ прежнія требованія на Ингерманландію и Финляндію, а выговаривал себѣ одну только пристань на Балтійском морѣ с городом Петербургом и Шлиссельбургом. Но король шведскій, упоенный славою завоевателя и всегдашними своими побѣдами, отвергнув тѣ предложенія, сказал посланникам царским и иностранным посредникам, на мир его соглашавшим, что «помирится он с царем в столичном городѣ его, Москвѣ, где принудит московцев заплатить ему 30 милліонов талеров за военные убытки, и покажет царю над чѣм и как царствовать». Государь, таким жестоким отказом став безнадежен на мирные успѣхи, начал стягать войска свои в окрестность Полтавы, а на державном при том военном совѣтѣ приговорено от всего генералитета дать шведам рѣшительное сраженіе во чтобы то ни стало.

Король шведскій, хотя и знал, что армія его знатно умалилась, и усилить ея неоткуда, да и во всѣх воинских снарядах и запасах был крайній недостаток, и что счастіе, прежде от него неотступное, начало в Малоросіи перемѣняться всегдашними неудачами, но надѣясь на храбрость своих воинов и пытаясь собственною своею отвагою, которая из дѣтства вкоренилась в нем от воспитанія и внушенных при том фальшивых правил о извѣстной предестинаціи или предопредѣленіи, за одно почитаемом им с языческим неизбежным роком, и что они, будто, заставляют человѣка вдаваться во всѣ опасности, презирая самые невозможности вопреки здраваго разсудка, природою нам внушеннаго. По сим правилам предприняв продолжать с Россіею войну, самую отчайнную, выступил из квартир своих в началѣ апрѣля мѣсяца тогоже 1709 года, и разположил стан свой при мѣстечкѣ Будищах, а там простояв до половины мая и наскучив праздностію, вздумал осадить город Полтаву, в надеждѣ получить в ней великія сокровища и запасы по завѣренію спутника своего, Мазепы. Осада и приступ на город были жестокіе и страшные в правилах воинских. За неимѣніем осадной артиллеріи и мортир с бомбами, шведы напали на бастіоны с ружьями и палашами и нѣсколько их взяли. Но комендант Полтавскій, иностранец Аларт, с солдатами и пѣшими козаками, встречали их артилеріею, а провожали и опрокидали с валов копьями. Подоспѣвшія жь из арміи свѣжія войска россійскія, с луговой стороны в город прошедшія, и совсѣм ту осаду уничтожили, и король, собираясь послѣ того не перепустить через реку Ворсклу россійской арміи, для переправы к ней приступившей, поѣхал с двумя своими гвардѣйцами ее рекогносцировать, а наѣхав ночью на козацкій пикет, хотѣл его сбить, и для того, напав на него собственною своею особою, колол козаков шпагою; но они, сдѣлав на него исправной выстрѣл из своих гвинтовок, убили одного гвардѣйца, а короля тяжко

ранили в ногу и разшибли ея голень. И так король, к прежним недостаткам армейским, нажил и свой собственный, став об одной ногѣ. Случайность сія, хотя была не из сонма предестинацій, а от самопроизвольной и неприличной королю запальчивости, однако давала ему знать, что к личному командованію сраженіем он не способен и должен от него удаляться и спасать свою армію.

Обѣ воюющія арміи собрались к Полтавѣ в іюнѣ мѣсяцѣ и разположились одна в виду другой, укрепив себя шанцами и другими нужными окопами. Армія россійская состояла из 76.000 и в том числѣ малороссійских отборных войск, оставшихся от командированія прочих к прикрытію границ, было 20.000 под командою генеральных старшин и прежде бывшаго наказнаго гетмана Заднѣпрскаго, Семена Палія, сысканнаго из Сибирскаго заточенія, который быв отлично искусен в наѣздах и разорваніи соединенных фронтов, много поспособствовал в побѣдѣ непріятеля. Шведская армія немногим превосходила 20.000, да Мазепиных войск, собравшихся к нему из разкасированных компанейцев и сердюков, не болѣе было одной тысячи; но они с самим Мазепою во всякое время оставались при обозах своих и шведских, уклоняясь всегда от сраженій с россіянами и содержа против них самый строгій неутралитет, выговоренный Мазепою у короля шведскаго и объявленный в деклараціях его по всей Малоросіи. Ибо Мазепа, как всѣм извѣстно, быв христіанин, отмѣнно набожный, воздвигнувшій на свой кошт многіе монастыри и церкви, почитал за смертный грѣх проливать кровь своих соотчичей и одновѣрцев, и исполнял то с рѣшительною твердостію, не преклоняясь ни на какія убежденія. А потому никто не докажет, чтоб сіи его войска причастны были хотя одному убійству над россіянами. Однако, не смотря на то всѣ, попадавшеесь из его спиры узники в руки россіян, воспринимали одну участь с лебединскими мертвецами, и замѣчательно, что смысл о неутралитетѣ, яко словѣ иностранном, иначе тогда толковали от нынѣшних о нем понятій. Наконец в 27 день іюня, 1709 года, совершилось то сраженіе, которое рѣшило судьбу Россіи и Швеціи, удивило Европу и сдѣлало перелом в политикѣ держав и в жребіи королей: низверженнаго и вновь возведеннаго, разумея польских. Сраженіе сіе начали шведы на самом разсвѣтѣ и конницею своею напали на регулярную конницу россійскую и прогнали ее за ея шанцы. Но начальник козацкій, Палій, с козаками своими напав тогда на шведов в тыл и на фланги их фронтов и прорвавшись в интервалы, сдѣлал великое им поражженіе копьями и из ружьев, от чего они, смѣшавшись, побѣжали к своим шанцам и потеряли генерала своего, Шлипенбаха, взятаго в плѣн. Козаки, преслѣдуя шведов до их шанцев, провели позади себя сильную колонну пѣхоты россійской, под командою генерала Меншикова, и она, напав на шанцы шведскіи и сдѣлав сильный залп из пушек и ружьев, увалилась в них штыками и погнала шведов во всѣ стороны. Таким образом обовладѣли шанцами и взяли в плѣн командовавшего ими, генерала Розена, со многими офицерами и рядовыми. Шведы послѣ сего собрались и построились вновь между шанцами и обозами своими на открытом поле и ожидали нападенія россіян. Государь выстроил свои войска против шведских, поставив в срединѣ пѣхоту с артиллеріею, а по флангам конницу. Сраженіе возобновилось: пальба продолжалась с обѣих сторон

болѣе трех часов; наконец шведы, не имѣв артиллеріи и претерпѣв от россіян великой урон, показали во фронте своем многіе интервалы или пустоту, а Палій, сіе примѣтя, тотчас ворвался в них козаками и произвел всеобщее замѣшательство в непріятелѣ. Случившійся во весь тот день великій туман пособствовал козакам обхватить их с тылу и во фланги, а шведам помогал он скрыть свое отступленіе с мѣста баталіи. Сіе началось порядком ретирады, но послѣ, смѣшанные козаками, обратились шведы в бѣг. Россіяне, гонясь за ними в туманѣ, побрали в плѣн: фельдмаршала их Реншильда, и двоюроднаго брата королевскаго, принца Виртембергскаго, а министра и любимца королевскаго, Пипера, нашли в обозѣ шведском с канцеляріею его и казною; обоз со всѣм лагерем достался побѣдителям. Король шведскій, во время сраженія не могши ѣздить на лошади верхом, по причинѣ раненной своей ноги, носим был солдатами на носилках между рядами своих войск, коих поощрял он к сраженію, держа в одной рукѣ пистолет, а в другой шпагу. Но как он, при пораженіи и замѣшательствѣ войск, нѣсколько раз был с носилок опрокинут на землю, и раненная нога его, вновь зашибенная, причинила ему боль несносную, то от того он впал в обморок и был долго в безпамятствѣ. И в ту пору генералы его, положа короля в коляску, выправили его вниз по теченію рѣки Ворсклы к Днепру, куда и остатки арміи шведской бѣжали, с намѣреніем переправиться чрез ту рѣку. Мазепа с штатом своим также туда убирался и был шведам единственным проводником, показав им одну только сію услугу между бездною зол, от прожекта его шведами претерпѣнных.

Король, опамятовавшись в дорогѣ, требовал к себѣ любимца своего, Пипера, но ему отвѣчали, что ни Пипера, ни арміи его при нем нѣт, а осталось все то при Полтавѣ, в плѣну у московцев, сопутствует же ему один Мазепа. Тогда он возопил: «Ах, боже!» Все мое погибло, а только грѣх мой предо мною есть выну!» Достигнув Днѣпра, они остановились при устьѣ рѣки Ворсклы, и когда всѣ остатки шведскіе туда стягались, Мазепа, между тем, промышлял о переправѣ чрез Днѣпр, и по счастію, собрал нѣсколько лодок запорожских рыболовов. Король, садясь в них з Мазепою, прощался в слезах с генералом своим, Левенгауптом, подоспѣвшим тогда с войсками, и выговорил ему, «что лучше б желал он в сей рѣкѣ утопиться, чѣм вас оставлять на жертву непріятелю!» А когда Левенгаупт еще спрашивал у него монаршаго приказанія, что ему дѣлать, как атакуют его московцы, остающагось без амуниціи и провіанта, король на сіе отвѣчал: «Дѣлайте то, что общим совѣтом приговорите; а я не знаю сам о себѣ, что со мною будет; предаюсь в волю божію и вас тому поручаю, прося всѣх вас простить меня за всѣ тѣ несчастія, в которыя вы мною повергнуты». Потом, оборотясь к Мазепе, сказал ему со вздохом: «Ах, Мазепа! Ты-то меня и армію мою погубил своими обнадеживаніями!» и с тѣм отплыл за Днѣпр. Переплавилось чрез сію рѣку около 1000 шведов, не военных, а болѣе придворных и других штатов, и они с королем, прибыв к границам турецким, переправились чрез рѣку Буг в предѣлах Очаковских, помощью паши тамошняго, который проводил их до города Бендер, гдѣ пробыл король по извѣстное в исторіи время, а Мазепа того же года, сентября 6-го дня, от печали умре, пребыв остальные свои дни великим утѣшителем королю шведскому, почитавшему

его за превосходный разум и здравое разсужденіе о великодушіи в несчастіях. О смерти Мазепиной то замѣчанія достойно, что он пред самой кончиной своею велѣл к себѣ подать ларчик с бумагами и оныя при себѣ сжег, сказав предстоящим: «Пусть один я буду несчастлив, а не многіе такіе патріоты, о которых враги мои, может быть, и не думали, или и думать не смѣли: но судьба жестокая все разрушила на неизвѣстный конец!»

ПЕРЕКЛАДНА ЛІТЕРАТУРА ВІЗАНТІЙСЬКО-СЛОВ'ЯНСЬКОГО ПОХОДЖЕННЯ

АПОКРИФИ

Серед творів перекладної літератури візантійсько-слов'янського походження одне з найвизначніших місць належить апокрифам — легендарним оповіданням на теми з т. зв. «старого» і «нового» завітів, які не були включені у склад канонічних (визнаних офіціальною церквою за вірогідні) книг біблії і пізніше стали забороненою літературою. Проте апокрифи дуже поширилися: через свій казково-фантастичний зміст, розходження з вченням офіціальної церкви й протест проти соціальної нерівності і неправди апокрифи дуже цікавили народні маси і мали вплив на усну народну творчість.

Щодо тематики апокрифи поділяються на старозавітні, новозавітні й есхатологічні (легенди про долю людини після смерті, про майбутню долю всього людства, про кінець світу). Старозавітні апокрифи — це легенди про «перших людей» — Адама та Єву, про Авраама та інших патріархів, про Мойсея, про царів Давида та Соломона. З ім'ям царя Соломона (коло X ст. до н. е.) зв'язано особливо багато переказів, що іноді зображають Соломона як зразок мудрості й догадливості (суди Соломона), а іноді розповідають про його зносини з фантастичною істотою Кітоврасом (Соломон і Кітоврас). Апокрифічні сказанія про Соломона, мабуть, існували вже в Київській Русі, хоч відомі рукописи лише від XV ст. В літературному вжитку сказанія про царя Соломона існували аж до XVIII—XIX ст., впливаючи на народні казки.

З апокрифів есхатологічних особливо цікавило народні маси «Хожденіе богородицы по мукам», відоме в грецьких і слов'янських руконисах XII ст. (найдавніший слов'яно-руський текст XII ст. наводить М. С. Тихонравов у «Памятниках отреченной литературы», т. II, стор. 23—30); пізніше «Хожденіе» не раз перероблялося, змінювалося й доповнювалося новими побутового характеру подробицями і мало значний вплив на усну народну творчість як України, так і Росії. Дослідники вважають «Хожденіе» за вияв певної опозиції вченню офіціальної церкви про кару на тому світі і разом з тим намагання переоцінити те уявлення про божественну справедливість, яке панувало в часи, коли складений був апокриф. Побутові риси в змалюванні грішників надають цьому апокрифу певного реалістичного колориту.

Найповнішу збірку українських апокрифічних текстів подав Іван Франко в серії «Пам'ятки українсько-руської мови і літератури» (видання Археографічної комісії Наукового товариства імені Шевченка): Апокрифи і легенди з українських рукописів, 5 томів, Львів, 1896—1910.

ОПОВІДАННЯ ПРО БУНТ ЛЮЦИПЕРА І АНГЕЛІВ[а]

...Жывучи там оный Денница, ангел пресвѣтлый, свѣтячи ся у великой славѣ и повазѣ, которою го его бог был украсил, увидѣвши оный ангел такую свою красоту и свою зацност и ясност и свою славу, повагу и горъдост, моц и свое старшинство, своих слуг красных, свою моц и потугу, там ся єще поднесло сердце его у болшую пыху и гордост. Сидячи на своем столци яко монарха рек до слух своих: «Послухайте вы мене, що вам реку». Рекли ко нему ангелы: «Пане наш, мы єстесмо завше готовыи твой росказ чинити, що ты нам повелиш». Рек им Денница: «Видите мою ясность, славу и красоту? Претож єще хочу быти у болшой славѣ. Возмѣте столец мой и знесѣте его вышше звѣзд небесных право на полноч и поставте єго зо мною на повѣтрных, и сяду на облаках небесных ко сѣверу и буду подобен небесному и буду яко бог».

И скоро тое Люцыпер помыслив у своем пышном сердцу, зараз ся стал от бога з высокости голос: «О злый и лукавый слуго наш, гордый, пышный и невдячный ласки моеи! Се так ты служиш правдиве? На що ся важыш, чого не можеш доступити? Ци не досит ти было от мене твоеи славы и поваги, красоты и роскоши? Але тепер за свою гордост и пыху и тое утратилесь. Был ее пресвѣтлым и прекрасным Денницею, а тепер стал есь темным, страшным дѣмоном, то єст шатаном пеколным, проклятым бѣсом и шпетным, темным дїяволом. А слуги твои, которые были ангелы свѣтлыи, тепер нехай станут шатанами крылатыми, хованцями и дїяволами, чортами проклятыми! И ты сам будь чорен як головня, страшен и поган!» А тое рекши пан бог небесный затряс небом и ударыв громом великим. И так полетѣв Люцифер из неба зо всѣм полком своим во преисподнюю. И тоты дїяволы летѣли так густо як дожд 40 днїй и 40 ночїй, бо той был полк болшїй над ушитки полки.

И тое нам потреба знати, мои наймилшіи христіяне, иж то не вшитки тоты проклятыи ангелы упалы у преисподнюю сторону, але ся о том ваша милость прислухайте, где котрые ся зостали. Єдины передныи полетѣли из своим пышным паном сквоз землю до преисподнеи у пекло и там будут сѣдѣти на вѣки, яко то выгнанцѣ и проступцѣ божїи, бо они юж утратили ласку божую на вѣки вѣчныи. Бо пыха наробыла им лиха, и тоты суть лютѣйшие дїяволы, которые то под землею, абы то люде не видѣли их лица. Другіе зась, ссредныи, упали на землю. Тоты ся часом являют явно людем и розмаито и пакости людем чинят и приводят людїй до розмаитых грѣхов и покус, инъших приводят и скушают на грѣх, инъшіе людми обладают и в них ся уселяют и гонят их и рощибаючи мордуют; уходят і у звѣры и в потята и во пси и в свинѣ и во скоты и пакости чинят.

Потреба нам и тое знати, где якій той дух злый на яком мѣсци на земли упав, и коли ся трафит якому человѣку на том мѣсцу уснути, там

[а] Подається за виданням: «Пам'ятки українсько-руської мови і літератури». *Ів. Франко*, Апокрифи і легенди, т. І, Львів, 1896. Текст з рукопису кінця XVII чи на початку XVIII ст.

на него злый дух найдет. Албо коли там на том мѣсци учинит дом албо гумно або кошары або огород, або сад, або якое подворя, то юж там не будет щастя и добра тому человѣкови. Навет хочай бы на том мѣстцу и церков стала або монастыр або город, то они пакости чинят, бо то их мѣсце на вѣки.

А инъшіи позастрявали на повѣтру на облаках, у хмарах ся носят, позастромлїовали ся которые ногама, которые крылома, которые руками, которые боком, которые стрѣмголов. Бо тые повѣшали ся сами без божїй росказ до страшного суда божого. И тоты дїяволы пакости чинят людем бурею, тучею поганою, градом, вихром, и тые ся называют люнатыки. И то єст люнатык, котрый мѣсячнык, котрый ходит мѣсяць женою и другїй мѣсяць мущиною. А хто ся под тоту планыту уродит, если хлопец и коли выростет, то будет той человѣк люнатик, а коли будет дѣвка, то люнатычка. То в таком дїявол смертелный жыти будет и мордовати и до єго смерти излѣчити ся не может. И то єст лютыи шатаны, люнатыци, и тоты ся и тепер дїяволы урывают ис повѣтря небеснаго, а урвавши ся летит через оболок або огнем або искрами або звѣздою, и тоты то падают дїяволы на землю.

Єще нам потреба и тое знати о тых то злых духах, которые ся урывают звѣзды и летят на землю звѣздою. Тепер ся прислухай пилно и беры собѣ каждый на розум. Сут меже нами такіе люде: коли увидит, що звѣзда з неба на землю летит, и они говорят, иж то ся звѣзда урвала. Але то ест байка простацкая, бо то знай добре, человѣче мѣзерный: кол бы єдна звѣзда из неба на землю упала, то бы увесь всѣт сей видимый загубила. Але то звѣзда не может от своего теченія переступити, где бог еѣ поставил до страшнаго суда божого. Але то знай каждый и научи ся днесь с того казаня о святой высокоумної богословїи: а то ся тоты дїяволы и рвут и рвати ся будут до страшного суду божого, и показует ся звѣздою, может бо ся дїявол перетворыти як сам исхочет. Єсли схочет, то ся учинит звездою, учинит ся огнем и птахом и звѣром або скотиною або человѣком и дитиною, навет і ангелом, як то о том познаваемо з розных писм и на розных мѣсцях. Бо и дїяволы не мают на собѣ тѣла анѣ костей анѣ крве, але тылко дух, и называют ся духове злыи, ангелове лукавыи, звѣзды перелестныи, мрачныи. Але нас, братїе, писмо святое учит: коли ты, человѣче вѣрный, увидиш звѣзду, летячую албо искры по воздуху, а ты ся у той час ставши перекрести и плюй на мару, бо то ест змий, и тогды он пропадет и щезнет. И где той лѣтавец упадет, то там мѣсце злое, плюгавое и нещасливое человѣком и скотом. И так то, братіе, бог искарав ангела пышного, як о том написав цар Давид: «Сего изгонях гордым оком и несытым сердцем». Гордое око ест солнце, а несытое сердце земля.

И скроз землю летѣл Сотонаил до преисподнеи, за свою гордост и пыху стал дїяволом и слуги єго. Прошу вас, братїе, претож стерезѣмся и мы тои то проклятои пыхи и гордости, абы то и нас не завела до пекелной стороны. Бо там сторона, злая, темная, мрачная, смутная, страшная, горкая, плачливая и всякои муки полная єст. А в той сторонѣ панует злый цар Сотона, а слуги его и урядники немислостївыи дїяволы, лютыи драпѣжници, а люде там жывут поганыи и грѣшныи. Нѣт там свѣта, нѣт тэм покоя, нѣт там радости...

ПРО ЛАМЕХА, НАЩАДКА ТРЕТЬОГО СИНА АДАМОВОГО СІФА

И начат Ламех жити и поя собѣ двѣ жене: єдной имя и Ада, а второй имя и Селла. Той же Ламех бѣ слѣп и ловы творя, и с пастырем ходя. И некогда ему ходящю по пустыням и блатом и водяще и пастырь, и увиде трости и траву колеблющися и глагола Ламеху: вижду, яко не свѣм, звѣрь есть или птица, и устрой руку Ламехову на тую траву, и Ламех пусти стрелу. И абис возопи человѣк и издыше. И пришед Ламех, и не вѣдѣ, что убил, звѣрь ли или птицю, понеже бѣ дар єму: не видя пущал стрѣлу, но божиим повеленіем устраяше ему лов. И приде на мѣсто, идеже быти стряче и видѣ человѣка лежаща раб єго. И рече Ламех отроку: что есть? Мняшеть, яко звѣрь єсть. Отрок же рече: Адамль сын Каин. Ламех же возстонав и удари отрока, и ту (той) умре. Хожаше по пустыни и не виде, камо ити. И нѣкотории обрѣтше и приведоша его в дом к женам. Вшед же Ламех в дом и глагола к женам своим: понеже Каин убил Авеля брата своего и седмь мщеній прият Каин, аз же что створь успею, понеже убих мужа в язву мнѣ, а уношу во вред? И множество словес глаголав, и покаяніе себѣ нарече. Во истину аще человѣк на свѣде грѣха, согрѣшив, покается, а потом не творит, благ будет. Такоже и Ламех, понеже не вѣдыи согрѣши. И сей бысть первый покаянію наставник в роде человѣческом.

ОПОВІДАННЯ ПРО СОЛОМОНА [a]

Повѣсть о Китоврасе

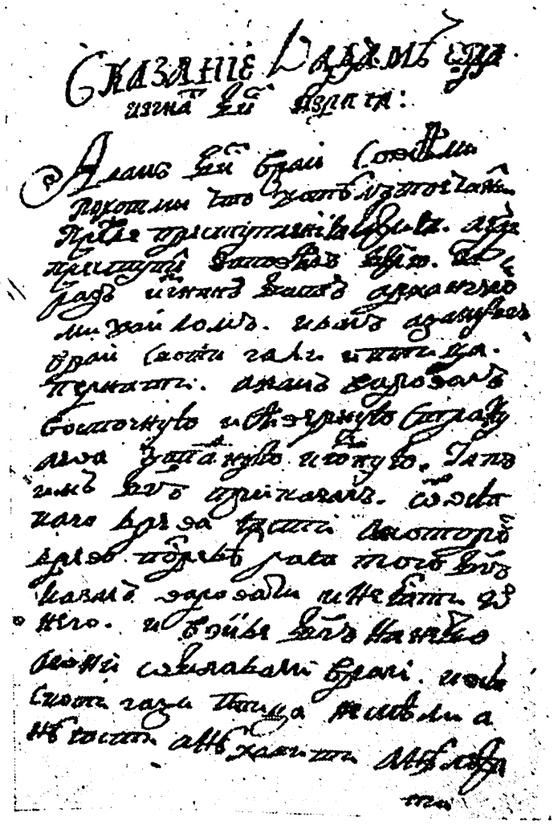
Тогда же убо бысть потреба Соломону просити о Китоврасе, и осочиша же, где живет в пустыни далней. И по мудрости своєи замысли Соломон сковати уже железно и гривну железну, написа же на неи в имя божиє зароченіє. И посла же боярина своєго лутшаго с отроκы и указаше вести вино и мед, и руна овчая с собою взяша. Придоша же к мѣсту єго: оли 3 кладези, а єго нѣсть ту. И по указанию Соломоню и выльяша 3 кладязи и заткоша жерела их руны овчими, и нальяша два кладязя вина, а третіи меду, сами же съхраниша ся на стране, ведяху бо, оже прити єму воды пити к кладезем. Приде перехотев воды пити, и приник и виде вино, и отвѣщав рече: «всяк пья вино не умудреєть». Якоже перехоте воды и рече: «ты єси вино веселяще сердце человѣком». И выпи вся три кладязя. Онь же боярин пришедь обьстегну о шии єго уже железно и привяза и твердо. И очютив ся хоте изяти ся. И рече єму боярин Соломонов: «и имя господне с зaпрещеніем на тобѣ». Онь же видев на собе имя господне поиде кротко.

Нрав же єго бяше такъв: не хожяше путем кривым, но правым. И в Иєрусалим пришедше требляхут пред ним путь и рушахут полаты, не ходи бо криво. И придоша ко въдовицинѣ храминѣ, и възпи глаголящи, молящи ся Китоврасу: «вдовица єсмь убога!» И он же ся огню около угла, и не съступа ся с пути и зломи си ребро, и рече: «мягко слово кость ломить, а жестоко слово гнѣв въздвизаєть».

[a] «Пам'ятки українсько-руської літератури». *Ів. Франко*, Апокрифи і легенди, т. I, Львів, 1896. Тексти з рукопису XVI ст.

Ведомь же сквозе торг, и слыша мужа рекуща: «нѣсть ли червия на 7 лѣт?» И расмея ся Китоврас. И виде другаго мужа ворожаща, и посмея ся. И виде свадбу играющю, и въсплака ся. И виде мужа блудяща кроме пути и наведе и на путь. И приведоша и в дом царев. 1-го дни не ведоша єго к Соломону. И рече Китоврас: «чему мя не зоветь Соломонь царь?» И реша єму: «перепил ся єсть вечерь». Взять же Китоврас камень и положи на камени. И поведаша Соломону створеніе Китоврасе. И ᵴе царь: «велить ми пити питьє на питьє».

Другыи же день не зва єго царь к собе. И рече: «чему не ведете мя к царю и почто не вижю лица єго?» И рѣша: «поболяєть царь, имжевчера много ял». И снять же Китоврас камень с камени. В 3 же день рѣша: «зовет тя царь». Онь же умеря пруты 4-реи лакот, и вшедь пред царя поклони ся, и поверже пруты пред царем молча. Царь же мудростью своєю протолкова пруты бояром своим: «область ти дал бог вселенную и не насытил ся єси и ял єси и мене». И рече єму Соломон: «не на потребу тя приведох собѣ, но па упрос очертанию святая святых приведох тя по повелению господню, яко не повелено ми єсть тесати железомь».

«Сказаніе о Адамѣ, егда изгнан бист из рая». Із рукоп. збірника Я. Головацького, XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

И рече Китоврас: «єсть ноготь птиць мал в имя шамир, хранить же кокоть детькы в гнезде своємь на горѣ камене в пустыни далней». Соломонь же посла боярина своєго с отроки своими по наказанию Китоврасову к гнѣзду. Китоврас же вдасть стекло бѣлоє, указа же єму схранити ся от гнезда: «яко вылетить кокоть, замази стеклом сим гнездо». Боярин же въстав и иде к гнезду: оже куренци мали, кокоть же бе летел по корьмью. И замаза стеклом гнездо. Мало же постояша, и кокот прилетев и хоте влести в гнездо, куренци же пискаху сквозе стекло, а он к нимь, и не уме что сътворити. Съхранил и бо бяше не на коєм мѣсте, и принесе

и к гнезду и положи на стекле хотя рассадити. Они же кликнуша, и пусти ногот, и вземь боярин принесе к Соломону.

Бысть же Соломон въпрашаа Китовраса, почто ся єсть расмеял мужю прашающю на 7 лѣт червии. И рече Китоврас: «видех на немь, яко не будет по 7 днеи жив». І рече Соломон: «почто росмеял ся єси мужю вородаще крова под собою с златом». И рече царь: «испытайте!» И испыташе жащю?» И рече Китоврас: «он поведаше людемь скровеная, а сам не вѣта и быст: тако. І рече царь: «почто ся єси росплакал видев свадьбу?» Он же рече: «съжали ми ся, яко ожедивыи ся не будет жив но 30 дьний». И испыта же царь и бысть тако. «Почто мужа пьяна възведе на путь?» И отвещав Китоврас рече: «слышах глас с небеси, яко верень єсть мужь тот и достоить послужити єму».

Бысть у Соломона Китоврас до свершения святаа святых. И бысть єгда нача молвити Соломон Китоврасу: «нынѣ видѣх, яко сила ваша аки человѣка, и нѣсть сила ваша болѣ пашея силы, яко аз ях тя». И рече єму Китоврас: «царю, аще хощеши видети силу мою, да съими с мене уже се и даи же ми жюковину свою с рукы, да видиши силу мою». Соломонь же спя с него уже железноє и дасть єму жюковину свою, он же положре ю, и простер крило своє и удари Соломона и заверже и на конець поземля обетованныа. Уведаша же мудреци єго, книжници, взыскаша Соломона. Всегда же обхожаше страх Китоврась в нощи. Онь же створь собѣ одр и повеле стояти 60 отрок с мечи около; по чину же тому молвить ся: одр Соломонь, 60 отрок храбрых от израільтянь от страны нощныя.

Судове Соломони

В дни Соломони бысть муж имея 3 сыны. Умирая же муж он призва сыны своя и рече им: «имѣя кров в земли, в том мѣстѣ, рѣкь, 3 спуды стояща друг на друзѣ горѣ, а по смерти моєи възми стареи верхнеє, а средней среднеє, а последнеи меньшеє». По умертвии отца их открыша сынове єго кровы оны пред людми. И бысть верхнеє полно злата, а среднеє то полно костии, а исподнеє то меншему. И бысть у них пря и бои, и пойдоша к Соломону. Правосудья Соломон рассуди им: «оже что златомь, то стареишему, а иже что скотом, то среднему, по разуму кости, а иже что виногради и нивами и житом, то меншему. Отець вашь бысть мужь мудр, а розрядил вы за живота».

Соломон премудрыи хотя испытати жонькы, и призва болярина своєго, имя єму сын Декиров. «Мил ми єси вельми, и єще възлюблю тя паче, аще сътвориши волю мою. Убии жену свою и дам за тя дщер свою лутшюю». Тоже молви єму не по колко днии, и не хотяше сего сътворити Декир. И паки рече: «сътворю волю твою, царю». Царь же рече дасть єму мець свои рѣк єму: «єгда уснеть жена твоя, отсечи главу єи, да не обласкаєть тебе языком своим». Шед же онь обрете жену свою спящю и по стороне єя двоє деток. Он же видев дѣти своя спяща и рече на сердци своєм: «како удару в подружиє мечемь и росквелю дети мои?» Царь же възва и паки к собѣ. «Сътворил єси волю мою, єже ти бѣх рекл уне жены?» Рече же: «не могох, господи мои, царю, створити». Посла же єго царь в ин град и призва жену єго к собѣ и рече єи: «сътвори волю мою, юже

ти рѣку. Оже ми створиши, юже ти повелю, поставлю тя царицею. Заколи мужа своєго спяща на постели, а се ти мечь». Отвѣщавши жена рече: «рада, цару, како велиши». Разумев мудростью своєю мужа са, яко не хощеть убити жены своєа, дасть єму мець остр; и разумевь єго жену, яко хощет убити мужа своєго, и дасть си мечь прудень, яко зрящи остр єсть: «мечемь сим убии мужа своєго на постели лежаща». И пришедшю же мужу са и легшю єму спать, она же положи мечь на грудех мужа своєго и потре по горлу мужю своєму мняци, яко остр єсть, яко заколеть и. Он же ся въсхапив борзе мня, яко врази некотории. Видев, яко жена єго держит мець, и рече єи: «почто єси, подружиє моє, недума убити мя?» Отвѣща жена мужеви своєму рече: «язык человѣчь обласка мя убити тя». Онь же хотя съзвати люди и разуме, яко наученіє Соломоне єсть. Соломон же слышав написа в соборник стих сеи, рече: «человѣка обретох в тысящах, жены же в всем мире не обрѣтох».

В дні Соломони бысть мужь богат, не имеяше дѣтеи. Убывшю половину днеи своих и постави паробька в сына мѣсто и въскрути с добыдком, посла и з Вавилона в куплю. Онь же продав и иде в Иерусалимь и ожи ся ту, и бысть ту в боярех у Соломона вседающих на трапезе на обед. У господина же єго роди ся сын дома. И бысть отрок 15 лѣт, и престави ся отець єго. И рече єму мати єго: «чадо, слышах о холопе отца твоєго, оживил ся єсть в Иерусалиме, и пди и взыщи єго». И приде в Иерусалимь и въпраша о имени мужа, холопа оного, а бяшеть нарочит велми. И поведаше, яко на обеде у Соломона. И вниде отрок в полату царову и рече: «кто єсть оньшии боярин?» Отвѣща онь и рече: «азь есмь». И приступи же он отрок и удари и по лицю и рече: «холоп єси мои, не боярин седя, по поиди работаи мнѣ, вдаи же добыток». И разгнѣва ся царь и бысть жаль. Отвѣща отрок к Соломону и рече: «аще не будеть, цару, се холоп отца моєго и мои, да за удареніє руку моєю вдасть ми ся мечемь потяти». Отвѣща удареный: «аз єсмь господичичь, а се паробок отца моєго и мои, а имам послухы в Вавилоне». И рече царь: «не имамь послухом яти вѣры, да пошлю посол свои в Вавилон, тамо да възмет кость плечную от гроба отца єго, и та ми повѣсть, коє єсть сын єго, коє ли паробок, а вы стоите зде!» Посла же царь посол свои вѣрныи и принесе плечнюю кость. По премудрости же своєи рече царь и повеле кость измыти чисто, посади же боярина своєго пред собою и вси мудреци и бояри и книзници. Глаголаху умеющему кровь пущати: «пусти кровь боярину сему!» И створи єму тако. И повеле царь кость вложити в теплую кровь, разрешеніє речи поведая бояромь своим рече: «аще будет сын єго, прилнет кровь єго кости отни; аще ли не прилнет, то раб». И выняше кость ис крови, оже кость бѣла якоже была и первоє. Повеле же царь кров пустити отрочати в ин сосуд, и змывше кость вложиша в кров отрочати, и ная ся кость крови. И рече царь бояром своим: «видите своима очима, яко ведома вам гадька си: се єсть сын, а сеи наш боярин раб єго».

В дни Соломона придоста две жене блудници к Соломону, и рече жена первая: «в мнѣ єсть, господинѣ царю; аз и си подруга моя живяховя в купѣ и породилѣ собѣ детьцѣ мы сами межи собою, и не бѣ никтоже в дому нашемь с нами. Умре же сын жены тоя в нощь сию, яко лежа на немь. И въставши же полунощї взять отроча моє от руку моєю

и успи на лоне своємь, отроча же умерътшеє своє у мене положи. И въстах заутра надоити отрочати и обрѣтох и мертв. И се нѣсть сын мои, єго же есмь родила, но, рече, сын подругы моєи єсть, а се мои сын жив єсть». И преста ся пред царемь, а та рече: «мои єсть сын жив, а твои мертв єсть». И рече царь: «пресечете детище сїє на пол и дадите пол сеи, а пол онои другои, а мертвоє такоже пресечете и дадите пол сеи а другои пол». Отвеща жена една, ея же сын жив єст и рече: «понеже смяте ся утроба моа в мне, буди беда моя, господинѣ! тои даите отроча се, а не смертью уморите єго!» А си рече: «да не будет єго ни мнѣ ни тебѣ, но пресечете и!» И отвещав царь и рече: «даите отроча рекшеи: «не сечете єго», то бо єсть мати єго». Слышавше се весь Израіль сеи судь, иже судит царь, и убояша ся от лица царева и разумеша, яко смысль божии єсть в немь творити суд и оправдания и єже от бога єму премудрость вдана.

ХОЖДЕНІЕ БОГОРОДИЦЫ ПО МУКАМ[a]

О муках пекелних повѣсть албо исторія и людех грѣшных, которіе в тых муках зостають

1. Единаго часу молилася пречистая богородица сыну своему и богу нашему, просячи: «Господи боже мои, зошли до мене святаго архангела Михайла, абы мнѣ отворил пекло і показал вси муки преисподніе, в которих людіе за грѣхи мучатся». Тогда сніиде архистратиг Михайл и с ним множество аггелов и поклонилися вси до земли пресвятой богородици. И рече Михайл: «Радуйся, благодатная богородице, отчее сіяніе, рождши всеи вселеннѣи святаго духа исполненна благодатію свишше».

Рече пресвятая богородица: «Радуйся, архангеле Михайле, воеводо и началниче всѣх превишших сил пресвятаго божия престола невидимаго отца», и паки похвалила вси святыи.

2. Потом Михайлу рече: «Рци ми, святій архангеле Михайле, все, что есть на небеси и на земли и во преисподних земли». И рече Михаил: «Что мнѣ росказал, о благодатная, сын твой господь, тое тебѣ повѣм». Рече пресвятая богородица: «Нынѣ покажи вси муки пекелніе, где мучатся души грѣшных».

3. Тогда Михайл казал отворитися пеклу, а гди отворилося пекло, видѣла пресвятая богородица множество мужей и жен, а они плачут и кричат веліим гласом. Рече пресвятая богородица до Михайла: «Что сіи души согрѣшили?» И рече Михайл святый: «Тіи то суть, иж не вѣрили во твоего сына и святаго духа и не визнавали пресвятой богородици и тройци святои . . . . . и для того так мучатся».

4. Увидѣла богородица на иньном мѣсцу тму великую зѣло, рече до Михайла: «Кто в тои тмѣ сидит?»

Рече Михайл: «Много в ней ест душ».

Рече пресвятая богородица: «Нехай тма сія подоймется, чтобы я обачила тіи души».

[a] Текст подаємо за виданням: *О. Назаревський*, «Хождение богородицы по мукам» в нових українських списках XVII—XVIII вв., К., 1908.— Текст поч. XVIII ст.

Рекл Михайл и аггели: «Заказ маем великій, абы тіи души нѣкогда свѣта не вѣдѣли, дондеже восіяет сын твой благословеннїй». И фрасовалася пресвятая богородица, воздхнула и возрѣла на небо и рекла: «Во имя отца и сына и святаго духа, амин. Нехай обачу муку сію». И заразом поднялася тма над мучащими к горѣ, и узрѣла пресвятая богородица там многих мужеи и жен, и от них исходит великій крик и плач. Видѣвши тое пресвятая богородица заплакала.

И рече Михайл: «Чему, окаяннїи, не глаголете до пресвятой богородици?» И рекли грѣшніи мучащіися: «Як глаголаніе наше пришяла еси, богородице? Мы свѣта нѣгди не видѣли и муки великій терпимо. Сын твой благословеннїи зойшол з неба на землю и неїшол к нам; ни Іоан креститель, ни Авраам, ни апостол Павел, но ты, пресвятая богородице, скорая заступнице, молящися за христіяни».

Рече пресвятая богородица до Михайла: «Что сіи души согрѣшили?» И рече Михаил святый: «Тіи суть невѣрніи, поганци, некрещеннїи, которіи не признавали сына твоего и тебе, пресвятая богородице, не испытвѣдали, же с тебе Христос господь вийшол, и за тое тіи души муки терпят». Рече пресвятая богородица: «Для чого так, окаяннїи, прелстилися? И слишали есте, же вся племена имя мое славять?» И покри их оная тьмност.

5. И рече Михайл: «Гряди, пресвятая богородице, где течет рѣка огненная».

Пришла пресвятая богородица до огнистои рѣки и обачила в той рѣцѣ множество мужей и жен, едины по пояс стоят во огни, другіи по перси, а иніи до шіи и до верха. Рече пресвятая богородица: «Чго сіи души согрѣшили, что по пояс стоят во огни?» — Рече Михаил святій: «Госпоже, тіи суть души, иж отчую и матерскую клятву преступают, за тое так мучатся». Рече пресвятая богородица: «А сѣи что согрѣшили, що до персіи стоят во огни?» И рече Михайл: «Тіи то суть, что кумом доганяли, сварилися з ними, отца и матер разгнѣвали, во прелюбодѣйствѣ осквернилися и за тое так мучатся». Рече пресвятая богородица: «А сіи что согрѣшили, которіи до шіи стоять во огни?» Рече Михайл: «Тіи то суть, иж чужое добро шарповали, котории и пили і грабили и розбивали и невинного до утрати приводили, и за тое так мучатся».

Рече пресвятая богородица: «А тіи, которіи стоять до верха во огни, что согрѣшили?»

Рече святіи Михаил: «Тіи то суть души, иж дѣти свои породивши отдавали псом и свиніям поидати, и за тое так мучатся. А другіе, что стоят, кресту святому безпрестанне кланялися, а потом его закрилися и приступили до болвана. Такьже и третіи присязци, ябедници, кривосудци, потварцѣ и за тое так мучатся».

6. Видѣла пресвятая богородица [людіи] стремъглав висят, велми кричат, и звѣри дивніи ядят их. Рече пресвятая богородица до Михаила: «Что сіи души согрѣшили?» И рече Михаил: «Тіи то суть, которіи слухают под чужими домами и зводят сосѣда из сосѣдом, обмовляют злими словами, и за тое так мучатся».

7. Потом приступили аггели и повели пресвятую богородицу ко западу и там указали облак великіи огненній и посредѣ пламень огнистіи, а в нем лежат множество людей и горат зѣло. Видѣла [тое] пресвя-

«Путь праведных и путь грешных». Малюнок з рукоп. збірника повістей, поч. XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

тая богородица, воздхнула и рече до Михайла: «Что сіи согрѣшили души?» И рече Михайл: «Тіи то суть оспалііи, лѣпивии встати до церкви на молитви и на праздники урочистіе, яко то на воскресеніе христово, и на рождество христово, и на крещеніе, яко мертвіи лежали, а до церкви вставати не хтѣли, и за тое так мучатся».

Рече пресвятая богородица: «А когда коли хто хорій не может встати?» Рече Михайл: «Если бы дом горѣл, а он не могл вилезти, аж бы згорѣл, тому отпущенніи той грѣх будет».

8. Видѣла пресвятая богородица струи огненніи, а на ных сидят множество людій. Рече пресвятая богородица до Михайла: «Что сіи души согрѣшили?»

Рече Михайл: «Тіи то суть, иж не вставали противку священиков, когда он иде с тѣлом христовим сакраментовати хорого; также когда [иде] литургію отправовати святую, а они пошанованія ему пристойнаго не давали, и за то так мучатся».

9. Видѣла пресвятая богородица древа много, а на тых древах висят ланцогов много желѣзных, а тими ланцугами множество людеи за языки побрано. Видѣвши тих людій муку, рече [пресвятая богородица] до Михайла: «Что сіи души согрѣшили?»

Рече Михайл: «Тіи то суть, которіи дармо кому клинуть, ненавидят, хулници, клеветници, кривоприсязци и лихвари, что лихву брали, за тое так мучатся и за языки висят, бо чрез языки все злое от человѣка походит пред людми и пред панами, неслушное вдаяніе, что и смерт часом страждет».

10. На ином мѣстѣ видѣла пресвятая богородица людій, а оны висят за руки и за ноги, а от них течет кров, из уст их виходит пламень, [аж] не могуть одотхнути. Тое видѣвши пресвятая богородица вжалѣлася и рече: «Господи, помилуй их!» И рече: «Что сіи согрѣшили?»

Рече Михайл: «Тіи то суть души, же церкви божія за свѣдителством своим держат, а волѣ божеи не сотворяют, церковное добро на свои пожитки обертают, ядят и пиют мовячи: «Работаем [о церкви] и живим будем». И за тое так мучатся».

11. И рече Михайл: «Поиди, пресвятая богородице, покажу ти, где мучатся попи».

[И видѣла пресвятая богородица попи], а оны висят за ноги, а огнь от глави аж до ног палит их. Рече пресвятая богородица: «Что души сіи согрѣшили?»

Рече Михайл: «Тіи то с[illegible] попи, бо когда службу божію служать, тогда вси сили небеснія устрашаются, и земля трасется[а], и за тое так мучатся».

12. Видѣла пресвятая богородица человѣки, а в ных звѣри троглавніе идят до очей, а другіе и третіе до уст и гризуть их немилостиве. Рече пресвятая богородица: Что сіи [согрѣшили], же не ждуть избавитися от звѣрей тых?» И рече Михайл: «Тіи то суть дяки, что читаючи лжуть и несправедливе читаютъ, як есть написано, и за тое так мучатся». Такьже і инніе чловеци висять, и звѣри троеглавніе ядят их.

«Митарства» душі після смерті. Малюнок з рукоп. збірника повістей, поч. XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

Рече пресвятая богородица: «Что сіи согрѣшили души?»

Рече Михайл: «То ест [черницѣ, которіи закону божого учать, а сами зле чинят, и за тое так мучатся»].

13. Рече Михайл: «Поиди, пресвятая богородице, огляди, где мучатся патріярси, епископи и вси духовніи».

И пришла пресвятая богородица на оное мѣсто, видит множество лежащих народа во огни горать и черви неусипающіи ядять их. Рече пре-

а Далі, очевидно, пропуск. В іншому варіанті тут: «а они не боятся и не страшаются»...

святая богородица: «Что сіи согрѣшили души?» Рече Михайл: «Тіи то суть души патріархове, епископи, ігуменове и вся старшина, которіи оболкшеся во святителскіи чин, а волѣ божой не творили, и за тое так мучатся».

14. Видѣла пресвятая богородица жены, а оны висят за ноги, а пламень-великій палит их, огнь аж до глави, и звѣри торгают и ядят их, и они кричаще: «змилуйся над нами, господи боже, бо тяжко страждем во пламени сем». Рече пресвятая богородица: «Что сіи согрѣшили души?» Рече Михайл: «Тіи то суть попадѣ, которіи по смерти мужей своих блуд творять, и за́ тое так мучатся».

15. Видѣла пресвятая богородица иніе жены, висящіи во огни, и звѣріе ядят их. Рече пресвятая богородица: «Что сіи согрѣшили души?» Рече Михайл: «Тіи то суть черници, которіи постригалися во иноческій образ и в нем осквернилися блудодѣянія, и за тое так мучатся».

16. Тамже и на иншом мѣстѣ видѣла пресвятая богородица езеро огнистое, великое, а в нем множество народа, а они плачут и кричат. Тое видѣвши пресвятая богородица рече Михайлу: «Что сіи сотворили души?»

Рече Михайл: «Тіи то сут царѣ, кролѣ, князѣ, потентатове, гетманове и вси преложоніе, которіе не чинили волѣ божой и над убогими не мѣли змилованія, през тое так мучатся».

17. Рече Михайл: «Пойди, пресвятая богородице, и покажу ти, где мучатся вси хрістіане». Прийдеть пресвятая богородица и видѣла рѣку огнистую, текущую, а в ней множество мужей и жен плачут и кричат велми. Тих видѣвши святая богородица рече до Михайла: «Что сіи согрѣшили души?»

Рече Михайл: «Тіи то суть пяници, лихварѣ, сребролюбци, которіи несправедливе добро чужое поживали и которіе справедливе не постили во вся пости и разлучали мужа со женою, а в том не каявшися и не покутовали; за тое змерли и за тое так мучатся».

Тое слышавши пресвятая богородица рече: «О горе вам, грѣшници! Чемустеся не каяли на земли и не покутовали за грѣхи свои, то бисте не були тут мучени».

18. Потим поиде далѣи пресвятая богородица и там узрѣла рѣку огненную, клекотущую, страшную, а она пожирает вси грѣшніи в себе, же не могут промовити: «Судіе справедливіи, помилуй нас!» а их ядять черви невсипающіи и звѣри ненаситніи. Видѣвши тіи пресвятую богородицу крикнули до неи гласом великим: «Радуйся, пресвятая дѣво, свѣте незаходимій! Радуйся, архистратиже Михаиле божій и небеснія сили, также и вси святіи божіи, молѣтеся непрестанно за ввес мир христіянскій, которіи навѣжати пришли нас грѣшных, гди ми от вѣка сего свѣта не видимо, а нынѣ през тебе, пресвятая богородице, видимо свѣт незаходимій».

Видѣвши тое, пресвятая дѣва рече до Михаила: «Что сіи согрѣшили?» Рече Михайл: «Тіи то суть хрістіане, которіи на крещеніи обѣщалися истиннѣ богу, а потом діаволскіе дѣла чинили и крещеніе погубили, не кохаючи заповѣдеи церковных и поученія, и за тое так мучатся».

19. Рече пресвятая богородица: «Подвигни чини, святый архангеле Михайле, и вси святыи аггели, абы молилися за грѣшники сіи». Тогда вси аггели мовили: «Господи, змилуйся над грѣшними сими!» Рече Михайл: «Великій есть бог наш на небеси и на земли и велико имя его, услишит

нас». Рече пресвятая богородица ко Михайлу: «Нехай мя поставят аггели пред господем богом».

20. И взяли аггели пресвятую богородицу и поставили у престола божія. Она же ставши воздхнула и зняв руцѣ свои пречистіи воздѣвши ко престолу божію рече: «Помилуй, господи, христіяне сіи, бо видѣла их в муках великих, же не могут утерпѣти».

Рече к неи господь: «Якож их помиловати маю, они братіи моих убогих не миловали. Нѣсть там человѣка, чтобы имени моего призивали, и так сами в муку отдалися. А я хощу платити ведлуг заслуги их». Услишавши тое, пресвятая богородица рече ко Михайлу святому: «Непрестанне молися, небесніи воеводо, ко господу богу, аж змилуется над грѣшними сими».

Тогда Михаил пад на землю и вси аггели з ним. Видѣл господь бог моленіе их и умилосердися о оных грѣшных рече Михайлу: «Иди и яви лице свое и мов им: «Нынѣ змилосердися бог всемогущіи и за молитвами пресвятой богородици и безплотных сил и всѣх святых божіих, же умолили за вас отца небеснаго, для того вам дает мучащимся покой во дни и в нощи радост и веселіе»[а]. Услишавши тое пресвятая богородица и вси аньгели рекли великим гласом: «Слава милосердію твоему, владыко! Слава царствію твоему! Слава милосердію твоему, боже отче! Слава благодати твоей со безначалним ми отцем и со пресвятым духом, нынѣ и присно и во вѣки вѣком». Аминь.

ЖИТІЙНА ЛІТЕРАТУРА

ЖИТІЄ АНТОНІЯ ВЕЛИКОГО

Житіє Антонія Великого — один з ранніх зразків агіографічної літератури, автором якого вважають відомого церковного діяча й письменника IV ст. Афанасія, патріарха Александрійського. Класичний зразок життєпису аскета, засновника й організатора монашества, житіє Антонія являє собою широку повість, яка починається з оповідання про його дитинство й закінчується його смертю. Значне місце в житії займає оповідання про боротьбу Антонія із «спокусами» злих духів (демонів), які намагаються всіма можливими привабами і залякуваннями відвернути його від аскетичних подвигів. На перекладне «Житіє Антонія Великого» посилається Нестор у своєму «Житії Феодосія Печерського» (кінець XI ст.); найдавніші слов'янські рукописи в уривках доходять до XIII ст. Коротку українську редакцію житія Антонія видав Франко (Апокрифи і легенди, т. V, ч. I, Львів, 1910) за львівським рукописом XVI—XVII ст.

Саме цей текст друкуємо нижче.

ЖИТІЄ СВЯТОГО АНТОНІА ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ

Святый Антоній пустынножитель рожден в Єгиптѣ, въспитанъ в наученіи Христовѣ от честных и добродѣтлъных родител, от юности яви ся добродѣтелень. Єгда же осиротѣ по смрьти родител своих, в купѣ с сес-

[а] В іншому варіанті додано: «...от воскресенія моего до сошествія святаго духа».

трою малу в пеленах суще, работа опасно в дому своем яко человѣкь домовить, споминающе, яко с апостолы прежде бывшая христіяне цѣну пред ноги апостолъсти ношааха. Се помышляюще себѣ пріиде в церков и услыша евангелию чтуща о богатом юноши: «Аще хощеши съвръшень быти, иди продай имѣніе свое и раздай нищимь и гряди в слѣдь мене, и имѣти будеши съкровище на небесех».

Слышав же словеса сія, пріят их в серци своемь яко от самого господа и иде в дом свой. Сестру свою обдаривши и ближнимь своимь отдаде, имѣніе же свое нищимь расточи, нача искушати пустынно житіе, на мѣсто нѣкое тайно приходяще ко нѣкоему старцу, иже показа ему путь своим добродѣтлънымь житіемь; и часто в него пребывающе постом и молитвами и бденіемь жрътвы богу творяше. Иде же слыша Якова добродѣтелна старца, тамо к нему бѣжа, яко пчела мед добродѣтели от различных и когождо цвѣта избирающе. В велико ученіе и книгь прочитаніе не вдавашеся, токмо яже от писанія слыша, сіе в мысли яко на кавмени начертанных съхрани, абіе исплънити тщаше ся. Книги своя называша вес мирь, и на коежде худо сътворенно, понеже в немь благость и богатство божіе увидѣти и почитати кождо възможе. Дѣюще своима рукама, ядый хлѣб и прежде захожденія солнца николи же ядяше, хлѣба и воды в мѣру уживаше, иногды ж даже четвертаго дне пища телесныя ожидаше, теплим серцемь бога възлюби, непрестанно моляше ся.

Єгда же в ученіи таковѣ младенець изучи ся, въоружи на себе ярость враговь, сирѣчь духов злых, иже хотѣша его различным лукавством и искушеніемь отдалити. Прежде влагати мысли его и торгати начаша симь, яже онь оставль, сирѣчь богатства и имѣнія, и осиротѣніемь сестры малыя и благообразіем родитель и славою, пищами различными.

«Что твориши — рече — младый и благообразный юноше? Повредил еси свое благолѣпіе и благообразство, жестоко житіе начал еси, тѣло твое сея броня понести не възможе. Обратися и уживай сего, яже ти бог дарова». Он же о словесех сихь яко стлъпь необоримь стояше, житіемь и страстію Христовою възбраняше ся, обещанми его утѣшаа ся и яко щитом вѣрою святою от стрѣленія его защищаше ся, сице, яко николи же сим уязвити и ослабити его не възмогоша.

Нача паки инѣми вещьми искушати его. Възложи нань [1] страсти и телесныя похоти, и растлѣнія нань мещущи в снѣхь и на явѣ, яко николи же имяше упокоенія. Тѣм же постом и образомь и лютых мукь чаніемь и истлѣніемь в прах тѣла своего крѣпко сицевыя мысли разгна, и тако с студом враг отиде от него. И на прочая вящше подвизася посты, и в далнѣю отиде в пустыню, от нея же хотяше бѣсь силою его изгнати; видящи себе посмѣянна от младенца сего, с великою ратію ведоме в храмину его удари, яко люто тѣло его побиль. И тако полумрътв на многи дни лежаше, дондеже [2] той пріиде, иже ему пищу приношаше. Мняще его уже мрътва, в вес [3] принесе его, о погрѣбаніи помышляше.

Антоній же, в нощи в себѣ бывь [4], моляше друга своего, яко сам ходити лютых ради рань не възможе, да отнесень будеть тайно абіе [5] на мѣсто, идеже взят его, да не поралует ся врагь, да от мѣста ему ни единимь стопнемь не отступовати. Сътвори же нань діяволь послѣдный

[1] на нього [2] поки [3] в село [4] прийшовши до пам'яті [5] зараз же

ПЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОЦА НАШЕГО АНТОНІЯ

Великаго. Єписано Аѳанасіемъ Патріархомъ Александрійскимъ ....

Житіє Антонія. Перша сторінка тексту з рукописного збірника поч. XVII ст. (ЦНБ АН УРСР).

приход, събравши множество друговь своих в образѣ различных звѣрей, лвов, медведій, волковь, вепровь, псов, юнець [1] и прочіихь лютых звѣрей, и вдари в храмину его, ю [2] же разоривши страх творяше ему рыканіемь гнюсных звѣрей, влагающе нань различную смрьть. Он же болестію телесною обьять суще, гяжко стенаше и възвести ся [3] не возможе, обаче же сердцемь веліимь неустрашенным к рати сей въпіаше:

«Видѣхь, яко силы не имате, обаче яко единь от вас възмогль бы мя, яко единого от чрьвій пожрѣти, еще на мя безсловесных и неразумных звѣрей посласте; видѣх, яко и звѣрей ухитрѣсте. Аще и от бога моего сила дасть ся вамь, се аз есмь, погубѣте мя, творите, я же [4] повеленно вам есть. Аз вам не избѣгну и вѣмь се, яко ничто же ми възможете сътворити без волѣ господа моего. Въсуе [5] покушаете ся, знаменіе креста святого и вѣра в господа нашего Іисус Христа крѣпко забрало противу вам есть».

По сих [6] яко тма от солнца и прах [7] от лица вѣтру враги ищезоша и погибоша. И абіе свѣть со небеси облиста его, и храмина невредженна бысть. И увиде господа Іисус Христа, от теплаго сердца въздыхающе рекь: «Где бѣ, възлюбленный Іисусе, где быль еси, почто прежде остави мя, язвь моих не уврачевал еси?»

Услыша глас глаголющь ко нему: «Зде пребых, Антоній, подивих ся храборству твоему. Не бой ся, помощника мя присно [8] имѣти будеши и прославлю тя в всемь мирѣ».

Се слыша Антоній здрав бысть яко и прежде, укрѣпи ся о господѣ своемь, яко по великой побѣдѣ с вящшим [9] дрьзновеніемь и упованіемь в помощи божіи житіе провождающе, яко же и прежде.

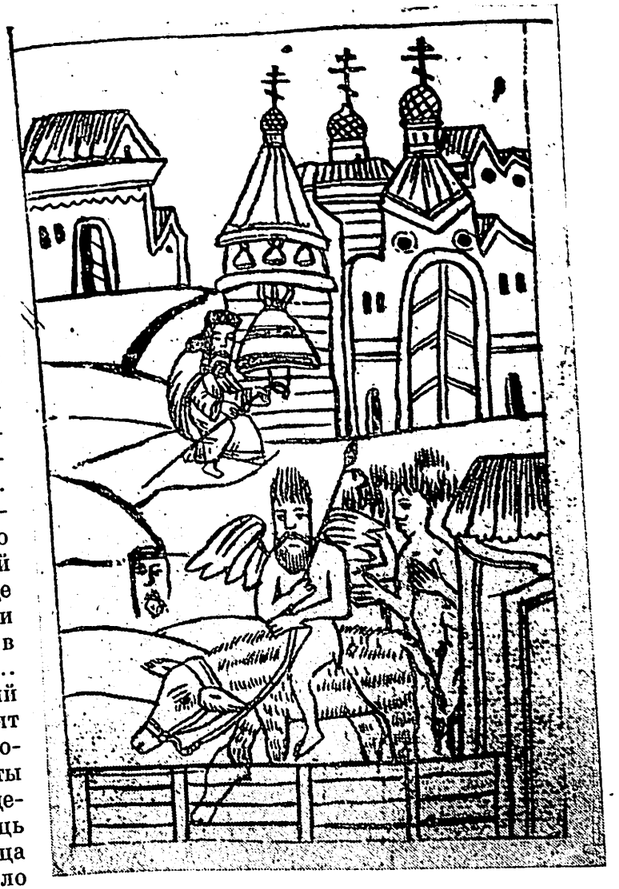
Єгда ж имѣя 30 и пят лѣть, нача мыслити о съврьшеніи пустыножительства, сице в пустыню иде, иде же никто же его увѣсть. Моляше старца, к нему ж прежде хождаше, да с нимь в далнѣю пустыню идеть, до от очій и вѣденія человѣческа укрыет ся и възможе свободнѣ всякія вещи к спасеніи прійти и съврьшенно покаяніе творити. Он же старостію отрекь ся дружства, не хотяше помощи ему. Антоній же самь в имя госпоне в далнѣю пустыню отиде. На пути врагь не престааше искуша его, блюдо сребрьно пред очи ему поверже, яко сребролюбіемь от пути сведет его. Ея же увидѣ, мыслити нача: «Откуду сребро зде? Пути велика нѣсть, тькмо птица и звѣріе преходять. Аще ли кто вещь сицеву погуби, паки обращши ся възмогль бы обрѣсти. Разумѣхь убо, яко твое искушеніе, діяволе; но не искусиши мя, сребро твое на пагубу ти будеть». Сіе же глаголя, абіе блюдо ищезе.

Тожде паки [10] второе сътвори, егда множество злата обрѣте, от него ж яко от огня бѣжаше. Тамо убо в далнѣй пустыни храмину пусту, полну гадов обрѣтше, и затвори ся в ней. Увѣща друга себѣ у поль года хлѣба и воды приносити. Зміеве и ехидны уступиша святому, друг же его в пол года хлѣбь и воду сверху спущаше ему, с ним же николи же глаголя.

Живяше тамо лѣт 20. По многих странах прослави ся блаженный Антоній, и множество ихь добродѣтлъному его житію последовати хо-

[1] бичків [2] яку [3] підвестися [4] те, що [5] надаремно [6] після цього [7] порох [8] завжди [9] з ще більшим [10] ще

тяху, яко и дверѣ в храминѣ его раздрушаху. Явися в мирь здравь и благолѣпень, нача прочіихь человѣкь научати ходити тѣсными враты к оному тѣсному и добродѣтлъному житію. И ему ж господь богь благодать дасть, яко по семь без числа бѣ учеников его, я же путемь и житію его наслѣдоваша, их же к възгордѣнію мира сего и оставлѣнію имѣній, к покаанію и смиренію и прочіихь съврьшенных добродѣтелій христіанских привождаше. Врань их бяше к духовній злобѣ, им же яко стратилат [1] [бяше] святый Антоній, добрѣ умѣюще духовныя стрѣлы и сѣти діяволскыя познавати и в них прочіихь острѣгати...

Біси з'являються ченцю. Малюнок з рукописного збірника повістей, поч. XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

Повѣдаше блаженный Антоній, яко діяволь боится молитвы, бденія, постов, смиренія, нищеты самоволныя, гнѣву и тщеславія удалятися, конець же всему чистого сердца в любви христовой зело боится. Чюда творяше великія, паче же недужным и бѣсноватым, имяше бо и духа пророчъскаго, далнѣя вѣдяше яко близ сущи и прочіимь братіямь възвѣщающе. Ереси аріяньския и манихейскыя и дружества с ними стужаше ся [2], яко с ними николи же бесѣдова, токмо иже к их възвращенію и ползѣ служаше. Повѣдаша, яко бесѣда ихь пагуба души есть...

Времени единаго, егда между братіею нѣчто делаше, очи свои на небо възношаше и въздыхающе и жалость показующе, кълѣнома к земли припадающе, моляше ся, да отвратить господь богь гнѣвь свой, и зѣло плакаше, слезами омакаше ся. Въпросиша же его, но глаголати от стенанія не възможе, тягота сердца глаголы прерываше, дондеже крѣпко възопи: «Уне бѣ намь, чада възлюбленная, съмрътію скупити ся от тако-

[1] вождь, полководець [2] цурався

выя гнюсоты. Велика злоба и безбожіе человѣческо отвори ся. Видѣх бо олтар божій ратію звѣрей обстоимь и кѣпытами ихь разоренный, и глас глаголющи: «Омержу себѣ олтарь мой».

В второе же лѣто исплъни ся виденіе его, в не же аріяне погань себѣ на помощь възяша, церкви православных раздрушиша, олтаря гнюсною мрѣзостію исплъниша, разлияша кров православных, дѣвы законныя насиловаша, епископы побиша и изгнаша, сосуды цръковныя плѣниша, лютѣ нежели когда поганы, вѣру святую и всячески службы божія пусто сътвориша. Обаче же то же господь богъ, иже бѣ се виденіе дряхло [1] яви, утѣшеніе милосердія своего не потаи. Сему же убо святому Антонію прояви, яко паки церкви божія будеть яко же и прежде, лютость же арияньская погибе. «Обратятся, глаголя, зміеве в язвины своя, вѣра же святая разпространит ся, тъкмо блюдѣте ся, да не причастите ся к ариянскому». По времени же малом епарх александрійскій, ариянинь, Валакій именемь, сице люто православных дручаше [2], яко дрязну чръноризцѣ и инокинѣ явѣ обнаженны посредѣ града у стлъпа бити. К нему же Антоній таково писаніе посла: «Видѣх на тебѣ гнѣвь божій. Престани ся лютости на христіяны, да не погибнеши в ярости божій, я же скоро имат прійти на тя».

Прочет же писаніе и плюваше нань и на землю поверже, и посланника безчести сице глаголюще: «Да учить Антоній иноки своя и да разумѣеть, убо аз яко нѣсмь под областію[3] его». Тѣм же по пятих днехь руку господнюю увидѣ: конь, иже над прочіих всегда бяше кроткій, от нѣкоя вещи верже ся конь и зубами его растръже и ногами потопта, негли третіяго дне дожда. Всѣ видѣша, яко месть божія прійде нань, ему же святый Антоній обѣща, исплъниша ся слова его.

Єгда же хотяше преставити ся святый Антоній, о дни съмрьти своея видяше. Братію опасно [4] въспоминая, да богу вѣру, яже от отец и поданія апостолъскаго взяша, съхранять, ариянов же и маркіянов блюдутся, яко врагов божіихь.

«Вѣсте бо, яко азь гнушах ся ереси их, яко николи же с ними не глаголахь». Остерѣгая же ихь, яко да вѣдят вражія лукавства и всегда хранят ся их, и прочіими душеполезными глаголы научая их, и тако в мирѣ и в веселіи о господѣ успе, имуще лѣт 100 и пят. Человѣкь в пустыни въспытанный, и по вселеннѣй прославленный, мужственный бѣсом воин (сице яко имене его еда кто въспомяну по всемь Єгиптѣ, бояха ся и от человѣкь отбѣгаху), великій учитель всѣмь к добродѣтели и любви божій, его же молитвами въсѣхь нас съхрани боже в тройци прославляемый в вся вѣки. Аминь.

ЖИТІЄ ВАСИЛІЯ НОВОГО

Житіє Василія Нового — пам'ятка візантійської агіографічної літератури X ст., що через південних слов'ян прийшла не пізніш першої половини XI ст. у Київську Русь (найдавніші списки, що збереглися, доходять до XIV ст.) і пізніше дуже поширилася і в окремих списках, і в складі Четій-Міней (під 26 березня). Популярності

[1] смутне [2] мучив [3] під владою [4] старанно, пильно

Житіє набуло не так через особу й подвиги самого Василія, про життя якого розповідається мало, як через два великі епізоди, зв'язок яких з особою Василія тільки зовнішній. Обидва епізоди дуже цікаві для характеристики християнських уявлень про долю людини після смерті і про кінцеву долю всього людства, тобто уявлень есхатологічних. Перший епізод розповідає про «повітряні митарства»[а]. Переносячи земні взаємини у т. зв. потойбічний світ, автор Житія змальовує мандрування душі померлого у вигляді проходження її через ряд «митарств» (усього їх є 22): на кожній зупинці біси (злі духи), обвинувачуючи душу в якому-небудь гріху, пред'являють їй свій рахунок гріхів; відкупитися можливо тільки через заступництво ангела (доброго духа) або якого-небудь праведника (в даному випадку Василія). Про все це оповіла учневі Василія, монаху Григорію, благочестива служниця Василія Феодора, з'явившися Григорію після своєї смерті у сні. Другий епізод — це видіння (сон) самого Григорія, в якому він бачить картину страшного суду, що його сам бог творить над усім людським родом. Картина створена на основі різних місць біблії, зокрема на одній з «новозавітних» книг — «Откровеніе (Апокалипсис)» Іоанна, і на основі вражень від сучасної авторові дійсності. Український текст (розмова Феодори) за рукописом XVIII ст. видав І. Франко («Апокрифи й легенди», т. IV, Львів, 1906).

Нижченаведені уривки взято з видання: *С. Вилинский*, Житие Василия Нового, ч. II, Одесса, 1911 (за текстом у «Четьїх Минеях» Дмитрія Туптала).

ЖИТІЄ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ВАСІЛІА НОВОГО

Во дни блачестивых царей греческих, Льва премудраго и Александра брата его, сынов царя Василіа Македона, в десятое лѣто самодержавствія их, магистріаны[1] нѣцыи, от Асійскія страны повелѣніем царским послани бывшіи, егда оттуду в Константін град возвращахуся, и мимо нѣкія непроходимыя пустынныя горы идяху, узрѣша человѣка (сего, о немже нам предлежит слово блаженнаго Василіа) по пустыни ходяща, худыми одѣяна рубы[2], образом странна и страшна, яко в пустыни воспитана, и абіе скорыми ногами текше, яша того, и дивящеся о странном образѣ его, прелагатая[3] того быти мняху: связавше убо ведоша его купно с собою в царствующій град, идѣже явившеся царем, явлено им и о ятом в пути человѣцѣ сотвориша. Царь же Лев, видѣв его, вдаде на истязаніе патрикію, именуемому Самон, родом агарянину, да испытает яже о нем, кто есть, и откуду, и како ему имя; Самон же патрикій, поемши человѣка божія, веде в дом свой, и сѣдши со всѣми своими совѣтники гордостно, повелѣ представити пред лицем своим блаженнаго: той же представлен, не воздаде ему достойныя чести и поклоненія. Глагола убо к нему Самон: кто еси ты, и откуду, и како имя твое. Он же не даде ему отвѣта, но стояше молчя, и кроткими на него смотря очесы. Глагола убо паки к нему: возвѣсти нам, откуду еси ты. И глагола к нему святый: ты убо кто еси, и откуду; и рече ему Самон: мы тебе вопрошаем, ты кто еси, и откуду; кто же есмь аз, не подобает вопрошати: аще же увѣдати хощеши, яже о мнѣ, возвѣщу ти: аз есмь Самон, патрикій и паракімомен[4] царствующих нам нынѣ самодержцов: повѣждь убо, ты кто еси, и

[а] Від слова «мито»; звідси «митарство»— місце, де стягають мито, митна застава.

[1] вельможі, начальники [2] подертим одягом [3] шпигуна [4] візантійський придворний чин

откуду, и кое есть твое житіе. Глагола к нему блаженныи: аз странен єсмь, єдин от живущих на земли. Рече к нему Самон: добрѣ убо о тебѣ глаголют, яко прелагатай еси, пришедый преглядати Греческую область. Преподобный же на то ничтоже отвѣща. И мнози предстоящіи нуждаху, глаголюще, ктѳ еси; и не отвѣщаваше им. Повелѣ убо Самон, да принесут пред лице его жезліе сурово, и воловыя жилы сухи, и ина нѣкая страшнѣйшая орудія на устрашеніе ему; да негли убоится и повѣсть, откуду есть. Он же вся та видя, ничтоже глаголаше, и повелѣ растягнути его четырем и воловыми жилами бити вопрошающи, кто еси. Біен же сущи крѣпко, святый не отвѣщаваше им, но терпяше молчя. Дотолѣ же биша его, донелѣже мнѣти им, яко уже абіе умрет, и вземше его аки бервно (не могуща ходити) несоша, и ввергоша в темницу...

[Незважаючи на страшні катування, Василій не став нічого про себе розповідати. Відданий левові на розтерзання й вкинутий у море, він чудесно лишається неушкодженим. Слава про його чудеса (зцілення хворих) розходиться по всьому Константинополі, де він оселився у своїх друзів. Крім дару зцілення, Василій має дар прозирання в майбутнє: він оплакує прийдешню сумну долю покликаного на царство воєначальника Константина Дуки та його прихильників. Василій Новий зазнає жорстоких катувань за викриття лихих намірів «патрікія» Сароніта, що вмирає незабаром від тяжкої хвороби, як провістив святий. Оселившись у свого прихильника, Василій живе під доглядом старої благочестивої вдови Феодори. Коли Феодора померла, учень Василія Григорій, що дуже поважав її, хотів дізнатися, чи спаслася її душа. І от по волі Василія Нового Григорій у сонному видінні дізнається від Феодори про її потойбічне життя. Оповідання Феодори про «ходіння по митарствах» її душі становить значну частину житія, що кінчається описом смерті Василія. Нижче наводимо уривки з оповідання Феодори].

...Егда убо к концу житія моего приближихся, и наста час разлученія от тѣла, видѣх множество ефіопов окрест одра моего ставших, иже лица аки сажа и смола бяху очернена, очи же аки угліе огненно, ихже видѣніе толь люто, яко и сама геенна огненная. Тіи начаша творити молву и мятеж. Овіи ревуще яко скоты и звѣри, иніи яко пси лающе, иніи выюще, яко волцы, иніи яко свиніи вопіюще, вси же взирающе на мя яряхуся, грозяху, устремляхуся, зубы скрежещуще, и пожрети мя абіе хотяще: готовляху же хартіи, аки бы чающе судію нѣкоего пріити тамо, и свитки развиваху, в нихже написана быша вся злая моя дѣла: тогда убогая душа моя бысть в страсѣ и трепетѣ велицѣм. И недовольна ми бысть горесть смертная, но и то ефіопов страшных грозное зрѣніе и ярость бысть мнѣ яко другая смерть лютѣйшая. Отвращах же очи мои сѣмо и овамо, еже бы не видѣти ми страшных лиц их, ни слышати гласа их: но не можах избыти тѣх, всюду бо их без числа зрях шатающихся, и не бѣ помогающаго мнѣ. В таковѣй бѣдѣ изнемогши до конца, узрѣх два свѣтоносна аггела божія, ко мнѣ приходяща во образѣ красных юнош, ихже красоты изрещи не возможно. Лица их бяху пресвѣтлѣйшая, очи любезно взирающіи, власы главы их аки снѣг бѣлы, златовидное покатыми по сосцам крестообразно. Тіи приближившеся ко одру моему, сташа одесную мене, нѣчто тихо друг ко другу бесѣдующе: аз же видѣвши их радостна бых сердцем, и веселыми на них взирах очесы, черніи же оніи ефіопи видѣвше сих содрогнушася и отступиша подалѣе. Рече же един свѣтоносный юноша к темным с яростію, глаголя: о безстудніи, проклятіи и мрачніи, злобніи рода человѣческаго врази! почто всегда предваряете ко умирающым приходити; и творяще молвы устрашаете, и смущаете всякую от тѣла разлучающуюся душу; но не вельми радуйтеся, здѣ бо не обрящете ничесоже, ибо божіе есть с нею милосердіе, и нѣсть вам части, ни жребія в души сей. Сице тому изрекшу, абіе возшаташася ефіопи, велій кличь и молву сотворше, и начаша показовати дѣла моя злая от юности содѣянная, и глаголаху: ничтоже в ней имамы, а сіи грѣхи чіи суть; не она ли содѣя сія и сія; тако молвяще стояху, ждуще смерти. И се пріиде смерть яко лев рыкая, образом зѣло страшна, подобія аки бы человѣческаго, но тѣла отнюд не имуща, от единых точію костей человѣческих нагих составлена. Ношаше же различная орудія к мученію: мечи, стрѣлы, копія, барды[1], косы, серпы, рожны, пилы, сѣкиры, теслы[2], оскорды[3], и удицы, и иная нѣкая незнаемая. То узрѣвши смиренная моя душа вострепета от страха, и рѣша святіи аггели к смерти: что медлиши; разрѣши душу сію от соузов плотских, скоро и тихо разрѣши, не имать бо много тяжести грѣховныя. И абіе та приступльши ко мнѣ, взя малый оскорд, и нача отсѣцати первѣе ноги моя, потом руки, таже иными орудіи иныя вся уды моя разслабѣваше, члены от составов раздѣляющи. И не имѣях рук, ни ног, и все тѣло мое омертвѣ, ни можах ...нутися прочее, таже взя теслу, и отсѣче главу мою, и ктому не мо... подвигнути главы, чужда бо ми бысть: по сих всѣх сотвори в чаши нѣкое растворениe, и ко устом моим придѣвши нуждею напои мя. Толь же бѣ горько напоеніе то, яко не могущи стерпѣти душа моя содрогнуся, и изскочи от тѣла, яко отторжена нуждею. И абіе пріяша ю свѣтоноснііи аггели на руки своя: воззрѣв же вспять, видѣх тѣло мое лежащее безду...но, нечувственно, и недвижимо, якоже бо кто совлечется одежды своея, и повергши ю, стоит, смотря на ню, сице аз смотрѣх на тѣло мое, егоже яко одежды совлекохся, и удивляхся зѣло...

...Грядущим нам от земли к высотѣ небеснѣй, в началѣ срѣтоша нас воздушныя дуси перваго мытарства, на немже истязуются грѣси словес и глаголов человѣческих праздных, буих, скверных, безчинных, и абіе тамо стахом. И изнесоша к нам многія свитки, в нихже написана бяху вся моя словеса, от юности моея изреченная, аще когда проглаголах что непотребно и неразсудно, а наипаче аще что глаголах срамословно и кощуны дѣях в младости моей, и смѣхотворенія, якоже обычай есть юным. Зрѣх тамо написана вся моя буесловія, сквернословія, мірскія безстудныя пѣсни, безчинная восклицанія, смѣянія и хохотанія, и обличаху мя тѣм... Сія видящи, молчах аки безгласна, не имущи что отвѣщати лукавым духом: истиною бо мя обличаху, удивляхся же в себѣ, како то в них незабвенно, еже толь многими прейде лѣты, еже аз давно забых, и ниже во умѣ потом когда помыслих: они же аки днесь глаголанная мнѣ предлагаху вся подробну и потонку истязующе, и воспоминах вся та, яко быша тако. Молчащей же мнѣ и стыдящейся вкупѣ и трепещущей от страха, святіи аггели, водящіи мя, противу тѣх грѣхов моих положиша нѣчто от добрых дѣл моих послѣжде бывших, недоставшая же наполниша от дарованія преподобнаго Василіа отца моего и искупиша мя, и идохом оттуду выше.

[1] сокири [2] сокири [3] оскарди — мотики, кирки

И приближихомся к другому мытарству, глаголемому лжи, на немже истязуется всяко слово ложное, а наипаче клятвопреступленія, призыванія имени господня всуе, лжесвидѣтельства, обѣтов богу содѣянных неисполненіе, исповѣданіе грѣхов не поистиннѣ бывающее, и иная тѣм подобная ложная. Духи же того мытарства яри и свирѣпи, крѣпко настоящіи и истязующіи, иже егда удержаша нас, абіе подобну испытовати начаша, и обличена бых во двою, яко случися ми иногда в нѣкіих малых вещах солгати, ни вмѣнях себѣ то в грѣх: и яко множицею студа ради не поистиннѣ исповѣдахся пред отцем моим духовным, клятвопреступленія же и лжесвидѣтельства, и прочіих тѣм подобных не обрѣтоша во мнѣ благодатію Христовою: обаче о обрѣтшихся во мнѣ оных лжах торжествоваху, и хотяху мя похитити от рук водящих мя, но святіи аггели тѣх грѣхов положивше, искупиша мя, и идохом выше безбѣдно...

... И доидохом инаго мытарства, еже чревоугодія глаголется, и абіе избѣгоша противу нас скверніи тіи дуси, радующеся аки о обрѣтаемой сластолюбивых чревооб'ястников мерзостных піяниц, от нихже овіи показовахуся носити блюда и конобы с ястіями, овіи же чашы и корчаги с питіями, зряшеся же пища та и питіе то гной смердящь и мерзость блевотинная: являхуся убо быти аки пресыщени и піяни и скачущіи с прещеся душам грѣшным к мытарству их приводимым. Тіи обшедше нас яко пси, и удержавше, абіе принесоша пред мене вся моя об'ястія, егда тайно ядох когда, или через силу и потребу ядох... Такожде и піянства моя вся показоваху мнѣ, представляюще чашы и сосуды, из них же упивахся, и число испитых чаш глаголюще: толико чаш испила еси во оное время на оном пиру, с тѣми человѣки, в другое же время и на другом мѣстѣ толикими чашами упивалася еси до безпамятствія и блеванія...

...Вся та ми и иная моя чревоугодія представляху, и истязоваху, и радовахуся, аки уже имуще мя в руках своих, и во дно адово низвести хотяще: аз же трепетах, видящи себе тѣми обличену, и не имущи что противу отвѣщати. Святіи же аггели, изъемше довольно от дароватіи же, узрѣвше искупленіе мое, воскричаша, молву же и мятеж велій сотвориша, горе нам, вопіюще, погубихом труд наші погибе наша надежда, и пущаху по воздуху хартіи, яже имѣяху на мя написаны: аз же, то зрящи, веселяхся, и идохом оттуду безбѣдно. Грядуще же бесѣдодуша сія от угодника божія Васіліа, и аще бы не того труды и молитвы помогали ей, многую нужду имѣла бы претерпѣти преходящи воздушная испытанія...

...Грядуще же выше, улучихом мытарство, глаголемое лихвы, идѣже истязуются дающіи сребро свое в лихву, и скверная приобрѣтенія творящіи, лихоимцы же и чуждаго присвоители: тамо истязатели испытно обыскавше яже о мнѣ, и ничтоже обрѣтше, скрежетаху на мя зубы своими, мы же выше поидохом, благодаряще бога.

И постигохом мытарство неправды, на немже истязуеми бывают вси судіи неправедніи, на мздѣ судящіи, и оправдающіи винных, невинных же

осуждающіи: таможе истязуется удержаніе мзды наемничи, и мѣрила неправедная дѣющих куплю, и чтолибо неправедно творимое взыскуется тамо, но мы благодатію Христовою проидохом то безбѣдно, мало что давше.

Такоже и еже потом бѣ мытарство глаголемое зависти, минухом ничесоже давше, никомуже бо когда позавидѣх: аще же и испытовашеся таможе нелюбовь, братоненавидѣніе, недруголюбіе, ненависть обаче Христовым милосердіем во всѣх тѣх испытаніях неповинна обрѣтохся, точію ярость скрежещущих на мя бѣсов видѣх, ни убояхся их, и идохом выше радующеся...

...Таже достигохом инаго мытарства, глаголемаго гнѣва и ярости, но и тамо аще и свирѣпіи бяху воздушніи истязатели, обаче не много от нас получиша, и идохом прочее радующеся о господѣ, покрывающым грѣшную мою душу молитвами отца моего преподобнаго Васіліа святаго.

Посем злопомнѣнія мытарство предста нам, на немже немплостивно истязуеми бывают держащіи в сердцах своих злобу на ближняго, и воздающіи зло за зло, и оттуду со многою яростію низводятся злобными духи в тартар: но милосердіе господне и тамо мя покры...

...И ничимже должна быти на мытарствѣ том обрѣтохся, и рыдаху о мнѣ бѣси, яко свободна отхождах от лютых рук их. Мы же далѣе идохом веселящеся о господѣ. Вопросих же водящих мя святых аггелов, глаголющи: молюся вам, господіе мои, скажите ми, откуду сіи страшніи воздушніи власти свѣдят вся злая дѣла всѣх человѣков во всем мірѣ живущих, якоже и моя, не точію явѣ сотворенная, но и яже втаінѣ извѣстно та обличают. И отвѣщаша ми святіи аггели, глаголюще: всяк хрістіанин от святаго крещенія пріемлет богом даннаго себѣ аггела хранителя, иже, невидимо храня человѣка, наставляет его во дни и в нощи на всякое дѣло благое во вся дни живота его даже до смертнаго часа, и написует вся того добрая дѣла, в житіи сем творимая, занеже бы человѣку тому получити от господа милость и вѣчное в небесном царствіи воздаяніе. Такожде и тмы князь, желающь весь род человѣческій к своей привлещи погибели, единаго от лукавых духов приставляет, иже в слѣд человѣка ходящи назирает вся того от юности дѣла злая, на няже его и поощряет козньми своими, и собирает, чтолибо злое человѣк содѣет: отходя же к мытарствам относит тамо грѣхи человѣчи, всяк грѣх в подобающее тому мытарство вписуя, и потому свѣдоми суть князем воздушным вся грѣхи всѣх человѣк во всем мірѣ...

...Внидохом в мытарство убійства, в немже не точію разбойничество истязуется, но и всякая рана, всякое удареніе чимлибо и гдѣлибо по плещам, или по главѣ, или в ланиту, заушеніе, или по выи, или пханіе со гнѣвом, вся та потонку испытуются, и на мѣрилѣ полагаются, но мы и тамо мало что положивше, проидохом добрѣ.

И миновахом мытарство чародѣянія, обаянія, отравленія, шептов и призыванія бѣсов. Бяху же дуси тіи подобни четвероногим гадом, и скорпіям, зміям же и ехіднам и жабам; страшно же и мерзостно тѣх бѣ видѣніе, но тамо ничтоже на мя обрѣтеся благодатію господа моего, и проидохом абіе ничесоже давше. Восклицаху же на мя ярящеся оніи дуси, и глаголаху: пріидеши на блудная мѣста, узрим, аще от тѣх избѣжиши...

...Доидохом мытарства блуднаго, на немже истязуется всякое любодѣяніе, и умное грѣха блуднаго мечтаніе, помысла же в том умедленіе,

соизволеніе, услажденіе, скверная же осязанія, и страстная прикосновенія. Князь же мытарства того сѣдяше на престолѣ своем оболчен во одежду скверну и смрадну, пѣною кровавою окропленну, еюже он яко царскою багряницею красяшеся, и бѣсов множество предстояше ему. Тіи видѣвше мя тамо дошедшую, много чудишася, яко достигох до них, и изнесше написанная блудная моя дѣла, обличаху мя, показующе лица, с нимиже грѣших в юности моей... Глаголаша же за мя святіи аггели к бѣсом: но остави дѣла блудная от многих лѣт, и прочее в чистотѣ и воздержаніи поживе постнически... И положиша аггели святіи много от дѣл моих, множае же от дарованія Василіа преподобнаго, и едва избавихся бѣды лютыя, и идохом...

...Посем пріидохом к мытарству ересей, идѣже истязуются неправая о вѣрѣ мудрованія, отступства от православнаго исповѣданія вѣры, недовѣрства, сомнѣнія в вѣрѣ, хулы на святыню, и прочая тѣм подобная: то мытарство без испытанія, яже о мне, проидохом, и уже не далече от врат небесных бѣхом.

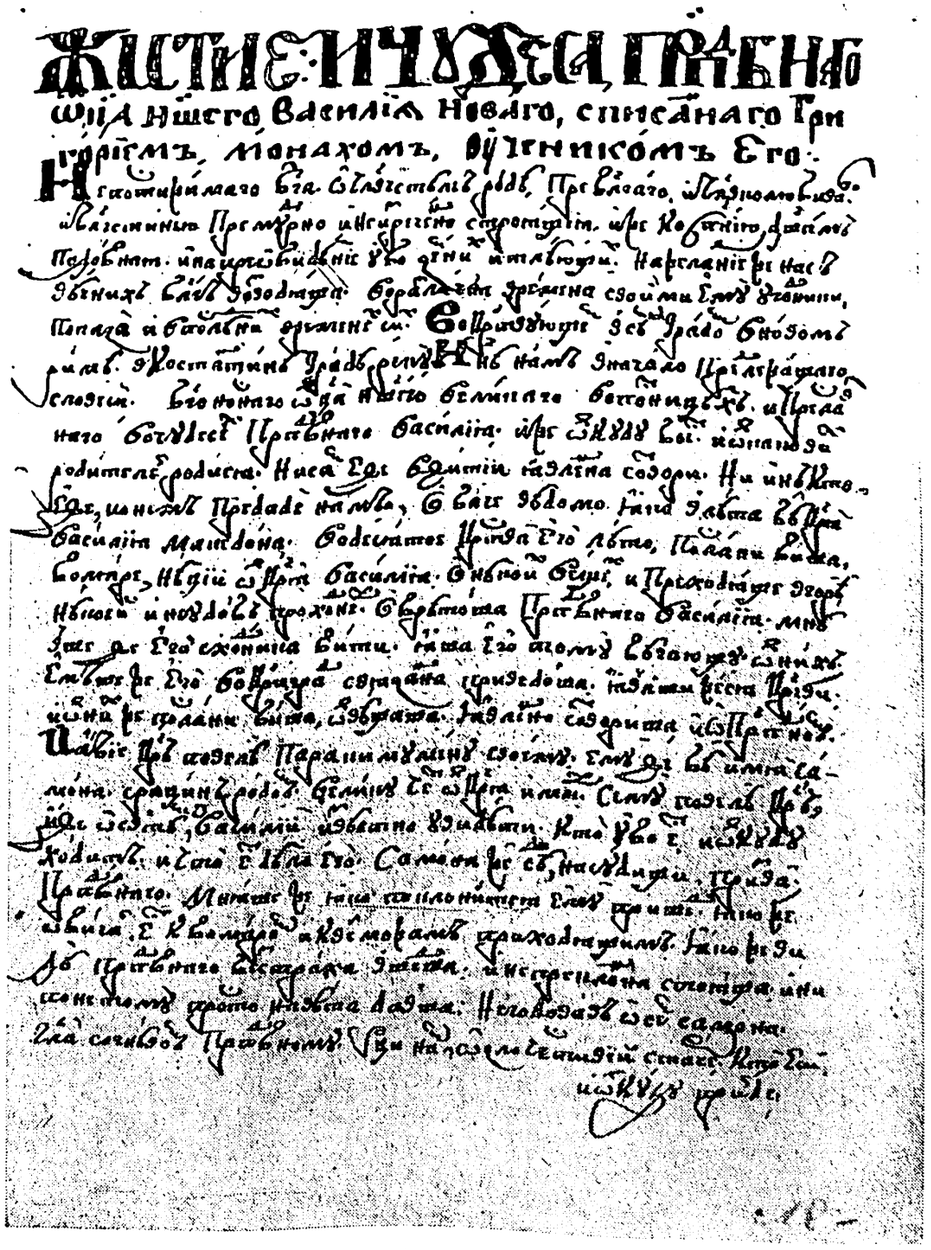
Но и еще срѣтоша нас злобніи духи послѣдняго мытарства, еже есть немилосердія и жестосердія; жестоцы же бяху истязатели тіи, и князь их лют, зряшеся же сух и уныл от ярости дышай огнем немилосердія: тамо без милости испытуются душы немилосердных...

...Но мы благодатію Христовою и то мытарство проидохом безбѣдно, помогшым ми всюду молитвам преподобнаго Василіа, даровавшаго от своих добрых дѣл много на мое искупленіе.

Таже к самым вратам небесным с радостію приближихомся, горьких мытарств избывше. Бяху же врата небесная яко кристалл пресвѣтел, и сіяніе зряшеся неизреченное, и юноши в них стояху солнцеобразни, иже видѣвше мя руками аггельскими водиму, веселія исполнишася, радующеся о мнѣ, яко божіим милосердіем покрываема, избых от мытарств воздушных: любезно убо нас срѣтше ведоша внутрь. Что же тамо видѣх, и что слышах, о чадо Григоріе! (глаголет преподобная Феодора), нѣсть возможно исповѣсти подробну: видѣх бо, еже око человѣческое не видѣ, и слышах, еже ухо никогдаже слыша, ни на сердце кому от живущих на земли взыдоша та благая. Приведена же бѣх пред престол божій неприступныя славы обстоимый херувімами, серафімами, и множеством вой небесных, неизреченными пѣсньми всегда славящих бога: и падши поклонихся невидимому и недовѣдомому божеству...

...Водима убо бѣх всюду, и видѣх прекрасная селенія и обители многи любящым бога уготованныя, преисполненныя славы и благодати. Показоваху же ми водящіи мя особно обители апостольскія, особно пророческія, особно мученическія, особно святительскія, и коегождо чина святых особны обители. Каяждо же обитель красоты бѣ неизреченныя в широту и долготу, рекла бы яко Царюграду подобна, но несравненно краснѣйша, многи пресвѣтлы палаты нерукотворенны имущая. Всюду же во обителех тѣх слышашеся глас радости и веселія духовного, и зряхуся лицы празднующих. Вси же видѣвше мя радовахуся о моем спасеніи, срѣтаху же и лобызаху, хваляще господа, избавльшаго мя от сѣтей вражіих...

[Наведений тут текст закінчується згадкою про видіння Григорієм уві сні «страшного суду» та коротким оповіданням про смерть Василія Нового].

Житіє Василія Нового. З рукописного збірника українським скорописом, 1703 р. (ЦНБ АН УРСР).

ЖИТІЄ АНДРІЯ ЮРОДИВОГО

Житіє Андрія Юродивого — пам'ятка візантійської агіографії, час створення якого точно не встановлено (між IX і XI ст.). Запозичення із слов'янського перекладу є вже в Київському літопису за Іпатьєвським списком. З цього бачимо, що Житіє відоме було в Київській Русі вже в XIII ст. Найдавніші списки, що збереглися, доходять до XIV ст. Не відзначаючись стрункістю композиції, Житіє, складене, можливо, одним з представників нижчого духовенства, дає, по-перше, ряд епізодів із життя головного героя, які реалістично вводять нас у побут, звичаї й класові суперечності населення найбільшого з середньовічних міст, Константинополя; по-друге, воно містить ряд фантастичних картин — раю, що його Андрій бачить уві сні, змагання ангелів з демонами в іншому його сні та ін. Андрій провадить довгі розмови з своїм учнем Епіфанієм; зміст розмов — почасти з'ясування явищ природи з точки зору фантастичного середньовічного природознавства, почасти — «пророкування» майбутньої долі Візантійської імперії й столиці її до пришестя антихриста. У «пророкуваннях» Андрія очевидне опозиційне ставлення автора до пануючого ладу й критика його з погляду «споживчого комунізму», що сприймається як ідеал. Саме ця пророча частина, що має аналогію в ряді інших перекладних пам'яток, наприклад, в «Откровеніи Мефодія Патарского», стала за одну з причин цікавості, викликаної цим твором. Уривки з його українських редакцій XVIII віку опубліковані І. Франком в IV томі його збірника «Апокрифи і легенди» (Львів, 1906). Нижченаведені уривки взято з найповнішого тексту (в списку XVI ст.) за виданням: «Памятники славянорусской письменности. Великие Минеи Четии, собранные всерос. митрополитом Макарием» (Октябрь, дни 1—3, изд. Археогр. Комиссии, СПБ, 1870).

ЖИТІЕ ИЖЕ В СВЯТЫХ ОТЦА НАШЕГО АНДРѢЯ УРОДИВАГО ХРИСТА РАДИ, ИЖЕ В ЦАРИГРАДѢ

Жизнь богоугодну и житіе непорочно мужа добронравна, о возлюбленіи: хотящю ми исповѣдати. Приклоните себе, молюся вам, на послушаніе сих, есть бо си повѣсть якоже медвена нѣкая воня, каплющи масть сладку и велми дивну. Тѣм же уготовитеся всею душею на се насыщеніе, да болми и аз сам подвигнуся на начатіе повѣсти сеа, и положю пред вами духовныа доблести сего мужа. Есть же слово сего начатіа сице.

При царствѣ христолюбца царя Лва Великаго, бѣ нѣкто мужь в Костянтинѣградѣ, именем Феогност, иже бѣ протоспафаревом[1] саном почтен от благовѣрнаго царя, егоже по сем воеводу сътвори на восточных странах. Сей же мужь многу челядь имѣя, послѣди же купи и ины многы, в них же бѣаше и сей, иже ныня поминаем бываеть нашим смиреніемь, бѣаше же родом словенин. Егда же господинъ его купи сего и с прочими, сей бѣаше младіе всѣх плотным взором и красен велми, яко смилитися ему у господина своего велми, и пред ним ему служити орудіа треблешая; абіе же въда его да научить святым книгам, еще гречески молвити не разумѣюще. Трезв же сый отрок умом своим, въскорѣ изучися псалтыри и числом и всему, елико же учитель его веляше ему, якоже дивитися учителю его скорому ученію его, не мнящю никомуже, якоже

[1] високим придворним чином

словенин есть, личнаго взора[1] дѣля и душевнаго разума, и плотныя дѣля силы, и доброты дѣля писаніа его. Сего дѣля и господин его в нотарево мѣсто нача его водити на всяку потребну службу со всѣм прилежаніемь и тщаніемь кончевая, яко милу ему быти господину своему и госпожи своей и от всѣх сущих в дому их. Многы же чести творяше ему Феогност, і от порт своих, в них же сам хождаше, видя его всѣм сердцем прилежаста на имѣніе его; яко видяще его молвяху, яко хлап[2] в лѣпших портех господина своего ходить. Часто же хождааше по церквам и любляше прочитати богодухновенныя книги, боле же святых мученіа и жизни святых отець, яко горѣти сердцю его на тѣх упованіе, на подобіе их восставлятися; о себѣ бо вложи себѣ начало добраго житіа...

[Уві сні Андрієві було видіння: «єфіопи» — чорні демони, викликаючи на бій ангелів «в бѣлах ризах і инѣх святых мужь», хвалилися своїм велетнем, проти якого ніхто не міг встояти в боротьбі, «бѣаше бо тысящник несытаго легеона сотонина». До ангелів злетів гарний юнак із вінцями, оздобленими золотом, перлами і самоцвітами, причому третій з них був невимовно пахучий від гілки з божого раю. Коли Андрій схотів купити їх, юнак відповів, що вінці даються в нагороду тим, хто поб'є диявольську силу. Андрій переміг чорного велетня, демони розійшлися з соромом, а «б ризці» стали вітати Андрія, «мажюще его миром духовным». Юнак подарував йо у вінці, поцілувавши, назвав другом і обіцяв: «тецѣ уже добрый подвиг, наг буди и похаб[3] меня дѣля, и многа добра причастник будеши в день царствіа моего». Прокинувшись, Андрій став дивуватися з баченого, відчуваючи пахощі на устах і обличчі.

Другої ночі, помоливши, Андрій почав різати на шматки свою одежу, удаючи божевільного. Феогност, засмучений божевіллям святого, наказав прикувати його ланцюгом у церкві мученици Анастасії, сподіваючись видужання. Через чотири місяці, побачивши, що Андрій не видужує, вельможа відпустив його].

Начало житіа его

Ристати[4] же оттолѣ нача и играти по улицам, по образу древле бывшю похабу Семеона оного дивного...

...Вечеру же наставшю, егда ему бѣаше любо не спаше, но хождаше по улицам градным, молитвы дѣя на сердци, и всю нощь бдя пребываше, а заутра почиваше. Егдаже ли ся ему не хотяше ходити в нощи, да согляшаше по улицам мѣста, гдѣже пси лежать, да тамо единого шед от них прогнав, лежаше яко на одрѣ почивая, наг, лишен, неимовит, ни рогозины[5] имѣя, ни власяници, ни сукна и ни плат поне мал отруян, се едино суконце, еже преже реченное, в немже хожаше, той имяше за все...

...Зряще на нь человѣци, глаголаху: се нова бѣшенина; друзии же глаголаху, яко земля си николиже без салоса[6] нѣсть; да друзіи по нем бѣаху, а друзіи пхаху его по шіи, біахуть его и слинами лице его кропляху, гнушающеся. Терпяше же все се, алчен, жадая пити, зимою умирая, зноемь угараем, и все зло терпя пребываше непобѣдим; молитву же толику пріал бѣаше в тайнѣм храмѣ сердца своего, якоже шепту устен его далече извѣнети; якоже бо котел безмѣрным кипѣніемь возмутився пару износить, тако и тому исхожаше изо уст пара святаго духа; якоже зряще на него, друзіи глаголаху, яко дѣмон, иже в нем живеть, оттого

[1] зовнішності [2] слуга, раб [3] юродивий [4] бігати, швидко ходити [5] рогожі [6] юродивого

пара си износится: а друзіи глаголаху: ни, но сердце его нетища [1] непріазниваго духа тако дышеть. Но се не тако бѣаше, но молитва бѣаше непрестанна богоугодна, яже си являше. Тѣмже невѣгласи, якоже древле премѣненіе язык піаньством мняху, тако и здѣ о славнем сем помышляху.

О зимѣ и бѣднѣ

Зимѣ бо велицѣй наставши и мразу люту наставшю сущю, всяк род плотный от бѣды зимныя хотяше издыхати, и храми же вси снѣга бѣаху полни, дыхающу вѣтру сѣверу и храмы ростергающу высокіа. Вси же нищіи тогда велико, о горе! себѣ дѣляху, вопіюще. и плачющеся, и стенюще, и трясущеся, недостатком, гладом измирающе, в гроб слеми бываху; а друзіи стражюще, снѣгом ся задохше, умираху; сѣсуды счинены рассѣдахуся, а древо ис кореніа вытерзашеся, и всяка птица лѣтающіа изомре, не имѣюще что ясти. Бѣаше же и мнѣ печаль велика раба дѣля божіа, яко нагу ему бѣаше тѣлом отъинудь и без храма, ни порт имѣя, ни рогозинѣ, ни сукна, ни куца [2], ни иного ничегоже, имже бо покрыти тѣло свое; и не видѣх, камо ся есть дѣл, на коей странѣ града ходить, како же можеть толику бѣду претерпѣти, наг ходя. Постоя си бѣда зимная дни многы; не боляше никтоже о зимѣ той, но вѣтра не можаху претерпѣти...

[Андрій Юродивий, прийшовши до автора Житія, розповідає йому, що він переживав під час цієї страшної холоднечі].

...Идох же к противным [3] ми нищим, да ся спасу; да не пріимаху мене, но палицами мя яко пса отгоняху от себе, обрезгающе, и глаголаху и въпіюще: въстав, отъиди отсюду псе! Да уже не обрѣтая где бы спастися, і отчаяв живот свой, рѣх: благословен господь бог! аще и умру, любве его дѣля да умру; да что мнѣ тѣм? Бог есть не неправдив: иже сътворить, да с зимою и терпѣніе подасть ми. Вшед же в един угол емъвола [4], і обрѣтох пес лежащь близ его, надѣяся согрѣтися от него. Он же видѣв, яко близ его легох, въстав, отъиде. Рѣх же к себѣ: лишенне [5], видиши ли, колми еси грѣшен, яко и пси брѣзгають тобою, противніи тебѣ нищіи отгонять тя, да уже что хощеши дѣяти? да умри, бляди, умри! здѣ бо тебѣ спасеніа нѣсть. Да яко се в печали души глаголах, приде ми ум, да крочася великою зимою и трепетом плачася, к богу единому сердечными очима взирая, мнѣх бо, яко уже ми есть издохнути, измершю всему моему тѣлу и посинившю. Внезаапу же очютих теплоту нѣкаку, і отверз очи, видѣх нѣкоего уношю видѣніем велми красна, егоже лице свѣтяшеся яко солнце, имѣаше же в руцѣ яко вѣтвь злата, исплетена цвѣты черьвлены и бѣлы росны [6], не якоже суть мира сего, не дай бог, но испестрена пѣкака инѣм цвѣтом, инѣм видѣніем. Да якоже красную ону держа вѣтвь, возрѣ на мя, рече: Андрѣя, где еси? Рѣх ему: во тмѣ и сѣне смертьнѣй окован. Он же рече ми: како? рече како и словом цвѣтную ону вѣтвь удари мя цвѣтною вѣтію в лице, рече: и возми живот непобѣдим тѣлу своему. Абіе же воня она цвѣтная в сердце мое вшедши, якоже молніино видѣніе, живот мой приложи. И посем слышах глас, глаголющь тако:

[1] гребуючи, гидуючи [2] халупи [3] подібним мені [4] портика [5] низький, нещасний [6] укритими росою

О видѣніи рая

Ведите его, да ся утѣшить за две недѣли и паки да ся вратить; і еще бо хощю да ся потрудить. И с словом взят бых твердом и сладком сном: да что ми бысть, не вѣдѣ, якоже бо всю нощь спав сладко. Заутра ся убудих; тако есмь и в двѣ тѣ недѣли пребыл, гдѣ же божіа воля веляше. Видѣх же себе, яко в раи краснѣ и дивнѣ велми, удивихся духом; размышлях же си: что се нынѣ есть, еже вижду? яко в Констянтинѣградѣ есть селище мое; да что здѣ творю, не вѣдѣ... Се рек, въстах и видѣх себе якоже бес плоти суще, не бо мнѣх яко во плоти есмь, и порты бѣаше у мене молніами истъканы, на друзіи странѣ снѣжен з драгым каменіемь; велми же ся величах о красотѣ; а еже на верху главы моея размышлях, да бѣаше венець исплетен от всякого цвѣта, а на ногу моею бѣаху сапозѣ позлащенѣ и свѣтящеся, препоясан же бѣх и поясом драгым царьским, почервлен сущь. Льщашеся и земля рая того, якоже никтоже не можеть того сказати, испестрена сущи различными цвѣты: яко хотящю ми зрѣти на ту землю, не сыт бѣх добраго того уханіа. Дивих же ся и умом и сердцем; хожах, обходя по граду божію, якоже цареву одежю имѣя, величахся велми, видя себе болша суща всѣх человѣк. Сад же бѣаше тамо многъ, еже бог есть извел не якоже суть сего мира... Чюдо же боле всего в садѣ том птици бо бѣаху на них мнозп, вробіе и щюри и славіе, нынѣ неименитіи, красны златыми крилы и снѣжны крилы пестры, сѣдяще кождо на своем листѣ, пояху же уси кождо по своему гласу, якоже глас пѣнію их сладкому и красному аз же мнѣх слышати на высотѣ лица на небесѣ; един же птиць тѣх хотѣх зряще на нь взаимашеся, яко да дивно бѣаше видѣніе пестрот его и славно, якоже бо цвѣти краснѣн и велми пестрѣ тако бѣаше, и доброта птенець тѣх, паки же перваго птенца красота ужасаеть ми сердце, ум мой в едино събирая; сматрях другое инако видѣніемь и славою образом; паки видѣх другую і от тоя другую. Да бѣаше мнѣ жажда велика пѣніе их сладкое и непремолчное, или кто можеть исповѣдати страннаа и дивная и все чюдная доброты видимых тамо безпрестани сущю пѣнію их. Вси же краснѣи тѣ сади по ряду стояху, якоже се станеть полк противу полку... Да якоже начах ходити, ширяяся по пространу веселом сердцем, видѣх и се: рѣка велика идеть посредѣ рая и напаяше сады оны красныа вся, истиха ображаяся к кореню их, а птици оны красныя схожаху на ню и восхожааху, напивающеся, а беспрестани поють. Виноград же бѣаше окол рѣки простерлъся, златом листвіем украшен, егоже лозіе имать образ камени драгаго лухнита [1] перваго камени, рекшаго дѣля: аз есмь виноград истинный. Простерло бо ся бѣаше лозіе его по всему раю и по всему саду и по вѣтвем исполнена грезновіа и красна якоже вѣнца мѣсто бѣаху ся украсили сади ти лозным исплетеніемь. Бѣаше же гроздіе то пестри красни, их же неудобь есть сказати. Се же видѣв, скакати начах высоко славу любя, и радовашеся сердце мое от ужасти на чюдо и от чюда на диво душею преводим, ходя по лѣсу и по ширинѣ красоты ограда божіа... абіе подъшедше мало, якоже преидох реку ону яко в ширину, уже бѣх прошел оград божій, проглядая неизреченное оное богатество вседержителя бога і царя, еже многом

[1] рубіна

умноженіемь скровище сущее тамо, не могу бо како бы исповѣдати человѣчьски усты богатество божіе. Но то ти едино исповѣдѣ, о дружебниче возлюбленне о бозѣ, елико во всем мирѣ нѣколика узорочіа извѣдѣ. Да якоже бых рекл, яко в ширину поидох града того божіа, и начах розглядати святых святая, се паки яко от узъкіа страны краснообразнаго оного лика дух нача дыхати другый, велми добры воня имѣя сласть. Колѣбаху же ся садѣ онѣ боле мира и мосъхоса [1] воню отпущающе, якоже вниде в сердце мое. Того же духа видѣніе не малый дух мой пожагаша; видѣх же образ его невидимый, друже мой, якоже есть видѣл и прочих лѣпоту. Тацѣ имѣющим очи любо плотяне, любо ли духовнѣ, владыка един вѣсть. Мнѣ бо ся мняше, яко во плоти хожю тамо; потом же якоже не бѣаше тягости чюти в моем тѣле, ни жажда да бых ѣл или пил, любо иного чего, любо еже есть обыкло тѣло се пріимати. Возъврати мя помысл, якоже кромѣ тѣла есть тамо праваго же есмь не видѣх, но токмо вѣдый сердечная, бог то вѣсть правое. Да якоже множество бесчисленых садов дыханіе четвертаго вѣтра преславно колѣбахуся, шумящій глас красен творяху, паки мя благоуханіе удиви и сласть в сердци моем уханіа дѣля добраго. Стоях же забывся, в неизрѣнну зарю имѣя ум вшедша древныя оноа лѣпоты, двизаніа же их и шюма их; си же видя веселяхся велми, клекаше сердце мое и радовашеся дух мой. Умолчавшю же и четвертому духу, сади ся не двигаху. Дивнѣе видѣх и преславно и страшно, яко тамо толико бывшу ми николиже нощи не бѣаше ми, но бѣаше ми живот и радость, якоже есмь видѣл тамо. Посем же ужасть нѣкака нападе на мя. Во ужасти бывшю ми, мнѣх ся стоя видѣніемь верху тверди небесныя; и нѣкто уноша одѣн в багряницю хожаше предо мною, егоже лице свѣтяшеся якоже солнце. Аз же мнѣх, яко он есть, иже мя бѣ удари в лице цвѣтною оною вѣтвію, егда хотѣх умрети зимою, и той повелѣ слугам своим да мя приведуть. И якоже се нача ходити предо мною, и видѣх и се: крест велик красен и страшен взором, якоже дуга бѣаше, и четыре запоны около его противны суща облаку свѣтлу, да двѣ бѣ черьмнѣ, якоже видѣніе молніино блискающися, а друзіи бѣли якоже снѣг; около же его стояху пѣвци краснѣ велици, бѣли суще яко свѣт огнены заря, изо очію блискающися, і якоже си бесплотни пѣснь нѣчто сладку распятаго дѣля пояху. Да иже мя вожаше одѣни багром мимоидый лобзай крест, покивну же и мнѣ, да бых и аз тоже сътворил, да в слѣд его шед лобзах его и аз. Да якоже лобзах честнаго того креста, духовна меда насытихся и воня добрая научахся, яко яже не наухался есмь ни в раи...

О богатѣм

И усрѣте нѣкоего богата мимо идуща, и рече ему: дай ми нѣчто! Он же рече: не имѣю, похабе[2]. Рече святый: добрѣ, рече, угленый камень, яко во иглинѣ уши не можеши проити. Рече он: не лжею еси, богоускіи и прискорбныи уши похабе суть, вводящая в царство; а ты еси толст и тучен велми, да тучнее земля туде не пройдуть; осел бо мечаритьми на пространѣ тѣсною улицею не можеть проити. Се же он слышав,

[1] мускуса [2] юродивий [3] нерозумний, юродивий

росмѣяся, и рече: ими ми вѣру, аче и похаб еси, но горазден еси налаял. Рече ему святый: вдай ми златник яко убог есмь. Он же рече: нѣту злат-ника. Рече святый: да дай медницю, любо хлѣба укрух. Се же глаголаше святый противу жестосердію его, вѣдый немилостива его суща. Рече он: видиши ли ны богатыя, а бы видѣл колико ти содѣваем. Рече святый: множество есть пчел во уліи, но другыя входять, а другыя исходять; также и мравіа; а море како сыти не имѣеть, от всея подънебесныя пріемлющи рѣки и пожирающи не насытится? занеже зинул есть змій велми; да кто можеть наполнити чрево его снѣди корыстныя и гортана его много злата или ад зіяа и пожирая в непроходимую бездну? Се же рече святый о добываніи, яко вся земля навыкла есть даяти боляром, но суть лакоміи кумиролюбци и сребролюбци; да якоже море, зміи и ад не полон ни сыт суть, тако суть и богатіи. Противу сему облениvся слышати, никакоя же полза не могый пріати, да яко единого от похаб поругався ему, отъиде...

О водах

Вода, яже изо облака исходит дождем, с небеси сходить, ци отъидѣ во облаки восходить? Святець рече: дугу мою поставлю, рече бог, на облацех, да си дуга повелѣніем божіимь сбираеть морьскую воду якоже в мѣх и наливаеть облачныя боки; да егда повелить бог вдати дождь на землю, восходить шум изо утробы дужныя; а той дух есть крѣпок велми и смущаяся; да якоже внутрь начнеть раздирати облаки, уготовая путь водѣ, и проливаеть ю в ширину вданому тому облаку, да тѣм путем велик скрежеть ся творить, егоже скрежета чоловѣци навыкли суть нарицати громом: понеже скрегчеть облаки, готовая путь, да быша пріали воду; да егда пріидеть дух правый умный і огустить облаки, тогда паки другый дух воду кропя и скрежцаеть гремя наполниваеть облаки водѣ якоже и губа; и посем отверзается другое сокровище от держащих воду, и преже поидеть дух сущій в нем со громом, путь творя водам хотящіим пріити на облацех. Да тако еликожду ся отверзаеть скровище водокропно, служба бываеть и громове гремять, гром бо преходит пред водою; множицею же без грома дождь бываеть. Не о себе же сами облаци тѣ дають дождь, но владыка бог ангелы к нпм приставил есть, да я направляють якоже и на всю тварь небесную...

ПАТЕРИКИ

Патериками («отечниками») називаються збірники повчальних оповідань, новел, влучних висловів, анекдотів, зв'язаних з життям пустинників якого-небудь певного монастиря чи якої-небудь певної, багатої на монастирі місцевості (Палестіна, Єгипет, Сірія та ін.). У християнській грецькій (і почасти латинській) літературі ряд таких збірників випикає з V ст. Наприкінці VI ст. палестінський монах Іоанн Мосх, відвідавши монастирі різних місцевостей, склав такий збірник, що зберіг і в слов'янських перекладах свою грецьку назву «Лимонарь», до якої в перекладах додавали пояснення — «Луг духовний». Крім того, що автор чув особисто, він використав ще почасти попередні збірники (так званий «Лавсаїк, Палладія Єленопольського V ст.,

«Історію боголюбців» Феодоріта, єпископа Кіпрського, 442—457 рр.). Зміст «Лимонаря» надзвичайно різноманітний: поруч з оповіданнями аскетичного змісту в ньому досить широко наведено оповідання із світськими елементами; поруч із сюжетами, навіяними реальною дійсністю, фантастичні сюжети, побудовані, наприклад, на темі нагороди праведним і кари єретикам від божественної сили. Списки слов'янських перекладів «Лимонаря» ідуть від XI—XII ст., проходячи через усю старовинну українську й російську літературу, змінюючись, зрозуміло, щодо мови, а іноді й щодо складу. У 1628 р. він був надрукований у Києві під назвою: «Лимонар сирѣч цвѣтник».

Уривки подаємо за цим самим виданням.

«ЛИМОНАР» ІОАНА МОСХА

Глава 85 [Жадібні ченці]

Повѣдаша нам иноци тогожде монастыря аввы Феодосіа: «Яко по уставу отца нашего бычай бѣ, во святый великій четверток приходити сѣмо всѣм убогим, и вдовицам и сиротам всея земля и взимати по уставленѣй мѣрѣ пшеници и по пятинадесят благословеній и по пяти мѣдниц, такожде и по уставленнѣй мѣрѣ вина и меду.

Бысть же прежде трех лѣт скудость пшеници, и в земли сей продаваху пшеницу по дванадесят кобель на златицу. И яко пріиде пост, глаголаху нѣціи от братіи игумену нашему: «Господине авво, в лѣто се не даждь по уставленому обычаю пшеници странным и убогим, да не оскудѣет монастыр наш, яко мало обрѣтается пшеници и многою цѣною купуется». Отец же наш игумен глагола братіи: «Не оставим, чада, благословенія отца нашего; той бо промышляет о нас, и нѣсть нам на ползу єже презрѣти заповѣдь єго». Братія же пребываху нудяще игумена: «Яко недостанет нам, рече, и сего ради не дамы». Тогда игумен печален бысть зѣло и рече им: «Сотворите, яко же хощете». И якоже обычай бѣ, не даша благословеніе пшеници во святый четверток и в святый пяток. И в подобно время пріиде ключар житници и отверз двери и видѣ, яко вся пшеница протлѣлася. И абіе хотѣхом всю воврещи в море. Тогда отец наш игумен глагола братіи: «Иже презирает заповѣди отца своего, таковая страждет, преслушаніа болѣзни объемля. Пятьсот кобель аще быхом раздали требующим, и отцу нашему Феодосію угодили быхом послушаніем и братію нашу нищих утѣшили. Нынѣ же погубихом пшеници до пяти тысящ кобель и какову тщету вмѣсто ползы приобрѣтохом себѣ, чада? И колико повредихом себе, занеже двое зло сотворихом: єдино — яко заповѣди отца нашего преступихом, второе ж — яко надежду нашу не возложихом на бога. но на житница наша»...

Глава 194 [Старий та молодий ченці]

Старец нѣкій живый в скитѣ, во един от дній, взыйде в Александрію продати рукодѣліе свое, и видѣ юна мниха, вшедша в корчемницу, и оскорбися зѣло. И пождав его внѣ, и єгда изыйде, поем єго наединѣ, рече: «Вѣси, господине брате, яко в образ аггельскій одѣян еси. и не разумѣеши, яко мнози сут сѣти діаволя? Не вѣси ли яко очима и ушима, и образом, в град входяще повреждаемся? Ты же в корчемницу часто

входиши юн сый, и єже не хощеши слышиши и видиши и с нечистыми мужи и женами пребываеши. Но молю тя, чадо мое, бѣжи во пустыню, идѣже можеши божіею помощію спастися».— Отвѣща єму юный мних: «отиди, калугере, ничто же ищет бог, точію сердце чисто». Тогда воздвиже руцѣ свои старец на небо и рече: «Слава тебѣ, боже, яко аз имам в скитѣ пятьдесят лѣт и сердца чиста не стяжах, сей же в корчемници пребываяй, сердце чисто стяжа».

Глава 76 [Мати-дітовбивця]

Той же авва Палладій и се сказа нам: «Яко слышах, рече, навклира корабльнаго повѣдающа сице. Пловущу ми (рече) нѣкогда имѣх в кораблі мужа и жены, и якоже пріидохом на пучину, всѣм добрѣ пловущим, овѣм в Константін град, инѣм во Александрію, инѣмже инуду, вѣтру им сройну сущу, сам єдин аз не могох плыти, и тако пребыхом стояще дній пять кораблю не поступающу с мѣста. Во мнозѣ же суще скорби, в недоумѣніи что бы бяше се? Аз же яко навклир имыи печаль о кораблі, начах молитися богу о том, и вси сущіи со мною: єдиною же [illegible]иде ми глас глаголя: «Вверзи Марію во глубину, и стройно имаши [illegible]ысти». Аз же недоумѣяся, глаголах: «Что се убо будет? и кто єсть Маріа?» И сія ми помышляющу, паки пріиде ми глас, глаголя: «Рѣх ти, вверзи Марію долу, и спасени будете». Тогда аз умыслих сице, и абіе возвах: «Маріе!» Она же, возлежаше на постели, отвѣща ми глаголющи: «Что велиши, господине?» И рѣх ей: «Сотвори любовь, доиди сѣмо». Воставши же абіе пріиде; пришедшей же отведох ю єдину особ, и рѣх ей: Видиши ли, сестро Маріе, каковы грѣхи имам аз, и мене ради вси имате погибнути». Она же, зѣло воздхнувши, рече: «Поистиннѣ, господине навклире, аз окаянная, и зѣло грѣшная, мужа имѣх и два дѣтища; пришедшема же има, единому к девяти лѣтом, а другому ко пяти, умре муж мой и остах аз вдова. Живяще же воскрай мене нѣкій воин, и восхотѣх за него посягнути и послах к нему нѣкія, он же рече: «Не поиму жену, имущую дѣти от инаго мужа». Аз же слышах сія, яко не хощет мене пояти дѣтей ради, зѣло же любовію разжегшися к нему, сего ради окаянная заклах оба дѣтища своя и послах к нему вѣсть, глаголя: «Се уже не имам дѣтища ни єдинаго». Воин же слышав, яже сотвори дѣтищем своим, рече: «Жив господь, живый на небесех, яко не поиму ю». Сія слышах аз окаянная, убояхъся, да не по закону мучена и убіена буду, и сего ради бѣжах». Се слышав аз от жены тоя, ниже тако восхотѣх ю воврещи в пучину, но рѣх ей: «Се аз влѣзу в кораблец, да вѣси же, жено, аще не пойдет великій корабль, то мои грѣхи держат єго». И якоже снидох в малый кораблец, не поступи из мѣста своего ни малый кораблец, ниже великій. Тогда влѣз аз в великій корабль, и глаголах женѣ: «Сниди ты в малый кораблец». Она же сниде, и абіе кораблец мало поступив и обратився стрем поиде на дно и по-грязе. Великій же корабль пойде тако стройно, яко треми деньми преидохом пловуще, єже пятіюнадесять денми плавати имѣхом».

Глава 185 [Позичка богові]

Идохом во остров нарицаемый Само. И повѣда нам христолюбивая и страннолюбивая Маріа, мати Павла Кандидата глаголющи: «Яко єгда бѣх в градѣ Нисивіи, бѣ тамо жена христіанка, имущи мужа єллина. Бяху же убози, имуще точію пятьдесят сребниц великих. Во єдин же от дній рече муж женѣ своей: «Дадим сія сребреники взаим, яко да поне мало приобрѣтающе от сих, на нужную потребу себѣ нѣчто з них имѣем; аще ли же по единой изымаим, вся истощим». Отвѣща сму благочестивая та жена: «Аще хощеши, иди и дай сія взаим богу христіанскому».— Глагола єй муж: «Гдѣ убо есть бог христіанскій, да єму дам взаим?» — Глагола єму жена: «Аз тебѣ покажу: аще бо єму даси взаим, не точію не погубиши их, но и лихву тебѣ даст, и истину сугубу отдаст».— Он же рече: «Поиди и покажи ми, и дам єму взаим». Она же пойде с мужем своим во святую церковь. (Имать же церковь нисивійская пятеры врата великіа). Якоже вниде во врата церковная, идѣже суть великіа двери, показа єму нищая, глаголющи: «аще сим даси, бог христіанскій возмет я, сіи бо вси єго суть». Он же абіе с радостію раздаст вся сребрьники убогим, и идоста в дом свой.

По трех же мѣсяцех оскудѣвшіи пищею, рече муж к женѣ своей: «Не хощет ли бог христіанскій дати нам ничесоже от долга оного?» Отвѣщавши жена, рече єму: «Єй, иди, идѣже єси раздал, и даст ти со всѣм усердіем». Он же скоро иде во святую церковь, на мѣсто, идеже раздаде сребрьники, и походив церковь всю, надѣяся видѣти, и не видѣ никогоже хотяща єму что дати, точію єдины убогіа сѣдяща. И помышляше в себѣ, кому рещи или кого истязати? И абіе видѣ пред ногама своима на мрамор єдину сребрьницу велику лежащу, от тѣх иже бѣ раздал убогим, взем ю иде в дом свой. И глагола женѣ своей: «Ходих во церковь вашу, вѣру же ми ими, жено, яко не видѣх бога христіанска, яко же ты рече мнѣ, и никто не даст ми ничесоже, точію сію сребрьницу обрѣтох лежащу, идеже аз раздах пятьдесят сребрьник». Тогда рече єму чудная она жена: «Той єст иже невидимо тебѣ даст ю; невидим бо єст и невидимою силою и всесилною рукою мір строит. Но иди, господине мой, и купи нам нѣчто да ямы днесь; той же и паки даст тебѣ». Он же, шед, купи хлѣбы и рыбу, и вина и принес дасть женѣ своей. Она же, вземши рыбу и омыв ю, распра чрево єя, и обрѣте в ней камень зѣло чуден и удивися, и невѣдяше, что будет се, но обаче сохрани его, пришедшу же мужу єя, начаша ясти. И показа ему камень его же обрѣте, глаголющи: «Сій убо камень обрѣтох в рыбѣ». Он же видѣв чудися добротѣ его, не вѣдяше же яков есть, и глагола женѣ своей: «Даждь ми да шед продам его, яко да нѣчто в потребу свою обрящем на нем». Не вѣдяше бо (яко же рѣх, каков есть), невѣжа сый. Взем же камень иде на торжище и показа его сребропродавцу, глаголя: «Хощеши ли купити камень сей?» — Сребропродавец же рече ему: «Что хощеши взяти на нем?» И глагола ему продаваяй камень: «Дажд елико хощеши».— Он же глагола ему: «Возми пять сребрьник». Продаяй же, мнѣв яко ругается ему, сіе дая, глагола: «Єда даси толико на нем?» — Сребропродавец же мнѣв, яко негодует малыя ради цѣны, сице отвѣща, и сего ради глагола ему: «Возми десять сребрьник».— Продаяй же мнѣв яко лукавством ругается ему таковая глаголя, и сего ради

молчаше.— Сребропродавец же глагола ему: «Возми двадесят сребрьник». Он же молчаше.— Купяй же рече: «Возми тридесят». И паки глагола: «Возми четыредесят». Потом же глагола с клятвою: «Возми пятьдесят». Продаяй же, разумѣв рече в себѣ: аще не бы сему камени велика цѣна была, сребропродавец не бы давал на нем пятьдесят сребрьник, и сего ради начен паче умножати цѣну. Сребропродавец же прилагая паче умножаше цѣну, дондеже даст сму триста великих сребриниц на камени. Их же взем отиде к женѣ своей радуяся.

Она же видѣвши рече сму: на колицѣ продаст: мнѣвши, яко на пяти или на десяти мѣдниц. Он же даст ей триста сребриниц великих, глаголя, яко на толицѣ продах его. Она же человѣколюбца бога благодари чудившися зѣло, глагола к мужу: «Вижд, колико ест благ бог христіянскій, и во милости богат: иже не точію пятдесят сребреник сугубо отдаст тебѣ, но и лихву множайшу зѣло»...

Таковаго же ради чудеси навыче истинну вѣру человѣк той и бысть христіанин...

Глава 212 [Чернець і розбійники]

Глаголаше нѣкій от старец, яко пріиде в Раифу к нам нѣкій старец, обродѣтелен зѣло, и чтущим нам словеса и житія святых отець во Отечницѣ: любяше бо старец всегда почитати сія, и часто в них вницая, и от них навыче всякую добродѣтель. Єгда же начахом чести о старци, к нему же пріидоша разбойніци и рекоша ему, яко вся сущая в келіи твоей, пріидохом взяти.— Он же рече им: «Єлико видѣте, чада, возмите». И вземши вся, отидоша, забыша єдину ризу, яже бѣ в храминѣ висящи. Старец же, взем ю, течаше вслѣд их, вопія и глаголя: «Чада, возмѣте и сію, єже забысте в келіи вашей».— Они же чудишася беззлобію старца и возвратиша ему вся, єлика взяша, и покаяшася к нему, глаголюще к себѣ: «Воистинну человѣк божій бѣ сей».

Прочетшим же нам сія, глагола ми старец: «Вѣси-ли отче, яко слово се нѣкогда зѣло ми бысть на ползу?» — Вопросих же єго: «Како, авво?» Он же рече ми: «Яко нѣкогда живущу ми у святаго Іордана, и чтущу слово се, и дивяся старцу, глаголах к себѣ: «Господи, сподоби мя по стопам ходити, иже исподоби мене пріити во образ их». И желающи ми таковая, и се по двоих днех, удариша во двери келіи моея, и разумѣх, яко разбойници суть, и рѣх в себѣ: «Благодать богови, се пріинде время показати плод желаніа моего». Отверзох же двери и пріях их с тихостію, возжегох же свѣщу и начах показовати им вся, яже имам. И глаголах им: «Не молвите, вѣрую богови, яко не утаю от вас ничесоже». И вопросиша мя: «Имаш ли злато?» И рѣх им: «Имам три златицы». Отверзох же влагалище пред ними, и, вземше, отидоша.

Аз же с радостію рекох ему: «Авва, отвратиша ли тебѣ, якоже оному старцу?» — Он же рече ми: «Не хотѣх бо сего, и молих бога, яко да не отвратят ми паки сія».

Глава 107 [Вдячний лев]

Потом же пріидохом в лавру аввы Герасима; отстояше же та лавра поприщем единѣм от святаго Іордана. Повѣдаша же нам тамо живущіи иноци о аввѣ Герасимѣ, яко ходящу єму по пустыни святаго Іордана

срѣте єго лев, болѣзнуя и показуя ногу свою, в ней же унзе терн, яко сего ради отече ему нога и полна гною бысть, и умиленым образом моляся старцу, єже исцѣлити єго. Старец же, видѣв его в таковой бѣдѣ, сѣд и взем ногу, изят терн, и мног гной изыйде, и добрѣ очистив рану и обязав платом, отпусти его. Лев же, исцѣлѣв, не оставляше старца, но яко ученик послѣдоваше ему, аможе идяше, яко чудитися старцу благоразумію звѣря.

И оттоле старец питаше его, дая ему овогда хлѣб, иногда же сочиво квашено. Имяху же отцы в лаврѣ един осел, на нем же влачаху воду в потребу отцєм от святаго Іордана, от неяже и піаху. Повелѣ же старец даяти осла лву, да ходит и пасет єго по краю святаго Іордана. Во един же от дній пасом осел от лва, отиде от него разстояніе немало. И се муж с велбуды идый от Аравіа и обрѣт осла, поят єго и веде єго во свояси. Лев же поискав и не обрѣте, и прійде в лавру, погубив осла, дряхл и уныл, к авве Герасиму. Мнѣв же старец, яко изъял есть лев осла, глагола ему: «Гдѣ єсть осел?» Он же, яко человѣк, стояше молча и долу зря. Глагола паки старец: «Изъял ли еси его? Благословен господь! єже творяше осел, отселе тебѣ есть творити сію службу». И якоже рече старец, оттоле на лвѣ влачаху воду.

Во един же от дній прійде нѣкій воин молитвы ради к старцу и видѣ лва, носяща воду, и увѣдѣв вину, помилова єго, дасть три златици старцєм, да купять осла в потребу себѣ и свободять лва от таковыя работы; єже и бысть.

По малѣ же времени паки купец оный от Аравіа, иже бѣ осла взял, идяше с велбуды в святый град Іерусалим продати пшеницу, имый и осла с собою. Прешедъша же святый Іордан по прилучаю усрѣте єго лев; он же, видѣв лва, устрашися зѣло и, оставив велбуды, бѣжа. С ними же бѣ и осел. Лев же, познав своего осла, тече к нему и усты своими ем єго, якоже обыкл бяше, ведяще єго с треми велбуды, радуяся зѣло и ревый, яко, егоже погуби осля, обрѣте и приведе к старцу. Старец же рече к братіи, яко «всуе нами поношаем бываше лев, мнѣхом бо, яко изъяде осла». И нарече имя ему Іордан.

И оттоле часто приходя к старцу, пріймаше от него пищу и пребысть в лаврѣ вящше пяти лѣт, не отлучаяся от него присно. Єгда же к господу отиде авва Герасим и сущими в лаврѣ отцы погребен бысть, по смотренію божію лев не обрѣтеся тогда в лаврѣ. По мале же времени прійде лев в лавру и искаше старца своего. Авва же Саватій, ученик аввы Герасима, видѣв лва, глаголаше ему: «Іердане, старец наш остави нас сиры и отиде к господу». И дасть ему пищу, глаголя: «Взем, яжд». Лев же не хотяше ясти, но часто очима сѣмо и овамо възирая, ища старца своего, рыкая велми и скорбя. Авва же Саватій и прочіи старъци, гладяще єго по хребту, глаголаху: «Отиде старец к господу, оставив нас». И тако им глаголющим не можаху єго уставити от вопля и рыканія; єлико же они мняху его словесы утѣшити, толико он паче рыдаше и вопль болшій подвизаше, и рыканіе творя, измѣняя гласы, и лицем и очима показуя печаль, юже имяше, не видя старца. Тогда глагола ему авва Саватій: «Аще не имеши нам вѣры, пойди с нами, и покажем ти мѣсто, идѣже лежит старец». И поим, веде єго, идѣже бѣ погребен. Отстояше же от церкви пол поприща; став же авва Саватій верху гроба, глагола лву: «Се старец

наш здѣ погребен бысть». И преклонь колѣни авва Саватій верху гроба старча, плакаше. Лев же, видѣв сія, и той ударяя главу о землю и рыкая зѣло. Рыкнувъ же велми, абіе издъше верху гроба старча. Сеже бысть не яко душу словесную имѣя лев, но бог, прославляя славящих єго, не токмо в животѣ, но и по смерти, и показуя нам, каково послушаніе имяху звѣріе ко Адаму в ран прежде преслушанія.

ПОВІСТІ

АЛЕКСАНДРІЯ

«Александрія» — перекладна повість; оригінал її — візантійська обробка грецького авантюрно-географічного роману II—III ст. н. е., автором якої виставлений був філософ Каллісфен («псевдокаллісфенова Александрія»). Роман являє собою вигадану біографію непереможного завойовника Александра Македонського, починаючи з його народження від єгипетського царя — чарівника Нектанеба, перших подвигів у дитинстві й продовжуючи його війнами з перським царем Дарієм і завоюванням Індії — до смерті. Оповідання багато прикрашене казковими подробицями. Дуже поширена в перекладах на східні й західні мови, «Александрія», треба гадати, ще в XI—XII ст. з'являється у східних слов'ян і з часом входить у склад хронографу.

Впаслідок грунтовної переробки коло початку XV ст. на східнослов'янському грунті остаточно сформувалася так звана друга хронографічна редакція «Александрії», основна відмінність якої — ряд вставок з інших пам'яток перекладного письменства; зокрема, поширено розділ про дива, які бачив Александр під час походів; до цих вставок другої редакції належить відомий епізод про «нечисті» пароди Гог і Магог, наведений нижче з хронографу західноруського письма другої половини XVI ст. (ЦНБ УРСР, Муз. 48).

У XV ст. через південних слов'ян уже як окремий твір поширюється нова редакція повісті — так звана «сербська Александрія», оригіналом якої була візантійська редакція, перероблена під впливом якогось західноєвропейського (романського) джерела.

«Сербська Александрія», з її жвавим, драматизованим оповіданням, християнізованою фігурою героя швидко витісняє старі хронографічні редакції. В XVII і XVIII ст. зустрічаємо ряд списків «сербської Александрії», перекладених на тогочасну українську мову; в тексті цих списків є ряд скорочень сербської редакції; замість того в окремі епізоди внесено ряд подробиць, часто запозичених з побуту або літературних зразків переписувача-редактора. (Нижче наведено епізоди виховання Александра і перших його воєнних подвигів за списком половини XVIII ст. бібліотеки АН УРСР, Муз. 417, з видання: Александрія в давній українській літературі, К., 1929, Збірник Істор.-філол. від ВУАН, № 98).

Досить рано, очевидно, з другої половини XVI ст. поширюються на Україні переклади західноєвропейських редакцій повісті, зокрема, коротке оповідання в складі всесвітньої хроніки польського письменника Мартина Бєльського. (Нижче подаються надто схематизовані розділи про перемогу Александра над Дарієм і про гімнософістів в українському перекладі хроніки Бєльського за списком кінця XVII ст. Центральної наукової бібліотеки АН УРСР, І, № 171 із згаданого вже видання: Александрія...).

АЛЕКСАНДРІЯ

[Вихованнѧ Александра]

А цар, скоро узрѣл его несенаго до себе, з великою радостію принял его и рек: «О дорогий мой прекрасній Иосифе, тепер мнѣ великій дар от бога зишол, ґдиби ся юж трафило и сего свѣта пойти, то юж би и смерти не боялся, иж од бога тое себѣ маю». И рекь Филип мудраго Аристотеля и филозофа до себе привести. А привели его до него, и мовил цар Филип Аристотелю: «Одаю тебѣ сина своего Александра на выхованя». Александер до кїлка лѣт будучи, теди Аристотель филозоф почал Александра писанію книжному учити. Гди юж Александер острологию прирожоную мѣл науку, и за малий час писанїю и мудростїю земною научился, що теж видячи иншѣе дѣти земнѣе дивовалися тому, мовили теди: «Александер, до Анектанава ходи учитися, который тебе может научити мудростей и хитростей египетскїх, и круга небеснаго хождения, и планет преступленїя». Що услишаши Александер и питал Олимпѣи, матки своей, еслиби ему призволила учитися. Теди царица втаинѣ призвала учителя Анектанава и, призвавши, рече ему: «Научи от своих хитростей Александра штук маистерских египетскаго, а не оповѣдаючи того нѣкому». Услишавши то цар Филип македонскїй, иж его Александер до Анектанава на науку ходит, и дивовался, сам себѣ мовячи: «Зоправди иж от бога дарованїй ему сей дар, же так в молодом вѣку будучи сын мой, а научился у Аристотеля, а потом почал ходити еще и до Анектанава, философа египетскаго, на науку».

А так Анектанав Александра с пилним стараням учил хитростей египетских. И так научился в лѣтех барзо молодих.

Которих филозоф Анектанав зобрал младенцев чтириста на науку для Александра, а в розних лѣтех, хотячи его спробовати смѣлости, як би военним обичаем росправил[1] их. Во едином полку Александра старшим поставил, а в другом Потоломея и росказал[2] ударитися едним на других; и так оба полка ударилися межи собою; гдых каждий на тое смотрѣл, иж слушная игралища их; и так межи въсѣма било видати переднѣйшаго Александра в побою, и так он от всѣх тих молодцов бил прославился. И мовили всѣ: «Подобен царем бити». Що теж видячи, Аристотель дивовался тому й рече: «Щасливому человѣку и бог помагает, а злому й приятелѣ не помогут». А потом Аристотель рече до Александра: «Великий цару Александре, если тебе бог поставит на столци[3] царем, то що учиниш доброму своему маистру?» На тое отповѣл цар Александер, мовячи: «Каждому человѣку мудрому не потреба наперед обѣтницею спѣшити, але если мене бог поставит царем, то й ти подвишен будеш».

А мѣл Александер таковий обичай, иж ходил до обѣда на науку до Аристотеля, а по обѣдѣ ходил до Анектанава на науку, и учился от него всѣх египетскїх хитростей: и дванацат небесных бѣгов, и седм планет хождения; ще Александер великой мудрости наполнен бил. Потом Александер на гору високу вишол з маистром своим Анектанавом, хотячи диспотоватися з ним о ночних планетах бѣгучих и о звѣздах небесних. И мовит маистру своему: «Повѣжд ми, Анектанаве, як великаго своего

[1] влаштував, навів порядок [2] наказав [3] на престолі

божаго промислу знати бог человѣку дал, и як ся обявил человѣком и народом земним?» И отповѣдѣл ему Анектанав: «Бог сей великий, и невидимїй, и непостижимий промислом человѣческим, як ест правдывый бог и нѣсть неправди в нем; хоч и твар свою в познанию истотное показал». И вислухавши тие слова от Анектанава Александер, и розгнѣвался на него, и мовит: «Все тое повѣдаеш, чого ся еси научил. Повѣжд но мнѣ тое, от кого тебе смерть маеть бити, якою смертїю живот свой докончиш?» Тогды Анектанав почал на планетах глядѣти о смерти своей. И мовит до Александра Анектанав: «Так ми указует, иж от сина своего маю живот свои скончити». Тогди Александер пхнул из гори Анектанава. И мислил собѣ Александер, же юж убился Анектанав, летяи из гори. Анектанав, лежачи под горою, плакал, гди юж[1] ему било недалеко до смерти. И мовит Анектанав до Александра: «Не утаися, сыну мои, от таковои злости». А Александер, тое услишавши от Анектанава, иж его сыном назвал, и зараз его взявъши на свои руки, и занесл его на скритое мѣсце, и положил его; а сам поишол до матки своеи; тамже всю таемницу свою по достатку сповѣл ей. Потом рече до матки своей: «Повѣжд мн справедливе, матко моя, кто отец мой?» Тогди Олимпѣя царица, матка), услишавши тое от него, устрашилася вельми и рекла ему: «Сыну мой, що еси учинил?» И она ему всю по достатку тую реч росповѣла. Тогди Александер зрозумѣвши повѣсть матцѣ своеи и рече: «Зоправди, иж есмь отца своего забил». И плакался того велми, и погреб его з великою честію.

В тої же час пришла вѣсть до цара Филипа, повѣдаючи ему: «Иж в стадѣ твоем народился конь велми чудний. Голова у него, як у Буцифала, и рога на головѣ его на локоть; і иншіх частей не мало на нем». Тогди цар Филип дивовалъся тому велми о красотѣ того коня и роскавал поробити грати желѣзнїе и там его ховати. Которий би уже человѣк осужденїй на смерть, то до того коня велѣл кїдати, власне як до якого звѣра. И так по всѣ часи Александер рад бил часто ходити до того коня. А гди коли пришол до него, теди той конь велми спокойне стоял. Так теж во един час пришол Александер до коня того и обрел его барзо покорнаго, и взял его за гриву, погладил его; а он стоял покорне. Теди Александер, отломилши замок, и випровадил его с клѣти, и всѣл на него, і ихал барзо тихо до отца своего. Теди цар Филип стоял на високих палацах з боярами и велможи своими. И всѣ дивовалися тому, що Александер идет на том коны страшном барзо и дивном, а будучи еще не на учоном. Велможи и рицерове вси ис палацов изишли и поклонилися Александру, яко цареви. Видячи то цар Филип таковаго младенца не на учоном конѣ издячого, зобрал чтириста младенцов, которїи були в рицерскіх штуках научонїи, и дал их Александру, и мовил: «Идѣте на кола в голиядскїй[2] остров»,— хотячи Александра спробовати.

И так били в едном островѣ двѣ кола уробленїи от великой хитрости, и на тих колах младенци смѣливѣи играли. Слишавши то Александер, и хотѣл на тих колах спробоватися. Рече ему цар Филип: «Не подобает тебѣ, сыну мой, так молодому будучи, на тих колах играти». А так радостію рече: «Иди и утвердися небеснїм богом». И зараз Александер,

[1] бо вже [2] зіпсоване місце (мова йде про Олімпійські ігри)

потреби свои справивши и прощеніе отцевское взявши, и потреби царскіе забравши, и пойшол до острова олиядскаго зо всѣми рицерами своими, которіе ему отец его поручил. А скоро пріихал до острова и обачил младенцов, которіи играли на тих колах.

Теди Александер пришол к ним и ріцери его. И повелѣ Александер взити на оное коло Леовнушовѣ и Китовнушовѣ, а сам пойшол на другое коло з своим воеводичем Потоломеем. А скоро тіе кола завернули едно на другое, тогди Александер убив Кітовнуша, а Потоломей Леовнуша. Видячи то, єлини, которіе бивайся [1] завше на тих колах, так их трудное [2] рицерство, єдин филозоф рече: «Открыт єсть, которого ми слишали, и писаное пророком Иєремѣем, иж повстанет цар от Македонийскаго царства Александер; тои царство наше поразит и всѣ царѣ поганскіе, которие поднеслися пихою, увесь восток погубити хотя». И мовят єлини до Александра: «Єсли теж ти, Александер, буді милостив нам и граду нашему». Услишавши то Александер, и розгнѣвался на ных и рек: «Не моею то волею, але вишняго бога промислом».

И то рекши им, и отишол в Македонію до своего отца Филипа. А отец єго, цар Филип, на той час роспуститсѣ з маткою Александровою, а з женою своею, а другую за себе понял и веселя з нею отправовал. И пришедши Александер до отца своего, и обачил отца своего сидячаго з невѣстою иншою: а матку єго одослал. Тогди цар Александер великого гнѣву наполнен бил на отца своего и невеселий бил. Теди нѣкоторий велможа приступил ко Филипу цару и рек єму: «Радуйся и веселися, цару наш Филипе, иж обрѣл єси тепер лучшую и краснѣйшую невѣсту, нѣжели першую». Услишавши то Александер и рече ко отцу своему: «Отче, чемусь отпустил матку мою, а поймуеш другую?» И то рекши, Александер разгнѣвался велми на отца своего и яко лев жестокій стал, и порвал стол, и забил трох велмож, и иних с палацов поспихал.

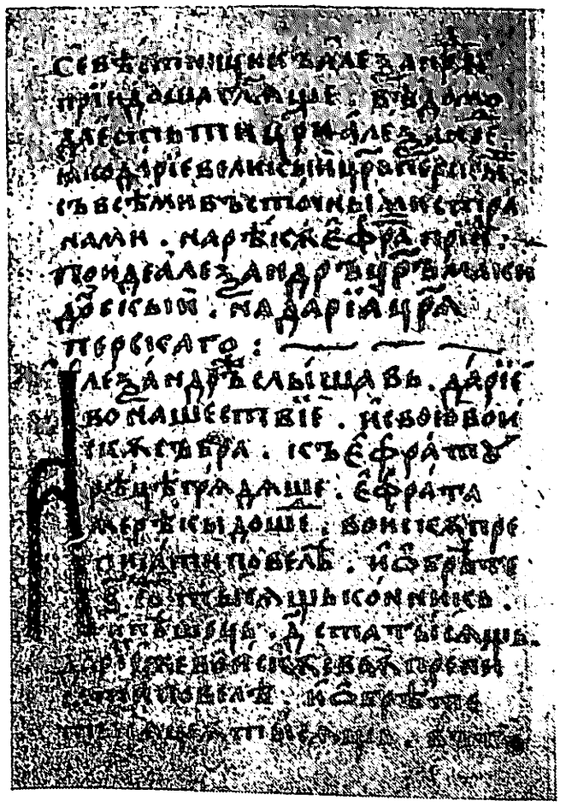
Видячи то цар Филип и устрашился непомалу. Тогди Александер, приведши матку свою до отца своего и посадил єй коло него, а тую взявши от него и одослал знову там, где и первей була. Потом цар Филип в немоч великую упал. Александер єго в той хоробѣ потѣшил и матцѣ своей не дав кривди чинити.

Первій начаток бытви Александровои с царем Кумянским

Тогож часу пришла вѣсть до царя Филипа, иж цар Алтемѣш з ордою своею тягнет на македонское царство. Услишавши то цар Филип, и призвалши сина своего Александра, и рече ему: «Уже час и тебѣ єст битися за отчизни свои. Возми войско и поиди противко им, а волѣ твоеи бог помощник будет». И поиде Александер, взявши войско македонское, противко им. И видячи их непорадно противко себе идучих, Александер приказал каждому рицерови своему, аби ишли не боячися на них. И казал их гонити и бити, як могучи. Теди обачивши кумяне над собою страх тои, чого ся не сподѣвали, с полночи почали бѣгати и втѣкати аж до слонечного схода. Александер за ними гонил зо всѣми македонянами

[1] треба «бивали» [2] треба «прудкое»

и побил их войска сто тисящей и двѣстѣ человѣка; и гонил их три днѣ и три нощи, и поймал их живцем десять тисящ и двѣстѣ рицеров кумянскіх, и до отца своего привел, и рек им: «Видите ви, рицерове, як божий промисл дал ми вас в руки. И хощу ваш живот скончити, а землю вашу ко македонской землѣ приближити; маю и сполне з македонянами держати». Тогди кумяне всѣ крикнули єдностайне: «О, великий цару Александре, кому бог помагает, а ми поготову тому служити будем; иж еси цара нашего Алтемѣша убил, а ми у твоей землѣ усѣ єсми помощники тебѣ; тілко нам на мѣсцу своем дай цара, а нас усѣх у нашу землю отпусти; повинисмо царству твоему служити і имя твое на весь свѣт прославляти».

«Сербська Александрія». Сторінка тексту з рукопису XVI ст. (ЦНБ АН УРСР).

Тогди цар Александер их покорность услишав и дал им єдного рицера своего именем Ванцатура вмѣсто себе на царство; а той Ванцатур мал бѣ тѣлом, а непотужній в рицерскіх штуках. И отправил их з великою честію и пустил их у свою землю. И так ся скончило царство кумянское.

О поражце Александра над Дариєм

Потом Дарий, собравши войско великое против Александрови, Александер также против ему, стягнули се ку рецѣ, в которой се Александер близко положил. Дарий, притягнувши на реку, и переправился през неи на другую сторону. А кгды се войска з собою поткали[1], была битва з обу сторон велми великая; фортуна сперва однакая. Где видел Александер шкоду в своих, там се сам кинул, заставуючисе за всѣх. На остаток переможени персове. Македонове, трацес, грекове их были. Дарий утекать не хотѣл, хотячи згинуть при своих; вшакже [2] от нѣкоторых перенужен ку утеканю; переправившисе през реку Ефрат, порубали мост. Приєхавши додому, Дарий, жалослив будучи своеи нефортуны, писал

[1] зіткнулися [2] проте

Александр Македонський у вигляді середньовічного рицаря. Гравюра з хроніки Шеделя; видано у Нюренберзі 1493 р. (ЦНБ АН УРСР).

лист до Александра, хотечи ему дать по реку все кролевство, обравши собѣ Вавилон. Александр не хотѣл, мовечи: «Зле бывает, где два панове справуют».

Потом Дарий просил о помоч Пора, кроля индѣйского, против Александрови. Довѣдался того Александер, тягнул против Дария рыхло [1], впрод, ниж за горы каспийские зайде. Добыл Персиполим, головы [2] всеи Персии, где там были лупы [3] всего свѣта, которых наносили персове; роздал вси своим. В той час пришло до Александра осм от греков, которых Дарий выпустил з везеня послепивши, других — ноздри попоровши. Казал им Александер до Греции, абы там были опатрени [4], але они не хотѣли для своего оскараженя, волѣли при нем горла дать. Мѣл Дарий на своем дворѣ двух рицеров: Бесса и Набарана, которые, хотячи ся Александрови тим прислужить, звязали Дария оковами золотыми с Партѣи и дали знать Александрови, абы приехал по Дария. Не мешкал Александер приѣхать, а там, малым понтом [5] едучи, мѣл на себе великие трудности и валки [6] неровныи. А коли над рѣкою лежал, с пригоды бѣжал его рицер; надехал Дария, на санках лежачаго в золотых оковах, раненого смертелне, и повѣдал Александрови, который, до него пришедши, жалował его, барзо облапяючи. Пишут другие, иж еще был до конца не умерл. Прето просил Александра, абы ему почтивый погреб учинил, яко кролеви, жону и дѣти его заховал, яко свои властные. Приобѣцал ему все то Александер учинити и досыть тому учинил. Пристало все рицерство Дариево до Александра. Хотячи довѣдатьсе Александер, если

[1] швидко [2] столицю [3] здобич [4] піклувались за пих [5] морем [6] битви

который з ных есть, который ранил пана своего Дария без милости, мовил явне перед всими: «Который забил Дария, непрнятеля моего, отзовися! Я его справедливе на своем дворѣ над вси слуги подвышу, так иж се сам того не сподѣвает». Будучи доброи надѣи, отзвалися Бесса и Набаран и повѣдили ввесь способ смерти его. Александер, яко рек, выполнил: казал схилить двое дерева, до которых за ноги привязать их казал. Коли достал Александер Вавилону, по Дарпю правым монархою зостал на свѣте.

О нагих людях гимнософистах названых

Потом Александер рушившися з войском до гимнософистов. Гимнософисты заправды люде суть, в которых умыслне жадная пыха не панует; не валчат, а ни се вадят[1], а наго ходят, не маючи мѣст; в яскинях[2] и скалах при горах мешкают. Коли цар того люду услышал о пристю Александровом, послал лист таковый до него: «Смертелныи гимнософисты чловѣкови Александрови пишемо. Слышалисмы, иж на нас едеш валчити, для того се тому дивуемо, бо ничого от нас не можеш взять, аб-
м ничого не маем; а штож от нас возмеш, а еслиж з нами хочеш валчить,
..ростости нашои жадным обычаем не опустимы». Прочитавши лист, Александер ехал до них пригладатися. А они наги ходят; а мешкали в скрытости и в яскинях; дѣти теж з их жонами особно пребывали. И пытал их, мовячи: «Што хочете мѣти, дам вам». А они ему рекли; «Дай нам несмертелность, а ничого иншого не жадаем». Которым Александер отповѣдил: «Иж и я естем смертелный, несмертелности не могу дати». А они ему рекли: «О нендзный[3], для чогож се и туды, и сюды туляеш, так великие злости[4] пополняючи[5], бо то все толко от навышшой мудрости есть зряжено». Александер им так отповѣдил: «Не вѣдаете, иж море жадным се обычаем не порушает, одно коли от вѣтров навалных[6] бывает порушоно. Хотѣл бых я заправду в покою трвать[7], але маю такого духа в собѣ, который змыслови моему так моцно пануе, иж жадным обычаем спокойным мене быть не допущает». А рекши то, отпустил их в покою.

Александр запирає в горах нечисті народи

Избрав же Александр от македон, и перс, и мид, и армен, и парф, и єламити уны и силныи крѣпостию телесною, числом яко 4 тмы. Цѣловав Ароксану[8], отиде от Персиды, поим[9] многы вожи, знающе пут индѣйскыя земля. И пришедшу єму в задную страну пустыня в слѣд звѣздных кол. Туземци ж глаголаху Александру, яко в странах тѣх дивии человеци сут и звѣрие злии дивии. Александр же хотяще паче[10] видѣти страну ту и человеки ты. Вожеве ж глаголаху: «Владыко Александре царю, не тои єсть пут индѣйскыя земля».— Поим же Александр воя своя, поиде к въстоку, и пришедшу ж єму на въсток, обрѣте тамо нечистыя языкы, єж сут Офетови внуци. И бѣ в них царев числом 70 и 4, иж

[1] не сваряться [2] в печерах [3] нещасний [4] злочини [5] роблячи [6] бурхливих [7] залишатись [8] Роксану (свою дружину, дочку перського царя Дарія) [9] взявши [10] ще більше

узрѣвше нас, начаша скрежетати зубы, хотящеи битися с нами. Бяху в них друзии нази, их же нечистоту видѣв Александр чюдися: ядяхут бо всяк живот и жупеличную всю твар гнюсную и скверненоє; комары и мышца, коткы и мыши и змия, изврагы женскыя и мертвых плоти не погребаху, но ядяху. Сеж видѣв Александр убояся глаголя: «Єгда како сии доидут земля святыя, осквернят ю от скверных ядении своих».— И помолився богу вышнему, нача битися с ними и въгна [1] я межю двема горама, и затвори я бог у горах сѣверных, им же дѣют мизы, толко 12 локот не съступишася горы. Сеж видѣв Александр, похвали бога вышнего, повелѣ заковати врата желѣзом и замазати асуникитом [2], єгож ни желѣзо не сѣчет, ни огнь жжет, никаяж хитрость не успѣєт ему. Да в тых горах єсть быти им до послѣдних днии, да єгда же мир скончаєтся, отворит бог врата Ундалская, излѣзут Гог и Магог на землю израильскую и осквернят ю...

ВАРЛААМ ТА ІОАСАФ

Дуже поширена в літературах середньовічного Сходу і Заходу, перекладена на багато мов, повість про Варлаама й Іоасафа близько підходить до популярної літератури «житій святих». Ця християнізована переробка легенд про Будду, пізніше приписана Іоанну Дамаскіну (VIII ст.), розповідає про перехід до християнства індійського царевича Іоасафа проти волі його батька царя Авеніра при допомозі пустинника Варлаама. Розмови і диспути дійових осіб пересипані притчами з моралізуючим висновком.

Ще до середини XIII ст. повість була перекладена у східних слов'ян з грецької мови. Після того, поширюючись, не раз перероблялися як повість у цілому, так і окремі її притчі, що ввійшли в склад багатьох релігійно-повчальних збірників.

В 1637 р. виходить Кутеїнське видання повісті; процес християнізації твору в цій українізованій обробці пішов ще далі; в тексті помітно відбився як церковний, так і світський побут XVI—XVII ст.

Посилання на історію Варлаама й Іоасафа, на окремі її притчі можна зустрінути не раз в українській проповіді XVII—XVIII ст., побожні пісні про Іоасафа ввійшли до складу збірників XVIII ст. (наприклад, до т. зв. «Богогласника»), в усну творчість. Відгомін старовинної повісті, зокрема її притч, зустрічається в художній літературі навіть XIX ст.: така, наприклад, поема Ів. Франка «Притча про життя» — своєрідна переробка «Притчі про єдинорожця» (див. нижче), з новим ідейним усвідомленням традиційних образів.

Наведені нижче тексти взято з таких джерел: оповідання про юність Іоасафа, «Притча про скриню», «Притча про солов'я» і «Притча про єдинорожця» — з видання «Гісторія албо правдивоє выписаніє святаго Іоанна Дамаскина о житїи святых преподобных отец Варлаама Іоасафа и о наверненью індіян. Старанем и коштом іноков общежителного монастыра Кутеенского ново з грецкого и словенского на рускій язык преложена... Року 1637 іюля 22 дня»; «Притча о богатых от болгарских книг» — з рукописного збірника «Ізмарагд» XV ст. з українськими елементами в мові (Бібліотека АН УРСР, збірник Михайлівського монастиря, № 1646); «Притча про трьох друзів» і «Притча про царів» — з Крехівського рукопису XVI ст.: *І. Франко*, «Варлаам і Йоасаф» («Записки Наук. товариства ім. Шевченка», т. VIII, 1895).

[1] в рукопису: «въсна» [2] в інших рукописах: «суньклитом»

ГІСТОРІЯ... О ЖИТІИ... ВАРЛААМА І ІОАСАФА

[У індійського царя Авеніра, язичника, народився син, названий Іоасафом. Бажаючи довідатися про його майбутню долю, цар кличе астрологів і чує від одного з них, що царевич поширюватиме жорстоко переслідувану в індійському царстві християнську релігію. Щоб уберегти Іоасафа від будь-яких сторонніх впливів, цар збудував для нього палац із садом, обгороджений високим муром, оточив його всякою розкішшю, щоб, розкошуючи в сучасному, душа його не зверталася до майбутнього життя й не помишляла про бога. Царевич, проте, незабаром починає томитися в своїй розкішній тюрмі й після певідступних прохань дістає від батька дозвіл виходити].

Глава 5 [Юність Іоасафа]

Сын зась кролевскій, о котором ся почало мовити, в палацу для него збудованом, так мешкаючи, же жаден до него не могл дойти, аж до взросту младенческого[1] прышол (в том часѣ в вшелякой так муринской, як и перской науце выцвичившися[2]), был мудрый и розсудный, и во всѣх цнотах[3] значный. Над то єще прыроженые нѣякіе квестіи[4] задавал научителем своим, так же ся и сами они довтипови[5] младенца и острому розумови, дивовали: Кроль теж сам оздобной[6] твари[7] єго и ростропности здумѣвал[8] ся. Росказовал зась пры нем мешкаючим, абы ся старали, жебы згола[9] ничого о тых речах, которые в том животѣ смутные суть, не вѣдал, иже смерть тые дочасные утѣхи пресѣкает. Леч на прожной надѣи ся садил, и як в прыповѣсти ся обносит, в небо стрѣляти покушался. Яким абовѣм способом смерть рожаеви[10] людскому может быти невѣдома; претож анн того младенца вѣдомости ушла. Абовѣм маючи розум быстрыи и выцвиченый, сам в собѣ уважал, што бы до того отца привело, же до него всѣм пристя боронил и не допускал: бо сам през себе знал, иж ся тое кром отцевского росказаня не дѣяло, єднак еж самого спытати боялся.

[Один з учителів розповідає Іоасафові про переслідування християн в індійському царстві і про пророцтво астрологів при народженні царевича, нібп він має нахил до християнства. Царевич умовляє батька, щоб дозволив йому виходити з палацу].

[Цар] зараз знаменитыи кони, и рыцерству своему, ведлуг[11] кролевскои годности, наготоватися росказал, и оному, колко бы раз проежчатися захотѣл, позволил. Тым зась, которие ся при нем бавили, пилне росказал, абы стерегли, жебы ся єму ничого шпетного[12] пред очи не наражало, але все, што бы было красного, и веселого, и вдячного, тое єму указовали, и розные игры вымышляли, абы такими речами мысль свою забавлял и утѣшал. Кгды теды таким способом кролевскіи сын часто проежчался, одного дня, за неосторожностю слуг, двох мужей обачил, з которых один был трудоватый, а другїй слѣпый, которых обачивши, и на умыслѣ засмутившыся, от тых, которые при нем были, штобы зась, и якие бы так чудные дивовиска были, довѣдовался. Они зась, иж того,

[1] юнацького [2] вивчившися [3] доброчесностях [4] питання [5] дотепності [6] красивій [7] обличчю [8] дивувався [9] зовсім [10] родові [11] згідно [12] потворного, поганого

што ся єму пред очи натрафило, утаити не могучи, уломности[1] людские быт повѣдили, которые з зепсованои матерыи и телесных злых вилкготностїй[2] на люде звыкли припадати.

[Царевич замислився й засмутився; дізнавшись, що люди старіють і вмирають, він думав про недовгочасне й гірке життя людини.
Посланий богом пустинник Варлаам іде проповідати Іоасафу християнську релігію. В образі купця він приходить в палац царевича й починає бесіду, вживаючи в ній для наочності притчі — оповідання, що виражають якусь моральну ідею в алегоричній формі].

Глава 6 [Притча про скрині]

Был абовѣм некгдысь великій нѣякій и знаменитый кроль, которому кгды на золотом возѣ, з немалым рыцерством, маестатови єго кролевскому годным, єхал; придалося двох мужей, в ошарпаном и шпетном одѣнью, на твари худых и барзо блѣдных, поткати. Кролеви теды вѣдомо было, иж з утруженя телеснаго и з працы живота, богу посвеченого, тѣло свое так высушили. Як прето их обачил, з воза продко порвавшися до земли припавши, оным поклонился, а за тым повставшы, барзо любовне облапил и поздоровил. Сенаторове зась єго и преложоные о то за зле мѣли, розумѣючи тот учинок противный быти маестатови кролевскому, але иж жаден з них явне о тое карати єго не смѣл... Рослотом оправивши, и смердячіе трупіе кости в оные накидавши, золотыми замками их замкнул; другіе зась двѣ, смолою и клеєм обмазавши, и дорогого камѣня, и знаменитых перел, и вшеляких пахнучих олѣйков наклавши, и волосяными поврозами обвезавши, сенаторов своих, от которых для ушанованя оных мужей был штрофованыи, до себе прызвал, и пред ними тые чтыри скрыни поставил, абы шацовали, як много бы тые, и як много бы зась овые стояли. Они зась тые позолоченые, великое цены годные быть повѣдали, слушне або вѣм рекли, жебы в них кролевскіе короны и клейноты были хованые, смолою зас и клеем обмазаные, подлые и жадной цены не годные быть повѣдѣли. Кроль зась им повѣдѣл: И я тое вѣдалем, жесте так мѣли речи, абовѣм телесными очима на видомые речи смотрите. Але не так маете чынити, леч внутрними очима, люб цену, люб подлост и шпетность внутр будучую, усмотровати треба. И зараз позолоченые скрыни одомкнути росказал, з которых тяжкій и прикрый смрод выступил, и брыдкіе речи в оных видѣтися дали. За чим повѣдѣл кроль: То кшталт тых людей єст, которые свѣтных и коштовных шат заживают, и для великои славы и можности над мѣру ся выносят, внутр єднак смердячих костей и злостей суть полные. Потом зась смолою и клеем обмазаные розвязати казал, всѣх будучих на тот час, ясностю и вдячною вонностю речій, в них положеных, утѣшил и повѣдѣл им: Вѣдаетеж, кому тые скрыни подобные суть: покорным оным и взгорженым мужем, и подлым одѣнем прыбраным, на которых вы позверховный габит[3] смотрячи, за взгарду и зелживост тосте ми почитали, жемся пред ними до земли поклонил. Я зась их годность и ціен-

[1] недосконалості [2] рідин [3] одяг, вигляд

кност души, очима духовными уважаючи, з дотыканя ся оных славы доступилем и над вшелякую корону и оздобу кролевскую зацнѣйшых быть розумѣлем. Таким прето способом их завстыдил, и жебы на видомых речах не ошукивалися, научил, але на внутрніе пилное око мѣли.

Глава 10 [Притча про солов'я]

...Балвохвалцы[1] єдному ловцеви сут подобны, которїй кгды солов'я, барзо малую пташечку поймал и нож взял абы єго зарѣзал и з'ѣл, той маючи собѣ позволеную мову, речет до ловца: штож тобѣ человѣче, з моеи смерти за пожиток будеь; ани бовѣм мною твое чѐрево наполнити зможеш; але єсли мя выпустиш, троякую науку тобѣ подам, которои єсли будеш постерегати, великих пожитков по ввесь вѣк свой дознаеш. Он зась єго словам задивовавшися, обецал тое учинити, и єсли бы што нового от него послышал, зараз мѣл єго выпустити. Обернувшися затым соловѣй речет человѣку: ни́кгды о тую реч не покушайся, которои доступити не можеш; ни́кгды речи прешлои не жалуй; речи неподобной николи не вѣр. Тые три науки заховай, а добре ся с тобою дѣяти будет. Он зась тых слов розуму и мудрости задивовавшися, єго з силца отвязавши выпустил. А соловѣй хотячи́ досвѣдчити, єсли бы он тых слов слышаных от него силу зрозумѣл, и якій з оных пожиток взял, по повѣтру лѣтаючи, речет до него: бѣда тобѣ человѣче, иж ничого в собѣ не маєш розсудку: якійжесь скарб сего дня стратил; бо єсть в моем чѐревѣ перла, болшая над яйце струсее; што он послышавши, велце ся зафрасовал и жаловал, же соловѣй з рук єго ушол; и знову єго поймат кусячися, рекл: пойди, прошу, до дому моего и кгды тя значне учестую и людскость покажу, потом з почестю тебе отпущу. Соловей зась єму повѣдѣл: тепер ясне вѣдаю, ижесь глупый и безрозумный, абовѣм принявши з охотою што тобѣ было речено и вдячне выслухавши, ничогос з тых слов пожитку не одержал. Упоминалем тебе абовѣм, абысь речи прошлои не жаловал, а тось ся для того зафрасовал, ижем з рук твоих вымкнул, будучи жалем знятый для речи прешлои. Научилем тя, абысь ся о тую реч не кусил, котрои дойти не можеш, а єднак поймати мене важишься, не могучи дороги моеи постигнути. До того и тое повѣдѣлем тобѣ, абысь речи неподобной никгды не вѣрил: а ты єднак, абы перла болшая взросту моего в черевѣ моем была, увѣрилесь; и не мѣлес с так много розсудку, абысь зрозумѣл, иж я ввесь не естем так великій як яйце струсѣе: яким же способом тое тѣлце так великую перлу вмѣстити бы могло.

[Так і ідолопоклонники з глупоти поклоняються справі власних рук].

Глава 12 [Притча про єдинорожця]

...Тих, которые... в телесных роскошах уставичне зостават, а душам своїм голодом гинути... допускают, человѣкови, от сроκгого[2] єдинорожца утѣкаючему, подобных быти розумѣю, которїй голосу єго и страшного рыканя не могучи сътерпѣти, моцне, абы не был от него пожертый,

[1] ідолопоклонники [2] лютого, дикого

утѣкал; а з прудкостю бѣгучи, в великій нѣякїй ров впал, и летячи за дерево нѣякое руками ся ухопил и оного ся моцно держал, на стопню нѣяком ногами опершися, розумѣючи затым же в покои зостал и вшеляκого небезпеченства вшол. Глянувши теды обачил двѣ мыши, одну бѣлую, а другую чорную, дерева оного, за котрое ся был ухопил, корень уставичне[1] подгрызаючїс, и, праве[2] до конца оное подтинаючие. А затым позрѣвши в глубокїй ров, страшного смока[3] обачил, на самом везренею огнем дышучого и срокго на него погледаючого и страшною пащекою полкнути[4] прагнучого. И знову на стопень тот, на котором ногами ся опирал, взглянувши, обачил четырех аспидов головы з стѣны выникаючые; к горѣ зась пойзрѣвши, мало штось меду з галузок дерева оного каплючого обачил. Прето о небезпеченствах тых, которыми з всѣх сторон был огорненый и стисненый, понехавши мыслити, то єст, як єго зверху сднорожец, велце срожачися, шукал пожерети; на долѣ зась окрутный смок полкнути єго прагнул; и як дерево тое, которого ся держал, прудко вже мѣло быти подгризеное; ноги зась як на слизком и непевном ступенй держалися; тых, мовлю, так великих небезпеченств запомнѣвши[5], на малой оного меду солодкости коштованю себе забавил. Тое подобенство єст о тых, котрые роскошами дочасного живота ошукиваются...

[«Виклад»: однорожець — смерть; ров — світ, повний зла и смертельних пасток; дерево — життя людини, яке наближають до смерті дві миші — день і ніч; чотири аспіди — чотири слабі й непевні елементи, що з них складаєтся людське тіло; змій — пекло; краплі меду — утіхи цього світу, що заважають людині піклуватись про своє спасіння].

Притча о богатых от болгарских книг

Человек нѣкій хожааше на полѣ чистѣ, не бѣ на полѣ том ни дебри[6] ни леса; узрѣ грядуща к собѣ лва с верблюдом і абіє печален быв, нача тужити, не имѣя гдѣ сокрытися звѣреи тых; и поскочи по полю и наиде кладязь глубок, яко и дна кладязю нѣ видѣти, и ста над ним. Звѣрем же паче приближающимся к нему, он пустися в кладяз тои. И бѣста дваи древа растуща от боку кладязя того: єдино сребрено имѣяше листвїє, а другоє златои. Летѣи же паде на сребренѣ древѣ и ухватись за вѣтвїи, сѣде ту. Възрѣвь же горѣ, видѣ лва с верблюдом стояща. И тамо сѣдящю єму, грълича прилетааше, смоковь носящи, а иногда рожькы и ягоды винныа. Онь же прїимь ядаше. И плакаше о немь грълича та. И пакы врань прилѣтааше, угль горящь нося, помѣтааше нань, а иногда ящерци и жабы. Он же видѣвь почюдися. И съзрѣвь долу видѣвь двиѣ мыши грызущи корень древу тому: єдина чрьна, а другая бѣлая. И видѣв долѣ близь злато древо растуще, а в ысподе под древомь змии страшень и огнем дышюще на аспиды и єхыдны злыи. Онь же видяше то, яко живота єму нѣсть уже нї исхода ис кладязя того, небреже того всего ни убояся несмысленыи и начала торзати[7] сребреноє листвїє и класти в надра[8] своа, и тужааше, скорбя да бых паль на златоє древо. И нача мыслити в сердци своємь, и пустись нань, и летѣ в дно, в злыя оно скоропїа, и оглушї и змии свистанїем своимь. Того ради безумныи злѣ погыбе.

[1] безперервно [2] майже [3] змія [4] поглинути [5] забувши [6] яру [7] рвати [8] пазуху

[Тлумачення притчі: поле — світ; верблюд — старість; лев — смерть; колодязь — бажання багатства; миші — день і ніч; горлиця — ангел, що приносить добрі помисли; ворон — диявол; змій, скорпіони і єхидна — вічна мука скупим і немилосердним, неситим людям].

[Притча про трьох друзів[a]]

...Подобни сут възлюбшеи сего мира красоту и сладости єго насыщшеся, паче будущих благь мимотекущаа и немощнаа изволиша, человѣку три другы имящу, в них же бо двою с любовію чтяше и зѣло любовію даже и до съмерти ея ради подвизаяся и ея же рады бѣды тръпя глаголаше, на третіем же много небреженіе имяше, ни чьсти сподоби его ни любве, якоже достоаше, мало нѣкое или ничтоже рещи нань творяше друга богу. В єдинь от днїи прїидоша к нему старѣйшіи нѣціи и гроздници воини, тъщащеся скоростію великою сего вести к царю, слово да дасть имже єсть длъжен тмою талань. Уныну же єму бывшу искааше помощника, да заступит єго к страшному цареву отвѣту. Тек же убо к пръвому всѣх искрънему другу глагола: съвѣдаєши ли, о друже, яко вынуи[1] полагах душу тебе ради. Нынѣже трѣбую помощи днесь одръжащаа мя ради бѣды и нужа. Како убо исповѣх, заступиши ли мя и каа ми будет надежда, о друже възлюбленне? Отвѣщав убо он глагола: нѣсмь тебе друг, человѣче, ни съвѣдаю, кто ты еси, ины бо имам три другы с ними веселитися и другіа на (?) и прочеє сътворити. Се дам ти сукляницп двѣ, да имаши я на пути; не будет никоея же плъзы иноляже ни какоа же почаи от мене надежда. Сіа услышавь он и недоумѣя ся о отвѣтѣ сем и еяжє помощи надѣаше ся от него. И тече к другому и глагола к нему: помниш или, о друже, колико пріят от мене чести добрых и учиненїи. Днесь в печаль въпадыи и в напасть великую трѣбую поспѣшителя. Како убо, можеш ли с мною потрудити ся о сих разумѣю? Другь же отвѣща: не праздную днесь с тобою потрудитися, в печали бо і азь и в напасти въпад в скръби есмь. Обаче мало с тобою поиду, аще и на плъзу ти не будуу и скоро обращуся от тебе своими пекіися. Тъщамаже рукама възвратився оттуду человѣк тъ о всѣх недоумѣвая, рыдая себе сустнѣи надежди неразумных своих другь и непомысльныя страды своея, ихже онѣх ради притръпѣ. Таче иде к третіему своєму другу, ємуже никогдаже угоди ни обещника своєму веселію никогда же сътвори ни зва, и глагола к нему осрамленным лицем и долу зря: не имам усть разверсти к тебѣ; съвѣдый истинно, яко помниши мене никогдаже добро сътворшу ти, аще и дружбу приложих к тебѣ, но зане напасть ять мя лютаа, никакоже весма обрѣтох от друг моих надежда спасенію моему; приидох к тебѣ помоляся, аще ти възможно єсть малу нѣкую помощь да подаси ми, не отрѣцай ся не помня моего неразуміа. Онь же рече тихом лицем и с радостію: подоба есть друга своего искрьняго, глаголя тя суща, и малое помня добродѣаніе твое с прилежаніемь днесь въздаваю ти, и азь умолю тебе ради царя,

[1] завжди

[a] У Крехівському рукопису, за яким наводимо тут дві притчі, повість має такий заголовок: Изьображеніе душеполезноє из утрьняя ефиопьскыя страны, глаголемыя инъдійскыя страны, в святый град прѣнесено Іоанном мнихом, мужем честным и добродѣтелным, сущаго от монастыря святаго Савы. Господи благослови!

не бойся убо ни устрашаи ся! Азь преже тебе доиду к царю и не прѣдам тебе в руцѣ враг твоих. Дръзаи, взлюбленне друже, и не буди в скръби и печали. Тогда умоливъсѣ [1] он глаголаше с слъзами: увы мнѣ, како преже поплачуся о любви же на непамятивою дружбу оною и лъживою или врѣдумия своего поплачу и недоумѣваніа еже к искрънему своєму и истинному показах другу.

[Притча про царів]

...Град великіи нѣкіи слышах, єгоже граждане обычаи тако имѣаху от дрѣвних въспріймати чюжа нѣкоего мужа ни разумѣюща о законѣ града того ни обычаи их весма свѣдуща, и сего царя поставляху у себе, и вся власть пріемшу ему и своя воля невъзбранимо дръжа, дондеже скончася єдино лѣто, таче вънезаапу в тыя дни и сущу єму обилію безъ престани, мнящу же єму в царствѣ в вѣкы пребывати, и въсташа нань и царьскую одежду сънемше с него, нага поругаша по всему граду, и на онѣм шествованіе послаша его далече в великіи нѣкіи островь пустыи, в нем же ни пища имѣя. ни одежа или возвращенія к тому. Послѣдствующу же обычаа града того поставлен бысть нѣкыи муж в царствіе, тос же разума много имы и промышленіа в себѣ. Да такоже не въсхыщень будет. єже вънезаапу бывшю ему обилію и иже прѣжє єго царствовавшим изгнанном, в печали имяше душу, подвиже нѣкако убо о себѣ добрѣ исправит. Увидѣ нѣкым премудрым свѣтилником [2] и дрогым [3] добрым обычаи града того и якъли любо в том же островѣ быти єму. Отвръз сокровища своя, ихже и єще в области имяше и невъзбранно требованіе, и възем злато и сребро и камык честных и веліих множество, и вѣрным своим рабом послану быти. Скончавшу же ся, рече, иному лѣту, въставчіи убо неразумніи цари в злѣ и в гладѣ прѣбываваху, сь же богатства оного прѣже пославыи в обиліи выну живяше и пищу неизьидому имяше, избывь убо невѣрных гражан онѣх злых, хваляше добраго совѣта друга своего.

СКАЗАНІЄ ПРО ІНДІЙСЬКЕ ЦАРСТВО

Легендарне оповідання про могутнього владаря Індії — християнського царя-священика Іоанна виникло у Візантії; в період хрестових походів ця легенда про можливого союзника, що прийде на допомогу християнам із Сходу, була дуже популярна в Західній Європі. Дуже рано, можливо ще в XIII ст., ця повість (з латинського джерела) з'являється у східних слов'ян, а пізніше входить у склад «Александрії» (так званої другої хронографічної редакції).

«Західноруські» списки повісті відомі ще з XV ст. В процесі багаторазових переписок і переробок текст повісті значно спростився. Так, в єдиному відомому тепер українському списку, наведеному нижче, зовсім немає опису могутності й чудес індійського царства; лишилися тільки епізоди, що описують розкішні церковні відправи й трапези при дворі Іоана.

[1] можливо, «умиливъся» [2] помилково замість «съвѣтником» [3] помилково замість «другом»

В повніших редакціях повісті Іоан вмальовується як цар над 3300 царями. Розміри його царства в один бік — на 10 місяців путі, в другий — до місця, де стикається небо з землею. Серед підданих індійського царя є люди німі, рогаті, велетні, з чотирма шістьма руками, напівлюди і напівпси (порівн. Полкана в пізнішій повісті про Бову) і багато інших потвор. Далі йде опис фантастичних тварин індійського царства й чудодійних їх властивостей (наприклад, птиця фенікс відроджується з попелу), віданні займає опис воєнної могутності індійського царя.

Наведений текст друкується за рукописом XVIII ст. Львів. народ. дому № 102.

СЛОВО О ИНДІЙСКОМ ВЕЛИКОМ ЦАРСТВІИ

Начало великаго царства. Цар Манопл греческаго царствия послал послы ко великому царю індійскому Іоану многия дары своя. Повелѣ послом своим цар Маноил греческѣй вопросити царя індійскаго Іоанна, о силном его царствіи веліком.

Посла 40 фаражій [1] бѣлых облеченно крокоделевыми кожами, посла 12 тисящ волов лютых на золотых ланьцѣх, 12 тисящ возов велблюдов аксамитов от самаго бо камене самосвѣтлого.

Казал му цар индійскій Іоан: Царю Маноиле греческій, брате царю Маноиле, аще хощеш вѣдати мое індійское царствие и силу моего богатства, тобѣ глаголю, брате царю Маноиле, продай свое греческое царство, за тыи пѣнязѣ [2] купи собѣ паперу, прійди ко мнѣ зо всѣм своим царством, послужи в мене 6 лѣта и дам ти 2 крат богатьства своего болше греческаго царствия, а на том паперѣ еще не можеш списати моего індійскаго царства.

Царю Маноиле греческій, брате, слышыш, естем поп до обѣда, а по обѣдѣ Іоан цар інъдійскій.

А на кождый ден литур сам ягію служу милостивому богу, а служат со мною 40 архимандритов, 40 игуменов, опроч попов и дияконов. В той церкви премудрост божия 300 орган грають, 300 прегудцов играют, до нас до олтаря голос не доходит. Толко слышым аньгелское пѣние, і дияконов краснопѣвцев, которыи близ олтаря стоят и служат милостивому богу.

А пойду я за стол свой, и поидут предо мною 12 царей, 12 кролев, жолнѣрей нѣст числа, един бог вѣст создание свое, а тіи люде садятся за стул мой.

А по средѣ моего двора царскаго ест 40 стол[п]ов стоять златых, у кождого стол[п]а по 40 кулец, а у кождого колца по 40 коній, а тым людем посредѣ моего двора ясти и пити досыт бывает.

А росходится в мене царя Іоана на кождый ден за моим столом попру [1] 40 бочок, и по 40 бочок шафрану и по 40 бочок меду, опроч инных зелій до заправ розмаитых [2] речій. Еще разходится в мене по 40 бочок вина бѣлаго, 300 бочок обагряненнаго опроч воды нѣст числа.

Така ест в мене полата в которой я живу, зробленная от злата аравитскаго, покладованная по углах дорогим каменем по углах самосвѣтлым, свѣщи не горят в мене, само ся свѣтят от камене драгаго.

[1] коней [2] гроші [3] перцю [4] різноманітних, різних

ПЧЕЛА

«Пчела» — перекладна збірка коротких висловів, афоризмів, сентенцій морального й життєвого характеру. Назва — візантійського походження: як працьовита бджола збирає мед з різних квітів, так один з візантійських складачів такої збірки, монах Антоній (XI ст.), збирав влучні вислови з різноманітних книжок, починаючи від біблії й церковних письменників і кінчаючи творами античних авторів. Слов'янський переклад зроблено, очевидно, наприкінці XII ст.; рукописи, що збереглися, ідуть від XIV до XVIII і початку XIX ст. З «Пчелы» читачі могли довідатися про імена Арістотеля, Сократа, Демокріта, Софокла, Евріпіда, Геродота, Ксенофонта, Плутарха та інших і цитувати їх вислови; багато висловів з «Пчелы» ввійшло в народні прислів'я, вони давали також матеріал для оригінальних писаних творів (їх використовує, наприклад, «Моленіе Даніила», пам'ятка XIII ст., та ін.). В українській літературі «Пчела» була популярна ще у XVIII ст., про що свідчать, між іншим, деякі списки київських бібліотек. Див. розвідку *С. Щегловой*, «Пчела по рукописям киевских библиотек», СПБ, 1910,— звідки взято наведені нижче уривки за рукописом початку XVIII ст. бібліотеки АН УРСР, Київ, дух. ак. № 468 (Муз. 52).

ПЧЕЛА

[Про злих жінок]

...О злих женах Соломон цар пишет: мудрост и наказаніе мѣю и сѣтей діяволских утек бы на свѣтѣ и всѣх людей под небесем, що ест прейшол есмо мудростію всѣх, еднак же есмо не втѣк злой жони поради, та мя прелстила, произведе бо мя у безуміе. Злая жена ест звѣр неукротимиі, разуму погибель, душѣ пекло, тѣлу рани безчисленніи, людям отгнаніе, бѣсом приближеніе, о злое изволеніе злой жони безуміе.

...Григорій святій рече: злую жену дает бог за грѣхи человѣку правѣдному в мѣсто діявола, бо от ней на сем свѣтѣ мучен будет... злая жона найгорше всего злого на свѣтѣ.

...Златоуст рече: трясця трясши, покинет трясти, а злая жена тряcет и мучит навѣки.

Генадій святій рече: лѣпше желѣзо варити, нежели злую жену на доброе учити, желѣзо умом звариш, а жени злой во вѣки не навчиш.

...Святій Іоан Дамаскин рече: на свѣтѣ три речи зліи над все: первая — огонь пламенем своим нестерпимим храми крѣпкѣи пожигает, второе — вода своею бистротою храбрѣи воины потопляет, третее — жени зліи своими порадами злими мужей своих погубляют...

Давид цар пишет: жена злая, яко аспид глухій затикает уши свои, не хоче слишати гласа доброго. Лѣпше со львом в пустинѣ жити, нежели из злою женою в дому бити. Лѣпше человѣку полинь гризти, нѣжли из злою женою мед ѣсти... горше всѣх злих злостей жена злая.

Аристотел мудрій рече: яко роса от солнца посихает, так и муж мудрій от жени злой погибает, и в бесѣдах посмѣх за еи безуміе пріймает от многих людей.

...В притчах пишет: человѣк рече другому человѣку: брате, помози мнѣ плакати, жена ми померла; и он мовит ему: брате мой, мене на малое время просиш плакати, а я всегда от своей злой жени плачу.

...Сирах рече: яко дим прогоняет пчели своею горестию, так и жена злая отгонит людей добрих от мужа своего и от дому своим злим обичаем и горкоточним сердцем.

[Про пияцтво]

Цар Соломон пишет: всякой мудрости наипервѣишая погибель пьянство, а во всякой мудрости потреба мѣти трезвост, молчаніе, а во всем разсужденіе, послушаніе, чистост, неквапливость, бо молчаніе крѣпкая рада, а не зрада, а трезвость чинит человѣка во всем здоровим, а не хорим; послушаніе чинит от всѣх любов и ласку вмѣсто ненависти, а за несквапливость и за розсудок мѣтимеш от всѣх пошанованя, и власт и всякое зло тебе не споткает, бо тая твоя несквапливость и розсудок твой не допустит до тебе неякого зла, а по твоей годности бог тя стережет, бо тверезого человѣка здоровая наука и порада, а пьяного наука и порада утла ест; як горщок недолго потривает, так пьяного наука и порада.

Іоан Златоуст рек: бог подал вино человѣку розумному на трое: найпервѣи на благодареніе богови, а человѣку на веселіе и з людми в бесѣдѣ на любовь твореніе, а лихому человѣку малоразумному також на трое дал: кгди ся упъет як свиня, то и бога запомнит и сам себя смущает и у бесѣдѣ наприкрается своим безуміем и колотит людми у бесѣдѣ як вѣтер порохом ричит, як вол безсловесній, а дмется як пухар на водѣ; умній человѣк пьянство в собѣ сокривает, як добрій сосуд вино; а безумній человѣк будучи и тверез, а он свое безуміе показует, яко утлій сосуд вино из себе пускает.

...Цар Давид рече. Злій человѣк пьяница бѣгает и рикает як лев, поки его утроба россядется, и ищет праведнаго хотячи уморити смертію; господь же не оставляет праведнаго своего, и не подает уморити его грѣшному, а ни посмѣятись не допустит; возносится пьяница до небес, а до пекла вниз душа его пойдет и там огнем неугасимым навѣки будет горѣти, а малоумніи вихваляют таковаго пьяницу, мовячи: прекрасній юноша, то ест нарочитій молодик.

Цар Соломон мовит: я спробовалем на свѣтѣ, якую моц хмѣл мѣет: напоилем слѣпца, и хромца, и малоумнаго; теди безъумній, упившися, рек: царю Соломоне, чи хочеш ти со мною о мудрости говорити? Соломон рек против безумнаго: я своею мудростію увес свѣт увидѣл и перехитрив бѣсов, которих во служеніе привел человѣком, а ти, малоумній старче, як смѣеш со мною мовити о мудрости? Потом рек малоумній: царю Соломоне, не я то високо мудрствую своим безуміем, але хмѣл додал ми смѣлости так мовити смѣле против тебе, царю Соломоне, прости мене, малоумнаго старца. Потом рече хромец, упившися: царю Соломоне, чи живѣ еще на свѣтѣ Самсон силній, хотл бим я с ним побитис. И рече цар Соломон: небоже, калѣко хромій, як тобѣ из силним Самсоном битися, если би он мѣл жив бити, его храбрости аггели удивилися, а человѣк, голос его услишавши, не могл жив бити; а ти, калѣка хром, безног и безрук, як ся мѣеш с ним побитися? И рече хромец: добре, царю Соломоне, речеш; я о нем мало и слишал, а тепер то все високоумній хмѣл всѣми моими чувстви побужает мя до того бою. Потом слѣпец рече,

упившися: царю Соломоне, чи видиш ти, як есть грозна мука и пекло вѣчное, и огонь негасимій ждет к себѣ мучити несправедливих блюзнѣрцов, як и сіи, что смердят, упившися, пред тобою царем, и говорят неслушніе слова, а не памятают на райскую красоту, которую уготовал бог любящим его и дѣлающим справедливость: як и мнѣ слѣпому, что я сижу, напившися, молчком, нѣчого не слишу и не вижу Цар Соломон рече слѣпцевѣ: ти, слѣпец, палца пред собою не видиш, а нѣ дороги, а рай и пекло вѣчное розсудил ест. Слѣпец мовит: заправди, царю Соломоне, и я лжу пред тобою царем, а то все хмѣл и очи мои отчиняет видѣти рай и пекло.

ПЕРЕКЛАДНА ЛІТЕРАТУРА ЗАХІДНОГО ПОХОДЖЕННЯ

ПОВІСТІ

ПОВІСТІ ПРО ТРОЯНСЬКУ ВІЙНУ

Оповідання про Троянську війну, що стали матеріалом для гомерівських поем, були відомі у нас у пізнішій візантійській обробці ще в Київській Русі з південнослов'янського перекладу хроніки Іоанна Малали (VI ст.). З XV ст. у нас поширюється так звана «Притча о кралех» — особлива обробка троянських оповідань, вставлена в окремі списки слов'янського перекладу хроніки Манассії; українські переклади «Притчі», доповнені з польської хроніки Мартіна Бєльського, відомі в списках другої половини XVII ст. Але ще раніше, у другій половині XVI ст., з'являється переклад третього, незалежного від перших двох, оповідання про Троянську війну — латинського твору сіцілійця Гвідо де Колумна «Historia de bello Trojano» («Історія Троянської війни», 1262—1287), написаного переважно на основі творів мнимих учасників Троянської війни Діктіса і Дарета, а також французької поеми XII ст. Бенуа де Сен-Мора. Обробка Гвідо значно поширювала хронологічні рамки оповідання, починаючи його з походу аргонавтів і першого зруйнування Трої, і зовсім по-новому мотивувала події, вносячи в їх опис риси побуту й військової техніки західноєвропейського феодалізму.

Незакінчений українсько-білоруський переклад «Історії» Гвідо, зроблений із західнослов'янського (чеського або польського) оригіналу, зберігся в автографі перекладачів у збірнику історичних і повістевих творів бібліотеки АН УРСР (Муз. 48). В перекладі помітні намагання надати образам і подіям деякого місцевого колориту — місцевих рис українського шляхетського побуту.

Уривки паводяться із згаданого вище рукопису.

ГВІДО ДЕ КОЛУМНА

ПОВІСТЬ ПРО ТРОЯНСЬКУ ВІЙНУ

Перший бій під Троєю

Напервеи заправду уставили сто кораблев поити по морю поднешши парусы и хоругви валечне[1] у местех добытых побраных, а о многих людех зброиных осажено. Потомь заправду устави другую сто кораблев, а потом иншии вшистки єдин за другим уставили. А так плынуць к Троии през кроткии час береги троянскии и люд со всих сторон стоя-

[1] з боєм

чих обозрели, а так склонивши ветрении ку берегом места Троиского приплынули, спешаться выити на землю. А трояне, видячи корабли юж к их берегом в такои великости приплынули, на тых мест ку зброи побегли а на зброиныи кони всседали, а не ждучи гетмана их а любо кролева отпущенья неврядным єханьєм єхали. А грекове, видячи такую обфитость[1] рыцерьства убраного ку оброненью брега приходячи, зь их великости сут ся дивили, але ся болши дивили, видячи оных так ростропне а вмеючих во зброи ку оброне. А ни один не был межи ими так смелыи, так мужныи и так моцныи, кторыи бы, на позреньє троянов великости, сердца лекъненого и дрыжачего не мел. Але грекове иншим обычаємь не могли мети приступу в землю их, одно толко през бите голых мечов а през собране окрутное[2] валки. Вси зброю почали брати, велми ся в смелости потвердивши, а для того Протослеус, крол Филярдуром, которыи первыи был в шиху[3] кораблев, приходячих с первым стом кораблев, у великом мужстве презпечне на землю выити усиловал. Але велѣ их с кораблев оных з веяня ветра а с поднесеня парусов на землю приплынули, с которых же велѣ ся поломало, а для того с них которыиж были в кораблех, много их море пожерло, а которыи живы з них на землю приити могли, от троянов у великои окрутности битя погинули. А от частого битя разов[4] берег загустился, а с частого уставичного[5] выпущаня стрел вода близко берега для крови побитых черленелася. С которых смерти явно и дано єсть знати, яко был окрутныи выступ греком на землю. Никгды не слыхано а ни єсть чтено, иж бы которыи гуф[6] так великим нещастьем, так великим упадом в землю неприятелеи своих уступил. Але по прерченых сто кораблев первых, другое сто кораблев наследуючи первых, к томуж то мѣстцу приплынули, але не так борздо[7] на землю выступили, яко первыи, але зложивши свои парусы подобне з великою опатреностью[8] на землю выступити усиловали. А кгды вже на землю выступити хотели, которым же трояновѣ руку зброину наставили а мужне им уступу боронили на землю, грековѣ заправду у прерченых кораблех будучи справили великую великость самострелов доспетых, а в частом выпущани стрел троянов от берега отбили, с которогож то стреляня частого много єсть их побито. Кгдыж заправды мало ся уступили троянове для боязни стреляня, грекове вышедши с кораблев на землю пришли а тым, которыи были в первых кораблех, єсли которыи зостали, мужнє им успоможенє дали. А так твердая и окрутная валка межи ими стала. Он крол Протеслеус, которыи вже был на землю выступил, дивы великии напротивку своим неприятелем и с своее парсуны ростропностью[9] уделал: невымовне с троянов своим мечом побил а велико и дивно успоможенє тогды своим греком вделал. Абы тогды он сам не был вси грековѣ, которыи к земли приплынули и выступили, были бы без утпеня[10] шкаредною смертью побиты. Але што помогла Протослеусова мужная оборона, кгдыж толко седм тысяч греков валку держали напротивку сто тысячов троянов. Валку заправду єсть держали тверду а окрутну, але видячи грекове, иж бы

[1] велику кількість [2] жорстоке [3] в строю [4] вдарів [5] безперервного [6] загін [7] швидко [8] передбачливістю [9] розсудливістю [10] без сумніву

им то не было успоможенье, до кораблев утекали. Кгдыж им не был презпечныи приступ уступить в корабли, а полецить[1] ся морю и єго глубокости. Видячи, иж то им не єсть ужиточно, волят живота своего на земли доконати, нижли у темнои глубокости моря стонути, валку заправду отновили в такои мужности, яко могли. Много их от меча погинуло, а иныи волны морьскии потопило, кторыи в неи побиты падали. Трояны своєю великостью напротивку им окрутне ся противляють. Грекове в том то утисненью себе бронять, а у великом упаде парсун, алиж до берегу успак[2] ити припужоны. Кторы вси горкою смертью на тых мест бы были погинули, бы не Архиляус а Протонор на тых мест в землю ис своими корабли приплынул, кторы у великои моци валечнои хотячи и не хотячи напротивку своим непристелем с кораблев выступили а у великои моци воюючих допомогают своим, а своим непристелем забегают и великим кгвалтом и смелостью себе боронили. Отновивши и уставивши валку, у своєм мужствѣ окрутнеи а тверден к валце приступили а у великом упаде парсун без утпенья валчили. Тогды Нешкор, кторыи с своими корабли к земли приплынул, а жадаючим умыслом здрави на землю выступили ку вспоможенью своим, на валку без утпенья єсть ся выдали. Окрутне валку єсть множили; ломалися древа[3], свищють розмонте стрелы, лятаючи по поветрею, дрыжать мечи, падають забитыи, а повестрелы, лятаючи по поветрею, дрыжать мечи, падають забитыи, а повтрис для великого гуку упадаючих упад єромоцен єсть, кгдыж заправду Архиляус и Протонор, мужеве ростропныи, много с троянов побили. Тогды крол Асталюс и крол Аликгус ис своими корабли к берегу приплынули а с своими мужи валечными на землю выступили и на валку мужне пошли; а на трояны наскочили так твердо, а так окрутне, иж их припудили успак поити. Але троянов без личбы великость, кторыж ще на валце не были, на греки окрутне наскочили великым пломянем, а гнѣвным сердцем греков успак припудили поити. Которыи южь далеи спротивитис не могучи идут успак, олиж до самого конца брега пришли. Тогды крол Уликсес ис своими корабли до брега пристал, кторыи рыхлым[4] беженьєм у великои объфитости валечных с кораблев выступив, на валку пришедл. А так валка окрутна єст была. Грекове єсть ся крепили, а у своих моцех с прїитія Уликсова, а учинївши навалность на трояны, мужне их били. Уликсес за правды, яко лев, руючи в посредку шпицу[5] в своих зброях, а древом, которое в руках своих носил, многих с троянов побил, иншихъ ранил, а иншихъ с коней збодал.

Которого коли узрел Филименис, корол Покгафониеи, в такои ростропности валчюцего, а таким упадом шкодит трояны, на кони наскочил на Уликса, а єго с коня збол так, иж Уликсес потребу мел ноги мети ку воеваню. Але Филименис древом, которое носил, тяжким наєханєм ударил Уликса так тяжко, а так твердо, иж пробил єго тарчь[6] олиж долщю части панцеря. Уликсес заправды, оного то удареня не могучи стерпети, на земли пал наполы умерлыи, але въжды не велми ся злякнул з заданое єму раны, борздо повстал, а вырвавши з ножен влочню[7], напротивку Филимепови великими моцьми барков[8] своих з верху тарчи против горла Филимена окрутне ранил, иж зломавши єго зброю и

[1] доручить [2] назад [3] списи [4] швидким [5] передового війська [6] щит [7] спис (тут, очевидно, меч) [8] плечей

Герої повісті про Трою — Менелай, Єлена, Паріс — у середньовічному убранні. З хроніки Шеделя, виданої у Нюренберзі 1493 р. (ЦНБ АН УРСР).

панцыр розодравши, з кгвалтовности Уликсовос остра и секуча влочня єго горло и жилы подсекла. А так Филименис, будучи окрутне зранен, спал с коня на полы умерълыи. Которого троянове, мнимаючи иж бы умер, великою моцъю валечною от рук грецких єго взяли, а на тарчь або на щит єго възложивъши, яко бы нерозумного и младого, до Троии єго послали. И мнимаючи Филимена мертвого, троянове велми ся зосмутили: абы то не было, иж бы был Филименис не зранен, вес гуф грецкии, которыи был на землю выступил и воєвал, был бы конечне перевитежен и живота доконал. Але там то крол Тоас из своими кораблі, Акгаменон корол, всего гуфу грецкого приказател, уси с своими кораблі, Менеляуш из своими, шляхотныи Тялямониус Аякс ис своими кораблі к берегу приплынули, а на тых мест на землю выступили и кони свои, которыи мели в кораблех, вывели, а на них всели. А у великои моци валечнои на валку выєхали, напротивку заправду трояном навалность делаючи, ламлют древа, а в том то ломани великую великость троянов с коней зводли, иных мертвых, а иных окрутне зраненых, а так отновивши валку веле єсть их с троянов побито. Тогды Протослеус, корол Фвилярдорум, великою роботою утомляныи, которыи великоє роботы у зброи поднял бо оного дня, мало нѣшто от валки отєхав, а для ододхнѣня на берег отєхал, там гдѣ валка была первеи почата. Там убачил, иж бы єго вси на валце побиты, для которых же смерти много потаемнѣ слез выливал, а оттул велми ся єсть порушил у гнѣв. А смѣлост за ся взявши, на коня своєго моцне всел, великую жажою жадаючи помстити

своих смерти, гневливе мечом голым много с троян побив, многих с конеи збил, а иных много зранил. Тогды Персес, корол Єфиопии, з великим товариством рицерства от троянского люду приєхавши, гневливым умыслом на валку высхав, а с приєханя того то короля єфиопского валка тым тверден ся потвердила.

Такую смелост взяли троянове из єго приєханя, иж уделалис у моцех своих яко бы никгды на валце не были; греки кгвалтовне бьют, успак стренца короля Персесова, которыи тогды ростропне во зброи своєи дивы великии чинил, на того то порвался у великои моци валечнои, своим древом єго на полы пробол, аж с коня спал умарши. А опустивши єго, м жи шпици иншии троянскии посхал, бис невымовне, розрываєть, а много з люду трояньского побил, которыи єго, яко смерти всюды ся боят, ку єго итью дорогу ему чинили. Воланє заправды было велико з упаду побитых, бо трояновѣ, стерпети не могучи навалности Полямидовои, через поле немало успак ити припужоны и уже трояновѣ заправды мыслили утекати. Тогды он освецоныи[1] над княжаты Гектор моцныи, на голос волаючих[2] попужон, з места Троии в товариштве многом выехал, у великом гневѣ запаленя у валку уехал; а во зброи лщючои[3] а влочню секучу а тарчь позлотистыи носил, на котором же было выписаны три лвы, на греки моцне наскочил, а розорвавши шпици со всих сторон, по серединѣ невымовною моцью валечною против королю Протослеусови приєхал, которыи мечем своим троянов не переставал бити. На него наскочил з мечем своим голым, поднесши руку свою в моцности рамени своєго моци, короля Протосляуса так ударил, от верху его головы на полы єго розстял през зброю. Умарл єсть шляхотныи а ростропныи муж Протослеус, а Гектор, его опустивши, на иншии наскочил, которых коли мечем своим вдарил, певна реч есть, иж кождыи умер; а не много по гуфех єздил, а так много их побил, иж иншии боязнью престрашени, яко бы смерти и упаду єго ся варовали[4]. А кгдыж пытал один другого, хто бы то был, которого у великои болести упаду узнали быт Гектора над всих моцнейшого. От обличности его грековѣ втекали, єго разов стерпет не могучи. А так, кгдыж был на валцѣ, грековѣ вже у своих моцах не доставали; але он для великого зробеня выехал з валки на поле, а грековѣ моци свои отновили; а того ся пригодило оного дня осм або десет разов уделал. Солнцѣ заправды ся вже было к вечеру склонило, кгдыж Гектор некоторым обычаем и утомленєм зброи был ся уробил, у место въехал, иншии опустил, которыи окрутне валчили там то троянове, на противку греком, кгды мужне пристовали, грековѣ же яко бы превитяжоны але он моцныи Ахилес с своими кораблі з Мирмидоны к земли приплынули, которыи, выступивши на землю со всими

[1] ясновельможний [2] кличучих [3] блискучій [4] стереглися, уникали

своими на валку виехал, окрутне наскочил на трояны; а грековѣ в моцах ся своих отновили с приеханя Ахилева, в которого товариствѣ приєхало болши ниж семдесят тисяч валечных. Валка велика ся єсть стала и ломанс велико было и бите, ис сес стороны и з другос много умерлых полегло, але болши с троянов, бо он моцныи Ахилес мечем своим их преследует, которыи з них невымовне побил и поранил у великои крови розлитя. Вже вси корабли были к берегу приплыли, а вси, которыи в них были валечныи, вже па землю выступили и на валку высхали...

Которых трояновѣ, для великости моци стерпети не могучи и Ахиля их окрутне бьючи, тыл почали подавати. Там то велико воланс, голосов жалобливых выпусканс было для впаду умираючих и для болести побитых. Тен то Ахилес кровю побитых со всих сторон укровавлен, много умерлых за собою оставляет, а с тых, што втекали, их бьючи к ним придавает. Вже трояновѣ, утекаючи, к улицам места своего были прибегли, у великом гуфе в него воити всилуют. Там то сталося велико побите; там трояновѣ от тых, што их гонили, огарненыи сут. Которыи в мѣсто увоити не могли, окрутною смертью погинули; а отцы видячи сыны свои посечены живот свои в тяжкости ведли и кончали. Велико а дивно бите сталося єсть в том то входѣ; а еще было и болши, бы не он моцныи Троилюс и Парис и Дефебус з великостю рыцерев тим, што хотели в мѣсто увоити, были не забегли, с которых забежаня валка есть престала. А кгдыж пришла темность ночи битва єсть унята. Трояновѣ заправды бро-ны[1] мѣста своего твердыми а моцными твержами утвердили, а Ахилес з греки з великою хвалою воротился ку берегу.

Тогды Акгаменон корол местце подобное выбрал и казал там седепс вделати або станы, а всим подлуг местець казал им опочивати. А розделивши всим болшим тыи то станы поднешши шатры вси сели и опочивали, яко налепеи вмели. А которыи шатров не мели, станы собѣ новыи вделали, конем своим яко лепеи могли стаини поробили, а вынесши свои вси потребы с кораблеи, тыи то корабли моцними и дужими линами утвердивши а презпечне поставивши, упустивши многии котвици у море осадивши и уставивши. Оное то ночи корол Акгаменон у многих огнех и в походнях[1], которыи иж оную то ноч освечали, иж такая светлост была межи гуфы, яко бы светлость дня на местцех близких и далеких светила. Троянове оное то ночи ни жадного нагабаня[2] им не давали, которыи, замкнувши мѣсто свое, ни жадныи оное ночи от них не выходил. По обляженю учиненом а яко лепеи мог оное ночи, он опатреныи Акгаменон, которыи никак презпечне опочинут не мог, врядил сторожи со всих сторон у многих трубах и у великои великости збройного люду, которыи вшистек гуф от всих противностей и нагабаня бронили бы, а иншии в их чути презпечне бы ся положили. Уставивши оное ночи подлуг вряду некоторыи заправды, которыиж ся были уробили на везеню морском, а некоторыи што ся были вробили великою роботою валечною, без зложеня зброи своее с себѣ уклалися спати олиж до завтрея усходу солнца. А то была первая валка межи трояны и греки, кгды грековѣ на землю выступили... Кгды ж заправды темность оное то ночи отышла, которыи жь темности зоря раная усходячая отдалила, а солнце своими

[1] факелах [2] турботи

премєнми землю осветило, он ростропныи муж валечныи Гектор, справца и гетман всего гуфу троянского, будучи пилен велми у своем гетманстве, рано вес люд свои валечныи обослал, а казал ся им зготовати, а им на некоторую широкость плеца там, где костел Дияны богини был збудован, приказал ся сойти. А розделивши их подлуг опатреня валечного по гуфех и по шпицах, им, достаточным на зряженую валку, оного то дня одны ворота места троиского, которыи ж званы Дарданидес, отворити приказал, а призвавши до себе двух своих племенников, один менован Клянкон, сын короля лицейского, а другиі Цинамор, брат его прирожоныі, гетманство первое шпицы полецил и дал, у которой же первой шпици уставил тисячу рыцеров валечных, мужов заправды моцных, а на валце досветченых...

Дня заправду второго, коли заря узашла а светлость солнечная усюды ся указала, а колиж вси шпици с обу сторон на поле вышли, валка окрутна єсть ся стала, а вшиток тен день валчено. Много их заправду оного дня побито з греков, але венцеи с троянов, иж греком тогды велика и лепша часть у валце згодилася. Але оного дня, коли ноць пришла, далеи єсть не валчено. Второго заправду дня грекове послы Деомида и Уликса до кроля Прияма послали, иж бы премирє през три месяци моцне корол Приям дал. Тым то заправду послом пригодился у дорозѣ Далеи, некторыи рыцерь досыть багатыи и шляхотныи, а рожаем[1] з места Троис, которыи с тыми то послы ку кролю Прияму вел. Послове заправду речь посолства своєго кролю Прияму верне поведали. Крол тогды Приямус у стола наполненыи разумантым питьєм и кармями[2] в невымовном товарышстве рыцерьства своєго. Але корол Прямус отповедал у великои вымове окрашоных слов, рекучи о том на тых мест раду уделати. А на тых мест раду свою созвавши уси ку данью премирья єсть ся згодили и призволили, выявши Гектора, которыи им премирья дать нїкак не радил рекучи, иж бы грекове израднливе и фалшиве пречености премирья жедали, хотячи свои умарлы погребать, колиж они спижи[3] не мают, а для набытья єе, иж бы потом мели обфитость и достаток, а мы спижи наши, которы мамы в местѣ нашем згромажоны для такого люду потравимы. Але кгдыж вшистким то было вдячно, Гектор не хотел так многих на ту то речь змовеных рады их сказить[4], которыж розумом великим на раду медци многими на єдну речь ся сошли и призволенье[5] дано єсть. А єстли бы ся иному иная речь видела, не для того всих призволенья ма быть не держана, кадыж он мовит цо ся єму видит. Колиж часто кроть ся пригожаєт, иж єдиного сказанья албо рады, бы теж намнеишиго, многи мудрецы ку своєму сказаню або раде притегает, то єсть раду мудру, ачь коли некоторыи раду мудру и лепшую дал бы. А для того Гектор от данеи рады тогды ото всих не отступил, ачь коли єму... ина мудреишая рада видела ся, але не хотел так многих сказанья и рады зломати. А так премирье єсть дано през три месяци. А так греком яко и трояном валечным было єсть вдячно иж бы от валки през то то премире опочинули. А колиж трывало тоє премирьє пречено, на отменѣньє єднаго за другого — король Тоас от троянов а Онтонор от греков вызволен...

[1] родом [2] стравами [3] провіанту [4] зіпсувати, заперечити [5] згода

Оповідання про Троїла і Брізеїду

Калкас заправду трояньскии израдца и бискуп, кторыи на приказаньє богов опустивши трояны ку греком пристал, нектору девку свою мел дивну в цюдности а у обычаєх шляхотных велми опатрену, которую посполитым[1] именем звано Бристыду. Кроля Акгаменона и инших кролев грецких пилне просил, иж бы ю от кроля Прияма, єстли им бы любо было, выпросили, абы єє узвротили отцю єє. Кторы королеве кролю Приямови за ту то девку велику прозбу уделали. Але троянове напротивку Калкасу бискупу велми ся противяли, менячи єго быть злостивого зрадцю, а для того достоиного смерти. Але корол Приямус на прозбу грецкую медци от отмененьєм Антоноровым и кроля Тоас Бристыду греком доброволне вернул в то преречено премирьс.

Гектор до грецьких станов посхал, которого Ахилес рад увидел... без зброи его никды не мог видеть. А вь єго станы Гектор у своєм товарышстве многих шляхотных рыцерев на прозбу Ахилѣву вьступил. А кгдыж межи собою о некоторых речах єста розмовяла, Ахилес Гекторови рек тыи то слова: «Гектор, вдячно мне єсть, иж тя вижу без зброи для того, иж тя без зброи никды не мог видеть. Але венцеи ми бы было вдячно, бы от руку мою рыхло смерть взял, подлуг яко я жедам...»

[Гектор пропонує вирішити війну єдиноборством з Ахіллом, але ні греки, ні троянці на це не згодні].

Троилюс заправду кгдиж з отца своєго воли засмутился от зроценью Бристыды греком, которою великою горуцестью милости[2] жадал а в горучеи воли над вшистки[3] речи миловал. Великою болестью єсть ся засмутил, яко бы вшисток во слезах и в тяжком уздыханью а в плачю был, а не был ни єдин з намилеишх єго, кторыи бы єго могл увеселить. Бристыда, ктора Троиля не мнеишою горячестью милости миловала, так же и велми плакала, кгдыж вшистка была во слезах умочана. Оденьє и лицо єе и перъси слезами, которыж зь єе очью текли, скропила, иж вшистко оденьє єе было змочено слезами, яко бы кто водою єе полил. Пазногти[4] своими уста своя драла, а влосы свои, так яко злото от обычая сплетеного або завиненого, от белеи плоти своєи влосы роспустила. А кгдыж твардыми ногти своими полички[5] свои драла, чирвону кровъю помазаны. Уста єе здрапаны в чирвоности их чирвонеи рожи были пировнаны. А кгдыж єе кто пытал о розлученью от єє милостника Троиля, частокроть падала медци руки того, хцюцего ю затрымать, рекучи: «Радиеи смерти собе жедам нижли живота». Кгды заправду ноч пришла, Троилюс пошол до Бристыды, а таким же плаканєм и слезами порушился, иж бы от такеи болести а жалости ее могл усмирить и отвести. А кгдыж Троилюс а так єсть тешил, Бристыда медци рамена Троилевы частокроть падала наполы жива. Ктору слодким целованьєм и слезами плачучими, моцеми своєго разуму тоє то ноци утешить и от болести отвести частокроть єсть усиловал. Але кгдыж юж было близко заря яко

[1] простим, простонародним [2] кохання [3] всі [4] нігтями [5] щоки

бы предо днем, Троилюс от Брыстыды у великом смутку и в болястех отшедл, а се опустивши до кролевского ся палаца спешил.

Але, о Троиле, яко млоде довереньє тебе приведло блудить, абы ты слезам Бристыдиным уверил, а єє лагодливым а израдливым словам! Заправду всим жонкам єсть справедливе от прироженя, иж в них не єсть ни жадна моцна уставичность[1], иж єстли єдним оком плачет, а другим ся на сторону гледячи смеєт. А так неуставичность а прожность[2] ку насмеванью мужом их завжды приводит. А кдыж болшую милость знамена указуют на тых мест, то през другого милостника, кторыи иж єє упомина о вказанью милости своєє, на тых мест то отвращаю и пременяю. Бо сут фалшивы, а неуставичны, а ни сут достоини таємного звереня. А кгды ни єдин милостник им ся не вкажѣт, они єго кгды мышлю искать, ходцю по местцах частокрот ся у оконцах указуют, або теж сеют на улицах, не явных ку виденью, тых то милостников собе потаємне дают и шюкаючи. А прето нї єдна надея нѣ єст так фалшива як та, ктора єст в невесте[3] и от них походит. А так шален єсть он млоденець[4], а навенцен[5] кторыи єст у летех, кторыи в лагодливых словах невестих надею има и єи верит, а их доказанью так фалшивому себе полецает, кгдыж они своим доказаньєм много их заводять и зражають.

Брыстыда заправду на приказаньє кроля Приямово у великом выправенью на дорогу єсть посхала, ктору Троилюс и инших много шляхотных з люду троянского през час длугии дороги проводили.

Але кгдыж грекове присхали взяти єє, Троилюс и троянове вернулися до Троии, а грекове ю взяли. Медци кторыми кгды был Деомидес, позрел на ню, а на тых мест горячестью нечистоты зажегся, а єи велми горячею милостью жадал. Кторыи к неи приближився а с нею посполу[6] єхал. Своєи горячести пломеня затрымать не могучи, Брыстыде узявил своєго горючего сердца милость, а в многих словех жедаючих и ласковых и у великих дарех обецаванью досыть покорне єє просил. Але Брыстыда на первоє прошеньє, яко обычаи єсть невестии, своєго призволенья єму отмовила. Але кгдыж не далеко отєхала, Брыстыда по розмоитых[7] словех Деомидовых, єго хотячи от надеи своєє не отдалить, такимиж словы єму рекла: «Милости твоих слов тыми часы не отповедам, а ни теж призволям, кгдыж сердце моє на тен час не єсть так зряжено, иж бых тобе могла иначеи отповедит». На кторы слова Деомидес досыть был єсть весел, кгдыж с тых то слов надею мел, ижь ся от єе воли не мел отдалит. А так с нею єхал алиж до станов отца єє. А кгдыж приєхала там, то он ю на тых мест с коня ссадил, а єдну рукавицю, ктору Брыстыда на руце носила, от нее, кгдыж нихто не бачил, потаємне взял. Але кгды она то сама убачила, иж то взятьє потаємне было єму любо, того єсть змолчала. Тогды Калкас ку стретенью девки своєє выєхал, а єє обличьєм и умыслом досыть веселым у пребыток свои вдячне принял. А Деомидес велми ся веселил а надея єго у великои работе тела єго порушила ку набываню єщо болшеє ласки. Брыстыда заправду, будуць с Калкасом отцем своим, єго нашла твардыми словы, у великости слез выливанью, рекучи єму: «О яко, отче мои намилеишїи, розум твои стал єсть шаленыи, кторыи пред тым был великоє мудрости. А яко ты медци

[1] стійкість [2] легковажність [3] в жінці [4] той юнак [5] найбільше [6] разом [7] різних

трояны был єси у велможности и поднесени, иж ты был єси яко бы их пан и обронца в вшистких речах их, которыи в таких богатствах медци ими обфитовал єси и в многом держанью пановал. А ныне уделал єсь ся их выдавца и зрадца, а твоєе отчизны запрел єсь ся, котреи во вшистских речах мел єсь быть обронца...»

ПОВІСТЬ ПРО БОВУ КОРОЛЕВИЧА

«Повість про Вову Королевича» — переказ західноєвропейського рицарського роману, який має джерелом старофранцузьку феодальну поему (chanson de geste) XIII ст. відому майже по всіх країнах Західної Європи. В XIV ст. вона була перекладена в Італії, дійшла до сербів-далматинців і з сербського переказу була перекладена білоруською мовою (текст цього перекладу XVI ст. із збірника Познанської бібліотеки надрукований в виданні: «Сборник отделения русского языка и словесности», т. 44, № 3, СПБ, 1888 — додатки, стор. 129—172).

Протягом XVII—XVIII ст. повість набула великої популярності серед російських читачів різних класів, у багатьох рукописах була значно русифікована, стала «народною книгою» і багато разів була надрукована (аж до XX ст. включно). Добре знали повість і українські читачі. Проте з українських списків досі виявлений тільки один — у Новгород-Сіверському збірнику XVIII ст. (з рукописної колекції В. М. Ненадкевича, що належить тепер Інституту світової літератури ім. О. М. Горького Академії наук СРСР). Мова повісті в цьому збірнику мішана: ми зустрічаємо в ній сполучення українських та білоруських елементів з південновеликоруськими. Повість приваблювала читачів картинами військової доблесті, авантюрним сюжетом, нагадуючи багатьма рисами народні казки та героїчні перекази. Деякі прізвища дійових осіб увійшли до народної мови («Маркабрун», «Полкан» та ін.).

Нижче наведені уривки подаються з тексту, підготованого до друку В. Д. Кузьміною (за згаданим рукописом XVIII ст.).

ПОХОЖДЕНИЕ О ПРЕКРАСНОМ ЮНОШЕ И О ХРАБРОМ ВИТЕЗЕ БАВВЕ КОРОЛЕВИЧУ И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО ДРУЖНЕВНЕ КОРОЛЕВНЕ

Бысть в великомь граде Антоне славний король Гвидон. Охочь бил он Гвидон в чистомь поле тешится с соколами и яструбами. И восхоте он Гвидон женится, и призва к себе славних витязей, бояр и протчих вельможей, и рече к ним: — «Где мне скажете невесту от.....[1]» — И рече некоторий человек именемь Личарда: — «Преславний король Гвидон, есть у короля Барбона дщерь именемь прекрасная Милитриса». — И король Гвидон скоро отпущает послом Личарду к королю Барбону и написал лист: — «Аще не отдашь за меня дщери своей Милитрисы прекрасной, то я твое царство попленю, а самого тебе под мечь подклоню, а прекрасную Милитрису за себе возму».— Король же Барбон прочетши тот лист призвал всех своих бояр и вельможей, и рече им: — «За которого короля лучше мне [отдать] дщерь свою Милитрису, за славного ль

[1] Пропуск в рукопису

и доброго короля Гвидона, или за короля Дадона».— Король же Барбон восхоте за короля Гвидона отдать дщерь свою Милитрису, и рече к послу Личарде: — «Скажи от меня славному королю Гвидону, чтоб он пожаловал ко мне с тобою».— Личарда же не вспущая время и поехал во град своя. Милитриса же не восхоте за короля Гвидона, и разболеся болезнию тяжкою. Личарда же приехал к королю Гвидону, и сказал ему чтоб ехал к королю Барбону, и взял бы за себе Милитрису прекрасную. Король же Гвидон от посла услишал радость и нарядился в парчи дорогоценние, и поехал з своими храбрими витези и с оним Личардою к королю Барбону, и бысть у короля Барбона взял король Гвидон прекрасну Милитрису с великою честию. И бысть у короля Гвидона в королевстве и во всем граде радость великая.

Король же Гвидон прекрасную Милитрису любит всем сердцем, Милитриса же не любляше короля Гвидона. И не по мнозе времени зачение Милитриса во чреве своем детище, и егда прийдоша день того рождения, и родила прекрасного сына, и нарече имя ему Бавва. Отроча родися весьма прекрасн: очи имея светли, аки лучи солнечние, волоса на главе облицаються аки злати, лице румяное аки предрагие цветы; и стал Бавва ходить по полате и тешится разними потехами.

И прекрасная Милитриса призва друга нелюбезнаго своего и нача его лестию как бы известь, и не могла ничем ево искусить, как бы смерти предать. И потом в некое время вишел Гвидон ис полати, и в то время ж Милитриса прекрасная к себе слугу своего Личарду призва и рече ему: — «Пойди от меня во град Маганский, к королю Дадону, и скажи ему от меня ж так: аще ти господин Дадон хощеш прекрасну Милитрису за себя взять; и он бы собрал войска своего несколько тисяч, и подойди под сей град Антон, а я вишлю мужа своего короля Гвидона на ловлю звериную, и король Гвидон не возмет з собою ни еднаго оружия, только с ним будет 20 человек охотников, и те без оружия».

И рече Личарда: «О государиня моя, прекрасная Милитриса Барбоновна, как мне на государя своего такую пакость навести».— И рече Милитриса: «Аще ти сего не сотворишь, и я на тебе великой гнев от Гвидона наведу, что он тебе злой смерти предасть и в котле сварить».— Личарда же убояся того слова и поклонися Милитрисе и рече: «Государиня моя, прекрасная Милитриса Барбоновна, рад твою волю творить и всегда тебе служить».

[Король Дадон, довідавшися від Лічарди про заміри Мілітриси, виїхав з військом до міста Антон, поблизу якого мав полювати Гвідон, і там забив його].

...И виде Милитриса, что убил мужа ей славнаго короля Гвидона, и возрадовався, и велела врата градские растворить и вийшла с своими храбрыми витезы, и встретила короля Дадона, и нача его, взявши за руку, любезно целовать, и поведе в королевские свои полати, и нача веселитися. А Бавва в то время был мал в три года, и ногами своими ходил, и в разуме полном был, как подлежит, и слишал во граде шум велик, и конское ржание, и виде людей иностранних, испужался и побежал в конюшню и в яслех закрился сеном.

А при оном Гвидоне был брат Скибалда, и нача плакать по государю своему брату королю Гвидону; и вздумал про своего племенника Бавву

королевича, сына Гвидонового, и стал его во граде искать, и нигде не сискал, и побежал в конюшню, и виде Бавву во яслех, и бисть радостен. И Бавва вопроси его Скибалди: — «Государь дядюшка, что в нашем граде шум велик, и видел я иностранних людей».— И рече Скибалда: — «Господин любезный мой племенник Бавва королевич, король Маганский Дадон пришол с своим войском, и убил отца твоего, а моего брата славного короля Гвидона, а матерь твою прекрасную Милитрису за себя взял. Можеши ли ты на коне сидеть? Как можеш, то поедем во град мой, данной мне от твоего отца — Суммин».— И рече Бавва: — «Я на коне сидеть могу, и возмем з собою шестьдесят человек конных же, и при оружении».— Поихали нотчю из града, и возвратился от них един человек к королю Дадону, и возвести ему о Бавве, что ушел з дядком своим во град Суммин, и взяли з собою шестьдесят человек оружних, и как Бавва в возраст настоящий и силу возьмет, то отмстит смерть своего отца на тебе.

Дадон же велел собрати войску; и собрал 50 тисяч войска и побежали за Скибалдою и за Баввою королевичем, и спостигли их в луге. Скибалда же ушел, а Бавва убежать не могл, затем что мал еще, и взял Дадон [его] и привез во град Онтон...

[Скибалда, зібравши військо, намагався звільнити Бавву, проте мусів відступити. Дадонові ж приснився сон, нібито Бавва збирається його вбити, і він пропонує Мілітрисі, «дабы она злою смертию уморила Бавву королевича»].

А сына своего [Милитриса] скоро повеле посадити в темницю и не даде ясти и пити пять дней.

И в некоторий праздник пошла Милитриса в церковь, и увидев Бавва ув оконце с темнице, и возопи гласом великим: — «О мать моя лютая, прекрасная Милитрисе, за что ты меня сироту беднаго, своего сына, в темнице гладом мориш, и терплю всякую нужду и скорбь неповинную, прикажи меня про свое здравие напоить и накормить, поминаючи отца моего славного короля Гвидона».

И рече она: — «О чадо мое, Бавво королевич, забила я тебе в кручине своей, плачуще по отцу твоему королю Гвидону, а тебе велел король Дадон, наш неприятель, посадить в темницю».— И призва к себе девку, и велела ей, пришедши в дом, змею убить и изсечь, испекти у хлебцах пшеничних с змеиним мясом; и налила кубок лютого зелия смертного, вместо вина, и призва другую девку, и рече к ней: — «Возьми в руки сие хлебцы и питие, отнеси сыну в темницю, и говори ему так: господин Бавва королевич, прислала твоя мать тебе сие кушанье, а стряпала своими руками, поминаючи отца твоего славнаго и храбраго короля Гвидона».— Девица же принесла тое кушанье и подала ему в темнице и, смотря на его красоту, умилилась и рече: «Господин Бавва королевич, сие есть кушанье с змеиним мясом и лютым зелием». Бавва же не няше ей вери, велел кликать собаку, и отрезал хлеба того, и дал собаки; собака тую часть съевши и впал на землю. Бавва же начал горько плакати. Девица же зело печальна бысть, и даде ему своего хлеба часть, и пошла с темнице. Бавва же стал ей просить, чтоб не затворяла дверей в темнице, девица же даде ему волю.

Бавва же помолился богу, вишел ис темнице и запер темницю по

прежнему, и слез на ограду каменную 30-лактей в висоту, и скочил оттуду, и вшиб ноги, и лежал тамо много, пока пришел в чувство, и думал: «Аще мне итить ко граду Суммину к дядюшки своему, то сам попадусь у мучительские руки королю Дадону, и он меня убьет до смерти». И перекрестился, и пошел на волю божию, и нашол подля моря на пристанище морское корабельное и стал подля его ходить, и копать травное коренья и снести, от глада утоляючись. И жил подля моря 9 дней, и увиде по морю корабль плавает, и наче он Бавва великим гласом волати, и не мог докликатся за далеким разстоянием от берега кораблю.

И нескоро увиде корабелной гость купчин и стал з другим говорить: «Уже мы 30 лет по сем морю плаваем, и не видели на сем месте человека». И рекоша оба гости корабелние: «Аще то християнской вери, то ми его возьмем на корабль». И приплили к пристане, и един рече гость Бавве: «Как тебе зовут, чей сын?» И рече Бавва: «Аз рабинников сын парамонев, а мать моя била убогая жена, на добрых людей платья мила, тем себя кормила и мене воспитала».

Купцы же взяли ево на корабль...

...И приплили ко граду Армейскому, и поставили подля города корабли, а самы пошли возвестится королю Армейскому Зензевию, и стали просить для осмотру товаров. И он Зензевий послал трох человеки к тому определенних по указу, дабы осмотревши товаров взяли пошлину. И как оние для осмотров товаров пришли, усмотрели на корабле Бавву, и начали дивится красоти его, а товаров пересматривать и пошлини с кораблю взять, засмотревшись на Баввину красоту, забыли. И пошли с корабля и не знают, что королю Зензевию сказать про товари. И король стал их спрашивать про товари, и сколько пошлини взяли, и они возвестили ему: «Видели на корабле юношу зело прекрасного, очи у него аки лучи солнечние, а лицо румяное, аки предрагие цвети, власи же блищашеся аки злато, ибо не видели таковаго юноши, кроме сего, от рождения матери своей, и затем забыли смотреть товаров». Король же изумелся и не поверил оным, посла других. И оние, как пришли к кораблю, и увидевши Бавву, и смотрели на него много с пилностию, и сойшли с корабля, и пришли к королю Зензевию и возвестили тож, как и прежние. И тим король не поверил, и пошол сам на корабль; и виде Бавву королевича, и весьма дивился с пилностию красоте его. И рече гостям корабелним: «Чей у вас детище?» Они же сказали ему, что найшли на берегу морском, и рече им король Зензевий: «Продайте мне сие детище, а сами торгуйте в моем граде безпошленно». Они же отвещаша: «Нам нельзя его продать, что он в нас общий». И рече король: «Аще жви сего юноши не продасте мне, то не бывать во граде моем Армейском и велю вас смерти предать». Оние же купцы убояся того слова, и рекоша: «Господин король, что даеш?» Король же дал им сто литр злата, и веле им торговать безпошленно и взял Бавву с корабля во свои королевские полати и стал спрашивать: «Которого ты королевства и какова отца сын и как тебе имя?» И отвеща ему Бавва: «Господин король, аз есмь рабиников сын парамонев, а мать моя была убогая жена, на добрих людей платя мила, и тем себя кормила и мене воспитала». И рече ему король: «Когда ж ты не от великого роду, пойди ж ты на конюшню мою, буди ти над конюхами смотритель». Он поклонился и стал служить верно.

И стали все витези и все королевские дивится Баввиной красоте и услишала про Бавву королевича дщерь короля Зензевия прекрасная Дружевна, и прикладует мисли в себе, как бы его у себя видеть, и сотвори бал созвавши некоторых девиц фрейн, и приде Дружевна ко отцу своему, и сказа ему: «Имею я у себя 30 девиц и отрока не единаго нет, которого ты мой родитель купил на корабле и дал за него великую цину, отпусти ко мне его послужить нам». И сказа Зензевий: «Чадо мос милое, которой тебе слуга люб, то возьми». И призва король Бавву и рече к нему: «Рабиников, пойди к дочере моей Дружевни и служи ей правдою». Бавва же поклонился и пошел скоро, и прийде ко Дружевне, и поклонился всем тамо предсидящим, прекрасная же Дружевна виде Бавву, и возлюби всем сердцем, и рече ему: «Стряпай предо мною и пред девицами. И нача Дружевна з девицами гулят веселяся, и засмотрелась на него Бавву и ронила нож под стол, Бавва же подскочил скоро и узял ножик и подал ей, она же взявше его стала любезно целовать, и он вирвался от ней, и сказал ей: «Государиня моя Дружевна, не подобает тебе хлопа целовать». И потом все девици разойшлись, и Бавва на конюшню пошел.

А в то время король Маркобрун приехал к королю Зензевию, чтоб он отдал за ево, Маркобруна, дщер — Дружевну прекрасную, и восхоте Зензевий отдать дщер свою взамуж за Маркобруна, и назва его зятем, и стали гулять и всселится и поехали в чистое поле тешится. И взял з собою Маркобрун своих витезей и бояр, а Зензевий велел Бавве королевичу за ним ехать, и взял Бавва коня лутшаго с конюшни и поехал за своим государем Зензевием. И как виехали все в чистое поле — и стали гулять и забавлятся разними потехами.

И стали же Маркобрунови витези з Баввою резвится, и не могут ево все одолеть, а он как снопов с коней метает, и смотрели все цари и князи. И Маркобрун Бавву виде, что ево витезей храбрих всех одолевает, и росердился, и хотел Бавву убить. А Бавва, видя, что Маркобрун на ево сердится, и поехал оной на конюшню, и стал спать, и спал пять дней. И востал от сна, и приехали конюхи с поля с травою для корму лошадей, и вибрал Бавва разних цветков, и свил себе винок, весьма красен, и надел на свою голову. И увидала Дружевна на Бавве королевичу винок весьма красен, и призва его во свою особливую полату, и стала в его винка просить, и рече Бавва: «Не подобает тебе хлопского винка носить». Она же рече: «Аще ти сего винка мне не даш, то я велю тебя злой смерти предать». Он же бросил на землю винок, а ей же не дал в руки, и рек: «Неповинна душа и не пристрастна ко смерти». Королевна ж взяла винок и наложила на свою голову, а на ево больше сердца не имела. Он же осердился и побежал с полати и вдарил дверьми так, что и полати затряслись, и упаде сверху камень и ударил по главе, и пробил главу. Дружевна же виде под ним причину и взяла вторично к себе ево, и стала лечить драгими мастьми, и вилечила вскоре; и пошел он, поклонясь ей, на конюшню. А в то время пришол к королю Зензевию Задонский цар Салтан, и с ним войска многое множество, и сын у его Лукапер, а ростом он Лукапер трех сажен, и имеет в себя между очима стрелу. И стал подля города Армейского Зензевиевого, и прислал Салтан к Зензевию посла, дабы отдал он Зензевий дщер за его сина, то сказал так,

что его царство попленить, и ево убыть, а дщерь за сына своего взять. А он Зензевий согласился з зятем своим Маркобруном супротив его Салтановой сили стать, с своими войсками, и отказал Салтану, ибо де моя дщер сыну твоему не в равенство. И собрал Зензевий войска своего множество, и Маркобрун своего, и пойшли супротив салтановой сили, и сойшлись друг против друга, и стали бится великим побоищем, и бились много дней. И не мог Зензевий з зятем своим Маркобруном против его устоять; и победил Салтан, побил Зензевиево войско, а ево з зятем взял, з сином своим стали на упокой для роздиху войску своему и себе, а которие вбежали с зензевиевого войска ко граду Армейскому люде малое число, и горько плачливи, и возвестили его дщери Зензевия Дружевни, о нещастном прибивании ей отца и Маркобруна. Она же Дружевна скоро услишала, что отцу ей и Маркобруну несчастное пребивание, и побежала в конюшню и разбудила Бавву королевича, названого рабиникова, которой сам себе назвал убогим человеком и рабиниковым. И пробудился он от сна, и сказа она Дружевна ему: «Али ты не знаеш, что пришол з Задонска цар Салтан, з сыном своим грозним Лукопером и с многим войском и побил и наше и Маркобруново войско, а самих в полон взял, а которое войско наше малое число вбежали от того побоища, то оние ниже здесь, и скоро де он Салтан з сыном сюда прийдут и возьмут мене».

И рече Бавва к Дружевни: «Аще бы был у твоего отца, а в моего государя, доброй богатирской конь, и вся би зброя богатирская, то я послужил бы богу и государю своему Зензевию».

Она же ему сказала: «Могла бы я тебе коня сказать доброго богатирского, только ты не можеш сидеть на нем, затем что млад, и в Салтана сын великий грозен, он тебе одолеет; не езди туда, а мы затворить велим крепко врата градские, и возьми меня за себя». У него же Баввы богатирское сердце разгорелось, не может ево Дружевна утолить, и велела: «Привести коня богатирского, на котором он Зензевий отец мой воевал, и ти на нем не можеш сидеть».

И привели тово коня, и он Бавва сам ево убрал как подлежит к баталеи, и виде Дружевна, что конь стал в ево руках смирен, и сидит и проежает по двору как храброй богатир, и дала она ему всю зброю отецкую: меч и копие и оружие; виде же все ево храбрость и возрадовались, что сидит на коне крепко. И хотел он Бавва ехать, и взяла она Дружевна ево за руку, и стала любезно целовать: «И скажи мне всю истинную правду, ибо я вижу, что ти не простого рода, какова отца сын, и как тебе имя, и которой матки? Ибо ти едеш на смертний час, и в мене по тебе сердце сокрушается, что тебе весьма люблю, и как тебе поминать».— «Государиня моя, Дружевна прекрасная, скажу тебе всю истинную правду,— я рода королевского, славного короля Гвидона сын, а матери прекрасной Милитриси, от града Антона великого».— Она же ево взяла и стала любезнейше целовать и спрашивать: «Как тебе отец мой Зензевий на корабле купил и как на корабль взят гостьми корабельними?» Он сказал ей: «Не могу я тебе сказать, ибо больше пробавлюсь, а там твоего отца убивают».

Она же ево, Бавву, провождаеть до градских врат. И виде некоторий человек именем Августим, которому Зензевий цар все свое царство во отъезде на баталью приказал смотрить. И рече он Августим: «Не подобает коро-

левне хлопа на коня садить». Бавва же возвратился к нему Августиму и ударил ево тупим концем копиом в грудь, и он паде на землю аки мертв.

Бавва же королевич перекрестился и простился з Дружевною, и поехал против неприятелей своих, а Дружевна же влезла на високую горницу и смотрела на Бавву королевича.

И всмотрел Лукапер Бавву, и показал против его: — «Я тебе злой смерти предам».— Бавва же рече к Лукаперу: — «Что рад моей смерти, прежде меня сам умреш от рук моих».— Он Лукапер разгорелся: — «Мне ли от тебя смерть принять? Не только тебя, но короля Зензевия и с Маркобруном в полон взял, и войско их порубил».— И у Бавви королевича сердце богатирское разгореся. И разбежались, и ударил Бавва Лукопера в грудь копием, и вихватил меч с пагалища и разсек главу на две части, и войско его своим малим числом войска [начал] быть и рубить и всех порубил. Только один богатир именем Сахан изранен весь и изсечен, прибежал сколь мощно к королю Салтану в лагере на пристанище морское. Салтан же виде своего войска нет, стал спрашивать про сына своего Лукапера, все ли здорови, и взял ли за себя Дружевну дщер Зензевиеву, Сахан же сказал ему, что из Армейскаго царства внехал храброй богатир и разсек Лукаперу главу, и войско наше все порубил, и сюда скоро будет, и хочет тебя самого в полон взять. Царь Салтан услышавши такие речи от Сахана богатиря своего, и ударив себя жезлом в груди и пал на землю аки мертв.

И как усмотрели Бавву королевича, скоро бегуща к ним, то они подняли от земли Салтана и несли на корабль, и сами на корабль метатись, а иние не уйшли, и как скоро Бавва королевич прибежал з своею Армейскою малою сылою, и нача их остальных салтанових войсков быть, и побыл не упустя ни еднаго.

...А сам пришел в салтанови лагери, и виде лежащих связанних Зензевия и Маркобруна, и велел Маркобруна развязать, а Зензевия сам развязал, и дал им по коню. И они ему стали благодарить и поехали ко граду Армейскому, и стал ему Зензевий благодарить, и сказал: «Желаю тебе ближнюю бояриню», и стал спрашивать, как з Лукапером бились, и он все возвести. А Бавва в то время был семнадцать лет.

И виде от града царя своего Зензевия и других с ним всех граждан, идущих ко граду Армейскому, дщер его Зензевия со иними ж гражданами, с великою радостию и честию встретила, и прослави бога во граде своем Армейском.

А сама Дружевна взяла за руку Бавву королевича и пришла с ним ко отцу своему Зензевию, и рече к нему: «Господин батюшка, Зензевий Андорович, не отдавай мене за короля Маркобруна, не желаю я; я желаю за славного и храброго богатиря Бавву королевича, ибо он от великаго рода, а он тебе не смел сказатся, что королевич, а он истинно королевич, от великого града Антона, сын славного короля Гвидона, а от матери прекрасной Милитриси, а се он избавил от напрасния смерти и от такова безславия всех нас».

Король Зензевий и восхоте за Бавву дочь свою Дружевну отдать. И не по мнозе времени содружили Бавву королевича с прекрасною Дружевною, и пожаловал им коня своего богатирского, на котором Бавва воевал, и все свое королевство Армейское.

[Дворецький, щоб помститись Бавві, послав його — нібито від короля Зензевія — до Салтана з листом, де повідомляв, що Бавва вбив його сина. Салтан хотів повісити вбивцю, але дочка його Миргирсея закохалася в Бавву. Проте Бавва відмовляється одружитися з королівною й тікає з ув'язнення. Корабель привіз його до землі короля Маркобруна, якому Зензевій віддав Дружевну, вважаючи, що Бавва десь загинув].

...И виде Бавва некоторий град, и восхотелось ему с короблля сойтить. И виде риболова, плавающего по морю лоткою, и рече рыболову: «Приплинь сюда, продай риби». И продал оной риболов Бавве риби, и дал ему Бавва много злата, взявши в корабельщиков. Риболовов же приял з великою радостию. Рече же к риболову Бавва королевич: «Которого ти государства, и кто в том государстве королем?» Риболов рече: «Сей град Маганский, в нем король Маркобрун, а завтра сватба буде в короля Маркобруна; и взял он Маркобрун у короля Зензевия дщер прекрасную Дружевну, и была в ней Дружевни заповедь, чтоб три года не совокуплятся с Маркобруном, затем что вижидает она прежнего мужа своего Бавви королевича».— И услыша он Бавва такие речи, и сказа ему: «Свези мене в лотки ко брегу, я тебе еще столько злата и сребра дам». Корабельщики же возрадовашася, что хощет Бавва с корабля бельщикам оставил своего коня.

И риболов свез его на брег, и пошол Бавва ко граду Маганскому, и виде на дороги идущего старца пилигрима, которой поил его спящим зелием, и взнал свой меч в него, и хотел его срубить, и рече ему Бавва: «Помниш ли ти, пилигриме, как меня упопл спящим зеллям, и я там спал 6 суток, и взял ты в мене сей меч, и платье многоценное?» Старец же устрашися и не даде ответу, аки нем, и взмолися Бавве королевичу: «Государ Бавва королевич, не бий меня убогого старца, я дам тебе три надобние вещи». Бавва же сказал ему: «Какия надобния? Когда полезния, подай мне».

Он же старец дал три зелия: первое спящое, от которого спать иметь 9 дней и 9 нощей; второе — как умиется, то будет черн аки угль; третте— белое, как оним потрет свое лице, то будет попрежнему бел. И Бавва оние зелле взял в старца, и рече к нему: «Дай мне, пилигриме, свою худую одежду, а тебе драгоценную». И рече старець: «Мне твое платье не подобает носить, ибо у мене разбойники отимут». Бавва же насильно сорвал с него худую одежду, а свою ему отдал, и умился черним зельем, и стал черн аки угль. И пришел во град Маганский, и виде врата заперти, и стал просить стража: «Пусти меня, убогого старца многогрешного». И рече стража: «Не велено пущать никого во град сей до трох дней». И рече Бавва, называемой старец, к стражу: «Пусти, аз умру». Страж же пустил старца во град, и сказал ему: «Пойди, старче, к королевским полатам, там прекрасная Дружевна сама нищим милостиню дает, только Бавви королевича не поминай, понеже запрещено поминать под смертною казнию».

И пришол Бавва на королевский двор к полате, повар же стряпает кушанье, а Бавва к ним пришол, и стал просить в них милостины, ради бога и пресвятыя богородицы и для ради славного королевича Баввы. И рече повар: «О окоянний старец, что ты Бавву поминаеш? У нас заповедано так, кто бы Бавву королевича помянул, то злою смертию каз-

нить такова человека». И прийде лутший повар и вдарил Бавву головнею, вихватя з жару. А Бавва ухватил того повара за ногу и ушиб до смерти, и закричали увси повари: «О злодей старец! За что убил лутшаго повара?» И послали по дворецкого. И пришел дворецкий в поварню: «За что ти, старец, поваря убил?» Повари же другие говорят, что пришел сей старец просить милостины и упоминал Бавву королевича, и той повар взял головню з жару, ударил сего старца, а сей старец взял ево за ногу и ушиб до смерти. И рече дворецкий к Бавве: «Для чего поминаеш Бавву королевича, ибо должно тебе злой смерти предать».

Бавва же рече к дворецкому: «Господин дворецкий, не вели меня убогого старца убить, я вашей заповеди не слихал и во ваш сей град ныне пришел». И дворецкому то слово полюбилось, и рече к Бавви: «Ботам сама Дружевна нищим старцам милостиню дает». Бавва же поклонился ему.

И пришел на другой двор, и виде много старцов, больше пяти сот. И пришел к крильцу, к Дружевне ближе, и стал милостини просить ради спаса и пресвятия богородицы и для ради славного и храброго витези Бавви королевича. И услишала Дружевна от старца такие речи, и рече к нему: «Отче пилигриме, пойди ко мне в полату». Старец же пойде в полату к Дружевне. И она рече к нему: «Для чего ти Бавву поминаеш? Или где ти его видел или слишил?» Он же рече: «Государиня моя, прекрасная Дружевна, я з Баввою в Задонскаго царстве, у царя Салтана в глубоком погребе сидел. И оттуда вишли, и шли мы одним путем, и в недалеком разстоянии от сего града разойшлись: он Бавва пошол налево, а направо я, и пришел в сей град сего числа».

И разболеся Дружевна сердцем своим по Бавве королевичу.

[Бавва признався Дружевні, хто він; його пізнав також його богатирський кінь. Напоївши Маркобруна зіллям, від якого той заснув на дев'ять днів, Дружевна тікав з Баввою. Маркобрун, прокинувшись, дізнався про їхню втечу].

...И бысть Маркобрун нерадостен. И повеле собирать войска своего много множество, и собрал восемьдесят тисящ воинов и послал в погонь за Баввою и Дружевною. И пришло тое войско к тому чистому полю, то услишал Бавва войска того шум велик и конское ржание, и увидел Маркобруново войско близ намета. И оседлал своего доброго коня и взял щит свой, копие и меч. И поехал с великою храбростию, и нача войско рубыть, и в три часа все войско побил, только двух воинов оставил и сказал им, чтоб возвестили королю Маркобруну, чтоб он впредь свое войско напрасно не терял, ибо он, Маркобрун, и сам про меня знает.

Онии же воины поклонились ему Бавве, и отъехали к Маркобруну, и возвестили ему, что «Бавва все войско 80 000 побил, только нас оставил, и велел нам, чтобы мы тебе объявили, чтоб больше не терял войска своего напрасно, яко про его и сам ведаеш».

Маркобрун же, слишавши такие речи, и собрал всех своих бояр, витезей, и богатирей, и сказал им: «Аще бы кто с вас могл, Бавву ко мне чтоб представить, то я ему дам много злата, и серебра, и других даров, и что он пожелает и пожаловал бы его болыпим боярином». Оние же бояре и всы витезы королевские рекоша к нему, что не можем Бавви взять.

«Но только в тебе есть в сем граде сидит в темницы 30 лет, сильной богатир Полкан, он может Бавву з Дружевною взять, и представить тебе». Маркобруи же велел с темнице випустить и привесть к нему. И приведоша Полкана к нему, и он вопроси Полкана: «Можеш ли ти Бавву, Полкане, з Дружевною сюда представить?» Полкан же рече: «Вели, чтоб мне зделали палицю железную в 30 пуд, то я могу взять Бавву з Дружевною». То изделали палицю в 30 пуд и дали ему и дал ему Маркобрун сто литр злата.

И оной Полкан взял тую палицю, и погнал за Баввою, и прибежал близко к намету Баввиному, и вишел Бавва с намета, и виде богатиря идуща скоро с великою палицею и не вспел коня оседлать, вскочил на неседланного коня и взял меч обнажен, и збежались с Полканом. И хотел Полкана в грудь ударить мечем, и упустил меч из рук своих на землю, а Полкан богатир вдарил его палицею, и зшиб с коня, а сам скоро скочил на баввиного коня. Конь же узнал на себе воина недоброго, и побежал с великою яростию тот конь, в степу и по лесам, и об дерево Полкана всего побил, и кожу всю ободрал, а он сидит на коне только жив.

Бавва же пришел во свой намет, как ни в чем не бывал вредим, и рече к Дружевне, что меня сильний богатирь прибежал и изшиб с коня. И принес конь на себе Полкана, мало живого до намету. Дружевна же вишла из намету и видела Полкана и рече к нему: «Господин богатир, лутше бы вам з Баввою мирится, нежели в драки состоять, понеже Бавви королевичу нет супротивника». Полкан же рече к ней: «Государиня Дружевна, я бы рад з Баввою мирится, разве он со мною не помирится, ибо у Бавви сердце богатирское разгореся, то он меня убпет». И рече Дружевна к Бавве: «Господин Бавва королевич, помирись с Полканом ради моей прозьбы». Полкан же с коня в силу слез, и пришед к полатке королевичовой, и пал пред Баввою на землю; и стал просить прощения: «И буди воля твоя надо мною».

Бавва же простил ево, и велел ему чтоб под Бавву коня седлал, а под Дружевну виноходца, и как Полкан приступил к коню, то конь стал ево быть ногами; и виде Бавва, что конь Полкана биет, и взял и оседлал сам. И поехали с того места, а Полкан за нимы пеш идет.

И пришли в третие сутки ко граду Костюле. И виде их цар Орел, и встретил з своими двома сынами с великою честию и поведоша Бавву з Дружевною и Полканом во своя полати. И пребивали там в цара Орла два месяца. Увидал же король Маркобрун их тамо живущих и просил, чтоб Бавву с Дружевною и Полканом цар Орел ему отдал, и собрал войска своего Маркобрун многое число, и пошел под Костюль. И был с пушок во врата Костюле денно и нощно, не отступася ни мало. И видя цар Орел Маркобруна неспокойство и великую досаду. И пошел против Маркобруна с своими сынами и войском многим. И бились много, но не могл Орел цар устоять. И побыл Маркобрун все войско Орлово, а самого Орла з сынами его в полон взял, и хотел ево во свой град взяти. Цар же Орел стал в Маркобруна слезно просится, сказивая ему то, что отпусти меня во свой град Костюль, а мои сыни в закладе будуть, я тебе из своего града Костюль Бавву королевича з Дружевною и Полканом видам, и дай мне своего войска.

Маркобрун же даде ему на волю и отпустил ево и дал ему войска своего много. Цар же Орел пришел во свой дом нотчу и сказал царице своей, что меня Маркобрун ис полону випустил, а детей наших оставил у себя в закла́де. Царица же ему препятствуючи просит его и говорит: «Проси ты Бавви королевича, он Маркобруново войско все порубит, и детей на́ших ис полоню освободит». Орел же цар ударил царицю (за такие речи) в щоку. Се Полкан в то время не спал, и услишал, что цар Орел ударил свою жену по щеки. И у Полкана сердце богатирское разгорелось и не мог стерпеть такой досади. И пришел в полату, где цар Орел, и взял ево за бороду, и стал бранить, и ударил его о землю, и ушиб до смерти и отшел оттуда и прииде к Бавве и нача ему сказивать, что слихал от цара Орла речи.

Бавва же услишал от Полкана такия речи, и потом усмотрел, что Полкан ему верно служить; и пошол Ба́вва на конюшню, и оседлал своего доброго коня и взял всю богатирскую зброю. И Полкан взял свою палицю, и пойшли против Маркобруновой сили и билися три часа, и побыли все Маркобруново войско, а самого Маркобруна не видели, как зшел. И взяли ис полону орлових детей, и приехали с ними во град Костюль и велел Бавва во место Орла царствовать большему сыну орлову. А сами поехали из града.

И ехали трое суток, и стали в лугу, и роспяли королевскую полатку. А Дружевна в то время родила двух сынов, и нарекли имя им, едному Скирб, а другому Волостим, и послихал Бавва шум велик, и велел брату своему Полкану, чтоб пошол проведал, какое то войско идет, и кто с ним, цар или король. «А мне тепер не время, ибо в меня Дружевна недомогает». Полкан же взял свою палицю и пошол, и тайно подшел поблизу к тому войску в нощи, и ухватил еднаго человека, и принес скоро к полатки Баввиной. И стали того человека спрашивать о том войскы, чие то войско, и кто с ним, цар или король, и куда идет. И тот человек сказал, что «тое войско идет от велика града Антона от славного короля Дадона, и сам король Дадон идет к царству Армейскому, затем, что ему слишно, что там в том Армейском царстве живет недруг наш Бавва королевич, и мы его Бавви идем брать».

И у Бавви королевича сердце богатирское разгорелось, и рече к Полкану: «Брате мой Полкане, побереги моей жени Дружевни, а я пойду против Дадона и сили его». И скоро Бавва прибежал к тому войску, и стал их быть, и кони смешались, от великого страху друг друга стали колоть. И самого короля Дадона всего изранили, и в силу Дадон ушел во свой град Антон, а Бавва остальное стал рубить а всех побыл.

А Дружевна вийшла ис полатки, ради скуки, думала бо, что Бавву убыли войско Дадоново, и увидела двух бежащих к ней скоро львов лютих. И она возопи великим гласом к Полкану: «О Полкане, мой брате, избави меня от сих лютих львов!» И услишал Полкан скоро, и взял свою палицю, и побежал с полатки, и ударил еднаго льва по главе и ушиб до смерти, тако ж и другаго, а он тот лев и в его Полкана вирвал грудь, и бысть их тры мертвих.

Дружевна же видя тое, что Полкан львов побыл обоих и сам умер, а Бавви не дождалась, и помишляла, что Бавва убыт, и плакалась горько; и взяла сынов своих и испеленила, и пошла в некотории в царства, по-

тершись черним зелием. И не могли ей никто узнать, что от великаго рода, и називала себя убогою женою.

А Бавва, порубивши тое дадоново войско, и прибежал к полатке и виде, что Полкан мертв и двох львов убыл, и думал, что Дружевну з детьми съели, и плакался горько. И взял черного зелия и потерся ним, и быст черн аки угль, и поехал от того места, а Полкана в землю положил.

[Бавва потрапив у царство свого дядька Скибалда, взяв у нього військо й пішов під місто Антон, щоб помститись Дадонові за смерть батька. Він тяжко поранив Дадона, а все його військо побив. Потім — під виглядом лікаря — він проникнув до Дадона в палац і мечем відтяв йому голову. Показавши голову Дадона матері, він наказав покласти живу Мілітрису в труну й закопати її в землю. Сам же він послав у Задонське царство до Салтана — сватати за себе його дочку, «прекрасную Миргирсею»].

А Бавва королевич свой жени прекрасной Дружевни и отчаял виделъ, и помишлял, что звери съели. Оная же Дружевна ходила з своими сынами по многим государствам, и не могла Бавви сискать. И в десятой год пришла она в тот град Антон, и стала в некоторой жени удовствующей. И начала спрашивать той жени: «Далече ль от сего града Армейский град, и кто в ней царствует?» И рече ей оная жена: «Отсель град Армейский в далеком разстоянии, и в том граде царствовал король Зензевий, он же умре, и по нему королевствует постельник ево Юрлоп». Она же нача горько плакать по отцу своему Зензевию.

Потом и спросила про сей град. И отвеца ей та жена: «Сей град Антон, а царствует в нем славний и храбрий витез Бавва королевич». И услишала Дружевна такие речи про Бавву королевича, и бысть зело радостна. И утолясь от плача по отцу своему и глагола той жене, что сей Бавва королевич мой муж. Оная же жена отвеща ей: «Несть ты ему жена, ибо ему нине из Задонского царства, от цара Салтана доч ево, Салтана, прекрасную Миргирсею привезли в жену, и будет вскоре свадба».

Дружевна же, вислушавши тое, и велела детям своим пойти к цару Бавве королевичу и отдать ему поклон. Дети же пойшли в полати Бавви королевича, и поклонилися Бавве королевичу. И виде Бавва юношей тех зело прекрасних и вопроси их: «Которого государства и которого богатиря или боярина, и чего ради ко мне пришли?» Они же ему отвещают: «Мы в твоем государстве пришельцы, а дети славного и храброго богатиря Бавви королевича. И нашого деда убыл король славний Дадон, и мы в чистом поле в полатки з своею маткою прекрасною Дружевною остались по отцу. И мать нам сказовала, что на третий день ростались с отцем, и пришли мы к вам поклон дать».

Бавва же вислушавши та стал горько плакать, что про Дружевну сказивают. И отвеща им: «Мать ваша не есть прекрасная Дружевна, ибо Дружевна хотя и осталась в полатки, только ей звери з детьми съели». Оны же к нему говорят, что истинно Дружевна мать наша здесь во граде в живих. Он же им не верил, но велел их мать к себе привести. Они же поклонились ему и пойшли к матере и стали сказивать, что точно Бавва королевич им сказивал.

Дружевна же вбралась в платье драгоценное и пришла з детьми своими в полату к Бавве королевичу, и виде Бавва королевич, что

истинно жена ево прекрасная Дружевна, и бысть весьма радостнейшие. И нача тешится, и бысть во всем граде радость.

И не по мнозе времени совокупил своего большого сына с прекрасною Миргирсею. А за брата своего Никиту взял в том граде Антоне, в некоторого боярина девицу тую, которая свободила Бавву королевича в темнице. И велел своему дядки Скибалде собрать войска много, и пойтить под град Армейский и взять в полон короля Юрлопа, и привезти к нему, а брата второго Никиту сына Скибалди, там короновать на королевство, и пребывать Никите тамо державцем. Скибалда же взял войска своего несколько тисящ и сына своего Никиту с невестою прекрасною и подшел под град Армейский, и стал в тот град Армейский не пушок быть денно и нощно. И бились много с Юрлопом и не мог Юрлоп устоять, и отворил врата града Армейска, и вступил Скибалда во град Армейский, и связал крепко Юрлопа и отдал под арест. А сына своего Никиту там во граде Армейском короновал, и поставил ево на королевство. А сам отъехал от града Армейского, и привез Армейского бывшаго короля Юрлопа к своему племеннику королю Бавве королевичу и привел в полати; и виде Бавва королевич недруга своего Юрлопа и стал ему говорить: «За что ты, Юрлоп, сослал меня с дворецким из града Армейского в место якобы от цара Зензевия к цару Салтану с посельним письмом, и написано было там под короля Зензевия руку, чтоб меня король Салтан злой смерти предал». И Юрлоп не имат что отвещат. И взял Бавва королевич меч, и отсек Юрлопу главу. И потом стал Бавва королевич славен по всем государствам и королевствам и по всей земли.

Конец сему Баввиному похождению.

ПОВІСТЬ ПРО СІМ МУДРЕЦІВ

Історія мудреця Сіндбада, повість індійського походження, була винятково популярна як на Сході («Історія царя, його сина, наложниці і семи візирів» є в деяких версіях відомого арабського збірника «Тисяча й одна ніч»), так і на Заході — через латинський переклад. Вже з XII — XIII ст. з'являється ряд західноєвропейських переробок. Переробки полегшувала сама будова твору, складеного з ряду самостійних оповідань, зв'язаних лише спільною сюжетною рамкою про королівського сина, якому загрожує смерть через мачуху і якого рятує тільки мудрість вихователів. Звідси величезна різниця між окремими обробками, де одні оповідання часто замінялися іншими; змінювалися й місце подій, і дійові особи: в популярній латинській обробці це вже римський цезар і його син.

Величезне місце в цьому збірнику новел займає улюблена середньовічною літературою тема про жіночу «злобу», хитрість і легковажність. Увійшло сюди, між іншим, також оповідання про старого рицаря і його молоду дружину, яке знаходимо в «Декамероні» Боккаччо.

З латинського оригіналу на початку XVI ст. зроблені були польські переклади, один з яких, можливо, покладений в основу численних російських списків XVII ст. Проте останні навряд чи є безпосереднім перекладом з польської. Порівняно чиста мова, при наявності окремих західноруських рис, а також істотні варіанти, що встигли вже створитися на російському грунті за час існування повісті в нових соціальних і побутових умовах,— все це вказує на досить давній, можливо ще XVI ст., західноруський переклад, засвоєний російською літературою.

Окремих списків цього давнього перекладу в українських рукописах не виявлено; маємо лише короткий переказ повісті в Шаргородському збірнику 1660 р., зробленій безпосередньо за польським оригіналом.

Нижче наводимо з цієї обробки уривок вступу, оповідання перших двох мудреців і два перші оповідання королеви.

Текст подано за рукописом збірки Унд. № 527.

ГИСТОРІИ СПИСАННІЕ ВКРОТЦЕ ДЛЯ ЛѢПШЕЙ ПАМЯТИ О ПОНЦІАНѢ ЦЕСАРУ РИМСКОМ

ЯКО СЫНА СВОЕГО ДИОКЛЕЦИЯНА ДАЛ БЫЛ В НАУКУ СЕДМОМ МУДРЦЕМ, И ЯКО СЫН СМЕРТИ МАЛО НЕ ЗАЖИЛ ОТ ОТЦА ПРЕЗ МАЧОХУ, А ВИБАВЛЕН БЫЛ ПРЕЗ УЧНЕВ СВОИХ ОТ ТОГО ЧУДНИМИ ПРИПОВѢСТЯМИ ТАКИМ СПОСОБОМ

Понциан кроль рымский мѣл сына едного Диоклецпана и... дал его до науки седмом мудрецем...[1] его през сѣм лѣт. А гди понял Понциан цесар жону собѣ другую, котрая почала мислити, як бы сына его, що в науках, обачивши, уморити, аби потомок з ней дѣдицтво[2] отримал по отци. И упросила штучне аби цесар сына своего казал припровадити к собѣ, и послал. Мудрци, услишавши, глядѣли на звѣзди, ежели би щаслпвый пріизд был их из учнем до цесара, и постерегли смерть сыну цесарскому, чого ся Диоклеціан доглядѣл. Але гди ся там пріихавши през сѣм дний здержит, би жадного слова не мовил, тогди може быти здоров, що тиж и виконал. Видячи теди цесар гости здалека, потикал[3] их з великим триумфом, а учпеве обачивши зрадили ся, би ся где зостати и радити, як бы то вибавити от смерти Диоклециана, бо юж то мусѣло бути, а на седм дний затримались особне и оному мову заповѣли. А гди пріихал, отец его витал, а он ся тилько кланял, а не мовил.

[Мачуха безуспішно спокушає юнака, а потім обвинувачує його перед батьком. Мудреці затримують кару оповіданнями, на які мачуха так само відповідає оповіданнями. Наводимо оповідання першого мудреця].

«Был, мовит, един рицер славный и мѣл также едного сына еще малого и дал его ховати трем мамкам. А мѣл хорта барзе коханого собѣ и вдатного, также и сокола другого. А гди едного часу мамки оставили спячую дитину в колисце в дому, отийшли, тилко оний пес зостал в дому и сокул, уж, з муру вилѣзши, видячи самое дитя, хотѣл заисти и лѣз до колиски, а пес спал. Сокул видячи, иж смерть мае быти паняти, почал пишчати и скридлами трѣпетати, би пес вчувши ратовал; котрий, обачивши, порвал ся[4] до ужа, и великий час торгалися — уж до дитяти, а пес до ужа, иж всюда собою покривавили и колиску з дитям обернули, але не забили. Потим пес поконал неприятеля панского и почал, вкладшися, рани свои лизати. Зачим оніе мамки пришли и, обачивши колиску обернену и кров около неи, а пес лежал,— встрашившися и почали кричати и битися з жалю, же сами псом дитя стровили, и почали втѣкати преч. Пани их поткала, мовячи: «Гдѣ бѣгаете?» Рекли иж «сына твоего

[1] пошкоджене місце [2] спадщину [3] зустрів [4] кинувся

пес заил и боячися пана втѣкаемо». Она, услышавши, омдлѣла, и почала с плачем волати, біючися, и повѣла мужу своему, иж пес его коханий дитя заил. Онии рицер увѣривши юй [1], бѣг до хати и обачил розеляніе криви, и зараз хорта ласкающогося ростял; потим ся кинул до сына, поднял колиску и найшол дитя спячое, а ужа обачил под стѣною заморд[о]ваного, и зрозумѣл справу; взял кричати с плачем: «О бѣда ж ми, иж невинне так роскошного пса забил, котрий сына моего от смерти вибавил, а я его през жону свою згубил, бѣда же мнѣ!» «Овож и вам, цесару, би ся так не придало, абысь през жону не забил невинне сына своего, але уваж собѣ». И казал его завернути а до темницѣ отдати».

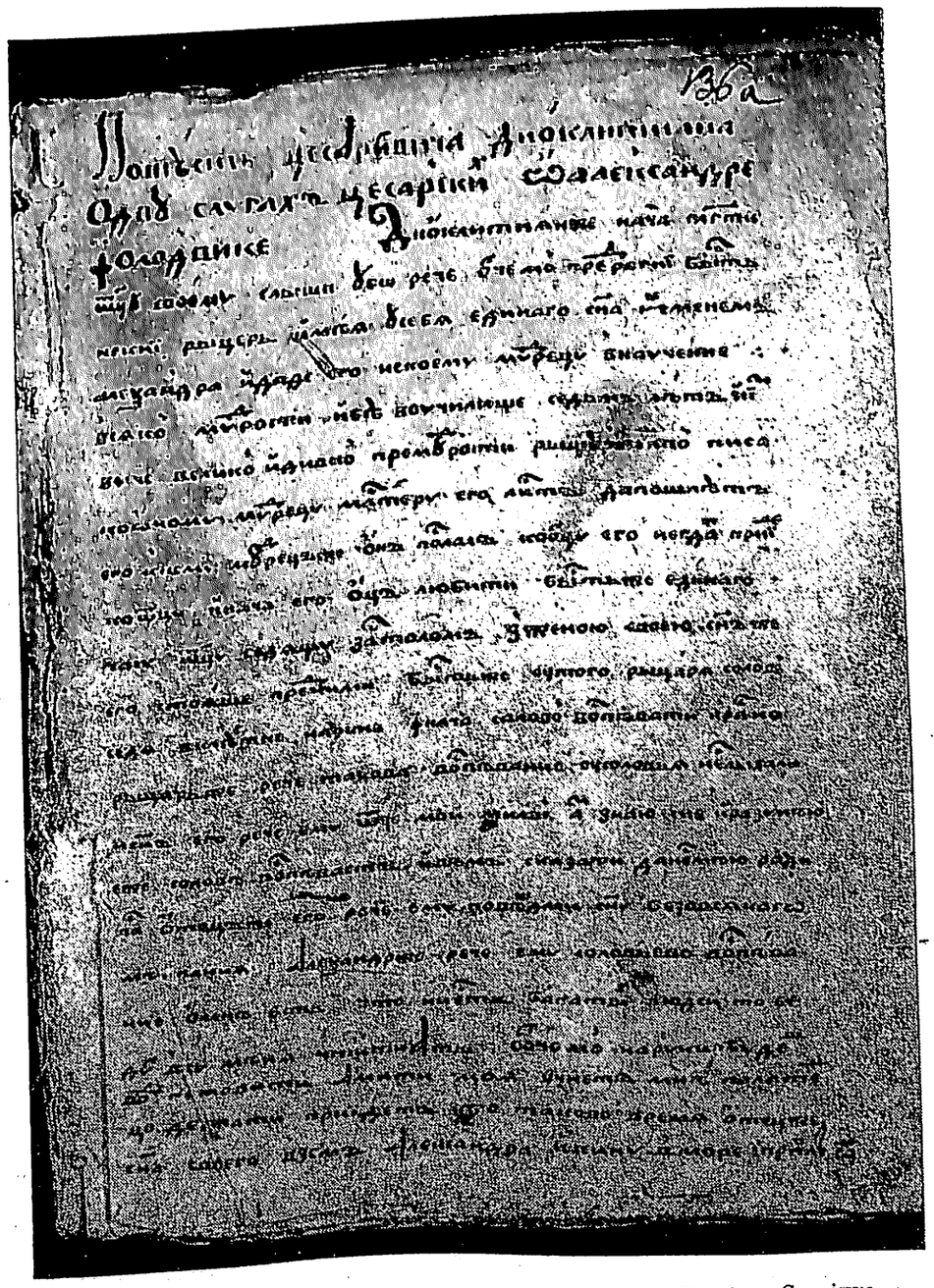
Цесарова, услышавши, взяла плакати знову соромоти своей и почала цесарови приповѣдати: «Аби ся и тобѣ, пане, не придало, як тому кролеви, котрий, вепря дикого имаючи в лѣсѣ, казал забити, бо силу людей забивал, за що обѣцал дочку свою дати. И обралъся хлоп един, забил его штучне и одержал кролевство. Так и вас бы не уловил сын ваш штучне, яко той хлоп вепра, аби кролевство одержал з позволеня своих учителей; того ся стережи». И знову на другий день казал его вести на загибел.

То видячи, другий учитель... просил, би ся здержали троха, аж ся вдаст до цесаря, также розмовляючі, яко и першій, и с такою припожону, а не бил ей завше вигодний. Теди взяла ся едного милосника [2] и хожовала потай от мужа в ночи. Трафилося, иж ся муж очхнул в ночи, не найшол жони: вкрала ключи спод него, одомкнувши комору, пойшла, яко завше замикал. Он порвавшися [3] побѣг и засѣл на ню, откуль буде ити. А обачивши, замкнулся в дому, не пускал ей, ажбы страж мѣсцкая на улици поймали и карности отдали, яко звичай был. Она, пришедши в ночи, встрашилася и просила его велце, би пустил, вимовляючися, иж до матки своей ходила, же юж умирає. Оний рицер, ганячи ей сродзе за чужоложство, не пущал, бі ей мѣским правом сромотне скарано. Теди она с плачем, пожегнавши ся [4] з ним и богу поручившися, йшла до студнѣ [5] там близко — втопитися: и взявши камѣнь великий, пустила в нюю, и стался шум великий в ночи. Он, услышавши, острашился, почал ся бити, нарѣкаючи на себе с плачем, и побѣг до студнѣ. А она ся скрила за двери, куди он вийшол. Она там, вхвативши, замкнула. Он ся біе над студнею, ляментуе за нею, а она ся, юж з окна глядячи, розсмѣяла, що он услышавши, зрадовался, хвалячи бога, и, пришед до дверей, почал просити, би его пустила. Она рекла: «О злый мужу, тепер ся я досвѣдчила, же ходиш по ночи... а не годилося би тобѣ старому. Овож тя там нехай страж найде, абис бил каран».

Он, видячи, же зле, боялся встиду, для бога живого просил ей велце, и не пустила, аж его на свѣтанѣ страж поймала и сромотне карали през жону его. Теди фалшивіе суть невѣсті [6], не треба им вѣрити. Так и ту сына вашего невинне удано, що пѣрвѣй зрозумѣти треба».

И так еще от смерти отволано [7] Диоклециана. Цесарова потим знову нарѣкала и намовила пана приповѣстю своею, котрую правіла так: «Ри-

[1] повіривши їй [2] коханця [3] схопившися [4] попращавшися [5] до криниці [6] жінки [7] відстрочено

«Сім мудреців». Заключна повість про Олександра і Лодвіка. Сторінка з рукопису XVII ст. (ЦНБ АН УРСР).

цер един з сыном ходили до цесара едного злота красти в недостатку своем, и пал там в яму отец, откуль сын его не могл виратовати; и втял ему главу, бы не познали нашедши его и не слава би была сынові; так и тобѣ, пане, бы сын не справил, за котрим ся убиваеш, а вѣк му откладает».

И казал его з темніцѣ знову взяти, бы завѣсили [1].

[Коли через сім днів дійшла черга говорити до Діоклетіана, він виправдався перед батьком. Мачуху покарано].

ВЕЛИКЕ ЗЕРЦАЛО

В українській літературі XVII—XVIII ст. досить був популярний збірник легендарних оповідань — «Велике Зерцало». Його прототип — величезний збірник «Speculum Magnum Exemplorum» («Велике Зерцало прикладів»), складений 1605 р. єзуїтом Іоанном Майором на основі середньовічного «Speculum Exemplorum» та інших джерел. Оповідання в збірнику, переважно короткі, взяті майже виключно з церковно-повчальної, церковно-історичної й легендарної літератури середньовіччя; лише окремі оповідання мають анекдотичний характер (переважно про «жіночу злобу»). Весь великий матеріал (понад 2000 оповідань) поділений для зручності використання проповідниками на окремі розділи відповідно до різних догматів церкви, моральних правил та ін.; пояснення, примітки складено в дусі католицького фанатизму й боротьби з «єресями».

З доповненнями збірник перекладено на польську мову єзуїтом Симоном Висоцьким на початку XVII ст. (видання 1621 р.; нові доповнення у виданні 1633 р.).

Відомі проповідники на Україні в XVII ст.— Галятовський, Радивіловський та інші — широко використовують «Велике Зерцало» безпосередньо з польських і латинських першоджерел, звідки зрозуміла відсутність повного українського перекладу. Окремі повісті й цілі групи оповідань у перекладі з польської з'являються в українських збірниках уже з середини XVII ст.; зустрічаються вони і в рукописах другої половини XVII і в XVIII ст. Частіше від інших переписувалась повість про Удона, єпископа Магдебурзького; очевидно, популярність твору зумовлена злободенністю теми про розпусту й користолюбність вищого духовенства.

Пізніше, в кінці XVII і в XVIII ст., на Україні досить часто переписують окремі повісті й навіть уривки повного тексту російського перекладу «Великого Зерцала».

Перша спроба російського перекладу 1677 р. (з польського оригіналу 1633 р.) незабаром замінена іншим, повнішим, хоч і цей переклад має тільки близько 900 оповідань, тобто менше половини проти польського оригіналу. Поруч з цим скороченням значно ослаблена, а подекуди і зовсім знищена католицька тенденція оповідань, що, можливо, і сприяло поширенню нового перекладу на Україні.

Уривки наводяться за такими текстами: «Повѣсть страшная о Удонѣ» — з рукописного збірника 1693 р. ЦНБ УРСР — Мих., № 1734, «Приклад о одной невѣстѣ» — із збірника середини XVII ст.— Софійської збірки № 129; «Страшное сказание о прелюбодѣянії» за рукописним збірником початку XVIII ст., Мих., № 1737; «Триста літ як одна година» — із Сокольського рукопису XVIII ст. (з рукописного збірника І. Франка в кол. Бібліотеці Наук. товариства ім. Шевченка у Львові).

[1] щоб повісили

ВЕЛИКОЕ ЗЕРЦАЛО

Повѣсть страшная о Удонѣ, епископѣ майдебурском, о его страшной и незвичайной смерти

Року божого девятьсот осмдесят пятого в земли Саскої[1], в мѣстѣ Майдаборку, за Оттона третего, цесара римского, сталосе чудо барзо страшное и от вѣков неслиханное. Что ся стало тут вкоротцѣ опишу, абы кождий обачил, як злая реч, бывше в станѣ високом а спросне[2] жити, так теж и доходи манастирские або теж и свѣтских церквеї неслушне роспорошати, а смродом грѣху своего поддании свои заражати, так теж и особам, которие себе господу богу пошлюбили, гвалт невстыдливе чинити.

В том теди предреченом мѣстѣ был един студент на имя Удон, который наук визволених[3] учился. Той, будучи довтѣпу[4] тупого, жадного поступку[5] в науках учинити не могл, за што от учителеї своих завше был каран.

[Після молитви, у сні богородиця обіцяє Удону єпископство. Він відразу стає здатним до науки. Через два роки після смерті «митрополита» магдебурзького, на його місце обирають Удона. Перший час Удон поводився добре, але потім вдався до розкошів і розпусти, викликаючи огиду в населення].

Гди теди так през килка лѣт повѣтра и увес свѣт злостями своими заражал, ночи едной, маючи на ложку при собѣ игуменію закону цистерскаго[6], услышал голос в тие слова страшливе бримячий[7]: — «Престань игри, Удоне, бо юж игралес долго». Тое услышавши Удон у смех собѣ обернул тое слово...

[Вдруге і втретє попереджує його голос. Удон лякається, але все ж продовжує грішити. Через три місяці один чернець того ж монастиря пізно вночі молився в церкві, просячи бога покарати Удона. Раптово підіймається вітер, гасне світло, і в церкву збираються святі, суддя у вигляді рицаря з мечем, нарешті, Христос у королівській короні й божа мати. Суд засуджує Удона на смерть. Христос наказує привести єпископа].

...Зараз никоторие из около стоячих рихло[8] пошли и недзнаго[9] Удона от боку оной аббатисси игуменои на ложку порвавши[10], мѣзерно привели.

[Святий Маврикій обвинувачує Удона].

То услишавъши господь, сидячи на судѣ и на святих позрѣвши, рекл: — Як ся вам о нем здает? — Теды рицер оний великим голосом заволал, мовячи: — Годен[11] ест смерти! — Потом судия и всѣ святии, котрие там были, во едно ся схилили и якою смертию мѣл быти скаранний оний нендзник, межи собою ся порадили. Теди судия рек: — Голову стратити заслужив, который без голови час травил[12] и во плюгавствѣ[13] гнил.

Потом зараз оный рицер росказал[14] Удонови, аби шию витягнул...

[1] саксонській [2] розпусно [3] свободних [4] розуму [5] успіху, руху [6] з ордену бернардинського [7] гримлячий [8] швидко [9] нещасного [10] схопивши [11] гідний [12] марно тратив [13] в мерзенності [14] наказав

Потом мѣзерного епископа Удона оний рицер стял. И так оное все згромаженье невидимо стало. Чернец теди оний, о котором ся вишшей писало, будучи человек справедливый, которий тое все не во снѣ, але явъно вѣдѣл, а оттворивъши очи, дрижачи и страху полный будучи, и вшедши в притвор, узял свѣтла и всѣ лампы церковние запалил. А гди ешче о том, что ся стало, вонтпил [1] и тенскливе сам собѣ дивовал, взявши свѣтло на тое мѣстце, гдѣ был суд, поступил и узрѣл келих [2] из єухаристиею на олтару стояшчь, а голову Удонову подале от тулуба лежашчу и амбон вес кровю его полит. То видячи, чернец злякся барзо и, вишовши з церкве, замкнул и жадного не пустил.

[Зляканий чернець збирає всіх духовних і світських людей, показує їм труп Удона й розповідає про все, що бачив. В той же день клірик Удона, заснувши в дорозі, бачить єпіскопа в супроводі багатьох бісів, що ведуть його на огненному ланцюзі до свого князя. Удона мучать. Він починає блюзнити, і біси кидають його душу до пекла. Труп Удона жителі міста спалюють і попіл кидають у річку; всі риби на дев'ять років пішли в море. На мармурових плитах амвона досі видно кров Удона. Це місце вкрите килимами, але при обранні нового єпіскопа криваве місце відкривають, щоб нагадати про долю Удона].

Жінка відвідує свого коханця ченця. Малюнок з рукописного збірника повістей, поч. XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

Правдивый то от господа бога суд стался на пострах епископом не тилко того монастира, але и всѣм непожитечним роскошником свѣта того, аби слишачи шкура на них дрижала, иже би ся лякали маестату [3] бозского и суду страшного и наддер [4] строгої помсти его.

[1] сумнівався [2] чашу церковну [3] величності [4] надто

Приклад о одної невѣстѣ, которая се кохала на сем свѣте в збытнем убире

Был нѣкоторий єромонах, которий за матку свою уставичнос служенє мѣвал и великиє покуты, поклоны и молитвы за нея чинил, просячи господа бога, абы єму о ней обявил, на которых ся мѣсцах найдуст.

Коли теды дня одного з плачем се за нею молил, обачил єи перед собою, а она на смоку окрутном єдет, а з пащоки єго огонь серчастый выходил.

З обу сторон два діаволи были з ланцухами огнистыми и з гаками, биючи єи и вяжучи оными. З головы єи выходили ящорки, коториє высысали мозок єи. Перед нею седѣли медвѣдки, ав ушах двѣ окрутныи мыши.

[Далі описано інші муки грішної жінки. На запитання зляканого сина, за що її так мучать, мати пояснює, що засуджена на вічну муку за «розпусти» і «убири марни». Далі син запитує]:

«Трапеза злонравных человек». Малюнок з рукописного збірника повістей, поч. XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

Штож значат тые муки? Отповѣдала: «Смок той, на котором єжчу, єст ми даный за призволенє на любости непристойныє, которих єсми мевала и прагнула, жебы другиє з мене мѣли уязвленє и давала єсми много оказѣй до грѣшеня. Тыи два бѣси, коториє з обох сторон мене мучат, один єст за отданє добр, коториє єсми я чинила отцу твоєму, абы назбыт убири справовал, другий єст для побуженя, которое єсми я чинила иным невѣстам, абы ся также убирали и пестрили; ланцухи сут мнѣ даны для збытку поясов и ланцухов золотых або сребряных, в которих єсми ходячи рада показовала себе людем; а иле єсми ключей сребряных мѣла, толко желѣзных гаков увходит в мене и незносно мене мучат...»

[Кожному «плотському» гріху відповідає якась інша мука; між іншим її карано за слова «плюгавие», за пісні, танки, за носіння на голові чужого волосся і т. ін.].

«...И для того єстем проклята навѣки, ани молитвы твои и ничиєї иншие не могут уменшит мук моих». И зараз з смородом поднявшися смок, которий єи носил, як блискавица, з страшным вытьєм и риканьєм отшол, а сын оный велми жалосный зоставши, всим то с плачем оповедал...

Страшное сказание о прелюбодѣяніи и покаяніи

(Глава 23)

Колико зло и велїя злоба и мерзость пред богом грѣх нечистоти, паче же всего прелюбодѣйство.

Воин бѣ нѣкій и въпаде во оное блато, от своея бо жени прелюбодѣйствуя, и нѣкогда изшедшу з дому оному на злое дѣло, жена же ожидая его, чая у нѣкоего друга бити, и присидя у оконца зряше. И абїе узрѣ его градуща, нача вопити страшним гласом. И услишавши домовіи глас госпожи своея, въскочиша противу[1] господина своего, егда же узрѣша его, начаша бѣгати от него и вопити: демон! демон! На тот глас пси притекоша[2] и токмо его узрѣша, возвѣщавши внѣ двора, утекоша. Сія видѣ воин, уразумѣ на ся гнѣв божїй и зрака доброти[3] отятїе: отиде от дому, да не убіен будет своими, ожидая же дня, хотя грѣха своего исповѣдатися. Егда же бысть день, тече к церкви веси оноя, а идѣже пасахуся стада при пути том, и токмо находящу ему, страшным ричанїем возрѣвше нань, разно[4] устремишася, такоже и пастирїе друг друга не свѣдуще. И толико его бог зло образил и зрак человеч отя, яко иное таково от земних ниже[5] от воздушних бысть, и сам бо дїявол таков скаред, аще кому страшен мечтательно показатися, не бивает. Егда же он приближися к церкви, стоящой на полѣ внѣ веси, священнику же в дверех стоящу оноя церкви и правящу правленїе молитов, а егда его узрѣ, знаменася крестом и по силѣ[6] увалися от страху в церков, заключи[7] же дверѣ, ввес трепетен бѣ. Воин же оній притече к церковним вратом, паде на лицѣ своем, плакася зѣло и вопїя к священнику: «Умилосердися над мною, скверним грѣшником, помилуй мя, зрака доброти лишившася дѣл ради скверних моих, пріими, молю, в покаянїе погибающа, ибо нѣсть призрак, яко же мниши, но оній воин, имя свое возвѣсти». Священник же не смѣя изїйти, но велѣ ему при празе церковном покаянїе творити. Он же со многим сокрушенїем, рѣки слез проливая, исповѣдаяся; егда же прїя епитемїю, абїе скверное обличїе отяся в него и зрак доброти направися.

Триста літ як одна година

Был оден законник в нѣяком монастыру, который, уважаючи слова тыи, яко «тисяча лѣт перед очима твоими, господи, як день вчорашный, который мимоидет», дивовался велми, якбы то мѣла быти реч подобная. Был бовѣм святый и набожный человѣк. По утрени вышедши с церкви и тое уважаючи, выйшол теж за манастыр до гаю великого монастырского и обачил пташка велми хорошого, красно и солодко перед ним спѣваючого; а не могучи его солодкого спѣваня насытитися, що далей, то ближе до него приступовал. Пташок теж що раз то отлетит, то прилетит до него, вдячне спѣваючи. И тым своим красным спѣванем задержал оного законника в той пущи през триста лѣт; а от солодкости спѣваня оного анѣ ѣсти, анѣ пити, анѣ спати и жаднои речи не потребовал. Потом пташок отлетѣл и оного законника зоставил.

Законник, пришедши к собѣ, вспомнѣл, же час уже ити до церкви на службу божію, и пришол до ворот монастырских колатаючи, жебы ему отворено, розумѣючи, же тоеж ночи по утрени з монастыра выйшол. Воротный, учувши колатане, пришол и пытал его, хто бы был, откуль прийшол и чого потребовал. Он отповѣдил: «Я естем сего монастыра той а той законник (и сказал ему имя свое), по утрени выйшолем был на час з монастыра». Воротный, его не познавши, розумѣл, же якийсь безумный и не пустил его. Он пытал о іменах братіи, ігумена и иншых, которыи за часу его были, и дивовался, чому бы его не пускал. Але воротный жадного с тых менованых не знал, бо уже перед тремя сты лѣт померли были. Просил теды воротного, абы его до ігумена провадил. А гды был перед ігумена приведеный, теды ани он ігумена, анѣ ігумен его не познал. И пытал ігумена, як давно той ігумен умерл, при котором он з монастыра выйшол, сказавши імя его. Теды ведлуг опису монастырского понайдено в кройниках, же той ігумен и братія перед трема сты лѣт померли. Он теж ігумену и братіи сказал, що з ним господь бог учинил през так много лѣт на пущи през одного пташка. И приняли его межи себе, который, скоро тайн христовых причастився, зараз в господѣ заснул.

[1] назустріч [2] прибігли [3] краси зовнішнього вигляду [4] в різні боки [5] ні од земних, ні... [6] ледве [7] замкнув

РИМСЬКІ ДІЯННЯ

В українських рукописах XVII—XVIII ст. ми не раз зустрічаємо окремі оповідання й групи оповідань з так званих «Римських діянь» — дуже популярного на Заході в часи середньовіччя збірника «Gesta Romanorum», що утворився приблизно в XIII ст. і служив для повчального читання, а також був збіркою прикладів для проповідників. Сюжети оповідань «Gesta Romanorum» узято з античних авторів, із збірників східного походження, з фольклору; дія штучно перенесена в часи Римської імперії, і імена дійових осіб стилізовані під римські. Виклад сюжету кінчається «моралізацією» — повчальним висновком, часто дуже штучно пристосованим до змісту оповідання.

Мінливий склад збірника штучно об'єднаних оповідань різного походження, змісту й розміру привів до виникнення багатьох західних редакцій з різним числом і складом оповідань. Окремою редакцією, вибіркою з повного латинського тексту, є польський переклад (39 оповідань замість майже 200 латинських), надрукований приблизно в половині XVI ст. і передрукований кілька разів протягом XVII—XVIII ст. Західноруський переклад одного з таких польських видань дійшов до нас тільки в пізніших російських копіях. Українські проповідники XVII—XVIII ст., користуючись для казань прикладами з «Римських діянь», зверталися безпосередньо до польських або латинських оригіналів. Але ми знаємо кілька рукописів з українськими перекладами окремих оповідань або цілих груп оповідань «Римських діянь» з польського оригіналу, наприклад, шість оповідань у збірнику казань і історичних творів українських письменників XVII ст., складеному сенецьким міським писарем

Філіпом Федоровичем у 1693 р. Досить ранню (1660 р.) переробку-скорочення польського оригіналу оповідання про папу Григорія знаходимо в енциклопедичному збірнику шаргородського священика Григорія, де воно значно схематизоване (зокрема зовсім випущено діалоги дійових осіб).

Наведені нижче тексти взяті: перший («Приклад о доскопалости») з рукописного збірника 1693 р. Б-ки АН УРСР, Мих. № 1734, другий («Історія о преподобном Григоріи») — з тексту Шаргородського збірника 1660 р., рукопис Унд. № 527.

РИМСКІЕ ДѢЯНІЯ

Приклад о досконалости, о цесару єдном и о ковалѣ Фоцѣ

Тыт цесар был барзо можный, в Римѣ пановал, который был установил такое право, абы день сина первородного его от всѣх был свящчен; а хто бы колвек дня того не святил, теди того смерти предати повелѣл. А гдиж тое право всѣм было обявлено, теди тот Тит цесар узвавши майстра своего именем Вѣргилиуша, и рече ему: «Маистре Виргилиушу, уставилем собѣ едно право, але вѣм же будут преступовати люде. Не буду ли я мѣти якого преповѣданя[1] на тих проступъцов, претож ведлуг[2] твоеи мудрости учини якую реч, през которую могл би ся довѣдати тых проступцов». Рече Виргилѣуш: «Учиню то, кролю милий, яко ми кажеш». Теди Виргилиуш постановил єдин слуп[3] посред мѣста и учинил чорнокнижницкую мудрость, же той образ всѣ проступки таемнии того дня повѣдал цареви. И так през оскарженя того образа много людий стинано.

Был в том же мѣстѣ Римѣ єдин ковал именем Фока, который того дня яко и иншого завше робил. А гди єдного дня лежачи на ложку своем розмишлял, иж так много людей чрез той образ погинуло, теди вставши рано пошол до того образа, а пришедши рек єму: «Образе, през твое оскаржене много людий погинуло, але єсли ти мене оскаржиш, шлюбую богу, иж твою голову стовку тобѣ молотом». А то рекши пошол до дому и робил. Теди цар послал ведлуг звичаю своего до образа слуг, аби ся дознали о тых, єсли хто проступил. А гдиж слуги пришли ку образу, стали его питати. Рек им образ: «Приятели милии, поднесѣте очи свои и прочитайте, що на моим чолѣ написано». Теды они узрѣли на челѣ его три речи написано: часи ся премѣняют, а люде ся погоршают; а хто нинѣ буде правду повѣдати, мусит биюшчему голову наставити. А кiди тое писмо прочитали, рекли слупови: «А чомуж то так єст?» Рек зас слуп: «Идѣте а повѣжте цесарови, что єсте читали». Шедши теди слуги повѣдали то все цесарови своему. Слишавши то цесар, повелѣл своим рицером, абы узявши свои зброи пошли ку образу, а єсли бы противился хто слупови, абы єго взявши к нему привели. Теди рыцери, пришедши до слупа, и рекли єму: «Цесар приказал, абыс повѣдал тых, котрие протів уставу его чинять проступоване и котории тобѣ грозят». Отъповѣдал им слуп рекучи: «Возмѣте Фоку коваля; той єст, который завше устави цар-

[1] провіщення [2] по [3] стовп

ский преступает, а мнѣ хочет молотом голову збити». Теды рицери, поимавши Фоку коваля и превели его пред цесара. Видячи Тит цесар Фоку приведенного рек ему: «Шчо то слишу о тобѣ? Чему уставу мою переступаеш, а надто ешче образови грозиш?» Рече Фока: «Пане милий! Я тоси устави здержати не могу, бо на кождий день мушу мѣти осм пѣнязей, которих набыти не могу кром роботи». Рекл ему цесар: «Про шчо то осм пѣнязей, повѣж ми». Рек ему Фока: «Кождого дня през рок повинен есми ворочати осм пѣнязей, которих з молоду позичал; але и я два позичаю, а два трачу, а два накладаю». Рекл ему цесар: «Повѣж ми явно, абых зрозумѣл». Рекл ему Фока: «Пане милий, рач[1] мене послухати: два пѣнязи повинен есми давати отцу моему, бо гдиж есми был малим дитятком, отец мой на каждий день два пѣнязи на мене накладал, а тепер отец мои есть убогий, претож я ему тепер знову тии два пѣнязи ворочаю. А другие зас два пѣнязи синови моєму позичаю, которий ходит до школи, а если бы ся мнѣ пригодило быти убогим, абы и мнѣ син мои такоже ворочал, як я на кождый день чиню отцу моему. Другие зас два пѣнязѣ на кождый день трачу на жону мою, которая ми ест завжды противна, хитра и своеволна, а шчо колвек еи дам, то все трачу. А остатние два пѣнязѣ накладаю сам на себе на поживлене, так теж и до твоего скарбу. А иначеи не могу их достати, тилко през роботу мою. Претож, цесару справедливый, правое скаранье[2] о мнѣ дай». Рекл єму цесар: «Милий Фоко, добре ся еси виправил; иди, от сего часу роби вѣрно». Потом тот цесар помер, а Фока ковал для своеи мудрости от всѣх цесаром ест обраный, который царствовал барзо мудре и царством справовал, а будучи стар, доконал в покою живота своего. Потом по его смерти вималюванo его межи иншими цесарми и написано маючи над головою своею осм пѣнязеи...

История о преподобном Григоріи, котрий ся роділ от двох рожоних, от брата и сестри

Кроль был нѣкоторий Паркус, которий сплодивши и вихованши дѣток двое, сына и дочку, и помер. На столици же его зостал сын, котрий и сестру свою при себѣ ховал. Потим позайзрѣвши красотѣ еи и блуд с нею сотворил, а видячи потим юж бременну, встидался и жаловал того барзо; за чим оставивши еи на мѣсцу, поручил в опеку едному князю до пріизду своего и сам ихал до Святои земли, и абы тая реч без него як потаенна была. Породила царевна сына без брата своего, а не хотячи его згубити казала вробити чолнок з верхом и там дитя вложивши поставила ему под голови злота пятдесят фунтов, а в ногах сребра сто фунтов из написом таким, же кто бы найшол отроча сые, вѣдай же то ест от брата и сестри спложенно и не ест крещенно, а мает при собѣ суму тую для того, же бысть сребро узял собѣ, а злото ховал на науку ему. Такое писаніе вложила царевна сынови своему в челнок и накривши засмолила плачучи и на море пустити казала. По сем зараз и вѣсть ей пришла, же брат ей и муж в Землѣ святой помер, през що упала зараз у великий жаль и фрасунок[3]. Припровадивши тое тѣло поховали, и сама зостала на царствѣ.

[1] удостой [2] кару [3] смуток

Воїн із своїм рабом — бісом тікає через річку від розбійників. З рукописного збірника повістей, поч. XVIII ст. (ЦНБ АН УРСР).

Князь нѣкоторий будунский слал до неи, хотячи еи за жону собѣ мѣти. Она отповѣла: «до смерти мужа не хочу мѣти», бо ховала покуту в сердцу своем. Оний князь розгнѣвавшися казал маетност ей плюндровати и пустошити, котрои зневаги и невпокою много лѣт терпѣла.

Тая теди судина албо чолнок, плаваючи по мору, божіим произволеніем приплинул под един монастир. Там игумен, стоячи на брезѣ, чолник той обачил и казал рибытвам припроводити, а гди узял и отворил, уйзрѣл отроча з писаніем и скарбом. Тое прочитавши, казал дитя окрестити, и назвали именем Григорий. Дал его до хованя едному рибитвѣ, и там виховавшися ходил и до науки, а потим довѣдавшися от мачохи своей, же не ест их сын власный, тогди пытал игумена з плачем о родичах своих, котрий му показал писаніе властное матки его, же ест спложоный от брата и сестри; що он уйзрѣвши начал плакатися грѣхов родичов своих и ишол до Святой земли для покути, а гди ся трафило, же пришол до отчизни своей; в том градѣ отпочивал на господѣ едной и пытал господаря, кто бы был паном мѣсту тому. Он повѣдѣл му порядне, як помер кроль старий и як кролевич зоставши по нем помер у Святой земли; тилко сестра его панна тепер зостает ту при майстатѣ кролевском, але в великом небезпеченствѣ и нагабаню[1] от злосливих князей. Григорий то чуючи, а не знаючи, же то его отчизна и матка его пануе в ней, рѣк: «я заправди естем рыцер не подлѣйший. Если ми заплатят добре, понял бым ся тое вспокоити»; що учувши господар ознаймил старостѣ и паней, чому ради были всѣ и на то зезволили[2], зачим Григорий рицер зобравши войско ишол противко неприятеля и лацво[3] звѣтяжил и успокоил оное царство и славу великую отримал. Видячи его мужество преложонные

[1] турботі [2] згодилися [3] легко

памовляли царевну, матку его власную, бы его приняла за малжонка[1] собѣ для оброни городов своих, чого не рада была позволити и мусѣла. Понял рицер Григорий матку свою за жону собѣ и мешкал з нею. Мѣл тиж при собѣ оний лист матчин, с котрим на море был пущен, бо му игумен па отходѣ той лист отдал, котрого нѣкому не вказувал, тилко сам завше в коморѣ читовал и плакал. Що потим узнавши пани довѣдовалася о секретах его, и вигодивши без него шукала в коморѣ спряту[2] его и найшла писаніе тое, котрое уйзрѣвши познала и прочитавші омдлѣла и з страху упала. А гди челядь скочивши до пана призвали, пришла к собѣ и з плачем просила его, з котрих бы был краев и роду. Отповѣл по правдѣ, же его игумен един виховал в монастири, котрий найшол на мори в чолнику засмоленном з тим писаніем. Чуючи то пани его заволала з горким плачем: «О наймилший пане, попстиннѣ ты естесь сын мой единий, а муж и пан мой. Ты естесь сын брата моего и мой. То мое писаніе при тобѣ». То учувши Григорий вдарился в перси, начал болѣзненно ридати, мовячи: «О, горе ж мнѣ, жем ся на свѣт уродил, на пагубу души своей». Там упадку своего плакалися много и иніе с ними. Потим матка хотѣла отийти на покуту, зоставуючи Григория на царствѣ своем, котрій рѣк: «Зостан ти, матко моя, якесь и первѣй была, а я сам пойду на покаяніе», и пожегнавши ся[3] отишол. Пришол до едного граду и ночовал в едного рыбитви, котрий випытавши его справи и волѣ, запровадил морем до едной високой скали и в той запер его и замкнол мовячи: «Тут же спасайся, аж бог на тя вспомнит». Отходячи ж рыбитва до дому своего и вкинул ключ от того замку в море. И гди жил там Григорий аж през 17 лѣт, трафилося в Римѣ, же епископ умер; и голос тогда чули нѣкоторий з неба: «Шукайте ми Григорія, мужа богобойного, той пастирем будет вам». И зараз посланно по розних странах пытаючи такого. А гди бог на то годил, пришли послове и до того града и до господи, где Григорий ночовал у рибитви. Там ся розмовили и учули от рібитви о таком пелгримѣ, котрого свѣдом был; тогож дне рыбитва рыби ловил и найшол в рибѣ ключі, котріе вкинул в море, з чого ся всѣ дивовали бозской справѣ и ихали пилно до оной скали высокой. Там одомкнувши найшли мужа святого Григорія молящася и поклонивши ся ему реч свою ознаймили и з собою до Рыму его взялі, и там был архиепископом богобойним и святобливим, котрого честное житіе уславилося на всѣ тіе краи, иже многіе з далеких краев приходили ку нему благословенія просячи и розрѣшенія. Котрого там чуючи и оная пани мати его пришла собѣ также на отпуст, не знаючи, же там сын ей архиепископ. Там сповѣдалася пред ним всѣх грѣхов своих, а гди тое чуючи святитель познал матер свою власную, котрую и за жону собѣ мѣл, не могл утерпѣти, начал плакати жалосне, мовячи: «Ах мнѣ грѣшному! Матко моя наймилшая, жено и приятелко моя! Я естем заправди сын и муж, котрий покуту взялем за грѣхи наши, а тепер знову оглядаю тебе. Благодарѣмож бога спасителя своего, котрий грѣхи наши отпустил». Она тое учувши, упала пред ним, много плачучи и ридаючи. Потим хвалила бога, и радовалися всѣ таким справам бозским. И там посвященна была на иночество и отданна в паніенский[4] монастир на службу богу.

[1] за чоловіка [2] схованку [3] простившися [4] жіночий

ПОВІСТЬ ПРО ПЕТРА ЗОЛОТІ КЛЮЧІ

Французький оригінал цього твору — роман про Петра Прованського та прекрасну Магелону неаполітанську (раніше половини XV ст.) — є типовим рицарським романом з любовною інтригою, турнірами, піратами, несподіваною зустріччю розлучених героїв тощо. З польського перекладу XVII ст. роман перекладено в 1677 р. на російську мову; збереглося кілька десятків списків XVII і XVIII ст. В українській літературі повість відома в короткому переказі Шаргородського збірника 1660 р., зробленому безпосередньо за польським оригіналом, що, як бачимо, був цілком приступний навіть провінціальному священику другої половини XVII ст.; цим, очевидно, і пояснюється відсутність повного перекладу. Нижче наводимо з деякими скороченнями текст переказу згаданого збірника 1660 р. (рукопис Унд. № 527), де повість має заголовок: «Гисторія правдивая о Магеліонѣ кролевнѣ».

ГИСТОРІЯ ПРАВДИВАЯ О МАГЕЛІОНѢ КРОЛЕВНѢ

В кролевствѣ французском было зацне ксіонже на имя Волфанг, а жона его Петронельля, сестра кролевой французской, з котрою мѣл едного сына именем Петра, котрий был барзо охотный ку справам рицерским, нѣ о чим иншим мислил, тилко завше около шермѣрства[1], гонитв и риштунку рицерского. Видячи отец природу сыновску, справил зацний банкет и просил их[2], бы з них котріе молодіе допомогли... а по обѣдѣ на мѣсце назначеное виходили, где зараз Петр грабя[3] пѣрвший... слави и менэства[4] своего доказал, що видячи всѣ барзе его хвалили...

[Дізнавшися, що неаполітанський король «кохається дивне в людех рицерских, и має цорку именем Магеліону, барзо красную и оздобную, котрой на свѣтѣ ровной не маш», і що при дворі його постійно відбуваються турніри кращих рицарів, Петро просить батьків відпустити його в чужі землі шукати щастя й слави. Мати дає йому на прощання три дорогоцінні персні і ланцюг, і Петро від'їздить до Неаполя і стає в одного господаря, який розповідає, «як ся кроль кохає з кролевою и кролевною в справах рицерских, и яко завше цвѣченя бивает штук рицерских»].

Петр грабя, слышачи, рад был и готовал ся собѣ также на гонитву; казал два ключи злотіе барзо форемне[5] на свой гельм уробити, аби так межe иним рицерством на дворѣ кролевском снаднѣй[6] бы могл познан быти. И гди час прийшол назначений гонитвам, вставши рано, ишол до косціола оглядати кроля з кролевою и кролевною и потим приготовавшися, гди юж з'изд был розних рицеров пред двор кролевский, где юж крол зе всѣм двором вийшли и кролева з кролевною и всѣм францѣмиром[7], приглядаючися гонитвам. И ставши на пляцу порядне все рицерство, почали ся визивати еден по другому, доказуючи слави. И потискалися менжне, звѣтяжал един багато. По тим Петр грабя, всѣвши на своего коня а взявши гелм на голову свою, взял теж древце в руки и виихал на пляц против оного рицера и стерлся з ним, але зараз оний рицер и конь его жадним обичаем пред так срогим разом затриматися не могл, котрому потканю тые всѣ, котріе на тое глядѣли, так ся барзе дивовали, же нѣгди так менжнаго чловека не видали, аби так моцне доказати мѣл напротив строни противной собѣ.

[1] фехтування [2] мова йде про гостей — знатних панів [3] граф [4] мужності [5] правильно [6] зручніше [7] почет з жінок

Хвалил его барзо кроль и кролева и послал довѣдуючи ся, откуль ест и якого стану албо народу; на що Петр тилко отповѣл, же убогий шляхтич з Франціи; що услышавши кроль взял в памят собѣ и уславил его барзо. А не знаючи имя его, звали его славным рицером злотих ключов. Потим бывал часто на гонитвах, и нѣхто его в менжности не премогл; закохалася в нюм Магеліона сердечне, и запрашан бивал до кроля на обѣд, чому и барзе рад был для виданя пѣекней панни Магеліони. Потим, кохаючи его, кроль позволил мѣти розмови и з самою кролевою и кролевною, чому барзе ради были; имѣли час назначоний до того, виталися пѣекне обширною мовою и розмавяли з собою; потим розмиловался велце и поселство к собѣ отправовали през служебницу кролевни Потенціану, котрая и три перстенѣ от славного рицера Магеліонѣ подала и форту ему потаемную до приходу ку покою кролевни показала, котрою фортою приходил до панни для розмови, з котрою кохаючися сердечне повѣдал и о родичах своих и пошлюбил ей быти вѣчним приятелем, тилко би з ним ихала напѣрвѣй до родичов его. Магеліона, то слышачи, позволила на то и на знак вѣрней милости, знявши з себе ланцух злотий з клейнотами дорогими, вложила на шію его и сама ся ему в опеку вѣчную отдала, а поприсягли з собою учтивост панїенства заховати до уйзреня[1] родичов своих и, намовившися, вночи потай кроля и кролівей ихали в дорогу. Сам славний рицер Петр, всѣвши на еден конь, а на другий наклавши живности и клейнотов дорогих, а на третий панну, уходили прудко, боячися погони. Заихавши же рицер до едной пущи, сѣли одпочивати, розмовляли з собою; потим, видячи панну зморденну[2], казал юй склонитися на колѣнах своих, и так твердо заснула. В той час рицер, припатруючися[3] оней невимовней красотѣ, не могл ся одержати, але внет[4] откривши ей и кшталтик на персах, хотячи далѣй оглядати красоту тѣла еи. А коли там великую суптелност[5] тѣла си узрѣв, еще ся тим булше серце его взрушило и ку милости запалило, и розумѣл собѣ то мѣсто ангела быти и великое щастя мѣти, праве запомнѣвши[6] и господа бога; вѣдаючи тиж господь бог умисл его высокий, обернул то иначей, зараз му щастя отмѣнил. И гди ся приглядовал суптелности тѣла оней панни, обачил межи персами ей узлик червоний китайчаний на злотим шнурку и, винявши его, знайшол в нем оніе перстенѣ, котріе ей дал в памятку и, завинувши знову, положил подле себе. Крук летячи, забачил червоную китайку и мѣсто мяса ухвитил. Рицер, уйзрѣвши, же зле, подложил паннѣ тихо подушку в голови, а сам скочил, гонячи за ним. Птак от дерева до дерева утѣкаючи, завѣл его барзо далеко за собою в лѣс, аж потим залетѣл за одногу[7] морскую на едну скалу из тим узликом. Рицер метал на него долго, аж оний птак упустил узлик в воду, а гди обачил, же юж крук не мѣл в носѣ перстенев, розумѣл же на той скалѣ покинул, и старался ото пилне, би могл их достати; а иж межи скалами была вода глубока, шукал чим бы преплыти, и найшол лудиско[8], в котрую з великим небезпеченством всѣвши, брал ся до оного берега ку скалѣ; але вѣтер, на нещастя его повставши, запровадил на глубокости морские, где видячи близко смерть свою, почал нарѣкати

[1] побачення [2] стомлену, змучену [3] придивляючись [4] раптом [5] ніжність [6] забувши [7] затоку [8] човен

и плакати сродзе[1] и з жалосними словами, припоминаючи собѣ грѣх свой и нещастя, жалуючи теж невинней душѣ панни оней, которую з роскоши вивѣл у пущу на згубу срогую[2] и самого себе. Просил тиж долъго з великим плачем и бога о помоч и о здорове оной панни и себе. Потим ерихло, наихавши его окрут[3] пѣратов моръских з земли муринъской и, залитовавшися, взяли его до окренту[4] своего, роспитавшися его о всем и, завѣзши, даровали его цесаровѣ турецкому, которий барзо его улюбил и кохал ся в нем, яко в дитяти своем.

А гди ся Магеліона на онуй пущѣ очутила, зляклася барзо, не видячи нѣкого начала волати: «Пане, пане», бѣгаючи сюда и туда. Потим, з страху упавши, омдлѣла, и нерихло к собе мало пришедши, встала и взяла битися, плакати и нарѣкати барзо жалосне, вдячнїе вѣрши складаючи; вспоминала грѣх свой и нещастя, иже родичов своих не учътила, и зато бога на себе образила; просила теж бога о милосердїе, иж ест всемогущий, би ей наймилшого в здравїи заховал, так тиж и еи самую. Плакала горко и блудила по пущи през цалий день и ноч. На завтрїе найшла великий гостинец[5] и обачила едну пельгримку, котрая з Риму ишла, и рада была барзо. Просила еи о одѣня убогое, бы ся мѣняла з нею на шати дорогїе панїенскіе, чого ся пельгримка не могла вимовити, мусѣла на ей великую прозьбу учинити, и дала. Зачим Магеліона, убравшися в пельгримскіе шати и заслонила твар[6] свою и шла до Риму, богу ся поручаючи, абы ся гробу поклонила святого Петра и Павла. Там тиж, пришедши до церкъви Петра святого, молилася богу з великим плачем, вспоминаючи нещасніе пригоди свои. По долгой молитвѣ, идучи з церкви, узрѣла вуя[7] своего сицилѣского князя, котрий был на той час от сестри своей кролевой неополѣтанской присланний до папѣжа[8] о листи по всем християнствѣ, бы всѣ бога просили о наверненю ко родичом своим панни Магеліони, котрая познавши зе встиду крилася и шла до шпиталя пельгримского. Там премешкавши мало, пустилася в дальшую дорогу до провѣнцией свекра своего, азали[9] би где услышала о наймилшом своим. И ихала з гостми през море до повѣту вмерлой води. Где пришла до мѣста Гевель, там една мѣщка[10] уйзрѣвши еи яко пельгримку, запросила в дом свой, піекне еи венеруючи[11] и розмовяючи з собою; питала Магеліона господинѣ, може ли прейти землю их спокойне. Залѣцала е юй господиня землю тую барзо вспокойную и безпечную «бо пан наш», мовит, «именем Волфанг грабя провѣнцией ест барзо можний, а к тому князем волним держит землю свою завжди в покою. И маемо заповѣдь от пана своего, бїсмо чузоземцом великую охоту показовали. Едно иж тепер пан наш и пани ест в великом смутку за сына своего, котрий был барзо славний рицер и наперся[12] ихати в чужіе краи для лѣпшого цвѣченя, и юж другий рок, як его не знают, где ся обертае, ест ли жив на свѣтѣ чи не ест». Слишачи то, Магеліона плакала ревне, иж его при родичах немаш, а не мовила о ним нѣчого, тилко мислила там ся забавити, служачи где богу в чистотѣ, аж би ся откул навернул, и радила с господини свей о то, которая, видячи он шляхетний умисл оней пельгримки, повидѣла еи недалего на границѣ в тим же панъствїе едъну инъсулу[13],

[1] дуже сильно [2] на жахливу загибель [3] корабель; корабля [4] пожалівши [5] шлях [6] обличчя [7] дядька (материного брата) [8] папи [9] хіба [10] міщанка [11] шануючи [12] нав'язався [13] острів

названну поганский порт, до которого много окрентов з розмаитими а богатими купями приходили правіе во всього свѣта, а там межи скалами ест трудня а небезпечний припзд для заразливого повѣтра, которое там того моря межи скалами заражает много жегляров[1] для чого там в тим порту каждую форою много хороб востае, «а так, мовит, здае мися, же куль быс и великую заплату и вѣчное благословенство от бога одержати могла». Що слышачи Магеліона барзо рада была и, подяковавши, охотне до оного порту пошла и там зараз що мала при собѣ грошей дала на будованя шпиталя и капличку невелику при нем збудовала на хвалу богу, а назиско дала каплицѣ святого Петра з Магеліону; и жила там Магеліона барзо набожне, служачи сила хорим, оглядаючи сердечне и набоженства пилновала, же еи всѣ називали святою пельгримкою; до чого еще бог там показал, иже были в той каплицѣ чудовніе образки, при котрих килка кроть чуда ся ставали, а звлаща около людей хорих; през що оное мѣсце пришло в великую славу, иж ся там до него сила людей схожало и так великіе офѣри у оного монастирця бывали. Так иж чим далѣй, тим болш богатѣлся он шпитал, о чом слышачи и Волфанг грабя з провѣнцией и Петронельля, родичи славного рицера, зефанг грабя з провѣнцией и Петронельля, родичи славного рицера, зезволившися прїихали з великим набоженством до костела оного и, давши поклон богу, оглядали он порядок шпиталя и монастера оного, барзо ся дивуючи и мовили, же то згола[2] якас панѣ святая. Узнавши шпитална, же то великий князь и жона его приїхали, вийшла противко них и учтївост великую учинивши, з великою их повагою привитала и потим особне княжна ся з нею розмовила, ускаржаючися о великом жалю за сына своего Петра рицера славного, котрий не знаті где ся подѣл, ест ли жив, албо згинул. Видячи шпитална барзо смутную княжну, хоч и сама не менший жаль на серцу своем мала, тѣшила еи вдячнимі слови, якож могла, покладаючи надежду в богу, за що Петронельля улюбила еи сердечне, обецуючи еи часто навѣжати и всѣми потребами так ку живности, яко теж и ко направѣ капліцѣ и шпиталя обдарити; просила еи теж о молитвы за сына своего, би его бог обявил, и отихали. И гди Волфанг князь и Петронельля до дому приихал, в той час принесли му рыбитви[3] в подарок великую рыбу морскую, котрую кухар справяючи, найшол в ней вузлик червоный и, взявши, нѣс до княжней. котраа, одвинувши[4], обачила онїе три перстенѣ, котрїе была дала при жегнаню[5] сынови своему; там их внет[6] познала и от великой жалости омдлѣвши, впала; ухвитили еи служебници з великим страхом, не знали, що чинити; потим к собѣ пришедши, начала горко ляментовати[7] о доскорбном згиненю сына своего, ознаймуючи и мужу своему, о чом барзе ляментовали. Пошла тая смутная новина по всей той земли и, учувши то, Магеліона барзо ся засмутила, нарѣкаючи на нещастя свое. Где к ней приихавши жалосна княжна Петронельля, жадаючи ради и потѣхи, яко от набожной невѣсти, котрая барзе тѣшила еи, отводячи от плачу, вспоминаючи моць бога правдивого, котрий може то обернути иначей. Слышачи то, бѣдная мати улегчила жалю собѣ и, пожегнавшися, ихала в

[1] моряків [2] зовсім [3] рибалки [4] розгорнувши [5] прощанню [6] одразу [7] плакати

дом свой. И гди ся так стало, он шляхетний млодзен [1] Петр грабя, будучи так през немалий час при дворѣ цесара солтана в Вавилонѣ в великой ласцѣ и милости, яко сын его, и намисливши ся, почал ся вдячне и лагодне просити у цесара, бы му позволил родичи свои навѣдити, чи ли живи, чого цесар жалуючи позволил на то, тилко просил, би ся ку нему знову навернул; а казал му дати великую обфитост [2] злота и сребра, клейнотов барзо дорогіх и, пожегнавши, отпустил его, давши писаня би всюди был волно пущан и учтиве проважон. И так ся Петр рицер в дорогу виправил; и трафился окрент, котрий ишол водами до Александріи и с тими маринарами [3] приихал аж на мѣсце. Вступил там Петр грабя з листом цесарским до Чауса, котрий принял его вдячне [4]. Там собѣ Петр казал уробити фасок [5] 14, хотячи тим безпечнѣй дорогою заслуги [6] свои до отца завезти. И казал в них соли насипати, а в посродку ховал злото и клейноти. И нашедши жегляров, котріе бралися з товаром до кролевства французского, нанял их собѣ, би его з тими фасками до Франціи запровадили, и зараз им заплатил. И так приихали щасливе до едней инсули, там собѣ отпочивали. Петр грабя, будучи дивне тескностю вод морских упрацований, висѣвши з окренту, почал ся прохожати по оней инсулѣ, любуючи розмаите там квѣтки, с чого пришла ему на памят пѣнкность Магеліони, и почал ревне плакати; потим з оного плачу и праци заснул на оной луцѣ так твердо, же гди на него волали [7], взиваючи до окренту, жадною мѣрою не слышал; що видячи пан окренту оного, иж ся его докликати не могли, розумѣли, иж гди ся далеко отблудил, то звѣр его порвал [8] и, жалуючи, казал жаглѣром стягнути и пошли. Также потим ихали аж до оного порту поганского, где била збудована капліца и шпиталь на честь святому Петру з Магеліону. Тамже виклавши речи всѣ з окренту оного, даровали тіе фаски з соллю на шпитал, мовячи шпиталной оной Магеліонѣ, иж з ними ихал зацний [9] чловек в тіе краи до отчизни своей, а мѣл тую соль отдати где до шпиталя, и так оний человек, отблудивши от нас, гдесь згинул, овож тое возми а проси бога о его здоровя. Взявши то, шпитална казала розбити едну фаску и соли достати; там знайшли в посродку багато злота и сребра и клейнотов розмаитих, также в другой и третой и во всѣх рознїе дорогїе речи, з чого ся здумѣвши [10] хвалила бога и просила за здоровя оного чловека, котрий правѣ был наймылший ей, але о нем не знала. Зачим зволившися [11], Магеліона послала по муляров и з великим коштом и накладом церков и шпиталь за короткий час збудовала, же трудно было в той земли о такий другий коштовний монастир, где ся мнозство людей розних збиралося, дивуючись достаткови оному; а видячи шпиталну убогую, не маючи жадного достатку, дивовалися и розумѣли еи быти святую. Где знову на славу такую приездил оний Волфанг грабя з Петронельлею и, вислухавши набоженства, розмовляли з нею о смутку своем и страченню [12] сына своего, она теж им уфност [13] на бога все покладати казала и в дорогу их почтиве випрадила.

Гди теди Петр долго лежал и аж вночи очхнулся, а дивовался собѣ и, вставши, ишол ку брегу моря, волаючи и шукаючи людей, а не найшедши впал в великий страх и жаль, почал ся бити и ляментовати жалосне о так великих трафунках [1] своих. А на завтріе из божого допущеня над'ихали там люде з трафунку так же до инсулѣ оней и знайшли его юж в болести лежачого, а зжаловавшися, взяли и, привѣзши его до мѣста Крапани, отдали до шпиталя. Хоровал же там час долгий, а потим, троха оздоровѣвши, брался из едними маринарами до отчизни своей, от котрих, пдучи морем, услышал розмову о поганском портѣ, где была церков чудовна святого Петра з Магеліону и шпиталь великий, на котрий порт мѣли ехати. Тому задивился Петр, иж имя кролевни назпвали, хотѣл видѣти оное мѣсце и азали [2] би там пришол до здоровя и услышал бы где о Магеліонѣ. Просил оних купцов, котріе его припровадивши там остави в шпиталю, а сами пошли в свою дорогу. Пришедши до шпиталя Магеліона ведлуг своего звичаю навѣжати хорих, обачила новотного [3] чловека, иж был барзо немочний а опухлий. Казала ему встати з межи хорих, а змивши голову и руки и ноги его и отираючи, цаловала его так, яко звикла была чинити каждому, до того принесла бѣлую постѣл и положила его, абы ся посилял [4], мовячи: «Чого ти тилко потреба до покарму албо питя, повѣдай ми, а то ты все буде». И гди лежал там Петр грабя, хоруючи час немалий, дивовался великой пилности и праци около хорих оной шпиталной; и потим почал ся посиляти и просил бога з плачем, абы где услышал о малжонце [5] своей так теж и о родичах. Она шпиталная надийшла его плачучого, питала го, чого бы хотѣл и в чом ему невигода. Але он похвалил еи за все добре, тилко повѣдал жаль и трафунки свои великіи. Она его тѣшачи, питала пилно, вспоминаючи свои присвои великіи. Она его тѣшачи, питала пилно, вспоминаючи свои пригоди. Повѣл ей все поточне, як ся чинило, як родичи оставил и як кролевну едну Магеліону на пущи утратил и в неволи был, и як ся до отца виправивши, дорогіе заслуги свои потратил и з того в болест впал. Слышачи то, шпитална Магеліона барзо ся здумѣла и острашила, иж малжонка своего познала власного, яко тиж и родичов его; а не даючися ему еще на знак, тѣшила его яко могла, а ту дала знати до родичов его, бѣгла теж з радостью до церкви Петра святого, подякованя чинячи с плачем богу, же еи потѣшил. Послала теж зараз лист и грошей багато през кунсора [6] своего до мѣста Гевель до оной господинѣ, бы юй накупила злотоглавов [7] и иных речей коштовних, перел и злота и едвабу [8]; що отримавши заставила кравцов чим найпрудше робити шати собѣ и мужу своему, а то все потай, а оного юж Петра з межи хорих увела на отпочиненя в палац піекне убранний, чому ся он барзе дивовал.

Потим убравшися Магеліона в паніенскіе одѣня, и пришедши ку нему начала его витати: «Наймылший рицеру, пане и малжонку мой, юж тепер розвесель сердце свое, котрое през немалий час смутно было: ото ж я ест, она страчона Магеліона твоя, през котрую с сила утерпѣл трудности, яко ж и я для тебе». Повѣла ему о всѣх секретах своих, що Петр слышачи, яко не болѣл, порвался до неи и обнял еи, плачучи з оной великой радости. Плакали обое и потим радост великую взяли. Ознаймила ж му и о родичах и послала по них, котріе, учувши, тѣшилися барзе и зараз прийхали. Князь Волфанг и Петронельля, родичи его, там же

[1] юнак [2] силу, кількість [3] моряками [4] привітно [5] кадок, діжок [6] платню [7] кликали [8] схопив [9] шляхетний [10] здивувавшися [11] погодившись [12] загибелі [13] уповання, віру

[1] лихих пригодах [2] хіба [3] нового [4] видужував [5] дружині [6] гінця, скорохода (пол. kursor) [7] парчі [8] шовку

всѣ ся познали, и радост была великая, хвалили бога; и зараз розеслал Волфанг князь до всѣх кролев влоской землѣ от кроля французского, швагра своего, до кроля неаполѣтанского, отца піекней Магеліони, котрїе, также вчувши, не меншую радост мѣли. И з'ихалися всѣ княжата и кролеве з розних земль, котрим Волфанг грабя великіе а достатнїе годи[1] учинил, и триумфовали 14 дней и скончили веселя. Жили потим час немалий, з собою пануючи, и потомство мѣли. А докончивши живот свой. погребенни были в оном монастиру святого Петра, который ся и дониньѣ там називает Магеліон.

НОВЕЛА БОККАЧЧО В УКРАЇНСЬКОМУ ПЕРЕКАЗІ

Скорочений український переказ (силабічними віршами) одпісї з кращих новел «Декамерона» Боккаччо — про трагічне кохання Сігізмунди, дочки салернського принца, і слуги Гвіскарда («Звѣздард» — в переказі) — належить до кінця XVII — початку XVIII ст. Новела ця викликала численні віршовані, прозаїчні й драматичні переробки різними європейськими мовами.

Від польського віршового перекладу Андрія Морштина походить українська переробка, написана порівняно вільною від полонізмів слов'яно-українською мовою. В перекладі скорочено типові для новели Боккаччо комічні епізоди і ремарки, якими пересипане оповідання. Тим виразніше виступає центральна тема — кохання між чоловіком і жінкою різних станів, що приводить до трагічної розв'язки. Промова Сігізмунди, яка обстоює право людини на кохання, доводячи, що не знатне походження, а моральні якості роблять людину благородною, відбиває вже погляди нової доби.

Нижче передруковуємо повністю текст новели з видання «Киевской старины», 1885 р. кн. VI (т. XII).

ИСТОРИЧНІЕ ВѢРШИ

Князь Танкред, по имени Салернѣтанск бывій,
Долгіе пожил лѣта в той власти щасливій;
Умре без наслѣдія, толко дщерь едину
Имѣл он Зигисмунду, и ту любя вину,
Любя сердцем безъмѣрно, як зеницу ока,
Хранил, хотя оную видѣти без порока.
И так тѣм любленіем привел к тому тую,
Что аж безвременную смерть принесл оной злую.
Когда бо пришла в возраст Зигисмунда дѣва,
Добронравна надзвичай и красна до дива
Видѣнна была, коей задивяся мнози,
Не быть бо ся краснѣйшу судили и бози;
Многіе ж от велможних господ ю хотѣли
Поѣть себѣ за жену и отца нудили,
Но отец любовію был к ней обдержимій,

[1] весільний бенкет

Отказал акт веселній дѣвѣ той любимой,
Не хотя лишится радости всецѣлой
И отдалить от себя Зигисмунди милой.
Потом и не с волею принужден отдати
За княжича едина в свѣтліе полати,
Которому не долго бог дал с нею жити,
Благоволил жизнь его смертію скратити.
Завдовѣвши ж, прекрасна Зигисмунда млада
Узнала, что за прелесть в свѣтѣ и израда;
Кривавіе от очес своих лила слези,
Как росою кропила свои ходя стези;
Не видѣла и свѣта за слезами тѣми,
Лице зараз змѣнила печалми такими.
А была красотою и умом так славна,
Что во области не бѣ ей ни едина равна.
Нелзя было не думать и не удивлятся,
Смотря толко на нея и не услаждатся;
Насквозь та проникала сердца зраком вдатним
И к себѣ привлекала словом всепріятним.
Была-ж в дому отческом не мал час вдовою,
В дому славном, роскошном, в великом покою.
Но понеже всякому долго скорбь прискучит,
Затѣм стала приходить в чувство, что ю мучит,
Стала о том забывать, роскошми нудима,
Спомянула жизнь брачну, как она любима,
Кровь млада дѣвственная в тѣлѣ ей заграла
И жар в ней, как бурній вѣтр, всегда разжигала.
Толко о том и думает, кто имѣет тѣло,
Чтоб в свѣтѣ аггелское было его дѣло;
Развѣ был-би адамант тот непобѣдимій,
Даби молотом біен бил ненарушимій.
Но кровь сія козлія и камень тот крушит,
А отрада и роскошь ея не утушит;
Для чего горкой скорби по мужу забила
И горячку силную в тѣлѣ ощутила.
Искала ж средств удобних и лѣкарства певна,
Как бы могла лѣчити болѣзнь ту плачевна.
А о то стидно было у отца прохати,
Не пригожо бо дамѣ жениха искати.
Что-ж чинит Зигисмунда, искрей потаенних
Не могучи угасить, внутрь ея разженних?
Починаеть умишлять, каким бы то видом
Снестися могла в любовь с изрядним купѣдом [1],
Кой бы желаніям ея был догожій
И в той ея секретно сокривать могл дрожи.
Сискала способ латвій[2] в отеческому дому,
Врачбу так на боль певну к здравію свѣдому.

[1] купідоном, тут — полюбовником [2] легкий

Так между протчіими лучша всѣх слугами,
Так красна, как и умна и крѣпка силами,
Ио имени избравши Звѣздарда едина
И ис тѣм зкохалась (о любве кручина)!
Красоту и пріятство и умніе справи,
Паче за куріозность стался быть друг правій;
А вродою хотяй-же он и бил сравненній,
Со другими-ж чєстію не был соединенній,
Кого Зигисмунда так уже сподобала,
Что з очей сердца и мисли всегда не спускала.
Молодец-же разумен Звѣздард узнал тое,
Что сердце Зигисмунди есть к нему прямое,
Стал ходить вслѣд ея мислми и очима
И так тую уловил в любовь между сима.
Как-же б далѣ поступить, мислить о том стала
И чтоб дѣлом искусить, кого закохала.
Се-ж уже когда любовь в них жить стала равна,
Тогда расти вещь к дѣлу стала в них исправна;
Однак она, не хотя звѣритись никому,
Опасаяся изради от слуг своих в дому,
Сискала таков способ: картку написала,
В трость тайно вложивши, к нему отислала,
Молодец-же разумен тотчас догадался,
Что недармо дар к нему от нея прислался,
Так хитро умисленній, да еще чрез дѣву;
На мног час чудяся тому ея дѣлу,
Взяв тую, роспечатав и прочитав скрито,
И стал любить чрез тое ея ненасито;
Растопилася от сладости и развеселился,
Что о часѣ и мѣстѣ, гдѣ быть, извѣстился.
И так сишлися в едино, волю учинили
И конец желанія любве улучили;
Покой бо бил далече Зигисмунди в боку,
Для утѣхи ей самой дѣланній знароку,
При котором и ліох бил уже запалій
И смѣттем нанесенній, толко поостали
Нѣякіесь там мѣста секретніе к входу,
Правящіе в покою сѣнми охолоду,
Где и намет Зигисмунди над вся был любимій
И нарочно для потѣх собственних держимій.
В том наметѣ при ліоху желѣзніе двери,
И стална была засов с желѣзними пери.
Той ліох з давних времен был вже запустѣлій,
И домашніе о нем весма позабили;
Но любовь бысть раззорна[1], проходя сквозь всюди,
Усмотрѣла мѣсто то угодно, где труди
Облегченни бывают, и соединила

[1] зірка

И тугу сердечную оним там разбила.
Зигисмунда бо, в помощь не прося никого
Сама двери отверзла, трудяся в том много,
Упустила Звѣздарда к своему покою
И там утѣшилися обоп меж собою.
Сіе-ж часто бывало, а единой ночи,
Желанію своему не имѣя мочи,
За препятствіем слуг своих, оних разослала,
Умисливши сказать то, что еще не спала.
И пошедши к покою, там сладко уснула
С Звѣздардом в прохладѣ, а як ночь минула,
Обопми обявши своима руками,
Звѣздарда цѣловала всѣ уди устнами;
И долго побавились еще в той утѣсѣ,
Як пташечки играя в красном яком лѣсѣ.
По игрѣ-же той Звездард у дом возвратился
И пришедши, где медлѣл, в дому не звинился.
Зигисмунда, замкнувши двери, тож вступила,
Как-би от сна себе толко обудила;
Взявши шубку на себе, пришла между слуги
И, с ними в рѣчь вдавшися, била как лук тугій,
Не дала ни мала по собѣ в том знаку,
Сахарним розговором прикрила желч смаку,
И смѣяся с паннами, шутливо сказала:
«Як я долгое время в покою том спала!»
Они-ж в отвѣт ей сказали: доволно и много
Ізволили спать, госпоже. Она-ж им до того
Сказала, что пріятным сном бѣ отягощенна
И сладким от чувствія велми вспокоенна.
Потом едини в шати другіе вбирали,
Другіе-же вечеру вкусну готовали.
А Звѣздард всегда певен было посѣщает
И печално ея сердце в тузѣ утѣшает.
Но противна фортуна щирости той вѣрной
Не могла укротити завѣсти безмѣрной,
Кая всѣм тѣм потѣхам конец даровала
Печалній и обоих смертію карала.
Обикл бо Танкред оній, князь Салернѣтанскій,
Часто ходить к покою, в намет тот панянскій,
Хотя часом утѣшить дщерь вдову печалну
И ей отгнать тугу от сердца нахалну.
А временем обикл бил ходить до покою,
И там было розговор имѣють з собою.
И так часу едного, в полуднѣй годинѣ,
Ходя он по покою сам толко единій,
Когда дщерь Зигисмунда с паннами играла
В городку и цвѣтками себе забавляла
Маіовими, як звичей,— тогда он в покою
По многой уснул утѣсѣ, утружден собою;

Уснул он у тихости вкупѣ наединѣ,
И окна бо заперти были у той сѣни.
Зигисмунда-ж, не зная, что дѣлалось тамо,
Пожелавши Звѣздарда, идет в покой прямо,
Где и Звѣздард надойшол, тѣшились вспаняло[1]
По желанію сердец; когда-ж позднѣйш стало,
Обудився з сна, Танкред видить, что дщерь дѣеть,
Ничего не говорить, от жалю ввесь млѣеть;
Хтѣл к ним обозватись, а потом раздумал
Не обличать дочери, только тайно румал,
Румал горко и ревно, уста притиская
К подушки, на кой лежал, глас утаевая;
Не двинулся, аж поколь ростались обое,
Окончивши забаву, не мисля на тое,
Что вже зрада с ними есть. Ах израда скрита,
Кую любовь дѣеть слѣпа и не сита;
Та бо их разстопила так, как воск и масло,
И в той они цѣлуясь, паки дали гасло.
Звѣздард обыкновенно отойшол с покою;
Зигисмунда-ж в надежном бывши слова строю,
Пойшла в дом между панни и там жартовала,
Посредѣ их, играя с ними, розмовляла.
А Танкред нечаянним видом пораненній,
Вишол тайно с покою, сердцем болѣзненній,
И утвердил над ліохом тѣм стражи опасни,
Гдѣ в третій день пойман стал Звѣздард той нещасній.
Между тѣм, звязав его, дали князю знати
Скрито о нем, что уже дал им бог поймати.
Князь-же, не хотя того и видѣть очима,
Приказал вложить в тюрму, как вора злозрима.
И то все тайно дѣлал; казал, чтоб не знала
Зигисмунда о тому и тужить не стала,
Что свого рачителя уже упустила
И своим сношеніем его погубила;
Приказал говорити — с пѣсмом отпущенна
И надежно с отвѣтом скоро возвращена.
Потом, время избравши, пойшол сам в темницу
И гнѣвную на его обратил зеницу,
Хотя слишать от него, чтоби он зрадливій
По совѣсти сказать могл. Питал, как плачливій:
О злодѣй безъсовѣстній! сами тѣ доброти
Мои тебе отвесть могли б от срамоти,
Даби дому моему и слави такои
Не дѣлал и сердцу болѣзни тяжкои;
Кое дѣло сам видѣл очима моима
И покрил то горкими слезами моима.
На что в отвѣт отказал то Звѣздард Танкреду:

[1] чудово, розкішно

Согрѣшил, господин мой, ставлю грѣх на среду.
Но что буде, то буде; правду сказать, знаю,
Что любовь болшу силу, ниж ти и я маю,
Оной я слушать мусил, тебе позабивши
И волѣ тоя себе всего поручивши.
Князь-же Танкред ридая вийшол болѣзненній,
Приказал, чтоб Звѣздард был крѣпчае замкненній.
Зигисмунда-ж частенко з окна виглядала,
На всяк час и минуту Звѣздарда чекала
И мисля, что з писмами тѣми забарился,
Воздихала горко, что не знаеть, гдѣ подѣлся.
Отец, час усмотрѣвши, пойде до покою,
Як обикл был; аж дочер сама там собою
Лежить скорбне, в наметѣ. Когда его взрѣла,
Ставши пред ним, как должно, отца сѣсть просила.
Он же сѣдши зачал рѣчь свою к ней ту править,
Что до смерти за жену, как она лукавить,
Ручитися не хотѣл-би, тое всяк дознаеть,
Здравіе-бо и славу та от часу тераеть.
О дщи моя едина! скорбен я до зѣла,
Ібо твоя мнѣ в очи сваволя вступила,
Чего когда б очима своими не видѣл,
Никогда бы, кто казал, тому-б я не вѣрил,
А то видѣл и плакал, в слезах утопая;
Говорить аж он не могл, с жалю умирая.
С таким то щастіем бѣдній умирать я мушу
И так в горкой печали злѣй зверну душу.
Грѣх твой мене тот мучить и свѣта лишаеть,
Твоя любовь з Звѣздардом мене погубляеть.
О дщи моя, дщи злая! что се ти зробила?
Кости моя и мене жива в гроб вложила,
Смѣшеваеш з землею, жалем покриваеш
И так сердце бѣдное насквозь пробиваеш.
О бѣдная Зигисмундо, вдовице неправа,
На что далась бездѣлнику звестися лукава?
Для той своей свободи могла б изобрати
З нобилетов[1] изрядна, нежели так каляти
Славу свою, и себе худу учинила.
Когда вже желанія в том не преломила,
Много дворян у мене лучших избрать можно,
Если вже захотѣла так жити безбожно.
Не знаю, что в том сердце твое возлюбило,
На кого и смотрѣть другим есть не мило.
Сего бо млада еще взявши я нагаго
От отца, вмѣсто сина здѣлал таковаго,
Пріодѣнул нагаго и сдѣлал як сина,
Хотя его за вѣрна слугу мѣть едина;

[1] знатних

Се же он мнѣ наградил за тія доброти,
Нанес в тяжкой старости моей мѣст клопоти.
О сердце старости! что ти так нещасно,
Что от сего терпиш ти так тяжко, напрасно.
Однак уже, как ни есть и как тое стало,
О нещастіе велико так мене попало,
Что сам я не знаю, что чинити з собою;
Прійдется в горести умрѣть в неспокою.
Поступлю я с Звѣздардом, как с таемним вором,
Убію безъсовѣстна во времени скором;
А с тобою не знаю, что дѣлать имѣю,
Прибрать мисли не могу, сердцем тя жалѣю,
Любовь бо природная дѣлать воспящаеть,
Хоть на тое суд правій мя и поущаеть,
Чтоб тя казнить за грѣх твой и сущіе сіи зліи
Помстять тя сами нехай дѣла твои тіи.
А я поколь умишлю, хощу в тебе бути,
Чтоби ти мнѣ сказала, як би избѣгнути
Могла еси казни злой и прощенна быти;
Лучше бо тя мнѣ мертву, неж безъчестну зрѣти.
Печална-ж Зигисмунда будучи в том часѣ,
Стала безъответна вдруг в немалому страсѣ,
Не так себе жалѣя, як друга своего,
Звѣздарда, мисля в себѣ: ах нещастія моего!
Что се нам случилося? тяжко воздихала
И скорбное слезами лице обливала.
Видя тое, что уже тайни их открити
Стали и вси любве той знаки явни быти,
От жалости несносной ніедина слова
Не могла проговорить до отца сурова;
Однак пред ним мужеско сердцем поступала,
Прибирая разума, что би отказала;
А в мисли своей твердо тое закрепила,
Что с Звѣздардом и смерть ей будет в свѣтѣ мила
И быть-би вже готовой, еслиби згубити
Звѣздарда отец имѣл, там же положити
И свой живот с ним купно; и так учинила,
Что по смерти вже своей его в гроб вложила;
Мужественно стояла до смерти и вѣрно
Не просила ни о чом отца, толко мирно,
Без гнѣва, со слезами тое говорила:
Что ти де, отче, винен, не я учинила,
Отец мой, государь! ти сам в том причина,
Что я так согрѣшила, тебѣ дщерь едина.
Грѣх мой исповѣдую и вини не крію
И о милости просити тебе не имѣю;
Готова все терпѣти, чтоб имѣло быти,
С Звѣздардом совокупно хощу и умрѣти.
Не тая-же и сего, что его любила

И так, как с мужем своим, я с ним жизнь имѣла
И поколь жива буду, хоч то и немного,
Не престану любити от сердца прямого;
И по смерти, когда би власть кости имѣли,
Желала б, чтоб и в гробѣ Звѣздарда любили.
Не так моя хоть к тому и любовь его же,
Як гвоя, отче, роскош то сдѣлать возможе:
Могл би еси в младости моей то вчинити,
Даби мене другому мужу обручити,
Тоб я сіеи свеволѣ так худой не знала
И всегда б з своим мужем в сладости играла.
Не помислил ти на то, что и сам тѣлесній,
В тѣлѣ своем имаши тот же дух прелестній,
И мене не каменну родил ти ж такову,
И для того и нравом знай быть еднакову.
Могл бы еси и тое еще разсуждати,
Как в младих лѣтах наших кров звикла играти
А и сама младость есть ко грѣху всесклонна,
Найпаче-ж праздна; а любов законна
Всего сего не знаеть, но живеть нелестно.
Брак честен, как сказують, и ложе всечестно:
Як-же мнѣ, женѣ, бывшей в отрадѣ доволной,
Младой, к тому и праздной, не быть своеволной?
Сіи твои и к сему мене понудили,
Что всѣ уди Звѣздарда мои так любили;
Бывши бо я за первым супругом законним,
Хоч не долго з ним жила, однак браком полным,
Узнала, что то есть брак и что в нем за сила,
Всяких тайн сердечних сладости вкусила;
Когда-ж в той горячести самой завдовѣла,
Над мѣру в младой кровѣ огнем разгорѣла,
Каким во дни и в нощи палая сердечно,
Принужденна промишлять о то всеконечно,
Як бы пламень природній могла утолити
И кровь, во мнѣ горящу, хоть мало залити.
Однак с прилѣжаніем и о то старалась,
Как-би найсекретнѣе в той вещи справлялась,
И искала способов таемних до того,
Чтоби подозрѣнія избѣгнути злого.
Тебе ради, не себе, тайно так чинила,
Даби когда подзором не обезъславила.
И до тих пор щасливо текло тое дело,
Покамисть твое око отче не узрело.
Когда-ж тебѣ досадно паче всего тое,
Что не з равним любилась, се резон на тое:
Той бо мнѣ полюбился и я ему равно,
Любов не перебирает, все дѣлает травно.
Но что очесам людским кажется в придачу,

Любвѣ пріятно, то нам есть в удачу.
Мниши-ли грѣх тот быти меншій меж грѣхами,
Которій би имѣла дѣлать з шляхтичами?
Слѣп твой в том разум, отче! мисль маеш неправу,
Не Звѣздард, но щастіе отіймает славу.
За щастіем все течет: то славит безъславних,
То убогих, богатих, то и князей славних
Возносит и смиряет,— то дѣлает само.
Слово-ж твое, отче мой, и богу упрямо;
Всѣм бо нам един отец, една земля мати,
Вси от нея созданни, от нея зачати,
И достоинство наше от земли-же взято.
Вси земля, прах и пепел, толко едно свято
Племя и род, коего добродѣтель славить:
Та сама славу родить, та богатих ставить,
Та ворота к шляхетству и ключ к славѣ златій,
Тая шляхтов дѣлаеть — не отец, ни мати.
Присмотрись толко, отче, своей шляхти нравам
И всѣм их дѣлам добрим и дѣлам исправпим;
Положи на мирилѣ Звѣздардови справи,
Добрій нрав и красоту — как болшой суть слави.
Так увидиш всю правду, чего он достойній,
Как тѣх стома крати лучшій есть и стройній,
Зачим я извѣрилась, як вѣрному другу
И хотѣла-би ему быти за супругу.
Болше-ж сего еще то я в нем усмотрѣла,
Что он горяч любитись,— за то я влюбила,
И что болш есть шляхтич, хоть убог да правій,
Доброти в нем нѣсть подобной, красни имать нрави.
Обманулся ти, отче, что так мужа умна
Чрез долгій час не узнал быть нелегкоумна,
И за служби вѣрніе по сей час заплати
Не наградил достойной з своей благодати.
Нѣсть сіе ново и дивно; часто бо бываеть
Господин убогим, убогій-же его превишаеть;
Много тих, что у себе ничего не мали,
Щастіе-же им дало, господами стали.
Многіе-ж хоч и мали, да щастіе побрало,
Много мавши, послѣжди ничего не стало.
В заключеніи-же рѣчи сіе утверждаю:
Что хочеш, дей со мною,— умрѣть с ним желаю;
Если згубиш Звѣздарда,— чего не дай боже,—
Узриш мертву и мене, что будет негоже.
Мене карай, мене муч,— я то во всем винна:
Сама его извела, сама в том безъчинна;
Сама смерти я годна — пусть-же пойду з свѣта,
Не дасть он пред богом безъвинній отвѣта.
Да дасть господь бог ему, ему лѣта многи

И вся свишше благая без всякой тривоги.
Если-ж из свѣта, отче мой, Звѣздарда мнѣ истратиш,
Смертію вже моею ти лютость уплатиш;
Лучше нас обоих згубить, нежель розлучити,
Дружно бо хощу с Звѣздардом и в гробѣ жити.
Положи нас в единой трунѣ нерозлучно,
Пусть едину не будет жити в свѣтѣ скучно;
Погреби кости наша в единой яскинѣ,
Пусть лежать в памятку любве вѣрной нынѣ.
Смотря-ж Танкред на ея так рѣч ту статечну,
Не знал, чим-би устрашить оную безпечно;
Умыслил он тот пламень, внутрѣ ей розгорѣлій,
Кровю залить, Звѣздарда живот отяв милій.
Хотя все тайно здѣлать для своей неслави,
Казал в ночь глубокую лишить его глави
И сердце его к собѣ принести неживо,
И положив на златом блюдѣ то на диво,
Послал к дщерѣ на покой с таковими слови:
Отец ти про память прислал се суровій,
Даби тѣм и по смерти себе потѣшала,
Которому за жизни любов даровала.
Се имаш сердце его; кой отял доброти.
Тѣм закрій свою нечесть, знак вѣчной срамоти;
Теперь ему присмотрися, есть-ли что в нем мило,
И испросися, любить-ли, как прежде любило.
Зигисмунда-ж, будучи вже на смерть готова,
Не говорить в отвѣт ни едина слова;
Держа в руцѣ напиток из ядом смѣшенній,
Силною отравою бывій растворенній,
Ожидает, что будет с Звѣздардом чинится,
Аж видит, что их секрет явно всѣм вже зрится.
Взявши сердце оное от златого блюда,
Воздохнула плачевна о причинѣ студа,
И очи в небо поднесла и благодарила
Отцу за тот дар драгій, которій узрѣла.
И зараз узнала, что то Звѣздардово
Сердце было, которое отец дал сурово,
И спустивши вниз очи, плакала ревниво.
Потом к послу сказала тѣ слова плачливо:
Достойно и по истиннѣ золотого блюда
Сердце сіе и его любовна утроба.
Как ему труна и быть надлежала,
В чом я тепер отческу милость вже узнала.
Достойно Звѣздард лежит по смерти на златѣ,
Положил-бо любви моей то в заплатѣ,
Сердце-же его, кое в руках пѣстовала
И своими сердечно усти цѣловала.
Сказуя то, прирекла: о моя утѣхо!
Ти тепер в небѣ еси радостно и тихо.

Потом, обратившись к панянтам, сказала:
Всегда я отческую милость узнавала,
Но тепера найпаче тую узнаваю
И за такій дар ему воздать чим не маю;
Вмѣсто всего самую пусть он будет знати,
Дая ему жизнь мою и покой мой златій.
И к сердцу обратившись, так горко слезила,
Что от жалю и плача зѣлно обомлѣла,
Сказуя так до сердца: о сладкій покою
Всѣх моих потѣх! тайно добро мнѣ с тобою.
О радостній доме мой, любве пребезмѣрній,
Постоянній и вѣрній и нелицемѣрній!
Ти замок таин сих всѣх! Где-ж тебе подѣли?
В тебѣ-ли суть, иль в небо з душею вступили?
Богдай-же тот не дождал вѣка вже своего,
Кто живота не щадѣть приказал твоего!
Доволно в тебѣ, сердце, было мнѣ спокою,
Когда-ж умрѣть наперед ти зволил собою,
Быть тому так; для мене ти князя лишился,
От его-же и на тот свѣт итить поспѣшился.
Когда-ж еще до мѣста не дойшол своего,
Я гонюся за Звѣздардом, свѣт бо мнѣ без него
Не милій. Дал тебѣ гроб непріятель злобній,
О сердце любимое, твой сход мнѣ удобній(?);
Болш ти слави и погребу вже не доставало,
Толко-б еси в слезах моих омокало,
Каких я не жалѣю, и ти бо однако
Не жалѣл своей крови и живота тако.
И кого-ж-би сердце то днесь не засмутило
И вздохнуть от сердца внутр не понудило?
Мнѣ было еднаково в землю пойти прямо
И з сухими очима и без слѣз бить тамо.
Но фортуно измѣнна! от тебе се цвѣти
Понужденни ввязнути у смертніи сѣти;
Души-ж наши, мню, будуть совокупно обѣ,
Когда купно положать тѣлеса во гробѣ.
Еще бо, надѣюся, дух твой во покою
Моем здесь пребывать, лѣтая собою,
Смотря на плач и жаль, так тяжко ревнивій,
Ожидаеть, поколь дух мой вийдеть з мя плачливій,
Не желаеть дружества остатися вѣрна,
И нинѣ любя его, как нелицемѣрна.
Но уже душа моя мене оставляеть
И тѣло от немощи тяжкой умираеть.
Сказуя, глас в себѣ таила плачевній,
А в сердцѣ диханіе и жаль велми ревній;
Слези-ж лія на сердце тое без престани,
На мертвость смотря его и смертніи рани.
Жени тамо и панни, тож видя, слезили

И на слезній тот позор[1] вси тамо смотрѣли,
А она плакавшись очи утирала,
На сердце Звѣздардово смутно поглядала.
Потом всѣм вслух сказала: плакать уже годѣ,
Но не годѣ з Звѣздардом быть мнѣ при отходѣ.
То говоря, взем чашу, смертна яда полну,
Іспила и упала, жизнь оставя долну;
Там на ложѣ, як труп, тотчас поблѣднѣла,
Сердце-же Звѣздардово к себѣ прихилила,
Цѣловала и скорой смерти ожидала.
Тѣм бо своим случаем всѣх жен попужала:
Что-бо она испила, того не узрѣли,
Толко знать, что яд смертній, мислми доходили.
Тотчас, толко пала, лице измѣнила,
Вся стала нечувственна и вся омертвѣла.
Дали о том отцу знать, что дочер болѣеть;
Услишавши-ж то, отец тотчас к ней приспѣеть,
Спрашиваеть, что се есть? Она-ж вже канаеть.
Крикнеть отец: ах, бѣда! дочер умираеть!
Пособити не знал, пройшло-бо тое время,
А яд лют непослабно палагал вже бремя.
Видя-ж отец смерть явну дщери своей милой,
Не плакал, но ридал по той втѣсѣ милой,
На себе и на дочер свою нарѣкая
І день тот свой нещастній горко проклиная.
Аки при Меандрових брегах лебедь бѣлій,
Тако жалостно над дщерю плакал отец милій;
Лебедь гласом плачевним кричить, воздихая
І крилами бистріе води розбивая,
Поеть пѣснь печалну гласом умиленним,—
Равно пел и старушек[2] сердцем сокрушенним;
Жалѣя по дочерѣ, румал неутѣшно
І себѣ умрѣть желал за тоею спѣшно.
Дочер отцу слезну каная говорить:
Мнѣ вже тѣх слез не треба, и Звѣздард не спорить.
Сокрій тія на славу нас умерших нинѣ;
Ідем з свѣта через тебе в сей горкой кручинѣ.
Напрасно ти жалѣеш, сего ти хотѣлось,
Тѣшся с того, о чем вже тебѣ и ходилось;
Ти сего рачително желал,— бог с тобою!
Бог судія ти буди, что нам жить з собою
Не допустил ти в любви; дай-же хоч по смерти
Кости наши ямѣ едной вже пожерти;
Даруй сію благодать дочери единой,
Буди в тебѣ любов есть к мнѣ, отче, безвинной.
Яви отчу милость к нам, сдѣлай вконец тое,
Даби в гробѣ едином положились двое.

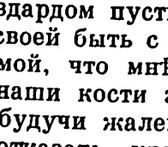
[1] видовище [2] старий

Тѣло мое з Звѣздардом пусть вже почиваеть,
І по смерти бо своей быть с ним желаеть.
Надѣюся, отче мой, что мнѣ подаруеш,
В едно́м гробѣ наши кости замуруеш.
Тогда Танкред, будучи жалем ураненній,
Не могл слова отказать, крича изумленній.
А Зигисмунда, видя смерть уже пред очима,
С отцем попрощалась и з всѣми своими,
Сердце-же пѣстуючи усти цѣловала
І тяжко вздохнувши, в том и жизнь скончала.
По том всем князь печалній стал осиротѣлій,
Зделал погреб[1] обоим и гроб един цѣлій,
Схоронил их преславно. Пусть-же почивають
И так в вѣчной любвѣ купно пребивають!
Танкред пожил в печали, скоро преселился,
І так живот Танкредов и тѣх окончился.

Лямент Зигисмунды

Нещасливи годи и лѣта нещасливи,
И потѣхи зрадливи свѣта всѣ плачливи!
На что мене нещастну так долго держали,
Когда мено так тяжким смутком карать мали?
Чему мене первѣе черв не стлила в гробѣ,
Или мать не растлила во своей утробѣ!

[1] похорон

СЛОВНИК СТАРИХ І НЕЗРОЗУМІЛИХ СЛІВ

абисмо (абы + есмо) — щоб ми
абіе — зараз, відразу
абовѣм, альбовѣм — бо, через те що
абысь (абы + еси) щоб ти
авва — отець; ігумен
азаж — хіба
азалі — хіба, певже, мабуть
аз, яз — я
аки, акы — як
албо — або, чи
алмужна — див. ялмужна
амо, аможе — куди
аплѣковати — застосовувати, прикладати
артыкул — стаття, член
арцибискуп — архієпіскоп
ач — хоч, незважаючи на
аче — хоч, якщо
аще — коли, якщо

бавиться — баритися
балвохвалство — ідолопоклонство
барва — лівреї
барзо — дуже
безецник — негідник, нечестивець
биріч — вістун
бискуп — єпіскоп
блюстися — остерігатися
бовѣм — бо, тому що
боголишь — юродовий, нерозумний
божьница — церква, каплиця
болма, больма, больми — більше, міцніше, дуже
борзо — швидко, хутко
брань — бійка, війна
братися — боротися, змагатися
брашно — страва
бречка — брага
брмѣти — звучати, гриміти, ширитися
бронь — зброя
буесть — зарозумілість, сміливість
буій, буий — сміливий; зухвалий, дурний
буйство — сміливість; простота; невігластво
буфон, *лат.* bufo — жаба
бѣдити — переконувати
бѣдьный — тяжкий, важкий

валечний — сміливий, завзятий, воїовничий
валка — боротьба, війна, битва
валчити — воювати
вандровать — мандрувати
вапа, ван — фарба
варовать — забезпечувати
васнь — гнів, свара, ворожнеча
вашмосць — *скороч.*: ваша милість
вборзѣ, въбързѣ — скоро, незабаром
ведлуг, ведлѣ, вдлуг — згідно з чим; за, по
вежа, вѣжа — башта, шатро; *мн.* вѣжѣ — стан
везене — ув'язнення
велбуд — верблюд
велебный — гідний хвали; преподобний *(титул дух. осіб)*
велце — дуже, вельми, щиро
венат (*лат.* venator) — мисливець
вередити — пошкоджувати
весь — село; місцевість
вжды — адже; принаймні; однак; коли
взгарда — зневага, погорда
взрок — зір, погляд
взыскати — знайти, шукати
вина — причина
виншовать — бажати
витати — жити, проживати
вія — широкий двогострий меч
внити — увійти

водлѣ — *див.* ведлуг
волати — кликати, кричати
вонтпити — сумніватися
вонь, вънь — в нього
воня — запах, аромат
востягнутися — здержатися, утриматися
вотовати — подати голос (за кого, за що)
врыхлѣ — незабаром
врѣдумие — безумство, шкідлива думка
вспаняялый — пишний, величний, благородний, витончений
вспирати — допомагати, підтримувати
встеклый — шалений, несамовитий
втсупок — початок
всуе — даремно
вшак — адже, хіба, проте
вшелкій, вшелякій — всякий
вшетечество — розбещеність, розпуста
вшетечник — розпусник
вшетечный — розпусний
възбъпути — збудити
въину — *див.* выну
выборный — прекрасний, чудовий
выдок, вѣдок, видок — вид, видовище
выличати — перелічувати
вымаглевати — викатати *(про білизну)*
вымотати — розплутати, розтлумачити, роз'яснити
выналѣзок — винахід
выну, въину — завжди
выринутися — вирватися, кинутися
высиленье — знемога
выспрь — вгору
выступок — злочин, правопорушення
выцвѣчоный — освічений, досконалий
выя — шия
вѣзерунк — виявлення, зображення, візерунок

гды, кеды — коли, як
гдыбы — коли б
гелм — шолом
герцовник — єдиноборець
глагол — слово, мова
глуздити — бити
гмах — дім, будівля
гмѣна — громада, община
гобзовати — наповнювати багатством, достатком, розкошувати
гобино — достаток, розкіш
год — *(іноді)* час, строк
гойний — багатий, щедрий
голдовати — бути в залежності, коритися, слухатися; годитися
гонзати — (в)тікати
гонитва — перегони, змагання
гонькнути — втекти, врятуватися; позбутися, уникнути
горазд(-ый) — вмілий, розумний
горливый — щирий, пильний, старанний, дбайливий
горній — горішній, небесний
городница — частина міської стіни
гость — купець *(іноді)*
гречи — гарно, вдало
гривна — намисто; обруч
гридница — покій у великокнязівському палаці, де збиралася дружина князя
гридь — князівський воїн

да — хай, нехай
дебрь — гірський схил; ліс, яр
деля, дѣля, дяля — для, ради
демьстик, деместик — заспівувач у церковному хорі
десница — права рука
десный — правий
деспект — зневага, образа
джида— легкий спис
дигнитар — сановник
дигнитарство — сан
дидаскал — учитель, учена людина
діаріуш — щоденник
днесь — сьогодні
доблій — гарний, доблесний
довтип, довтѣп, довцип — дотеп, дотепність, розум
доискатися — добути; дошукатися
долегать — докучати, турбувати, чинити прикрість
доловь — додолу, вниз
доматур — домосід
домови, домовь — додому
донде, дондеже — доки
донелѣ, донелѣже — доки, поки
доправити — доставити, приставити
досвѣдчать — пробувати, випробовувати
дошпира — дочиста
дуфати — покладатися, сподіватися, довіряти
дщерь — дочка
дышкурс — розмова
дѣлатель — землероб
дѣлность — відвага, стійкість
дѣля — для, ради
дѣтель — дія, справа

евфонія — милозвучність
ев(у)харистія — причастя
егда — коли
еда — хіба, а то, як би не
еднак — однак, проте
елико — скільки, що
емляти — збирати
ено — тільки, лише
епистолія — послання
етер — другий; якийсь; хтось

жаковати — грабувати
же — що; але, а, та, бо; тоді, то; таки
жебы — щоб, коли б, якби
жебысь — щоб ти

жегліовати — плавати *(в морі)*
жегляр — моряк
жегнатися — прощатися; хреститися
живот — життя; майно, добро
жирный — багатий, щедрий
жолнѣр — вояк
жрати — приносити жертви
жродло — джерело; початок
жюковина, жуковина — перстень

забрало — міське укріплення, стіна
заверзати, завергнути — закидати, закинути
заволаный — знаменитий, славетний
заволати — загукати, покликати
заисте — дійсно, справді
закавраш — вилога, одворот рукава
законник — монах
залезти — знайти, придбати
залецати — рекомендувати; радити, ухвалювати
залеценье — рекомендація
зане — бо, тому що
заправятися — спробувати себе, взнати з досвіду
запрѣться — затятися, відпертися
зароченіе — зарікання
зась — але, а, же
заутра — на другий день
зафрасовать — засмутити
зацный — гідний поваги, благородний, значний
збавене, збавленье — визволення, порятунок
збытный — зайвий, надмірний
зви(ѣ)тяженый — переможений
зви(ѣ)тяжить — перемагати
зви(ѣ)тяжство, звитязтво — перемога
звлаща — особливо, головним чином, найбільше
звонтпити — перелякатися, занепасти духом, втратити надію
звягати — лаятись, уїдатись
згола — цілком, зовсім, коротко кажучи
здраіца — зрадник
здумѣніе, здумѣне — здивування
зезволить — погодитися, пристати
зелживость — ганьба, сором
земка — земляк
златица — гріш
злицати, злѣтити — покладати, доручати
змаменник — ошуканець
знагла — несподівано, раптом
зъе(о)дночене — унія; спілка
зѣлный — сильний, великий
зѣло — дуже

и — його, він
иде, идеже — де
иж — що
иже, яже, еже — який, яка, яке
израда — зрада
ило — скільки, настільки
имати — полонити, брати
ино — так, то
интенція — намір, мета
интрата — прибуток
искусити — спробувати
исполчитис(ь) — стати в бойовий порядок
истязати — випитувати; спитати

казане — проповідь
казнодѣя — проповідник
калугер — монах
камо — куди
кашгелян — управитель замка; сановник, що засідав у польському сеймі
квестія — питання
кир — титул вищих духовних сановників
клейнот — дорогоцінність; атрибути влади, регалії, дворянський герб *(іноді)*
клюба — лещата
клюка — хитрощі, облуда
ключитися — трапитися, статися
ключь — стерно, кермо
кметь — дружинник, воїн
кобель — ківш, корець; певна міра сипких тіл
коберец — килим
кокот — півень
кокошь — квочка; півень
колвек *(частка)* — небудь
колми, кольми — наскільки
комара — склепіння
кондиція — договір; служба, посада
кондяк — дяк-учитель у церковній школі
коноба, конобь — кінва, миска
контентоватися — задовольнятися
концепт — дотеп, дотепний вислів; проект; винахідливість
котва — кітва, якір
котора — розлад, розбрат
кошула — сорочка
кояр — попона
крамола — підступ, повстання
крин — лілія
кров — захований скарб
кромѣ — геть, окремо, без
кубара — корабель
куна — залізна скоба в притворі церкви, куди вкладали і замикали руку жінки, що порушувала правила моралі; взагалі — місце арешту
куншт (*польське* kunszt) — уміліcть, мистецтво, жартівливий твір
купно — разом, спільно
курчитися — корчитися, стягатися

латво — легко
латвый — легкий, нетрудний
латки — горщики

лацно — легко, зручно
лестити, льстити — обманути, обдурити
лесть, льсть — обман, лукавство
лестьно, льстьно— облесно, обманно
леч(ь) — але
либой, любой — либонь
лик — хор
литость — жаль, співчуття
лишений — низький, нещасний, безсилий, той, що потребує
лоб — череп
ложница — ложе; спальня
луда — верхній одяг, плащ
лукно — діжечка
лѣпо — добре, гаразд
лѣпый — гарний, прекрасний
лѣторасль — росток; потомство
лѣчець — лікар
люб — або
лямент — плач; голосіння

малженство — шлюб
малжонка — жінка, дружина
матляти — шахрувати, дурити
матня — сіть
медіатор — посередник
медуша — комора, льох для меду
медци, межю — між
менжне — сміливо, мужньо
менздство — сила, відвага, мужність
мечетный — уявний, примарний
мечтаніе — мана, спокуса
мзда — нагорода, відплата
мистр — магістр
мнимане(-ье) — думка, міркування
мниманый — мнимий, уявлюваний
мнимати — думати, міркувати; безпідставно бундючитись
мнити — думати, гадати
мних — монах
мовь — миття
молва — шум, хвилювання, метушня
моцар — володар, вельможа, пан; силач
мусія — мозаїка
мѣдница — *(іноді)* таз; дрібна монета
мяновати — іменувати

набоженство — церковна відправа
набъдѣти — клопотатися, помагати, брати
набыток — набуток, придбання; прибуток
нава — корабель
навалность — бурхливість, буря, напасть нападу
навъклир — хазяїн корабля, керманич
назбыт — занадто, надмірно
наказаніе — наука, напутіння
налѣзти(-сти) — знайти, зустрі(ну)ти; (з)добути, придбати
направа — виправлення, відновлення, лагодження
напрасный — раптовий, швидкий; жорстокий
напрод — вперед, поперше
напрочь, напрочьне — насупроти, навпроти
нарочитый — видатний, значний
насад — судно
настольник — спадкоємець; начальник
нашинец — один з наших, свій
наятися — набратись
небачний — необачний, нерозважливий
невѣголос — невіглас
негдысь — колись, раніше
негли, негъли, некли, нѣкли — ніж, чим; щоб; можливо; невже
недуфанье — недовірливість, непевність
неже — ніж
некшталтовный — потворний
нелацно — нелегко, тяжко
неледаякій — не абиякий, особливий
неледаяко — нелегко, незвичайно
нелѣпый — негарний
немаль — майже; мало не...; ледве
нендза— бідність, убогість
нендзник — бідняк; негідник
нензный — бідний, жалюгідний
непремѣнный — незмінний
непцевати — гадати, розмірковувати; не звертати уваги
несмертелность — безсмертя
нестатечный — несталий, мінливий, зрадливий
ниже — також, і
ницовати — перекручувати
нудити — спонукати
нужа — насильство
нуждьник — той, хто вживає зусилля
нужею — силоміць
нужный — трудний, тяжкий, сумний
нѣгды — ніколи
нѣгдысь, негдысь— колись
нѣсть — немає

об он пол — по тім боці
обаче — однак, проте
обачити — вбачати, помічати, дивитися, роздивлятися
облапити — обняти
облюбеница — наречена
обухати — овіяти запахом
обфитый — достатній, багатий
обцовати — знайомитися, знатися, мати зв'язок
обѣзы, обезы — абхазці
обѣситися — повіснути
овамо — туди, там
ово — ось
овогда — іноді
овшем — звичайно, справді, без сумніву
овый — цей, той, інший
оград — сад

одва — ледве, наспу
одваженя — риск, піддавання себе небезпеці
одесную — праворуч
одлеглый — віддалений, дальній
одрина — сінник, хата
одробина — крихта, частка
оже — що, якщо; тому що; коли
ожели — коли, якщо
оземьствовати — вигнати, заслати; іти з своєї землі
ойчизна — батьківщина
оказалость — пишнота; зовнішність
окрутный — жорстокий, лютий
окрут — корабель
оле — о, ох *(вигук)*
оли — тільки
ольбрим — велетень
он — той
онагрик — ослик
опатрить — постачити, наділити
опока — скеля
ополонитися — набрати полонених
оправливати — судити
опресѣя — утиски
ординанс — наказ; ординарець
орудіе — діло, справа
оскорбитися — засмутитись
осочити — знайти
отврѣсти — відкрити, відчинити
отній — батьківський
отправовати — виконувати, чинити, робити
отригнути — вимовити, сказати
отрок — слуга, дружинник, воїн
отхлань — безодня
отъинудь — дуже, незвичайно
офѣровати — жертвувати, давати в жертву
охабитися — покинути; перестати, утриматися; відсторонитися, віддалитися
опуюю — ліворуч

паки — знов, ще
пакость — шкода
пакыбытіе, пакыестьво — воскресіння, відродження
палоб, палуб — повозка
панство — *(іноді)* держава
папе(ѣ)жский — папський
папе(ѣ)ж — папа римський
пардус — барс
паче — більше, краще
певг — сосна
пе(іе)нкный — добрий, гарний
перевѣсище — місце для полювання на птахів сітями
перенцовати — перекрутити
персть, пьрсть — пил, порох, земля, тіло
плотный — тілесний
пляц — площа; поле битви; сцена
повстягливый — витриманий, соромливий
погамувати — втихомирити, приборкати
поганый — язичник
погреб — похорон
подвигнутися — зрушитися; спрямуватися, кинутися; потрудитися, вчинити подвиг
подиме — селянський двір, хата; тягло
подобенство — подібність; притча
пожегнать — благословити; попрощатися
пожиток — користь
пожрѣти — принести жертву
позор — видовище
позорище — видовище; зборище
позосталый — останній
покосный — *(про вітер)* сприятливий
полероватися — очищатися
полецати — доручати
полк — похід
полчище, пълчище — стан, поле бою
поне(ѣ) — хоча б, принаймні; тому що
поневаж — бо, через те що
понос — зневага, знущання, ганьба
поохритатися — підсміюватися, сердитися
поприще — міра довжини, стадія *(1000 кроків)*
попудливость — поспішність; запальність, роздратованість
порвать — схопити
порок — стінобитне знаряддя
порты — одяг
порѣватися — намагатися; бути тіснимим; бути спонукуваним
послух — свідок
послѣди — згодом, потім
посполитовати — знатися
посполу — вкупі, разом, поруч
посягнути — вийти заміж; замислити зло, спокуситися
потва(о)рный — лихослівний, наклепницький, обмовний; огидний
потвар — наклеп
потенжне — міцно, сміливо
потентат — начальник, власник
потомный — майбутній
потороча — примара, страховище
потуха — надія, сподівання
потягнути — рушити, вирушити
потяжьбьный — той, що осміює
поухати — понюхати
поущати — спонукувати, заохочувати, переконувати
похаб — юродивий
похлѣбство — лестощі, підлещування
похухнание — осміяння
почаяти — ждати; сподіватися
пояти — взяти
праве — майже
пребачити — забути; пробачити
превелебный — преосвященний *(титул архієрея)*

преди — спереду, наперед
предся, предсе — тому що; проте
предъспѣяти — мати успіх
презвутер — священик
през — через
пре(ѣ)излиха — багато, безмірно
прелестный — обманний, спокусливий
прелесть — обман, спокуса
преложеніе — перехід
преложенство — начальство, настоятельство (*церковне*)
преложоный — правитель, начальник
препирати — переконувати, спростовувати
прето — через те що; отже
прибыток — скінія; церква; намет
привлащать — привласнювати; захоплювати
прикуп — прибуток
призволене — дозвіл, допущення
прилбица — шолом, забрало
приправа — зброя
присадити — насадити, запровадити
присно, присъно — завжди, постійно
приспа — насип, вал
пристроити — спорядити, приготувати (*військо*)
пристряпати — спорядитися
пристя — пришестя, прихід
присѣка — рід сокири
притомити — знесилити
притомность — присутність
притомный — присутній
приточити — навести як доказ, послатися
провент — прибуток (*земельний*)
продковать — іти вперед, вести перед
прозябать — зростати
прожный — марний, даремний
прок — решта
проѣжчка — поїздка
прудьный (меч) — тупий
пря — спір
пуща — пустеля; пуща
пѣнежный — грошовий
пято(ъ)к — п'ятниця

рабовати — грабувати
работа — рабство
раз — удар
развѣ — крім
рамо — плече
рамяно — дуже, сильно, швидко
рачей — радше, краще
рачитель — прихильник, дбайливець; коханець
рачити — любити, дбати, хотіти, погоджуватися, звоювати
ревновати — змагатися; турбуватися, ворогувати; наслідувати
рейментар — командуючий військом
рещи — сказати, говорити
риза — одяг
ринштук (пол. rynsztunek) — військовий обоз, зброя
рихло, рыхло — швидко
рогозина — рогожа
рожаї — плід, утвір; народження; природа
роковщини — річний збір попа з парафіян
роскошник — плотолюбець
ростырк — розбрат, незгода
росытити — розбавляти
рота — присяга
ругатися — глузувати, зневажати
руговать — чинити допит, слідство; виганяти, виживати з дому
рыбитва — рибалка
рыдель — рицар; слуга, зброєносець
рѣч посполитая (*лат.* res publica) — держава

сакрамент — тайна; причастя
салос — юродивий
свершеный, съвьршеный — повний; досконалий, справжній, дорослий
свирити — грати на сопілці
свита — рід одягу, свита
связень, съвязьнь — в'язень, полонений
святобливый — святий, правдивий
сде, сьде, сдѣ — тут; тепер
се — ось
сестричичь — син сестри
сирѣчь — тобто
сице — так
сицевый — такий
скаре(ѣ)дыи — огидний, нечистий
скважити — смажити
ске(ѣ)паніе— ламання, розбивання, вщент
скора — шкіра
скураный — шкіряний
скутком — внаслідок; згодом
скуток — справа; наслідок; успіх
сличне — добре, гарно
сличный — добрий, гарний, чудовий
слонце — сонце
смок — змій, дракон
смыслен — розумний
смятеніе — усобиця, сварка
снадный — легкий, зручний
снятися — зібратися, з'єднатися, зустрінутися, з'їхатись
совѣчати, съвѣчати — умовитися, рішити
сол, съл — посол
сонм, съньм — зібрання
сочиво — зерна сочевиці
спира — загін
сполеровати — очистити
сполечне — спільно, разом
сполъненье — скінчення, знищення
спросный — безсоромний, розпусний, грубий

спуд — посудина; хлібна міра
сребреница — срібна монета
срогій — жорстокий, лютий
сромотне — ганебне
статечность — міць, твердість, постійність
стація — зупинка, стоянка
стисковати — нарікати, тужити
стогна — площа, вулиця
стомах — шлунок
страсти — страждання, мука, хвороба, пристрасть, порок
строскати — стурбувати, засмутити
стружіе — спис
стрый, стръй, строі — дядько, батьків брат
стряпати — баритися, полагоджувати справу
студа, студ — сором
студен(ь)ство — холод
студень — холод
студный — огидний, безсоромний
студня — колодязь, криниця
стягатися — стосувати (до) чого
стязаніе — спір, суперечка
стязати, сътязати — вимагати
суплика, суплека — скарга, прохання
супостат — ворог
съдумати — обдумати, обміркувати; уявити
снабъдѣтися — сховатися
сънузьник, сънузьньник — вершник
съсути — насипати, зсипати
сыновець — племінник, син брата
сѣмо — сюди
сѣмо и овамо — туди й сюди
сѣнь — тінь; шатро

таже — потім
таі — потай
таль — заложник
тарча — щит
таче — потім; однак; так, також; і, а
тенскливе — смутна, тривожно
теребити, требити, трѣбити — розчищати
тертица — дошка
течи, тещи — прагнути
тижба, тичба — натовп
ткати — втикати; накидати (*перенос.*)
тма, тьма — численність, сила
товар — стан; табір; обоз; майно, товар
токмо — тільки
толикій — такий
тлъковин — іноземець
тольми — так, настільки
торгати — порушувати
точію, тъчію — тільки
трапене — терзання, мука
трапить — терзати
тре(ѣ)бити — розчищати
трудоватый — прокажений
трутизна — отрута
тупе — даремно
тъ — той
тщаніе — старання; поспішність; щирість
тъщій — порожній, марний

убо — же, отже, так
углебнути — загрузнути, застрягти
угонзнути — втекти; уникнути, врятуватися
уд — член
уже — вірьовка
ужика, ужик — родич
ужище — вірьовка, канат
узорочье — прикрашені візерунками дорогоцінні речі, тканини
уї — дядько, материн брат
уклад — данина
уклѣтитися — влаштуватися нашвидку, так-сяк
уклюнути — ужалити
умный — уявний, в думках, розумовий
умотати — заплутати, утруднити
умѣтность — мудрість, уміння, знання, наука
уне — краще, ліпше; відносно
унота — юнак
уноша — юнак
уный — юний
уньць — телець, бичок
уполошитися — боятися
упоминок — подарунок на пам'ять; застереження
ускромить — приборкати
усмяный — шкіряний
усніе — шкіра
успѣти — досягти, допомогти, принести користь
уставичне — завжди, постійно
уставичный — постійний, повсякчасний, безперервний
усумнѣтися — засумніватися, злякатися
усъпнути — заснути, вмерти
утрапенье — страждання, мука, утиски
утьрпати — слабнути, страждати
уфати — сподіватися, надіятися
уфундовати — заснувати
учтивость — чесність; пристойність; повага, доброчинність
узявити — поранити

фарь, фарижь — кінь
фатига — втома, стомленість
фигловати — пустувати, виробляти штуки
фолговати — давати пільгу, жаліти
фрасуватися — тужити, засмучуватися
фрасунок — сум, скорбота, туга
фундовати — засновувати

харалужний — булатний, стальний
хендоження — чищення, чистка

хентный, хентливый — охочий, схильний, працьовитий
храм — кімната, дім, церква
худогый — вмілий, вправний; гарний
хы(и)трость — мистецтво, вміння, знання; розум; лукавство
хытрый — вправний, вчений, мудрий

цвѣтный — заструплений
цвѣ(и)ченіе — вправа; заняття, праця, навчання, напутіння
цнота — чеснота
цный — чесний, благородний
цорка, цурка — дочка
цѣжь — розчин
цѣловати — вітати
цѣловати крест — заприсягатись
цвѣрь — сірка

чамбул — наскок, набіг; загін кінноти для набігу
чвораким — з чотирма кінцями
челядь — раби, слуги
червии — черевики
червленый, черленый — червоний
чресла — поперек, стан; утроба; рід, покоління
чюм — ківш

шанцовать — рити шанці, окопи
шататися — блукати; хвилюватися, хвалитися
шатно — пишно, нарядно
шата — одяг
шафовати — керувати, розпоряджатися
шафунок — керування, розпорядження
шацовать — цінити, оцінювати
шванковать — страждати, помилятись, хитатися
шевлюга — крутій, дурисвіт, ошуканець
шедивость — сивина, старість
шеломя, шоломя — гора, горб
шидерство — глузування
шидити — знущатися, насміхатися, глузувати
шипок — троянда; гранатове дерево, яблуко
шпетность — потворність, гидота
шпетный — потворний, гидкий
шуий — лівий
шуйца, шюйца — ліва рука

щекарство — лайка

юже, южесь — уже
южика, ужика — родич
юртгельт (пол. jurgielt) — річне утримання
юха — вивар, суп, соус, юшка

ядра, ядро — надра
язвен — поранений
язвити — ранити
яко — що; через те що, щоб
ялмужна — милостиня
яскиня — печера; могила
яти — взяти, брати

ЗМІСТ

Передмова до першого видання 3
З передмови до другого видання 5
Передмова редактора до третього видання 5

Література Київської Русі та доби феодальної роздробленості (XI—XIV ст.)

Найдавніші пам'ятки писемності . . 9
«Изборники» Святослава . . . 9
Літописи 13
Початковий літопис 13
Київський літопис 33
Ораторська проза 44
Іларіон 44
Кирил Туровський 47
Слово про князів 50
Житійна література 53
Сказаніє про Бориса і Гліба . . 53
Києво-Печерський Патерик . . 62
«Хожденіе» ігумена Даніїла 76
«Поученіе» Володимира Мономаха . 79
Слово о полку Ігоревім 84
Галицько-Волинський літопис . . . 97

Література XV — першої половини XVII ст.

Сказаніє про Мамаєве побоїще . . 109
Полемічна і богословська література. 112
Герасим Смотрицький 112
Апокрисис 118
Іван Вишенський 123
«Пересторога» 155
Мелетій Смотрицький 162
Захарія Копистенський 168
Кирил Транквіліон Ставровецький 173
Віршова література XVI—XVII ст. 176
Стефан воєвода 179
Пісня про козака і Кулину . 179
Хронологія Андрія Римші . . 181
«Вѣзерунк цнот Елисея Плетенецкого» 182
«Грамматика» Мелетія Смотрицького 186
«Лямент» 187
«Евхаристіріон албо вдячность» 191
«Евфоніа веселобрмячаа» . . 192
Кирил Транквіліон. «Перло многоцѣнное» 195
Драматична література 199
Різдвяні вірші Памви Беринди 200
Вірші Касіяна Саковича на погреб Сагайдачного . . . 203
«Размышлян'е о муцѣ Іоанникіа Волковича» 207
Інтермедії до драми Я. Гаватовича 208
«Слово о збуреню пекла» . . 220

Література другої половини XVII — початку XVIII ст.

Віршова література 235
Історичні вірші 236
Климентій Зіновієв 242
Іоан Величковський 254
Іоан Максимович 259

Драматична література XVII — поч. XVIII ст. 262
«Царство натури людской» . . . 263
Драма про Олексія 287

Церковно-ораторська і повістева проза 307
Іоаннікій Галятовський . . . 307
Лазар Баранович 318
Антоній Радивиловський . . . 321
Димитрій Туптало 327

Історико-церковна проза 332
Синопсис 332

Полемічна література 335
Михайло Андрелла 335

Історико-мемуарна проза XVII—XVIII ст. 344
Літопис Самовидця 345
Літопис Грабянки 359
Літопис Величка 369
Щоденник Якова Марковича . 373

Література XVIII ст.

Драматична література 379
«Владимир» Ф. Прокоповича . . 379
«Іосиф патріарха» Л. Горки . . 397
«Милость божія» 410
«Трагедіа о смерти Уроша Пятого» М. Козачинського . . . 426
«Комическое дѣйствіе» М. Довгалевського 437
«Воскресеніе мертвых» Г. Конисського 448
«Разговор Великороссіи с Малороссіей» С. Дівовича 465
Інтермедії до п'єс М. Довгалевського і Г. Конисського . . . 483
Вертепна драма 506

Лірична поезія 520
Феофан Прокопович. «Епиникион» 521
Анонімні вірші з часів шведської інтервенції 523
Александр Падальський. «Пѣснь о свѣтѣ» 524
Анонімні пісні 526

Бурлескні вірші і діалоги 533
Різдвяні вірші 534
Великодні вірші 536
«Проліог на воскресеніе Христово» 542
«Діалога, ілі разговор пастырей» 546
«Вѣрши нищенские утѣшние» 548
«Вѣрш нищенский хороший и смѣшний» 550
«Вѣршѣ нищенскіе рознѣ» . 551
Додаток: Автобіографія Іллі Турчиновського 552

Жартівливі і сатиричні віршовані оповідання 557
Сатирична вірша 1786 року . 558
Отець Негребецький 561
Пекельний Марко 567
Вірша про Кирика 573

Сатира 576
«Плач киевских монахов» . . 577
Сатиричний вірш «1764 года». 584
«Доказательства Хама Данилея Куксы потомствены» . 591
«Отвѣт малоросійских козаков» 592
«Лѣкарство на болящих немощію пьянства» 594
Іван Пастелій. «Пѣснь Пастелія» 595

Вірші І. Некрашевича 596

Г. С. Сковорода 611
«Сад божественных пѣсней» . 612
«O delicati blanda ets» . . 617
«Похвала астрономіи» . . . 618
«De libertate» 618
«Oda Horatiana 618
«Разговор о премудрости» . . 619
«Fabula» 621
«Fabula de Tantalo» 621
«Басни харьковскія» 622
«Разговор дружеский о душевном мирѣ» 631
«Алфавит или букварь мира». 632
«Брань архистратига Михаила со сатаною» 634
«Израилскій змій» 635
«Наркісс» 636
Історія Русів 638

Перекладна література візантійсько-слов'янського походження

Апокрифи 663
Оповідання про бунт Люципера і ангелів 664
Про Ламеха, нащадка третього сина Адамового Сіфа . . . 666
Оповідання про Соломона . . 666
«Хожденіе Богородицы по мукам» 670
Житійна література 675
Житіє Антонія Великого . . . 675
Житіє Василія Нового 680
Житіє Андрія Юродивого . . . 688

Патерики 693
«Лимонар» Іоана Моска . . . 694

Повісті 699
Александрія 700
Варлаам та Іоасаф 706
Сказаніє про індійське царство . 712
Пчела 714

Перекладна література західного походження

Повісті 719
Повість про Троянську війну . 719
Повість про Бову Королевича. . 728
Повість про сім мудреців . . . 740
Велике зерцало 744
Римські діяння 749
Повість про Петра Золоті Ключі 754
Новела Бокаччо в українському переказі 760

Словник старих і незрозумілих слів 773

Художнє оформлення *В. Д. Квітки*

Хрестоматия древней украинской литературы
(на украинском языке)

Издательство «Радянська школа»
Комитета по печати при Совете
Министров Украинской ССР

Редактор *Н. Б. Махлін*
Художній редактор *Ю. І. Золотов*
Технічний редактор *Н. К. Волкова*
Коректор *Л. Фалінська*

Здано до набору 19/IV 1966 р. Підписано до друку 5/XI 1966 р. Папір 70 × 100¹/₁₆. Папір № 1. Умовн. арк. 63,7. видавн. арк. 54,07.
Тираж 22 000. БФ 05997.

Видавництво «Радянська школа»
Комітету по пресі при Раді Міністрів
Української РСР. Київ,
вул. Юрія Коцюбинського, 5.
Видавн. № 17768. Ціна 1 крб. 73 коп.

Книжкова фабрика ім. Фрунзе Комітету
по пресі при Раді Міністрів УРСР,
Харків, Донець-Захаржевська, 6/8.